

В. А. АЧКАСОВ, С. А. ЛАНЦОВ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УЧЕБНИК

The cover features a central illustration of a globe with a bright sun or starburst effect. The globe is partially wrapped in a collage of national flags, including the United States, the United Kingdom, and the Russian Federation. The background is a deep blue with a subtle pattern of stars.

В. А. АЧКАСОВ, С. А. ЛАНЦОВ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*Допущено УМО по классическому университетскому
образованию в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению подготовки ВПО
030200 — «Политология»*

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2011

УДК 327
ББК 66.4
А97

Рецензенты:

доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой факультета
международных отношений СПбГУ *С. М. Виноградова*;
доктор философских наук, профессор *П. А. Цыганков*

Ачкасов В. А., Ланцов С. А.

А97 Мировая политика и международные отношения: Учебник / В. А. Ачкасов,
С. А. Ланцов. — М.: Аспект Пресс, 2011. — 480 с.

ISBN 978–5–7567–0618–5

В учебнике рассматриваются актуальные вопросы теории и практики современных международных отношений и мировой политики. Он состоит из трех частей. В первой части анализируются этапы развития теории международных отношений. Дается обзор теоретических дискуссий по проблемам международных отношений после окончания «холодной войны». Характеризуется система и структура современных международных отношений. Во второй части представлен анализ проблемы современной мировой политики. В третьей — анализируются основные проблемы международных отношений в контексте внешней политики современной России.

Для студентов, обучающихся по направлениям «Политология» («Мировая политика и международные отношения»); «Связи с общественностью» («Современные международные отношения»); «Международные отношения» и «Регионоведение» («Основы теории международных отношений»); «Социология» («Социология международных отношений»), аспирантов, преподавателей гуманитарных вузов, специалистов, занимающихся изучением международных политических процессов.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978–5–7567–0618–5

© Ачкасов В. А., Ланцов С. А., 2011
© Оформление. ЗАО Издательство
«Аспект Пресс», 2011

Учебник
Ачкасов Валерий Алексеевич
Ланцов Сергей Алексеевич

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ведущий редактор *Л. Н. Шипова*. Корректоры *А. А. Баранова*, *Т. Я. Шальнева*.
Художник *Д. А. Сенчагов*. Компьютерная верстка *С. А. Артемьевой*.

Подписано к печати 30.03.2011. Формат 60x90^{1/16}. Гарнитура «NewtonС».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30. Тираж 1600 экз. Заказ № 5371.

ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 111141, Москва, Зеленый проспект, д. 8.
E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru.
Тел.: (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале XXI в. в мире происходят радикальные изменения. Преобладающей тенденцией мирового развития стала глобализация. Процесс глобализации обусловлен технологическими сдвигами, изменениями в области транспортных и информационных коммуникаций. Начавшись в экономической сфере, глобализация охватила практически все сферы общественной жизни. В современном мире, с одной стороны, возрастает взаимозависимость различных стран и регионов, исчезают разделявшие их барьеры, с другой — усиливается разрыв между богатыми и бедными государствами, обостряются социально-экономические, этнокультурные и политические противоречия внутри государств. Угрозы, с которыми сталкивалось человечество в годы «холодной войны», отошли на задний план, но не исчезли вовсе. В то же время появились новые проблемы, поэтому обеспечение всеобщей безопасности требует новых подходов и нового уровня межгосударственного взаимодействия. В такой международной ситуации Россия после распада СССР заново формировала свою внешнюю политику и искала место в современном мире.

Этот поиск был непростым, сопровождался ошибками и даже неудачами на международной арене. Внутри страны проблемы международных отношений и внешней политики находились в центре острых дискуссий. В ходе таких дискуссий часто обнаруживался дефицит знаний по проблемам международной политики у многих представителей российской общественности и российской политической элиты. Кроме прочего, это можно объяснить и тем, что в советский период единственной теоретико-методологической основой изучения международных отношений был марксизм-ленинизм. По мере того как авторитет коммунистической идеологии падал, прежние представления о мировых политических процессах размывались и в российском общественном сознании возникал вакуум, заполнявшийся различными случайными и зачастую ненаучными концепциями.

Подготовка специалистов в области политологии, социологии, международных отношений, регионоведения, начавшаяся во многих высших учебных заведениях страны, должна была восполнить недостаток знаний по проблемам мировой политики и международных отношений. Учебные планы этих специальностей предусматривают изучение вопросов теории и практики современных международных отношений. Подобные учебные курсы стали изучаться также на исторических и других гуманитарных факультетах вузов. Существенным препятствием в подготовке такого рода специалистов поначалу было недостаточное число учебных пособий по проблемам международных отношений и мировой политики. В последнее время ситуация измени-

лась к лучшему. Появились учебники и учебные пособия А. Д. Богатурова, П. А. Цыганкова, М. М. Лебелевой, Н. А. Косолапова и других авторов, коллективные издания. Однако работ, которые одновременно охватывали бы разнообразные аспекты теории международных отношений, практические проблемы международной политики, внешнеполитической деятельности России и ее отношений с различными странами и регионами современного мира, все же недостаточно.

Предлагаемый учебник написан с учетом опыта преподавания курса «Мировая политика и международные отношения», а также других общих и специальных курсов для студентов Санкт-Петербургского государственного университета, высших учебных заведений Санкт-Петербурга и Северо-Запада Российской Федерации.

Учебник состоит из трех частей. В первой части проанализированы основные теоретические концепции международных отношений. Рассмотрен процесс зарождения и развития представлений о международной политике в истории социально-политической мысли. Дается обзор ведущих школ и направлений геополитики. Анализируются этапы развития теории международных отношений. Дается обзор теоретических дискуссий по проблемам международных отношений после окончания «холодной войны». Характеризуется система и структура современных международных отношений.

Во второй части работы представлен анализ проблем современной мировой политики. Раскрывается сущность процессов глобализации, показывается противоречивость его последствий для различных регионов мира. Дается характеристика глобальных проблем современности и возможных путей их решения. Анализируются традиционный и современный подходы к обеспечению международной безопасности. Рассматриваются проблемы правового регулирования международных отношений и роль международных организаций в мировом политическом процессе.

В третьей части анализируются основные проблемы международных отношений в контексте внешней политики современной России. Характеризуется ситуация, складывающаяся в различных регионах мира. Анализируются проблемы и перспективы развития отношений России со странами Западной и Восточной Европы, Северной и Южной Америки, Азии, Африки, государствами СНГ.

Авторы глав:

Ачкасов В. А. — главы 9–12, 19–22;

Ланцов С. А. — предисловие, главы 1–8, 13–18, 23–26.

ЧАСТЬ I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

§ 1. Соотношение категорий «международные отношения», «международная политика» и «мировая политика»

Комплекс социально-гуманитарных наук, изучающих мировые политические процессы, в качестве объекта исследования рассматривает общественные явления, которые последние столетия принято обозначать термином «международные отношения». При более детальном определении предметной области этих наук невозможно обойтись без таких категорий, как «внешняя политика», «международная политика», «мировая политика». Содержание этих категорий, их взаимосвязь и соотношение по-разному понимаются и раскрываются в отечественной и зарубежной литературе. Поэтому следует специально рассмотреть этот вопрос.

Центральное, системообразующее место среди всех вышеназванных категорий принадлежит категории «международные отношения». Анализируя данную категорию, следует иметь в виду, что сам феномен международных отношений не является раз и навсегда застывшим, а постоянно меняется, эволюционирует. Сегодня он не такой, каким был двести или, тем более, две тысячи лет тому назад, а через сто лет будет совсем иным, чем в наши дни. На динамику международных отношений оказывает существенное влияние внешняя — социальная и внесоциальная — среда. Под внесоциальной средой системы международных отношений принято понимать то, что существовало до появления человека и человеческого общества. Это — природа в ее первоначальном, не затронутом внешним воздействием виде, представляющая объект изучения геологии, географии, метеорологии, экологии и т.д. Там, где влияние внесоциальной среды на международные отношения особенно заметно, на стыке гуманитарных и естественно-научных дисциплин, возникают особые, пограничные науки, например геополитика.

По сравнению с темпами развития общества изменение природной среды происходит крайне медленно. Очертания материков и континентов, морей и океанов, расположение рек и горных хребтов остались такими же, как две-три тысячи лет назад. Но сегодня сама внесоциальная среда испытывает воздействие технического и технологического прогресса и, в свою очередь, меняясь, оказывает влияние на международные отношения. Очевидно, что изменение климата или исчерпание того или иного природного ресурса не может не отразиться на экономике и на повседневной жизни людей, тем самым и на отношениях между странами и народами.

Воздействие социальной среды на международные отношения гораздо глубже и динамичнее.

Социальной средой называется все, что появилось вместе с человеком, и то, что определяет жизнь общества. Это — экономика, политика, техника, технология, идеология, культура, религия и т.д.

Авторы известной работы о воздействии внешней среды на международные отношения супруги **Герберт** и **Маргарет Спроуты** привели множество интересных конкретных примеров подобного воздействия. В отличие от XX в., когда многие международные проблемы возможно решать переговорным путем с использованием технических средств без личных контактов между политическими лидерами разных стран, Александр Македонский не мог сделать то же самое, позвонив персидскому царю Дарию по телефону ввиду отсутствия такового. Гитлер, личные убеждения которого допускали использование любых чудовищных средств уничтожения человека, так и не стал обладателем ядерного оружия. Нетрудно себе представить, какими могли бы быть итоги Второй мировой войны, если бы «урановый проект» в Германии был бы доведен до конца. Особое влияние на эволюцию международных отношений в последнее столетие оказало развитие транспортных и информационных технологий.

Вернемся теперь к исходному пункту нашего разговора. Итак, термин «международные отношения» является русскоязычным эквивалентом термина «*international relations*». Этот термин был введен в оборот английским философом **Дж. Бентамом** на рубеже XVIII–XIX вв. Появление данного термина в тот период не случайно, поскольку именно рубеж XVIII–XIX столетий стал важным этапом в эволюции самого феномена международных отношений. К тому времени в Западной Европе окончательно сложилась система суверенных национальных государств. На смену отношениям между царствующими монархами и правящими династиями пришли отношения между государственно организованными народами-нациями. Недаром в западной традиции понятия «нация» и «государство» являются синонимами. Параллельно с формированием наций завершился процесс становления гражданского

общества, подчинившего себе и преобразовавшего в соответствии со своими потребностями государство.

Тогда же оформилась и та модель международных отношений, которая до недавнего времени считалась эталонной и само собой разумеющейся. В соответствии с ней гражданское общество каждой страны наделяло государство всеми полномочиями в области обеспечения национальной безопасности и внешних сношений. Правительство одного государства в соответствии с этими полномочиями вступало в официальные связи с правительством другого государства, и именно по этому каналу осуществлялось большинство взаимосвязей не только между государственными структурами, но и между различными субъектами гражданского общества этих стран. Конечно, частные связи, неопосредованные государством, существовали всегда, но неразвитость транспортных и информационных коммуникаций сильно ограничивала возможности таких связей. Большие расстояния требовали много времени и ресурсов, а государство, в отличие от частных субъектов, могло себе это позволить, и в значительной степени именно государство монополизировало сферу внешних сношений, на долгие времена оставаясь единственным международным актором (*актор* — участник, субъект международных отношений).

Развитие социальной сферы, прогресс транспортных и информационных коммуникаций отразился на экономике и политике. Число взаимосвязей, прежде всего между частными субъектами, в наиболее развитых странах стремительно увеличивалось, причем государство уже не могло и не стремилось их полностью контролировать. Значительно возросло число и роль международных организаций, как правительственных, так и неправительственных, получивших возможность стать в один ряд с государствами как международными акторами. Эти процессы дали основание специалистам говорить о переходе от международных (*international*) к транснациональным (*transnational*) отношениям и даже о «смерти национальных государств» (см. главу 5). Представляется, что переход к новому типу отношений еще не произошел, такой переход, скорее, проявляется как тенденция в наиболее экономически и технологически развитой части современного мира. Но эта тенденция объективно детерминирована и в итоге приведет к «международным отношениям» совсем иного типа, чем те, которые господствовали последние два с половиной столетия.

Но и привычный для нас классический тип международных (*international*) отношений не был первым и единственным в истории. Ему предшествовали несколько более ранних типов, сложившихся в различные исторические эпохи. Очевидно, уже на ранних стадиях развития человеческого общества между первобытными племенами складывались какие-то взаимоотношения. Древние племена соперничали

между собой по поводу территории или других ресурсов или, наоборот, сотрудничали в какой-либо форме. Эти взаимоотношения до появления первых государств не носили политического характера. С возникновением же государств стали складываться новые типы отношений: между государственно неорганизованными племенами и древнейшими государствами, а также между древнейшими государствами. Примеров отношений первого типа в истории немало, достаточно вспомнить многовековую борьбу Западной Римской империи с германскими племенами или Византийской империи со славянскими.

Межгосударственные отношения встречаются в древности гораздо реже, поскольку государства формировались не одновременно и не во всех регионах мира. Постепенно, по мере распространения государственных форм организации, межгосударственный тип отношений между территориально обособленными социумами стал доминирующим, а затем и единственным. Однако это были не классические международные отношения, которые сложились в эпоху национальных государств. В традиционных социумах государство и общество часто существуют параллельно друг другу, почти не пересекаясь во времени и пространстве. Патриархальный крестьянин не отдавал себе отчета в том, в каком государстве он живет и, тем более, какие отношения у этого государства с внешним миром. В традиционном государстве сфера публичной политики была ограничена чрезвычайно узким кругом правящей элиты. А в вопросах внешней политики этот круг, за редким исключением, сужался до одного человека — монарха, персонифицировавшего всю государственную власть в своем лице. Практически все межгосударственные отношения Средневековья выглядели как межличностные отношения между монархами. Воевали между собой не народы, а короли, цари, князья и императоры. Вступали в соглашения, принимали на себя обязательства не государства, а те, кто себя с ними отождествлял.

Современные международные отношения имеют сложную внутреннюю структуру, о которой речь пойдет далее (см. главу 7). Центральное системообразующее место в этой структуре принадлежит международным политическим отношениям. Они зародились вместе с появлением самой политики как общественного явления и основного политического института — государства. Эти отношения складывались в результате реализации каждым из государств собственной внешнеполитической линии, основанной на их собственных («национальных» применительно к эпохе национальных государств) интересах.

Международные политические отношения можно рассматривать и как международную политику — одну из основных сфер мира политических процессов и отношений. Субъектами международной политики изначально выступали государства, коалиции государств, а последние сто с лишним лет также и международные межправительственные ор-

ганизации. В центре международной политики находится борьба государств за власть, т.е. способность в максимальной степени влиять на поведение других международных субъектов в соответствии со своими собственными интересами. Из этого вытекает основная дилемма международных политических отношений — межгосударственный конфликт или межгосударственное сотрудничество. В прошлом она часто выступала в виде главной международной проблемы войны и мира.

Международная политика формировалась и функционировала в локальных и региональных рамках, вплоть до второй половины XIX в. ее глобального уровня не существовало. В Древнем мире параллельно разворачивались конфликты в Европе, Азии, Африке, но между собой они не были взаимосвязаны из-за огромных расстояний между государствами и регионами. Появление глобального уровня международной политики, охватившего все пространство земного шара, связано с завершением процесса превращения мира в единое целое. Начало ему было положено эпохой Великих географических открытий, а завершился он в результате революционных технологических и экономических сдвигов середины XIX столетия. После изобретения парового двигателя и электрических средств связи (телеграф, телефон) появилась возможность преодолевать гигантские расстояния и перемещать огромные объемы грузов, моментально передавать информацию. Развитие транспортных и информационных коммуникаций повлекло за собой экономические, социальные, а затем и политические изменения. Первым и главным следствием революции в области производства, транспорта и связи стало формирование единого мирового хозяйства, в котором колебание экономической конъюнктуры в одной части земного шара сразу же отзывается в других, самых отдаленных его частях.

На базе сложившейся мировой экономики началось формирование и мировой политики. Об этом свидетельствовало и то, что вслед за мировыми экономическими кризисами пришли мировые войны — вооруженные конфликты невиданных и немыслимых ранее масштабов. Термины «мировая политика» и «международная политика» многими авторами употребляются как синонимы. Представляется, что это неверно, мировая политика — это не просто международная политика глобального масштаба. Появление мировой политики стало качественно новым этапом развития всей политической сферы. Мировая политика отличается от международной политики предшествующих столетий и по содержанию проблем, стоящих в ее центре, и по характеру субъектов, действующих в ее рамках.

Традиционные для международной политики проблемы межгосударственных конфликтов и межгосударственного сотрудничества дополнились проблемами выбора путей и целей экономического, социального и политического развития мира. Возникшие во второй по-

ловине XIX в. на базе глобальных политических идеологий (либерализм, консерватизм, социализм и т.д.) международные политические движения стали предлагать свои варианты общественного устройства, а также средств и способов их достижения. Эти движения институционализировались на мировой политической арене как сеть международных неправительственных организаций, тесно связанных с многочисленными партиями, организациями и движениями в отдельных национальных государствах. Граница, разделявшая внутреннюю и внешнюю политику, становилась все более проницаемой, пока в конце XX в. не стала совсем условной. К этому времени особую актуальность для мировой политики приобрела группа проблем, получивших определение глобальных проблем современности: экологическая, демографическая, энергетическая, продовольственная и др. проблемы.

Появление новых проблем в мировом развитии вызвало к жизни множество общественных движений на национальном уровне и новые неправительственные организации на международной арене. Хотя большинство из них при создании не имели политического характера, сложившиеся обстоятельства способствовали их включению в мировой политический процесс, тем самым расширяя число его субъектов.

Мировая политика зародилась и выросла на фундаменте международных отношений и представляет с ним единый и неразрывный комплекс. Однако полного тождества между обеими частями этого комплекса нет. Мировая политика включает и международную политику, но не сводится к ней, она шире по своей проблематике и по числу задействованных в ней субъектов. Международные политические отношения, являясь ведущим и системообразующим элементом структуры международных отношений, не охватывают данную структуру в целом. Международные экономические отношения, входящие в ту же самую структуру, складываются в рамках мировой экономики, которая выступает по отношению к мировой политике в качестве внешней среды.

► Таким образом, взаимосвязь между мировой политикой и международными отношениями весьма сложна и динамична. Это следует учитывать при определении предмета исследования научных дисциплин, изучающих международные проблемы. Для теории международных отношений, как одной из важнейшей из них, предмет исследования может быть определен следующим образом: изучение закономерностей международных отношений как целостной системы, анализ международной политики и внешней политики отдельных государств, анализ динамики и тенденций развития мирового политического процесса и основных направлений деятельности его ведущих субъектов, а также комплексное исследование отдельных вопросов мировой политики. Такое широкое предметное поле и определяет место и роль теории международных отношений в структуре современного гуманитарного знания.

§ 2. Теория международных отношений в структуре социально-гуманитарных наук

Теория международных отношений относится к числу сравнительно молодых обществоведческих дисциплин, хотя ее истоки можно найти в социально-политической мысли прошлых столетий и даже тысячелетий. Поскольку предметная область теории международных отношений — это сфера политики, постольку данная наука относится к области политического знания, более того, до недавнего времени она рассматривалась как один из разделов политической науки.

На начальном этапе развития в современной политологии международной проблематике не уделялось значительного внимания. В работах М. Вебера, Г. Моски, В. Парето и других классиков политической науки рубежа XIX–XX вв. практически нет рассуждений о международных отношениях того периода. Такое положение можно объяснить условиями, в которых происходило становление политологии.

В середине XIX в. в политическом развитии ведущих стран Западной Европы и Северной Америки осуществились серьезные сдвиги. Там сформировались политические системы современного типа, включавшие наряду с государством политические партии, разнообразные группы интересов и другие новые для того времени институты. Одновременно в этих странах окончательно утвердилась парламентская демократия. Избирательный процесс приобретает регулярный и систематический характер. Сфера публичной политики радикально меняется, а у ее субъектов формируются запросы на такие политические знания, которые традиционным для философии или юридических наук путем получить было невозможно. Необходимо готовить кадры для обслуживания политического процесса, для работы в государственных и партийных структурах. Для удовлетворения этих потребностей в ряде университетов создаются кафедры и институты политических наук.

Однако в отличие от внутренней формирование внешней политики продолжалось прежним путем, резко ограничивавшим число субъектов, причастных к принятию внешнеполитических решений. При этом лица, принимающие такие решения, прежде всего использовали собственный опыт и интуицию и лишь в небольшой степени опирались на исторические и международно-правовые знания. Необходимости в специальном анализе международной политики ни в конце XIX в., ни в начале XX в. не ощущалось. Таким образом, «социальный заказ», вызвавший к жизни политическую науку, требовал исследования только проблем внутренней политики и оставлял «за скобками» проблемы международных отношений.

Первая мировая война изменила ситуацию. Эта война приобрела размеры, которые ранее невозможно было представить, и привела к чу-

довишным жертвам и разрушениям. Между тем накануне Первой мировой войны мало кто понимал, что международная политика начала XX столетия существенно отличается от международной политики середины XIX в., не говоря уже о более ранних периодах. Судя по многочисленным мемуарам, многие государственные деятели находились в плену устаревших представлений и суждений и не до конца предвидели последствия принимаемых ими решений.

Итоги и результаты войны подтолкнули политическое и научное сообщество к мысли о необходимости внимательного изучения международных отношений, для того чтобы в будущем не допустить ошибок, следствием которых стала бы подобная катастрофа. Не случайно **термин «теория международных отношений»** возник сразу же после окончания Первой мировой войны. Этот термин был впервые использован в 1919 г. в Уэльсском университете в Эйберсвите (Великобритания), где одна из вновь созданных кафедр была названа в честь американского президента Вудро Вильсона. Эта кафедра должна была обеспечивать преподавание и изучение проблем международных отношений. В 1920–1930-е годы подобные кафедры стали возникать и в некоторых других университетах Запада. Однако, несмотря на появление термина, теория международных отношений как учебная и научная дисциплина в 20–30-е годы XX в. реально так и не сложилась. Отчасти это было связано с трудностями научно-методического характера, но в большей степени с ситуацией, сложившейся в области социально-гуманитарных наук и, в частности, в политологии в межвоенный период.

Первая мировая война дезорганизовала внутреннюю экономическую и политическую жизнь тех западноевропейских стран, которые в ней участвовали. Естественно, военное время было не лучшим периодом для развития наук, тем более социально-гуманитарного профиля. Но и окончание мировой войны не означало для многих государств Европы наступления стабильности. Кризисные явления, вызванные войной, охватили всю Европу. Едва последствия войны стали преодолеваются, начался мировой экономический кризис. Он явился причиной серьезных политических сдвигов в странах Европы. Если непосредственно после окончания войны в них развернулись процессы демократизации, то затем вектор политического развития повернулся в обратную сторону. В ряде европейских стран устанавливаются авторитарные и тоталитарные политические режимы, количество демократических государств резко сокращается. Во второй половине 1930-х годов к таковым можно было отнести лишь североευропейские страны, Великобританию, Францию, а в Восточной Европе — одну Чехословакию.

Любая диктатура несовместима со свободой научного творчества, особенно в области гуманитарных наук, а тем более в политологии. Развитие политической науки в Европе затормозилось, а в некоторых

странах и вовсе было остановлено. Достаточно вспомнить, что фашизм одержал победу в Германии и Италии, которые в начале XX столетия занимали лидирующее положение в сфере социально-политических исследований. В 1930-е годы накануне Второй мировой войны идет массовая миграция ученых разного профиля из европейских стран в США, среди этих эмигрантов общественеды, в том числе политологи, составляли немалую часть. Благодаря этим обстоятельствам в межвоенный период центр мировой политической науки переместился на Североамериканский континент. А в США для развития политологии сохранялись благоприятные условия.

Политологические центры возникли практически во всех ведущих американских университетах. Поскольку в условиях бесконечных избирательных кампаний существует большой спрос на их научное и методологическое обеспечение, большое место в деятельности американских политологов занимают прикладные, эмпирические исследования. Ведущую роль в американской политической науке межвоенного периода играли ученые Чикагской школы — Ч. Мерриам, Г. Лассуэлл, Г. Госнелл. По мнению одного из самых известных современных американских политологов Г. Алмонда, заслуга представителей Чикагской школы состояла в том, что они на примере конкретных эмпирических исследований обосновали вывод о необходимости использования в политологии междисциплинарного подхода, количественных методов, повышения организационного уровня научной работы.

Начало Второй мировой войны и вступление в нее США обусловили повышение роли американской политологии в подготовке и принятии важнейших политических решений как по внутренним, так и международным проблемам. Требования военного времени привели к резкому повышению спроса на политологическую экспертизу, что, в свою очередь, стало причиной бурного развития сети академических центров и институтов политологического профиля в послевоенные десятилетия.

По окончании Второй мировой войны созданная в рамках системы ООН специализированная организация по вопросам культуры и образования ЮНЕСКО провела ряд мероприятий по конституированию политологии в качестве международно признанной научной дисциплины. С этой целью в 1948 г. в Париже состоялся международный политологический коллоквиум, на котором были определены содержание и структура политической науки. В частности, она должна была включать следующие вопросы:

- 1) политическую теорию (теорию политики и историю политических идей);
- 2) теорию политических институтов;

- 3) раздел, изучающий деятельность партий, групп, общественное мнение;
- 4) теорию международных отношений (исследование международной политики, международных организаций, международного права).

Наличие международного права в предметном поле теории международных отношений было связано с тем, что эта наука только начинала свое становление и полной ясности о ее задачах и научно-методических рамках еще не было.

Начиная с 40-х годов XX в. теория международных отношений развивается в общем русле политической науки. Организационные структуры для преподавательской деятельности и научных исследований в области международной политики формировались в рамках институтов, факультетов или иных подразделений общеполитологического характера. Хотя истоки теории международных отношений находятся в истории западноевропейской политической мысли, в качестве самостоятельной дисциплины она конституировалась в США, что и предопределило длительное доминирование американской школы в данном научном сообществе. Даже названия основных направлений теории международных отношений (идеализм, реализм, неолиберализм, нео-реализм) появились на американской почве и отразили американскую специфику. Почти все наиболее авторитетные специалисты в области теории международных отношений — Г. Моргентау, Дж. Розенау, Дж. Модельски, М. Каплан, К. Дойч, К. Уолтц, Р. Гилпин, Р. Кеохейн, Дж. Най и многие другие — представляют американскую политическую науку. Постепенно теория международных отношений как научная и учебная дисциплина получила распространение в странах Западной Европы и других регионах.

В Советском Союзе, отделенном «железным занавесом» от большей части остального мира, общественные науки могли существовать только на идеологической и методологической базе «марксизма-ленинизма». Это касалось как их содержания, так и структуры, которая обязательно должна была отражать структуру самого марксистского учения, сложившегося еще в первой половине XIX в. Поэтому общественные науки, сформировавшиеся в более поздний период, не имели в СССР официального статуса даже на марксистско-ленинской основе. Например, социология была признана лишь прикладной дисциплиной и только в самом конце советской эпохи ЦК КПСС наделил ее правами общественной науки и санкционировал создание социологических факультетов и отделений в ряде высших учебных заведений страны. Сфера же политического знания была закреплена за историей КПСС и научным коммунизмом.

Правда, с 1960-х годов, со времен хрущевской «оттепели», положение в советском обществоведении понемногу менялось. Активизация внешней политики Советского Союза как одной из двух сверхдержав bipolarного мира требовала более интенсивного и, насколько это допускалось коммунистической идеологией, объективного изучения зарубежных стран и регионов. С этой целью в системе Академии наук СССР были созданы несколько новых научно-исследовательских центров с международной тематикой: Институт мировой экономики и международных отношений, Институт США и Канады, Институт Латинской Америки, Институт Дальнего Востока, Институт Африки, Институт международного рабочего движения. Вместе с ранее существовавшими Институтом философии, Институтом истории, Институтом государства и права, Институтом востоковедения они получили несколько большую свободу научных исследований, особенно по так называемой закрытой тематике.

Перестройка идеологической деятельности и пропаганды, которая во времена Сталина носила крайне примитивный характер, привела к появлению новых форм «критики буржуазной идеологии и ревизионизма». Если раньше вся критика сводилась к площадной брани, то теперь требовалось опровергнуть доводы «классового врага» научно обоснованными аргументами. Эти требования в какой-то мере способствовали тому, что советская общественность получила возможность ознакомиться с работами западных ученых, в том числе и политологов. Исследования иностранных авторов стали поступать в «спецхраны» крупных научных библиотек Москвы и Ленинграда.

Некоторая либерализация духовной жизни советского общества, начавшаяся в годы правления Н. Хрущева, продолжалась и в период, впоследствии названный «застоем». Некоторые советские ученые и публицисты пытались придать отечественному обществоведению схожесть с мировыми стандартами если не по содержанию, то хотя бы по форме. В частности, **Ф. Бурлацкий** добивался официального признания политической науки, правда, отмечая ее «марксистско-ленинский» характер. Группа сотрудников ИМЭМО во главе с академиками Н. И. Иноземцевым и Е. М. Примаковым готовила объемное издание «Теория международных отношений». Но партийные инстанции так и не одобрили этой инициативы. Удалось лишь создать небольшие исследовательские группы в ИМЭМО и некоторых других научных учреждениях, которые пытались заниматься теоретическим анализом международных отношений под прикрытием задачи «разоблачения буржуазной идеологии» или апологетики «ленинской миролюбивой политики КПСС». В МГИМО (У) МИД России читался учебный курс «Основы теории международных отношений», но он лишь по своему названию совпадал с учебными курсами, изучавшимися в западных университетах.

Падение коммунистического режима и идеологической монополии «марксизма-ленинизма» радикально изменило ситуацию. Однако влияние новой ситуации в постсоветской России на положение теории международных отношений было противоречивым. С одной стороны, исчезли идеологические и политические препятствия для ее развития, с другой — экономические потрясения переходного периода негативно сказались на работе научных и учебных учреждений. Крушение коммунистической идеологии образовало идейный вакуум, который стал заполняться самыми разными теориями и концепциями. В связи с актуальностью проблем внешней политики России, ее роли и места в современном мире особую популярность приобрели различные геополитические концепции. В то же время основные положения теории международных отношений оставались мало известными даже в среде политической элиты и политологическом сообществе.

Только к концу 1990-х годов интерес к теории международных отношений стал возрастать. Появились новые научно-теоретические и учебно-методические работы по данной проблематике. Этому способствовали и радикальные сдвиги в области гуманитарного образования, которое перестроилось в соответствии с принятыми в мире стандартами. Сегодня во многих университетах России осуществляется обучение по направлениям политология, социология, международные отношения, регионоведение, связи с общественностью. Учебные планы всех этих направлений включают учебные курсы по проблемам теории и практики международных отношений.

Объективно возрастает и практическое значение теории международных отношений, поскольку актуальными остаются вопросы о месте России в формирующейся системе международных отношений, о перспективах ее развития в условиях глобализации, о приоритетах и основных направлениях российской внешней политики.

Хотя отечественная школа теории международных отношений по мировым меркам является очень молодой, она сталкивается с теми же проблемами, которые стоят перед этой наукой и в странах, где она зародилась. Одна из таких проблем — определение места теории международных отношений в структуре современных наук об обществе. Некоторые российские авторы вслед за своими западными коллегами выдвигают тезис о том, что произошло размежевание теории международных отношений и политической науки. Более того, высказывается мнение о существовании отдельной науки о международных отношениях. С одной стороны, представления об обособлении области изучения международных отношений от политологии имеют под собой объективную основу институционального характера. Если в 1950-е годы международная проблематика разрабатывалась внутри общеполитологических структур, то в последние десятилетия наблюдается организационное усложнение данных структур, выделение отдельных подразделений, за-

нимающихся исследованием международной политики. Сегодня часто и на Западе подготовка политологов и специалистов в области международных отношений и дипломатии осуществляется раздельно, в России же так было принято изначально. Очевидно, тезис о существовании отдельной науки — теории международных отношений — стал отражением такой тенденции, поскольку традиционно всем фундаментальным наукам соответствует отдельный учебно-научный комплекс. Например, такие науки, как биология, физика, химия, история и т.д., изучаются в рамках соответствующих факультетов университетов, по ним готовят специалистов для научной и практической деятельности.

С другой стороны, подготовка специалистов в области международных отношений имеет свою специфику, которая заключается в изучении большого количества дисциплин, например иностранных языков. К тому же в современном мире международные отношения отнюдь не сводятся к отношениям политическим, следовательно, специалист в этой сфере — это не всегда политолог. Международные отношения обладают сложной внутренней структурой и исследуются не отдельной наукой, а целым набором научных дисциплин. Каждая из них связана со своей «материнской» сферой научного знания: международное право — составная часть юридической науки; история международных отношений — составная часть исторической науки; мировая экономика и международные экономические отношения — часть экономической науки. Теория международных отношений, как было отмечено, рассматривалась в этом ряду как составная часть политической науки. Можно ли говорить о принципиальном изменении такого положения? На наш взгляд, лишь отчасти. Сегодня наука развивается динамично, во всех областях научного знания происходят перемены, объем научных знаний возрастает, увеличивается число исследовательских проблем и направлений. Вследствие этого внутри наук обособляются отдельные субдисциплины, которые могут стать полностью самостоятельными, возникают пограничные области знания. Сфера политических исследований не является исключением.

В последние годы в рамках политологии наряду с ранее существовавшими появляются новые разделы, такие как сравнительная политология, этнополология, экополитология и т.д. Кроме политологии развиваются и другие науки о политике — политическая философия, политическая социология, политическая антропология, политическая психология, политическая история, политическая география. Место теории международных отношений, на наш взгляд, между этими относительно самостоятельными политическими науками и одним из разделов политологии, каковой, собственно, она и была в момент рождения и на первых этапах своего развития. Процесс превращения теории международных отношений в самостоятельную науку еще не завершился, о чем свидетельствует и вышеупомянутая дискуссия.

§ 3. Методы изучения международных отношений

Для изучения международных отношений применяют большинство общенаучных методов и методик, которыми пользуются и в исследованиях иных общественных явлений. В то же время для анализа международных отношений существуют и особые, специальные методологические подходы, обусловленные тем, что мировые политические процессы обладают своей спецификой, отличаются от политических процессов, разворачивающихся в рамках отдельных государств.

Значительное место в исследовании мировой политики и международных отношений принадлежит методу наблюдения. Прежде всего мы видим, а затем оцениваем события, происходящие в сфере международной политики. В последнее время специалисты все чаще прибегают к инструментальному наблюдению, которое осуществляется с помощью технических средств. Например, наиболее важные явления международной жизни, такие как встречи лидеров государств, международные конференции, деятельность международных организаций, международные конфликты, переговоры по их урегулированию, мы можем наблюдать в записи на видеопленку, в телевизионных передачах.

Интересный материал для анализа дает включенное наблюдение, т.е. наблюдение, которое ведут непосредственные участники событий или лица, находящиеся внутри изучаемых структур. Результатом такого наблюдения являются мемуары известных политиков и дипломатов, позволяющие получать информацию по проблемам международных отношений, анализировать ее, делать выводы теоретического и прикладного характера. Мемуары представляют собой важнейший источник для изучения истории международных отношений.

Более фундаментальны и информативны аналитические исследования, выполненные на основе собственного дипломатического и политического опыта. К их числу можно отнести, например, работы известного в прошлом американского политического деятеля **Генри Киссинджера**, занимавшего в 1970–1980-е годы ответственные посты в администрации США.

Важную информацию о внешней политике государств, о мотивах принятия внешнеполитических решений в той или иной международной ситуации можно получить, изучая соответствующие документы. Метод изучения документов играет наибольшую роль в исследовании истории международных отношений, но для изучения текущих, актуальных проблем международной политики он имеет ограничения. Дело заключается в том, что информация о внешней политике и международных отношениях часто относится к сфере государственной тайны и документы, содержащие подобную информацию, доступны ограниченному кругу лиц, особенно если речь идет о документах и материалах иностранного государства. Работа с большинством таких документов

становится возможной только по прошествии времени, часто через десятки лет, т.е. тогда, когда они представляют интерес в основном для историков.

Если доступные документы не дают возможности адекватно оценить намерения, цели, предсказать возможные решения и действия участников внешнеполитического процесса, специалисты могут применять **контент-анализ** (анализ содержания). Так называют метод анализа и оценки текстов, разработанный американскими социологами и использованный в 1939—1940 гг. для анализа речей руководителей нацистской Германии, отраженных в печати и радиовыступлениях. С невероятной точностью американские специалисты предсказали время нападения на СССР, место и порядок проведения многих военных операций, были выявлены секретные идеологические установки германского фашизма. Метод контент-анализа использовался специальными учреждениями США в целях разведки. Только в конце 1950-х годов он стал применяться широко и приобрел статус методологии изучения общественных явлений.

При проведении контент-анализа в тексте документа, статьи, книги выделяются некоторые ключевые понятия или смысловые единицы с последующим подсчетом частоты употребления этих единиц в соотношении друг с другом, а также с общим объемом информации. В международном политическом процессе такой единицей выступает внешнеполитическая идея, значимая тема или ценность, политическое событие или лицо, т.е. ключевые понятия из внешнеполитической жизни. В тексте она может быть выражена одним словом или устойчивым сочетанием слов. Контент-анализ позволяет делать вывод о возможных внешнеполитических решениях и действиях тех международных акторов, которые стали объектом исследования. Сегодня ограниченный круг профессионалов использует и более сложные методики контент-анализа.

В изучении международных отношений находит применение и **метод ивент-анализа** (анализ событий), основанный на слежении за динамикой событий на международной арене с целью определения основных тенденций развития политической ситуации в отдельных странах, регионах и в мире в целом.

Американский исследователь **Е. Азар** применил ивент-анализ. Рассматривая международные конфликты на основе собранного банка данных, который включал около полумиллиона событий, происшедших в течение тридцати лет и в той или иной степени затрагивавших 135 государств, он сделал интересные выводы о механизмах развития конфликтных ситуаций и закономерностях политического поведения в условиях международного конфликта. Как показывают зарубежные исследования, при помощи ивент-анализа можно успешно изучать международные переговоры. В этом случае в центре внимания находится

динамика поведения участников переговорного процесса, интенсивность выдвижения предложений, динамика взаимных уступок и т.д.

В 50—60-х годах XX в. в рамках модернистского направления для изучения международных отношений стали широко применять методологические подходы, заимствованные из других социально-гуманитарных наук. В частности, **метод когнитивного картирования** вначале был апробирован в рамках когнитивной психологии — одного из направлений современной психологической науки. Когнитивные психологи исследуют особенности и динамику формирования знаний и представлений человека об окружающем его мире. На основе этого объясняется и прогнозируется поведение личности в различных ситуациях. Базовое понятие в методологии когнитивного картирования — когнитивная карта, являющаяся графическим изображением содержащейся в сознании человека стратегии получения, обработки и хранения информации и составляющая фундамент представлений человека о его прошлом, настоящем и возможном будущем.

В исследованиях международных отношений когнитивное картирование используется для того, чтобы определить, как тот или иной лидер видит политическую проблему и, следовательно, какие решения он может принять в той или иной международной ситуации. При составлении когнитивной карты сначала выявляют основные понятия, которыми оперирует политический лидер, затем находят причинно-следственные связи между ними и далее рассматривают и оценивают значение этих связей. Составленная когнитивная карта подвергается дополнительному анализу и делаются выводы о том, является ли для данного лидера приоритетной внутренняя или внешняя политика, насколько значимы для него общечеловеческие моральные ценности, каково соотношение положительных и отрицательных эмоций в восприятии конкретных международных политических ситуаций.

Недостаток когнитивного картирования заключается в трудоемкости этого метода, поэтому в практике его применяют нечасто.

Еще одним методом, сначала разработанным в рамках других наук, а затем нашедшим свое применение в исследовании международных отношений, стал **метод моделирования**. Это метод изучения объекта на основе конструирования познавательного образа, обладающего формальным сходством с самим объектом и отражающего его качества. Метод системного моделирования требует от исследователя специальных математических знаний. Примером метода моделирования может быть модель перспектив мирового развития **Форрестера**, включающая 114 взаимосвязанных уравнений. Следует отметить, что увлечение математическими подходами не всегда приносит положительный результат. Это показал опыт американской и западноевропейской политической науки. С одной стороны, весьма сложно выразить сущностные характеристики международных процессов и ситуаций математическим

языком, т.е. качество измерять количеством. С другой — на результатах сотрудничества ученых, представляющих разные направления науки, сказывается слабое знание математических наук политологами и не менее слабая политологическая подготовка представителей точных наук.

Тем не менее стремительное развитие информационных технологий и электронно-вычислительной техники расширяет возможности использования в изучении мировой политики и международных отношений математических подходов и количественных методов. Определенные успехи в этой области были достигнуты уже в 1960–1970-е годы, например, создание аналитических моделей «Баланс сил» и «Дипломатическая игра». В конце 1960-х годов появилась информационно-поисковая система *GASSON*, которая основывалась на информационном банке, содержащем сведения о 27 международных конфликтах. Каждый такой конфликт локального характера описывался с помощью однотипных факторов, характерных для трех фаз его протекания: предвоенная, военная, послевоенная. К первой фазе относилось 119, ко второй — 110, а к третьей — 178 факторов. В свою очередь, все эти факторы сводились к одиннадцати категориям. В каждом конкретном конфликте отмечалось наличие или отсутствие соответствующих факторов и влияние этого обстоятельства на обострение или ослабление напряженности в отношениях международных акторов, втянутых в конфликтную ситуацию. Каждый новый конфликт можно было анализировать на основе этих факторов и по аналогии находить подобную конфликтную ситуацию. Эта схожесть позволяла давать прогнозы относительно возможных сценариев развития событий в новом конфликте. Следует отметить, что прогностические методы исследований международных отношений в современных условиях имеют весьма большое значение.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите основные этапы эволюции международных отношений.
2. Какие проблемы традиционно стояли и стоят в центре международной политики?
3. Как соотносятся между собой понятия «международная политика» и «мировая политика»?
4. Дайте определение предмета исследования теории международных отношений.
5. Является ли теория международных отношений частью политологии или самостоятельной научной дисциплиной?
6. В какой степени при изучении международных отношений можно использовать методологические подходы из различных гуманитарных и естественных наук?

Глава 2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

§ 1. Внешнеполитические концепции в политической мысли Древнего мира

Вместе с появлением государства и обособлением политической сферы от других сфер жизнедеятельности общества возникает и феномен международных отношений, а сама политика дифференцируется на внутреннюю и внешнюю. Эти процессы находят свое отражение в политической мысли Древнего мира. Поскольку поначалу межгосударственные отношения не носили регулярного характера, а внешнеполитическая деятельность выглядела, с точки зрения современных критериев, весьма примитивно, то и внешнеполитическая мысль древности оставалась неразвитой и фрагментарной. Можно назвать лишь отдельные исключения из этого правила. К таким исключениям относятся внешнеполитические концепции Древнего Китая, которые оказывали значительное влияние на отношения этой самобытной страны с другими народами и государствами на протяжении многих веков.

В китайской политической мысли наиболее выпукло выделяются два течения — конфуцианство и легизм. Придерживаясь противоположных представлений о принципах и методах осуществления внешней политики, оба направления исходили из китаецентристской модели мира. И это неудивительно, если вспомнить, что окружавшие Китай народы в большинстве своем стояли на более низкой ступени развития. Центральной проблемой внешней политики Китая на протяжении многих столетий была проблема отношений с окружавшими Поднебесную варварами. Каждое из двух основных направлений древнекитайской политической мысли стремилось обосновать свой подход к этим отношениям. Для *конфуцианства* было характерно представление об этическом превосходстве китайцев над неполноценными варварами, окружавшими «Срединное царство». Отсюда логически вытекала доктрина о мессианской роли Китая, его духовной обязанности

просвещения своих соседей. С точки зрения конфуцианства, не могло быть и речи об обратном влиянии варваров на Китай, идея взаимообогащения разных культур была для него чужда. Конфуцианский подход оправдывал изоляционистские тенденции во внешней политике традиционного Китая.

В противоположность конфуцианству *легизм* ориентировался на более активный характер внешней политики. Первоначально ранние легисты придерживались в отношении варваров тех же взглядов, что и ранние конфуцианцы, но затем их позиции изменились. Под воздействием реальных условий легисты признали возможность и необходимость заимствования у чужестранцев элементов бытовой культуры или военного искусства, например, техники ведения конного боя, если окружающие народы превосходили в этом китайцев.

Такая перемена взглядов вытекала из общей социально-философской и социально-политической концепции легизма. Его сторонники полагали, что по своей природе человек завистлив, алчен и честолюбив, поэтому искусство управления обществом со стороны правителя должно заключаться в умении воздействовать на эти качества, направляя усилия людей на два «полезных занятия» — земледелие и войну. Всякое государство и его правители должны, в соответствии с концепцией легизма, стремиться к своей выгоде, а значит, укреплять свое могущество, опираясь на экономический и военный потенциал.

Будучи прагматиками, легисты допускали возможность заимствования чужого опыта, если это шло на пользу их государству. Одновременно легисты считали необходимым ведение агрессивных войн, о чем свидетельствует их теория прямо пропорциональной зависимости могущества государства от военных успехов. «С древнейших времен вплоть до нынешнего дня ни разу не случилось, чтобы кто-либо достиг владычества в Поднебесной, не одержав побед», — говорилось в наиболее важном теоретическом первоисточнике легизма «Книге правителя области Шан»¹. В этой же работе указывался и рецепт достижения государственного могущества: «Когда посещаешь какую-либо страну и знакомишься, как управляют ею, то видишь, что могущественно то государство, в котором воины используются... Обычно народ ненавидит войну; тот, кто сумеет привить народу любовь к войне, добьется господства в Поднебесной»². Поскольку легизм делал ставку на насилие и принуждение как наиболее эффективные средства управления людьми, постольку и во внешнеполитической сфере он ориентировался прежде всего на силовые методы.

Сходный взгляд на роль силового фактора в международных отношениях продемонстрировал древнегреческий мыслитель **Фукидид** в своей «Истории Пелопоннесской войны». Фукидид также предполагал, что в основе политики государства лежат не столько действия

конкретных личностей, сколько объективные и не зависящие от воли людей интересы. Отношения между отдельными государствами по своей природе конфликтны, поскольку каждое руководствуется собственными интересами, а они не могут во всем и всегда полностью совпадать. Война обусловлена конфликтностью международных отношений и представляет собой неизбежное явление. Поэтому каждое государство стремится обеспечить свою безопасность и накапливает необходимую для этого силу. Взгляд, в соответствии с которым главными детерминантами внешней политики являются интересы и сила, впоследствии получил название «*реалистического*». В связи с этим многие наши современники видят в Фукидиде предтечу школы «политического реализма».

В античные времена зародился и противоположный «реалистическому» взгляд на перспективы международных отношений. Если реалисты полагают, что конфликты и войны в принципе неустранимы из жизни народов, то их оппоненты возлагают надежду на изменение природы международных отношений и преодоление межгосударственной разобщенности, на создание единого для всех народов, универсального центра, способного обеспечить всеобщий мир и безопасность. Истоки таких представлений можно найти в Древней Греции, у философов-стоиков в их идеале «космополиса», т.е. государства, власть которого распространяется на весь мир. Эта же идея была развита древнеримским мыслителем **Цицероном**, обосновавшим необходимость общих для всех народов универсальных норм международного права, играющих роль регулятора отношений между ними. Такие взгляды на международную политику нашли продолжение в концептуальных подходах, сложившихся в гораздо более поздние периоды развития политической мысли.

§ 2. Формирование и развитие «реалистических» представлений о международных отношениях в политической мысли эпохи Возрождения и Нового времени

Все же более или менее систематизированные представления о мировой политике и международных отношениях стали формироваться лишь в эпоху Возрождения. Одним из первых мыслителей этой исторической эпохи, обратившихся к исследованию международных отношений, стал **Никколо Макиавелли**. Его же можно считать и продолжателем реалистической традиции в подходе к проблемам международной политики. Считая войну неизбежной спутницей человеческой истории по причине изначальной склонности людей к применению силы и испорченности общественных нравов, Н. Макиавелли полагал, что достижение всеобщего мира между народами невозможно. Главная за-

дача государства во внешнеполитической деятельности — это эффективная защита своих интересов. А интерес и выгода — мотивы, лежащие в основе любой политики на международной арене.

Н. Макиавелли отбрасывает моральные нормы не только во внутренней, но и в международной политике. «Опыт нашего времени показывает, — пишет он, — что великие дела творили как раз князья, которые мало считались с обещаниями, хитростью умели “кружить людям головы” и одолевали тех, “кто полагался на честность”»³. Приводя в качестве примера деятельность одного из таких князей, Макиавелли отмечал: «...Храни он верность и мир, не раз лишился бы и славы и государства»⁴. Следовательно, «разумный правитель не может и не должен быть верным данному слову, когда отпадут причины, побудившие его дать обещание»⁵. Отталкиваясь от такого представления о «разумном правителе», мыслитель полагал, что государства не должны быть связаны никакими ограничениями при принятии решений о начале войны. Его определение справедливых и несправедливых войн отличается крайним релятивизмом: «Война справедлива для тех, для кого она необходима»⁶. В войне государство может преследовать две основные цели: завоевания и сохранение своей свободы. Завоевания же необходимы для того, «чтобы обогатиться самим и сделать врага беднее. Ни для чего иного победа не нужна»⁷.

В мирное урегулирование конфликтных ситуаций между государствами Н. Макиавелли не верил, полагая, что только сила является реальным фактором политики. Он считал, что каждое государство должно стремиться к усилению, поскольку именно это даст ему возможность достичь внешнеполитических целей. Делая ставку на силу, Н. Макиавелли предлагал отбросить не только моральные нормы, но и право. Лишь не останавливаясь перед применением насилия и обманом, можно добиться политического успеха в отношении с другими государствами. Одновременно, будучи горячим сторонником объединения и освобождения своей страны, итальянский мыслитель высказался в пользу закрепления права народов на объединение и свободу от вмешательства извне, что можно считать одним из первых примеров провозглашения международно-правового принципа права наций на самоопределение.

Непреходящее значение для теории международных отношений сохраняет наследие **Томаса Гоббса** (1588–1679). В основу подхода английского философа к определению и пониманию сущности межгосударственных отношений легла его общая социально-политическая концепция, трактующая человека как существо эгоистическое, обладающее бессознательным стремлением к власти, господству над другими людьми и материальному обогащению. Как следствие, естественным состоянием человеческих взаимоотношений является «война всех про-

тив всех и каждого против каждого». Сохранение естественного состояния представляет угрозу для существования человеческого общества, так как таит в себе опасность самоуничтожения. Для того чтобы этого избежать, люди должны заключать общественный договор. На основе такого договора и возникает государство (Левиафан), которому в обмен на гарантии безопасности, мира и спокойствия люди добровольно уступают часть своих прав и свобод. Отношения между людьми упорядочиваются в рамках «гражданского состояния», но отношения между государствами сохраняют «естественный» характер. Суверенные государства не связаны никакими ограничениями, и единственным регулятором их взаимоотношений остается сила. По мнению Т. Гоббса, государства — это «военные лагеря», которые защищаются «друг от друга с помощью солдат и оружия»⁸.

Хотя с морально-этической позиции Т. Гоббс осуждал войны, видя в них «корень всякого несчастья и всех зол»⁹, из его концепции вытекало признание неизбежности этого явления до тех пор, пока сохраняется «естественное» состояние международных отношений. Согласно взглядам английского философа, лишь создание мирового правительства, стоящего над властью отдельных государств, способно покончить с войнами между народами. Однако сам Гоббс в такую перспективу не верил. Он был первым, кто теоретически обосновал анархический характер отношений между государствами. До сих пор сторонники реалистической парадигмы в теории международных отношений исходят из этих выводов.

Наиболее ярким представителем реалистического подхода к международной политике в эпоху Нового времени был великий немецкий философ **Георг Вильгельм Фридрих Гегель** (1770–1831). Он полагал, что нормы права в международных отношениях не способствуют предотвращению конфликтов, а, напротив, порождают разногласия между государствами. Договорные нормы «допускают столько толкований, что при самом точном определении всех возможных аспектов отношений всегда еще остается неисчислимое множество таких, по поводу которых могут вспыхнуть споры»¹⁰. Причем даже «если одна сторона осуществляет предоставленное ей право в тех пределах, которые ей даны, она обязательно затронет какое-либо право, закрепленное за другой стороной»¹¹. По мнению Гегеля, войны — составная часть правового регулирования международных отношений. Именно война решает, «какое право должно уступить <...> другому праву, должна установить не истинность права той или другой стороны, ибо истинны права обеих сторон», а какое право из двух обречено на уступки¹².

Для Гегеля международное право является не системой положений, направленных на поддержание согласия между участниками международного общения, а совокупность норм, «обеспечивающих» возникновение конфликтов между государствами. Поэтому сила здесь обретает

статус ключевого момента регулирования международных отношений, изменяя правовые ситуации в соответствии с представлениями государств о своих выгодах и правах. Немецкий философ писал, что «право может отстоять себя, только опираясь на силу»¹³.

Гегель не считал возможным учитывать требования морали в международных отношениях. Он полагал, что «благо государства имеет совершенно другое оправдание, чем благо отдельного лица», следовательно, деятельность государства не должна опираться на «моральные заповеди»¹⁴.

Гегель не поддерживал идею международного сотрудничества. Более того, философ характеризовал мирное время как время, когда особый размах приобретают многие «отрицательные» явления социальных отношений¹⁵, а особые интересы государств порождают борьбу между ними. Он отрицал также идею совершенствования международного сотрудничества и создания международного парламента. Взгляды Гегеля были использованы в XX столетии при формировании основных концептуальных положений школы «политического реализма». До сих пор некоторые из них находят свое выражение в трудах наследников этой школы.

§ 3. Генезис либеральной концепции международной политики

Идеи, впоследствии охарактеризованные как либеральная доктрина международной политики, окончательно сформировались к началу XIX в. Однако их истоки можно найти на более ранних этапах развития политической мысли. Эта доктрина исходила из возможности замены силового регулирования отношений между государствами на морально-правовое регулирование при возрастающей роли системы международных институтов. С самого начала либеральный подход зарождался в полемике с представителями реалистического направления исследований внешней политики и международных отношений. В частности, в эпоху Возрождения прямой противоположностью взглядам Н. Макиавелли была внешнеполитическая концепция голландского гуманиста **Эразма Роттердамского**. Э. Роттердамский провозглашал ограничение применения силы в международных отношениях, полагая, что внешнюю политику следует подчинить социальным нормам, учитывающим интересы народов. Практически бы это означало соизмерение монархами в вопросах войны и мира своих политических планов и решений с интересами страны. Поскольку народ, как правило, ненавидит войну, то государь, прислушивающийся к его мнению, будет всегда прилагать усилия для сохранения мира. Именно мир, а не насилие и война является, с точки зрения Э. Роттердамского, высшей ценностью человеческой культуры. Великий гуманист рассматривал борьбу с угрозой

мирному развитию как основную внешнеполитическую задачу государства, выступал за широкое международное сотрудничество в деле сохранения мира.

Э. Роттердамский призывал придать стабильный характер территориальным отношениям между государствами. «Надо найти средства к тому, — писал он, — чтобы границы государств перестали подвергаться изменениям и сделались устойчивыми, потому что изменения государственных границ ведут к войне»¹⁶. Для стабилизации границ Э. Роттердамский предлагал ограничить права верховной власти по распоряжению подконтрольными ей территориями. Он считал целесообразным запретить государям продавать и уступать часть своих владений, как если бы речь шла о частных поместьях.

Голландский мыслитель понимал, какое значение для сохранения мира имеет расширение международных связей. Особенно это касается делового сотрудничества и торговли, поскольку взаимная выгода объединяет народы, как она объединяет членов одной семьи. Э. Роттердамский придавал большое значение моральным нормам как регуляторам внешнеполитической деятельности, ставил нравственные законы выше государственных интересов. Но будучи сторонником мира между народами, он в то же время не был полным пацифистом, признавая оправданность и обоснованность оборонительных войн.

Важную роль в разработке проблем международной политики сыграл другой голландский мыслитель — **Гуго Гроций** (1583–1645). Он известен прежде всего как автор капитального труда «О праве войны и мира», не утратившего своего значения до сегодняшнего дня. В этом труде подчеркивается, что международные отношения опираются на выполнение государствами своих обязательств. И особое значение уделяется обязательствам, связанным с применением силы. Г. Гроций полагал, что возможность войны должна быть регламентирована правилами международной жизни, что война не может быть предметом произвольного решения со стороны любого отдельного государства.

Во-первых, государства не должны применять силу для изменения политических ситуаций. В этом случае, по мнению голландского гуманиста, обращение к насилию является преступлением. Примером такого преступления был назван поход А. Македонского на персов.

Во-вторых, решение о начале военных действий должно быть обосновано, причем не каждое правонарушение может служить оправданием для применения силы. «Ясно, что войны не следует начинать из-за любого рода правонарушений, ибо не за всякую вину... законы определяют соответствующее наказание»¹⁷.

В-третьих, даже в тех случаях, когда какое-то государство допустит серьезное нарушение правил международной жизни и это может быть поводом к войне, нельзя немедленно обращаться к военным действи-

ям. Следует прежде всего попытаться использовать непосредственные переговоры либо с помощью посредника предпринять меры для урегулирования конфликта.

Большое внимание Г. Гроций уделял исследованию проблемы справедливых и несправедливых войн. Он отрицал войны, направленные на порабощение народов, считал, что войны, предпринятые для того, чтобы «повелевать даже отдаленнейшими и неведомыми еще донныне племенами», несправедливы¹⁸. Осуждал Г. Гроций применение силы против государства, со стороны которого исходит лишь гипотетическая военная угроза. Само по себе «опасение мощи соседей» не порождает права на упреждающее применение силы. В резкой форме критиковал мыслитель и войны, ведущиеся государствами «ради собственной выгоды». Он видел в подобных войнах грубое нарушение правил международной жизни, считая, что они способны разрушить «человеческое общество и взаимное общение людей»¹⁹. С этих же позиций им рассматривались и захватнические войны, ведущиеся ради присоединения территории других народов.

Кроме вышеназванных, Г. Гроций признавал несправедливыми войны в целях распространения христианства, войны против отсталых народов, а также войны против государств, отказавшихся заключить предложенный им договор. Выступая против несправедливых войн, он в то же время доказывал, что «не всякая война противоречит естественному праву». Мыслитель не сомневался в справедливости войн для отражения нападения и защиты территориальных пределов страны. С его точки зрения, оправданно применение силы в отношении стран и народов, допускавших насилие над послами, а также против тех, кто занимается морским разбоем.

Однако уже тогда, стремясь обеспечить условия для международного взаимодействия, Г. Гроций понимал недостаточность призывов следовать разумным правилам, поэтому выдвигал крайне важный в политическом аспекте принцип борьбы за сохранение мира. Он утвердительно высказывался по вопросу о том, обязан ли один народ защищать от насилия другой народ. В целом суждения Г. Гроция приводят к мысли о необходимости коллективных усилий для поддержания мира, тесного международного сотрудничества и взаимопомощи. Мыслитель приветствовал заключение международных союзов, имеющих справедливые цели.

Взгляды Гроция отражали реалии его времени, и для современно-го читателя они могут представляться не всегда последовательными. Например, он утверждал, что войны не запрещаются ни естественным правом, ни правом народов, ни божественными законами и могут выполнять позитивную функцию принуждения в отношении того, кого нельзя принудить в судебном порядке. Не признавал мыслитель спра-

ведливыми и войны народов за свою независимость и свободу. Гроций выступал и против создания всемирного государства, полагая, что такая организация не будет эффективной. Но голландский гуманист подчеркнул и понял главное — человеческое общество должно продвигаться к миру и согласию, а политическая деятельность должна осуществляться в соответствии с правилами, отражающими интересы народов.

Сторонником мирных отношений между государствами был и **Эмерик Крюсе**, живший в первой половине XVII в. во Франции. Рассматривая человеческое общество как единое целое, французский мыслитель считал, что «все нации взаимно связаны естественными и нерушимыми узами»²⁰. Поэтому целью политики должно быть сохранение и расширение согласия между народами. Основу же для расширения такого согласия Э. Крюсе видел в помощи и содействии между соседними народами при разрешении стоящих перед ними проблем. «Когда дом вашего соседа охвачен огнем или разрушается, — писал он, — это причина для страха или сострадания, поскольку человеческое общество является одним телом, все члены которого находятся в гармонии таким способом, что нельзя ослабить один, не затронув другой орган»²¹.

Весьма важную роль в деле сближения народов Э. Крюсе отводил международной торговле, полагая, что торговля позволяет людям улучшать свое благополучие и в этом отношении купец более полезен, чем солдат. В связи с этим он призывал к строительству дорог, установлению единой системы мер и весов, единой денежной системы.

Французский мыслитель был сторонником создания постоянной международной организации на основе договора между государствами, которая координировала бы их действия. Причем государства — члены этой организации должны оказывать одинаковое влияние на решения, принимаемые ею, вне зависимости от их размеров и места расположения. Он предлагал пригласить принять участие в работе международной организации на равных правах государства Европы, Азии и Африки, фактически выдвинув идею создания универсальной международной организации²². Для разрешения спорных международных вопросов Э. Крюсе предлагал сформировать Совет с правом давать рекомендации государствам по поводу того, как следует действовать в указанных ситуациях. И государства, по его мнению, обязаны учитывать эти рекомендации.

Сторонником создания международной организации с широкими полномочиями был и другой французский мыслитель — **Шарль Ирине де Сен-Пьер** (1658—1743). Он предлагал предоставить этой организации право принуждать государства «подчиняться общему суждению об участии в каких-либо действиях», учредить «судебный трибунал» для принятия обязательных для членов организации постановлений и создать «армию» для предотвращения попыток «сопротивления» союзу

со стороны отдельных государств²³. Такую жесткую систему контроля Сен-Пьер объяснял коллективным характером решений, которые принимаются союзом государств.

Весьма высоко оценивал французский политический мыслитель роль международного права в регулировании отношений между государствами. Он сам сформулировал своеобразную систему требований, выполнение которых, по его мнению, обеспечило бы сохранение мира. Сен-Пьер предложил гарантировать государствам неприкосновенность их территориальных владений, пересмотреть издавна существовавшее «право» государств на применение силы, в целях мирного урегулирования разногласий между государствами использовать решения международных инстанций и «судебного трибунала», ограничить вмешательство одних государств в дела других государств, не допускать заключения отдельных союзов, противоречащих интересам всего сообщества государств. Государства-нарушители вышеизложенного перечня правил должны признаваться «врагами общества» и нести ответственность, в том числе и имущественную, за ведение военных действий.

Окончательное формирование либерального взгляда на международные отношения связано с именами Иммануила Канта и Джереми Бентама. В противоположность Гегелю его предшественник немецкий философ **И. Кант** (1723–1804) отдавал приоритет моральному и правовому фактору в политике. Вопросы войны и мира он стремился решать с позиций защиты прав и интересов людей. Война в его глазах противоречит нравственному определению роли человека как существа, обладающего абсолютной ценностью. В то же время война — результат несоблюдения этических правил, поэтому для ее искоренения международная политика государств должна следовать требованиям и нормам морали. Очень образно **И. Кант** писал о том, что политика как особая область деятельности государства только тогда «достигнет, хотя и медленно, ступени, где она будет непременно блистать», когда встанет «на колени перед правом»²⁴.

Кант верил в благотворное влияние права на отношения между государствами и предложил проект договора об установлении мира между народами²⁵. В первой статье проекта он предлагал обязать государства к проведению открытой, честной, миролюбивой политики, не оставляя тайных оснований для новых войн. Во второй статье философ высказался за право народов самостоятельно избирать путь своего развития, за суверенное равенство государств. В третьей статье он предлагал ликвидировать «постоянные армии», угрожающие другим государствам, а оборону страны поручить людям, прошедшим военное обучение добровольно. В следующих статьях Кант ратовал за отказ от насильственного вмешательства «в политическое устройство и правление других государств», рассматривая насилие как серьезную угрозу

международному миру, а также предлагал закрепить в качестве международных обязательств ряд мер, направленных на обеспечение политического сотрудничества государств. Подводя итоги первой части проекта, он сделал весьма важный вывод о том, что некоторые положения данного проекта должны выполняться при любых обстоятельствах.

Во втором разделе своего проекта **И. Кант** приводит «окончательные статьи договора о вечном мире», предлагая установить в каждом государстве республиканское правление, а также регулировать отношения между государствами, основываясь на федерализме свободных государств, имея в виду «союз народов», а не «государство народов».

Этому немецкому философу принадлежит заслуга не только выдвижения идеи мира, но и постановки практической задачи достижения мира как одной из важнейших политических задач человечества.

Английской политической мысли современная политология обязана самим термином «международные отношения». Его ввел в научный оборот один из видных представителей английского либерализма **И. Бентам** (1748–1832). Главную цель деятельности всякого государства он видел в достижении благополучия и счастья людей. Исходя из этой предпосылки, **И. Бентам** отмечал несоответствие характера международных отношений того времени и задач каждого из государств-участников. Основную причину этого несоответствия мыслитель усматривал в постоянно возникающих международных конфликтах и войнах и стремился найти оптимальные рецепты избавления от этих зол.

Так же как и многие мыслители до него, **И. Бентам** считал фундаментальной основой внешней политики государственный интерес и выгоду. Но, в отличие, например, от **Н. Макиавелли**, он полагал безнравственным игнорировать интересы других участников межгосударственных отношений. По сути дела, **И. Бентам**, выдвинул положение о том, что объективные интересы любой нации в большинстве случаев заключаются в предотвращении войн и конфликтов. Эскалация же конфликтов и войн свидетельствует о забвении объективных национальных интересов. Так происходит либо тогда, когда политические решения принимаются из личных или групповых эгоистических интересов, либо тогда, когда ошибочные политические решения являются следствием случайных настроений и амбициозных притязаний. Поэтому **Бентам** высказывался за изменение процедуры принятия политических решений. В частности, призывал к открытому обсуждению вопросов текущей политики. Английский мыслитель придерживался и той точки зрения, что парламентский контроль над монархами в вопросах войны и мира позволит избежать развязывания военных действий вопреки воле нации.

И. Бентам осуждал тех политиков и мыслителей, которые не находили связи между нравственными нормами и внешнеполитической практикой, в противоположность им он видел в морали один из возможных регуляторов международных отношений. В качестве другого

регулятора им рассматривалось право. Международное право Бентам представлял как совокупность норм, ограничивающих применение силы и произвол в отношениях между государствами. Философ был безусловным сторонником правового равенства всех народов и государств, он один из первых осудил практику колониализма. Тогда, когда крупнейшие державы мира стремились обзавестись новыми колониальными владениями за пределами Европейского континента, он полагал, что настало время отказаться от колоний, а не приобретать их, поскольку в действительности они являются лишь бременем, а не источником прибыли для своих метрополий.

Размышления о путях сохранения и упрочения мира привели Бентама к выводу о том, что необходимо не только простое расширение сотрудничества между государствами, но и изменение характера самого этого сотрудничества. В 1786–1789 гг. он выдвинул план создания универсальной международной организации. Основными элементами предполагаемой международной организации должны были стать: конгресс, общий суд и коллективные вооруженные силы. В компетенцию конгресса, представлявшего бы на равноправной основе все объединившиеся в организации государства, входило бы обсуждение наиболее важных международных вопросов и выработка рекомендаций по их решению. Спорные проблемы предполагалось решать с помощью общего суда, а для выполнения его решений использовать коллективные вооруженные силы. Многие идеи И. Бентама опередили свое время и были осуществлены значительно позднее. Они нашли свое выражение в том направлении теории международных отношений, которое в XX в. получило название «политического идеализма».

§ 4. Марксизм и международные отношения

Взгляды **К. Маркса** и **Ф. Энгельса** на международную политику имели некоторое сходство с воззрениями немецких классических философов. Так же как и **И. Кант**, основоположники марксизма считали возможным достижение вечного мира, но путь к нему лежал, по их мнению, не через моральное совершенствование, а через классовую борьбу и революцию. Уничтожение частной собственности и классов должно было стать условием распространения простых нравственных норм, характерных для отношений между частными лицами, на отношения между народами. Но пока эта цель не достигнута, **К. Маркс** и **Ф. Энгельс**, вслед за **Г. Гегелем**, считали войны и конфликты между государствами неизбежными и неустраняемыми. Марксистское понимание проблем мировой политики и международных отношений базировалось на идеях экономического детерминизма. Сама мировая политика, по марксизму, могла появиться только после формирования мирового рынка. Буржуазия отдельных стран посредством

контроля над этим рынком превращается в космополитическую силу, становится господствующим классом в мировом масштабе. Одновременно и социальный антипод буржуазии — пролетариат — превращается в некую интернациональную общность, не имеющую собственного отечества, но имеющую общие классовые интересы во всех странах. Пролетарская революция, призванная положить конец господству капитала, приобретает, таким образом, всемирный характер. Мировая революция призвана покончить не только с социальными, но и с национальными антагонизмами, превратить все человечество в единую общность, не знающую ни классовых различий, ни государственных границ. Классовая борьба, по мнению классиков марксизма, является движущей силой политического процесса не только на уровне отдельных стран, но и в сфере международных отношений. Национальный же суверенитет и государственные интересы — второстепенные, преходящие факторы.

В. Ленин в целом придерживался тех же взглядов на международную политику, что и основоположники марксизма, но дополнил их новыми положениями. Прежде всего это касалось его теории империализма. В соответствии с постулатами этой теории для последней стадии капитализма характерно господство монополий и финансовой олигархии внутри отдельных стран, усиление внешней экспансии, стремление к территориальному переделу мира. **В. Ленин** считал, что империалистическая политика имеет сугубо экономическую природу и неизбежно ведет к мировым политическим кризисам, войнам и революциям. Поддерживая марксистскую доктрину мировой революции, **В. Ленин** внес в нее некоторые коррективы. Но, как **К. Маркс** и **Ф. Энгельс**, он игнорировал проблемы национально-государственных интересов. Эта позиция отчетливо проявилась после прихода большевиков к власти, когда их внешняя (в значительной степени и внутренняя) политика осуществлялась в расчете на скорую победу мировой революции. Вследствие этого ни **В. Ленин**, ни его соратники не были особенно озабочены государственными интересами самой России, рассматривая ее лишь как плацдарм мировой революции. Впоследствии внешняя политика советского государства приобрела более прагматический характер, но окончательно избавиться от идеологизированного подхода к международным отношениям руководители СССР не смогли вплоть до середины 1980-х годов. Попытка уйти от такого подхода, предпринятая под флагом «нового политического мышления», обернулась для внешней политики СССР, а затем и России гигантской катастрофой.

Примечания

¹ Шан цзюнь шу (Книга правителя области ШАН) / Перевод, вступ. статья и коммент. Л. Переломова. М., 1968. С. 211.

² Там же.

³ *Макиавелли Н.* Соч. М., 1934. Т. 1. С. 286.

⁴ Там же. С. 289.

⁵ Там же. С. 287.

⁶ *Макиавелли Н.* Государь и рассуждения на первые три книги Тита Ливия. СПб., 1869. С. 415.

⁷ *Макиавелли Н.* История Флоренции. Л., 1973. С. 218.

⁸ *Гоббс Т.* Избр. произв.: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 369.

⁹ Там же. С. 56.

¹⁰ *Гегель Г.* Политические произведения. М., 1978. С. 137.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 140.

¹⁴ *Гегель Г.* Соч. Т. 7. С. 352.

¹⁵ Там же. С. 345, 353.

¹⁶ *Роттердамский Э.* Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 55.

¹⁷ *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1956. С. 479.

¹⁸ Там же. С. 530.

¹⁹ Там же. С. 68.

²⁰ Трактаты о вечном мире / Сост. И. Андреева и А. Гулыга. СПб., 2003. С. 60.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 136.

²⁴ *Кант И.* Соч. Т. 4. С. 302.

²⁵ Там же. Соч. Т. 6. С. 260–287.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем различия между конфуцианством и легизмом во взглядах на международные отношения и каково влияние обоих направлений на внешнюю политику Китая с древних времен до наших дней?
2. Почему Фукидид считается родоначальником реалистического направления в изучении международных отношений?
3. В чем причина нигилистического отношения Макиавелли к морали в политике, в том числе международной?
4. Какое значение имеет положение Гоббса о «естественном состоянии» международных отношений для обоснования «реалистического» взгляда на международную политику?
5. Почему Г. Гегель скептически оценивал роль права как регулятора международных отношений?
6. В чем сущность либеральной концепции международных отношений?
7. Какие меры Э. Роттердамский и Г. Гроций предлагали для обеспечения международной безопасности?
8. Дайте характеристику проектов создания универсальной международной организации в истории политической мысли.
9. Назовите основные положения плана достижения «вечного мира» И. Канта.
10. Каково значение идей И. Бентама для теории и практики международных отношений?

§ 1. Генезис геополитики

На рубеже XIX и XX вв. формируется новое направление в изучении мировой политики и международных отношений — *геополитическое*. Появление такого направления в конце прошлого столетия было обусловлено усилением роли пространственного фактора в мировой политике, «уплотнением» земного пространства. Геополитика не возникла на голом месте, а продолжила и развила идеи географического детерминизма, существовавшие в различных социально-политических концепциях на протяжении многих веков. Значение географических условий для внешней и внутренней политики государств отмечали еще древнегреческие мыслители **Платон**, **Аристотель**, **Полибий**. Эта традиция нашла свое продолжение и в римской политической мысли у Цицерона и особенно **Страбона**.

В Новое время одним из первых обратил внимание на связь географии и политики французский политический мыслитель **Жан Боден** (1530–1596). Он высказал суждение о том, что развитие суверенного государства и его мощь прямо зависят от природных условий. Продолжая эту традицию, соотечественник Ж. Бодена **Шарль Монтескье** (1689–1755) целый раздел своего известного труда «О духе законов» посвятил исследованию влияния климата и топографии на особенности государственного устройства и политику многих стран Европы и Азии. Французский мыслитель даже сделал вывод о том, что законы каждого государства должны соответствовать его физико-географическим условиям.

Идеи географического детерминизма получили распространение в политической мысли не только Франции, но и других стран, например Германии и России. Сама же геополитика в своем развитии прошла несколько этапов, в каждом из которых доминировала какая-либо из национальных геополитических школ: германская, британская, североамериканская.

Германская геополитика сыграла наиболее важную роль в формировании этого научного направления. Переход от идей географиче-

ческого детерминизма к собственно геополитике обычно связывают с творчеством немецкого политического географа **Фридриха Ратцеля** (1844—1904). Ф. Ратцель первым сформулировал положение о том, что пространство — это не просто территория, занимаемая государством, а его политическая сила. Отдавая должное распространенному в то время представлению о государстве как живом организме, он отождествлял развитие всякого государства с его пространственным расширением. Ф. Ратцель известен как автор семи законов экспансии:

1. Протяженность Государств увеличивается по мере развития их культуры.
2. Пространственный рост Государства сопровождается иными проявлениями его развития: в сферах идеологии, производства, коммерческой деятельности, мощного «притягательного излучения», прозелитизма.
3. Государство расширяется, поглощая и абсорбируя политические единицы меньшей значимости.
4. Граница — это орган, расположенный на периферии государства (понятого как организм).
5. Осуществляя свою пространственную экспансию, Государство стремится охватить важнейшие для его развития регионы: побережья, бассейны рек, долины и вообще все богатые территории.
6. Изначальный импульс экспансии приходит извне, так как Государство провоцируется на расширение государством (или территориями) с явно низшей цивилизацией.
7. Общая тенденция к ассимиляции или абсорбции более слабых наций подталкивает к еще большему увеличению территорий в движении, которое подпитывает само себя¹.

Ф. Ратцель ввел в оборот ставшее распространенным в германской геополитике понятие «жизненное пространство» — *«Lebensraum»*. С помощью этого понятия немецкий географ пытался доказать, что основные экономические и политические проблемы Германии порождены несправедливыми, тесными для нее границами, которые являются серьезным препятствием для динамического развития этой страны. С точки зрения Ф. Ратцеля, в будущей международной политике должны доминировать крупные государства, занимающие большие континентальные пространства.

Одновременно Ф. Ратцель анализировал воздействие на политику морского пространственного фактора. Он полагал, что в тот период стратегическое значение имели бассейн Средиземного моря и Атлантика. Однако «океаном будущего» немецкий геополитик называл Тихий океан, предсказывая, что пространство этого океана станет ареной активной деятельности и столкновения интересов ведущих мировых держав: Англии, Соединенных Штатов Америки, России, Китая и

Японии. Именно в зоне Тихого океана, по его представлению, должен был произойти решающий конфликт между морскими и континентальными народами. Преимущество в этом конфликте Ф. Ратцель отдавал континентальным державам, обладающим богатыми ресурсами, а главное — располагающими контролем над большими сухопутными пространствами.

Последателем Ф. Ратцеля был известный шведский правовед и государственный деятель **Рудольф Челлен** (1846—1922). Пангерманист по своим убеждениям и сторонник тесного союза скандинавских народов с Германией, Р. Челлен придерживался общих для всей германской школы геополитики ориентаций и поэтому может считаться одним из ее видных представителей. Р. Челлен, так же как и Ф. Ратцель, рассматривал государство как биологическое образование или, иными словами, живое существо. Но если немецкий географ обращал внимание на физико-географические условия развития государства, то Р. Челлен выделял и роль таких факторов, как культура, экономика, народ, форма правления. Помимо присущих каждому государству физико-географических черт, оно имеет, по Челлену, еще четыре основных характеристики.

Во-первых, каждое государство — это определенная форма хозяйства со своей экономической активностью; *во-вторых* — это народ со своими национальными и этническими особенностями; *в-третьих* — это социальное сообщество различных классов и профессий и, наконец, *в-четвертых*, — это аппарат управления со своей конституционной и административной структурой. Из вышеизложенного вытекало представление Челлена о пятичленной структуре политики, где он выделял экономполитику, демполитику, социополитику, кратополитику и геополитику. Термин **«геополитика»**, таким образом, введен в научный оборот именно Р. Челленом. При этом он видел в геополитике «науку, которая рассматривает государство как географический организм или феномен в пространстве». По сути дела, Р. Челлен выступал с позиций приоритета силы над правом, поскольку считал, что сила — более важный фактор для поддержания существования государства, чем закон. Ориентация на силовые методы осуществления политики вообще оказалась весьма распространенной в среде теоретиков геополитики, особенно ее немецкой школы.

§ 2. Германская школа геополитики

Германская геополитика с момента своего зарождения теоретически обосновывала экспансионистский, агрессивный внешнеполитический курс кайзеровского правительства. В начале XX в. группа немецких ученых в составе **Ф. Листа, К. Брука, К. Франца и Ф. Наумана** выдвинула

концепцию «Срединной Европы». Суть этой концепции заключалась в создании под контролем Германии союза государств Центральной и Восточной Европы от Балтики до Адриатического и Черного морей. Такой союз позволил бы решить проблему «жизненного пространства» для Германии, поскольку, как писал один из авторов этой концепции Ф. Науман, «по существу Срединная Европа будет немецкой»².

После окончания Первой мировой войны наиболее заметной фигурой в германской геополитике стал **Карл Хаусхофер** (1869–1946). Этот ученый развивал идеи Р. Челлена и Ф. Ратцеля, одновременно опираясь на британские и американские геополитические концепции. Вслед за основоположниками геополитики К. Хаусхофер видел главную движущую силу всякого государства в стремлении к расширению его жизненного пространства. Исходя из принципов социал-дарвинизма, он считал закономерным поглощение малых государств более крупными. Динамическое государство нуждается в таком поглощении, поскольку с расширением своего пространства становится экономически более самостоятельным и тем самым усиливает свою мощь. Истинно же великая держава должна быть, с точки зрения К. Хаусхофера, экономически полностью независимой от своих соседей. Автаркию он рассматривал как положительное явление.

Главной задачей возглавляемых К. Хаусхофером Института геополитики в Мюнхене и «Геополитического журнала» было теоретическое обоснование территориальной экспансии Германии, ее притязаний на господствующее положение в мире. Прежде всего, К. Хаусхофер стремился привить немцам мысль о справедливости и необходимости изменения границ Германии. Делалось это при помощи введенного геополитиком понятия «вероятная карта». На протяжении двух десятилетий он печатал множество таких «вероятных карт», на которых демонстрировались желательные, с точки зрения интересов Германии, территориальные изменения. Помимо других целей, такая тактика преследовала и цель выработать у немецкого общества то, что сам Хаусхофер называл «чувством границы».

Разделяя идею многих геополитиков о вечном конфликте между континентальными и океанскими государствами, К. Хаусхофер считал, что господству последних приходит конец и будущее принадлежит сухопутным державам, в число которых входит и Германия.

Оригинальным вкладом К. Хаусхофера в геополитические исследования стала его *концепция панидей*. В соответствии с ней будущее мировое устройство представлялось в виде совокупности нескольких регионов, в каждом из которых господствовала бы панидея (т.е. идея, способная интегрировать вокруг себя все страны и народы данного региона). Вначале геополитик выделил панамериканскую, паназиатскую, панрусскую, пантихоокеанскую, панисламскую и паневропейскую идеи. Потом он

предложил иную схему нового мирового порядка. Эта схема предполагала существование лишь трех больших регионов со своими собственными панидеями: пан-Америка во главе с США, Великая Восточная Азия во главе с Японией и пан-Европа во главе с Германией.

Карл Хаусхофер через Рудольфа Гесса был тесно связан с руководством нацистской партии. Его геополитические концепции оказали большое влияние на взгляды Гитлера и его окружения, а после прихода нацистов к власти и на внешнеполитическую и военную стратегии Германии. Однако было бы неверным полностью отождествлять воззрения К. Хаусхофера с национал-социалистической идеологией. Последняя была весьма эклектична, отличалась крайним расизмом, антисемитизмом и антимарксизмом. К. Хаусхофер же мыслил сугубо геополитическими категориями. С нацистами его объединяло стремление к установлению германского господства над миром. Но конкретные пути установления такого господства они видели по-разному. С точки зрения Хаусхофера, главным противником Германии являлась Великобритания и, следовательно, задача германской геополитической стратегии заключалась в формировании единого антибританского блока. Важную роль в этом блоке должна была играть Россия (именно Россия, а не СССР, поскольку Хаусхофер абстрагировался от тогдашних социально-политических реалий).

К. Хаусхофер не испытывал к России каких-то особенных симпатий. Более того, он считал восточное направление главным направлением германской территориальной экспансии и даже изобразил на одной из своих «вероятных карт» большую часть европейской территории России как «германское пространство». Однако практическая реализация подобных планов переносилась им на неопределенно отдаленное будущее. В ближайшей же перспективе Россия рассматривалась в качестве возможного союзника. Ее геополитическое значение для Германии заключалось в том, что территория России была связующим звеном между Европой и побережьем Тихого океана. В работе «Геополитика Тихого океана» ученый писал о том, что если российские трансконтинентальные коммуникации станут доступными для Германии, это резко усилит возможности последней, так как сделает ее более независимой от контролируемых Великобританией морских путей. Далее К. Хаусхофер прогнозировал: «Русско-германское сотрудничество сделает возможным формирование внутренней организации и координации евразийского континента от Рейна до Амура и Янцзы»³. Трансконтинентальной геополитической конфигурации, обеспечивающей Германии непосредственный доступ к дальневосточному региону, он дал название «внутренней линии».

Несмотря на близость К. Хаусхофера к нацистам, ему далеко не всегда удавалось склонять их к той геополитической ориентации, ко-

торию он считал верной. Отношение гитлеровского руководства к Советскому Союзу было изначально негативным, поскольку основывалось на идеологическом и расовом подходах. Лишь в короткий период германо-советского сближения, после заключения пакта Молотова—Риббентропа, германская внешняя политика хоть в какой-то мере соответствовала концепции «внутренней линии» Хаусхофера. Немецкий геополитик всегда был противником конфликта с Россией как губительного по своим последствиям. Когда же такой конфликт стал неизбежен, К. Хаусхофер пытался предотвратить войну на два фронта. С этого момента началось охлаждение его отношений с нацистским режимом, закончившееся для него заключением в концентрационный лагерь Дахау. После окончания войны, под впечатлением от сокрушительного поражения Германии, Карл Хаусхофер покончил жизнь самоубийством.

§ 3. Британская школа геополитики

В британской геополитической школе XX в. наиболее заметным было творчество Хальфорда Макиндера (1861—1947). Так же как большинство других основоположников геополитики, Х. Макиндер начал свою профессиональную деятельность как географ. Но уже тогда у него возник интерес к взаимосвязи географии и политики, тем более что сам он принимал активное участие в политической жизни Великобритании. Известность к Х. Макиндеру как теоретику геополитики пришла уже в зрелом возрасте. В 1904 г. он выступил на заседании Королевского географического общества с докладом «Географическая ось истории», позднее этот доклад был опубликован в виде статьи с тем же названием.

Основные положения геополитической концепции Х. Макиндера сводились к следующему:

1. Физическая география имеет непосредственное влияние на политические процессы.
2. Политическая мощь каждого государства зависит от его географического положения.
3. Развитие технологии меняет политическую расстановку сил, так как технология изменяет физическую среду.
4. Материковая сердцевина Земли оказывает стратегическое влияние на происходящие политические процессы.
5. Мир в XX в. превратился в замкнутую систему.

Макиндер вводит понятие «Мировой остров», под которым понимает сплошную часть суши, включающую Азию, Африку и Европу, окруженную со всех сторон Мировым океаном. Внутреннюю часть Евразии, названную в 1915 г. английским геополитиком Дж. Фейргри-

вом Хартлендом («Сердцевинной землей»), Макиндер считал «Осевым регионом истории». По его мнению, с глубокой древности по этому пространству двигались армии завоевателей, оказавших решающее влияние на мировую политику. В качестве примера называются татаро-монголы, которые распростирали свое господство на все это пространство и создали гигантскую империю. В начале XX в. на месте монгольской империи находилось Российское государство. Теперь уже Россия, как прежде степные кочевые народы, была способна оказывать давление на окружающие страны. По Макиндеру, эти страны составляли внутренний и внешний полумесяцы. Во внутренний полумесяц входили Германия, Австрия, Турция, Индия и Китай, а во внешний — Англия, Южная Африка, Австралия, Соединенные Штаты, Канада и Япония.

После Великих географических открытий значение Хартленда упало, а могущество океанских держав возросло, однако, как считал Х. Макиндер, развитие технологий вновь стало менять баланс сил в пользу континентальных государств. Развитие транспортных коммуникаций, прежде всего железнодорожных, могут превратить Хартленд в неприступную для морских держав крепость, обладающую к тому же превосходящими природными ресурсами. Господство в Хартленде любой враждебной Великобритании державы было бы, по мнению английского геополитика, весьма опасно для ее интересов. Из двух возможных зол — российской или германской гегемонии в Хартленде — самым большим был бы последний вариант. Для Великобритании в равной мере неприемлемы ни поражение России в войне с Германией, ни их возможный союз. Х. Макиндер теоретически обосновал необходимость отказа от традиционной антироссийской ориентации британской внешней политики. На практике так и произошло — накануне Первой мировой войны обоим странам удалось согласовать свои позиции по спорным вопросам, что позволило им стать союзниками, когда эта война началась.

Любопытно, что Хальфорд Макиндер принимал участие в политических событиях, связанных с революцией и Гражданской войной в нашей стране. В 1919 г. он был назначен лордом Керзоном полномочным представителем Британской империи в Южной России. Поскольку Германия уже потерпела поражение, Макиндер выступил за раздробление России на множество государств, для того чтобы уменьшить исходящую от нее геополитическую опасность.

В 1919 г. Х. Макиндер написал едва ли не самую главную работу своей жизни — «Демократические идеалы и реальность», в которой он продолжал разрабатывать свою геополитическую концепцию. В отличие от других основоположников геополитики, Х. Макиндер рассматривал *технологическое развитие* в качестве важного фактора по-

литических изменений. Технология понималась им и как технический прогресс, и как способ организации жизни общества. Технология обеспечивает возможность контроля человека над природой. Такой контроль необходим для сохранения демократических принципов организации общества. Как только в деятельности общественного механизма происходят сбои, человек снова оказывается под угрозой зависимости от сил природы. Недаром каждую социальную катастрофу сопровождают и различные природные катаклизмы, поскольку общество теряет возможность их предотвращать.

Из понимания Х. Макиндром общества как сложного технологического механизма следовал его вывод о необходимости сохранения экономического и социального потенциала, постоянной аккумуляции общественного богатства. Если этого не происходит, общество ждут серьезные социальные потрясения, и люди, «отбрасывая идеалы, ищут организатора, который восстановит эффективность работы общественного механизма»⁴. Приходит время «реальных политиков», которые «восстановят социальную дисциплину» отнюдь не демократическими методами⁵.

Таким образом, главный вывод Х. Макиндрера сводится к следующему:

▶ общество должно поддерживать свой технологический уровень, для того чтобы избежать утраты контроля над природой и не допустить разбазаривания национального богатства. Иначе и в том, и в другом случае возникает угроза демократическим идеалам.

Этот вывод Макиндрер сделал, не в последнюю очередь, под впечатлением революционных потрясений в России. Под воздействием этих событий, а также итогов Первой мировой войны и изменений в технологической, экономической и политической сферах геополитик развивал дальше свою теорию «Осевого региона». В работе «Демократические идеалы и реальность» он впервые вслед за Фейргривом стал называть этот регион Хартлендом. Причем Хартленд был им расширен за счет включения туда Восточной и Центральной Европы на западе и Тибета с Монголией на востоке. Новые контуры «Сердцевинной земли» очерчивались с учетом индустриального прогресса, демографических сдвигов и развития транспортных коммуникаций. По-прежнему придерживаясь той точки зрения, что господство над Мировым островом открывает дорогу к мировому господству, Макиндрер уточнил это положение в своей ставшей знаменитой формуле: «Кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлендом; кто правит Хартлендом, господствует над Мировым островом; кто правит Мировым островом, господствует над миром»⁶.

Продолжая рассматривать Германию в качестве главного противника Британской империи, Х. Макиндрер больше всего боялся не-

мецкого проникновения на восток, к центру Хартленда. Чтобы не допустить этого, он предлагал создать между Россией и Германией так называемый «срединный ярус», состоящий из небольших независимых государств. Такой «срединный ярус», включавший в себя Финляндию, Латвию, Литву, Эстонию, Польшу, Чехословакию, Венгрию и Румынию, был создан. Однако главная его задача заключалась не в сдерживании германской экспансии, а в выполнении функций «санитарного кордона» против большевистской России.

В конце своей жизни, уже в годы Второй мировой войны, Х. Макиндрер выдвинул третью версию своей геополитической концепции. В 1943 г. в опубликованной в журнале «Форин афферс» статье «Земной шар и достижение мира» ученый предсказывал, что в случае победы над Германией СССР превратится в мощную сверхдержаву, занимающую ведущее положение среди континентальных государств. Однако это не будет означать безусловного завоевания Советским Союзом мирового господства. В противовес прежней своей оценке роли Хартленда Х. Макиндрер выдвинул «вторую географическую концепцию». В соответствии с ней опорной точкой Земли является Северная Атлантика, которую геополитик называет Средиземным океаном. Страны, расположенные по побережью Средиземного океана, смогут, по его мнению, сбалансировать силу государства, доминирующего в Хартленде. По сути, это была концепция северного атлантизма, предвосхитившая создание в послевоенные годы НАТО.

§ 4. Североамериканская школа геополитики

Отцом-основателем американской геополитики стал адмирал Альфред Мэхэн (1840–1914). В отличие от других классиков геополитики, он был не ученым, а военным моряком и большое внимание уделял изучению роли военно-морского могущества государства в его внешней политике. Главный труд адмирала А. Мэхэна, ставший настольной книгой многих государственных деятелей первой половины XX столетия, так и назывался: «Влияние морской силы на историю (1660–1783)». В этом произведении А. Мэхэн придерживается общего для всех направлений геополитики тезиса о прямом влиянии географического положения на политические интересы государства.

«Политика зависит как от духа века, — писал он, — так и от характера и дальновидности правителей, но история береговых наций определяется не столько свойствами правителей, сколько условиями положения, протяжения, очертания береговой линии, количеством населения, вообще тем, что называется естественными условиями»⁷.

На основе такого подхода А. Мэхэн определил критерии, исходя из которых следует оценивать геополитический потенциал государства

и главную его составляющую — военно-морскую мощь. Было выделено шесть таких критериев:

1. Географическое положение государства, его открытость морям, возможность морских коммуникаций с другими странами. Протяженность сухопутных границ, способность контролировать стратегически важные регионы. Способность угрожать своим флотом территории противника.
2. «Физическая конфигурация» государства, т.е. конфигурация морских побережий и количество портов, на них расположенных. От этого зависит процветание торговли и стратегическая защищенность.
3. Протяженность территории (в данном случае она равна протяженности береговой линии).
4. Статистическое количество населения. Оно важно для оценки способности государства строить корабли и их обслуживать.
5. Национальный характер. Способность народа к занятию торговых путей, так как морское могущество основывается на мирной и широкой торговле.
6. Характер политической власти. От этого зависит переориентация лучших природных и человеческих ресурсов на созидание морской мощи государства⁸.

Если все вышеперечисленные критерии соблюдены, то у государства появляется шанс достигнуть морского могущества, которое А. Мэхэн определял по формуле: $N + MM + NB = SP$, что означает: *военный флот + торговый флот + военно-морские базы = морское могущество*. Геополитик полагал необходимым отказаться от традиционной североамериканской внешнеполитической «доктрины Монро», ориентировавшейся на изоляционизм и замыкавшейся на проблемах Западного полушария. С его точки зрения, США должны превратиться в могущественную военно-морскую державу, способную на равных соперничать с самыми крупными и сильными государствами мира.

Из всех европейских держав наиболее близкой США как по традициям и духу, так и по географическому положению и геополитическим ориентациям Мэхэн считал Великобританию. У США и Великобритании поэтому могут быть общие цели и интересы. Обе страны должны в структуре своих вооруженных сил иметь мощный военно-морской флот, численность же сухопутной армии может быть и незначительной. Обоим англосаксонским государствам нужны базы далеко за пределами их собственной территории для контроля за основными океанскими коммуникациями. Но если Великобритания к тому времени уже была крупнейшей мировой державой, то США, по мнению Мэхэна, еще предстояло ей стать. Главной ареной противостояния интересов

основных геополитических сил, с точки зрения американского адмирала, была Азия, а в ней — «спорный и оспариваемый пояс», расположенный между 30-й и 40-й параллелями. В этом поясе, прежде всего, происходит столкновение морской мощи Англии и сухопутной мощи России. Территориальная экспансия последней представлялась Мэхэну опасной для морских держав, поскольку была направлена на юг к незамерзающим портам теплых морей.

К числу морских государств, помимо Великобритании и Соединенных Штатов, А. Мэхэн относил Японию и даже Германию. Япония рассматривалась им как естественная возможная союзница США на Тихом океане (правда, последующие несколько десятилетий опровергли такое предположение). Отношение к Германии в свете тогдашней мировой политической и экономической ситуации было более настроенным. Однако в перспективе Мэхэн прогнозировал объединение основных морских государств — США, Великобритании, Германии и Японии — в едином блоке, направленном против крупнейших континентальных держав — России и Китая. В грядущем глобальном конфликте между «сушей» и «океаном» у морских держав, по мнению Мэхэна, должно быть преимущество.

Наследником Альфреда Мэхэна в американской геополитике можно считать **Николаса Спайкмена** (1893–1943). Известность к этому ученому пришла в годы Второй мировой войны, незадолго до его смерти, а особенно после нее. Идеи Н. Спайкмена, который долгие годы возглавлял кафедру политологии Йельского университета, по-новому интерпретировали геополитические реалии, сложившиеся с началом и в ходе Второй мировой войны. Н. Спайкмен исходил из того, что целью внешней политики должно быть сохранение или увеличение силового потенциала государства. Подобный вывод основывался на реалистическом взгляде на мир, где войны и конфликты являются неизбежными вследствие царящей в сфере международных отношений анархии.

«Сила, — констатировал американский ученый, — в конечном счете составляет способность вести успешную войну, и в географии лежат ключи к проблемам военной и политической стратегии. Территория государства — это база, с которой оно действует во время войны, и стратегическая позиция, которую оно занимает во время временного перемирия, называемого миром. География является самым фундаментальным фактором во внешней политике государства потому, что этот фактор — самый постоянный. Министры приходят и уходят, умирают даже диктатуры, но цепи гор остаются непоколебимыми»⁹.

Н. Спайкмен расширил, по сравнению с А. Мэхэном, количество критериев, на основании которых следует определять геополитическое могущество государства. Причем у Спайкмена это могущество не связано напрямую с мощью военно-морского флота. По его мнению, сила

государства как субъекта международной политики зависит от: 1) территории; 2) характера границ; 3) численности населения; 4) наличия или отсутствия полезных ископаемых; 5) экономического и технологического развития; 6) финансовой мощи; 7) этнической однородности; 8) уровня социальной интеграции; 9) политической стабильности; 10) национального духа.

Н. Спайкмен пересмотрел выводы Х. Макиндера относительно роли евразийского Хартленда в мировой политике. Американский геополитик считал, что не Хартленд является ключом к контролю над миром. Такую роль выполняет евразийский пояс прибрежных территорий, или «маргинальный полумесяц». Этот полумесяц, названный Спайкменом «Римлендом» (от англ. ободок, край), находится между Хартлендом и великим морским путем, идущим от Западной Европы в Японию через Северное, Балтийское моря, Атлантический океан, Средиземное и Красное моря, Индийский океан, прибрежные моря Дальнего Востока, Восточно-Китайское и Японское моря и заканчивающимся в Охотском море у берегов Японии. В состав Римленда ученый включил страны Западной и Центральной Европы, государства Ближнего и Среднего Востока — в их числе Турцию, Иран и Афганистан; затем Индию, Тибет, Китай и страны Юго-Восточной Азии. Новое видение мировых геополитических реалий позволило Н. Спайкмену вместо формулы Макиндера выдвинуть свою: «Кто контролирует Римленд, господствует над Евразией; кто господствует над Евразией, контролирует судьбы мира»¹⁰.

Геополитическая концепция Н. Спайкмена пришлась очень кстати для обоснования и оправдания американской внешней политики начального периода «холодной войны». Если мы внимательно посмотрим на карту мира и мысленно проведем по ней линию, соответствующую Римленду, то заметим, что именно по этой линии располагались многочисленные американские военные базы, создававшиеся в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Только имея такую цепь военных баз, США смогли реально воспользоваться своим ядерным оружием в качестве инструмента давления на Советский Союз. Единственным средством его доставки к возможной цели являлась авиация, и, для того чтобы держать под прицелом жизненно важные центры «вероятного противника», необходима была как раз такая конфигурация мест базирования стратегической авиации, которая в значительной степени совпадала бы с Римлендом.

Начавшаяся в силу политических и идеологических причин «холодная война» разворачивалась в пространственных рамках, на практике подтверждавших разработанные ранее многие геополитические концепции, включая и концепцию Н. Спайкмена. Очевидно, все же не геополитика лежала в основе глобального конфликта, расколовшего мир на два больших лагеря. Но геополитическая теория давала аргументы для оправдания проистекавшей из этого конфликта политической и

военной стратегии. Вслед за переменами в мировой политике, происшедшими, в силу различных причин, на рубеже 1950-х и 1960-х годов, стали меняться и геополитические концепции. Пример тому — появившаяся в 1964 г. работа американского геополитика С. Коэна «География и политика в разделенном мире».

В своих рассуждениях С. Коэн опирается на концепцию Н. Спайкмена, но вносит в нее некоторые коррективы. Он вводит новые понятия — «геостратегический регион» и «геополитический регион». Под *геостратегическим регионом* понимаются большие участки пространства, характеризующиеся общностью местоположения, общими торговыми ориентациями, общностью культурных и идеологических связей. В рамках геостратегического региона находятся наиболее важные сухопутные и морские коммуникации. *Геополитический регион* представляет собой органическую составную часть геостратегического региона. Он более компактен и ограничен географически, интенсивность взаимосвязей, степень экономической и политической взаимозависимости отличают каждый такой регион от других.

С. Коэн выделяет два геостратегических региона — «Зависящий от торговли морской мир» и «Евразийский континентальный мир». В состав первого геостратегического региона он включил следующие геополитические регионы: 1) Англо-Америка и Карибский бассейн; 2) Морская Европа и Магриб; 3) удаленная от центра континентальная часть Азии и Океания; 4) Южная Америка. «Евразийский континентальный мир» в начале 1960-х годов С. Коэн разделил на два геополитических региона. Один из них состоял из Восточной Европы и Хартленда, который С. Коэн называл также «российским промышленным районом», включая в него европейскую часть тогдашнего СССР, Урал, Западную Сибирь и Северный Казахстан. Второй геополитический регион охватывал Восточную Азию и, в частности, континентальный Китай.

В отличие от схемы Н. Спайкмена в геополитической концепции Коэна отсутствовал единый и сплошной Римленд. Вместо этого понятия американский геополитик ввел новое — «разъединительный пояс», к которым причислил Ближний и Средний Восток, а также Юго-Восточную Азию. Значение обоих «разъединительных поясов» заключалось в том, что по ним проходили стратегические морские и сухопутные пути, а также на их территориях были сосредоточены производства специфических видов сельскохозяйственной продукции и добыча важных сырьевых ресурсов. Все это обуславливает, считал С. Коэн, стремление государств, доминирующих в обоих геостратегических регионах (США и СССР), установить контроль и над этими районами.

Начиная со Второй мировой войны сверхдержавы старались создать на Ближнем и Среднем Востоке и в Юго-Восточной Азии плацдарм для расширения своего геополитического влияния. Нетрудно заметить, что Коэн показал геополитические условия конфронтации

между двумя блоками и их лидерами к началу 1960-х годов. Действительно, большинство локальных конфликтов, за которыми стояли интересы сверхдержав, происходило как раз на этих «разъединительных поясах». В Европе же, напротив, сохранялась стабильность, это и нашло отражение в геополитической концепции Коэна. Он теоретически обосновывает возникший после Второй мировой войны раскол Европейского континента в целом и Германии, которую геополитик считал «вопросительным знаком Европы», в частности. Тем не менее американский ученый отмечал, что раздел Германии представляется его поколению закрепленным, геополитически логичным и стратегически необходимым. Эта необходимость и логичность обусловлены, с его точки зрения, традиционным тяготением западной части Германии к обращенной в сторону океана Западной Европе, в то время как восточная часть Германии в составе Восточной Европы была частью «Евразийского континентального мира». С. Коэн считал опасным, с точки зрения интересов стратегической стабильности, объединение Германии и предупреждал, что не будет мира в Европе и во всем мире, если не будет четкой границы между Западной морской мощью и Евразийской континентальной мощью в Европе¹¹.

Однако «холодная война» завершилась объединением Германии, поскольку в основе раскола этой страны, как и раскола всей Европы, лежали все-таки не геополитические, а идейно-политические факторы.

§ 5. Геополитические концепции в России

Геополитические концепции в России начали формироваться во второй половине XIX в. параллельно с возникновением интереса к пространственно-географическому фактору международной политики в странах Западной Европы. Но в отличие от Запада для русской политической мысли наиболее важным стал вопрос о геополитической самоидентификации России, о ее месте в пространственно-географической и цивилизационной структуре тогдашнего мира.

Первой концепцией, в рамках которой была предпринята попытка решения данного вопроса, стала концепция русского социального философа и политического мыслителя **Н. Я. Данилевского**. Он продолжил начатый еще славянофилами и западниками спор о взаимоотношениях России и Западной Европы, но перевел его из социально-философского и культурологического в геополитическое русло. Н. Данилевский обратил внимание на несправедливую оценку России и целей ее внешней политики со стороны многих представителей Западной Европы. Эти оценки, по мнению русского мыслителя, были тем обиднее для России, поскольку она не раз в своих внешнеполитических действиях исходила не из собственных интересов, а интересов западноевропейских государств — Германии, Франции, Австрии, или из общеевропейских

интересов в целом. Н. Данилевский считал ложными западноевропейские стереотипы восприятия России как агрессивного по своей природе государства, стремящегося к постоянной экспансии и являющегося препятствием на пути общественного прогресса. Он показывает, что процесс формирования территории российского государства шел преимущественно естественным образом, при незначительной роли того фактора, который в западноевропейских странах принято считать насильственными завоеваниями.

Выявляя причины предвзятого отношения западноевропейцев к России, Н. Данилевский задается вопросом: является ли Россия Европой и что представляет собой сама Европа? Географически Россия, точнее ее часть, входит в понятие «Европа», но сама Европа является лишь одним из полуостровов евразийского материка. Однако для Н. Данилевского Европа — не просто географический, а цивилизационный феномен. Она связана с конкретным культурно-историческим типом — германо-романской цивилизацией.

«Принадлежит ли в этом смысле Россия к Европе?» — задавался вопросом русский мыслитель. И отвечал на него следующим образом: «К сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью — нет, не принадлежит. Она не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки непосредственно из почвы ею же разрушенного древнего мира, не питалась и теми корнями, которые почерпали пищу из глубины германского Духа. Не составляла она части возобновленной Римской империи Карла Великого, которая составляет как бы общий ствол, через разделение которого образовалось все многоветвистое европейское дерево, не входила в состав той теократической федерации, которая заменила Карлову монархию, не связывалась в одно общее тело феодально-аристократической сетью, которая (как во время Карла, так и во время своего рыцарского цвета) не имела в себе почти ничего национального, а представляла собой учреждение общеевропейское — в полном смысле этого слова. Затем, когда настал новый век и зачался новый порядок вещей, Россия также не участвовала в борьбе с феодальным насилием, которое привело к обеспечению той формы гражданской свободы, которую выработала эта борьба: не боролась и с гнетом ложной формы христианства (продуктом лжи, гордости и невежества, величающим себя католичеством) и не имеет нужды в той форме религиозной свободы, которая называется протестантством. Не знала Россия и гнета, а также воспитательного действия схоластики и не вырабатывала той свободы мысли, которая создала новую науку, не жила теми идеалами, которые воплотились в германо-романской форме искусства. Одним словом, она не причастна ни к европейскому добру, ни к европейскому злу; как же может она принадлежать Европе? Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой»¹².

Подражание Европе, «европейничество» Данилевский называл в качестве главной болезни русского общества. Следование же в фарва-

тере общеевропейской политики ничего позитивного принести России не способно. Россия должна основывать свою внешнюю политику на собственных интересах, исходить из иной, чем у Европы, цивилизационной принадлежности. Западная романо-германская цивилизация вступила в эпоху своего упадка, и, по мнению Данилевского, наступило время для новой цивилизации, которую образуют славянские народы. Внешнеполитическая стратегия России должна быть направлена на создание Славянской федерации во главе с единым и цельным русским государством. Данилевский идеологически обосновал давнее стремление Российской империи завладеть черноморскими проливами, утвердиться в Константинополе:

«Всеславянская федерация с Россией во главе, со столицей в Царьграде — вот единственно разумное, осмысленное решение великой исторической задачи, получившей в последнее время название восточного вопроса»¹³.

Панславистские идеи Н. Данилевского нашли отклик в российском обществе, особенно в правоконсервативных кругах. Эти идеи соответствовали и определенным тенденциям в реальной внешнеполитической стратегии России в конце XIX в. Однако в рамках русского консерватизма существовал и пессимизм как относительно возможности самого славянского единства, так и по поводу его соответствия российским интересам. Один из самых значительных представителей консервативной политической философии России второй половины XIX столетия **К. Н. Леонтьев** писал о том, что «образование *одного сплошного и всеславянского государства* было бы началом падения государства русского. Слияние славян в одно государство было бы кануном разложения России. Россия не была и не будет чисто славянской державой. Чисто славянское содержание слишком бедно для ее всемирного духа»¹⁴. Подлинное призвание России К. Леонтьев видел в создании особой русско-азиатской цивилизации, поскольку она (Россия) уже не является ни чисто славянской в этнографическом смысле, ни европейской в географическом смысле страной.

Так же как и многие другие русские консерваторы, К. Леонтьев с недоверием относился к Западу и идущим оттуда влияниям, считая, что России нужно устоять от этого влияния и сохранить свою самобытность. Своим политическим идеалом Леонтьев называл «византизм» как нечто противоположное «европеизму», связанному с эгалитарным прогрессом. Он полагал, что Россия должна избегать повторения европейского пути общественного развития и сохранять свою самобытность до лучших времен.

Тезис о самобытности России по отношению к европейским странам нашел свое продолжение в геополитической мысли русской после-революционной эмиграции, прежде всего в концепции евразийства.

С одной стороны, это первая российская в полном смысле геополитическая концепция, с другой — его можно оценивать как попытку

обновления консервативной идеологии. В этом смысле русское евразийство напоминает западноевропейские геополитические концепции, которые использовались «обновителями» консерватизма на Западе. Связь евразийства с русской консервативной традицией особенно заметна, поскольку его представители напрямую развивали идеи Н. Я. Данилевского и К. Леонтьева.

Однако евразийство опиралось и на другие идеи и концепции, прежде всего русского географа и геополитика **В. Ломанского**. Ломанский в 1916 г. выделил «Три мира» Азиатско-Европейского материка: Собственно Европа, т.е. романо-германский мир; Средний мир, включающий в себя Российскую империю, а также некоторые соседние территории, населенные славянами; Собственно Азия, мир преимущественно дряхлый и отсталый¹⁵.

Основоположники евразийства в соответствии с таким подходом и рассматривали Евразию как срединный континент, отличный от азиатского мира (Китай, Индия, Иран) и европейского мира, расположенного западнее рек Немана, Западного Буга, Сана, устья Дуная. Россия, таким образом, и является в географическом смысле Евразией — особым, отличным от других частей света миром. Территория Евразии состоит из Восточно-Европейской, Западно-Сибирской, Туркестанской равнин, а с востока, юго-востока и юга окаймлена горами. Россия-Евразия, с точки зрения одного из главных идеологов евразийства **П. Н. Савицкого**, занимает сугубо континентальное центральное положение, по отношению к которому все остальные европейские и азиатские государства являются прибрежными.

Важнейшей категорией евразийства стала *категория «месторазвитие»*, понимаемая как единство и взаимосвязь географической и социально-исторической среды. Особенности этой среды в России-Евразии определили, как считали евразийцы, и особенности ее социально-культурного развития, хозяйственного уклада и политического строя. Культура Евразии представлялась евразийцам принципиально отличной от западной романо-германской цивилизации. Ее рассматривали как результат синтеза славянского и «туранского», т.е. азиатского. Евразийцы были сторонниками экономической автаркии, поскольку мировая экономика, по их мнению, формируется на условиях, выгодных океанским державам, а место в ней континентальных государств изначально второстепенно и зависимо. К тому же отношения собственности складывались в России-Евразии при значительной, в отличие от Европы, роли государства.

Евразийцы своеобразно толковали особенности политического развития России. Они считали ее прямой преемницей империи Чингисхана, впервые объединившего евразийский материк. Тогда же были заложены основы евразийской государственности, имеющей качественные отличия от европейских стандартов. Политическим идеалом

евразийцев была *идеократия*, под которой понимался политический режим, противоположный либерально-демократическому. Идеократия означала, по мнению П. Савицкого, приоритет нематериального и некоммерческого подхода к государственному устройству. Евразийское государство должно было строиться на основе какой-либо априорной основополагающей идеи и возглавляться носителями этой идеи, составляющими особый класс «духовных вождей».

Особенности политического развития Евразии определялись ее континентальным географическим положением и поэтому должны были иметь принципиальные отличия от политического развития пространств, тесно связанных с морскими или океанскими коммуникациями. По сути, евразийцы разделяли содержащееся в других геополитических концепциях противопоставление суши и моря. У них море ассоциируется с либеральной демократией и коммерческим практицизмом и прагматизмом. Суша — с доминированием духовного, в том числе религиозного, начала с разнообразными формами идеократии. Идеократическая государственность могла быть реализована и как религиозная теократия, и как национальная диктатура, и как однопартийное советское государство. Последнее обстоятельство объясняет попытки некоторых евразийцев найти пути примирения с большевиками и их режимом.

Но из этого ничего не получилось. Те сторонники евразийских идей, которые вернулись в Советский Союз, были репрессированы, а главный идеолог евразийства П. Н. Савицкий был арестован советскими властями в 1945 г. в освобожденной от немецких оккупантов Праге и десять лет провел в лагерях ГУЛАГа.

В Советском Союзе идеи евразийцев не были широко известны. Достоянием общественности они стали только в годы перестройки. У этих идей нашлись последователи уже в посткоммунистической России, хотя число таких последователей было невелико. По своей сути концепция евразийства является утопической, но она содержит и рациональное зерно. Это зерно заключается в том, что территория, на которой располагалась Российская империя, а затем Советский Союз, рассматривается ими как единое геополитическое образование. В такой интерпретации евразийская идея находит свое подтверждение в практике интеграционных процессов на постсоветском пространстве, в частности в создании и деятельности ЕврАзЭС.

§ 6. Геополитика и современность

Окончание «холодной войны» привело к гигантским изменениям на политической карте мира. Естественно, это вызвало новую волну интереса к геополитике. В прежние годы в СССР геополитика фактически находилась под запретом, и в нашей стране интерес к ней сегодня

особенно велик. Однако следует отметить, что не всегда этот интерес конструктивен, нередко особую активность в геополитических изысканиях проявляют люди с националистическими, экстремистскими взглядами. Геополитические концепции прошлого, так же как и геополитические доктрины современных европейских «новых правых», служат для них теоретическим обоснованием необходимости восстановления старой (царская Россия, Советский Союз) или создания новой «евразийской империи». Использование геополитической аргументации для обоснования претензий на не входящие в состав нынешней Российской Федерации территории не может принести ничего, кроме вреда, для ее подлинных национально-государственных интересов.

Как было показано выше, часто геополитические концепции не столько выполняли функцию научного обоснования внешнеполитического курса, сколько использовались в целях идеологического оправдания такого курса, выработывавшегося на совершенно иной основе. В геополитике необходимо различать элементы научного и идеологизированного, иногда даже мистифицированного подхода. Но, конечно, никакая внешнеполитическая практика не может обойтись без учета геополитических факторов, поскольку в основе геополитики лежат объективные реалии, не зависящие от человеческого сознания. Прежде всего это реалии географического характера: протяженность границ, расположение и пространственная протяженность одного государства относительно других государств, наличие или отсутствие выхода к морю, рельеф местности, принадлежность того или иного государства к какой-либо из частей света, островное или континентальное положение государства, наличие природных ресурсов и т.д. Как справедливо полагал Н. Спакмен, пока географические реалии остаются неизменными, внешняя политика государства сохраняет зависимость от них, даже если политический и экономический строй данного государства кардинальным образом меняется.

Геополитика связана также с экономическим и технологическим развитием общества, и это развитие постоянно меняет географические условия существования народов и государств. Сначала развитие мореплавания связало мир в единую систему и предоставило морским государствам полное превосходство над континентальными. Затем развитие сухопутных коммуникаций, железнодорожное строительство, ликвидировало преимущество «морских наций», создав возможность для более быстрого освоения внутриконтинентальных пространств. Появление авиации коренным образом изменило геополитическое положение островных государств, которые, как Великобритания, утратили прежнюю неуязвимость в военном отношении. Освоение космического пространства, создание ракетно-ядерного оружия качественно изменили геополитические факторы политики всех без исключения государств мира.

Для современной геополитической теории большое значение имеет изучение форм контроля над пространством с учетом технологических возможностей, которыми обладают государства. В современной литературе выделяют следующие формы такого контроля: политический; военный; экономический; цивилизационный; коммуникационный; демографический; информационный.

Политический контроль в прямой или опосредованной форме опирается на политическую инфраструктуру, через партийные, государственно-административные, договорные или властные ее разновидности. *Военный* контроль трактуется как поддержание контроля над определенной территорией военными средствами. Развитие ракетно-ядерных технологий привело к тому, что к концу 1960-х годов все пространство земного шара контролировалось США и СССР. Любая территория могла быть уничтожена этими сверхдержавами в результате ракетно-ядерного удара. Однако, очевидно, что такой контроль никогда не мог быть переведен в практическую плоскость в силу неприемлемости последствий ядерной войны. Ракетно-ядерный контроль может рассматриваться как опосредованный, направленный на консервацию той или иной крупномасштабной геополитической ситуации. Тем не менее этот опосредованный контроль существенно влияет на практическую политику, либо ограничивая масштабы геополитической экспансии, либо охраняя плоды такой экспансии. Вместе с тем продолжает выполнять свои функции традиционный военный контроль, поскольку державы могут воздействовать на соответствующие процессы и традиционными средствами.

Экономический контроль над пространством не имеет глобального характера, на любом пространстве остаются зоны, на которые он не распространяется. Но по мере возрастания меры воздействия экономики на все структуры современного общества будет расти и значение этой формы контроля. Сегодня существует тенденция интернационализации экономических субъектов и их ориентации на мировое сообщество в целом, а не на свое национальное государство, поэтому экономический контроль будет все менее отождествляться с отдельной державой. Крупнейшие конгломераты таких субъектов можно рассматривать в качестве новых носителей внегосударственного экономического контроля над пространством.

Цивилизационный контроль над пространством осуществляется через культурные архетипы разного порядка, от поведенческих до мировоззренческих. Цивилизационный контроль может охватывать весьма большие территории. Например, сегодня цивилизационное поле России распространяется на обширные формально зарубежные территории, что порождает конфликты в ряде регионов СНГ и Балтии.

Коммуникационный контроль — наиболее прямая форма контроля над пространством. Он проявляется в непосредственном воздействии

государства на пространство. До сих пор, например, остается чрезвычайно низким уровень коммуникационного контроля России над ее северными районами и Востоком, что в будущем может угрожать национальной безопасности.

Демографический контроль представляет собой важный геополитический фактор не только для государств, имеющих огромные области с низкой плотностью населения (Россия, Канада), но и для государств, имеющих этнические проблемы.

Информационный контроль стал актуальным в связи с развитием средств массовой информации, особенно с развитием теле- и радиокommunikаций. Его можно определить как одну из сторон коммуникационного контроля. Чрезвычайно велика политическая роль такого контроля. В современном мире информационный контроль, так же как и контроль экономический, более связан с относительно не зависимыми субъектами распространения информации.

Кроме вышеназванных, выделяют и физические способы контроля над пространством: наземный контроль; океанический контроль; воздушный контроль; космический контроль.

Наземный контроль охватывает сухопутную часть земного шара и земные недра, его можно назвать базисным. *Океанический* контроль с давних времен и до наших дней играет интегрирующую роль, связывая отдельные цивилизации. За океаническим контролем — большое экономическое будущее, поскольку возможности использования ресурсов моря и морского дна постоянно увеличиваются. До сих пор сохраняется и деление держав на *морские* и *континентальные*.

Воздушный контроль возник лишь в XX в., но быстро изменил характер геополитики. Он охватывает практически весь земной шар и может ослабить традиционную роль океанического контроля. Контроль авиации над пространством в военном отношении отличается большой эффективностью и существенно влияет на постановку и решение задач военной политики. *Космический* контроль над пространством сегодня выполняет прежде всего военные и информационные функции. Пока он осуществляется несколькими державами и имеет ограниченное применение. В будущем роль космического контроля, очевидно, возрастет и может привести к важным геополитическим последствиям.

Различные формы и способы контроля над пространством взаимодействуют друг с другом и именно во взаимодействии формируют суммарный контроль государства над пространством.

Примечания

¹ Ratzel F. Über die Gesetze des räumlicher Wachstum der Staaten. 1901.

² Хауман Ф. Срединная Европа. Пг., 1918. С. 69.

³ Haushofer K. Geopolitik des Parifischen Ozeans. Berlin, 1924. S. 142.

⁴ Mackinder H. J. The democratic ideals and reality. N. Y., 1944. P. 19.

⁵ Ibid. P. 20.

⁶ Ibid. P. 13.

⁷ Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю (1660–1783 гг.). СПб., 1895. С. 33.

⁸ См.: Там же.

⁹ Spykman N. J. America's Strategy in World Politics. The United States and the Balance of power. N. Y., 1942. P. 41.

¹⁰ Spykman N. J. The Geography of Peace. N. Y., 1944. P. 43.

¹¹ Cohen S. B. Geography and Politics in a Divided World. L., 1964. P. 83.

¹² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 58–59.

¹³ Там же. С. 385.

¹⁴ Леонтьев К. Н. Панславизм и греки // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 1997. С. 300.

¹⁵ Ломанский В. И. Три мира Азиатско-Европейского материка. Пг., 1916. С. 42.

Контрольные вопросы и задания

1. Почему геополитика сформировалась как отдельное направление внешнеполитической мысли в конце XIX в.?
2. Что такое «жизненное пространство», по Ф. Ратцелю?
3. Какова связь между геополитическими концепциями и внешней политикой Германии первой половины XX в.?
4. Назовите основные этапы становления и эволюции концепции Хартленда Х. Макиндера.
5. Что такое «морская мощь», по А. Мэхэну?
6. Охарактеризуйте основные факторы геополитической силы государства, по Н. Спайкмену.
7. Почему геополитические концепции Н. Спайкмена были особо популярны в США в начале 50-х годов XX в.?
8. В какой степени изменения, происходившие в международных отношениях начала 60-х годов XX века, отразились на американской геополитической мысли?

Глава 4

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ 40–60-х годов XX века

§ 1. Политический идеализм в теории и практике международных отношений

Становление политологии как самостоятельной отрасли научных исследований и отдельной учебной дисциплины пришлось на рубеж XIX и XX вв. Зародившись на основе европейской традиции политической мысли, в силу объективных причин политология в первой половине XX столетия наибольшее развитие получила в Соединенных Штатах Америки. Это привело к длительному доминированию американских ученых, их теоретических концепций и методологических подходов на различных направлениях политических исследований, включая сферу изучения мировой политики и международных отношений.

Теория международных отношений в американской политологии начала формироваться в период между двумя мировыми войнами, тогда как ее расцвет пришелся уже на послевоенное время. Особенности исторической ситуации, в которой происходило становление американской теории международных отношений, наложили свой отпечаток на одно из главных направлений этой теории — школу политического реализма. Само название данного направления призвано было стать некой антитезой господствовавшим среди части североамериканской политической элиты идеалистическим представлениям о внешней политике и международных отношениях.

Для политического идеализма первоосновой международных отношений являлись мораль и право. Сторонники данного подхода пытались анализировать цели и задачи внешней политики исходя исключительно из морально-этических и абстрактно-правовых норм. Такие представители североамериканской внешнеполитической мысли первой половины XX в., как Д. Перкинс, Ф. Танненбаум, Т. Кук, М. Мус, Ф. Джессап, У. Липпман, Т. Мюррей, В. Дин, в соответствии со взглядами классического либерализма полагали, что главными задачами внешней политики Соединенных Штатов Америки должна быть

защита идеалов свободы и демократии во всем мире. Они разделяли убеждения, что демократизация международных отношений, внедрение в мировую политику норм нравственности и справедливости окончательно устранят вооруженные конфликты и войны между народами. По их представлениям, мировое сообщество демократических государств вполне сможет добиться утверждения такого мирового порядка, при котором все конфликты будут разрешаться лишь мирным путем, на основе норм и принципов международного права, при увеличении числа и повышении роли международных организаций. Как видно, политический идеализм в США унаследовал многое из традиций европейской либеральной политической мысли.

Идеалистический подход, на практике вовсе не являющийся препятствием для применения силовых методов достижения внешнеполитических целей, обнаруживался в деятельности многих видных американских политических лидеров и политологов и позднее — со второй половины XX в. вплоть до сегодняшнего дня. В период «холодной войны» многие внешнеполитические шаги США оправдывались соображениями защиты свободы и демократии, борьбы против антилиберальной теории и практики коммунизма. Фактически это тоже было рецидивом идеалистического подхода к мировой политике и международным отношениям. Особенно характерно стремление американского президента Дж. Картера сделать приоритетом своего внешнеполитического курса «защиту прав человека». Идеалистические мотивы находили свое отражение во внешнеполитических доктринах и внешнеполитической практике не только Соединенных Штатов, но и других государств. Достаточно вспомнить хотя бы «новое мышление» Горбачева—Шеварднадзе.

Среди американской научной общественности уже в 1920—1940-е годы нарастали неудовлетворенность политическим идеализмом, разочарование в результатах политической практики, основанной на его принципах. Прежде всего это было связано с провалом внешнеполитической доктрины и дипломатической практики администрации президента Вудро Вильсона. Как известно, он оправдывал необходимость отказа от вытекавшего из концепции изоляционизма нейтралитета и вступления США в Первую мировую войну ссылками на нарушение Германией правовых и морально-этических норм. В своих знаменитых «14 пунктах» В. Вильсон выдвинул основанный на идеалистических подходах план послевоенного мирного урегулирования. В соответствии с этим планом наряду с осуществлением территориальных изменений после окончания Первой мировой войны предполагалось создать универсальную международную организацию — Лигу Наций. По представлениям В. Вильсона и людей, разделявших его взгляды, именно международные организации, а не сила, должны гарантировать в будущем мир и безопасность.

Фактический провал планов В. Вильсона (Лига Наций хотя и была создана, осталась малоэффективным институтом, в деятельности которого сами США отказались принимать участие) вызвал разочарование у американской политической элиты. Это разочарование было усилено в дальнейшем полным провалом Пакта Бриана—Келлога. Этот пакт, заключенный по инициативе министра иностранных дел Франции А. Бриана и госсекретаря США Ф. Келлога в 1928 г., предусматривал отказ его участников от войн как средства урегулирования международных споров и содержал призыв разрешать такие споры только мирными средствами. Хотя Пакт Бриана—Келлога был подписан представителями почти всех крупных государств мира и стал важнейшим международно-правовым документом, его реальное политическое значение оказалось близким к нулю. Уже на стадии подписания по настоянию некоторых государств в текст документа были внесены поправки, выхолащивающие его содержание, а в дальнейшем те же государства (Германия, Италия, Япония) своими действиями перечеркнули и дух и букву этого Пакта.

§ 2. Политический реализм в США

Иллюзия того, что Первая мировая война могла бы стать «последней войной» в истории человечества, рассеялась. Уже в середине 1930-х годов в мире чувствовалось приближение нового глобального вооруженного конфликта. Провал попыток умиротворения агрессоров и начало Второй мировой войны резко усилили в политической элите США позиции тех, кто выступал за силовые методы достижения внешнеполитических целей. Поворот же к традиционным взглядам на мировую политику и международные отношения в американской политологии произошел еще накануне войны. Этот традиционный, или «реалистический», взгляд был присущ прежде всего таким мыслителям прошлого, как Н. Макиавелли, Т. Гоббс и ряду других, концепции которых изложены в первой главе. Суть реалистического подхода заключалась в том, что сила, а не моральные и правовые принципы определяют внешнюю политику государства.

Наряду с наследием европейской политической мысли в формировании школы политического реализма определенную роль сыграли работы американского философа и теолога **Р. Нибура**. В книге «Моральный человек и аморальное общество», вышедшей в 1936 г., Нибур писал об изначальной греховности человека и склонности ко злу вследствие того, что он стремится достичь большего, чем может на самом деле. Далее мыслитель пришел к выводу о неизбежности и неустранимости борьбы между людьми за власть и силу. Он философски обосновал то, что реалисты считали и считают ядром и движущей силой международной политики. Отдельные положения и тезисы американская школа политического реализма заимствовала у различных геополитических

концепций, хотя полностью отождествлять эти направления внешне-политической мысли было бы ошибочным.

Основоположником и наиболее видным представителем школы политического реализма в США считается **Ганс Моргентау** (1904–1980). Не будучи американцем по рождению (его родина — Германия), Г. Моргентау проявил себя активным сторонником защиты интересов Соединенных Штатов на международной арене. С его точки зрения, международная политика, как и всякая другая, является борьбой за власть. Саму же власть он рассматривал как возможность контроля над умами и действиями людей, причем политическая власть — это отношения взаимного контроля между теми, кто обладает властью, и между последними и народом в целом. В сфере международных отношений под борьбой за власть Г. Моргентау подразумевал борьбу государств за утверждение своего силового превосходства и влияния в мире.

► С позиций политического реализма, **международные отношения** — это прежде всего отношения межгосударственные, где единственными реальными акторами являются суверенные государства. Последние, естественно, стараются реализовать собственные интересы, используя весь имеющийся в их распоряжении силовой потенциал. Войны и конфликты, таким образом, представляются неизбежным следствием самой природы международных отношений, а надежды добиться всеобщего мира, опираясь на правовые и моральные нормы, — иллюзией.

Ганс Моргентау сформулировал широко известный основной тезис политического реализма, который гласит: «Цели внешней политики должны определяться в терминах национального интереса и поддерживаться соответствующей силой»¹. В соответствии с таким подходом анализ категорий **национальный интерес** и **национальная сила** находился в центре внимания самого Г. Моргентау и других представителей американской школы политического реализма — Дж. Кеннана, К. Томпсона, Ч. Маршалла, Л. Халле, Ф. Шумана, Ч. и Ю. Росту, Р. Страуса-Хюпе.

В англоязычной литературе понятие «нация» тождественно понятию «государство», что соответствует западным традициям и реалиям, где давно уже сформировалось и национальное государство, и гражданское общество. Поэтому речь фактически идет о национально-государственных интересах. Представители школы политического реализма подразделяют их на *постоянные, основополагающие* и *преходящие, промежуточные* интересы. К числу первых относят: 1) «интересы национальной безопасности», под которыми подразумевается защита территории, населения и государственных институтов от внешней опасности; 2) «национальные экономические интересы», а именно — развитие внешней торговли и рост инвестиций, защита интересов частного капитала за границей; 3) «интересы поддержания мирового

порядка», включающие взаимоотношения с союзниками, выбор внешне-политического курса.

Промежуточные интересы по степени значимости можно выстроить в следующем порядке: 1) «интересы выживания», т.е. предотвращение угрозы самому существованию государства; 2) «жизненные интересы» — создание условий, препятствующих нанесению серьезного ущерба безопасности и благосостоянию всей нации; 3) «важные интересы» — предотвращение нанесения «потенциально серьезного ущерба» для страны; 4) «периферийные или мелкие интересы», связанные с проблемами преимущественно локального характера.

В зависимости от конкретной ситуации, складывающейся в мировой политике, на первое место выдвигаются те или иные основополагающие или промежуточные интересы в различных сочетаниях между собой.

Термин **«национальная сила»** (могущество), применяющийся в англоязычной литературе, не имеет точного эквивалента в отечественной. Наиболее близок он таким понятиям, как «государственная мощь», «внешнеполитический потенциал государства». Речь идет о тех ресурсах, которые государство может задействовать для достижения целей своей внешней политики. При выявлении компонентов того, что они понимают под «национальной силой», представители послевоенной волны политических реалистов в США находились под сильным воздействием геополитических концепций. Как можно легко убедиться, Ганс Моргентау многое заимствовал у А. Мэхэна и Н. Спайкмена. По его мнению, в структуру «национальной силы» входят следующие элементы: 1) география; 2) природные ресурсы; 3) производственные (индустриальные) мощности; 4) военный потенциал; 5) численность населения; 6) национальный характер; 7) моральный дух нации; 8) качество дипломатии. Влияние геополитического подхода здесь налицо, хотя имеются и различия. Наряду с материальными факторами Г. Моргентау выделяет и нематериальные, к которым относятся три последние из вышеназванных элементов. Отмечая, что и национальный характер и национальная мораль трудно поддаются рациональному прогнозированию, политолог усматривает в них реальную способность воздействовать на международные отношения и внешнюю политику того или иного государства. В качестве примера Г. Моргентау указывает, что некоторые характеристики древнегерманских племен римского историка Тацита вполне применимы и к армии Фридриха Барбароссы, и к войскам Вильгельма II и Адольфа Гитлера.

Национальная мораль, по мнению Г. Моргентау, определяет степень решимости, с которой нация способна поддерживать политику своего правительства как во время войны, так и в условиях мира. Особо важное значение он придавал «качеству дипломатии». Этот фактор напрямую зависит от личностей лидеров, формирующих и осуществляющих внешнеполитический курс.

Г. Моргентау предостерегал от ошибочного взгляда на силу и мощь государства как постоянную и абсолютную величину. В реальной международной политике меняются потенциалы основных государств-акторов, происходит и перманентное изменение соотношения сил. Примером ошибочной оценки собственного потенциала и недооценки потенциала противника, полагал Моргентау, могут быть просчеты государственно-политического руководства Франции в 1940 г. Это руководство опиралось на иллюзорное представление о том, что военная мощь Франции, как и в 1918 г., не имеет себе равных в Европе. В то же время степень подготовленности к войне Германии им явно недооценивалась. Роковой просчет привел в итоге к позорному поражению Франции и вступлению гитлеровской армии в Париж.

Вместе с тем Г. Моргентау вовсе не отвергал полностью роли права и морали в политике. Напротив, он утверждал, что политический реализм признает моральное значение политического действия. Однако американский политолог указывал на существование неизбежного противоречия между моральным императивом и требованием успешного политического действия. Государство не может, по его мнению, действовать по принципу: «Пусть мир погибнет, но справедливость должна восторжествовать!» Поэтому моральные критерии по отношению к действиям людей, определяющих государственную политику, должны рассматриваться в конкретных обстоятельствах места и времени, а высшей моральной добродетелью в международных отношениях должна быть умеренность и осторожность. Г. Моргентау фактически выступил против навязывания каким-либо одним государством своих принципов всем остальным, утверждая, что политический реализм отказывается отождествлять моральные стремления какой-либо нации с универсальными моральными нормами.

Политический реализм допускал возможность существования трех моделей внешней политики:

- 1) политика статус-кво, которая проводится государством, стремящимся сохранить влияние в сфере международных отношений;
- 2) империалистическая политика, присущая государствам, стремящимся к расширению сферы своего влияния и изменению баланса сил в свою пользу;
- 3) политика престижа, характерная для государств, демонстрирующих силу для сохранения своего места в системе международных отношений.

Было бы неверным рассматривать политический реализм лишь как возврат к традиционным взглядам на мировую политику и международные отношения. Поскольку становление этого направления происходило после Второй мировой войны, его сторонники должны были учитывать принципиально новые реальности этого времени. Одним из важнейших новых факторов в мировой политике стало появление

ядерного оружия. Наличие такого оружия неизбежно должно было вести к пересмотру прежних представлений о внешней политике. Такой пересмотр и произвел Ганс Моргентау, выдвинувший известную формулу о четырех парадоксах стратегии ядерных государств.

Первый парадокс заключается в том, что одновременно со стремлением использовать ядерную или иную силу в международных отношениях существует и боязнь прибегнуть к ней из-за угрозы всеобщей ядерной катастрофы. Следствием этого парадокса стало уменьшение значения военной мощи. «Чем большей силой наделена та или иная страна, — писал Г. Моргентау, — тем меньше она способна ее использовать»². Сознание иррациональности ядерной войны препятствует применению не только ядерных, но и обычных сил. Ядерные державы могут пойти на риск применения обычных средств ведения войны лишь при условии, что будут использовать их для достижения ограниченных по своему характеру целей либо при заведомой локализации конфликта. Неядерные государства оказываются, таким образом, менее скованными в выборе средств.

Второй парадокс связан со стремлением выработать ядерную политику, при которой можно было бы избежать вероятных последствий ядерной войны. Смысл этого парадокса, по мнению Г. Моргентау, заключается в абсурдности концепции «ограниченной ядерной войны». Эта концепция была нацелена на поиск способа ведения ядерной войны, позволяющего избежать собственного уничтожения. Нереальность подобного сценария обусловлена тремя факторами: неизбежной неясностью исхода военной акции, неопределенностью намерений противника и, наконец, огромным и неоправданным риском развязывания ядерной войны.

Третий парадокс Г. Моргентау видел в одновременном продолжении гонки ядерных вооружений и попытках ее прекращения. По его мнению, количественный и качественный рост ядерного оружия в отличие от обыкновенных вооружений имеет свои пределы. «Когда та или иная сторона, — писал он, — получает в свое распоряжение систему доставки, способную перенести последствия первого удара и доставить ядерные боеголовки до всех возможных целей, она одновременно достигает разумного предела в производстве ядерных вооружений»³. После этого невозможно любое рациональное оправдание продолжения гонки ядерных вооружений. Тем не менее эта гонка продолжается, потому что решения принимаются в соответствии со старыми стереотипами, выработанными в другую историческую эпоху.

Четвертый парадокс заключается в том, что с появлением ядерного оружия коренным образом меняются отношения между союзниками. Традиционный союз, располагающий ядерным оружием, устарел в политическом плане, поскольку этот союз или не может быть надежной защитой, или же предоставляет одному из его членов право вершить

судьбу другого члена в жизненно важных вопросах. Союз, стремящийся к сохранению статус-кво, не может рассчитывать на поддержку основных неядерных держав. Союз, в котором ядерным оружием располагает более чем одно государство, не встретит сочувствия со стороны любого члена, вооруженного ядерным оружием. Распространение же этого оружия среди стран, до сих пор не обладавших им, может привести к всеобщей катастрофе. Таким образом, и этот парадокс остается неразрешенным.

Обобщая выводы, сделанные на основе анализа всех четырех парадоксов, Г. Моргентау констатировал:

«Любая попытка, независимо от ее изобретательности и дальновидности, направленная на увязывание ядерной мощи с целями и методами государственной политики, сводится на нет необычной разрушительной силой ядерного оружия»⁴.

§ 3. Политический реализм в Западной Европе

В послевоенные годы американская политология стала оказывать весьма сильное воздействие на развитие политической науки в западноевропейских странах. Теоретические и методологические подходы, имевшие место в работах американских политологов, нашли своих последователей среди европейских ученых, разрабатывавших различные направления политической науки, включая и теорию международных отношений. Поскольку школа политического реализма была ведущей в США, то и в Западной Европе постулаты этой школы получили самое широкое распространение. Западноевропейские политологи лишь использовали концепцию Г. Моргентау и других американских реалистов для объяснения тех или иных событий в международной политике, поэтому их работы не были оригинальными в теоретическом отношении. Исключением следует считать французскую школу изучения мировой политики и международных отношений. Ее ведущим представителем в 1960-е годы по праву считался выдающийся французский социолог, политолог и философ **Раймон Арон** (1903—1983).

Р. Арона нельзя называть ортодоксальным приверженцем школы политического реализма, поскольку он остро критиковал многие основополагающие тезисы, содержащиеся в работах Г. Моргентау. Вместе с тем Р. Арон, в конечном счете, пришел к тем же выводам, что и критикуемая им школа политического реализма. Прежде всего, Р. Арон разделял традиционное, идущее еще от Т. Гоббса представление о «естественном» характере отношений между государствами.

«В своих взаимоотношениях, — писал он, — государства не вышли из естественного состояния. Если бы они из него вышли, то теории международных отношений больше бы не существовало»⁵.

По Р. Арону, для внешней политики государств характерны две символические фигуры — дипломата и солдата, поскольку отношения между государствами «состоят, по существу, из чередования войны и мира»⁶. Каждое государство может рассчитывать в отношениях с другими государствами только на свои собственные силы, и оно должно постоянно заботиться об увеличении своей мощи. Р. Арон усматривал специфику международных отношений в отсутствии единого центра, обладающего монополией на насилие и принуждение. Поэтому он признавал неизбежность конфликтов между государствами с применением силы и делал из этого вывод о том, что подлежат объяснению прежде всего причины мира, а не причины войны.

Несмотря на совпадение ряда базовых принципов и подходов французского социолога с аналогичными принципами и подходами школы политического реализма, между ними сохранялись и существенные различия. Раймон Арон стремился дать социологическое объяснение многим феноменам в сфере мировой политики и международных отношений. Так, вслед за классиками социологии XIX в. он указывал на отличия между традиционным и индустриальным обществами в самом главном вопросе международных отношений — в вопросе о войне и мире.

В традиционном обществе, где технологическим и экономическим фундаментом является рутинное сельскохозяйственное производство, объем материального богатства заведомо ограничен, а само богатство сводится в основном к двум главным ресурсам — земле и золоту. Поэтому, указывает Р. Арон, завоевание было рентабельным видом экономической деятельности (естественно, для победителя). Таким образом, существовала рациональная мотивация использования вооруженной силы для присвоения богатств, произведенных трудом других народов. С переходом к индустриальному обществу рентабельность завоеваний стала неуклонно падать по сравнению с рентабельностью производительного труда. Происходило это потому, что развитие новых индустриальных технологий, широкое использование достижений науки и технического прогресса обусловили возможность интенсивного роста совокупного общественного богатства без расширения пространства и без завоевания силой сырьевых ресурсов. Как подчеркивал Р. Арон, во второй половине XX столетия экономическая прибыль, которая может быть получена в результате войны, смехотворна по сравнению с тем, что дает простое повышение производительности труда. «Промышленная цивилизация действительно позволяет осуществить сотрудничество классов и наций, — утверждал социолог в одной из своих работ 1950-х годов, — она делает войну бессмысленной, а мир — соответствующим интересам всех»⁷. Уменьшает риск войны, становится сдерживающим фактором и появление оружия массового поражения.

Однако все вышеперечисленные обстоятельства не могут полностью исключить военную силу из числа средств достижения внешнепо-

литических целей. Хотя, по Арону, значение этой силы уменьшилось, а значение экономических, идеологических и иных ненасильственных факторов внешней политики возросло, риск возникновения военных конфликтов не исчез.

Причина тому — сохранение естественного состояния в международных отношениях и, как следствие, потенциальная возможность несовпадения, конфликта государственных интересов, взаимного недоверия, роковых ошибок в принятии внешнеполитических решений. Несмотря на кардинальные изменения в системе международных отношений, сохраняются прежние стереотипы в мышлении политических лидеров и военных, стереотипы, выработанные в те времена, когда применение военной силы было само собой разумеющимся. Личностный фактор становится, таким образом, весьма важным фактором мировой политики, а в исследовании международных отношений главным направлением — изучение способов и методов принятия внешнеполитических решений. Ориентация на разработку теории принятия решений сближает Р. Арона с таким направлением американской политологии, как модернизм.

§ 4. Модернистские концепции международных отношений

Модернизм появился в середине 1950-х годов и стал своеобразным противовесом господствовавшему в сфере изучения международных отношений политическому реализму. Возникновение нового направления было обусловлено разными причинами.

Во-первых, влиянием технологического и научного прогресса, появлением новых средств и возможностей для теоретического и эмпирического изучения международных отношений. Во-вторых, изменениями в мировой политике, вызванными ослаблением в конце 1950-х годов накала «холодной войны», и, в-третьих, приходом в американскую политическую науку нового поколения ученых. Куинси Райт, Мортон Каплан, Карл Фридрих и Карл Дойч, а именно с этими именами связывают рождение модернизма, стремились привести в теорию международных отношений новые идеи и методы, частично заимствуя их из других общественных и естественных наук. Особое внимание уделялось ставшей модной тогда кибернетике, общей теории систем, математическим методам социологических и политологических исследований. Критикуя школу политического реализма, модернисты обвиняли ее в неспособности учитывать новые явления в международной жизни, отсутствии широкой теоретической базы исследований, несовершенстве категориального аппарата. Эта критика далеко не всегда была объективной и зачастую носила не рациональный, а эмоциональный

характер. Тем не менее такой критический анализ позволил вскрыть и многие недостатки традиционных представлений.

Модернисты подвергли сомнению главный тезис реалистов о силе как важнейшем факторе, позволяющем одним государствам воздействовать на другие государства, диктовать им свою волю. Справедливости ради следует заметить, что роль этого фактора в международных отношениях ими полностью не отвергалась. Критиковалась и отстаиваемая классиками политического реализма трактовка категории национального интереса, хотя сами модернисты вовсе не отказывались от использования этой категории, но отрицали ее объективный характер.

Усилия модернистов были направлены на выработку некоей альтернативной политическому реализму общей теории международных отношений. Надежды на создание подобной теории были связаны с использованием для исследования мировой политики и международных отношений общей теории систем. Первая подобная попытка была предпринята в 1955 г. Ч. Макклеландом, выдвинувшим предположение о том, что международные отношения следует рассматривать как систему, состоящую из взаимосвязанных частей, структура которой в значительной степени определяет поведение объединенных ею государств. Дальнейшее развитие данная концепция получила в работах М. Каплана, Дж. Розенау, Р. Розенкранца, Д. Сингера и других американских политологов. Они считали целью всякой международной системы сохранение внутреннего стабильного состояния.

В структурном отношении международная система подразделялась на отдельные подсистемы и элементы, которые во взаимодействии с окружающей средой проявляют себя как единое целое. Общее состояние международных систем определяется независимыми и зависимыми переменными. Термином **«независимые переменные»** обозначались: основные акторы международных отношений (государства, международные организации), структура международной системы (различные типы политических и иных союзов и группировок), формы и виды взаимодействия между основными элементами системы (экономические, военные, дипломатические каналы взаимодействия в условиях либо конфликта, либо сотрудничества). **«Зависимые переменные»** включали: могущество государства (способность оказывать влияние на поведение других акторов), управление силой (применение силы одним государством против другого государства), стабильность существующей структуры и процессов в международной системе и их изменение. На основе количественного анализа перечисленных переменных предпринимались попытки построения математических моделей международных систем.

Внимание модернистов привлекал также вопрос о связи международной системы с внутренними политическими системами. Иначе говоря, проблема взаимодействия системы и среды рассматривалась как

проблема воздействия внутренней политической ситуации на международные отношения и наоборот.

Вышеназванная проблема особенно привлекала одного из самых известных представителей модернизма 1960-х годов **Джеймса Розенау**. Этот американский политолог выдвинул специальную *концепцию сцепления*. Этим термином Дж. Розенау обозначил такое явление, когда поведение актора в рамках одной внутренней системы влияет на другую, равно как и на систему международных отношений. Технологический прогресс, развитие массовых коммуникаций, указывал он, усиливают тенденции к сцеплению и делают политические системы более проницаемыми для внешнего влияния. В концепции сцепления Дж. Розенау отстаивает тезис о том, что внешняя политика любого государства детерминирована как внешними, так, еще в большей степени, и внутренними факторами. Но одновременно и внутренняя политика подвержена влиянию других государств и всей системы в целом. Из этого вытекает вывод о примате внутренней политики над внешней. Дж. Розенау обосновывал данный вывод ссылками на то, что внешняя политика, во-первых, имеет «домашнее происхождение», а, во-вторых, ее эффективность также в значительной степени проверяется отношением к ней в своей собственной стране.

Дж. Розенау выделил пять основных факторов, влияющих, по его мнению, на внешнюю политику:

- 1) индивидуальные факторы, под которыми понимаются личные качества, талант, предшествующий опыт политических деятелей, определяющие особенности принятия внешнеполитических решений данными лидерами по сравнению с другими;
- 2) ролевые факторы или, иными словами, факторы, имеющие отношение к внешнему поведению государственных деятелей, обусловленные ролью, вытекающей из занимаемого ими официального положения, а не из их личных качеств и характеристик;
- 3) правительственные факторы, по мнению Дж. Розенау, касаются тех аспектов правительственной структуры, которые определяют границы внешнеполитического выбора политических лидеров;
- 4) «общественные переменные» — основные ценности общества, степень его национального единства, уровень экономического развития и т.д.;
- 5) «системные переменные», т.е. факторы, определяемые воздействием внешней среды и международной системы на внешнеполитический выбор государственных лидеров (географические реальности, идеологические вызовы со стороны других государств, стабильность правительств в странах, с которыми данное государство взаимодействует в системе международных отношений, и т.д.).

Неудивительно, что при таком подходе к пониманию сути внешней политики и детерминирующих ее факторов, внимание модернистов было сосредоточено на субъективной стороне международных отношений, на изучении роли отдельных личностей и групп в принятии внешнеполитических решений.

Широко известна концепция **Ричарда Снайдера**. По его мнению, механизм принятия внешнеполитического решения можно объяснить взаимодействием трех переменных величин: ролью и взаимоотношением различных органов, поступлением в них информационных потоков и действиями отдельных лиц. Большое значение Р. Снайдер придавал изучению мотивации. В соответствии с его концепцией, мотивы, которыми руководствуются государственные чиновники при принятии внешнеполитических решений, можно разделить на два основных вида:

- 1) мотивы, выработанные под воздействием профессионального опыта чиновника, приобретенного им в прошлом;
- 2) мотивы, детерминированные всем жизненным опытом данного государственного чиновника как частного человека.

В большей степени, полагал Р. Снайдер, следует учитывать мотивы первого вида. Но бывают обстоятельства, когда именно индивидуальные особенности политических лидеров и государственных чиновников оказывают влияние на принятие решений по вопросам внешней политики.

Специалисты, исследующие механизмы принятия решений, считают необходимым учитывать наличие групп давления, стремящихся влиять на формирование внешнеполитического курса. Среди таких групп давления чаще всего называют: экономическую элиту, политическую и правительственную элиту, средства массовой информации, лидеров, формирующих общественное мнение, политически активную часть населения.

Представляет интерес модель принятия решений, предложенная в начале 1970-х годов английским политологом **Нейджелом Форвардом**. Он выделил шесть критериев, на основе которых государственные лидеры принимают внешнеполитические решения:

- 1) сохранения национального единства, или, иными словами, учет факторов, обеспечивающих существование данной страны в качестве независимого государства;
- 2) обеспечения национальной безопасности, прежде всего в военном отношении;
- 3) сохранения национальной роли, т.е. учет факторов, позволяющих государству сохранять свое место в системе международных отношений;
- 4) создания прецедентов;

- 5) сохранения репутации, смысл которого в том, что каждое государство, выполняющее свои обещания и угрозы, поднимает свой международный авторитет, а государство, поступающее иначе, напротив, его теряет;
- 6) сохранения международного стандарта, или критерий следования нормам морали и международного права.

Следуя методологии Макса Вебера, Н. Форвард называет три идеальных типа лиц, принимающих внешнеполитические решения. В основе этого деления лежит различие в принципах отбора и учета критериев. Первый тип получил у Н. Форварда наименование «торопливые». К нему относятся политические лидеры, быстро реагирующие на любые действия, угрожающие национальным интересам, не учитывающие долгосрочные последствия принимаемых в данный момент решений. Этот тип обращает внимание на первые три из вышеназванных критериев, одновременно игнорируя три последних. Второй идеальный тип — «беспокойные». Это политические деятели, ориентированные на долгосрочные последствия принимаемого решения и учитывающие пятый и шестой критерии. Третий тип назван политологом «мечтателями». Это люди, опирающиеся только на международные стандарты, и считающие, что при принятии внешнеполитических решений следует руководствоваться нормами морали и международного права.

На основании данной схемы попытаемся типологизировать политических лидеров бывшего Советского Союза. Вероятно, Н. Хрущева можно было бы назвать «торопливым», М. Горбачева — «мечтателем», а Л. Брежневу больше всего подошло бы определение «беспокойный», если бы не его решения о вводе войск в Чехословакию и Афганистан.

Среди теоретических школ модернистского направления получила известность также *теория игр*. Цель теории — разработать линию поведения в различных смоделированных международных политических и экономических ситуациях. В соответствии с этой теорией, впервые сформулированной в книге **Дж. фон Неймана** и **О. Моргенштерна** «Теория игр и экономическое поведение», каждое государство, предпринимая внешнеполитические действия, или желает поражения противоположной стороне и выигрыша для себя («игра с нулевой суммой» — суммарный выигрыш одного равен проигрышу другого), или, напротив, стремится к сотрудничеству с другой стороной («игра с ненулевой суммой» — никто не проигрывает и не выигрывает). В любой ситуации, в которой могут оказаться люди, определяющие внешнюю политику того или иного государства, перед ними имеется возможность выбора одного из четырех решений: наилучшего; в большей степени хорошего, чем плохого; в большей степени плохого, чем хорошего; наихудшего. Задача теории игр, по мнению ее авторов, заключалась

в том, чтобы с помощью систематизации и математического анализа множества ситуаций подсказать политическим лидерам оптимальную стратегию. Данная стратегия должна, с одной стороны, сохранять преемственность, но, с другой стороны, не может быть раз и навсегда установленной для всех будущих ситуаций.

Со временем различия между модернизмом и реализмом стали стираться, тем более что некоторые из этих различий, как признавали сами участники теоретических дискуссий, были надуманными. Многие идеи, предложенные модернистами, получили всеобщее признание. Постепенно, по мере того как на смену политическому реализму пришли другие, более современные концепции, например неореализм и неолиберализм, модернистское направление как целостное явление утрачивает прежнее значение. Но большинство представителей данного направления сохранили свое место в науке. В современных условиях такие ученые, как Дж. Розенау, Дж. Модельски и другие, являются общепризнанными авторитетами в области теории международных отношений.

Примечания

¹ Morgentau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. N. Y., 1965. P. 440.

² Моргентау Г. Четыре парадокса ядерной стратегии // Американцы размышляют, американцы критикуют: Проблемы внешней политики США. М., 1967. С. 326.

³ Там же. С. 343.

⁴ Там же. С. 353.

⁵ Aron R. Paix et guerre entre les nations. Paris, 1968. P. 19.

⁶ Ibid. P. 18.

⁷ Aron R. La société industrielle et la guerre. Paris, 1959. P. 68.

Контрольные вопросы и задания

1. Почему либеральные представления о международных отношениях стали называться «политическим идеализмом»?
2. Каковы основные принципы «политического реализма», по Г. Моргентау?
3. Что такое власть в сфере международной политики?
4. Какова иерархия национальных интересов с точки зрения политического реализма?
5. Сравните структуру национальной силы по Г. Моргентау с концепцией Н. Спайкмена: в чем сходство и в чем различие?
6. В чем Г. Моргентау видел противоречивость последствий появления ядерного оружия для международных отношений?
7. В чем сходство и в чем различие взглядов Г. Моргентау и Р. Арона?
8. Охарактеризуйте роль и место модернизма в развитии теории международных отношений.

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ в 1970–1990–е годы XX ВЕКА

§ 1. Неолиберальные концепции международных отношений

Со временем различия между модернизмом и реализмом стали стираться, тем более что некоторые из этих различий, как признавали сами участники теоретических дискуссий, были надуманными. Однако постулаты политического реализма и далее подвергались критике. Основным противовесом традиционным представлениям о мировой политике и международных отношениях, начиная с 70-х годов XX в., стала концепция транснационализма. Ряд исследователей, ссылаясь на работы американского политолога **Г. Алмонда**, полагают, что теоретические предпосылки этой концепции появились еще раньше. Действительно, еще в вышедшей в 1950 г. работе «Американский народ и внешняя политика» этот всемирно известный ученый подверг сомнению традиционную этатистскую схему, согласно которой в сфере международной политики взаимодействуют между собой только некие абстрактные, внутренне монолитные государства. Г. Алмонд пытался проанализировать влияние отдельных государственных структур и групп на внешнеполитическую деятельность. Развивая эти идеи, **К. Дойч** и **Дж. Розенау** указали, что в каждом государстве существуют группы, выступающие как самостоятельные субъекты международных отношений, и они способны поддерживать прямые связи с аналогичными группами в других странах без какого-либо реального участия со стороны правительственных структур.

Окончательно новое направление в изучении мировой политики и международных отношений оформилось в 1971 г. с выходом в свет под редакцией **Роберта Кеохейна** и **Джозефа Ная** книги «Транснациональные отношения и мировая политика»¹. Этой работе на основе анализа сдвигов в мировом общественном развитии, происшедших к началу 1970-х годов, **Дж. Най** и **Р. Кеохейн** констатировали резкий рост уровня взаимозависимости между отдельными странами в эко-

номической, политической и социальной сферах. Государство больше не способно полностью контролировать такой обмен, оно утрачивает свою прежнюю монопольную роль главного субъекта международных отношений. С точки зрения сторонников транснационализма, полноправными субъектами международных отношений могут выступать транснациональные компании, неправительственные организации, отдельные города или иные территориальные общности, различные промышленные, торговые и иные предприятия, наконец, отдельные индивиды. К традиционным политическим, экономическим, военным отношениям между государствами добавляются разнообразные связи между религиозными, профессиональными, профсоюзными, спортивными, деловыми кругами этих государств, причем их роли могут иногда быть равными. Утрата государством прежних места и роли в международном общении нашла выражение и в терминологии — замене термина «интернациональный» (межгосударственный, исходя из западного понимания единства нации и государства) термином «транснациональный» (т.е. осуществляемый помимо государства, без его непосредственного участия).

Последователи транснационализма сделали вывод, что на смену традиционным международным (межгосударственным) отношениям должна прийти новая мировая политика как механизм демократической самоорганизации качественно обновленного международного сообщества. Главные тенденции этой политики будут определяться уже не столько индивидуальными действиями отдельных государств, сколько логикой развития международных политических институтов: глобальных и региональных международных организаций, системой официальных договоров и неофициальных договоренностей, институтами международного права и мирового общественного мнения.

Транснационализм стремится реабилитировать некоторые либеральные подходы к международной политике, отвергнутые прежде как «идеалистические». В частности, это касается идей **И. Канта**, изложенных им в трактате «О вечном мире». Одновременно приверженцы транснационализма считают возможным примирить традиционные («реалистические») и либеральные («идеалистические») взгляды на мировую политику и международные отношения, поскольку эти взгляды, по их мнению, дополняют друг друга.

Из-за возрастающей взаимозависимости всех стран мира меняются не только субъекты мировой политики, но и средства, которые могут быть использованы для достижения внешнеполитических целей.

«Военная сила, — пишет в связи с этим **Дж. С. Най** (младший), — главный инструмент могущества согласно традиционной точке зрения на мировую политику. Она остается последней формой осуществления власти в межгосударственной системе, где каждое государство отвечает за себя

и над ними нет высшего правительства. Но в наш век ядерного оружия и подъема национализма среди населения слабых стран военная сила стала для современных великих держав средством, использование которого обходится дороже, чем в прошлые века. Более важными стали другие инструменты — такие как средства коммуникации, организационные и институциональные возможности, а также умение манипулировать асимметричной взаимозависимостью².

Последнее обстоятельство объясняется тем, что «менее зависимая или менее уязвимая сторона в условиях взаимозависимости нередко обеспечивает свое влияние, используя угрозы или манипулирование взаимозависимостью»³.

Возрастание взаимозависимости и снижение роли силового фактора в международных отношениях объясняется действием ряда объективных тенденций в мировом общественном развитии, приводящим к расширению возможностей частных субъектов и небольших государств по сравнению с возможностями великих держав. *Первая тенденция* связана с развитием транспорта и массовых коммуникаций. Это, в свою очередь, способствовало появлению и быстрому росту транснациональных корпораций при одновременном ослаблении правительственного контроля над их действиями. Мировая торговля стала теснить в структуре мировой экономики мировое производство, а это еще больше повысило роль транснациональных субъектов и сделало взаимозависимость между странами более сложной и интенсивной.

Вторая тенденция связана с процессами модернизации, урбанизации и развития коммуникаций в странах «третьего мира». Одним из последствий таких процессов стали социальные сдвиги и рост национализма в этих странах, что препятствует осуществлению военных интервенций и иных традиционных средств обеспечения господства со стороны более развитых государств. Причина поражения США во Вьетнаме и Советского Союза в Афганистане и заключалась в том, что обоим сверхдержавам не удалось навязать свою волю социально мобилизованному и националистически настроенному населению бедных и отсталых стран. В этом сторонники транснационализма также видят перераспределение власти в международных отношениях от правительств к частным субъектам, в данном случае к национально-освободительным движениям.

Третья тенденция также ведет к перераспределению власти, но не в пользу частных субъектов, а в пользу небольших и слабых государств. В результате широкого распространения новых технологий, в том числе и военных, отсталые страны способны укреплять свой военный потенциал даже без сколько-нибудь серьезного экономического и социального прогресса. Поэтому военное вмешательство сверхдержав на региональном уровне становится все менее «рентабельным» и тем самым уменьшается их способность влиять на ситуацию в «третьем мире».

Четвертая тенденция заключается в сокращении возможностей ведущих государств мира контролировать состояние окружающей среды. Обострение экологической и других глобальных проблем выявляет неспособность даже наиболее крупных и могущественных государств справиться с ними. Эти проблемы по своей природе являются транснациональными, поскольку включают в себя как внутривнутриполитический, так и внешнеполитический компонент. Решение глобальных проблем возможно только в рамках коллективных действий и сотрудничества всех государств. Отсюда и стремление многих сторонников транснационализма рассматривать весь мир как глобальное гражданское общество, т.е. возрождать одно из традиционных либеральных положений, которое было теоретической предпосылкой для обоснования необходимости создания наднациональных органов вплоть до образования мирового государства.

Модификация в концепции транснациональных отношений тезисов классической либеральной доктрины дает основание многим исследователям причислять ее, вместе с некоторыми другими, к числу неолиберальных. К таковым относят, например, концепцию «мирового гражданского общества» и теорию «демократического мира». Сначала понятие «мировое гражданское общество» использовалось в рамках неомарксистского подхода, затем его взяли на вооружение неолибералы.

С точки зрения неолибералов, формирование мирового гражданского общества — это процесс становления и развития сети международных неправительственных организаций (МНПО), действующих по всему миру. МНПО являются носителями универсальных общечеловеческих ценностей, и поэтому, по мнению неолибералов, их распространению мешать нельзя. Границы государств должны быть максимально открыты для деятельности структур правозащитного, природоохранного и гуманитарного характера. Государства, препятствующие работе МНПО, должны подвергаться критике и осуждению. Развитие мирового гражданского общества в итоге должно обеспечить господство универсальных правовых и моральных норм во всем международном сообществе, о чем мечтали представители либеральной традиции политической мысли на протяжении столетий.

На практике данная неолиберальная концепция может быть использована для легитимации вмешательства во внутренние дела суверенных государств и потому выглядит спорной с точки зрения действующего международного права.

Возникновение теории демократического мира связывают с именами таких политологов, как **К. Лейн** и **Э. Тард**. Данная теория является современной неолиберальной интерпретацией тезиса И. Бенгтама о том, что «демократии между собой не воюют». Сторонники традиционного либерально-идеалистического подхода рассматривали рас-

пространение демократических форм правления как одно из условий наступления «вечного мира», но понимали такое распространение как естественный, объективный процесс. Сегодня неолiberaлы не только не отрицают, но и предполагают насильственное навязывание демократических режимов странам, политика которых, по их мнению, представляет угрозу миру и безопасности.

Своеобразным прикладным вариантом теории демократического мира стала концепция «демократизации Ближнего Востока», взятая на вооружение администрацией США в начале XXI в. Авторы этой концепции предположили, что после утверждения в странах Ближнего Востока демократических режимов он перестанет быть источником террористической опасности и очагом напряженности. Практическая реализация концепции «демократизации Ближнего Востока» привела, в случае с Ираком, к результатам, противоположным ожидаемым. Если и сегодня перспектива утверждения в Ираке стабильной демократической системы выглядит весьма проблематичной, то распад единой иракской государственности, использование его территории различными экстремистскими силами могут стать реальностью.

Появление неолiberaльных взглядов на мировую политику оказало влияние на развитие теории международных отношений в целом. В частности, в 70-е годы XX в. традиционный реализм трансформировался в неореализм.

§ 2. Становление неореализма

Политический реализм оставался ведущим направлением в теории международных отношений вплоть до 70-х годов XX в. Однако критика со стороны представителей иных направлений, а также изменения в мировой политике в тот период заставили сторонников реалистической парадигмы отчасти пересмотреть свои взгляды. Основоположником неореализма в американской политической науке считается **Кеннет Уолтц**. В ранний период своей научной деятельности он был последователем Г. Моргентау и относился к числу наиболее известных представителей школы политического реализма. Но уже с конца 1950-х годов К. Уолтц делает первые шаги к пересмотру традиционной методологии политического реализма. Окончательный разрыв с этой методологией был завершён им в 1979 г. с выходом книги «Теория международной политики»¹.

К. Уолтц выделил три уровня анализа международных отношений: уровень индивида, уровень государства и уровень международной системы в целом. Классический политический реализм учитывал лишь второй уровень, т.е. рассматривал международные отношения с точки зрения взаимодействия отдельных, изолированных друг от друга госу-

дарств. По мнению Уолтца, политический реализм представляет собой теорию внешней политики, а не теорию международных отношений. Последняя же возможна только на уровне изучения всей международной системы. Помимо тех факторов, которые учитывал классический политический реализм, внешнюю политику отдельных государств определяет и их место в структуре системы международных отношений. Сама эта структура складывается под влиянием взаимодействия наиболее сильных и крупных государств между собой, и поэтому утверждать о сохранении гоббсовского естественного состояния можно лишь имея в виду такие государства. Малые и средние государства на эту структуру повлиять не могут, но для их внешней политики она выступает в качестве внешнего ограничителя.

Особенности применения методологии неореализма или, как его называют иначе — структурного реализма, можно проследить на примере такой важнейшей проблемы теории и практики международных отношений, как проблема войны и мира. Неореалисты признают, что истоки стремления к вооруженному насилию можно найти и на уровне исследования человеческой природы, поэтому считают возможным использовать выводы фрейдистских, неофрейдистских и иных социально-психологических, а также биологических концепций, так или иначе объясняющих склонность людей к насилию. Однако основным и тем более единственным объяснением причин вооруженных конфликтов эти концепции быть не могут.

В анализе международной политики на уровне государства неореалисты мало чем отличаются от своих предшественников из школы политического реализма. Они также характеризуют национальную политику в терминах национального интереса и национальной силы, считая, что любая серьезная угроза интересам национальной безопасности или другим жизненно важным интересам того или иного государства может стать предпосылкой для использования им своих силовых ресурсов. Катализатором вооруженных конфликтов может стать и гонка вооружений. Государства традиционно стремились обеспечить свою военную безопасность путем накопления вооружений. Часто это происходит на основе неверной или неполной информации о военном потенциале и военной стратегии других государств, а также предположения о возможности появления в будущем каких-либо новых военных угроз. Действия одного государства по накоплению вооружений подталкивают другие государства к аналогичным усилиям, и процесс гонки вооружений становится перманентным и самовоспроизводящимся. В результате, на определенном цикле этого процесса у одного из государств может появиться соблазн использовать свое временное военное превосходство и нанести потенциальному противнику упреждающий удар. Такое же желание может возникнуть и из-за опасения

появления у других государств новых систем вооружения, которые дают гипотетическому противнику преимущества в военной сфере.

Детонатором крупного международного вооруженного конфликта могут стать внутренние политические конфликты, возникающие в результате дестабилизации социально-экономической, этнической или религиозной ситуации в отдельном государстве. Государство может быть вовлечено в войну и вследствие наличия у него политических или правовых обязательств перед союзниками. Например, в случае возникновения ситуации, требующей выполнения союзнических обязательств, либо в случае агрессии со стороны какого-либо враждебного обоим союзникам государства.

Как отмечают многие политологи, в том числе и неореалисты, подтолкнуть государство к использованию вооруженной силы может идеологический фактор. Так, решение направить американскую армию во Вьетнам, а также решения о проведении многих других вооруженных акциях принимались под влиянием антикоммунистических концепций, характерных для внешней политики США в период «холодной войны». Точно так же вмешательство Советского Союза в вооруженные конфликты в «третьем мире», апофеозом которого стала афганская война, оправдывалось принципами пролетарского интернационализма, необходимостью поддержки национально-освободительных движений как одной из сил мирового революционного процесса. Любая мессианская идеология способна легитимировать вооруженное насилие целью глобального распространения своих базовых ценностей. Это относится и к либеральной идеологии. Сегодня на Западе, в том числе и среди неореалистов, стала популярной концепция «гуманитарной интервенции», оправдывающая вооруженное вмешательство защитой прав человека и задачей предотвращения гуманитарной катастрофы.

Неореалисты обращают внимание также на зависимость между характером политической системы и политического режима государства и его возможной вовлеченностью в вооруженные конфликты. При этом подвергается критике давний либеральный тезис о том, что «демократии между собой не воюют». На основе статистического анализа неореалисты пришли к выводу, что прямой зависимости между наличием или отсутствием демократического режима и стремлением к развязыванию войны нет. Можно только отметить, что страны, где утвердились принципы либеральной демократии, реже воюют между собой. По мнению некоторых американских неореалистов, правительства с неограниченной исполнительной властью в условиях отсутствия конкуренции со стороны оппозиции более склонны к агрессии для расширения собственной территории и овладения ресурсами других стран.

На третьем уровне анализа, уровне системы международных отношений, неореалисты связывают вероятность войн с характером струк-

туры этой системы и ее изменениями. Один из самых известных современных неореалистов Р. Гилпин видит причины войн в том, что на протяжении предшествующей истории человечества не раз возникало несоответствие между устоявшейся системой международных институтов и правовых норм и изменившимся балансом сил. Набирающее мощь государство или группа государств сталкивается с теми государствами, которые занимают в существующей системе господствующее положение. Война, таким образом, означает борьбу за гегемонию. В результате определяется новый лидер, формируется международный порядок, отражающий новую расстановку сил. Такой международный порядок существует до тех пор, пока эта расстановка не изменится.

К. Уолтц сравнивал однополярные, биполярные и многополярные модели международной системы с точки зрения степени их стабильности и, следовательно, вероятности вооруженных конфликтов. Наиболее стабильной он считает биполярную структуру, а наименее стабильной — однополярную, многополярная занимает между ними промежуточное положение. Однако есть и противоположное мнение, согласно которому рост числа полюсов и центров силы ведет к дестабилизации, а однополярная структура международной системы, обеспечивая концентрацию силы и власти, является наиболее стабильной.

Неореалист **Саймон Браун** предложил шесть гипотез, объясняющих причины вооруженных конфликтов в зависимости от структуры международной системы:

- 1) однополярные системы с устойчивыми связями между государствами обладают наибольшими возможностями предотвращать конфликты;
- 2) войны в одинаковой степени возможны как в однополярной, так и в многополярной системе со слабыми связями, но когда ведущие государства не расколоты на противостоящие друг другу коалиции, у них меньше стимулов к участию в локальных конфликтах;
- 3) двухполярные и многополярные системы со слабыми связями создают большую вероятность вооруженных конфликтов, способных распространяться на всю систему; данная структура отношений подталкивает ведущие государства к вмешательству в локальные конфликты;
- 4) возникновение войн в биполярной системе с сильными связями внутри полюсов в целом маловероятно, но если война начинается, то ее трудно локализовать;
- 5) теоретически наиболее безопасной может быть многополярная система, состоящая из внутренне сплоченных и интегрированных коалиций;

- б) отсутствие в структуре международной системы ярко выраженных полюсов, с одной стороны, в наибольшей степени провоцирует возникновение вооруженных конфликтов, но, с другой стороны, способствует их локализации.

Не отказываясь от большинства базовых постулатов политического реализма, неореалисты пытаются модифицировать некоторые из них. Это относится, например, к такому понятию, как «баланс сил». **Стефан Уолт** предлагает вместо «*баланса сил*» использовать понятие «*баланс угроз*». Объясняя это тем, что далеко не всякая сила, находящаяся в распоряжении одного государства, представляет собой реальную опасность для других государств и требует адекватных мер по обеспечению собственной безопасности. Вследствие этого вместо традиционной политики на основе «баланса сил» предлагается политика на основе «баланса нападения и обороны».

► В отличие от классического политического реализма задачи внешней политики трактуются не как задачи борьбы за наращивание силы и власти, а как задачи обеспечения своей безопасности. Баланс определяется как соотношение между издержками по завоеванию чужой территории для одного государства и издержками по защите своей территории для другого.

При таком подходе дилемма безопасности выглядит следующим образом: если издержки нападения оцениваются как более низкие, то увеличивается вероятность войны. Если в данный момент нападение выгодно, то два государства с равными силовыми потенциалами не могут обладать одинаковой степенью безопасности, что в перспективе может привести к войне, поскольку у обеих сторон появится стремление к наращиванию силы. Даже если главной целью является безопасность, все равно у государства, находящегося в подобной ситуации, сохраняется соблазн нанести удар по предполагаемому противнику. Само осознание выгоды нападения стимулирует проведение дипломатии с позиции силы, порождает неверные представления о гипотетическом противнике, что тоже может спровоцировать войну. Если же государство начинает заботиться преимущественно о собственной обороне, то оно не уменьшает безопасности других государств. Когда параллельно укрепляется безопасность нескольких государств, создаются условия для сотрудничества между ними, поскольку исчезает угроза нападения на любое из них. При этом и нападение со стороны более сильных государств на относительно слабые государства будет неприемлемым, так как средства защиты делают цену вероятной победы слишком высокой. Основными факторами, влияющими на «баланс обороны и нападения», с точки зрения неореалистов, являются следующие: военно-технологическое развитие; особенности географического положения;

военный потенциал; национализм, под которым понимается готовность населения нести потери в период военных действий и соглашаться с ростом военных расходов в мирное время; совокупная мощь государства, включающая его собственные ресурсы и ресурсы тех территорий, которые оно в данный момент контролирует.

Неореалисты вслед за неолибералами признают снижение роли исключительно военных и, соответственно, возрастание роли экономических и социальных факторов в международных отношениях. Но делают это своеобразно: по их мнению, увеличивается экономическая составляющая совокупной мощи государства и относительно падает доля военной составляющей, но стремление к большей безопасности путем наращивания силы, как глубинный мотив внешнеполитического поведения самого государства, по-прежнему сохраняется.

Современные различия между неореалистами и неолибералами, по мнению американского политолога **Д. Болдуина**⁵, сводятся к шести основным пунктам.

1. Неолибералы признают, что международная система характеризуется некоторой анархией, но, в отличие от неореалистов, считающих такую анархию основополагающей, придают большое значение нарабатываемым во внешнеполитической практике определенным моделям взаимодействия между государствами.

2. Неореалисты согласны с неолибералами в том, что широкое международное сотрудничество и объединение усилий государств в различных сферах возможно, но, в отличие от них считают такое сотрудничество и взаимодействие трудно осуществимым и по-прежнему в большей степени зависящим от правительств, чем от частных субъектов.

3. Неореалисты видят в кооперации, т.е. сотрудничестве, объединении усилий, лишь относительную выгоду для государств, в то время как неолибералы настаивают на абсолютной выгоде от кооперации для всех ее участников.

4. Хотя сторонники обоих подходов согласны с тезисом о том, что двумя главными приоритетами государства являются национальная мощь и экономическое благополучие, однако неореалисты отдают предпочтение первому, а неолибералы — второму.

5. В отличие от неолибералов, неореалисты больше подчеркивают значение действительных возможностей и ресурсов государства, чем декларируемых политических намерений.

6. Хотя неореалисты и признают возрастание роли международных организаций и их способности воздействовать на международные отношения, но полагают, что неолибералы преувеличивают такую возможность.

К вышеперечисленным пунктам можно добавить и то, что, как правило, сами неолибералы склонны отрицать существование серьезных

различий между ними и неореалистами, тогда как последние стремятся такие различия всячески подчеркнуть.

§ 3. Постмодернистские и неомарксистские концепции международных отношений

Заметным течением в теории международных отношений 70-х годов XX в. стал *неомарксизм*. Хотя в этот период существовало полтора десятка государства, в которых у власти находились коммунистические партии, и официальный марксизм-ленинизм сохранял еще свое влияние в мире, неомарксизм имел с ним очень мало общего. Данное направление зародилось в странах Запада в среде левых интеллектуалов, критически настроенных по отношению как к капиталистическому обществу, так и к «реальному социализму». Многие видные представители неомарксизма были связаны с идеологией и политической практикой движения «новых левых» конца 1960-х годов, пытавшихся по-новому прочесть и интерпретировать Карла Маркса.

В теории международных отношений неомарксизм использовал ряд присущих классическому марксизму теоретико-методологических подходов. Это, прежде всего, идея экономического детерминизма и классового анализа. Так же как марксисты XIX — начала XX в., неомарксисты 70-х годов XX столетия полагали, что в основе политических, в том числе международных, отношений лежат экономические факторы. Международная политика, с точки зрения неомарксистов, является не результатом взаимодействия национальных государств, а представляет собой взаимоотношения больших социальных групп-классов. Правда, само понимание классов в неомарксизме серьезно отличается от классического марксистского, так же как и в ключевые понятия марксизма «базис», «надстройка», «способ производства» и т.д., неомарксизм вкладывает иное содержание. Более того, ряд выводов, к которым пришли неомарксисты, прямо противоположны выводам, сделанным в свое время К. Марксом, Ф. Энгельсом или В. Лениным.

В 1970-е годы неомарксисты и прежде всего такие видные представители данного течения, как Самир Амир, Йохан Гантлунг, Иммануил Валлерстайн, главное внимание обращали на проблемы отношений развитых стран Западной Европы, Японии и Северной Америки с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки. Следуя классической марксистской теории об эксплуатационном (эксплуататорском) характере капиталистического способа производства, особенно в его империалистической стадии, неомарксисты утверждали, что отсталость стран «третьего мира» есть следствие колониального господства империалистических держав, и ее сохранение объясняли приходом на смену классическому колониализму неоколониализма.

Неоколониализм наследует неравноправные экономические отношения, основанные на неэквивалентном обмене и эксплуатации населения развивающихся стран монополистической буржуазией стран Запада. Изменить характер международных экономических отношений в пользу населения афроазиатских и латиноамериканских стран мог бы «новый мировой экономический порядок» (НМЭП), концепция которого была предложена неомарксистами. Идеи НМЭП получили официальное признание со стороны ООН, стали популярными среди леволиберальных кругов Запада и среди политических элит стран «третьего мира».

Антиимпериалистический, антизападный пафос неомарксистов, их обличение неоколониализма соответствовали целям внешней политики СССР и активно использовались в советской внешнеполитической пропаганде. Однако полного тождества между неомарксистскими концепциями и советской версией марксизма-ленинизма не было. Многие неомарксисты основной глобальный конфликт в тогдашнем мире видели отнюдь не в противостоянии двух сверхдержав и их блоков, а в конфликте между богатым Севером и бедным Югом, причем в состав Севера они включали СССР и его восточноевропейских союзников. Отдельные неомарксистские концепции выглядели на фоне ортодоксальной коммунистической идеологии вполне экстравагантно, например, мир-системный анализ И. Валлерстайна, подробная характеристика которого будет дана в следующей главе книги.

Неомарксизм, так же как неореализм и неолиберализм, можно считать продолжением традиционных парадигм, утвердившихся в исследовании международных отношений на протяжении как минимум двух предшествующих столетий. Однако в конце XX в. появилось и принципиально новое направление, методологически связанное с политической философией постмодернизма. Термин *«постмодернизм»* впервые использовал французский философ **Франсуа Лиотар**, понимавший его как критику рационалистических концепций, восходящих к эпохе Просвещения и претендующих на адекватное объяснение реальностей современного мира. Многие исследователи полагают, что постмодернизм — широкомасштабная реакция на философское наследие эпохи Просвещения, проявившееся в различных областях гуманитарного знания. Постмодернистское течение отличает иррационализм и негативный взгляд на возможности познания мира. По утверждениям его представителей, все оценки существующей реальности представляют собой лишь субъективные интерпретации, поскольку не существует истины, которую нужно было бы искать или отстаивать в борьбе.

Еще в большей степени, чем естественным наукам, постмодернизм отказывает в праве на объективность и рациональность наукам общественным. По мнению одного из основоположников постмодернизма,

М. Фуко, общественные науки отражают не объективную реальность, а лишь глубинные структуры человеческого мышления. Как полагал Фуко, знание рождает власть, но и обладание властью облегчает доступ к знанию, он использовал термин «власть/знание», обозначивший взаимозависимость между этими двумя понятиями. Познание всегда испытывает влияние со стороны власти, поэтому то, что можно назвать истиной, есть продукт определенных исторических условий, а не объективное отражение реальности, нашедшее подтверждение в практике.

Один из наиболее известных постмодернистов, **Ж. Деррида**, предпринял попытку отказаться от традиционного понимания взаимоотношений между субъектом и объектом. Французский философ представлял субъект познания как некое порождение языка и культуры. На основе изучения различных текстов он попытался доказать, что субъект зависит от образа мыслей и языка, используемых им в процессе познания. Из этого вытекало, что познающий субъект, вместо того чтобы интерпретировать окружающий мир, сам выдумывает его.

По мнению постмодернистов, существующая реальность представляет собой социальный конструкт, создаваемый верованиями и поведением людей. По мере того как та или иная идея появляется и распространяется, люди начинают в нее верить и в соответствии с ней действовать. Идеи постепенно воплощаются в общественных нормах и институтах, механизмах социального контроля и тем самым создают общественную реальность. Общественные науки по своей природе не могут быть нейтральными, свободными от ценностного подхода, поскольку наука — это не только инструмент познания, но и часть общественной практики, порождающей новые формы мышления и жизни. Рассуждая о международной политике, постмодернисты доказывали, что «холодная война» стала результатом реализации концепции политического реализма с его ставкой на силовой механизм регулирования международных отношений.

Следует отметить, что отношение постмодернистов к реалистической парадигме в теории международных отношений как в ее классическом, так и в неореалистическом варианте более негативно, чем к либеральной или марксистской парадигме. Постмодернисты сходятся, например, с неолибералами в вопросах снижения роли национальных государств и повышении роли негосударственных субъектов в мировой политике. Однако основное внимание постмодернисты уделяют исчезновению самого принципа территориальности политической власти. На этом основываются концепции «смерти географии», «сжатия времени-пространства», «эмансипации территориальности». Территориальный принцип построения власти, с точки зрения постмодернизма, хорош только для тех случаев, когда имеет место однородность населения, а поскольку такой однородности в современном мире ста-

новится все меньше, то и данный принцип должен уйти в прошлое. Постмодернисты констатируют, что многие из существующих ныне политических, этнических, культурных, религиозных или профессиональных общностей действуют в масштабах, далеко выходящих за пределы самых крупных государственных образований. Все чаще имеет место внерегиональная, внегосударственная, в целом внетерриториальная форма организации экономических, политических, социокультурных, этноконфессиональных процессов.

По мнению некоторых постмодернистов, традиционные основы национальных государств размываются не только из-за перераспределения значительной части властных полномочий в пользу наднациональных структур, таких как Европейский Союз, но и потому, что сама политическая власть теряет свое значение по отношению к власти экономических институтов и глобальных рыночных механизмов. Весьма распространенным среди постмодернистов стало утверждение о том, что на смену традиционным государственным границам приходит так называемая «внутренняя граница», разделяющая группы и отдельных индивидуумов внутри населения каждого государства, поэтому в будущем следует ожидать перехода от территориальных сообществ к сетевым сообществам, функционирующим на базе общих интересов и ценностей и не зависящим от территориальной принадлежности участников. Территориальность, в соответствии со взглядами постмодернистов, может быть поглощена иными интегрирующими факторами, например, принадлежностью к той или иной мировой религии. В таком случае этнонациональная принадлежность, или гражданско-политическая лояльность по отношению к государственным институтам, может обладать меньшей значимостью, чем вероисповедание, чувство солидарности с единоверцами, находящимися за пределами собственной этнической территории и государственных границ.

Негативное отношение к модели национального государства объясняется и тем, что для постмодернистов она является продуктом отвергаемой ими эпохи модерна и воплощает такие ненавистные постмодернистам черты, как господство «инструментальной рациональности», приоритет материальных ценностей над духовными, централизация и унификация. Они противопоставляют принципам равенства и однородности принципы разнообразия и приветствуют плюрализм везде, в том числе и в системе международных отношений. Этим, в частности, можно объяснить и негативное отношение постмодернистов к внешней политике США и ведущих государств Западной Европы, а также к ряду распространенных на Западе взглядов о международной политике. Известный постмодернист **Дж. Дер Дерриан** считает представление о дипломатии как инструменте посредничества и достижения мира мифом, призванным замаскировать суть реальной внешнеполитической практики Запада.

На основе проведенного им исторического, культурологического, политического и лингвистического анализа Дж. Дер Дериан доказывает, что западная дипломатия была нацелена только на защиту собственных эгоистических интересов. США и их западноевропейские союзники традиционно делят внешний мир на «своих» и «чужих», причем последние автоматически воспринимаются как угроза для безопасности Запада. Даже небольшие «чужие» государства могут рассматриваться в качестве серьезной угрозы, поскольку они дестабилизируют устраивающую западные страны систему международных отношений. Подобный подход может породить стремление превратить «чужих» в «своих», что, по мнению постмодернистов, и является причиной агрессивности Запада, его попыток унифицировать весь мир по своему образцу и подобию.

Настороженное отношение постмодернистов к идеям нового мирового порядка также основано на критике «культурного империализма», который ассоциируется у них с «доминированием Запада» в международных отношениях. По мнению постмодерниста **Р. Б. Дж. Уокера**, даже нормы международного права и идеи прав человека являются лишь воплощением универсалистских надежд западных либералов и призваны легитимировать претензии ведущих западных государств на свое доминирование в современном мире. Не верили постмодернисты и в возможность создания каких-либо наднациональных универсальных структур, например «мирового правительства», поскольку такое правительство навязывало бы миру некую «всеобщую волю». В качестве цели постмодернисты провозглашали разрушение «иерархической целостности мира за счет усиления влияния и роли различных маргинальных групп и акторов».

Внутри постмодернизма выделилось феминистское течение, для которого были характерны собственные подходы к проблемам международных отношений. В современном мире феминизм существует во многих вариантах, но их объединяют следующие принципы:

- пол является важнейшей детерминантой политического процесса и мощным фактором социализации, поскольку современные общества основываются на половых различиях;
- политическая жизнь традиционно проходила под воздействием доминирования мужчин, женщины же были исключены из нее в качестве полноправных участниц, причем современная цивилизация имеет тенденцию к нарастанию этого неравенства;
- настало время признать, что «мужская интерпретация» политических реалий не может быть признана ни доминирующей, ни исчерпывающей.

С точки зрения феминистов, женщины остаются дискриминируемой и угнетенной частью населения. Феминисты часто ссылаются на

следующие данные: в развитых странах на долю женщин приходится менее $\frac{2}{3}$ рабочих мест и около половины заработной платы; в развивающихся странах женщинам гораздо менее, чем мужчинам, доступно образование и здравоохранение, $\frac{2}{3}$ всех неграмотных — женщины. Основную часть низкооплачиваемой рабочей силы на предприятиях ТНК составляют женщины. Именно женщины в наибольшей степени страдают от вооруженных конфликтов. Если в прошлом в войнах гибли прежде всего военнослужащие, то теперь от 80 до 90% жертв военных конфликтов приходится на гражданское население, женщин и детей. Они же составляют 80% беженцев, а женщины-беженки, по мнению феминистов, являются самыми обездоленными из всех бедняков мира. Страдая от такого имманентно присущего международным отношениям феномена, как конфликты, женщины практически лишены возможности реально влиять на международную политику и участвовать в принятии внешнеполитических решений. Только 5% глав государств современного мира — женщины. К концу XX в. доля женщин в старшем звене служащих госдепартамента США составляла 5%, а среди ответственных работников Министерства обороны США — 4%.

Традиционно политика была уделом мужчин, причем наиболее привилегированной их части. По мнению феминистки Сандры Хардинг, взгляд на международные отношения с позиций аутсайдеров, в частности женщин, может быть более объективным, чем взгляд с позиций правящих групп, представители которых мыслят в соответствии с господствующими концептуальными схемами. Это касается концепций политического реализма, в наибольшей степени отразивших мужской взгляд на политику. Феминистка Р. Грант утверждала, что доминирование мужчин в мире привело к легитимации силы и исключило нравственные принципы из сферы политики. В работах некоторых наиболее радикальных феминистов мужчина трактуется как существо, обладающее неограниченными возможностями вызывать опасность. В противоположность этому сущностными чертами женщины называется забота, эмоциональная открытость и неагрессивность. Такая логика приводит сторонников феминистских концепций к утверждению, что усиление роли женщины в политике будет способствовать снижению уровня напряженности и конфликтности в международных отношениях, сделает мир более стабильным и справедливым.

Феминизм, как и постмодернизм в целом, внес существенный вклад в формирование новых подходов к проблемам безопасности. Благодаря постмодернистским и феминистским концепциям, в исследовании этих важнейших проблем теории и практики международных отношений стали принимать во внимание не только военно-политические, но и экономические, экологические, социальные, культурные, информационные аспекты.

§ 4. Теоретические концепции международной интеграции

Сторонники традиционно-реалистического подхода, от Фукидида, Макиавелли и Гоббса до Моргентау и его последователей, считали межгосударственную разобщенность и анархию принципиально непреодолимой, а международные отношения по своей природе конфликтными. Но еще в античные времена родилась идея «космополиса» — глобального государства, охватывающего все пространство тогдашнего мира. Создание подобного государства, охватывающего все пространство тогдашнего мира, должно было устранить разобщенность отдельных государств и, следовательно, устранить межгосударственные конфликты и их следствия — войны — из жизни народов.

Идея «космополиса» нашла свое продолжение в многочисленных проектах создания «мирового государства» или «мирового правительства», а также в либеральной концепции международной политики. Сторонники этой концепции выражали надежды на создание международных организаций, особенно универсальной международной организации, и придание им со временем наднационального статуса, дающего возможность преодолеть межгосударственную разобщенность и анархию. Как известно, попытка на практике использовать либеральную концепцию для перестройки международных отношений, предпринятая Вудро Вильсоном после окончания Первой мировой войны, завершилась неудачей. Это относится и к плану создания первой универсальной международной организации — Лиги Наций. Разочарование характером и результатом деятельности этого международного института заставило ряд исследователей заняться поиском таких моделей международной интеграции, которые не были бы столь грандиозными, но в то же время носили бы более конкретный и прагматический характер. Исторически первой концепцией международной интеграции во второй половине XX столетия стала концепция «функционализма».

Изучение феномена международной интеграции с позиций «функционализма» началось с изучения причин неудачи в создании Лиги Наций. Английский исследователь **Д. Митрани** в 1943 г. опубликовал статью «Мир и функциональное развитие международной организации»⁶. В этой статье он указал, что Лига Наций потерпела поражение потому, что государства увидели в ней угрозу своему суверенитету. Автор высказался о неэффективности построения любой предварительной конструкции политической интеграции. С его точки зрения, глобальная международная организация вообще не может преодолеть негативные последствия национальных суверенитетов и даже гарантировать мирные отношения между государствами. Поэтому после окончания Второй мировой войны необходимо, считал автор, не создавать над-

национальные организации, а продвигать сотрудничество государств в конкретных экономических, социальных, научно-технологических, культурных сферах. Сама практика этого сотрудничества подтолкнет государства к формированию межгосударственных органов и политической кооперации.

«Функционализм» видел в расширении межгосударственного сотрудничества в отдельных сферах путь к достижению политической цели — интеграции государств в объединенную общность с постепенным отмиранием их суверенитетов. «Функционализм» не видит в национальном государстве перспектив для решения новых экономических, социальных, технических и технологических проблем. Эти проблемы могут быть решены только на международном уровне. Поэтому вместо «вертикальной» территориальной обособленности должна появиться «горизонтальная» модель взаимодействия, обеспечивающая координацию межгосударственного сотрудничества в конкретных сферах. Таким образом, будут устранены экономические и социальные причины конфликтов, а в перспективе постепенно и безболезненно можно будет преодолеть государственные суверенитеты. Длительное и тесное сотрудничество между государствами исключит вооруженные конфликты между ними. Международная среда изменится коренным образом, солдаты и дипломаты уступят место администраторам и техникам, отношения между канцеляриями — прямым контактам между техническими администрациями, а защита суверенитетов — решению конкретных вопросов. Исследователи отмечали двойственность функционального подхода к интеграционным процессам. «Идеалисты» видели в нем стремление к созданию наднациональных структур. «Реалисты» обращали внимание, прежде всего, на сохранение в среднесрочной перспективе основных атрибутов государственного суверенитета.

«Функционализм» оказал влияние на создание и развитие Организации Объединенных Наций. В Хартии ООН большое внимание уделяется ее функциональным обязанностям. Однако практическое применение положений «функционализма» в международной интеграции выявило его недостатки. Большое количество относительно самостоятельных технических организаций породили новые проблемы координации их деятельности. Обнаружилось также, что в реальной практике интеграции международное сотрудничество автоматически не ведет к «отмиранию суверенитета». Более того, само функциональное сотрудничество требует подкрепления его мероприятиями политического характера.

Вышеперечисленные проблемы отразились и в «неофункционализме». Его представители считают, что потребности сотрудничества в экономической, социальной, технической, культурной сферах способны вызвать эффект цепной реакции и привести к рождению специализированных наднациональных институтов для их координации и к

ускорению процессов политической интеграции. Начало этого процесса они видят в отдельных экономических проектах, для осуществления которых государствам не надо отказываться от собственной политики, достаточно лишь схождения интересов в конкретной области. В то же время неофункционалисты отмечают, что функциональная интеграция будет иметь не механический, а вероятностный характер.

«Федерализм» ставит политические институты в центр своей концепции. Ее сторонники характеризуют «федерализм» как «договорной отказ от централизма». Международная интеграция на пути «федерализма» рассматривается в виде государства, построенного на принципах федерального устройства. В основе предлагаемой модели лежит несколько принципов: во-первых, это двойное гражданство в условиях существования центрального и регионального правительств; во-вторых, многообразие роли региональных правительств; в-третьих, цикличность изменения силы и роли региональных правительств; в-четвертых, двойственность природы «федерализма», обладающего центробежными и центростремительными силами. «Федерализм» обращает особое внимание на роль политической воли ее участников, на распределение полномочий между различными уровнями как гарантии против возможных злоупотреблений властью со стороны центра.

Модель, предложенная «федерализмом», выглядит вполне привлекательной, однако в ней весьма высок удельный вес нормативности, ориентации на умозрительные образцы. Учитывая недостатки проанализированных выше концепций, реальный процесс международной интеграции может быть понят с учетом преимуществ каждой из них. В этой связи следует обратиться к «плюралистической» концепции, в рамках которой интеграционный процесс рассматривается в терминах коммуникационных сетей, информационного обмена, накопления опыта и выполнения определенных функций.

Представитель «плюралистического» направления **К. Дойч** выделяет два типа политических объединений — «амальгамное» и «плюралистическое».

«Амальгамным» объединением называется «слияние в соответствующей форме двух или нескольких ранее самостоятельных единиц в более широкое объединение, наделенное определенным типом общего управления». «Амальгамная» интеграция нуждается в целом комплексе условий социокультурного и политического характера: приверженности населения интегрирующихся общностей одним и тем же ценностям, ожидании выгод от интеграции, достаточном знании друг друга и предсказуемости поведения. Основой «амальгамной» интеграции становится общий образ жизни и сознание глубокого единства.

В «плюралистическом» объединении интегрирующиеся единицы сохраняют политическую самостоятельность, и оно не требует столь же

обширных и жестких условий. Основные социокультурные ценности просто не должны противоречить друг другу. Успеху такой интеграции будет способствовать восприятие объединительной идеи интеллектуальными кругами и политическими движениями, а также постоянное развитие сетей коммуникации и всестороннего взаимодействия.

Практически все вышеприведенные концепции международной интеграции нашли свое выражение в создании и развитии Европейского Союза — наиболее известной и наиболее эффективной на сегодняшний день международной интеграционной организации. Первоначально интеграция послевоенной Западной Европы началась на основе чисто функционального подхода. Предшественник нынешнего Европейского Союза — Европейское общество угля и стали — было экономической организацией функционального типа, не имевшей иных целей кроме налаживания сотрудничества западноевропейских стран в области угледобывающей и металлургической промышленности.

Ограниченность функционального подхода для перспектив европейской интеграции и дало толчок формированию концепции «неофункционализма», получившей теоретическое выражение в работах Линдберга и Хааса. Практическим воплощением неофункционального подхода стало подписание Римского договора 1957 г. о создании Европейского сообщества. Хотя роль политики стала возрастать, на протяжении следующих трех десятилетий европейская интеграция продолжала носить преимущественно экономический характер. Только в 1980-х годах создаются необходимые предпосылки для углубления экономической интеграции, с одной стороны, и формирования политической интеграции — с другой. Важной вехой в истории Европы стал Маастрихтский договор, заключенный государствами—членами ЕС в феврале 1992 г., который, по существу, означал переход к федералистской модели европейской экономической и политической интеграции.

«Федерализм» считает причиной двух разрушительных мировых войн и источником воинствующего национализма «государственно-нацию». Национализму как основному препятствию объединения Европы федералисты противопоставляют, с одной стороны, этнокультурное возрождение регионов, а с другой — осознание принадлежности к общеевропейской цивилизации. Это стало возможным благодаря обоснованию западноевропейскими исследователями идеи общей судьбы и культуры всех европейских народов, а также принципа «единства в многообразии».

Федералисты критикуют недостатки господствующей либерально-демократической системы. Культурное пространство европейской цивилизации либералы рассматривают независимо от национальной, этнокультурной принадлежности. Управляется это однородное пространство центральным (а в перспективе — мировым) правительством.

Согласно федералистскому проекту, культурное пространство европейской цивилизации складывается из самоуправляющихся локальных, региональных, этнокультурных общностей, которые объединяются в более обширные союзы. Эта федеральная традиция «единства в многообразии» существовала в средневековой Европе, тогда как либеральная традиция связана с появлением и укреплением в Новое время европейских национальных государств. «Федерализм» выступает гарантом местной и региональной автономии, а «либерализм» урегулирует отношения между автономными единицами, объединяющимися в более крупные формы политической организации. Ограничивая размеры основных политических единиц, «федерализм» создает возможность их коллективного участия в широком союзе, что устраняет политическое отчуждение и гарантирует слаженное взаимодействие.

Если исходить из концепции К. Дойча, вплоть до 90-х годов XX в. в Европе речь шла о создании «плюралистического сообщества» и лишь теперь можно говорить о перспективах формирования более интегрированного экономического, политического и оборонного пространства.

Однако движение Европейского Союза к такому уровню интеграции встретилось с определенными трудностями. Например, закончилась провалом попытка принять документ, получивший название «европейской конституции». В соответствии с ним предполагалось закрепить новую институциональную структуру ЕС и соответствующие современному типу интеграции правила принятия решений внутри руководящих органов ЕС. Большинство населения Франции и ряда других «старых» стран—членов ЕС проголосовали на референдумах против принятия «европейской конституции» из-за опасений по поводу возможного расширения Европейского Союза за счет посткоммунистических государств Центральной и Восточной Европы. Можно утверждать, что процессы углубления европейской интеграции и расширения ЕС пришли в противоречие между собой. Были нарушены условия, необходимые, как предполагал К. Дойч, для формирования «амальгамного» сообщества. С одной стороны, к интеграционному процессу были подключены государства, заведомо отличавшиеся по социально-экономическим и социокультурным характеристикам от государств ядра Европейского Союза. С другой стороны, такой шаг не находил поддержки у населения стран «старой Европы», что показали результаты соответствующих референдумов.

Все же государствам—членам ЕС удалось заключить Лиссабонский договор, отчасти заменивший несостоявшуюся Лиссабонскую конституцию. Однако разногласия внутри ЕС время от времени дают о себе знать. Это свидетельствует о том, что последствия широкомасштабного расширения Европейского Союза не преодолены и ожидать приема в состав ЕС новых членов пока не приходится.

§ 5. Формирование теории международных режимов

Генезис теории международных режимов связан, по нашему мнению, с вечной дискуссией о природе и закономерностях международных отношений. Суть этой дискуссии хорошо показал еще английский философ Т. Гоббс. Его концепция «естественного состояния» и «общественного договора» содержала и международный аспект. Утверждая, что заключение общественного договора и создание на его основе государства преодолевает идущую в «естественном состоянии» «войну всех против всех», Гоббс одновременно обратил внимание на то, что это «естественное состояние» сохраняется в отношениях между государствами. Так же как и в отношениях между индивидами, «естественное состояние» в международных отношениях означало постоянную вражду и взаимные подозрения, неминуемо выливавшиеся в открытые конфликты. Такие конфликты часто становятся причинами войн, поэтому «естественное состояние» не дает гарантий стабильности и безопасности ни в первом, ни во втором случае.

«Естественное состояние» могло бы быть преодолено через создание стоящего над отдельными государствами центра наднациональной власти в виде мирового правительства. Однако сам Томас Гоббс не верил в такую перспективу. Гоббс, как и другие представители реалистического направления, полагал, что межгосударственные конфликты и войны в принципе неустранимы, следовательно, каждое отдельное государство должно обеспечивать собственную безопасность самостоятельно. Каждое государство должно строить свою политику исходя из собственного эгоистического интереса, опираясь на свои силовые возможности.

Противоположный подход, который можно охарактеризовать как либеральный или неолиберальный, всегда исходил и исходит из возможности преодолеть «естественное состояние» в международных отношениях. Эта возможность могла быть реализована через ограничение национально-государственного суверенитета и появление наднациональных институтов с перспективой обретения ими функций мирового правительства.

Теория международных режимов представляет собой пример синтеза двух вышеозначенных подходов. Хотя многие исследователи связывают эту теорию с неолиберализмом, ее истоки следует искать в английском традиционном реализме 60-х годов XX в.

Когда к изучению международных отношений стал применяться системный подход, некоторые английские политологи, в частности **Х. Булл**, отнеслись к этому негативно. С их точки зрения, *понятие «система»* слишком механистично и неприменимо в социальных науках, обладающих своей спецификой по сравнению с естественными науками. Понятию «система» в международных отношениях было противо-

поставлено понятие «общество», причем речь шла не о глобальном «гражданском обществе», как у неолибералов, а о совокупности государств. Именно отдельные государства со своими эгоистическими интересами и составляют это «международное общество».

В отличие от своего предшественника и земляка Томаса Гоббса, английские реалисты 1960-х годов отнюдь не считали «естественное состояние» в межгосударственных отношениях абсолютно непреодолимым. Напротив, по их мнению, так же как люди, живущие по соседству, способны договориться между собой по поводу приемлемых форм и принципов общежития, государства могут приходить к согласию относительно интересующих их проблем. Для того чтобы регулировать отношения между государствами, нужны не голая сила или какой-либо наднациональный центр власти, а согласие о взаимоприемлемых нормах и принципах поведения. Каждое государство эгоистично и заботится в первую очередь о своих собственных интересах. Но государство — это разумный эгоист, который признает наличие интересов и у других государств.

Согласие государств о правилах поведения в той или иной сфере, по тому или иному вопросу и практическое соблюдение таких правил получили впоследствии название «международный режим». Классическое определение этого понятия принадлежит известному американскому политологу-международнику **С. Краснеру**:

«Международные режимы — принципы, нормы, правила и процедуры принятия решения, вокруг которых сходятся ожидания акторов в определенной области»⁷.

Теория международных режимов одинаково высоко оценивает роль международных институтов (смысл существования которых заключается в обеспечении функционирования того или иного международного режима) и национальных интересов отдельных государств как детерминирующих факторов внешней политики.

Примечания

¹ *Keohane R., Nye J. (ed.) Transnational Relations and World Politics. Cambridge, 1971.*

² *Най С. Дж. (младший). Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 76.*

³ Там же.

⁴ *Waltz K. Theory of International Politics. Reading, Mass., 1979.*

⁵ *Baldwin D. Neorealism and Neoliberalism. The Contemporary Debate. N. Y., 1993.*

⁶ *Mitrany D. A. Working Peace System. An Argument for the Functional Development of International Organization. L., 1946.*

⁷ *Krasner S. (ed.) International Regimes. Ithaca, 1983. P. 1.*

Контрольные вопросы и задания

1. Чем неолиберализм отличается от классических либеральных взглядов на международные отношения?
2. В чем неолибералы видят причины снижения роли национальных государств в международных отношениях?
3. Чем неореализм отличается от политического реализма 50–60-х годов XX века?
4. Что такое структурные ограничения для внешней политики государства и каковы возможности их преодоления?
5. В чем состоит сходство и различие между «неореализмом» и «неолиберализмом»?
6. Чем неомарксизм во взглядах на международные отношения отличается от традиционного марксизма-ленинизма?
7. Что такое постмодернизм и в чем причина его возникновения?
8. Попробуйте на основе теоретических концепций международной интеграции сравнить интеграционные процессы в Западной Европе и на постсоветском пространстве.
9. Каково место теории международных режимов в споре между «неолиберализмом» и «неореализмом»?

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ ПО ПРОБЛЕМАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

§ 1. Концепция «конца истории» Ф. Фукуямы

Теория международных отношений как раздел современной политической науки сформировалась и развивалась в условиях биполярного мира. Это не могло не отразиться на концептуальных подходах и проблематике международно-политических исследований. Все сколько-нибудь значительные прогнозы развития международных отношений предполагали сохранение и в будущем примерно той же ситуации, которая существовала четыре десятилетия после окончания Второй мировой войны. Хотя некоторые политологи предсказывали вероятность изменений в системе международных отношений, ее эволюцию в сторону многополярности, но и они исходили из того, что обе сверхдержавы — США и СССР — по-прежнему будут играть наиважнейшую роль.

Реальные сдвиги в мировой политике, происшедшие после окончания «холодной войны», оказались столь радикальными, столь и неожиданными для большинства исследователей международных отношений. В одночасье рухнули многие теоретические концепции, казавшиеся незыблемыми и едва ли не вечными. Политическая картина мира меняется столь стремительно, что научная мысль не всегда за ней успевает. Среди политологов, специализирующихся на исследовании проблем мировой политики и международных отношений, наблюдается, с одной стороны, некоторая растерянность, а с другой — стремление объяснить новые мировые реалии и спрогнозировать динамику дальнейших изменений в мире.

Одна из первых попыток дать теоретическое обоснование связанных с окончанием «холодной войны» изменений была предпринята еще на рубеже 80–90-х годов XX в. американским ученым и дипломатом **Фрэнсисом Фукуямой**. В шумевшей работе «Конец истории» он выдвинул тезис о полном разрешении лежавшего в основе «холодной войны» конфликта двух идеологий — либеральной демократии и ком-

мунизма. Коммунизм потерпел поражение, и открылись перспективы для торжества принципов либеральной демократии во всем мире. Следовательно, по мнению политолога, наступил «конец истории», т.е. состояние бесконфликтности. Точка зрения Ф. Фукуямы подверглась критике как идеалистическая и упрощенная. Действительно, прошедшие после окончания «холодной войны» годы не дают основания для того чрезмерного оптимизма, которым наполнена работа американского ученого, оптимизма, навеянного эйфорией конца 1980-х годов.

Позже и сам Ф. Фукуяма отказался от подобного оптимизма относительно перспектив мирового общественного развития. Но у него были и остаются сторонники, которые полагают: если «конец истории» и не состоялся, то он возможен в будущем, пусть и отдаленном. По сути, именно в таком плане толкуют перспективы развития человечества неоллиберальные концепции глобализации.

В начале XXI в. в зарубежной политологической литературе стали часто использовать понятие «возобновление истории», подразумевая существенно возросшую конфликтность мировой политики по сравнению с концом 80-х годов XX столетия. Сторонники идеи «возобновления истории» ссылаются на концепцию известного американского политолога С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций».

§ 2. Концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона

Концепция С. Хантингтона вызвала среди политиков и ученых многолетнюю дискуссию, отголоски которой дают о себе знать вплоть до сегодняшнего дня. Начало этой дискуссии положила статья **Самюэля Хантингтона** «Столкновение цивилизаций?», опубликованная в 1993 г. в американском внешнеполитическом журнале «Форин афферс»¹. Концепция С. Хантингтона в общих чертах сводится к следующим положениям. На различных этапах истории международных отношений динамику мировой политики определяли конфликты различного типа. Сначала это были конфликты между монархами. После Великой французской революции наступила эпоха конфликтов между нациями-государствами. С победой в 1917 г. русской революции мир оказался расколотым по идеологическому и социально-политическому принципу. Этот раскол и был главным источником конфликтности вплоть до окончания «холодной войны». Однако, по мнению С. Хантингтона, все эти типы конфликтов были конфликтами внутри западной цивилизации. «С окончанием «холодной войны», — указывает политолог, — подходит к концу и западная фаза развития международной политики. В центр выдвигается взаимодействие между Западом и незападными цивилизациями»².

С. Хантингтон определяет цивилизации как социокультурные общности самого высшего ранга и как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Для каждой цивилизации характерно наличие некоторых объективных признаков: общности истории, религии, языка, обычаев, особенностей функционирования социальных институтов, а также субъективной самоидентификации человека. Опираясь на работы А. Тойнби и других исследователей, С. Хантингтон выделяет восемь цивилизаций: *западно-христианскую и православно-христианскую, исламскую, конфуцианскую, латиноамериканскую, индустскую, японскую и африканскую*. С его точки зрения, цивилизационный фактор в международных отношениях будет постоянно усиливаться. Этот вывод обосновывается таким образом.

Во-первых, различия между цивилизациями, основу которых составляют религии, наиболее существенны, эти различия складывались столетиями, и они сильнее, нежели, между политическими идеологиями и политическими режимами. Во-вторых, усиливается взаимодействие между народами разной цивилизационной принадлежности, что ведет как к росту цивилизационного самосознания, так и к пониманию различия между цивилизациями и общностью в рамках своей цивилизации. В-третьих, возрастает роль религии, причем последняя проявляется нередко в форме фундаменталистских движений. В-четвертых, ослабевает влияние Запада в незападных странах, что находит выражение в процессах девестернизации местных элит и усиленном поиске собственных цивилизационных корней. В-пятых, культурные различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, и, следовательно, менее способствуют компромиссным решениям. «В бывшем Советском Союзе, — пишет С. Хантингтон, — коммунисты могут стать демократами, богатые превратиться в бедных, а бедняки — в богачей, но русские при всем желании не могут стать эстонцами, а азербайджанцы — армянами»³. В-шестых, политолог отмечает усиление экономического регионализма, неразрывно связанного с цивилизационным фактором — культурно-религиозная схожесть лежит в основе многих экономических организаций и интеграционных группировок.

Воздействие цивилизационного фактора на мировую политику после окончания «холодной войны» С. Хантингтон видит в появлении «синдрома братских стран». Этот синдром заключается в ориентации государств во взаимоотношениях между собой уже не на общность идеологии и политической системы, а на цивилизационную близость. Кроме этого, в качестве примера реальности цивилизационных различий он указывает на то, что основные конфликты последних лет происходят на линиях разлома между цивилизациями — там, где проходит граница соприкосновения цивилизационных полей (Балканы, Кавказ, Ближний Восток и т.д.).

Прогнозируя будущее, С. Хантингтон приходит к выводу о неизбежности конфликта между западной и незападными цивилизациями, причем главную опасность для Запада может представлять конфуцианско-исламский блок — гипотетическая коалиция Китая с Ираном и рядом арабских и иных исламских государств. Для подтверждения своих предположений американский политолог приводит ряд фактов из политической жизни начала 1990-х годов.

С. Хантингтон предлагает меры, которые, по его мнению, должны укрепить запад перед нависшей над ним новой опасностью. Среди прочего, американский политолог призывает обратить внимание на так называемые «расколотые страны», где правительства имеют прозападную ориентацию, но традиции, культура и история этих стран ничего общего с Западом не имеют. К таким странам Хантингтон относит Турцию, Мексику и Россию. От внешнеполитической ориентации последней в значительной степени будет зависеть характер международных отношений обозримого будущего. Поэтому С. Хантингтон особо подчеркивает, что интересы Запада требуют расширения и поддержания сотрудничества с Россией.

Свои идеи С. Хантингтон отстаивал и развивал в 90-е годы XX столетия. В 1996 г. он опубликовал книгу «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка»⁴. В этой работе американский политолог особое внимание уделяет взаимоотношению западно-христианской и исламской цивилизаций. По его мнению, истоки конфликта между ними имеют многовековую историю.

Конфликтное взаимоотношение христианства и ислама начинается с арабских завоеваний в Северной Африке, на Иберийском полуострове, Ближнем Востоке и в других регионах. Противостояние христианского и арабского миров продолжалось в Реконкисте — войне за освобождение Испании от арабов и берберов, «крестовых походах», когда в течение 150 лет западноевропейские властители пытались утвердиться на палестинских землях и прилегающих к ним районах. Знаковым событием этого противостояния стал захват турками Константинополя в 1453 г. и осада ими же Вены в 1529 г. С падением Византийской империи на ранее входивших в ее состав территориях Малой Азии, Балкан и Северной Африки возникла турецкая Османская империя, ставшая крупнейшим политическим и военным центром исламского мира. От нее долгое время исходила непосредственная угроза многим христианским странам и народам.

С наступлением эпохи Великих географических открытий и началом модернизации западно-христианского мира соотношение сил в противостоянии с исламом меняется в пользу Запада. Европейские государства стали устанавливать свой контроль над обширными территориями за пределами Европы — в Азии и Африке. Немалая часть этих

территорий была населена народами, традиционно исповедовавшими ислам. По данным, на которые ссылается С. Хантингтон, в период с 1757 по 1919 гг. произошло 92 захвата мусульманских территорий немусульманскими правительствами. Экспансия европейского колониализма, так же как и сопротивление ему со стороны населения незападных, преимущественно исламских стран, сопровождались вооруженными конфликтами. Как указывает Хантингтон, половина войн, которые велись между 1820 и 1929 гг., были войнами между государствами с преобладанием разных религий, прежде всего христианства и ислама.

Конфликт между ними, по мнению Хантингтона, с одной стороны, стал результатом различий между мусульманской концепцией ислама как образа жизни, выходящего за пределы религии и политики, и концепцией западного христианства, гласящей, что Богу Богово, а кесарю кесарево. С другой стороны, этот конфликт обусловлен их схожими чертами. И христианство, и ислам являются монотеистическими религиями, которые, в отличие от политеистических, неспособны к безболезненной ассимиляции чужих богов и смотрят на мир через призму понятия «мы — они». Обе религии носят универсальный характер и претендуют на роль единственной истинной веры, которой должны следовать все живущие на Земле. Обе являются миссионерскими по своему духу, возлагая на своих последователей обязанность прозелитизма. С первых лет существования ислама его экспансия осуществлялась путем завоеваний, и христианство тоже не упускало такую возможность. С. Хантингтон отмечает, что параллельные понятия «джихад» и «крестовый поход» не только схожи друг с другом, но и выделяют эти религии среди других ведущих религий мира.

Обострение в конце XX в. давнего конфликта между христианской и мусульманской цивилизациями, по мнению Хантингтона, обусловлено пятью факторами:

- 1) рост мусульманского народонаселения привел к всплеску безработицы и недовольству молодежи, примыкающей к исламским движениям и мигрирующей на Запад;
- 2) возрождение ислама дало мусульманам возможность вновь поверить в особый характер и особую миссию своей цивилизации и своих ценностей;
- 3) острое недовольство среди мусульман вызвали усилия Запада по обеспечению универсализации своих ценностей и институтов, по сохранению своего военного и экономического превосходства наряду с попытками вмешательства в конфликты в мусульманском мире;
- 4) крушение коммунизма привело к исчезновению общего врага, имевшегося у Запада и у ислама, в результате чего главную угрозу они стали видеть друг в друге;

5) все более тесные контакты между мусульманами и представителями Запада заставляют и тех, и других переосмысливать свою самобытность и характер своего отличия от других, обостряют вопрос об ограничении прав представителей меньшинств в тех странах, большинство жителей которых относится к другой цивилизации.

В 80–90-х годах XX в. в рамках как мусульманской, так и христианской цивилизации взаимная терпимость резко пошла на убыль.

По мнению Хантингтона, ушло в прошлое традиционное геополитическое измерение конфликта между западной и мусульманской цивилизациями. Фактическое сведение на нет западного территориального империализма и прекращение мусульманских территориальных экспансий привело к географической сегрегации, в результате которой западные и мусульманские общины непосредственно граничат друг с другом лишь в нескольких точках на Балканах.

► Таким образом, конфликты между Западом и исламом имеют сегодня в основе не столько территориальные аспекты, сколько более широкие проблемы: распространение оружия, права человека и демократия, контроль за добычей нефти, миграция, исламский терроризм и западное вмешательство.

Всплеск активности исламского терроризма в начале XXI в. вновь вызвал интерес к концепции «столкновения цивилизаций». Однако сам Хантингтон после 11 сентября 2001 г. пытался дезавуировать собственные тезисы о противостоянии западно-христианской и исламской цивилизаций. Скорее всего он сделал это из соображений политкорректности. В США после атаки террористов на Нью-Йорк и Вашингтон резко усилились антимусульманские настроения, поэтому упоминание о конфликте цивилизаций могло подогреть подобные настроения и привести к нежелательным эксцессам.

Споры вокруг идей С. Хантингтона продолжают и после его смерти в 2008 г. Одни ученые и политики, опираясь на эти идеи, объясняют многие происходящие в мировой политике процессы. Другие, напротив, считают, что реальная практика международных отношений не соответствует положениям концепции «столкновения цивилизаций». Например, отношения России с православной по своим цивилизационным корням Грузией складываются в постсоветский период сложнее, чем с соседним Азербайджаном, имеющим исламскую цивилизационную природу. Для такой многонациональной и многоконфессиональной страны, как Российская Федерация, муссирование вопроса о религиозных различиях, тем более утверждение о неизбежности межцивилизационных конфликтов, могут иметь опасные последствия для стабильности и безопасности.

Усматривая такую угрозу, многие политики и ученые выступают за укрепление взаимопонимания между представителями различных культур и цивилизаций. Проблемы обеспечения диалога цивилизаций регулярно обсуждаются на одноименном мировом общественном форуме, ежегодно собирающемся на греческом острове Родос. В июле 2005 г. тогдашний Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан поддержал инициативу о создании глобального Альянса цивилизаций, который помог бы преодолеть недоверие и недопонимание между разными народами и, прежде всего, между представителями западной и незападных цивилизаций. Все это свидетельствует, что цивилизационный фактор сохраняет свою роль в мировой политике, хотя она может быть и не совсем той, о которой в свое время писал С. Хантингтон.

§ 3. Геополитические концепции З. Бжезинского

Отношения с Россией находятся в центре внимания другого известного американского политолога — **Збигнева Бжезинского**. В книге «Без контроля. Глобальный беспорядок на пороге XXI века», опубликованной в 1993 г., он также дает прогноз развития международных отношений после окончания «холодной войны». Однако, в отличие от цивилизационного подхода С. Хантингтона, подход З. Бжезинского основан на традиционных геополитических принципах. По мнению З. Бжезинского, распад Советского Союза привел к геополитическому вакууму в сердцевине Евразии, что является главной причиной конфликтности по периметру всего постсоветского геополитического пространства. Вместе с активизацией ислама и объективной неспособностью США обеспечить контроль над ситуацией в регионе Среднего Востока это ведет к появлению огромной зоны нестабильности, которая может охватить часть Юго-Восточной Европы, Средний Восток и район Персидского залива, а также южную часть бывшего Советского Союза. Внутри этой, по словам Бжезинского, «воронки водоворота насилия» имеется множество узлов потенциальных конфликтов, несущих угрозу всему миру. Степень угрозы возрастает, поскольку существует возможность вовлечения в конфликт других стран, и особенно Китая. З. Бжезинский ставит под сомнение соблюдение этой страной режима нераспространения ядерного оружия.

Главную же угрозу американский политолог, известный в прошлом своими антисоветскими взглядами, видит в возобновлении имперской политики России. Не веря в необратимость демократических преобразований в нашей стране, он считает неизбежным возврат к попыткам «возрождения империи». Такая ориентация российской внешней политики, по мнению Бжезинского, опасна для Соединенных Штатов, ей необходимо всячески противодействовать. Поэтому в ряде своих ста-

тей и выступлений он развивает идею об Украине как геополитическом противовесе России, основанную на убеждении, что главное условие возрождения «российской империи» заключается в поглощении Россией Украины⁵. В период, когда Украина переживала серьезные экономические трудности, Бжезинский призывал оказывать ей помощь. При этом не было секретом то, что главная цель помощи заключается не столько в решении украинских экономических проблем, сколько в препятствии ее сближению с Россией. Помимо попыток с помощью теоретических выкладок вбить клин в российско-украинские отношения, Бжезинский предпринимал и практические шаги в этом направлении. Его сын работал в американском посольстве в Киеве. Многие ученики американского политолога проявляли заинтересованность в украинских делах, поддерживая те националистические силы, для которых дистанцирование от России было основной целью. Вполне отчетливо «американский след» был виден в событиях 2004–2005 гг. на Украине, получивших название «оранжевой революции».

По мнению Бжезинского, кроме Украины, ключевые позиции в предотвращении угрозы реставрации Российской империи на постсоветском геополитическом пространстве занимают Азербайджан и Узбекистан. Азербайджан играет важную роль в контроле над добычей и маршрутами транспортировки каспийской нефти. Бжезинский был среди сторонников южного маршрута такого нефтепровода с выходом на турецкий порт Джейхан, минуя территорию России. Для обеспечения безопасности будущих нефтяных потоков он высказывался за активное участие США в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе. Подобное участие можно было бы приветствовать, но прежде всего Бжезинский стремится не к установлению мира и стабильности в этом регионе, а рассматривает возможность вытеснения оттуда России. В конце 1990-х годов Бжезинский неоднократно говорил и писал о том, что Северный Кавказ должен существовать вне России. Пожалуй, никто кроме него из видных американских политиков и политологов не ставил под сомнение территориальную целостность Российской Федерации.

Третье постсоветское государство, которое выделяет З. Бжезинский, — Узбекистан. Он полагает, что Узбекистан может достичь ведущего положения в постсоветской Центральной Азии и в этом качестве противостоять «имперским» притязаниям России. По мнению американского политолога, у Узбекистана есть для этого все предпосылки, поскольку он является самым многонаселенным государством региона и обладает достаточными ресурсами. На территории Узбекистана находятся главные историко-культурные центры среднеазиатского региона, только он один из всех бывших советских республик имеет традиции государственности. В экономическом отношении Узбекистан может стать самодостаточным и независимым от России, в этом же направ-

лении, отмечает Бжезинский, следует направлять и его политическое развитие. Американского политолога не интересует ни характер политического режима постсоветского Узбекистана, ни эффективность избранной им экономической модели. Хотя принципы построения политической и экономической системы Узбекистана не соответствуют тем, которые официальные власти США декларировали в качестве оптимальных для посткоммунистических государств, главным для Бжезинского является переориентация внешней политики этой бывшей советской республики в антироссийском направлении.

Конечно, следует различать геополитические изыскания Бжезинского и официальную позицию американского правительства. Бжезинский давно не занимает никаких официальных постов. Но у него есть единомышленники в американской политической элите, он сам и некоторые его ученики имеют широкие связи среди сторонников и активистов демократической партии. Близость к демократам предопределила критическое отношение Бжезинского к внешней политике республиканской администрации Дж. Буша-младшего в 2001–2008 гг. Бжезинский высказал ряд заслуживающих внимания суждений о ситуации в мировой политике первого десятилетия XXI в. Но его отношение к событиям, происходящим в России и на постсоветском пространстве в целом, остается не вполне объективным.

Взгляды Бжезинского, который в годы «холодной войны» был ведущим американским советологом, специалистом по Советскому Союзу и коммунизму, свидетельствуют, что наследие этой войны до сих пор напоминает о себе. Среди части американской политической элиты и политологического сообщества США существует предвзятое отношение к России. С этим обстоятельством необходимо считаться, когда речь идет о дальнейшем развитии отношений Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки.

§ 4. Мир-системный анализ И. Валлерстайна

Для полноты картины приведем еще один прогноз о будущей роли нашей страны в системе международных отношений известного американского социолога **Иммануила Валлерстайна**. Его внешнеполитическая концепция часто определяется как неомарксистская. Такая характеристика справедлива лишь в том отношении, что, подобно К. Марксу, И. Валлерстайн видит главную детерминанту политики, в данном случае международной, в экономике. В своей основе международные отношения, по Валлерстайну, есть прежде всего отношения экономические. Главная категория его анализа — «*современная мир-система*», не сводимая к отдельным государствам. Объединяет эту современную мир-систему единая капиталистическая мир-экономика,

возникновение которой Валлерстайн относит приблизительно к 1500 г. Каждое государство занимает в мир-системе определенное место, изменить которое чрезвычайно трудно, а подчас просто невозможно. Логика капиталистической мир-экономики неизбежно воспроизводит деление стран мира на «ядро» и «периферию», причем первое всегда находится в привилегированном положении по отношению ко второй. Государства, входящие в состав ядра капиталистической мир-системы, имеют возможность жить за счет эксплуатации периферии. Такой порядок не изменится никогда, поскольку он вытекает из самой сущности мир-экономики. Помимо государств, входящих в состав ядра или периферии, существуют еще и полупериферийные государства. Эти государства не входят в состав ядра мир-системы, но и не относятся целиком к периферии.

Таким типичным полупериферийным государством, по мнению Валлерстайна, была Россия, начиная с реформ Петра I и Екатерины II. Несмотря на эти и последующие попытки реформирования, России не удалось войти в состав ядра, но одновременно она сумела избежать участи периферийных стран, ставших в большинстве колониальными придатками ведущих государств мира. Традиционный «товар», определяющий место и роль России в мир-системе, — это ее геополитическая мощь и военная сила. Именно эти факторы заставляли считаться с Россией другие государства и позволяли ей иметь статус «сверхдержавы». Принципиально не изменили эту ситуацию и годы Советской власти. Как считает И. Валлерстайн, перемены в отдельной стране или даже группе стран не способны оказать влияние на фундаментальные свойства мир-системы. С его точки зрения, мировая система социализма была полной фикцией, поскольку определяли логику мирового экономического развития законы капиталистического рынка.

Оценки, которые дал Валлерстайн «холодной войне» и ее итогам, а также перспективам развития международных отношений после ее окончания, весьма оригинальны и даже экстравагантны, они резко расходятся с общепринятыми оценками. Валлерстайн считал, что пик могущества США пришелся на 1945 г., когда эта страна вышла из второй мировой войны в качестве мирового экономического и политического лидера. Соединенные Штаты оказались единственным государством в рамках ядра мир-системы, избежавшим разрушений и других негативных последствий войны. Напротив, эта страна нарастила свой промышленно-экономический потенциал.

Для дальнейшего функционирования и развития американской экономики необходимо было восстановить и сохранить остальную часть ядра мир-системы — Западную Европу и Японию. Поэтому в Ялте США и СССР договорились о разделе мира на две сферы влияния. В американскую сферу вошли прежде всего страны ядра, в советскую —

преимущественно периферийные и полупериферийные государства. Как полагает Валлерстайн, США сознательно пошли на такой раздел, поскольку не имели ни достаточного количества ресурсов, ни желания осуществлять глобальный контроль над всем миром. В границах своей зоны ответственности США сначала способствовали восстановлению экономики Западной Европы и Японии, а затем, пользуясь своим превосходством, привязали их к себе военно-политически, заключив соответствующие договоры (НАТО для Западной Европы, Договор о совместной безопасности для Японии). Для поддержания дисциплины внутри своего блока США необходим был образ внешнего врага, который весьма кстати стал олицетворять Советский Союз. Вместе с СССР США начали большую игру под названием «холодная война». Советский Союз выступал в качестве подыгрывающего партнера, поскольку преследовал свою цель — усилить контроль над союзниками.

На начальном этапе «холодной войны» и на Западе, и на Востоке весьма схожим образом боролись с инакомыслием — это маккартизм с его «охотой на ведьм» в США и политические процессы в СССР и в восточноевропейских странах. На самом деле, полагал Валлерстайн, устранялись подлинно левые силы, представлявшие угрозу для самой мир-системы и лежащей в ее основе капиталистической мир-экономики. Вопреки общепринятому мнению, Валлерстайн не считал, что в годы «холодной войны» сложилась биполярная система международных отношений, поскольку экономический потенциал Советского Союза никогда не был равноценен экономическому потенциалу США. Но этим странам было выгодно играть роль противостоящих друг другу сверхдержав, и они долгое время делали это.

В отношении стран периферии, превратившихся в особый «третий мир», и СССР и США проводили схожую политику, основанную на одних и тех же принципах. Валлерстайн не видел существенных различий между идеями американского президента В. Вильсона и В. Ленина по поводу судеб колониальных и зависимых народов. Оба считали необходимым сначала предоставить им независимость, а затем помочь преодолеть экономическую отсталость и выйти на уровень развитых стран. Разница заключалась в том, что, с точки зрения либерала В. Вильсона, идеалом экономического устройства являлся свободный рынок, а большевик В. Ленин предлагал отсталым народам путь к экономическому процветанию, который минует капиталистическую стадию развития. И Советский Союз, и Соединенные Штаты пытались расширить зону своего влияния за счет развивающихся стран, но место этих стран в мир-системе принципиально не менялось. По Валлерстайну, лишь отдельные государства периферии и полупериферии могут войти в состав ядра мир-системы. Для большинства остальных изменить их положение объектов эксплуатации со стороны наиболее развитых стран невоз-

можно, пока существует капиталистическая мир-экономика. Однако долгое время сохранялась иллюзия возможности национального развития. В отдельные периоды некоторые развивающиеся страны могли пользоваться благоприятными для себя колебаниями мировой экономической конъюнктуры.

Большая игра под названием «холодная война» продолжалась до тех пор пока основные игроки — СССР и США — сохраняли к ней интерес и могли ее продолжать. Со временем интерес стал угасать, а возможности для ее ведения уменьшаться.

США утратили роль безоговорочного экономического лидера в рамках ядра мир-системы, следовательно, утратили возможность реально контролировать своих ближайших союзников, поэтому потеряла смысл и затеянная с целью оправдания такого контроля игра. Советский Союз исчерпал ресурсы для продолжения этой игры, поскольку его неэффективная экономика не выдерживала ни бремени гонки вооружений, ни бремени поддержки многочисленных друзей и союзников по всему миру. В итоге по взаимному согласию США и СССР «холодную войну» прекратили.

Вопреки распространенному мнению, в частности высказывавшемуся З. Бжезинским, окончание «холодной войны» — это не победа США и наступление *Pax Americana*, а наоборот, конец эпохи американской гегемонии и лидерства. Окончание «холодной войны» не стало «концом истории» как некоего «золотого века» человечества, а привело к обострению старых и появлению новых конфликтов. В отличие от С. Хантингтона причины грядущих конфликтов он видит не в цивилизационных, а в экономических факторах. Так, Валлерстайн полагает, что уже в начале XXI в. можно ожидать вызовов и даже прямых нападений государств маргинализированного, бедного и отсталого Юга на богатый Север, а также захватнических войн между самими государствами Юга, может быть, и с применением ядерного оружия. Но самая главная угроза, которая может исходить от периферии по отношению к ядру мир-системы, — массовая миграция населения с Юга на Север.

Представления К. Маркса о том, что целью пролетариата является уничтожение капитализма, по мнению Валлерстайна, не соответствуют современным условиям. В конце XX в. под пролетариатом в рамках мир-системы следует понимать все население стран периферии. В предшествующие десятилетия в «третьем мире» сохранялись надежды на лучшее будущее, но с окончанием «холодной войны» эти надежды рухнули. Большинство стран Юга утратило свое прежнее стратегическое значение, а в экономическом отношении они отодвигаются еще дальше на периферию мирового хозяйства. Большинство инвестиций в рамках мир-экономики в обозримом будущем будут направлены, по мнению Валлерстайна, в Китай, отчасти в Россию и восточноевропей-

ские страны. Положение большинства периферийных стран и их населения будет только ухудшаться. Современный пролетариат — население стран Юга — хочет не уничтожить капитализм, а жить при капитализме. Поскольку это невозможно на его родине, масса мигрантов из Африки и Азии стремится в благополучные страны Севера. Этот исход уже начался, и он повлечет за собой различные негативные последствия. Как уже отмечалось, Валлерстайн в противоречие с распространенным мнением утверждает, что «холодная война» закончилась не победой, а историческим поражением либерализма. В качестве аргументов он приводит, с одной стороны, фактическое крушение вильсоновского плана самоопределения и последующего развития колониальных стран и народов, с другой — предрекает свертывание всех завоеваний социального либерализма и либерального социализма в развитых странах.

В развитых странах благодаря деятельности либеральных и социал-демократических партий и профсоюзов утвердились принципы уважения и соблюдения прав человека. Наемные трудящиеся заняли достойное положение в обществе и обрели высокий уровень материального благосостояния. Наплыв нелегальных мигрантов заставит власти благополучных стран Западной Европы и Северной Америки принимать меры к сдерживанию миграции, что, по мнению Валлерстайна, приведет к усилению репрессивных мер, нарушению прав человека, которые будут принесены в жертву интересам защиты коренного населения. Но полностью остановить миграцию невозможно, число незаконных мигрантов будет расти, оказывая негативное воздействие на рынок труда. Выходцы из стран «третьего мира» станут быстро растущим резервом дешевой рабочей силы, что повлечет за собой рост безработицы и снизит заработную плату основной массы трудящихся. Все это неизбежно спровоцирует конфликты между коренным населением и мигрантами, имеющими более низкий уровень образования, исповедующими иные религии и обладающими иной системой ценностей. Усиление социальной и национальной напряженности будет сопровождаться усилением репрессивных действий властей и, тем самым, отходом от принципов либеральной демократии. Наступит конец и социальному государству всеобщего благосостояния. Не в последнюю очередь это произойдет и потому, что наплыв выходцев из стран Юга, неспособных полностью интегрироваться в общество западных стран, подтолкнет часть вчерашних мигрантов на криминальный путь. Рост уголовной преступности, конфликты национального, социального и религиозного характера повлекут за собой увеличение расходов на обеспечение безопасности. Перераспределение ресурсов из сферы общественного производства и социальных услуг в сферу охраны общественного порядка негативно скажется на уровне жизни основной части населения. По мнению Валлерстайна, к середине XXI в. уровень жизни в США может прибли-

зиться или даже стать ниже того, какой был на рубеже 80–90-х годов XX столетия.

Отрицая биполярный характер системы международных отношений в прошлом, И. Валлерстайн, снова противореча общепризнанным представлениям, предполагает возможность появления биполярности в будущем, после окончания «холодной войны». Это обусловлено процессами, которые разворачиваются во всей мир-системе.

Политолог предполагает, что нестабильными будут отношения внутри ядра мир-системы. Валлерстайн не исключал, что постепенно будет нарастать противостояние между двумя основными центрами капиталистической мир-экономики: США и Западной Европой. На фоне этого противостояния, по его мнению, усилится роль крупных полупериферийных стран, к которым он в первую очередь относил Китай и Россию.

Обозримое будущее, по крайней мере до середины XXI в., Валлерстайн видит в мрачных тонах: конфликты, кризисы на периферии и в центре мир-системы неизбежны, пока существует капиталистическая мир-экономика. Неомарксизм в лице Валлерстайна далек от социального оптимизма, который был характерен для К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина. Но у Валлерстайна можно найти суждения и выводы, схожие с классическим марксизмом. Так, он сохраняет веру в возможность революционного переустройства мира, правда, относя ее на неопределенно далекое будущее и обуславливая такую возможность появлением новых антисистемных сил, способных бросить вызов господствующей капиталистической мир-экономике.

► При всей оригинальности и даже экстравагантности взглядов И. Валлерстайна некоторые его выводы заслуживают внимания. Прежде всего это анализ последствий глобализации для развитых и развивающихся стран. Отдельные элементы противостояния США и Европейского Союза, возможность которого прогнозировал ученый, можно наблюдать уже сегодня, хотя абсолютизировать противостояние между двумя центрами современной мировой политики и экономики было бы неверно. Заслуживает внимания и прогноз последствий массовой миграции из стран периферии в ядро мир-системы. Сегодня очевидно, что ситуация вокруг мигрантов в ряде стран обостряется. Хотя Россия, в соответствии с концепцией И. Валлерстайна, не относится к ядру мир-системы, проблема миграции становится актуальной и в наших условиях.

Однако подтвердить или опровергнуть идеи, выводы и оценки перспектив мирового развития после окончания «холодной войны» И. Валлерстайна, также как и Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, З. Бжезинского, может только будущее. Изменения, происшедшие в мире за последние десятилетия, столь масштабны и глубоки, что для адекватного их осмысления и объяснения политической науке требуется, очевидно, еще немало времени.

Примечания

¹ Huntington S. P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. May / June. 1993.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 34.

³ Там же. С. 36.

⁴ Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. N. Y., 1996.

⁵ Бжезинский З. Преждевременное партнерство // Полис. 1994. № 1.

Контрольные вопросы и задания

1. Почему концепция Ф. Фукуямы получила название «конца истории»?
2. Что такое «цивилизации», по С. Хантингтону, и какова их роль в мировой политике и международных отношениях?
3. В чем С. Хантингтон видел причины грядущего «столкновения цивилизаций»?
4. В какой степени выводы и прогнозы С. Хантингтона подтверждаются, на ваш взгляд, современным мировым политическим процессом?
5. Какие постсоветские государства и почему выделяет З. Бжезинский в качестве геополитических противовесов России?
6. В чем различия между периферийными и полупериферийными странами?
7. С какими прогнозами мирового развития, данными в работах И. Валлерстайна, вы можете согласиться, а с какими нет?
8. Как оценивают С. Хантингтон, З. Бжезинский и И. Валлерстайн место и роль России в мировой политике и международных отношениях?

Глава 7

СИСТЕМА И СТРУКТУРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

§ 1. Виды и уровни международных отношений

По своему характеру международные отношения подразделяются на *политические, экономические, научно-технические, идеологические, культурные, военные*. Среди них на первом плане, несомненно, стоят международные политические отношения. Политические отношения определяются в принципе тем, что это отношения государств. Любая проблематика межгосударственных отношений, ставшая предметом государственной политики, в том числе и внешней, пройдя сквозь механизм и процесс разработки и осуществления этой политики, приобретает политический характер, воплощается в межгосударственных политических отношениях. Экономические, научно-технические, идеологические, культурные и военные отношения воздействуют на политические отношения, преломляясь через внешнюю политику, через процесс формирования и реализации внешней политики государств.

Любые внутриобщественные явления становятся объектом межгосударственных политических отношений лишь тогда и постольку, когда и поскольку они опосредованно становятся объектом внешней политики государств, воплощаются во внешнеполитические цели, внешнеполитическую деятельность.

Различные виды отношений не только в субъективном плане, через политику государств, в которой они, как в тигле, переплавляются в политические, но и объективно являются политическими. В силу свойств самой системы межгосударственных отношений она концентрированно выражает различные отношения государств как в их политическом содержании, так и в специфической политической форме. Отделить собственно политические отношения государств, иначе говоря, отношения по поводу конкретно-исторических проблем — в отличие, например, от экономических, научно-технических, культурных и т.д. — весьма трудно, а порою невозможно. Всякое такое «отделение» носит условный характер и предполагает постоянный учет реального взаимодействия собственно политических проблем с другими.

В структуре международных отношений принято выделять несколько уровней: *глобальный, региональный, субрегиональный, международно-ситуационный, групповой, двусторонний*. Выделение первых трех уровней основано на геополитическом подходе и определяется пространственными факторами. Три последних уровня могут быть выделены и на глобальном, и на региональном, и на субрегиональном уровнях международных отношений.

Глобальный уровень международных отношений охватывает наиболее общие проблемы мировой политики, экономического и социального развития человеческой цивилизации. Ни одно государство или иной актор международной жизни не может игнорировать проблемы глобального характера, хотя непосредственное участие в их решении является неодинаковым. Чем крупнее государство по своему размеру, чем выше его экономический и политический потенциал, тем больше оно вовлечено в глобальные политические и социально-экономические процессы.

При анализе *регионального уровня* международных отношений важнейшую роль играет категория «международный политический регион». Она означает отдельную подсистему международных отношений, которая складывается в крупных географических зонах. Но исключительно географический фактор не является главным для выделения международного политического региона. В его основе лежат особые экономические, политические и иные отношения, складывающиеся между входящими в данный регион государствами. Географические границы региона могут поэтому меняться в зависимости от динамики этих отношений или под влиянием иных факторов, например, религиозного или политического характера. Например, на протяжении нескольких десятилетий было принято выделять в качестве отдельного международного политического региона Восточную Европу. К ней относили страны социалистического лагеря, расположенные между СССР и государствами Западной Европы. После распада мировой системы социализма территория бывшей ГДР отошла к Западной Европе, а оставшиеся страны стали все чаще объединять под новым названием — страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), иногда включая в их число бывшие советские прибалтийские республики.

После того как большинство стран ЦВЕ стали членами НАТО и ЕС их в отдельный субрегион стали объединять реже. В обиход вновь вошло понятие «Восточная Европа», однако с совершенно иным содержанием. Теперь в Восточную Европу включают западные республики СНГ — Украину, Белоруссию и Молдавию.

Различия между *региональным* и *субрегиональным* уровнями международных отношений весьма условны и зависят от точки отсчета. В одном случае та или иная географическая зона может быть названа

«регионом», а в другом — «субрегионом». Так или иначе, субрегион является частью региона и представляет собой локальные группы государств с более тесными и имеющими свою специфику по отношению ко всему региону в целом взаимоотношениями. Упомянутая выше Восточная Европа была субрегионом в рамках Европейского региона, так же как Персидский залив — субрегион региона Ближнего и Среднего Востока. В некоторых случаях границы регионов и субрегионов могут пересекаться между собой. Так, страны Южной Европы являются субрегионом в рамках Европейского региона и одновременно они же составляют субрегион в Средиземноморском регионе, в который входят также североафриканские страны.

Международно-ситуационный уровень может проявляться, как уже было сказано, на любом структурном уровне системы межгосударственных отношений. Его главный отличительный признак — наличие конкретной международно-политической ситуации, порождающей особый узел политических, военно-стратегических и иных межгосударственных отношений. Типичный пример международно-политической ситуации — международный конфликт.

Региональный и субрегиональный уровни международных отношений по своей природе представляют собой отношения *групповые*. Но особый групповой уровень может быть выделен и внутри каждого отдельного региона и субрегиона. В качестве примера групповых отношений на глобальном уровне могут быть названы отношения в стратегическом «треугольнике» США—КНР—СССР на заключительном этапе «холодной войны». В целом же в период «холодной войны» глобальный уровень международной политики был связан в большей степени с двусторонними советско-американскими отношениями. Двусторонние отношения на региональном и субрегиональном уровнях представлены наиболее широко и разнообразно.

§ 2. Теоретические модели международных систем

В каждый отдельный промежуток времени складывается определенный характер взаимодействия между основными участниками международных отношений. Эти отношения приобретают особую для каждого периода структуру, которую принято называть системой международных отношений или международной системой.

► **Структуру системы международных отношений** можно определить как особый способ связи между входящими в нее государствами и другими акторами, закономерно возникающий в процессе ее функционирования и развития. Структура международной системы выражает те связи между элементами системы, которые обеспечивают ее стабильность.

Большое значение имеет характер сложившихся связей и отношений между ведущими в данный исторический период державами. С возникновением ракетно-ядерного оружия и приобретением системой международных отношений действительно глобального характера структура самой системы стала определяться наличием и численностью сверхдержав и соотношением сил между ними. В политологической литературе обычно выделяют два типа структуры международных систем — «мультиполярную» и «биполярную». Основание классификации — количество великих держав, входящих в эту структуру. Поскольку система международных отношений давно приобрела всеобщий, глобальный характер, объединяет более сотни государств и немалое число негосударственных акторов, то вполне правомерно выделение и «подсистем» на региональном и локальном уровнях. Каждая такая подсистема имеет собственную структуру, зависящую от структуры международных отношений в целом.

Подсистема, как относительно независимый комплекс международных отношений, имеет две взаимосвязанные стороны: собственно подсистемную, характеризующуюся высокой степенью развития особых отношений между входящими в подсистему государствами и детерминирующую их внешнюю политику, а также общесистемную. Общесистемные отношения могут влиять на формирование внешнеполитического курса этих государств как опосредованно, так и непосредственно. С превращением системы международных отношений в глобальную усилилась функциональная зависимость подсистемных отношений от отношений общесистемных, иначе говоря, от характера межгосударственного взаимодействия и расстановки и соотношения сил на глобальном уровне.

Основным законом функционирования системы международных отношений, как и любой другой системы, выступает **закон поддержания динамического равновесия**. Существование определенного политического равновесия между государствами как основными акторами любой международной системы является основной предпосылкой ее нормального функционирования. Система находится в динамическом равновесии, поскольку равновесие между государствами постоянно нарушается, затем восстанавливается на новой основе, чтобы снова нарушиться. И так до бесконечности. Это происходит потому, что в системе международных отношений действуют различные противоборствующие силы, которые лишь в редких случаях уравнивают друг друга. Все исторически существовавшие системы международных отношений принадлежат к классу систем со стихийным регуляционным механизмом. Это обусловлено тем, что в любой до сих пор существовавшей международной системе не было единого регулирующего центра.

Равновесие системы достигается через столкновения политических действий государств, преследующих собственные интересы, не всегда совпадающие с целями внешней политики других государств. В поле этих столкновений как тенденция пробивает себе дорогу закон динамического равновесия. К своему состоянию равновесия система движется через целый ряд состояний неравновесия, при этом абсолютно равновесное состояние недостижимо.

В каждом конкретно-историческом состоянии международной системы закон динамического равновесия может выражаться в различных формах. Исторически наиболее распространенной всегда была форма баланса сил. Следует отметить, что баланс сил является одной из важнейших универсальных закономерностей развития международных отношений в целом.

«Международный баланс сил, — указывал Г. Моргентау, — это лишь специфическое выражение общего социального принципа, которому все сообщества, состоящие из какого-то числа независимых единиц, обязаны независимостью этих единиц... Баланс сил и политика, нацеленная на его сохранение, не только неизбежны, но и представляют собой существенный стабилизирующий фактор в сообществе суверенных государств... Нестабильность международного баланса сил обязана не дефектам данного принципа, а конкретным условиям, при которых принцип вынужден действовать»¹.

Под силой, исходя из взглядов самого Г. Моргентау и многих специалистов в области международных отношений, следует понимать способность каждого государства защищать свои интересы и реализовывать свои цели на международной арене с помощью соответствующих средств. Материальным выражением такой способности выступает геополитический, экономический, военный и научно-технический потенциал государства. Однако в полной мере о силе государства мы можем судить, лишь сравнивая ее с соответствующим силовым потенциалом других государств. Иными словами, «сила» может быть только категорией системных отношений, которые, в свою очередь, могут рассматриваться как отношения силовые. Силовые же отношения неизбежно и необходимо порождают такой феномен международной политики, как баланс сил.

Принцип баланса сил, как неписаное руководство к действию государств на международной арене, берет свое начало с самых древних времен. Там, где государства были вовлечены в борьбу за власть и влияние, там всегда отношения между ними строились на основе принципа баланса сил. Всякое отдельное государство, если оно не встречает перед собой никаких препятствий, естественно стремится к расширению своей власти и влияния на столь большую территорию, какую оно способно захватить и какой способно действительно управлять. На практике,

однако, препятствия возникают обязательно, главным образом в лице других государств, также стремящихся к расширению своего влияния или к противодействию влиянию других. Следствием этого является столкновение различных интересов и устремлений, в котором решающую роль играет сила государства.

Поскольку сила государства есть величина сравнительная, всякое прибавление в силе одного государства ведет к относительному уменьшению в силе его соперников. Сама сила меняется в зависимости от многих причин, и меняется неравномерно во времени и в пространстве. По этой причине в каждой системе государств неизбежно возникают отношения в рамках действия принципа баланса сил. Если три и более государств вступают в контакт друг с другом, сразу появляются условия для действия этого принципа. Предположим, что имеется система из трех государств *A*, *B* и *C*. Увеличение силы любого из них обязательно будет иметь следствием относительное уменьшение силы двух других. Например, если *A* завоевывает государство *B* или лишает его части территории, то эти действия окажут немедленное неблагоприятное воздействие на государство *C*, так как *A* увеличило свою мощь за счет *B* и находится в лучшем чем прежде положении, чтобы навязать свою волю и *C*. Если руководство государства *C* достаточно разумно, оно должно предвидеть такой результат и прийти на помощь *B* не потому, что испытывает к нему симпатию или заботится о его будущем, но в виду собственного интереса не допустить опасного для себя усиления могущества *A*. В сложившейся ситуации *B* и *C* имеют общий интерес в противодействии *A*, поскольку каждое из них понимает, что усиление мощи *A* создает потенциальную угрозу его собственному существованию и независимости.

Подводя итог, можно сказать, что каждая единица в этой гипотетической системе государств неизбежно будет стремиться бросить свой вес в пользу одной из двух других, кому угрожает опасность со стороны третьей. Если этот принцип последовательно соблюдается всеми тремя государствами, то ни одно из них не сможет нанести ущерб другому и все сохраняют независимость. В своей элементарной форме поэтому принцип баланса сил предназначен не для того, чтобы сохранить мир или способствовать международному взаимопониманию. Он служит сохранению независимости каждой единицы в системе государств путем недопущения увеличения мощи любого из них до таких пределов, когда она начинает угрожать всем.

► Издавна многие политические мыслители пытались выявить суть отношений между государствами, познать закономерности, которые лежат в основе их развития, и определить возможности поддержания в системе государств, почти непрерывно потрясаемой войнами, сравнительно надежной безопасности. Все попытки и

усилия дали в целом результат, более чем скромный: в мире, который состоит из суверенных государств, преследующих свои интересы, и в котором движущей силой является стремление к преобладанию, обеспечить сравнительно надежную безопасность можно только с помощью двух способов. Один из них — поддержание баланса сил, второй — создание обязывающих международных органов, нечто вроде мирового правительства, которое обладало бы теми же правами, что и правительства внутри государств. Второй способ утопичен; первый, хотя и весьма ненадежен, остается пока что единственным.

Существуют несколько вариантов моделирования систем международных отношений. Один из вариантов предложил американский политолог **М. Каплан**². Под международной системой он понимает варианты расстановки сил на основе некоторого набора участвующих организаций, государств или групп государств. Всего им выделено шесть типов международных систем: система «баланса сил», свободная биполярная система, жесткая биполярная система, универсальная система, иерархическая система и система вето. Затем были предложены различные модификации отдельных систем.

В системе «баланса сил» основными факторами являются только национальные государства с широкими военными и экономическими возможностями. Это — система, в которой не существует дифференциации ролей; если в ней насчитывается менее пяти государств-акторов, то система может оказаться неустойчивой. Если имеется пять или более таких государств, то они проявляют заинтересованность в том, чтобы не допустить устранение других государств как основных акторов системы, сохранив их как будущих союзников. В то же время каждый из акторов стремится максимально обеспечить свою безопасность путем получения больших, чем равные, возможностей в системе. Поэтому они образуют союзы и вступают между собой в войны. Но войны эти носят локальный характер, а союзы быстро меняются. Возникающие коалиции чаще всего направлены против акторов, претендующих на господство или обладающих преимуществами, способными дать им господствующее положение. Любое из союзных государств-акторов может быть приемлемым партнером, ибо только таким образом оно в состоянии обеспечить себе оптимальную вероятность того, что будет членом победившей коалиции или не слишком пострадает от поражения, если окажется в проигравшей коалиции. Такая система является устойчивой.

В свободной биполярной системе роли дифференцированы. Она состоит из акторов различных типов: отдельных государств, блоков государств, лидеров блоков, членов блоков, неприсоединившихся стран и универсальных организаций. Устойчивость такой системы возрастает в том случае, если лидеры блоков обладают монополией на атомное вооружение. Союзы создаются на базе постоянных общих интересов.

Войны имели бы тенденцию к превращению из локальных в тотальные, если бы не сдерживающее влияние огромной разрушительной силы ядерного оружия, а также посреднической деятельности неприсоединившихся стран и универсальных акторов. Такая система менее устойчива, чем система «баланса сил».

Жесткая биполярная система в принципе имеет много общего со свободной биполярной системой. Отличие состоит в том, что в жесткой системе упраздняется роль неприсоединившихся государств и в значительной степени атрофируется роль универсальной организации. В случае возникновения такой системы она характеризовалась бы очень высоким напряжением.

Универсальная система носит чисто предположительный характер. Она могла бы, по мнению М. Каплана, возникнуть в том случае, если бы ряд политических полномочий был передан универсальной организации. Такая система потребовала бы от части своих членов переориентации, поскольку предпочтение было бы оказано коллективным и международным ценностям.

Иерархическая система выглядит как некая модификация универсальной. Предполагается, что она могла бы возникнуть вследствие изменения масштабов международной организации или установления единоличной власти какого-либо одного актора.

Система вето — это система государств-акторов или блоков-акторов, в которой каждый актор располагает значительным запасом атомных вооружений. Члены такой системы не склонны к образованию союзов. Они стремятся к тому, чтобы вероятность войны не увеличивалась, но при этом сохранялось бы напряжение, порождающее относительную неустойчивость. Эта система менее устойчива, чем свободная биполярная система.

В годы «холодной войны» реальная система международных отношений видоизменялась между жесткой и свободной биполярными моделями по схеме М. Каплана. В 1950-е годы тенденция развития шла в сторону жесткой биполярной системы, поскольку противоборствующие сверхдержавы стремились вовлечь в орбиту своего влияния как можно больше стран и количество нейтральных государств было невелико. Жесткая конфронтация США и СССР фактически парализовала ООН. США, располагая большинством голосов в Генеральной Ассамблее ООН, использовали ее как послушный механизм для голосования, чему СССР мог противопоставить только свое «право вето» в Совете Безопасности. В результате Организация Объединенных Наций объективно не могла играть возложенной на нее роли.

С конца 1950-х годов система международных отношений эволюционировала в направлении мягкой биполярной модели. За счет новых независимых государств Азии и Африки увеличилось количество ней-

тральных стран, многие из которых составили Движение неприсоединения. Несколько повысилась результативность деятельности ООН и других международных организаций. Но одновременно усилилось соперничество противоборствующих блоков в «третьем мире», что стимулировало возникновение региональных конфликтов.

§ 3. Эволюция системы международных отношений после окончания «холодной войны»

Исчезновение Советского Союза как одной из двух сверхдержав разрушило прежнюю международную систему. Пока рано говорить о каких-либо окончательных контурах новой системы международных отношений.

В России и в ряде других стран весьма популярна идея «многополюсного мира». Странниками этой идеи выступают ученые и политические деятели самого высокого уровня. Вполне понятны мотивы таких воззрений и высказываний. Они связаны с негативным отношением к доминированию США на международной арене. Но очень часто протест против однополюсного мира слишком эмоционален и не учитывает негативных сторон иных возможных моделей международных систем. Например, вариантом «многополюсного мира» может быть та международная система, которую М. Каплан называл «системой вето». Она могла бы сложиться вследствие широкого распространения ядерного оружия, что было бы весьма опасно для международной стабильности и безопасности. К сожалению, некоторые тенденции современного развития свидетельствуют о возможности и такого варианта. Подобный поворот событий, несомненно, противоречил бы интересам России и многих других стран.

О многополярной системе международных отношений многие специалисты писали еще во времена «холодной войны», правда, относилась возможность ее формирования к будущему. Возможное возникновение такой системы рассматривалось не как следствие чьих-либо желаний, а как результат объективных процессов, например, процесса дезинтеграции биполярной системы, появления новых центров силы в ряде регионов параллельно с ослаблением мощи двух тогдашних сверхдержав. Правда, большинство авторов анализировали структуру международной системы с традиционных позиций, используя ограниченный объем факторов, фактически отождествляя государственную силу с военной мощью. На этом фоне выделялась концепция известного американского политолога С. Хоффмана, многие положения которой не утратили своей актуальности и в наши дни¹.

С. Хоффман указывал на целый ряд тенденций в развитии международных отношений в конце 70-х годов XX столетия. Он отмечал увели-

чение числа государств, возрастание роли негосударственных акторов, нарастание взаимозависимости, изменение соотношения между экономическими и военными факторами. Но, пожалуй, главным было то, что он увидел возникновение новых иерархических структур в международной системе. Если ранее имела место одна иерархия, основанная на исключительно силовом факторе, то уже в тот период складывались несколько функциональных иерархий, каждая из которых основывалась на различных факторах — экономических, военных, идеологических, социокультурных и т.д.

Например, после Второй мировой войны Германия и Япония вышли на ведущие позиции в мировой экономике, но оставались «политическими карликами», имели несопоставимый со своими возможностями военный потенциал.

Другой пример — посткоммунистическая Россия. В отличие от Советского Союза ее место в международной экономической иерархии относительно невысоко, хотя она по-прежнему входит в число стран с самыми высокими макроэкономическими показателями. Более того, место России в мировой экономике может стать более весомым, хотя претендовать на первые места она не сможет. В то же время Российская Федерация сохраняет второе место в мире по стратегическим вооружениям, является членом Совета Безопасности ООН. Все это увеличивает ее вес в мировых делах. Россия обладает наибольшими в мире запасами природных ресурсов. Весьма велика ее роль в мировом энергетическом балансе. Все эти факторы в совокупности позволяют говорить о Российской Федерации как о заметном акторе мировой политики и как о важном и самостоятельном центре в системе международных отношений.

Хотя окончательно новая система международных отношений еще не сложилась, однако некоторые из определяющих ее структурных иерархий уже просматриваются. Например, ясно, что сегодня в мире существует лишь одна, соответствующая прежним меркам, сверхдержава — Соединенные Штаты Америки. США занимают ведущие позиции в экономической структуре современных международных отношений, в военно-стратегической структуре, а также лидируют в технологическом и научно-техническом отношении. В условиях глобализации, которая в значительной степени направляется из самих Соединенных Штатов, эта страна получает дополнительные преимущества перед другими государствами. В 1990-е годы резко усилилось политическое влияние США за счет приобретения новых союзников в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Однако можно ли говорить о том, что США выполняют сегодня роль единственного полюса в международной системе, которую М. Каплан обозначил как иерархическую? Казалось бы, события последних лет свидетельствуют в пользу этого. Администрация США не раз позволяла себе действовать, игнорируя нормы международного права, в обход суще-

ствующих международных институтов, включая Организацию Объединенных Наций.

Один из последних примеров — ситуация вокруг Ирака. Поскольку Соединенные Штаты Америки поставили цель провести военную операцию против Саддама Хусейна еще задолго до ее фактического начала и руководствовались при этом сугубо собственными интересами, то шли они к ней невзирая ни на какие возражения со стороны. Вопрос о наличии оружия массового поражения был лишь предлогом, для США это стало способом легитимировать свои действия на основе ооновских решений и документов. Когда же стало ясно, что необходимого для себя решения в Совете Безопасности ООН США не получают, американская администрация пошла в обход механизмов ООН. Устав ООН и ряд важнейших международных норм и принципов были нарушены. Как известно, США делали так и в годы «холодной войны», но только в той степени, в какой это позволяло сделать другой полюс, вторая сверхдержава — СССР.

С распадом биполярной системы и исчезновением второго полюса внешняя политика США лишилась прежнего ограничителя. Однако из этого не следует делать вывод, что США могут в одиночку предпринимать любые, в том числе и насильственные, действия и брать на себя ответственность за события в любой точке земного шара. Война против Ирака, так же как до этого антитеррористическая операция в Афганистане, показали, что, несмотря на военную, экономическую и политическую мощь, даже достигнув быстрого военного успеха, США сталкиваются с серьезными трудностями и обращаются за помощью к другим государствам и международным институтам. Практика, таким образом, свидетельствует, что даже единственная сверхдержава нуждается во взаимодействии и координации с другими центрами силы. Именно «центрами», а не «полюсами», поскольку понятие «полюс» относится к прошлому, к тому времени, когда главным регулятором международных отношений был закон баланса сил. Понятие «центр» соответствует упомянутой концепции С. Хоффмана и его мнению о существовании в международной системе различных структурных иерархий.

Наряду с США к числу ведущих международных акторов относят еще ряд государств. Кроме Российской Федерации, это — государства Западной Европы, Япония, Китай, Индия, Бразилия и некоторые другие государства. Япония относится к числу наиболее высокоразвитых государств мира. Долгое время она занимала второе место в мировой экономике, но сегодня уступила это место Китаю. После окончания «холодной войны» Япония стремится активизировать свою роль в мировой политике, что находит отражение в системе международных отношений на региональном и глобальном уровнях. Крупнейшие государства Западной Европы — Германия, Великобритания и Франция — традиционно играют важную роль в международных отноше-

ях. В прошлом они даже имели статус «великих держав». После Второй мировой войны вследствие структурных сдвигов в системе международных отношений и Германия, и Великобритания, и Франция такой статус утратили. Если для Германии это стало результатом поражения в войне, то с Великобританией и Францией это случилось на фоне появления и укрепления сверхдержав. В отличие от Германии Великобритания и Франция сохранили высокий политический статус, но потеряли свои позиции в других сферах международных отношений. Сегодня все три государства входят в число ведущих в экономическом отношении стран мира и одновременно являются экономическими и политическими лидерами Европейского Союза. ЕС же можно рассматривать не только как совокупность государств, но и как самостоятельный центр в системе международных отношений. Правда, это касается в основном структуры международных экономических отношений, поскольку достигнутая степень интеграции сделала ЕС единым актором мировой экономики. В мировой же политике говорить о ЕС как едином акторе пока преждевременно, так как его общая внешняя и оборонная политика далека от окончательного формирования.

Отражением структурных сдвигов в системе международных отношений в начале XXI в. стало появление группы БРИК. Первоначально аббревиатура, состоящая из первых букв названия таких стран, как Бразилия, Россия, Индия и Китай, появилась в работах экономистов банковской группы «Голдмэн энд Сакс». Перечисленные страны отличаются крупными размерами — по территории, численности населения и природным ресурсам. По мнению специалистов, они обладают большим потенциалом для экономического роста. По прогнозам экспертов, к середине XXI в. суммарный объем ВВП стран группы БРИК должен превзойти объем ВВП лидеров мировой экономики начала столетия — США, Японии, Германии, Великобритании, Франции и Италии. А шестерка лидеров к 2050 г. будет выглядеть следующим образом: Китай, США, Индия, Япония, Россия, Бразилия. Реальные темпы экономического роста в странах БРИК в первом десятилетии XXI в. до наступления финансово-экономического кризиса 2008 г. оказались даже выше, чем прогнозировали эксперты. Кризис серьезно не отразился на показателях экономического развития Китая и Индии, лишь Россия существенно снизила темпы экономического роста.

Восстановление мировой экономики и ее дальнейший рост по-прежнему увязываются с тем, как будут продвигаться дела в странах группы БРИК. Если сначала БРИК была лишь аббревиатурой, то потом данная группа стала реальным фактором в мировой политике. Начиная с 2006 г. проводятся встречи министров иностранных дел в четырехстороннем формате. Вслед за такими встречами стали проводиться встречи и других высокопоставленных представителей правительств

стран БРИК. С 2009 г. в рамках БРИК организуются ежегодные саммиты глав государств.

В последние годы возрастает роль в мировой политике и экономике целой группы развивающихся государств — Вьетнама, Индонезии, Аргентины, Мексики, Бангладеш, Пакистана, Ирана, Турции, Южной Кореи, Южно-Африканской Республики. Их потенциал уступает потенциалу группы БРИК, но все они имеют хорошие возможности для экономического роста и усиления политического влияния. Страны этой группы могут взаимодействовать со странами БРИК по целому ряду вопросов. С 2011 г. ЮАР будет принимать участие во встречах в формате БРИК, который преобразуется в формат БРИКСА.

Структурные сдвиги в системе международных отношений неизбежно должны найти отражение в функционировании многих международных институтов. Мировой финансово-экономический кризис выявил, что структура международных финансово-экономических отношений существенно изменилась в начале XXI в. Обсуждать глобальные экономические проблемы только в привычных рамках «Большой восьмерки» стало невозможно, поэтому появилась «Большая двадцатка», которая включает ряд стран, в недавнем прошлом причисляемых к так называемому «третьему миру». В рамках «Большой двадцатки» страны БРИК, выступая совместно, добились изменений в таких международных институтах, как МВФ и Всемирный банк, отразивших возрастание роли развивающихся стран в мировой экономике.

Наиболее серьезные изменения, которые должны будут учесть формирование новой полицентричной структуры международной системы, назрели в Организации Объединенных Наций. ООН создавалась сразу же после окончания Второй мировой войны и отразила тогдашние реалии международных отношений. С тех пор в мировой политике и мировой экономике произошло столько перемен, что реформа ООН стала неизбежной. В ходе этой реформы предполагается внести изменения в состав Совета Безопасности, играющего важнейшую роль в мировой политике (см. главу 16). Пока реформа ООН задерживается, что снижает уровень легитимности этой универсальной международной организации и усиливает нестабильность в мировой политике.

Специалисты в последние годы, с одной стороны, констатируют, что структура системы международных отношений эволюционировала в сторону полицентричности, с другой — существует мнение, что возможно ее возвращение к биполярности. В качестве второго полюса гипотетической биполярной системы международных отношений называют либо Европейский Союз, либо Китай. Представляется, что степень внутренней экономической и, особенно, политической интеграции ЕС не позволит ему в обозримом будущем быть монолитным актором международных отношений, а тем более выступать противомесом США.

КНР, несомненно, в ближайшем будущем превзойдет США по объему ВВП. Но из-за гигантского населения Китай будет по-прежнему уступать Соединенным Штатам по среднедушевым экономическим показателям. Не сможет КНР в ближайшем будущем сравниться с США по уровню научно-технического развития и военно-техническому потенциалу. Руководство Китая и само пока не готово к активному участию в мировых делах, отдавая приоритет решению внутренних проблем. Оно ответило отказом на предложение США о формировании «большой двойки», которая, по мнению некоторых американских политологов и политиков, должна прийти на смену и «Большой восьмерке» и «Большой двадцатке». Вероятнее всего, до середины нынешнего столетия радикальных перемен в полицентричной структуре системы международных отношений не произойдет. В ней будет проявляться определенное, но не безграничное доминирование одной из сверхдержав — США, при сохранении и усилении других центров политического и экономического влияния, в том числе современной России.

Примечания

¹ *Morgentau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. N. Y., 1965. P. 440.*

² *Kaplan M. Macropolitics: Selected Essays on the Philosophy and Science of politics. N. Y., 1969; Kaplan M. New Approaches to International Relations. N. Y., 1969; Kaplan M. (ed.) System and Process in International Politics. N. Y., 1957.*

³ *Hoffmann S. Primacy of world order: American foreign policy since the cold war. N. Y., 1978.*

Контрольные вопросы и задания

1. Какова роль негосударственных акторов в современных международных отношениях?
2. Дайте характеристику основных особенностей государства как международного актора.
3. В чем состоит специфика отдельных видов международных отношений?
4. Что лежит в основе выделения уровней международных отношений?
5. Как социокультурные, экономические, политические и идеологические факторы влияют на изменение географических границ регионов и субрегионов?
6. Дайте характеристику закона «баланса сил» и его роли как регулятора международных отношений.
7. Какие факторы лежат в основе типологии международных систем М. Каплана?
8. Какой теоретической модели соответствовало развитие системы международных отношений в 60–80-е годы XX в.?
9. Насколько, на ваш взгляд, споры об «однополярном» или «многополярном» мире соответствуют эволюции системы международных отношений после окончания «холодной войны»?

Глава 8

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ И УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ

§ 1. Сущность и типология международных конфликтов

Центральной проблемой теории международных отношений является проблема международных конфликтов. И это вполне оправданно, если иметь в виду цель, которая объективно стоит перед всем человечеством последние десятилетия, — это выживание, предотвращение глобальной термоядерной катастрофы. Поскольку любое вооруженное столкновение есть лишь крайнее выражение политического конфликта, его высшая стадия, постольку изучение причин конфликтов и способов их урегулирования, особенно на тех стадиях, когда это еще сравнительно легко осуществить, имеет не только теоретическое, но и огромное практическое значение.

Международный конфликт — непосредственное или косвенное столкновение интересов двух или нескольких сторон (государств, групп государств, народов, политических движений) на основе имеющихся между ними противоречий объективного или субъективного характера.

По своему происхождению эти противоречия и порожденные ими проблемы в отношениях между государствами могут быть *территориальными, национальными, религиозными, экономическими, военно-стратегическими, научно-техническими* и т.д. Но в целом конфликт всегда принимает политическую форму, поскольку эти противоречия осознаются и разрешаются государствами с присущей им внутренней, внешней и военной политикой через механизм формирования и осуществления этой политики.

Возникновение и развитие международного конфликта связано не только с объективными противоречиями, возникающими в отношениях между государствами, но и с таким субъективным фактором, как внешняя политика самих государств. Конфликт вызывается, «подготавливается», разрешается именно сознательной целенаправленной внешней политикой государств, но нельзя игнорировать и такой субъективный фактор, как личные характеристики и качества причастных к принятию

решений политических деятелей. Иногда личные взаимоотношения между лидерами могут оказать существенное влияние на межгосударственные отношения, в том числе и на развитие конфликтных ситуаций.

Политическая наука и практика международных отношений знают различные типы и виды международных конфликтов. Однако единая, признаваемая всеми исследователями типология международных конфликтов отсутствует. Наиболее часто в классификациях международных конфликтов встречается их разделение на симметричные и асимметричные.

К *симметричным* относят такие конфликты, которые характеризуются примерно равной силой вовлеченных в них сторон. *Асимметричные* же конфликты — это конфликты с резким различием потенциала конфликтующих сторон.

Интересную классификацию конфликтов предложил канадский политолог **А. Раппопорт**, использовавший в качестве критерия форму протекания международного конфликта. По его мнению, конфликты бывают трех видов: в форме «сражения», в форме «игры» и в форме «дебатов». Наиболее опасным для мира и безопасности является конфликт, развивающийся в форме «сражения». Само название его говорит о том, что стороны, вовлеченные в конфликт, изначально настроены воинственно по отношению друг к другу и стремятся нанести противнику максимальный урон, невзирая на возможные последствия для себя. Поведение участников такого конфликта можно определить как иррациональное, так как они ставят перед собой зачастую недостижимые цели, неадекватно воспринимают международную ситуацию и действия противоположной стороны.

Напротив, в конфликте, который разворачивается в форме «игры», поведение участников определяется рациональными соображениями. Несмотря на внешние проявления воинственности, стороны не склонны доводить обострение отношений до крайности. Решения принимаются на основе учета всех факторов и обстоятельств, на основе объективной оценки ситуации.

Для конфликта, развивающегося как «дебаты», изначально присуще стремление участников разрешить возникшие противоречия путем достижения компромиссов.

§ 2. Структура и процесс развития международных конфликтов

Международный конфликт может рассматриваться как относительно самостоятельное явление в системе международных отношений. Субъектами международного конфликта могут быть государства, межгосударственные объединения, международные организации, вклю-

чая ООН, организационно оформленные общественно-политические силы внутри государства или на международной арене. В ходе конфликта может меняться степень и даже характер заинтересованности сторон в конфликте, может меняться и место конфликта в иерархии целей каждого из участников, может расширяться или уменьшаться само число участников, может произойти подмена одних непосредственных или косвенных сторон другими.

Исследование процесса развития международного конфликта дает возможность установить многие его существенные для анализа исторические и причинно-следственные аспекты, а изучение его системы и структуры выявляет главным образом структурно-функциональные стороны конфликта. Нельзя воспринимать эти аспекты международных конфликтов изолированно друг от друга. Анализ последовательно меняющихся фаз развития конфликта позволяет рассматривать его как единый процесс, обладающий различными, но взаимосвязанными сторонами.

Фазы развития международного конфликта — не произвольные, абстрактные отрезки времени, в которых развивается данный конфликт, они реальны, определяются историческими и социальными причинами. Эти причины проявляются в конкретных признаках, относящихся к изменению внутренних характеристик государств—участников конфликта, общим политическим и конкретным интересам, целям, средствам, внешним союзам и обязательствам участников конфликта, масштабам и интенсивности развития самого конфликта, вовлечению новых участников с присущими им и применяемыми в данном конфликте средствами борьбы, союзам и обязательствам, международным условиям, в которых конфликт развивается.

В зависимости от сущности, содержания и формы данного конфликта, конкретных интересов и целей его участников, применяемых средств и возможностей введения в действие дополнительных средств, вовлечения новых или выхода имеющихся участников и общих международных условий развития конфликта он может проходить через самые различные, в том числе и необязательные по схеме, «нестандартные» и непредсказуемые заранее фазы. Некоторые фазы могут полностью выпасть, создать «брешь» в типовом развитии того или иного конкретного конфликта. Могут появляться «неожиданные» фазы, деформируя устойчивую картину. Фазы конфликта могут и спрессовываться во времени, сливаться друг с другом или, наоборот, растягиваться во времени, распадаться на более дробные части. Международный конфликт в своем развитии способен в считанные дни и часы совершать скачок через фазы, но может развиваться медленно, как бы растягиваться. Развитие его может идти от фазы к фазе по нарастающей, но способно также и к «топтанию на месте», повторению фаз, «отступле-

нию», «снижению» уровня. В каждом конкретном случае высокий уровень развития конфликта может быть различным.

Первая фаза международного конфликта — сформировавшееся на основе объективных и субъективных противоречий, экономических и политических интересов сторон, сталкивающихся на международной арене, принципиальное политическое отношение и соответствующие ему экономические, идеологические, правовые, военно-стратегические, дипломатические отношения по поводу данных противоречий, выраженные в более или менее острой конфликтной форме.

Вторая фаза — субъективное определение конфликтующими сторонами своих интересов, целей, стратегии и форм борьбы для разрешения объективных и субъективных противоречий с учетом своего потенциала и возможностей применения мирных и немирных средств, использования внешних союзов и обязательств; оценка общей внутренней и международной ситуации. На этой фазе сторонами определяется или даже частично реализуется система взаимных практических действий, носящих характер борьбы и сотрудничества, с целью разрешения противоречия в интересах той или другой стороны или на основе компромисса между ними.

Третья фаза — использование сторонами в конфликте широкого диапазона экономических, политических, идеологических, психологических, моральных, правовых, дипломатических и военных (но не в форме прямой вооруженной борьбы) средств, вовлечение в той или иной форме в борьбу непосредственно конфликтующих сторон других государств — индивидуально, через блоки и договоры, через ООН — с последующим усложнением системы политических отношений и действий всех прямых и косвенных сторон в данном конфликте.

Четвертая фаза — нарастание борьбы до наиболее острого политического уровня — международного политического кризиса, который может охватить отношения непосредственных участников, государства данного региона, других регионов, крупнейших мировых держав, ООН, а в ряде случаев и весь мир, перерасти в мировой кризис, что уже содержит угрозу развязывания вооруженной борьбы. На этой фазе возможен сознательный, вытекающий из интересов, целей и стратегии какой-либо стороны (или из действий другой стороны, или обстановки) переход к практическому применению военной силы в демонстративных целях или в ограниченных масштабах, для того чтобы принудить к удовлетворению интересов государства, использующего меры военного воздействия.

Пятая фаза — международный вооруженный конфликт, начинающийся с ограниченного конфликта и способный развиваться до более высокого уровня вооруженной борьбы с применением современного оружия, вовлечением союзников и крупнейших мировых держав, расширением территории.

Изучение закономерностей развития международных конфликтов весьма важно для их предотвращения и урегулирования. В случае возникновения конфликта необходимо стремиться к его локализации, консервации на начальных фазах.

Особое место занимает такая фаза, как международный политический кризис. Его опасность заключается в том, что он вплотную подводит конфликтующие стороны к вооруженному столкновению. В период международных кризисов очень быстро меняется ситуация, возрастает активность и роль военных, которые вольно или невольно могут подтолкнуть участников конфликта к использованию силы. Серьезную опасность представляли международные политические кризисы периода «холодной войны», поскольку могли повлечь за собой мировую термоядерную катастрофу. Наиболее известным кризисом того периода был карибский кризис 1962 г., называемый ракетным кризисом. Столкновение интересов СССР и США по поводу утверждения власти Ф. Кастро на Кубе, очень быстро пройдя начальные фазы конфликта, привело к всеобъемлющему кризису не только в их отношениях, но и к глобальному кризису.

Анализ событий того периода показывает, что причиной такой ситуации были ошибки руководителей обоих государств, неверные оценки намерений и действий противоположной стороны. Большая доля вины за карибский кризис лежит на тогдашнем советском лидере Н. Хрущеве, который недооценил потенциал молодого американского президента Д. Кеннеди, посчитав его неопытным в международных делах. Н. Хрущев принял ряд решений, не опиравшихся на объективный анализ ситуации и не адекватных вытекавшим из этой ситуации задачам. Однако в последний момент и Н. Хрущев, и Д. Кеннеди сумели остановиться перед пропастью и нашли пути к урегулированию конфликта вокруг Кубы.

Очень многие конфликты периода «холодной войны» подпитывались соперничающими блоками, за некоторыми из них прямо стояли две сверхдержавы: СССР и США. С окончанием «холодной войны» открылся путь к разрешению части из этих конфликтов, но в то же время возникли новые очаги напряженности. Во многих регионах планеты продолжает литься кровь, не исчезла полностью и угроза глобального вооруженного столкновения. Поэтому по-прежнему актуальной остается проблема обеспечения всеобщей безопасности.

§ 3. Пути мирного урегулирования международных конфликтов

В теории и на практике существуют разные пути выхода из конфликтных ситуаций. В случае международного конфликта, который уже перешел в фазу вооруженной борьбы, стороны стремятся к военной победе и победитель навязывает побежденному свою волю. Конфликт прекращается, но в будущем он может возобновиться снова.

Первая мировая война закончилась поражением Германии и ее союзников и условия мира были продиктованы странами Антанты. Однако унижения и ограничения, которые были связаны с Версальским мирным договором, стали питательной почвой для появления и роста среди немцев реваншистских настроений, способствовали приходу к власти Гитлера. В итоге все это привело к новой мировой войне.

Победа одной из сторон и капитуляция другой стороны под тяжестью военных поражений представляют собой односторонний путь завершения конфликта, причем путь, опирающийся на использование силы.

Мирные пути урегулирования конфликта требуют усилий всех вовлеченных в конфликтную ситуацию сторон, при участии не втянутых в непосредственное политическое или военное столкновение государств или иных международных акторов. «Мирное урегулирование конфликтов» — широкое понятие, охватывающее несколько направлений мирного выхода из конфликтной ситуации.

1. *Разрешение конфликта*, т.е. деятельность по полному устранению его причин. Такая деятельность, как правило, должна завершаться подписанием соглашения о разрешении конфликта.

2. *Урегулирование конфликта*. Суть урегулирования заключается в том, что глубинные причины конфликта полностью не устраняются, но его дальнейшее протекание ставится в определенные рамки, гарантирующие минимальный уровень безопасности для заинтересованных сторон. В соглашениях об урегулировании конфликта оговариваются условия, при которых конфликт не будет развиваться по самому худшему сценарию, в то же время возможность его полного разрешения выносятся за скобки и откладывается на будущее.

3. *Путь предотвращения конфликта*, т.е. недопущение его вооруженной фазы. Если же военные действия начались, третий вариант предполагает достижение соглашения о перемирии или хотя бы о прекращении огня. Ввиду издержек и опасностей, которые влечет за собой вооруженная борьба, ее недопущение или прекращение само по себе представляет серьезную ценность.

Мирное урегулирование в любом варианте предполагает ведение переговоров. Переговорный процесс в условиях конфликта, тем более международного, чрезвычайно сложен и обладает своей спецификой. Он делится на несколько этапов: первый этап — подготовка к переговорам; на втором этапе участники излагают друг другу свои предложения и одновременно критикуют позиции противоположной стороны; третий этап означает переход к дискуссии по основным вопросам повестки дня переговоров; на четвертом, финальном этапе переговоры либо завершаются принятием совместного решения или документа, либо окончательно заходят в тупик.

Переговоры выполняют ряд важных функций. Основная из них — совместный поиск решения стоящих в центре переговоров проблем. Кроме этого, переговоры выполняют информационно-коммуникационную функцию. В ходе переговоров стороны могут обмениваться информацией, касающейся не только непосредственно переговорного процесса, но и по другим, представляющим взаимный интерес вопросам. Пока идет переговорный процесс, его участников объединяет официальный устойчивый канал коммуникации, что в условиях конфликтной ситуации, когда нормальные взаимоотношения нарушены, чрезвычайно важно. Переговоры по международным проблемам при определенных обстоятельствах могут выполнять функцию решения какой-либо внутриполитической проблемы. Например, начало переговоров, которых требовала оппозиция, может лишить ее основного козыря во внутриполитической борьбе и укрепить позиции существующей власти. В таком случае достижение конечной цели уходит на второй план и переговорный процесс становится самоцелью.

Специалисты отмечают еще одну функцию переговоров, не связанную непосредственно с их содержанием, — пропагандистскую. Эта функция реализуется в том, что участвующие в переговорах лица обращаются не только к партнерам, но и к общественному мнению своей страны, международному общественному мнению, к социальным группам и политическим силам, для того чтобы получить их поддержку и, возможно, изменить характер мыслей и действий в соответствии с собственными интересами.

Ярким примером осуществления пропагандистской функции переговоров была деятельность Л. Троцкого в Брест-Литовске в 1918 г. Будучи одним из вождей большевистской революции и первым советским наркомом иностранных дел, он возглавлял делегацию Советской России на переговорах по заключению мирного договора с Германией, Австро-Венгрией и их союзниками. Меньше всего Л. Троцкий был озабочен теми вопросами, которые традиционно решают профессиональные дипломаты. Для него было важно не столько заключить на приемлемых для нашей страны условиях мир, сколько подтолкнуть европейскую и мировую революцию в соответствии со своими теоретическими концепциями. Поэтому Л. Троцкий обращался не к немецким генералам и дипломатам, а, через их головы, к «германскому и международному пролетариату». Брестские переговоры им были завершены бессмысленной и безответственной формулой: «Советская Россия войну прекращает, мирного договора не подписывает, а армию демобилизует».

Этот пример показывает, что акцентирование пропагандистской функции переговорного процесса может негативно сказаться на его основном содержании.

Для проведения международных переговоров необходима специальная подготовка, в ходе которой намечается время, место, фор-

мулируется повестка дня, определяется уровень представительства. Поскольку в условиях конфликта решить эти, по сути технические, вопросы непросто, иногда требуются предварительные «переговоры о переговорах».

Одной из важнейших предпосылок начала переговорного процесса является наличие переговорного пространства, т.е. ситуации, при которой теоретически возможно достижение взаимоустранивающего результата на основе частичного совпадения позиций и взаимных уступок потенциальных участников переговоров. Если переговорное пространство отсутствует, то следует искать какой-либо иной выход из конфликтной ситуации или пытаться пересматривать свои позиции, тем самым формируя его заново.

Примером такого отсутствия переговорного пространства может быть названа ситуация, сложившаяся в отношениях между Грузией, с одной стороны, и Абхазией и Южной Осетией — с другой. После «пятидневной войны» 2008 г. и признания Россией независимости бывших грузинских автономий не удается наладить переговорный процесс между сторонами конфликта, поскольку их исходные переговорные позиции полностью исключают друг друга.

§ 4. Третья сторона в урегулировании международных конфликтов

Для урегулирования конфликта издавна применяли такой путь, как привлечение третьей стороны, которая находила решение, удовлетворяющее конфликтующие стороны. Например, в средневековой Европе в качестве третьей стороны часто выступал Папа Римский. Постепенно роль посредника все чаще стали брать на себя суверенные национальные государства. Сегодня же в роли третьей стороны выступают не только государства или церковь, но и группы государств, международные организации, неправительственные институты и организации, а в некоторых случаях даже и отдельные авторитетные лица. В современных условиях роль неправительственных участников урегулирования конфликта возрастает.

Само понятие «третья сторона» имеет весьма широкий смысл. Когда речь идет о вмешательстве в конфликт кого-либо еще, кроме его непосредственных участников, будь это посредник, наблюдатель, арбитр, любое лицо, не имеющее официального статуса, но занятое вопросами урегулирования конфликтных отношений, то используется общее понятие «третья сторона». Причем роль третьей стороны состоит именно в урегулировании, приостановлении эскалации конфликта, а не в оказании помощи какой-либо одной стороне. Иначе третья сторона сама становится участницей конфликта.

Третья сторона может стараться урегулировать конфликт самостоятельно, а может — по просьбе конфликтующих сторон. Ее воздействие на участников конфликта весьма разнообразно. Это может быть убеждение и оказание помощи в нахождении мирного решения противоречия, но может быть и принуждение, оказание давления и ограничение конфликтных действий. Убеждение и оказание помощи в нахождении мирного решения обычно используют в рамках переговорного подхода. В переговорном подходе обычно различают следующие стратегии: посредничество, оказание добрых услуг, наблюдение за ходом переговоров.

Посредничество можно определить как одно из средств мирного разрешения международных споров, которое заключается в том, что какая-либо третья, не участвующая в споре сторона в соответствии с международным правом организует по своей инициативе или по просьбе спорящих сторон переговоры между ними в целях мирного разрешения спора, зачастую принимая непосредственное участие в этих переговорах. Весьма близко к понятию «посредничество» понятие «оказание добрых услуг». Некоторые исследователи все же видят различие в том, что для осуществления посредничества необходимо согласие всех конфликтующих сторон, а для оказания добрых услуг достаточно согласия лишь одного участника конфликта. Кроме этого, посредничество и оказание добрых услуг различают и по тому, насколько активно действует третья сторона в процессе урегулирования конфликта. Оказание добрых услуг предполагает меньшую активность, например, только лишь предоставление территории для проведения переговоров или передача сообщений. Посредники не только организуют переговоры, но и принимают в них непосредственное участие. В практике международных отношений более распространено посредничество.

Наблюдение за ходом переговоров предполагает еще меньшую активность третьей стороны. Практика показывает, что одно присутствие наблюдателя сдерживает враждебные действия конфликтующих сторон, снижает напряженность и способствует более активному поиску взаимоприемлемого решения.

В целом же различия между посредничеством, добрыми услугами и наблюдением за ходом переговоров весьма условны. Но от них отличается такое понятие, как «*арбитраж*». Дело в том, что решения арбитра являются юридически обязательными для спорящих сторон, хотя выбор арбитра осуществляется добровольно самими спорящими сторонами.

Третья сторона может воздействовать на участников конфликта, используя различные средства принуждения и ограничения. К таким средствам относятся: применение экономических санкций, отказ от экономической помощи участникам конфликта; введение миротвор-

ческих сил, проведение военных миротворческих операций. Главная цель миротворческих сил — разъединение противоборствующих сторон, недопущение вооруженных столкновений между ними, контроль над их вооруженными действиями. В качестве миротворческих могут использоваться силы отдельных государств, группы государств, а также вооруженные формирования Организации Объединенных Наций. Исполнению миротворческих сил ООН может предшествовать довольно длительная работа военных наблюдателей. Сами миротворческие силы могут находиться в зоне конфликта долго, даже и после достижения договоренностей. Их присутствие является гарантом того, что противостояние не возобновится с новой силой. Иногда на военных возлагаются дополнительные функции, например доставка гуманитарных грузов.

Миротворческие вооруженные силы помогают урегулированию конфликтов и играют позитивную роль, но следует помнить и об ограничениях и негативных моментах в их деятельности. Во-первых, конфликтующие стороны должны дать согласие на ввод миротворческих войск, а такое согласие можно получить не всегда. Во-вторых, существует проблема нейтральности миротворческих сил. Нередко миротворцы подвергаются нападкам со стороны обеих противоборствующих сторон и обвиняются в необъективности. Если вводятся коллективные миротворческие силы, то нередко возникает еще одна проблема: несовпадение точек зрения на проблему у различных субъектов миротворческого процесса. В-третьих, надо учитывать ограниченность возможностей миротворческих сил. Например, оружие они могут использовать только в целях самообороны и не имеют права преследовать нападающих. Поэтому они часто оказываются мишенью для противоборствующих группировок, попадают в заложники. Если же миротворческим силам предоставляются большие права, то это чревато опасностью расширения конфликта. В-четвертых, существует также проблема финансирования. Но самое главное, следует помнить о том, что принудительные и ограничительные меры должны носить временный характер и заставлять конфликтующие стороны искать мирное решение проблемы, а не заменять собой политическое урегулирование.

В отличие от введения миротворческих сил введение санкций не предусматривает согласия того, в отношении кого они вводятся. Санкции бывают финансовые (запрет или ограничение кредитов, займов, инвестиций), торговые (запрет импорта и экспорта товаров и технологий), политические (разрыв дипломатических отношений, исключение из международных организаций). Так же как и введение миротворческих сил, эта мера имеет не только позитивные, но и негативные последствия. Санкции могут привести к изоляции страны от внешнего мира, усилению групповой сплоченности внутри конфликтующей стороны или, наоборот, поляризации общества, прежде всего от санкций страдают наименее защищенные слои населения. Кроме всего

перечисленного, введение санкций может нанести вред не только экономике страны, в отношении которой они вводятся, но и экономике государства, вводящего санкции, особенно если у них были тесные экономические связи.

Характеризуя деятельность третьей стороны в урегулировании конфликта, следует отметить ее практическую направленность. Сегодня специалисты, теоретики и практики выделяют несколько конкретных способов и путей участия в конфликте третьей стороны, это — деятельность по предотвращению конфликта, деятельность по установлению мира, миротворческая деятельность и деятельность по закреплению мира.

В основе предотвращения конфликта лежат принципы превентивности, используются меры, направленные на недопущение развития насильственного конфликта. Например, обмен мнениями по сложным проблемам, сбор и анализ фактического материала, осуществление образовательных и исследовательских программ, направленных на формирование ненасильственных установок решения противоречий.

Деятельность по установлению мира начинается уже тогда, когда конфликт достиг вооруженной стадии и на его участников оказывается давление, цель которого — прекращение насильственных действий. Главными средствами в этом случае являются санкции, введение миротворческих сил, создание буферных зон. Эти средства дают возможность снизить остроту конфликта, достичь перемирия, но не решают проблему. *Миротворческая деятельность* как раз и направлена на поиски решения проблемы. С этой целью используют посредничество, а также переговоры между противоборствующими сторонами. Деятельность посредников может начинаться еще в разгаре вооруженной борьбы. Миротворческая деятельность может охватывать все фазы урегулирования конфликта, но основное значение она приобретает на переговорной фазе.

Одна из проблем, с которой сталкиваются специалисты-практики, занимающиеся миротворческой деятельностью, заключается в том, что чаще конфликты удается только «притушить» на какой-то ограниченный период. Жертвы, большие материальные затраты, тщетность усилий миротворцев вызвали сомнения в целесообразности вмешательства третьей стороны в вооруженные конфликты. Другая проблема состоит в том, что третья сторона способна учитывать рациональные аргументы поведения конфликтующих сторон. В реальных условиях слишком много факторов воздействуют на события, учесть их все просто невозможно. Кроме того, участники конфликта часто действуют эмоционально, непредсказуемо, иррационально, иногда принимая «самоубийственные» решения. Но на реальную практику эти сомнения и проблемы практические не оказали влияния, поскольку слишком серьезную угрозу таят в себе вооруженные конфликты для остальных членов мирового сообщества.

Деятельность по закреплению мира, или «миростроительство», направлена на окончательное разрешение противоречий мирным путем.

Главная задача здесь заключается в развитии межгосударственного сотрудничества в экономической, культурной, социальной сферах, налаживании контактов между общественными организациями, отдельными авторитетными лицами и исследователями в рамках направления по разрешению конфликтов. Кроме контактов и реализации совместных проектов, большое значение имеет просветительская работа и использование средств массовой информации. Проблема, с которой сталкиваются участники деятельности по закреплению мира, заключается в том, что не всегда удается устранить причину конфликта. Окончательное и полное ее устранение скорее выступает в качестве будущей цели.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем вы видите причины конфликтов в международных отношениях?
2. На основе существующих типологий охарактеризуйте известные вам международные конфликты второй половины XX в.
3. Что такое конфликт с нулевой суммой применительно к международным отношениям?
4. Как может изменяться структура международного конфликта?
5. Через какие этапы проходит развитие международного конфликта?
6. В чем заключаются особенности международных кризисов?
7. Чем международные конфликты начала XXI в. отличаются от конфликтов предшествующих десятилетий?
8. Какими путями можно выйти из конфликтной ситуации?
9. Что такое переговорное пространство?
10. В чем заключаются особенности международных переговоров?
11. Что такое третья сторона и какова ее роль в урегулировании международных конфликтов?

ЧАСТЬ II

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

§ 1. Теоретические дискуссии по вопросам глобализации

Считается, что *термин «глобализация»* впервые появился в 1983 г. в статье **Т. Левита** в журнале «Гарвард бизнес ревью» и обозначал тогда феномен слияния рынков отдельных продуктов, производимых отдельными корпорациями. Вплоть до 1987 г. база данных Библиотеки Конгресса США в Вашингтоне не содержала книг, в названии которых использовалось бы понятие «глобализация». Однако с начала 90-х годов XX в. количество книг и статей на эту тему стало увеличиваться лавинообразно. С этого времени термин получил широкое распространение, одновременно он наполнялся все более широким набором значений. Переход от оценочных суждений о глобализации к содержательным ставит в первую очередь вопрос о характере и степени новизны происходящего процесса и масштабах его социальных последствий. При этом все имеющие место попытки анализа приводят к выводу о сложном, комплексном, многослойном характере глобализации, включающей разные явления, разные процессы, протекающие в разных сферах общественной жизни и разными темпами. При этом в зависимости от того, какие из этих процессов считают ключевыми, самому процессу глобализации отводится от пятидесяти до пятисот и более лет¹. В результате, содержание, генезис и, особенно, дальнейшие пути развития процессов глобализации и сегодня являются предметом острой политической и научной дискуссии. Предметом оживленных дебатов служит буквально все — что такое глобализация, когда она началась, как она соотносится с другими процессами в общественной жизни, каковы ее ближайшие и отдаленные последствия для отдельного человека, того или иного региона и для мира в целом и т.д.

При этом одни понимают глобализацию достаточно узко, как объективный процесс «формирования финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий», и связывают ее начало с 90-ми годами XX в. Многие акцентируют эконо-

мическое содержание этого понятия. Смотри, например, трактовку глобализации как перехода от преобладания товарообмена к активизации обмена информацией и знаниями и появление на этой базе «экономики знания» и электронной экономики глобального масштаба. В основе этой позиции лежит рассмотрение глобализации как объективного изменения в характере, темпах, интенсивности глобальной коммуникации.

«Глобализация, — утверждает известный экономист **Лал Дипак**, — это процесс создания общего экономического пространства, ведущий к росту интеграции мировой экономики благодаря все более свободному перемещению товаров, капитала и труда. ...Рассматриваемая как чисто экономический процесс, глобализация является ценностно нейтральной. Вопреки множеству утверждений, она не является и не может быть идеологией»².

Однако многие (особенно левые авторы) считают, что «введение в оборот термина “глобализация” было пропагандистским ответом элит на протесты против неолиберализма» (**С. Амин**, **Б. Кагарлицкий**, **Н. Хомский**, **В. Форрестер** и др.), т.е. концепция «глобализации» рассматривается как новое идеологическое обоснование власти транснациональных корпораций, прежде всего американских. Как пишет **Чалмерс Джонсон**, известный американский ученый-востоковед: «Глобализация это эзотерический термин для того, что в XIX в. называли “империализмом”», и это тоже мощное оружие Америки, особенно финансового капитала». С этой точки зрения разговоры о глобализации являются осознанной или неосознанной идеологией, средством легитимации текущего развития.

«Заражение научных, политических и прочих дискурсов идеологией глобализации, — утверждает **В. Форрестер**, — на руку ультралиберальным кругам, процветающим и преуспевающим в условиях “нового капитализма” за счет обострения проблем, ставящих под угрозу природную и социальную среду жизни значительных масс населения планеты»³.

Третьи видят в глобализации современную стадию постепенного процесса интеграции мира, формирования целостной человеческой цивилизации, предвестие глобального гражданского общества и начало новой эры мира и демократизации. Как отмечал академик **Н. Н. Моисеев**:

«Интеграционные и дезинтеграционные тенденции непрерывно взаимодействуют в истории человечества, и их противоречивость непрерывно рождает новые формы организации государственной и национальной жизни. И нет однозначного решения, как и нет единственной “научной” и к тому же “правильной” идеологии»⁴.

Мы разделяем в этом вопросе точку зрения тех авторов (**И. Валлерстайн**, **Р. Робертсон**, **Г. С. Батыгин**, **Н. Н. Моисеев**, **М. А. Чешков** и др.), которые считают, что глобализация — это процесс стадийного становления мира как единого, взаимосвязанного экономического, политического, культурного пространства.

«Несмотря на то что глобализация как проблема возникла не так давно, тем не менее если посмотреть на историю человечества, то при всей ее противоречивости и неоднозначности можно обнаружить тенденцию ко все более тесному взаимодействию территорий, экономик, политической, культурно-духовной и иной деятельности... При этом на протяжении истории основания для такого объединения были различными. Например, в средневековой Европе таким основанием было христианство, в период “холодной войны” — идеология, а в последнее время — прежде всего современные информационные и коммуникационные технологии», — пишут, например, М. Лебедева и А. Мельвиль⁵.

Однако глобализация это процесс, начавшийся еще на ранних этапах истории человечества, но только ныне ставший всеобщим. Так, согласно Р. Робертсону, идея глобальности родилась еще во времена Полибия, реально же процесс глобализации начался с XV в., особенно активно развернувшись в период 1870-х годов — середины XX в. Подводя некоторый промежуточный итог, **И. Яковенко** пишет:

«Разворачивание истории, прежде всего, выражалось в объединении отдельных регионов и конкретных обществ в общемировое целое. Последовательно рос объем связей, корреляций и взаимозависимостей. На определенном этапе объем этих связей порождает новое качество, которое мы обозначаем как глобализацию. В этом смысле глобализация — определенный и закономерный этап общеисторического процесса»⁶.

Как отмечают многие исследователи, интерес к проблемам, охватываемым понятием «глобализация», возникал всякий раз, когда под вопросом оказывался сложившийся социальный и международный порядок. На протяжении последнего века с небольшим это происходило, по меньшей мере, трижды.

Уже авторы «Коммунистического манифеста» (1848) в середине XIX в. ощущали приближение того, что сегодня называют глобализацией:

«На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной степени относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература»⁷.

Однако впервые подобные вопросы начали серьезно обсуждаться в конце XIX столетия среди таких тем, как «геополитика», «империализм», рост объемов международной торговли, складывание международных финансово-промышленных корпораций, конференций о мире и разоружении, необходимость и возможность формирования наднациональных и международных представительских органов и организаций. Несколько позже (в 1910-х годах) речь зашла уже о возможностях

грядущей интеграции Европы. Некоторые исследователи именно с этим историческим периодом (1870—1914 гг.) связывают начало глобализации (или «первую глобализацию»), протекавшее тогда в форме процессов интернационализации экономики (прежде всего торговли), политики и культуры. Так, **В. Федотова** пишет:

«Нынешнюю глобализацию можно считать второй. Первая представляла собой английский *free trade*, обеспечивший свободное перемещение товаров, капиталов и людей. Этот процесс, начавшийся в 1885 г., мог бы продолжаться по сей день, если бы не был прерван тремя системными оппозициями — национализмом (Первая мировая война), коммунизмом (Великая Октябрьская революция) и фашизмом (Вторая мировая война). В результате процесс глобализации был остановлен более чем на 70 лет»⁸.

Но всегда следует помнить, что исторические параллели часто «хромают». Действительно, и для окончания XIX столетия, и для конца века XX характерны тенденции к тому, что мы сегодня называем глобализацией, и к технологическим революциям — транспортной в первом случае и информационной — во втором. Однако многие экономисты на примерах показали, что на рубеже XIX—XX вв. имело место значительно более свободное обращение товаров, услуг, капитала, рабочей силы, нежели в нынешнее время, определяемое как эпоха глобализации (так, совокупный импорт и экспорт в 1913 г. составил 30% мирового ВВП).

Второй раз дискуссии этого рода были связаны с осмыслением завершающейся эпохи колониализма и экспансии современной западной цивилизации и проекта государства-нации в страны «третьего мира». Несомненно, что процесс образования наций в послевоенный период переместился с Запада к освобождающимся от колониальной зависимости народам Азии и Африки и этот процесс приобрел здесь гораздо более масштабные формы. Однако теоретическим образцом для национально-освободительных движений «третьего мира» послужил, прежде всего, западный национализм. При этом появление здесь национализма, основанного на этнической принадлежности или на религиозной общности, становилось проклятием движений за национальную независимость, поскольку он позволял колониальным властям пользоваться расколом коренного населения и поскольку такой национализм становился залогом сепаратизма и хаоса после обретения независимости.

В этот исторический период казалось, что коммунистические страны предлагают «третьему миру» альтернативную модель политического освобождения и «некапиталистического развития», т.е. социальной и экономической модернизации, которая осуществлялась бы при поддержке СССР.

Третья по счету волна дискуссий поднялась на рубеже 1980—1990-х годов, когда потерпел крах коммунистический проект преобра-

зования мира и закончилась «холодная война». Именно тогда и вошел в широкий обиход сам термин «глобализация» (во Франции вместо него используется понятие «мондиализация»).

Таким образом, сторонники вышеуказанной позиции усматривают в глобализации факт субъективного осознания процессов, которые протекают уже достаточно давно, однако на современном этапе характеризуются принципиальными, качественными изменениями. Причем если в 1990-е годы, в период всеобщего энтузиазма по поводу глобализации, многие пленялись идеей триумфа демократии и «конца истории», ратовали за культурное многообразие, проницаемые границы и космополитическую этику, предполагающую обязательства всех перед всеми, и даже утверждали, что мир превращается в единый полис, то события следующего десятилетия сделали дискурс глобализации еще более актуальным. Однако если 1989 г. символизировал оптимистические ожидания, то 11 сентября 2001 г. стало олицетворением оборотной стороны глобализации. Вызовы международного терроризма продемонстрировали значимость проблем социального неравенства, религиозных и этнических идентичностей и выдвинули на первый план проблемы обеспечения всеобщей и национальной безопасности.

Действительно, произошедшая на наших глазах радикальная геополитическая трансформация мира привела к нарастанию практически всех геополитических напряженностей и конфликтов. Развитие событий уже в 1990-е годы показало, что особое обострение этнических конфликтов произошло именно в регионах «геополитических разломов», в зонах межцивилизационного взаимодействия (Балканы, Кавказ, Ближний и Средний Восток), и этот процесс является частью современной глобализации и становления «нового мирового порядка».

Существует множество попыток дать краткое, но емкое определение глобализации, и тем не менее прийти к общему знаменателю не удается, поскольку сама трактовка этого феномена детерминирована идейной позицией авторов. Неолибералы, считающие глобализацию процессом объективным и непреодолимым, видят в ней свидетельство расширения и укрепления рыночных отношений, демонстрацию триумфа их идеологии. Социалисты и коммунисты, усматривающие за теми же тенденциями действие мирового капитала, надеются, что нарастающие в ходе глобализации масштабы всемирного неравенства реанимируют протестное движение, которое снова востребует их социальную теорию, и т.д.

Однако поскольку общепризнано, что важная предпосылка генезиса глобализации была создана совокупностью трансформаций в области технологий пространственно-временных коммуникаций, которые по сути создали для ее развертывания материально-техническую базу, постольку для многих приемлемо понимание современного этапа

глобализации, предложенное **Энтони Гиденсом**. Британский социолог определяет его как «интенсификацию всемирных отношений, связывающих отдаленные друг от друга места таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за многие мили отсюда, и наоборот».

Процессы трансформации социального пространства являются постоянными и непрерывными, свойственными всем стадиям развития человечества. Однако в нынешних условиях эти процессы переходят в некое новое качество. Прежде всего, увеличение скорости перемещения предметов и особенно информации, приводящее к «сжатию» пространства, упирается в естественный предел, когда пространство как бы исчезает, сжимаясь до точки. В результате оказываются «рядом» и вступают в контакт (прямой, хотя и опосредованный техническими средствами) люди, находящиеся за многие километры друг от друга. «Исчезновение» пространства проявляется в том, что реальное расстояние (в пределах планеты) при этом совершенно неважно. Значимые события, интересующие людей в разных местах Земли, происходят для них одновременно, как если бы все они собрались в одной точке пространства. «Отрываясь» от привязки к конкретному месту в физическом пространстве, события перемещаются в пространство виртуальное.

В широком смысле, следовательно, речь идет о растущей взаимосвязи и взаимозависимости всех регионов мира, всех сегментов мировой экономики, политики и культуры. Глубинный смысл происходящих изменений состоит в том, что нарастает интенсификация обменов всех видов (от материально-технических, главным образом, средств транспорта, до инструментов трансляции слов, образов, символов, информации). Они получили название «потоков глобализации» (информационных, транспортных, экономических, финансовых).

По мнению исследователей-оптимистов, глобализация сегодня означает новый этап интеграционных процессов в мире и ведет к втягиванию большей части человечества в единую открытую систему финансово-экономических, общественно-политических и культурных связей на основе новейших средств информатики и телекоммуникаций. Неизменно подчеркивая технологические и экономические основы происходящих сегодня в мире глобальных изменений, разные авторы выделяют различные аспекты глобализации, например: организационно-управленческий, экономический, технический, пространственный, культурный, политический. В результате,

► **глобализацию** осторожно определяют «как *естественно-искусственный процесс* типа эволюции, интегрирующий локальные (в том или ином смысле) интеллектуальные, технические или хозяйственные достижения людей, равно как и их ошибки и заблуждения»⁹.

В действительности глобализация оказалась не столь универсальной и «глобальной», как представлялось. На этом основании некоторые авторы утверждают: «Нет такой вещи как “глобализация”, поскольку ...почти нет такого рынка или общественного блага, который был бы действительно “глобальным” в том смысле, что охватывал бы все пространство мира. <...> В нынешнем мире постоянные обмены между людьми расширились далеко за пределы государств. Однако мир не стал пока глобальным, а скорее простирается внутри пространств нескольких рыночных “империй” (таких как США, ЕС, Китай и Япония)». При этом подчеркивается, что в области международных финансов, как и в сфере международной торговли, осуществляется процесс транснационализации и регионализации вокруг названных выше центров.

Тем не менее глобализация совершенно очевидна и реальна, прежде всего, как самый общий вектор развития мира, своего рода **равнодействующая самых разнообразных сил и тенденций**. Она явно определяет весьма важный и влиятельный класс экономических, политических и иных процессов на различных уровнях, а также задает новые принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, создавая в результате мир с множеством взаимосвязей, взаимодействий и взаимоуязвимостей. При характеристике нынешнего этапа глобализации обязательно нужно учитывать три важных исторических обстоятельства:

- 1) распад советского блока и разрушение биполярной системы международных отношений;
- 2) переход стран-лидеров мирового развития на постиндустриальную стадию;
- 3) регионализацию мировой экономики.

Новое качество мира — его глобальность — проявилось также в том, что в 1990-е годы почти вся планета оказалась охваченной единым типом хозяйственной деятельности — капиталистические рыночные отношения стали абсолютно доминирующими.

§ 2. Мировая экономика и мировая политика в условиях глобализации

В целом, в **экономической сфере**, глобализация выражается сегодня в следующем:

- скачкообразное увеличение масштабов и темпов перемещения капиталов в поисках наилучших условий для накопления. Как следствие, не только страны, но и регионы, и отдельные города втягиваются в острую конкурентную борьбу за новые инвестиции;
- опережающий рост международной торговли по сравнению с ростом ВВП всех стран;

- создание сетей международных производств с быстрым размещением мощностей по выпуску стандартизированной и унифицированной продукции;

- формирование мировых финансовых рынков, на которых многие операции осуществляются быстро и практически круглосуточно;

- финансовая сфера становится самодовлеющей силой, определяющей возможности развития промышленности, сельского хозяйства, инфраструктуры, сферы услуг. Сегодня финансовая сфера действительно сама стала «реальной экономикой», поскольку надутые ею спекулятивные «мыльные пузыри» породили текущий финансовый, а затем и глобальный экономический кризис;

- распространение за счет развития телекоммуникационных систем, программного обеспечения информации об изменениях на финансовых и других рынках практически мгновенно, в результате чего решения о перемещении капиталов, продажах и покупке валют, ценных бумаг, долговых обязательств и пр. принимаются в реальном масштабе времени, часто чисто рефлекторно;

- мировые финансовые рынки становятся неподвластными юрисдикции отдельных, даже наиболее крупных государств;

- возникновение новых мощных субъектов мировой экономики за счет слияний и поглощений транснациональных корпораций;

- резкое расширение рынков труда и изменение их структуры, произошедшее под воздействием внедрения новых технологий. Это, с одной стороны, привело к массовой иммиграции в развитые страны и заметно изменило традиционный этнический состав населения развитых стран, породив социальное напряжение в ряде из них; с другой — к миграции производства, новых форм организации экономики из Европы и США в регионы, сохранявшие до того преимущественно традиционный уклад жизни и гарантированно низкую стоимость рабочей силы, что породило ускоренную индустриализацию ряда стран Восточной Азии и феномен «анклавной модернизации» во многих странах «третьего мира», что также способствовало здесь росту социальной напряженности;

- возникновение своего рода метаинфраструктуры перераспределения доходов в пользу государств промышленно развитого Севера. Ярким примером такого перераспределения могут служить знаменитые «ножницы цен» — растущая разница в стоимости сырья и готовой продукции и др. Такое перераспределение в пользу постиндустриальных стран Севера составляет суть геоэкономических рентных платежей, являясь своего рода глобальным налогом на экономическую деятельность;

- оформление в рамках глобальной, но пока далеко не универсальной мир-экономики контуров ее специализированных сегментов:

«больших пространств», объединенных культурно-историческими кодами, стилем хозяйственной деятельности, общими социально-экономическими факторами и стратегическим целеполаганием. Формируется мировая система «экономического плюрализма» с тремя региональными центрами: Северная и Южная Америка под эгидой США, Европа под эгидой ЕС, Юго-Восточная Азия пока под эгидой Японии, а в перспективе — Китая. «Регион-экономика» — по мнению знаменитого японского менеджера Кеничи Омаэ, — это антитеза мир-экономике Ф. Броделя и И. Валлерстайна.

► **Экономическая глобализация** — «...это такой процесс производства и обмена, в котором благодаря господству информационных (т.е. «нематериальных») факторов над вещественными («материальными»), капитал, превращающийся в электронный сигнал, оказывается свободен практически от всех ограничений локального и государственного уровня — пространственных, материальных, социальных. Это победа времени над пространством. И естественно, тех, кто контролирует время и капитал, над теми, кто контролирует пространство и государственную власть», — подводит некий промежуточный итог российский исследователь А. Фурсов.

В информационно-технологическом плане глобализационные процессы проявляются в том, что экстенсивное распространение хозяйственной деятельности человечества по поверхности земной суши практически близко к завершению, на Земле уже почти нет «белых пятен». Одновременно идет все более решительное освоение Мирового океана и ближнего Космоса. Созданная человеком «вторая природа» — производственная, энергетическая, транспортная, коммуникационная и т.п. инфраструктуры — по своим масштабам и задействованным в ней потокам энергии становится соизмеримой с пространствами и энергиями окружающей среды. Таким образом, окружающая сфера — геосфера — все более подвергается воздействиям человеческой деятельности, происходит формирование новой сферы обитания, в которой соединяются природные элементы и высокотехнологизированные и механизированные процессы.

Что касается системы **международных отношений**, здесь процессы глобализации также оказывают решающее влияние на ее изменение.

Стивен Хоффман в работе еще 1980-х годов «Приоритеты мирового порядка. Американская внешняя политика времен “холодной войны”» предпринял, как представляется, успешную попытку систематизировать произошедшие в послевоенной международной системе изменения, которые впоследствии во многом легли в основу формирования нового типа международной системы — глобальной системы¹⁰. С. Хоффман подразделил эти изменения по уровню и характеру объекта воздействия на пять групп:

1. Изменение состава участников мирового политического процесса — акторов:

■ резко возросло число национальных государств главным образом за счет большого числа африканских государств, которые приобрели независимость в 60-е годы XX в. (затем этот процесс продолжается «за счет» фрагментации посткоммунистического пространства. — *Прим авт.*);

■ появилось множество негосударственных акторов, ставших составными элементами структуры (речь идет о международных неправительственных организациях, транснациональных корпорациях и т.д., но следует подчеркнуть, что некоторые из них появились еще в конце XIX столетия и в начале XX, однако активизация их деятельности и широкое распространение приходится именно на указанный период);

■ негосударственные акторы поставили под контроль существенную часть ресурсов национальных государств (данное утверждение целиком относится к деятельности ТНК);

■ возрастание числа акторов и дифференциация между ними умножили число международных взаимосвязей и усилили их. Развивая эти идеи, Джозеф Най предложил располагать акторов международных отношений на трех уровнях: субгосударственном, государственном и надгосударственном, а также разделить их по трем секторам: общественный, частный и негосударственный. Таким образом, не только государства, но и неправительственные организации, как национальные, так и международные, и корпорации, как национальные, так и транснациональные, международные правительственные организации и власти местного и регионального уровня рассматриваются теперь как акторы международной системы¹¹.

2. Изменение целей национальных государств:

■ в мире, где растет взаимозависимость, исчезает традиционное разделение между сферами внутренней и внешней политики, внешняя политика становится полем измерения экономического развития всего мира;

■ в то же время происходит расширение сфер человеческой деятельности внутри государств, каждая из которых стремится расширяться за пределы государственных границ;

■ в мире растущей взаимозависимости влияния, опосредованные связями различного рода более, чем прямое применение силы, становятся ключевой проблемой международных отношений.

3. Преобразование содержания понятия силы:

■ если сила по-прежнему способна влиять на поведение других, ее природа в современном мире радикально изменилась. В условиях усложнившихся взаимосвязей возросшего числа акторов произошла как бы ее диффузия, и в результате утратилась автоматическая связь между силой

и военной мощью. Развивая эти идеи, Дж. Най сформулировал тезис о «мягкой силе» (*soft power*). Последняя означает «комплекс привлекательности», которым обладает страна независимо от имеющегося у нее материального потенциала. В сущности, это набор характеристик, которые могут побуждать зарубежные государства имитировать черты поведения страны, обладающей «мягкой мощью», формы и методы ее развития, элементы общественного устройства, изучать ее язык, открывающий путь к самовозвышению и общему благу (таким образом, в мире интенсивных информационных потоков начинает работать сила примера);

■ в условиях взаимозависимости традиционная логика отношений конкуренции между государствами («я выигрываю, вы проигрываете») еще сохраняется, но перспективы связаны со стратегией солидарности, сотрудничества, так как негативные последствия развития универсальны, касаются всех и лишь различаются в степени воздействия на все государства.

4. Создаются новые иерархические структуры в международной системе: преобразования в природе международных сил воздействовали на международную иерархию, устранив единство иерархии, основанной на военной или военно-политической силе, сложились функциональные иерархии, постоянно главенствовать в каждой из которых трудно. Появились «ограничители» силы, которые затрудняют ее использование для достижения цели.

5. Преобразование международной системы в целом:

■ международная система впервые в истории сложилась в единую систему, символизируемую Организацией Объединенных Наций, созданной в 1945 г.;

■ пока сохраняется биполярная дипломатика (вторая половина XX в.) — стратегическая сфера, но обе сверхдержавы вынуждены вступать в другие иерархические связи, где их военная сила не оказывает решающего влияния (например, экономика, информационные технологии, наука и т.д.);

■ при сохранении силовых отношений между государствами манипуляция с помощью взаимозависимости становится стратегическим средством (например, изменения объемов добычи энергоносителей и мировых цен на нефть и газ, ограничение экспорта природного сырья, операции с внешними займами и долгами).

В идеале же предполагается, что под воздействием глобализации международных отношений идет процесс постепенного укрепления взаимодействия между нациями, цивилизациями и этнокультурами, ведущий к обретению взаимосвязанности и образованию структур глобальной управляемости, которые интегрируют прежде разъединенные фрагменты мира и тем самым позволяют в ней (управляемости) соучаствовать.

Многие исследователи стали даже писать о формировании **поствестфальской системы международных отношений**,

«...публично декларирующей в качестве нового принципа их построения верховный суверенитет человеческой личности, главенство прав человека над национальным суверенитетом. Однако возникающая система международных связей демонстрирует также укрепление принципов, для реализации которых защита прав человека служит лишь дымовой завесой и эффективным орудием. ...Действующий принцип поствестфальской системы — избирательная легитимность (избирательное признание суверенности. — *Прим. авт.*) государств, что предполагает как существование властной транснациональной элиты, санкционирующей эту легитимность, так и особой группы “стран-изгоев” (и так называемых “несостоявшихся государств”. — *Прим. авт.*), а также государств с ограниченным суверенитетом.

Верхушка новой иерархии обладает не только этим “священным правом”, но и техническими возможностями для формирования мирового общественного мнения, служащего затем основой для легитимации и делегитимации национального суверенитета, а также для осуществления властных полномочий, связанных с приведением нового статуса государств в соответствие с политической реальностью»¹².

По мнению целого ряда экспертов, главным содержанием мировой политики становится переход от системы индивидуальных государств (Вестфальская система) к системе, во многом управляемой наднациональными и транснациональными институтами, регулирующими отношения между государствами. Это потребовало серьезного пересмотра основных элементов внешнеполитической традиции, а также национальных политических систем. Международные институты такого рода действительно возникают (ВТО, МВФ, Всемирный банк, G8 и др.), но многое остается неясным:

- адекватен ли этот процесс по масштабу и имеющимся ресурсам потребностям, возникающим в ходе развертывания глобализации;
- могут ли появляющиеся международные институты компенсировать дефицит управляемости в границах национальных государств и в отношениях между ними;
- осуществимы ли эти глобальные общественно-политические практики.

Убедительных ответов на эти вопросы пока нет. Как писал **Кеничи Омаэ**:

«На смену “бунту бедных”, которому национальное государство противостояло во всеоружии, пришел “бунт богатых” и бунт капитала. Противостоять им можно будет лишь с помощью новой политической архитектуры рынка, которую еще предстоит изобрести. Двух представленных до

сих пор решений — англосаксонского либерализма и социального протекционизма шведской социал-демократии и “ренановской модели” (нации. — *Прим. авт.*) — недостаточно для ответа на вызовы. ...Вызов традиционному государству брошен не только глобализацией рынков и транснациональными силами, такими, как финансовые объединения, мультинациональные компании, «церкви» и крупная организованная преступность. Государство ослаблено как сверху, наднациональными институтами типа Европейского Союза, так и снизу — тенденциями к местничеству, регионализму и дроблению государств. ...Экономика образует архипелаги “городов-государств” и “государств-регионов”, которые взаимодействуют напрямую в рамках “панрегионов” или же в рамках глобальной экономической системы, пытаясь минимизировать власть государств или, точнее, государственное вмешательство, противоречащее ее интересам и ее логике»¹³.

В целом можно выделить следующие новые характеристики международных отношений глобального мира:

- рост экономического потенциала негосударственных акторов (ТНК). Так, исследователи приводят следующие цифры: на ТНК приходится 70% мировой торговли и 80% иностранных инвестиций, но на их производстве занято только 3% мировой рабочей силы. Растет и потребность в его независимой реализации в международной среде;

- постепенное вытеснение негосударственными акторами государств с позиций главных, системообразующих элементов системы международных отношений;

- размывание границ между внутренней и внешней политикой государств;

- «экономизация политики» и закрепление фактического неравенства государств как «акторов международных отношений»;

- появление условий, при которых геоэкономическая и геофинансовая власть диктуют миру свои правила игры, создавая своего рода законодательную базу неолиберальной глобализации, геополитика их «оправдывает», а военная компонента «защищает», дипломатия в этом случае из области искусства переходит на уровень технического оформления реального экономического передела мира (Н. М. Межевич);

- появление нового поколения международных регулирующих органов (элитарных, а не эгалитарных), что проявляется, в частности, в фактическом вытеснении ООН механизмом «Большой восьмерки» в качестве ведущего института новой международной системы. Снижается и роль голосования по традиционной формуле «одна страна — один голос», при одновременном усилении роли косвенных, консенсусных форм принятия решений, которые учитывают вес и влияние участвующих в этом.

Кроме того, как уже отмечено выше, глобализация «вывела» на международную арену целую группу новых действующих лиц (международные финансовые институты, экологические, правозащитные и

антиглобалистские организации, религиозные движения, террористические сети, преступные объединения, исследовательские и внедренческие центры и многие другие), весьма различных, а зачастую и противоположных по своим интересам и целям, что делает традиционную дипломатию лишь одним из многих каналов международного общения и механизмов урегулирования спорных проблем. В то же время появление международного терроризма как фактора глобальной политики привело к переоценке одного из важнейших принципов международных отношений — принципа невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Внутренние дела отдельного государства становятся объектом интереса международного сообщества или отдельных стран-лидеров современного мира не только с точки зрения положения с правами человека в этом государстве, но и с точки зрения наличия или отсутствия террористических угроз, исходящих от данного государства внешнему миру.

► В условиях глобализации — расширения и увеличения протяженности и интенсивности экономических, политических, культурных и финансовых связей во всем мире — современный мир живет все больше не в «пространстве мест», а в «пространстве потоков», пространство «сокращается», время «исчезает», мир «сжимается», «скручивается» и, казалось бы, становится все более единым. Процессы социального взаимодействия интенсифицируются, приобретая невиданную ранее динамику. «Глобализация подрывает основы “островного сознания”». При всем желании в современном мире нельзя надолго, а тем более навсегда, изолироваться от глобальных проблем. Если мир становится взаимозависимым, то, значит, он и взаимоуязвим»¹⁴. Таким образом, человечество вступило в крайне сложную эпоху своего существования, когда мир одновременно организуется и хаотизируется, глобализируется и локализуется, объединяется и разделяется (глокализация и фрагментация).

Авторы книги «Пределы конкуренции» предупреждают: в мире уже идет война, война без стрельбы, но речь идет о выживании. Это «новый вид войны» — «психологическо-экономическая война за глобальное руководство». Конкуренция в мире стала универсальным кредо, идеологией; транснациональные компании (ТНК) рассматривают всю планету как один глобальный рынок. Глобализация создает опасность нарастания разрыва в благосостоянии между государствами — в этих условиях могут утвердиться только те из них, которые имеют в своем распоряжении новейшие технологии и дешевую, но квалифицированную и гибкую рабочую силу.

Таким образом, получив наибольшее развитие в экономической сфере, глобализация в конце XX столетия вышла за ее рамки и стала «либо вскрывать реальное несоответствие между мировыми экономи-

ческими процессами и мировой общественно-политической организацией, либо уже реально «перестраивать» политическую структуру мира», — указывают М. М. Лебедева и А. Ю. Мельвиль. Действительно, глобальные товарно-финансовые рынки и информационное пространство формируются ускоренными темпами, а развитие международных рынков труда всемерно замедляется дискриминационной миграционной политикой национальных государств. В формировании же глобального правового пространства и развитии институтов международной политики и международного права с 1990-х годов возобладали регрессивные (а в ряде случаев даже репрессивные) тенденции. Не случайно в настоящее время исследователи все чаще говорят о возникновении дефицита демократии в эпоху глобализации. Так, по мнению некоторых российских политологов:

«С признанием Косова и российским ответом в виде признания Абхазии и Южной Осетии ялтинско-потсдамская модель международного права окончательно перестала существовать как легитимная и признаваемая всеми совокупность норм. Теперь отдельные центры силы могут вне общих критериев и подходов признавать или не признавать международную правосубъектность кого бы то ни было. <...> Таким образом, общие правила, стандарты и критерии не работают. Политическая целесообразность становится главным мерилем мировой политики»¹⁵.

Итак, на сегодняшний день результаты процессов глобализации оказались неоднозначными и противоречивыми:

«За сближением России с Западом скрывалась утрата ею ее исторической роли. За формальным образованием Европейского Союза — возвращение нестабильности в Европу. За видимым вселенским торжеством Америки вырисовывается неудержимый рост могущества Азии, а за успехами Азии кроется проблема дестабилизации отношений Запада с остальным миром»¹⁶.

Не случайно, многие авторы начали формулировать и противоречия глобализации:

- между общечеловеческими интересами во взаимозависимом и безопасном мире и сохранением региональных, национальных и этнических особенностей;
- между глобализацией и связанной с ней унификацией и стремлением к идентичности, самоопределению малых народов, социальных общностей, личностей;
- между экономической глобализацией и необходимостью сохранения и защиты среды обитания человека;
- между гражданским порядком, сохраняющимся внутри государств, и «естественным состоянием», царящим в рамках международных отношений;

- между глобальным развитием как универсальной целью и национальной культурой как ценностным выбором (А. Турен);
- между процессом глобализации и национальными государствами. «Глобализация действует как передатчик, мультипликатор мировых неравенств и их стимулятор, — пишет, в частности, М. Чешков, — она своего рода допинг, но не генератор этих феноменов в контексте всемирного процесса перераспределения богатства, власти и действий...». Он отмечает наличие «кризиса в эволюции человечества и кризиса глобализационных механизмов и структур как необходимого компонента данной эволюции»¹⁷.

Примечания

¹ См.: Бек У. Что такое глобализация? М., 2001; Robertson R. Mapping the Global Condition: Globalization as the Central Conception // *Theory, Culture, Society*. 1990. Vol. 7. No 2–3; Therborn G. Globalization: Dimensions, Historical Waves, Regional Effects, Normative Governance // *International Sociology*. Vol. 15. No 2. June 2000; Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World-System // *International Sociology*. Vol. 15. No 2. June 2000 и др.

² Дунак Лал. Похвала империи: Глобализация и порядок. М., 2010. С. 15.

³ См.: Johnson Ch. Blowback: The Costs and Consequences of American empire. L., 2003; Forrester V. Die Diktatur des Profits. Munchen, 2002.

⁴ Мусеев Н. Н. С мыслями о будущем России. М., 1997. С. 97.

⁵ Лебедева М. М., Мельвиль А. Ю. «Переходный возраст» современного мира // *Внешняя политика и безопасность современной России: 1991–2002: Хрестоматия: В 4 т. / Сост. Т. А. Шаклеина. Т. 1. Исследования. М., 2002. С. 67.*

⁶ Яковенко И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. М., 2008. С. 91.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М., 1980.

⁸ Федотова В. Терроризм и глобализация // *Космополис*. 2003. Осень. № 3. С. 134.

⁹ Рац М. В. Российский проект в глобальном контексте: Идеология развития и ее задействование в политике // *Полис*. 2001. № 6. С. 174.

¹⁰ См.: Hoffman S. Primacy of World Order. N. Y., 1980.

¹¹ См.: Nye J. S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Cannot Go Alone. Oxford, 2002.

¹² Неклесса А. И. ORDO QUADRO — четвертый порядок: Пришествие постсовременного мира // *Внешняя политика и безопасность России: 1991–2002: Хрестоматия: В 4 т. / Сост. Т. А. Шаклеина. Т. 1. Исследования. М., 2002. С. 139–140.*

¹³ Kenichi Ohmae. The Rise of Region State // *Foreign Affairs*. Summer. 1993. P. 78–87.

¹⁴ Кувалдин В. Б. Глобализация — светлое будущее человечества? // *Внешняя политика и безопасность современной России: 1991–2002: Хрестоматия: В 4 т. / Сост. Т. А. Шаклеина. Т. 1. Исследования. М., 2002. С. 163.*

¹⁵ *Маркедонов С.* «Пятидневная война»: Предварительные итоги и следствия // *Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре.* 2008. № 5 (61). С. 119.

¹⁶ *Муази Д.* Горькое торжество демократии // *Демократия и модернизация: К дискуссии о вызовах XXI века / Под ред. В. Л. Иноземцева.* М., 2010. С. 109.

¹⁷ *Чешков М.* Смысл противостояния: не альтернативность, но вариабельность // *Мировая экономика и международные отношения.* 2002. № 6. С. 27, 29.

Контрольные вопросы и задания:

1. Каковы основные подходы к интерпретации процессов глобализации в научной литературе?
2. В чем суть процессов экономической глобализации?
3. Уступает ли государство транснациональным корпорациям и другим экономическим акторам ведущие позиции в регулировании экономики?
4. Как влияет глобализация на изменение системы международных отношений?
5. Каковы характерные черты «поствестфальской» системы международных отношений?
6. «Культурная глобализация»: в чем суть данного феномена?
7. Глобализация и демократия: какова взаимосвязь этих двух феноменов?
8. Перечислите противоречия процессов глобализации.

Глава 10

ПРОЦЕССЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И РЕАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

§ 1. Концепция «третьей волны демократизации»

В политической сфере, тесно связанной с экономической, в 1980–1990-е годы, несомненно, центральное место в мире принадлежало процессам демократизации. Как отмечал американец **Д. Линч**:

«Демократизация и демократическая консолидация являются результатом успешной социализации отдельных государств-обществ в “современную глобальную культуру”, чтящую рациональную бюрократию, свободный рынок и равенство всех перед законом».

Этот процесс С. Хантингтон назвал «третьей волной демократизации». Волна демократизации, по Хантингтону, — это группа переходов от недемократических режимов к демократическим, происходящих в определенный период времени, и количество которых значительно превышает количество переходов в противоположном направлении в данный период. К этой волне обычно относится также либерализация или частичная демократизация в тех политических системах, которые не становятся полностью демократическими¹.

«Первая волна демократизации», самая «длинная», по мнению американского исследователя, охватывала период почти в сто лет, с 1828 по 1926 г. и коснулась не многих стран Европейского и Американского континентов. Она сопровождалась индустриализацией стран Запада и возникшей в этой связи проблемой инкорпорации формирующегося массового рабочего класса в политическое сообщество. Эту задачу демократиям нигде не удалось решить полностью (за исключением англосаксонских стран), поэтому с 1926 г. — года окончательного утверждения фашистской диктатуры Б. Муссолини в Италии, начинается обратная, или «реверсивная», волна, характеризующаяся сокращением числа демократий и увеличением числа тоталитарных и авторитарных политических режимов в мире. «К 1939 году Европа стала кладбищем

21-й пришедшей к упадку демократии, каждая из которых была уничтожена в период кризиса, когда власть захватили недемократические силы», — отмечают М. Доган и Дж. Хигли.

С 1942 г., т.е. с переломного момента Второй мировой войны, начинается «вторая волна демократизации», продолжавшаяся, по мнению Хантингтона, до 1962 г. Она была связана с падением фашистских и праворадикальных режимов в Европе, а впоследствии — с деколонизацией и распространением процессов формирования современного национального государства на «третий мир». Однако и здесь успехи демократизации были весьма ограниченными, поэтому вновь следует откат (1958—1973 гг.), ознаменованный длинной цепью военных переворотов в латиноамериканских, азиатских, африканских и даже европейских (Греция, 1967 г.) странах. «Третья волна демократизации» начинается с демократических перемен сначала, в середине 1970-х годов, в странах Южной Европы (Португалия — 1974 г., Греция — 1974 г., Испания — 1976 г.), а затем в странах Латинской Америки и Восточной Азии и сопровождается распространением глобализированной капиталистической системы практически на весь мир.

Именно эта «глобальная демократическая революция», несомненно, происходившая под влиянием консолидации «глобализированной капиталистической системы» и интенсификации самого разного рода транснациональных связей, стала самой важной политической тенденцией конца XX в.²

Хантингтон вычленил пять условий, предопределивших, по его мнению, «глобальную демократическую революцию» в 1970—1980-е годы:

- делегитимация авторитарных режимов из-за экономических или военных неудач;
- беспрецедентный глобальный экономический рост 1960-х годов, когда резко возросли жизненные стандарты, повысился уровень образования, упрочился городской средний класс;
- глубокий перелом в доктрине и деятельности католической церкви и переход национальных церквей к противодействию авторитаризму;
- изменение соотношения действующих на международной арене сил — США, Советского Союза, Европейских сообществ;
- воздействие стран, оказавшихся лидерами в «третьей волне демократизации», на стимулирование демократизации в других странах (так называемый «эффект снежного кома»).

Несомненно, кульминацией «третьей волны» стало крушение на рубеже 1980—1990-х годов казавшихся незыблемыми коммунистических режимов в Советском Союзе и странах Центральной и Восточной Европы. Причем процессы демократизации носили здесь радикальный

и лавинообразный характер, отсюда широко применяемая метафора «бархатных революций» (радикальные перемены происходят практически без применения насилия во всех странах региона, за исключением Румынии). Это позволило британскому политологу Т. Г. Эшу утверждать, что если демократизация в Польше заняла десять лет, то в Венгрии — десять месяцев, в ГДР — десять недель, в Чехословакии — десять дней, в Румынии же — десять часов. Российский «транзит» также можно интерпретировать как одно из частных проявлений масштабного феномена поставторитарных трансформаций, изменивших в конце XX в. политический ландшафт большей части мира, что, конечно же, не исключает как специфики его протекания в нашей стране, так и его результатов.

Идея «глобальной демократической революции» подкрепляется радикальными теоретическими выкладками Френсиса Фукуямы о том, что XX в. заканчивается окончательной «победой экономического и политического либерализма». «Триумф Запада, западной идеи со всей очевидностью доказан тем фактом, — пишет американский социальный философ в своей знаменитой статье «Конец истории» в 1990 г. — что жизнеспособные системные альтернативы западному либерализму полностью исчерпаны»³. При этом почти ни у кого в этот период не было сомнений в том, что в отличие от двух предшествовавших «волн», завершившихся частичным восстановлением диктатур и автократий, «третья» — имеет большие шансы избежать реверсивного «отката».

«Завершение <...> великой битвы между Соединенными Штатами и СССР. — по словам Зб. Бжезинского, — совпадает с появлением признаков базисной трансформации природы международной политики. Эта трансформация, прогрессивно ускоряющаяся под влиянием современной экономики и коммуникаций, означает сокращение первичности национально-государства и появление более прямой связи между внутренней и глобальной экономикой и политикой. Все в большей степени мировые дела формируются внутренними процессами, не признающими границ и требующими коллективной реакции со стороны правительств, которые все в меньшей степени способны действовать в “суверенном” режиме»⁴.

Эйфория по поводу глобально-демократического будущего мира захватила в этот период многих известных и не очень исследователей. Так, выдающийся американский политолог Роберт Даль в развитии полиархий также выделяет три периода, но по иному, чем Хантингтон, определяет момент перехода от одного типа режима к другому: 1) 1776—1930 гг.; 2) 1950—1959 гг.; 3) 1980-е годы. При этом он особо замечает, что, несмотря на то что некоторые институты полиархии возникли в ряде англосаксонских стран и странах континентальной Европы в XIX в., ни в одной стране демос не стал инклюзивным вплоть до XX в.⁵

В свою очередь, согласно периодизации Ф. Шмиттера, в 1990-е годы мир переживал «четвертую волну демократизации». «Волновой» харак-

тер процессов демократизации и глобальных политических изменений отмечает в своих работах и **Дж. Маркофф**⁶.

Процессы глобализации, развернувшиеся в полную силу в последней четверти XX столетия, действительно приводили к втягиванию все большей части человечества в единую открытую систему финансово-экономических, общественно-политических и культурных связей на основе новейших средств информатики и телекоммуникаций. Не случайно поэтому к началу 1990-х годов в западном научном и политическом сообществах возобладало мнение, что экономические и технологические силы глобализации «сделают государства практически единообразными по своим политическим и экономическим формам и функциям»⁷.

В нашем Отечестве одним из первых «волновое» распространение конституционных режимов в мире зафиксировал **А. Н. Медушевский**, отмечавший, что распространение такого типа режимов направлялось в XVIII — начале XX в. рядом революционных волн, которые исходили из центров революционного взрыва и ослабевали постепенно, по мере удаления от них в пространстве и времени. Для объяснения этого процесса, по его мнению, лучше всего подходит модель Ст. Роккана «центр—периферия», причем сами центры конституционализма имели тенденцию к смещению во времени с Запада на Восток. Ими являлись (помимо английской революции, составлявшей относительно удаленную во времени общую предпосылку всего конституционного процесса Нового времени) три революционные волны и три основных центра:

1) Великая французская революция (1789–1815) с ее польскими, скандинавскими (Финляндия (1809) и Польша (1815) получили от Российской империи «дарованные» конституции) и даже южноамериканскими отголосками, способствовавшими распространению конституционных начал в 20–30-е годы XIX в. в Европе (германские государства) и Латинской Америке (первая конституция Бразилии появляется в 1822 г.);

2) европейские революции 1848–1851 гг., особенно революция в Германии, которые привели к установлению конституционного правления в ряде стран Центральной и Южной Европы (Германия, Австрия, Италия, позднее государства Балканского полуострова), на Дальнем Востоке (Япония), а в 1850–1880-х годах в заокеанских владениях Великобритании (Канада, Австралия, Южная Африка);

3) первая русская революция 1905 г., открывшая этот процесс для многих государств Азии (Персия — 1906 г., Турция — 1908 г., Китай — 1911 г. и др.).

При этом на всем протяжении этого процесса основными очагами конституционализма оставались США и Франция, причем федеративные государства тяготели к заимствованию преимущественно конституции США 1787 г., а унитарные — конституций Франции или их бельгийского и германского (прусского) вариантов⁸.

В период с середины 70-х до середины 90-х годов XX в. число государств, определявшихся как демократические, выросло втрое. Если в 1974 г. всего 39 стран (т.е. 27% всех независимых государств) удовлетворяли критериям «процедурной демократии», то к началу 1996 г. по оценке «*Фридом хауз*», их стало уже 117 (соответственно, 61% стран мира). Эти радикальные изменения на политической карте мира сказались на подходе исследователей к анализу форм современной демократии; понадобилась существенная корректировка представлений о стратегии ее построения и многообразных формах существования.

Как с иронией пишет сегодня американский исследователь: «Транзитология, т.е. изучение перехода от авторитарных систем к рыночной демократии, стала дисциплиной номер один в колледжах и университетах по всем Соединенным Штатам. Организации по оказанию помощи ухватились за положения транзитологии, обосновывая собственную деятельность и борьбу за миллионы долларов, выделяемые правительствами западных государств на содействие демократическому транзиту в России и других республиках бывшего СССР, странах Центральной и Восточной Европы»⁹.

Таким образом, процессы «глобальной демократической революции» рассматривались первоначально как своеобразное выравнивание «мирового политического ландшафта» по меркам и лекалам западной либеральной демократии. И хотя сегодня прежний оптимизм почти иссяк, тем не менее и на Западе, и у нас в стране остались «дежурные оптимисты». Так, один из них пишет уже в 2007 г.:

«...“Конец истории” следует рассматривать лишь как некую идеальную перспективу постиндустриального развития цивилизации, суть которой состоит в существенной, но не абсолютной универсализации политических систем, воплощающих в регулировании жизнедеятельности социума базовые либеральные ценности и принципы полиархической демократии и потому способных решить все фундаментальные проблемы человечества... а ...общей для всех траекторий транзита и их единой конечной целью является вхождение в коридор постиндустриального, постзападного развития»¹⁰.

§ 2. Перспективы и противоречия процессов демократизации в современном мире

Сегодня, констатируя постепенность и долгосрочность процессов подлинной демократизации и либерализации, одни авторы утверждают: «Мы живем в век демократии... В настоящее время нет скольконибудь авторитетной альтернативы демократии... Таким образом проблемы управления XXI столетия будут, вероятно, проблемами в пределах демократии» (**Ф. Закария**). Другие же приходят к прямо противоположному выводу: «начавшаяся в 1989 году эпоха доминирова-

ния либеральных и демократических идей закончена». Так, болгарский исследователь **Иван Крастев** утверждает, что «...на современном этапе наиболее очевидная опасность [демократии] исходит от радикального ислама, но угроза свободе исходит и от возникновения “мнимых демократий” — режимов, которые претендуют на то, чтобы быть демократическими и, возможно, выглядят как демократические, но в которых осуществляется авторитарное правление»¹¹. Не случайно сегодня, по мнению исследователей, во многих странах «третьей волны» повторно идет процесс деполитизации общества и его отчуждения от политической системы. Большинство граждан привычно одобряют олигархическую, элитарную модель власти, т.е. такое государство, которое относительно эффективно управляется профессиональными элитами политиков и экспертов. Некоторая активность населения во время выборов сменяется пассивностью в периоды между ними. Общество недостаточно реагирует на очевидные случаи нарушения демократии и верховенства закона.

Однако, как представляется, в данном случае процесс демократизации понимается как процесс унификации стран «третьей волны» и приведения их в соответствие со стандартами западной либеральной демократии, прямо или косвенно признаваемой эталонным образцом для всех. В то же время получает распространение интерпретация процесса демократизации не как унификации политической карты мира, а скорее как диверсификации демократии, как увеличение разнообразия вариантов демократического развития.

«Если для первого подхода главным является вопрос о том, будет ли автократия сменена демократией, и если будет, то когда, с какими трудностями и благодаря каким факторам, то для второго подхода основной вопрос заключается в том, **каким типом демократии** будет сменена автократия. В рамках такого подхода сущностью происходящих в мире поставторитарных трансформаций оказывается не просто постепенный, более или менее растянутый во времени и сталкивающийся с большими или меньшими трудностями процесс унификации политических систем в соответствии с классическими моделями западного образца (“универсализация либеральной демократии”), а скорее процесс расширения типологического разнообразия демократий».

К подобному пониманию феномена «глобальной демократической революции» склоняется все большее число авторитетных представителей западной и отечественной политической науки (Ф. Шмиттер, Г. О’Доннелл, Г. Ванштейн, А. Мельвиль и др.). Следует, однако, заметить, что поскольку в западном научном сообществе по-прежнему господствующим является первый традиционный подход, постольку пессимизм в оценках демократического будущего большей части постсоветских государств явно начинает преобладать.

Меньше всего опасность отказа от демократической ориентации развития связывали теперь с перспективой восстановления коммунистических режимов. Более вероятно, по мнению большинства западных авторов, было установление националистической диктатуры или утверждение на длительное время политических режимов, содержащих в себе элементы и демократии, и авторитаризма. Как утверждал еще в начале 1990-х годов Ф. Шмиттер, перед странами, находящимися на этапе поставторитарного перехода, кроме альтернативы автократии или демократии существует и еще одна: либо возникновение и консолидация гибридных режимов, сочетающих в себе элементы автократии и демократии, либо существование «стойких, но не утвердившихся демократий».

По мнению того же Ф. Шмиттера, в посткоммунистических странах наиболее реальной перспективой является все же не существование гибридных режимов, а установление «неутвердившейся демократии». Однако не менее реальна и перспектива консервации нынешнего переходного состояния. Она также не выглядит привлекательно, так как постсоциалистическое общество совмещает в себе негативные черты, доставшиеся в наследство от тоталитарного прошлого, с не менее отрицательными чертами первоначального периода становления рыночной капиталистической экономики¹².

Спустя более чем десять лет Ф. Закария также вынужден констатировать, что

«большая часть демократизирующихся государств в мире на сегодняшний день представляет собой нелиберальные демократические государства. Появление большого количества подобных политических систем, сочетающих достаточно высокую степень демократичности с отсутствием многих либеральных свобод, говорит, по мнению исследователя, о том, что нации могут успешно использовать не только различные формы капитализма, но и различные формы демократии. В связи с чем западная либеральная демократия может оказаться не конечной точкой на дороге к демократии, но только одним из многих возможных вариантов исхода», он же напоминает, что «...до XX века большинство стран Западной Европы были либеральными автократиями или, в лучшем случае, полудемократиями»¹³.

Не случайно многие западные исследователи «транзитов», расходясь по целому ряду методологических и исследовательских проблем, сходятся в одном — необходимо придерживаться строгой последовательности в процессе демократизации. Попытки же демократизации в недостаточно подготовленных для этого странах чаще всего приводят к неожиданным, а зачастую и к прямо противоположным результатам.

Показателен в этой связи практический вывод американца **Джека Снайдера**: вместо того чтобы неосмотрительно подталкивать «сомнительные страны» к скорейшему внедрению атрибутов «электоральной демократии» и «свободы прессы», международному сообществу

следует проводить более осторожную и опосредованную политику, преследуя, прежде всего, долгосрочные цели — создания социально-экономических условий либерализации и институциональных предпосылок гражданской демократии, что отодвигает мечту о глобальной демократизации и «конце истории» в неопределенно далекое завтра¹⁴.

В результате, если еще в 1998 г. известный американский исследователь **Н. Дж. Смелсер** писал: «Успех этой (демократической. — *Прим. авт.*) революции был лишь частичным — при доказательствах неудач в гражданском обществе и откате назад к авторитаризму. Однако это не уменьшило силу демократического импульса и на горизонте не просматривается ничего, что замедлит его продвижение», то в начале нового столетия тон и характер оценок серьезно меняются.

«Парадигма “*transitions to democracy*” исходит из того, что темп реализации цели построения демократии и рыночной экономики зависит от решительных действий (элит) и в большей или меньшей степени от успешного *engineering of institutions*. Группы советников, обеспечивавшие политическое сопровождение предстоящих глубоких реформ в Польше, Албании или России, были также убеждены, что именно таков путь в “светлое будущее”. Эти надежды на быстрый успех планомерного создания капитализма, глядя с нынешних позиций, были иллюзией», — не без сарказма пишет сегодня немецкий политолог Д. Зегерт¹⁵.

Общие положения подхода, по мере осуществления «демократического транзита», стали плохо согласовываться с его особенностями и девиациями в отдельных странах. Не удивительно, что данная парадигма смогла ответить на появившиеся в ее рамках примеры-аномалии во многом лишь посредством теоретического усложнения и введения новых концептов *ad hoc*: «гибридный режим», «прото/квазидемократия», «остановленный транзит», «демократии с прилагательным» и т.д. Это стало причиной все более критического отношения к данной парадигме.

Действительно, первоначально именно падение коммунистических режимов вызвало на Западе триумфаторские настроения, однако это привело к завышенным ожиданиям и самонадеянности, как, например, в случае обещания Запада демократизировать десятки стран, в том числе Афганистан и Ирак. Поскольку демократизация оказалась делом гораздо более сложным, нежели предполагалось, западные политики и эксперты поторопились назвать демократическими все страны, где всего лишь состоялись выборы, а прочие элементы, необходимые для строительства демократии, в том числе и функционирующее гражданское общество, вовсе отсутствовали. И сегодня, по некоторым подсчетам, 60% всех демократий неполноценны и серьезно страдают от институциональной слабости, которая не позволяет им развиваться, в результате они сталкиваются с широким социальным недовольством и разочарованием в демократии.

«Отказ от транзитологической парадигмы, доминировавшей в 1990-е годы, стал в 2000-е новым политологическим мейстримом, и точно так, как прежде в каждой незавершенной политической системе принято было видеть “переход к демократии”, теперь оказалось ценным разглядеть еще одну разновидность “гибридного режима” и формирующийся “электоральный авторитаризм”, — отмечает К. Рогов¹⁶.

Более того, в течение последнего десятилетия XX в., считают наиболее радикально настроенные либеральные исследователи, желаемое выдавалось за действительное. В то время как американские аналитики писали о демократизации, а также социально-экономической и политической модернизации, во многих странах «транзита» происходило нечто прямо противоположное — перерождение и реанимация на новой основе авторитарных режимов, росла социальная поляризация и экономическая демодернизация. Как пишет сегодня американский политолог **Роберт Кейган**:

«Автократическая традиция имеет долгую и выдающуюся историю, и, хотя еще недавно казалось, что у нее нет будущего, сегодня это совсем не так очевидно»¹⁷.

Уже к концу 90-х годов XX в. выяснилось, что нет общей траектории, по которой страны «транзита» с разной скоростью, но устойчиво двигались бы от «несвободы» к «свободе». Движение «вверх» в направлении консолидированной демократии, конечно, имело место. Как замечал по этому поводу **А. Салмин**:

«Концепция транзита была в известном смысле подтверждена опытом значительной части стран Восточной Европы, однако вовсе не потому, почему это должно было произойти на основании “раннетранзитологических” концепций, а совершенно по другим причинам. Результат оказался (на данный момент) положительным, хотя можно сказать, чтоплыли в Индию, а попали в Америку».

По его мнению, решающим фактором успеха здесь стало то, что страны этого региона были включены в западное сообщество, символом которого являются такие межгосударственные объединения и организации, как Европейский Союз, Североатлантический альянс, Совет Европы, ВТО и др.¹⁸. Однако возникшие в этих странах режимы тоже серьезно отличаются друг от друга. Их вполне можно и, видимо, нужно ранжировать по уровню «либеральности» (чем с успехом занимается «Дом свободы»). Но даже самые «свободные» из них вряд ли можно признать вполне «демократическими», если иметь в виду тот образец, которому они пытались подражать, начиная свои преобразования. Образец этот базировался на традиционных представлениях о демократии как системе власти большинства населения, осуществляемой через институты представительства — партии, выборы, парламенты.

Однако все дело в том, что именно эти институты, действительно сыгравшие решающую роль в становлении массовых представительных демократий Запада в XX в., сегодня сами претерпевают наиболее серьезную трансформацию. Эта трансформация связана с переходом от модели представительной демократии к модели рационализованного парламентаризма с доминирующей ролью политических партий (также переживших серьезную трансформацию); от принципа разделения властей — к резкому усилению одной из них — исполнительной; от идеи правового государства — к идее государства эффективного и т.д. Не случайно Э. Тоффлер в книге «Третья волна» пишет, что в современном западном обществе:

«Постепенно происходит отказ от принципов представительной демократии. Фактически парламентарии исходят из собственных взглядов, в лучшем случае выслушивая экспертов. Повышение образовательного уровня и современная техника дают возможность гражданам самостоятельно выработать многие политические решения, что позволяет мнению за пределами законодательных органов иметь юридическую силу»¹⁹.

Внешне в странах Запада все идет по-прежнему: политики организуют избирательные кампании, издают манифесты, договариваются о компромиссах — так, как это делалось веками. Важное различие состоит в том, что их сегодня почти никто не слушает. Явка избирателей снижается, численный состав политических партий сокращается, а доверие людей к политикам и политическим институтам упало до угрожающе низкого уровня. На фоне падения доверия к традиционным институтам и формам политической деятельности усиливается инструментальное отношение к политическому участию и коллективное политическое действие становится все более проблематичным.

«Ведь государство как институт и политика как сфера жизнедеятельности общества призваны производить блага, в которых заинтересовано все общество, которыми пользуются все. В индивидуалистическом обществе производство подобных благ оказывается под угрозой, ибо мотивированные личными интересами рациональные индивиды неизбежно стараются увильнуть от исполнения общественных обязанностей, переложить эту работу на других. Изменение мотивации субъектов политического действия оборачивается обострением проблемы “безбилетника” (*free rider*). Способом решения этой проблемы и доминирующей формой политической активности в индивидуалистическом обществе становится политическое предпринимательство», — отмечает российский исследователь С. Н. Пшизова²⁰.

Не случайно западные исследователи-пессимисты утверждают, что интернационализация современной политики, снижение массовости и индивидуализация политического участия, падение эффективности парламентского контроля и растущая роль СМИ и организованных групп интересов в политике привели к тому, что, с одной стороны, у

политических лидеров расширяется «пространство свободы», в частности, появилась возможность обращаться к своим избирателям напрямую, минуя политические партии и делаая их политически излишними, а с другой — происходит усиление роли и автономии высшей политической элиты и исполнительной ветви власти за счет законодательной. Так, на основании сравнительного исследования 14 современных демократий Т. Погунтке, П. Вебб и другие утверждают, что сегодня все демократические государства движутся в сторону президенциализма и деградации представительных институтов, причем это движение происходит даже при отсутствии формальных институциональных изменений. В результате некоторые исследователи приходят к выводу:

«Определяющая черта нашего времени — вовсе не подъем капиталистического авторитаризма; куда большего внимания заслуживает размывание границ между демократией и авторитаризмом в контексте растущего недоверия граждан как к политической, так и к предпринимательской элите и надвигающейся неуправляемости современных обществ как на национальном, так и на глобальном уровне»²¹.

Поэтому непродуктивность попыток «торопливых имитаторов» (В. Булдаков) выстроить «новую демократию» по устаревшим западным «лекалам» сегодня стала вполне очевидна. Тем более что имитация никогда не бывает лучше образца, особенно в социальном творчестве, тем более что пока «имитационный проект» осуществляется, «образец для подражания» может измениться до неузнаваемости, и это, в частности, обрекает «имитатора» на постоянное отставание и движение «вдогонку».

Тем не менее именно «западные стандарты демократии» по-прежнему служат критериями оценки в отношении стран «третьей волны». Западные эксперты предъявляют и будут предъявлять их без скидок на особенности культурно-исторического свойства и реалии исторического периода любой из этих стран. Строгие цензоры и наблюдатели, ритуально отмечая признаки «роста демократии», тем не менее, отметят состояние демократии как неудовлетворительное. А проще говоря — фиксируют факт отсутствия демократии.

В подавляющем большинстве случаев из сопоставления будет сделан вывод о том, как можно было обеспечить рост демократии в стране. Скорее всего, путем восприятия «апробированных» в странах Запада институтов политической системы и правопорядка.

Не случайно *Freedom House*, исходящий из этих западных стандартов демократии, фиксировал в последние годы массовое движение «вниз». Скажем, большая часть бывших советских республик (в том числе и Россия) по показателям политических прав и гражданских свобод сегодня ниже, чем СССР в последний год существования. Т.е., по данным *Freedom House*, движение во всем постсоветском регионе шло

не к демократии, а от нее. Сегодня уже очевидно, что «третья волна демократизации» — это не просто количественный и территориальный прирост «свободных» и «частично свободных» государств, а формирование глобализованного взаимосвязанного и взаимозависимого мира не тождественно механическому распространению заимствованных западных образцов устройства общества и росту влияния Запада. В процессе трансформации находятся не только бывшие авторитарные системы, но и «старые» западные либеральные демократии, и результаты этих трансформаций пока никто не берется точно предсказать.

Ну а причина того, что эта реальность в значительной степени и достаточно долго игнорировалась западными экспертами, по мнению американского политолога С. Коэна, заключалась в их политической ангажированности²². США всемерно поддерживали и распространяли миф о глобальной демократизации, так как он способствовал закреплению американской гегемонии в мире после окончания «холодной войны». Действительно в своем, ставшем знаменитым, выступлении в Далласе в 1990 г. госсекретарь США **Джеймс Беккер** следующим образом сформулировал внешнеполитическую стратегию страны:

«Время уничтожения старых диктаторов быстро проходит; пришло время строительства новых демократий. Вот почему президент Буш определил нашу новую миссию, как миссию по установлению и преумножению демократий в мире. Это именно та цель, которая удовлетворяет одновременно и американским идеалам и американским интересам».

Как пишет ветеран американской внешней политики Г. Киссинджер,

«Соединенные Штаты стали считать себя как источником, так и гарантом сохранения демократических институтов во всем мире, все чаще видя себя в роли судьи, определяющего, насколько демократичны выборы в других странах, и применяли экономические санкции или прибегали к иным средствам давления, если им казалось, что эти выборы недостаточно демократичны»²³.

«Демократизация, — отмечает сегодня российский исследователь **А. Д. Богатуров**, — фактически представляет собой идеологию американского национализма в его своеобразной, надэтнической, государственнической форме. Подобную “демократизацию” США успешно выдают за идеологию транснациональной солидарности».

Во внешней политике США курс на «распространение демократии» действительно имеет достаточно глубокие корни. Роберт Кейган с гордостью пишет:

«Начиная с 1945 года, американцы стремились обрести и закрепить свое военное превосходство в мире — «превосходство силы», а никак не равновесие сил. Они исходили из убеждения, что либеральная демократия является единственной легитимной формой правления, а все иные режимы

власти не только незаконны, но и преходящи. США декларировали готовность “поддерживать свободных людей, которые сопротивляются попыткам подавления” со стороны угнетателей, и “заплатить любую цену, нести любое бремя”, чтобы защитить свободу, “распространить демократию” в мире и трудиться во имя “свержения тирании”²⁴. Американцы не хотели мириться с существующим положением вещей. Они рассматривали Америку как катализатор изменений в жизни людей, проповедовали стратегию и тактику “максимализма” и искали революционные, а не поэтапные решения проблем»²⁵. Особенно активно и в глобальном масштабе этот курс стал проводиться, начиная с 1990-х годов.

Однако, как справедливо отмечает **Юрген Хабермас**,

«универсалистские претензии на общезначимость, которые Запад связывает со своими “базовыми политическими ценностями”, т.е. с процессом демократического самоопределения, списком прав человека, не следует путать с имперскими устремлениями — будто форма политической жизни и культура одной, пусть и старейшей, демократии является примером для всех обществ»²⁶.

Поэтому другой американский политолог — **Томас Каротерс** — пишет сегодня:

«Самоуверенно используя знамена демократизации для оправдания вторжения в Ирак в рамках войны с терроризмом, президент США Джордж Буш-мл. дискредитировал в глазах многих людей во всем мире как процесс распространения демократии в целом, так и проводников этого процесса в частности. Многие стали видеть в “демократическом содействии” закамуфлированное распространение геополитического влияния США. Данное подозрение усилили “цветные революции” в Грузии, Киргизии и Украине, за которыми люди во многих странах заметили руку американского правительства»²⁷.

Многие сегодня отмечают, что концепция «транзита», мобилизованная в конце 80-х — начале 90-х годов XX в. для анализа событий в мире и обоснования американской политики «мировой демократической революции», устарела и требует пересмотра. Авторы, придерживающиеся данной точки зрения, порой вполне обоснованно критикуют современную реальность в большинстве стран «третьей волны», как не соответствующую даже минимальным критериям западной либеральной демократии.

Как сокрушается Т. Каротерс,

«...Великим демократическим надеждам, которые вдохновляли беззаветных оптимистов в годы подъема “третьей волны”, не суждено было сбыться. Бывший Советский Союз за эти десять лет с небольшим ушел с передового фронта демократии в демократические пустоши. Южная Америка столкнулась с кризисом демократии, отмеченным политической нестабильностью, возникновением конфликтов и ослаблением веры общества в демократические институты. Значительная часть Восточной Азии, вклю-

чая Китай, Северную Корею, Вьетнам, Бирму, Лаос и Сингапур, остается под авторитарным правлением, и в обозримое время едва ли стоит ожидать изменений. Десятки африканских стран, когда-то переживших многообещающие демократические перемены, в лучшем случае обрели лишь слабый плюрализм, а в худшем разрушительный гражданский конфликт. И хотя США оккупируют Ирак, арабский мир остается “зоной, свободной от демократии”, несмотря на усиление международного давления в пользу реформ и осторожные попытки некоторых арабских правителей немного отклониться от устоявшихся авторитарных моделей»²⁸.

И хотя эти тревожные признаки — результат действия разнообразных факторов, для каждого региона своих, есть и нечто общее, их объединяющее — это отсутствие социального консенсуса по поводу демократии и ее базовых ценностей, слабость гражданского общества, неэффективность рыночной экономики, фиктивно-правовой системы и ее институтов и др.

В результате, по мнению пессимистов, имеет место «транзит без трансформации» и большинство стран, вставших на путь демократических реформ, но не добившихся успеха (а это 85 из 100 государств «третьей волны»), попали в своего рода, переходную «серую зону». Само это понятие является метафорой, предполагающей также наличие «черной» и «белой» зон, т.е. регионов доминирования, с одной стороны, классического тоталитаризма, с другой — либеральной демократии. Переход из «серой» зоны в «белую», т.е. достижение стандартов западной либеральной демократии, в принципе возможен, однако отнюдь не для всех. В этом — важнейшее отличие данной позиции от ранее доминировавшей, ортодоксальной. Так, Каросерс полагает, что государства «серой зоны» навсегда в ней останутся, западный демократический порядок для них не достижим, Коэн же отмечает: именно стремление модернизировать Россию по американским рецептам стало одной из причин провала там демократического проекта, и выходом для страны может быть отказ от трансформационной стратегии, навязанной извне в начале 1990-х годов (так как радикальный монетаризм не единственный путь экономической трансформации). В то же время оба американских автора фактически констатируют консервацию разделения мира на более и менее продвинутые регионы с точки зрения стандартов западной либеральной демократии.

► Таким образом, **причина кризиса** или **«конца» транзитологической парадигмы**, по мнению ряда исследователей, состоит не только в том, что теория не в состоянии убедительно объяснить причины провала демократических трансформаций в десятках стран, но и в том, что оказались ложными ее фундаментальные основы, восходящие к теории модернизации, связанные с декларируемой перспективой достижения справедливого демократического общества **для всех**.

«Все восторженные вопли по поводу триумфа демократии во всем мире в 1989 г. — предупреждал еще в 1995 г. известный социолог — неомарксист И. Валлерстайн, — не смогут долго скрывать отсутствие какой бы то ни было серьезной перспективы для экономических преобразований на периферии капиталистической миро-экономики»²⁹.

Таким образом, первое десятилетие нового века показало иллюзорность завышенных ожиданий последнего десятилетия века предшествовавшего. Осторожный прогноз делает Т. Каротерс:

«Вместо продолжения демократического бума наступила стагнация. Хотя некоторые государства и добились ощутимых успехов на пути демократизации, не меньше их число пережило и “волны отката” ...Поэтому <...> в ближайшие годы вряд ли претерпит значительные изменения международное движение в поддержку демократии. Во внешнеполитическом ведомстве США немного желающих вернуться к тактике навязчивого распространения демократии, взятой на вооружение в президентство Джорджа Буша-мл. Скорее всего, мы входим в период относительно сдержанных попыток содействия демократии, в которых ни одно государство не будет играть доминирующей роли и которые будут направлены на более широкие цели развития — прежде всего на реформирование систем управления и государственное строительство»³⁰.

Примечания

¹ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. С. 24.

² См.: Там же.

³ Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 4.

⁴ Bzezinski Z. Out of Control. N. Y., 1993. P. 91.

⁵ См.: Даль Р. Демократия и ее критики. М., 2003.

⁶ См.: Schmitter Ph. C. The International Context of Contemporary Democratization // Stanford Journal of International Affairs. 1993. Vol. 2. № 1; Markoff J. The Great Wave of Democracy in Historical Perspective. Itaca, 1994; Markoff J. Waves of Democracy. Social Movement and Political Change. Thousand Oakes, 1996.

⁷ Waltz K. Globalization and American Power // The National Interest. 2000. № 59. P. 48.

⁸ См.: Медушевский А. Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. М., 2002.

⁹ Грэм Т. Россия: упадок и неопределенные перспективы возрождения. М., 2007. С. 14.

¹⁰ Нисневич Ю. Аудит политической системы посткоммунистической России. М., 2007. С. 15, 21.

¹¹ Krastev I. Democracy's «Doubles» // Journal of Democracy. 2006. Vol. 17. № 2. P. 52, 53.

¹² См.: Schmitter Ph. The Consolidation of Democracy and Representation of Social Groups // American behavioral scientist. Vol. 35. № 4/5. March/June 1992.

¹³ Zakaria F. The Rise of Illiberal Democracy // Comparative politics: critical concepts in political science / gen. ed. H. J. Wiarda. Vol. 6. Comparative public policy.

L.; N. Y., 2005. P. 153.

¹⁴ См.: *Snyder J.* From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict. N. Y.; L., 2000. P. 260–261.

¹⁵ *Зегерт Д.* Трансформация и развитие партий в Восточной Европе после завершения переходного десятилетия // Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства. Сб. статей / Ред.-сост. Е. Ю. Мелешкина, Г. М. Михалева. М., 2009. С. 22.

¹⁶ *Рогов К.* Демократия-2010: Прошлое и будущее плюрализма в России // Pro et Contra. 2009. Т. 13. № 5–6. С. 15.

¹⁷ *Кейган Р.* Конец иллюзиям: история возвращается // Pro et Contra. 2007. Т. 11. № 6 (39). С. 33.

¹⁸ См.: *Салмин А.* Какую Россию мы строим // Политика в современной России / Под ред. В. Никонова. М., 2005.

¹⁹ *Тоффлер Э.* «Третья волна». М., 2002. С. 435–436.

²⁰ *Пишова С. Н.* Политика как бизнес: российская версия (II) // Полис. 2007. № 3. С. 74–75.

²¹ *Крастев И.* Демократия и разочарованность // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2010. С. 150.

²² См.: *Козн С.* Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001. С. 22.

²³ *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии XXI века. М., 2002. С. 1.

²⁴ Р. Кейган намеренно, для усиления аргументации, включает в текст слова из выступлений американских президентов разных эпох: Гарри Трумэна, Джона Ф. Кеннеди, Билла Клинтона и Джорджа Буша-мл.

²⁵ *Кейган Р.* Конец иллюзиям: История возвращается... С. 21.

²⁶ *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. М., 2008. С. 37.

²⁷ *Каротерс Т.* О глобальной демократии и содействии в ее развитии // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2010. С. 304.

²⁸ *Каротерс Т.* Трезвый взгляд на демократию // Pro et Contra. 2005. № 1 (28). С. 73–74.

²⁹ *Валлерстайн И.* После либерализма. М., 2001. С. 122.

³⁰ *Каротерс Т.* О глобальной демократии и содействии в ее развитии... С. 308, 309.

Контрольные вопросы и задания

1. Как и почему меняется роль национального государства в условиях глобализации?
2. Что такое «волны демократизации»?
3. Перечислите основные особенности «третьей волны демократизации».
4. Почему глобализация создает угрозу существованию либеральных демократий?
5. Какова роль США в «глобальной демократической революции» конца XX — начала XXI в.?
6. Закончилась ли «третья волна демократизации» в 2000-е годы?

Глава 11

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

§ 1. Национализм и ксенофобия в современном мире

В самом начале 1990-х годов известный американский политолог Дэвид Элазар утверждал:

«Одна из важнейших характеристик эпохи постмодерна состоит в этническом возрождении, появлении вновь представления об исконных (этнических) связях как центрального для формирования индивидуальной идентичности. Эти тенденции имеют свое политическое отражение в формировании охватывающего весь мир движения **от классово-фундированной к этнически-фундированной политике**» (выделено мной. — *Авт.*).

Он же призывал исследователей учитывать это важное обстоятельство в своих исследованиях. Заметим, что тогда этот вывод многим показался не вполне обоснованным. Однако сегодня уже очевидно, что проблемы регионализма и этноцентризма, региональные и этнополитические исследования чрезвычайно актуальны и востребованы в социально-политических науках.

Известный норвежский исследователь этих проблем **Стейн Роккан** отмечал:

«События последних десятилетий превратили “регионализм” и “этнонационализм” в предметы политической и академической моды в исследованиях индустриальных обществ Запада».

Действительно, целый ряд событий конца XX — начала XXI в., имевших мировой резонанс, не могут быть объяснены, если мы не будем учитывать такие факторы, как актуализированная этническая идентичность и этническая ксенофобия, массовая этнополитическая мобилизация и этнополитические конфликты: объединение двух Германий, кризис национального государства и европейский региональный сепаратизм, кризис национальной идентичности в США; добровольный и мирный «развод» Чехии со Словакией и, напротив, кровавый распад Югославии, который, возможно, еще не завершился; развал СССР и последующее развитие событий в постсоветских государствах (в частности, проблемы российских республик Северного

Кавказа, Абхазии, Нагорного Карабаха, Приднестровья и Южной Осетии); постоянно тлеющий этнополитический конфликт между ядерными державами — Индией и Пакистаном и затяжной Ближневосточный арабо-израильский конфликт; этнические чистки середины 1990-х годов в Центральной Африке... Этот перечень легко можно продолжить, в мире, по некоторым подсчетам, имеется сегодня около 160 зон этнополитического напряжения.

«Официальные ценности и идеология национальных государств, доминирующих в мире, являются демократическими и уравнительными, но сегодняшний мир фактически более дифференцирован, чем в 1500 году, — отмечает британский исследователь Доминик Ливен. — Никогда еще политическая идеология и реальность не были столь несовместимыми. Трудно представить себе, что это не оказывает влияния на международную политическую стабильность»².

Подобного рода предсказания делают и политические деятели: «Государства, не способные компенсировать прошлые обиды и удовлетворить будущие ожидания, обречены на разрушение, — утверждает, в частности, экс-председатель Национального совета по разведке США Г. Фуллер. — ...Не современное государство-нация, а определяющая себя сама этническая группа станет основным строительным материалом грядущего мирового порядка». В течение нынешнего века, полагает Фуллер, произойдет утроение государств—членов ООН: «Хотя националистическое государство представляет собой менее просвещенную форму социальной организации — с политической, культурной, социальной и экономической точек зрения, чем мультиэтническое государство, его приход и господство попросту неизбежны».

Как свидетельствует практика, «этническая принадлежность по-прежнему является сильнейшим, самым взрывным, но одновременно наиболее общепринятым и легитимированным индикатором различий, поскольку:

- индивиду крайне сложно сменить сопутствующие этничности признаки (т.е. часть или все нижеперечисленные: язык, нарицательное имя, миф об общем происхождении, привязанность к определенной территории, религию, общую систему ценностей, известную групповую солидарность);

- на основе некоторых из этих признаков посторонние легко могут атрибутировать индивида;

- последовательные и сознательные этнические группы вознаграждаются мировым сообществом.

«Согласно международным законам и практике, существование подобной группы выступает одним из двух необходимых условий нации (другое — наличие границ). В мультинациональном государстве эти

свойства служат предпосылкой приобретения группой коллективных прав, таких как права меньшинства, политическое представительство и автономия», — отмечает К. Цюрхер³.

Еще в конце прошлого века американский представитель в комиссии по политической карте мира в Международном союзе географов Д. Миджи прогнозировал распад Австралии на четыре государства, образование нескольких новых государств в Европе, распад России, полную перекройку политической карты Азии, исчезновение Канады как суверенного государства, изменение границ США. Тенденция к политическому самоопределению, по его словам, станет преобладающей, несмотря на яростное сопротивление сторонников «статус-кво». Сепаратизм, сецессия, ирредентизм станут, по мнению многих аналитиков, важнейшими характеристиками мирового политического процесса в ближайшие десятилетия.

► Таким образом, наблюдающаяся в последние десятилетия стремительная «политизация этничности», «взрыв этнической и религиозной ксенофобии» способны вызвать самые разрушительные последствия для международной системы в будущем, особенно если они сопряжены с незнанием и непониманием существа возникающих проблем. Именно поэтому поиск рациональной формулы сосуществования этнических общностей в границах одного национального государства или поиск приемлемых для сторон способов политического самоопределения меньшинств, эффективных методов урегулирования конфликтов между национальными государствами, возникших на этнической или конфессиональной почве, и внутренних этнополитических конфликтов, проблемы «ксенофобия и этничность», «насилие и этничность», «терроризм и этничность» составляют в настоящее время один из центральных пунктов в общественной мысли.

По мнению известного американского политолога К. Калхуна, в 1990-х годах, в период всеобщего энтузиазма по поводу глобализации, многие пленялись идеей космополитической демократии, «третьей глобальной демократической волны», ратовали за культурное многообразие, гибридные идентичности с проницаемыми границами и космополитическую этику, предполагающую обязательства всех перед всеми, и даже утверждали, что мир превращается в единый полис. События следующего десятилетия сделали дискурс глобализации еще более актуальным. Однако если 1989 г. символизировал оптимистические ожидания, то 11 сентября 2001 г. стало олицетворением оборотной стороны глобализации. Вызовы международного терроризма продемонстрировали значимость религиозной и этнической идентичности в мире и выдвинули на первый план проблемы национальной безопасности⁴.

Важным фактором, определяющим вектор развития современной мировой политики, по мнению другого известного американского по-

литолога Зб. Бжезинского, является объективное сокращение степени управляемости современного мира, происходящее на фоне нарастания потенциальных угроз безопасности и изменения их характера.

Традиционное понятие войны уходит в прошлое. Все конфликты, случившиеся в мире после Второй мировой войны, либо представляли собой внутренние междоусобицы (очень часто — межэтнические. — *Прим. авт.*), либо являлись случаями вмешательства одних стран в дела других, либо вырастали из усилий «по поддержанию мира», но при этом не укладывались в рамки традиционных представлений о войне. В этих условиях, подчеркивает Бжезинский, стало очевидным, что средства нанесения широкомасштабного ущерба не являются более монополией той или иной державы, а массовая миграция и распространение средств коммуникации, принявшие всемирный масштаб, открыли перед потенциально деструктивными силами небывалые возможности. К тому же «демократическая открытость упрощает проникновение в «открытые общества» и их «растворение» там, что крайне затрудняет обнаружение угроз»⁵.

В результате, по мнению многих аналитиков, на рубеже тысячелетий мир вступил в новый исторический период, который, используя терминологию синергетиков, можно назвать «точкой бифуркации» — когда существующая система подходит к кризису и у нее появляется максимум вариантов выбора пути в будущее в некотором широком коридоре возможностей.

Дискуссии вокруг названных проблем идут в разных общественных науках. Следует еще раз отметить, что распад биполярной системы международных отношений, процессы глобализации и региональной интеграции преподнесли обществоведам и политикам немало сюрпризов, поставили перед ними ряд новых исследовательских проблем и опровергли множество прогнозов на будущее. Как пишет сегодня российский исследователь:

«Глобализация и новая фаза интеграционного процесса на европейском континенте на рубеже XX — XXI столетий отмечены новой волной дискуссий политиков и обществоведов (политологов, социологов, культурологов, правоведов, историков) о судьбах «государства-нации» в «постнациональную» эпоху, равно как о жизнеспособности в новых условиях таких важных концептов международного права, как государственный и национальный суверенитет, «принцип национальностей», право наций на самоопределение и т.п. Наряду с пересмотром воззрений на государство и его функции в глобализирующемся мире подвергаются кардинальной ревизии сами понятия нации и национализма, а соответственно их производные — национальные ценности и интересы, национальные движения и идеологии»⁶.

Одна из таких дискуссионных проблем, явно требующих пересмотра, — это «судьба» национализма в современном мире. Так, по мне-

нию британского историка и социолога Э. Хобсбаума и ряда других исследователей, высказанному в 1980-е годы, национализм после Второй мировой войны пошел в мире на спад. Но так ли это?

Несомненно, процесс образования наций в послевоенный период переместился с Запада к освобождающимся от колониальной зависимости народам Азии и Африки и приобрел здесь гораздо более масштабные формы. Однако, по мнению исследователя, теоретическим образцом для национально-освободительных движений «третьего мира» послужил, прежде всего, западный национализм.

«Европейцы во все страны мира импортировали скорее национализм, чем нации, — писал еще в начале 1960-х годов известный французский социолог Р. Арон. — Государства, вновь созданные вследствие развала европейских (колониальных. — *В. А.*) империй, являются националистическими, противостоящими своим бывшим хозяевам, и пока не являются национальными или они решительно многонациональны. В Европе, вообще на Западе, не задаются вопросом, окончательно ли преодолели национальные государства националистическую фазу. В Азии, на Ближнем Востоке, в Африке задаются вопросом, будут ли формироваться нации на базе национализма?»⁷.

Хотя коммунизм и предлагал им альтернативную модель освобождения от отсталости и «некапиталистического развития», т.е. социальной и экономической модернизации по «советским рецептам», которая осуществлялась бы при поддержке коммунистических государств и прежде всего СССР. Но эта альтернатива оказалась, в конце концов, иллюзорной. Поэтому национализм «третьего мира», считает Хобсбаум, имел с западным национализмом либеральной эпохи *de facto* больше сходства, чем различий. И тот и другой национализм являлся, как правило, объединительным и (социально) освободительным движением, хотя в новых государствах «третьего мира» достигнутые ими результаты соответствовали поставленным целям гораздо реже. Последнее понятно, поскольку национализм здесь основывался не на гражданской, а на этнической (племенной) принадлежности или на религиозной общности. Поэтому он становился проклятием движений за национальную независимость, поскольку, во-первых, он позволял колониальным властям пользоваться расколом коренного населения и, во-вторых, такой национализм становился залогом сепаратизма и хаоса после обретения независимости. Как пишет выдающийся американский социолог Даниел Белл, «многочисленные мелкие этнические, религиозные, языковые, клановые и племенные общности, объединяемые тремя типами уз — верой, идеологией или этничностью, сегодня наиболее активно вовлечены в бесконечные гражданские войны друг с другом и при этом враждебно относятся к устойчивым демократиям западного типа». В то же время новые государства Африки и Азии, как правило, не могли

следовать европейской практике «языкового национализма», поскольку «им достались государства, территориальные границы которых были скроены имперскими державами не столько в соответствии с логикой этнической или языковой однородности, сколько под влиянием *Realpolitik* и военной удачи. <...> Для смягчения ситуации колониальные националисты <...> сохранили лингва франка былой империи в качестве официального языка» (*Дипак Лал*).

Что же касается современных сепаратистских и вообще раздельных по своей сути «этнических» движений в западном мире, то они не имеют подобного рода положительной программы или перспективы, поскольку они пытаются реанимировать первоначальную мадзиневскую модель этнически и лингвистически гомогенного государства, отмечал Э. Хобсбаум.

Этнизация же политики в бывших социалистических странах Европы и на постсоветском пространстве, оживление здесь националистических, в том числе сепаратистских, движений объясняется, по мнению британского исследователя, коренящимися в прошлом факторами. Предпосылки взрыва этнического и сепаратистского национализма в Европе, по его мнению, можно указать с большой точностью в истории начала XX в. Мины, заложенные в Версале и Брест-Литовске (в 1918 г. — *Прим. авт.*), взрываются до сих пор. Окончательный распад Габсбургской и Османской империй и временный распад царской России привели к образованию практически той же группы государств, что и события недавнего времени, и с тем же комплексом противоречий, разрешимых, в конечном счете, разве что путем массового уничтожения или насильственной массовой миграции: взрывоопасные проблемы 1988—1992 гг. были созданы в 1918—1921 гг.⁸ Более того, многие исследователи, в частности Р. Арон, считали и считают, что

«национальный принцип практически не применим к Центральной и Восточной Европе из-за смешения народов. Чехословакия как главное государство — преемник Австро-Венгрии, была не менее многонациональным, чем бывшая двуглавая империя. В Польше тоже национальные меньшинства представляли треть населения. Ни одна сторона не могла сослаться только на национальный принцип. Чехи получили суверенитет на территории Судетов в силу географических и военных причин. Восточная граница Польши была проведена вследствие войны. Польское правительство требовало территорий, находившихся восточнее линии Керзона, скорее во имя исторической справедливости, чем исходя из спорных статистических данных о национальностях. Ни одна из новых границ окончательно не была признана: Румыния и Венгрия имели столкновения интересов из-за Трансильвании, Чехословакия и Польша — из-за территории Тешена, Румыния и Болгария — из-за Добруджи. Там, где крестьянство говорило на одном языке, господствующий класс — на другом, там, где историко-географическое единство включало в себя смешанные нации, было недо-

статочно права большинства для решения нерешенной проблемы в поставленных границах»⁹.

Эти проблемы были усугублены массовыми депортациями немцев и перекройкой границ в этом регионе после Первой и Второй мировых войн.

Известный немецкий политический философ Ю. Хабермас также считал в начале 90-х годов XX в., что восточноевропейские революции 1989 г. и последующих лет не создали никакого нового взгляда на мир, нового идеала или новых решений. Наоборот, в этих революциях речь шла о возврате к тому времени, когда коммунисты еще не взяли власть, и к тому, чтобы как можно быстрее наверстать прогресс, достигнутый Западом в модернизации общества. Поэтому революция в Восточной Европе была «наверстывающей революцией», обращенной не в будущее, а в историю и капиталистическую современность. «При том, что наверстывающая революция должна осуществить возврат к демократическому правовому государству и сделать возможным присоединение к капиталистически развитому западному миру, она ориентируется на модели, уже опробованные, согласно ортодоксальному их прочтению, в революции 1917 года. Этим можно объяснить своеобразные черты этих революций, почти полное отсутствие в них инновационных, направленных в будущее идей» и подъем национализма¹⁰. Не случайно британским политологом **Ричардом Саквой** был выдвинут тезис об «антиреволюционности посткоммунистических революций», и объяснительная схема «холодильника» получила широкое хождение в политологическом сообществе для интерпретации событий рубежа 1990-х годов в посткоммунистической Центральной и Восточной Европе. Данная теория исходит из того, что Советский Союз после Первой мировой войны на своей территории, а после Второй мировой войны на территории всей Центральной и Восточной Европы (т.е. на территории трех последних европейских империй) искусственно «заморозил» национальные стремления и процесс строительства наций. Но когда советская система распалась, долгое время оставшиеся скрытыми — «замороженными» — национальные проблемы и мощные национальные движения вновь вышли на поверхность политического процесса.

Однако идущий в посткоммунистической Европе процесс нациестроительства и обретения национальной идентичности имеет сложную историю и не менее драматичное настоящее, что определяется следующими обстоятельствами:

- 1) мультиэтничностью практически всех посткоммунистических обществ;
- 2) незавершенностью и поверхностным характером процессов модернизации коммунистических режимов, способных подавлять

традиционные обычаи, модели поведения и символику, но не способных по-настоящему преобразовывать их;

- 3) нерешенностью проблемы построения нации-согражданства;
- 4) все более масштабным использованием элитами — по мере упадка прежних форм легитимации — националистических и исторических форм самовыражения и самопрезентации;
- 5) снижением уровня безопасности и экономическим спадом, характерным для переходного периода, все более затруднявшим защиту материальных интересов массовых категорий населения.

Для этих слоев апелляции к национальной идентичности и националистическая мобилизация рождали надежду на обретение «иллюзорной общности»¹¹. Результатом стало распространение в 1990-е годы в большинстве стран посткоммунистической Европы этнического национализма. Что в иронической форме зафиксировал бывший польский диссидент Яцек Куронь, перефразировавший название одной из основных теоретических работ В. И. Ленина: «Национализм как высшая стадия развития коммунизма».

В свою очередь, на развалинах советского коммунистического государства

«мы обнаруживаем не *Homo Sovieticus* или какую-либо иную рационалистическую абстракцию, но мужчин и женщин, чья самоидентификация формируется вполне определенными узлами общности и собственной историей — прибалтов, украинцев, узбеков, русских и т.д. — пишет британец Джон Грей. — Важнейшее значение падения СССР состоит в предвещаемом им возврате к классической истории, заполненной этническими и религиозными конфликтами, ирредентистскими требованиями и тайной дипломатией... Старинные и извечные страсти, внушенные преданностью этническому и религиозному сообществу, а не конфликты между непримиримыми идеологиями эпохи Просвещения, такими как либерализм и марксизм, будут определять развитие событий в конце 90-х годов XX века и в XXI веке»¹².

Действительно, в большинстве постсоветских государств предпринимаются радикальные меры по гомогенизации мультикультурных сообществ, которые американские исследователи **Х. Линц** и **А. Степан** назвали «национализаторской политикой». Для нее характерны: ограничения для негосударственных языков в гражданском обществе, образовании и СМИ; эксклюзивное законодательство о гражданстве, создающее преимущества для представителей «титальной нации» в выборных органах власти; фактическое ограничение доступа к государственной службе национальных меньшинств в связи с введением одного государственного языка; особые права «государствообразующего этноса» в перераспределении земли и иной собственности; законодательно закрепленное привилегированное положение всех обычаев, практик и

институтов «государственного народа» и др. В силу ряда исторических причин нация на постсоветском пространстве по-прежнему понимается как этнокультурная или этноплеменная общность, а государство «воображается» как «государство определенной этнонациональной группы». Поэтому, для того чтобы государство соответствовало этому идеалу, его необходимо «национализировать», т.е. сделать его «собственностью» этнонации, «поощряя язык, культуру, демографическое преобладание, экономическое процветание или политическую гегемонию нации, номинально являющейся государствообразующей»¹³.

Таким образом, представляется, что Э. Хобсбаум, как и многие другие исследователи, явно поторопились со своим прогнозом «заката национализма». Как писали М. Брекер и Дж. Вилкенфелд:

«Вплоть до недавнего времени этничность была тем фактором, которым пренебрегают в мировой политике, и она увязывалась в основном с борьбой за самоопределение в Африке, Азии и на Ближнем Востоке против империалистических стран Запада. Этот фактор стал заметен лишь после окончания “холодной войны”. Действительно, процессы глобализации и регионализации, развернувшиеся в мире после окончания “холодной войны” и краха коммунистической системы вызвали к жизни феномен, названный в литературе “этническим парадоксом современности”».

§ 2. Этнический парадокс современности

Как справедливо отмечает **Л. Гринфелд**:

«Век национализма не закончился, мы всего лишь вступаем в фазу неонационализма. Ни в какую другую эпоху это не проявлялось более отчетливо, чем в эти самые дни, когда вокруг нас рушатся режимы и идеологии, а национализм повсеместно поднимает голову среди хаоса и смятения, полный энергии как всегда»¹⁴.

В этой связи, объясняя роль национализма в жизни современных политических сообществ, тот же К. Калхун отмечает, что национализм по-прежнему является главным способом организации групповой идентичности, поскольку он дает ответ на вопрос о том, что конституирует политическое сообщество: либо этническое происхождение и культурная общность, либо гражданство и принадлежность к определенному государству. Однако в литературе о посткоммунистических транзитах он трактуется исключительно как риск, которого надо избегать. Для обсуждения социального базиса, дающего основание для организации институтов массового политического участия, используется категория «гражданское общество», что, по мнению Калхуна, является ошибкой. Теория демократического транзита не может обойти вниманием проблему формирования коллективных идентичностей, а национализм представляет собой один из наиболее влиятельных дискурсов о коллективной идентичности в современном мире в целом и

в посткоммунистических странах — в частности. Чтобы гражданство объединяло, в его основе должен лежать общий дискурс обсуждения и решения проблем. Поэтому демократические силы должны занять ключевые позиции на дискурсивном поле нации и не отдавать национальные проблемы на откуп правым экстремистским силам¹⁵.

Сегодня, как уже отмечено, даже в развитых демократиях Запада стали вновь актуальными региональные этнополитические и этнокультурные проблемы, например, Страны Басков и Каталонии для Испании, Квебека для Канады, Северной Ирландии для Великобритании, Фландрии для Бельгии, Гренландии для Дании. Схожие процессы наблюдаются и во Франции, где наряду с радикальным движением за независимость Корсики набирают силу национальные движения других регионов — Бретани, Окситании, Эльзаса. «Одна из идей, дорогих сердцу этого типа эстра правых регионалистов, — пишет, в частности, французский исследователь **Рене Монза**, — состоит в том, что возможно быть французом и арабом или чернокожим французом, но гораздо труднее быть арабом и нормандцем или чернокожим провансальцем».

Правда, в большинстве случаев они локализованы и пока, как правило, не ставят под угрозу территориальной целостности государства и общенациональную идентичность, а для их решения стороны не применяют в массовом порядке насилие, а опираются на демократические институты и методы разрешения конфликтов (например, референдум, конституционный компромисс). По наблюдению английского социолога Энтони Гидденса, нынешний национализм в странах Запада делается все более локальным: происходит своеобразное переключение националистических чувств и настроений с национального государства, переживающего кризис и отступающего под натиском новых глобальных проблем и практик, на менее широкие общности регионального характера.

«...Локализм <...> берет на себя задачу сохранения идентичности. На деле, однако, перед нами не столько ее сохранение, сколько рефлексивная реконструкция — сознательное производство и воспроизводство отношений, поставленных под угрозу имперсональными процессами “глобальной экономики” и “глобальной культуры”»¹⁶.

Именно отсюда проистекают импульсы, направленные на защиту местной политической автономии и стимулирование культурных идентичностей регионального типа. При этом возрождение «субгосударственного» этнического национализма служит свидетельством того, что культурная ассимиляция даже в «старых» европейских нациях не является необратимой, а наличное, этнокультурное многообразие может быть использовано теми, кто имеет в этом материальный, политический или какой-то иной интерес. В свою очередь, в политике регионализм проявляет себя не в форме экспансии (как национализм), а в форме сопротивления радикальным изменениям окружающего гло-

бального мира. Свобода, за которую он борется, «это не та свобода, которая делает нас равными друг другу, а свобода быть разными».

Однако и при таких обстоятельствах этнонационализм, особенно в острых формах, порожаемый актуализацией проблем национального и территориального единства и размытия национальной идентичности, не вполне совместим с либеральной демократией, поскольку «регионализм как движение по созданию культурно однородных, закрытых пространств ограничил бы нас как раз в тех наших гражданских свободах, на которые он сам постоянно ссылается» (**Г. Люббе**). Поэтому отнюдь не случайно в странах Западной Европы сегодня в невиданных прежде масштабах проявились центробежные тенденции. Если ранее они наблюдались в Испании (Страна Басков, Каталония), Италии (проблемы Южного Тироля, Севера и Юга страны), Бельгии (валлоны и фламандцы), Великобритании (Северная Ирландия), Франции (Корсика), то теперь к ним прибавились: растущее движение за национальную независимость Шотландии, возрастающее соперничество между южными землями во главе с Баварией, которая не забывает о своем статусе Свободного государства Баварии, и федеральным центром, обвиняемом в превышении его полномочий. Сегодня около 32% избирателей-фламандцев сожалеет, что в 1831 г. Бельгия отделилась от Нидерландов. В свою очередь, более 41% избирателей-валлонов благосклонно относятся к идее объединения с Францией. Есть некоторые признаки разрушения национального консенсуса в мультилингвистической Швейцарии. Появились влиятельные праворадикальные и сепаратистские партии в благополучных, не имеющих серьезной крайне правой политической традиции, Бельгии (Национальный фронт — в Валлонии и Фламандский блок/Фламандский интерес во Фландрии), Нидерландах (партия/список П. Фортейна — ныне «Партия свободы»), Дании (Партия прогресса, Датская народная партия) и Норвегии (Партия прогресса), Швеции (Шведские демократы), Швейцарии («Партия швейцарского народа» Кристиана Блохера), характерен и политический успех сепаратистской «Лиги Севера» в Италии и др.¹⁷. В 2004 г. 49 депутатов от крайне правых партий были избраны в Европейский парламент, что на 8 человек больше, чем ранее. Этот успех был развит в ходе выборов в Европарламент в 2009 г. Помимо традиционных обвинений в адрес иностранцев и иммигрантов, политическая пропаганда этих партий направлена ныне также против неэффективного центрального правительства, «брюссельской бюрократии» и в качестве панацеи зачастую содержит требования политического обособления процветающих «своих» регионов от бедных, которые, по их мнению, живут за чужой счет.

Российский исследователь **А. Морозов** отмечает:

«Сепаратизм в Европе разный. В Каталонии и Стране Басков — левый. В Италии — правый, в Бельгии — крайне правый. На Корсике пока “бес-

партийный”. Тенденции к региональной эмансипации свидетельствуют, таким образом, не о том, что Европа “правее” или “левее”, а лишь о том, что граждане и территории перестали доверять “большим правительствам” и перестают идентифицировать себя с “большими державами”. Общеввропейской и региональной идентичности оказывается вполне достаточно. Особенно в тех случаях, когда “слишком высокая” государственная надстройка начинает восприниматься гражданами как досадное бюрократическое препятствие на пути их прямого политического волеизъявления».

Следует добавить, что европейская интеграция, как это ни парадоксально, одновременно является надеждой политических руководителей «внутренних наций»: Шотландии, испанской Страны Басков, Каталонии, Галисии, Фландрии, Корсики и др., видящих в европейской схеме рычаг, с помощью которого можно заставить считаться сначала с их стремлением к более широкому суверенитету, а затем — с самыми радикальными чаяниями прийти к формальной государственной независимости, признанной Евросоюзом. Так, Барселона сегодня все чаще напоминает Мадриду о том, что все затруднения внутреннего диалога она готова преодолеть, напрямую апеллируя к Брюсселю, «без упоминания Испании даже в качестве промежуточной ступени», стремясь войти, таким образом, в единую Европу без посредничества Испании. Как отмечают испанские исследователи, «длительный демократический период привел к осознанию того, что испанское государство уже не то, что было раньше, и уже не будет тем, чем могло бы стать: суверенным национальным государством по вестфальской или французской модели»¹⁸. В то же время именно такой «выход из тупика» европейского регионализма видят многие западные исследователи. Так, один из них писал в конце прошлого века: «Только смесь из регионализма и паневропеизма может предотвратить рост (регионального. — Прим. авт.) национализма, при этом регионализм может рассматриваться и как сепаратизм, и как движение автономизации».

В результате, в 2007 г. правый республиканец Роберт Кейган пишет уже как об очевидном: «Национализм — во всех его формах — вернулся; вернулось и международное соперничество за власть, влияние, престиж и статус».

В научной литературе можно найти несколько подходов к объяснению феномена «этнического парадокса современности».

Согласно первому из них — *современное общество переживает последний всплеск «примордиалистских» чувств и конфликтов, своего рода «кризис роста»*, поэтому «...сохранение нации, строительство нации и национализм... эти темы продолжают оставаться мощной и все возрастающей силой в политической жизни, которую государственным деятелям доброй воли было бы опасно игнорировать», однако неизбежный выход из этого кризиса будет означать, что общество перешло в новое

качественное состояние общечеловеческого единства при сохранении определенного культурного разнообразия, имеющего, однако, преимущественно индивидуальный, а не групповой характер. Люди будут жить в едином информационном пространстве, что и обусловит культурную гомогенность общества. Эта точка зрения была широко распространена в 60–70-е годы XX века и неразрывно связана с теорией модернизации. Отчетливо она выражена в работах известного американского политолога К. Дойча, который писал в середине 1960-х гг.:

«...век национализма собрал людей в группы, их разъединяющие, и это положение может продлиться некоторое время. Однако одновременно он готовит людей, а возможно, уже частично подготовил, для такого всеобъемлющего всемирного единства, какого не знала человеческая история»¹⁹.

В 1990-е годы другой известный американский исследователь Ф. Фукуяма повторяет практически те же аргументы, связывая близкий конец национализма с развертыванием процессов экономической глобализации. В частности он утверждал, что экономические силы, в свое время породившие национализм и национальные барьеры, образующая централизованное лингвистически-гомогенное сообщество, сегодня толкают его к разрушению национальных барьеров. В результате Фукуяма приходит к выводу, что исчезновение национализма — вопрос времени²⁰.

Согласно социально-психологической точке зрения — этническое возрождение является специфической реакцией массового сознания на процессы модернизации, глобализации и сопутствующую им культурную унификацию и гомогенизацию. Именно идентификация со своей этнической общностью позволяет человеку обрести чувство защищенности и устойчивости в радикально меняющемся мире, мире качественно меняющихся идентичностей, связей и отношений. «...Модернизация разрушает господство традиции и духа коллективности, — отмечает, в частности, **Питер Бергер**, — стало быть, автоматически делает индивида более самостоятельным. Это означает освобождение, но может ощущаться и как тяжелое бремя». Одно из возможных направлений «бегства от свободы» в этой ситуации — обращение к этнической, племенной или конфессиональной принадлежности.

Приверженцы социально-исторического объяснения этнического парадокса современности склонны видеть его главную причину в радикальном изменении характера исторических процессов в конце XX в., когда закончилось противостояние двух мировых систем. Образовавшийся вакуум и был заполнен этничностью и этнополитическими конфликтами, вытесненными на задний план в предшествующую эпоху этим глобальным противостоянием. «Этнический конфликт заменил “холодную войну” в качестве наиболее взрывоопасной проблемы в мире», — отмечает, в частности, Э. **Вайнер**. Действительно,

даже в Европе 1990-е годы были отмечены возвращением на континент вооруженных конфликтов. Согласно знаменитому афоризму Р. Арона, в Европе, расколотой «холодной войной», «мир был невозможен, но война невероятна». «Но неужели оказалось так, что в воссоединенной после “холодной войны” Европе мир стал возможен, а войны — вероятны?» — спрашивает Д. Муази²¹.

Наконец, согласно постмодернистской точке зрения, после распада «мировой системы социализма», окончания «холодной войны» и дискредитации идеологий, апеллирующих к классовой идентичности, политические элиты стали активно использовать для легитимации своих действий и для политической мобилизации масс этническую и националистическую фразеологию. Подобно тому, как понятия «демократия» и «коммунизм» использовались во внутренней борьбе за власть в эпоху «холодной войны», отмечает Р. Липшуц, функционируют в современном мире религиозные, этнические и культурные цели. Эта формула применима и для объяснения специфики политических процессов в России 1990-х годов. Известный российский этнолог В. А. Тишков, в частности, пишет.

«Взрыв этничности в России — это тоже своего рода форма заполнения идеологического вакуума доступными и понятными формулами и призывами, когда после краха основ организации общественной жизни обращение к этнической принадлежности стало наиболее доступным и понятным средством новой солидарности и достижения коллективных целей в условиях глубоких трансформаций, включая приватизацию принадлежавших государству ресурсов»²².

Все указанные подходы фиксируют те или иные особенности «этнического парадокса современности», не имея при этом полного ответа на вопрос о его причинах. Однако важнейшей характеристикой этого феномена, отмечаемого всеми исследователями, является крайняя политизация этничности в современном мире. Поэтому не будет преувеличением сказать, что современная этничность — это политизированная этничность и это обстоятельство делает крайне актуальным исследование проблем этнополитических конфликтов и этнополитической мобилизации. Американские политологи Т. Гурр и Б. Харф писали в середине 90-х годов XX в.:

«Мы выявили более восьмидесяти народов, поддержавших в то или иное время с конца 1940-х годов движения за установление более широкой политической автономии. Из них, после окончания Второй мировой войны, тридцать народов оказались вовлеченными в затяжные войны за национальную независимость или объединение с родственными группами, проживающими в других государствах»²³.

С тех пор эта цифра только увеличивалась.

В свою очередь этнические войны, конфликты и связанная с ними экономическая и социальная деградация стимулировали массовую им-

миграцию из стран мировой периферии в государства Запада. По данным ООН, в 2005 г. 191 млн человек во всем мире являлись внешними мигрантами (для сравнения — 120 млн в начале 1990-х годов и 175 млн в конце десятилетия), что составило около 3% от общей численности населения планеты, при этом численность нелегальных иммигрантов оценивалась в 30–50 млн человек. В результате во многих странах Запада сформировались инокультурные сообщества, имеющие иную, отличную от общепринятой в том или ином государстве региона, устойчивую систему ценностей, идентичностей и моделей поведения, что ведет к размыванию национальных идентичностей, деконсолидации границ государств Запада и кризису института гражданства. Это, в свою очередь, создало почву для нового цикла этнокультурных и этнополитических конфликтов теперь уже в государствах Запада и поставило на повестку дня острую проблему преодоления кризиса национальной идентичности путем нахождения эффективных механизмов интеграции иммигрантов в принимающие общества.

Все эти глобальные сдвиги в мировом развитии и их следствия ставят новые, чрезвычайно сложные проблемы и перед исследователями-обществоведами, изучающими этнополитические процессы, и перед политиками, пытающимися регулировать данные процессы.

Примечания

¹ Elazar D. J. (ed.). Federal Systems of the World // A Handbook of Federal, Confederal and Autonomy Arrangements. Essex, 1991. P. XI.

² Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 145.

³ Цюрхер К. Мультикультурализм и этнополитический порядок в постсоветской России: некоторые методологические замечания // Полис. 1999. № 6.

⁴ Calhoun C. Nations matter. Culture, history, and the cosmopolitan dream. L.: N. Y., 2007. P. 12.

⁵ Бжезинский З. Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2005. С. 184.

⁶ Яхимович З. П. Национальная идея и ее роль в генезисе и трансформациях итальянской государственности и нации в XIX — XX вв. // Национальная идея: Страны, народы, социумы / Отв. ред. Ю. С. Оганисян. М., 2007. С. 95.

⁷ Арон Р. Избранное: Измерения исторического сознания. М., 2004. С. 130.

⁸ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 260, 268–269.

⁹ Арон Р. Избранное: Измерения исторического сознания... С. 106.

¹⁰ Habermas J. Die nachholende Revolution. Frankfurt a. M., 1990. P. 181.

¹¹ См.: Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 125.

¹² Грей Дж. Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. М., 2003. С. 70.

¹³ Brubaker R. Nationhood and National Question in the New Europe. Cambridge, 1996. P. 65 (footnote).

¹⁴ Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. — Cambridge, Mass., 1993. P. 491.

¹⁵ См.: Calhoun C. Nations matter. Culture, history, and the cosmopolitan dream...

¹⁶ Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 7.

¹⁷ См.: Ачкасов В. А., Линецкий А. В. Ложная альтернатива: «Третий путь» европейских крайне правых популистских партий // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. СПб., 2008. Т. 4. № 1. С. 5–22.

¹⁸ Испания — Каталония: империя и реальность: Сб. статей. М., 2007. С. 28.

¹⁹ Deutsch K. Nationalism and Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. Cambridge, Mass. 1966. P. 134.

²⁰ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N. Y., 1990. P. 275.

²¹ Муази Д. Горькое торжество демократии // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2010. С. 105.

²² Тишков В. А. Этнология и политика. Статьи 1989–2004 годов. 2-е изд., доп. М., 2005. С. 168.

²³ Gurr T., Harff B. Ethnic Conflict in World Politics. Boulder; San Francisco; Oxford, 1994. P. 18.

Контрольные вопросы и задания:

1. Чем объясняется подъем национализма в современном глобальном мире?
2. В чем причины подъема национализма и роста этнической ксенофобии в странах бывшего «третьего мира»?
3. Прокомментируйте иронический афоризм Я. Куроня: «Национализм как высшая фаза развития коммунизма».
4. Каковы истоки и причины этнического сепаратизма и ксенофобии в странах Запада?
5. Что такое «этнический парадокс современности»?
6. Как объясняются причины «этнического парадокса современности» в исследовательской литературе?

§ 1. Страны и регионы бывшего «третьего мира» в условиях глобализации

«Современный мир не является глобализирующимся, а единственная проблема, имеющая глобальный характер, — взаимодействие между “первым” миром и всеми другими, — заявляют в полемически острой статье В. Л. Иноземцев и Е. С. Кузнецова. — ...Выгоды от подобной глобализации тоже получают преимущественно развитые страны: в середине 1990-х годов 20% населения Земли, проживающих в самых процветающих странах мира, присваивали в 61 раз больше богатств, чем беднейшие 20% населения (82,7% к 1,4%)»¹. Новые высокие технологии не требуют использования многочисленных трудовых ресурсов, поэтому у постиндустриальных стран Запада нет стимулов по технологическому развитию всей планеты, районы, не получившие новых технологий, будут все больше отставать от стран-лидеров и вряд ли смогут выжить. Поэтому во многом иррациональный протест против глобализации в постиндустриальных национальных государствах ничто, по сравнению с теми «гроздьями гнева», которые зреют в странах, не попавших в «золотой миллиард». Здесь реакция на глобализацию порождает эффекты, обратные интеграции, сближению и укреплению взаимосвязей. Эти эффекты оборачиваются всплесками межэтнической и племенной вражды, тенденциями к обособлению и разобщению, ксенофобией различных видов и оттенков.

Фундаментальные процессы дифференциации сегодня уже затрагивают не только индивидов, корпорации, классы, а целые государства и регионы. Нередко процессы дифференциации выражаются в крайней форме конфликтов с применением вооруженной силы.

«В результате на смену угрозе глобальной войны пришли **новые разновидности гражданских конфликтов и войн**. Они плохо управляемы, поскольку, как правило, ведутся вне каких бы то ни было моральных и юридических норм и ограничений. Не случайно все чаще звучат сравнения современного мира со средневековой эпохой хаоса. Целые регионы, прежде всего конфликтные, становятся некими «серыми зонами»², где экономическая

или иная деятельность оказывается или вовсе невозможной, или крайне ограниченной»¹.

В таких «серых зонах» государство почти полностью утрачивает контроль, власть там приватизирована либо племенами и этническими кланами (огромные пространства в Африке к югу от Сахары), либо преступными сообществами — чаще всего наркокартелями («золотой треугольник» на стыке Бирмы, Таиланда и Лаоса; Афганистан, Колумбия), либо сепаратистскими и партизанскими движениями, правыми «отрядами самообороны». Все это делает глобализирующийся мир еще менее однородным.

По образному выражению известного американского ученого-международника **Дж. Розенау**, мир рубежа двух тысячелетий характеризуется «фрагментативностью», т.е. одновременным действием разнонаправленных тенденций к социальной фрагментации и интеграции. Более того, для него — «фрагментативность» является важнейшей характеристикой «новой эпохи», в которую вступил современный мир.

Важно отметить, что в отличие от постиндустриальных государств Запада государства бывшего «третьего мира» являются объектами (или даже «жертвами»), а не субъектами глобализации, поэтому наиболее точно их взаимодействие отражает формула **«асимметричной взаимозависимости»**, т.е. одновременно проявляются две разнонаправленные тенденции:

- 1) снижение зависимости Запада от периферии;
- 2) накопление и обострение экономических и социальных проблем, для разрешения которых у стран этой части мира нет ресурсов.

Взаимообусловленные процессы глобализации и регионализации приводят, прежде всего, к дальнейшему обострению противоречий по оси «Север—Юг». Складывающаяся система мировой экономики приводит к одностороннему обогащению государств, транснациональных корпораций и других игроков, представляющих благополучные регионы Европы и Северной Америки, в то время как страны «глубокого Юга» все более отстают от их уровня развития, превращаясь в заложников глобальной системы. И разумеется, не везде это вызывает лишь молчаливый протест. Собственно, в этом и заключается одна из основных причин многих социально-экономических и политических потрясений в мире, в том числе и международного терроризма. Большинство террористических движений имеют либо антиглобалистскую направленность, либо в целом антизападную, тем самым четко позиционируя себя в мировом политико-идеологическом пространстве. В эпоху глобализации цели терроризма также глобальны: противостояние западной цивилизации или ее сегменту (например, государствам

Европейского Союза) позволяет широко использовать антизападные идеологические штампы для более эффективного привлечения сторонников. Пропаганда радикальных взглядов и терроризма как метода политической борьбы широко использует возможности глобального охвата и «эффекта присутствия», предоставляемые современными СМИ. При этом срабатывает эффект постоянного психологического давления, а также наглядно проявляется своеобразный апокалиптический символизм террора эпохи глобализации: «Либо мир станет таким, каким его сделаем мы, либо он перестанет существовать!» Соединенные Штаты, убежденные в отсутствии на международной арене политических сил, способных ограничить их претензии на мировое лидерство и воспрепятствовать их стремлению к распространению демократии «по-американски», явно недооценили возможность нетрадиционной террористической реакции на свою геополитическую экспансию.

События 11 сентября 2001 г. в США поставили проблему в новом, во многом неожиданном и малоисследованном ракурсе — использования продуктов глобализации фрустрированным человеком традиционного общества против глобализации и ее мировых центров. Вспомним, что в ряде стран «третьего мира» современные технологические и информационные возможности используются в первую очередь для решения «несовременных проблем» — удержания традиционной или даже архаической структуры господства или организации общества, распространения религиозного фундаментализма, борьбы за власть между религиозными или племенными кланами и группировками, создания сети террористических организаций.

В мире появилась еще одна линия конфронтации, которая приобретает глобальные масштабы: государства-члены мирового сообщества против глобальных террористических сетей. Положение осложняется тем, что международные террористические структуры оказываются тесно связанными с политическими радикалами в отдельных странах и с мировыми преступными объединениями, которые, в свою очередь, процветают на почве массовой бедности и отчуждения.

Ярко выражен транснациональный характер современного терроризма. Эта его черта является прямой производной глобализации как таковой. Мир поляризуется еще по одной линии: цивилизованные государства против глобальных террористических сетей. Не только терроризм, но и социальные конфликты, финансовые и торговые отношения, культурные и образовательные контакты все чаще пересекают государственные границы без контроля, а порой и без ведома правительств этих государств. В качестве центрального элемента стратегии США и их союзниками была выдвинута стратегия «смены режимов» путем их «принудительной демократизации». Не случайно поэтому возникновение в качестве реакции своеобразных «зон неприятия» та-

кого диктата в лице части исламского мира, что является симптомом «...появления в глобальной системе своего рода “всемирного подполья” — какое и должно было рано или поздно возникнуть в “мировом сообществе” как реакция на репрессии “мирового верха”»⁴.

Наложение и взаимоусиление проблем и противоречий, порожденных «эффектом одновременности» процессов модернизации, нациестроительства и глобализации, превращают большинство стран мира, живущих в иных «часовых поясах», чем страны промышленно развитого Запада, в экономических и политических аутсайдеров. Растущая неэффективность государства под прессингом глобальной экономической рационализации, всеобщей финансовой зависимости, резкого сокращения ресурсов для осуществления государственной социальной и экономической политики, препятствующей прогрессирующему социальному расслоению, и воздействием навязываемых СМИ западных потребительских стандартов, недостижимых для населения большинства стран, но вызывающих «революцию растущих ожиданий» и др., не только делает проблематичным осуществление цели «догоняющей» модернизации, но и порождает когнитивный диссонанс и массовую фрустрацию, преодолеть которые проще всего с помощью формирования «образа врага» в национальной, цивилизационной и/или конфессиональной «упаковке», поскольку социальные общности «держатся вместе» при наличии внешних угроз и/или консолидирующей идеологии. Поэтому истинная опасность для мира не исходит сегодня исключительно от исламского фундаментализма, который «не обладает монополией на нетерпимость». Она исходит от догматических и экстремистских попыток использовать религию (какой бы она ни была) или этническую принадлежность для оправдания собственной исключительности и применения насилия в отношении других.

Существует устойчивая корреляция между подъемом национализма и религиозного фундаментализма и переходным состоянием общества. Сегодня же появилась целая группа государств — чаще всего экономически слабых, неконсолидированных и политически нестабильных. Именно они с наибольшей вероятностью становятся зонами разворачивания старых и вновь порожденных гражданских конфликтов и войн, освящаемых идеями религиозного фундаментализма и этнического национализма и ведущихся с исключительной жестокостью.

Не менее важным фактором возрождения этнического национализма стало окончание «холодной войны». Сегодня уже очевидно, что геополитическое противостояние двух сверхдержав США и СССР определяло содержание многих конфликтов в странах «третьего мира». С устранением этого глобального внешнеполитического фактора на первый план вышла «этническая» составляющая конфликтов в государствах мировой периферии.

Периоды радикальных перемен — это периоды всеобщей неуверенности. И потому люди, проигрывающие от перемен, испытывающие страх перед новым незнакомым и глобализирующимся миром, обращаются к «заветным», фундаментальным ценностям — этническим и религиозным.

«Люди спасаются от экономической неуверенности своего реального мира, — пишет Л. Туроу, — отступая в уверенность какого-нибудь религиозного мира, где им говорят, что если они будут повиноваться предписанным правилам, то будут спасены»⁵.

Антизападный мятеж в «третьем мире» все чаще направляется также против секулярного национального государства, которое, в конце концов, осталось чуждым институтом для большинства незападных культур. В Азии и Африке за фасадом заимствованных и слабых политических институтов и национальных символов зачастую скрывается традиционный мир племен и народностей, который не смогло трансформировать квазинациональное государство.

П. Бади и П. Бирнбаум отмечают:

«Рост популизма, манипуляции неотрадиционалистскими символами, развитие авторитаризма — все это отличительные особенности не столько развития политического процесса (в странах «третьего мира». — *Прим. авт.*), сколько состояния напряженности между импортированным продуктом (институты национального государства. — *Прим. авт.*) и общественными структурами — носителями иной политической лексики»⁶. Лидеры таких стран действуют (или имитируют действия) в соответствии с западными принципами только в отношениях с западными же государствами, от которых ждут экономической или военной помощи, а при решении внутренних проблем опираются на традиционные стандарты поведения и стереотипы.

В середине XX в. в своей освободительной борьбе страны «третьего мира» ставили целью получение статуса национальных государств и принятие их в международное сообщество в качестве суверенных и полноправных членов. В начале третьего тысячелетия появились большие сомнения относительно того, будет ли существовать и в наступившем столетии международный порядок, созданный по западным стандартам.

С одной стороны, сегодня многие авторы считают важнейшей тенденцией современного мира — рост интенсивности взаимосвязей, прежде всего экономических, между рядом стран, не входящих в «западный блок». Из этого делается радикальный вывод о том, что глобальный центр постепенно переместится в «мир без Запада», в Азию, вследствие чего отойдут на задний план многие «правила игры», закрепленные в международном праве и основанные на либеральных принципах. Так, автор нашумевшей книги «Новое азиатское полушарие: неотвратимое смещение центра мировой власти на Восток» **Кишоре Махбубани** утверждает, что потребность в классической, либеральной

демократии в странах Азии не просматривается. Здесь возникла и закрепились своя авторитарная модель договора власти с обществом, которая основывается на основополагающей роли справедливости в управлении социумом, — модель предоставления услуг населению со стороны правительства, исходя из подотчетности чиновников гражданам, она эффективна и адекватна реалиям этих стран⁷. Отсюда возникает вопрос, актуальность которого постоянно растет: сохраняется ли считавшееся ранее бесспорным превосходство западных демократических систем над всеми прочими? «Подъем Китая, — утверждает американец **Дэвид Брукс**, — обусловлен не только экономическими причинами, но и культурными. Идеалы гармоничной жизни могут стать столь же привлекательными, что и американская мечта».

С другой стороны, большинство стран «глубокого Юга» не выдерживает прессинга нового глобального экономического порядка. Так, по мнению ряда африканских исследователей, рычагом, вынудившим африканских лидеров принять «неолиберальную экономическую политику глобализации, стало “управление долгом”. Он служил эффективным орудием в борьбе против построения современных государств. С 1980 по 1996 г. внешний долг утроился (с 84,3 до 235 млрд долл.). Африка к югу от Сахары ежегодно передает сумму, эквивалентную четырехкратному социальному бюджету, для обслуживания своего внешнего долга. Несмотря на эти огромные отчисления, просроченные платежи продолжают увеличивать долг. Регион является заложником системы бесконечной задолженности, которая поддерживается посредством различных механизмов — от теоретического соглашения о выплате суммы долга с процентами до методов его исчисления, не говоря уже о целом ряде идеологических и политических ограничений»⁸.

В результате многие страны континента деградируют, коррумпируются и разрушаются, фактически оказываясь во власти кланово-мафиозных и этноцентричных сил, по-своему включающих деградирующий низкоэффективный потенциал этих стран в мировой хозяйственный оборот. В них нарушено экономическое равновесие и действует инволюционный механизм «трофейной» экономики. Растущее число людей в этих странах в той или иной форме охвачены лихорадочной тотальной грабежа самих себя, поскольку здесь это зачастую единственный способ добычи средств для поддержания минимального уровня выживания. Для такого рода государств вполне реальна опасность полной утраты социальной и мобилизационной функций и контроля над происходящим на их территории.

Не случайно в теории международных отношений акцентируется сегодня различие между «негативным» и «позитивным» определениями суверенитета: негативное определение суверенитета отрицает право других государств вмешиваться во внутренние дела суверенного госу-

дарства; позитивное же делает акцент на верховной суверенной власти государства на его территории. Государство, обладающее только негативным суверенитетом, но неспособное обеспечить позитивный, определяется как «несостоявшееся» и поэтому, по мнению ряда авторов, должно быть лишено и негативного суверенитета. В результате, многие эксперты приходят сегодня к заключению о неприменимости западных государственных институтов в большинстве стран мира. Так, испанский исследователь **Ж. Коломер** считает, что в мире насчитывается только три десятка суверенных национальных государств (помимо империй), остальные проекты государственного строительства, по его мнению, закончились неудачей, поскольку «не удалось добиться ни внутренней монополии на власть, ни внешнего суверенитета»⁹.

По мнению ряда экспертов, так называемый «исламский вызов» Западу это вовсе не нападение террористов или партизан на силы коалиции в Ираке, не взрывы в Испании, Британии или в России, не убийства европейцев в Саудовской Аравии или в Индонезии. Ислам бросил вызов Западу на более глубинном уровне, когда радикальные исламские идеологи заявили, что мусульманское общество не будет развиваться по тому пути, который Запад предложил остальному миру как путь процветания и благоденствия. Действительно, современные исламские авторы, приверженцы идеологии панарабизма, представляющие группу стран района «Индо-Тихоокеанской дуги», добывающих сырьевые ресурсы, не принимают существующий миропорядок, возникший, по их мнению, в результате западной колонизации. Их негодование подпитывает также несправедливый характер экономической глобализации и навязывание западных культурных стандартов, в чем они видят угрозу для ислама и мусульманской культуры. С точки зрения нынешних исламистов или фундаменталистов, неудачи и недостатки современных исламских стран вызваны тем, что последние переняли чуждые понятия и обычаи. Они отделились от истинного ислама и таким образом утратили свое былое величие. Поэтому они отрицают секулярное национальное государство и требуют вернуться к идее халифата — «исламского идеального государства». Отсюда рост политического влияния исламского фундаментализма, который тотально отвергает западную модель политического развития. Однако «причина кроется не в исламе как религии, а в повсеместной утрате иллюзий, особенно среди молодежи, охватившей население стран, уже вкушавших соблазнительные плоды модернизации, но неспособных обеспечить ими всех граждан»¹⁰.

Более того, в большинстве мусульманских стран модернизация оказалась направленной против секуляризации, что, в частности, и породило феномен исламского фундаментализма. Пытаясь объяснить этот феномен, известный британский исследователь **Э. Геллнер** писал:

«На Западе национализм возникает в результате того, что высокая культура — культура грамотного меньшинства — распространяется до границ всего общества и становится отличительным признаком принадлежности к нему каждого члена. То же самое происходит и в исламе, только здесь это находит выражение скорее в фундаментализме, чем в национализме, хотя порой эти два течения объединяют свои усилия. Для масс высокая форма ислама служила сертификатом, подтверждающим их новый статус, пропуском в число горожан. Она также определяла их в отличие от пришельцев, с которыми пришлось столкнуться в ходе колониальных конфликтов (новые колониальные нации складывались зачастую просто из всех мусульман, проживающих на произвольно выделенной территории, и не имели до этого никакой коллективной идентичности)»¹¹.

Это обстоятельство усугубляется тем, что навязанные границы системы ближневосточных государств привели к фрагментации региона на множество конкурирующих, часто искусственных государственных единиц, в основе которых лежали не общность и интересы населения, но исключительно западных держав. Потенциал национально-государственного строительства на основе существующего культурного единства, унаследованного со времен империй прошлого, правивших от имени мусульманской уммы, был принесен в жертву интересам метрополий Запада, что привело к разрушению традиционных региональных связей при переориентации экономических и политических отношений по западному образцу.

Политические реформы, осуществленные в ряде исламских государств в 1990-е годы:

«...выборы, расширение парламентского представительства и создание неправительственных организаций в подавляющем большинстве случаев имеют целью кооптацию во власть представителей патримонильных структур ради поддержания национальной консолидации "без размежевания"... Однако реально действующими социальными организациями, которые могут обеспечить лояльность индивидов, служить надежными сетями политической коммуникации и участвовать в урегулировании возникающих конфликтов, остаются мусульманские общины», — констатирует российский исследователь¹².

Поэтому именно этническая и конфессиональная солидарность приходит в мире ислама на смену национально-государственной идентичности, заимствованной у бывших стран — метрополий. Глобализация в формах, навязываемых Западом, воспринимается в этом регионе мира как угроза дальнейшему существованию, которая преодолевается посредством призыва к возвращению к традиционным формам общности — религиозной и этнической.

Как отмечает С. Амин:

«Арабский мир остается пленником концепций деспотического государства: он восхваляет деспота за то, что он "истинный", а не за то, что

"просвещенный" ... Политический ислам призывает к подчинению, а не к эмансипации»¹³.

Тем самым, с одной стороны, укрепляется легитимность традиционных авторитарных режимов региона, а с другой — обостряется цивилизационный конфликт между исламскими странами и Западом. Пример Сомали, Ирака, Ирана, Судана и Афганистана наглядно доказывает правоту данного утверждения. При этом агрессивная энергия этнополитической и фундаменталистской мобилизации может быть канализирована в следующих основных направлениях:

- против поддающихся идентификации меньшинств, проживающих среди большинства;
- против соседних этнотерриториальных образований... с целью пересмотра границ;
- против имперского центра или главенствующей национальной группы;
- против соседнего народа/страны, принадлежащих к другой цивилизации/конфессии;
- против персонификации «зла глобализации» Соединенных Штатов Америки и Запада в целом.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что мировое общество вступило на рубеже веков в фазу глобальной активизации исламского мира, что чревато новыми противоречиями и конфликтами. Однако было бы заблуждением толковать исламский фундаментализм только как реакцию традиционного общества на глобализацию, направленную против Запада. Как пишет К. Калхун:

«Современные исламские движения — это продукт экономической, политической и культурной глобализации, а не просто местной реакции. Они не только связывают между собой различные исламские страны, но и частично подпитываются опытом жизни в исламских анклавах на Западе...». Они обращаются «...к мусульманам как к индивидам, где бы они ни находились, и как к членам великого сообщества исламской веры, а не как к членам промежуточных этнических или местных политических общностей. Идеология исламского фундаментализма нелиберальна, но во многих отношениях она универсальна. Она представляет собой международный, даже глобальный способ осмысления локального»¹⁴.

Сегодня капиталистическая мир-экономика достигла в своем развитии той точки, которая делает, по мнению И. Валлерстайна, неизбежной скорую гибель капитализма. Большая часть причин связана с издержками «последней стадии» эволюции этой мир-системы, т.е. с глобализацией как процессом всепланетного торжества капитализма. Среди этих причин, ограничивающих дальнейшие возможности ускоренного накопления капитала такие, как необратимое истощение

ресурсов дешевой рабочей силы (сельского населения); долгосрочная тенденция к росту доли оплаты труда в стоимости продукции, ставшая результатом постепенной демократизации политических режимов, и, соответственно, увеличение политического влияния представителей наемного труда, — тенденция, ведущая к предельному уменьшению нормы прибыли. Все это усугубляется обострением экологических проблем и издержек, поскольку в глобальном мире все меньше мест, в которых можно было «бесплатно» сбрасывать токсические отходы капиталистического затратного производства и др. И если даже не соглашаться с взглядом Валлерстайна на современный этап глобализации как последнюю «летальную» стадию капиталистической мир-системы, то невозможно, тем не менее, отрицать неизбежность радикальных перемен мирового масштаба в не столь отдаленном будущем. «И это будет не просто перестройка, — на что, в частности, не раз указывал Н. Н. Моисеев, — а реконструкция общего планетарного порядка». Только вот нет согласия о плане этой глобальной реконструкции. Не случайно один из создателей концепции глобализации Р. Робертсон еще в начале 1990-х годов отмечал, что мир с 1969 г. вступил в фазу глобальной неопределенности.

§ 2. Глобализация и проблемы современной России

Как нам представляется, наиболее глубокий кризис, непосредственно связанный с глобализацией, возник не на периферии, а на полупериферии мир-системы, где сегодня находятся многие страны постсоветского пространства. Сам крах СССР, пишет, в частности, И. Яковенко, в конечном счете, задавался тем, что «мировое целое не согласовывалось с глубокой автономией огромного региона, на территории которого реализовывались неэффективные модели хозяйствования»¹⁵. Советский Союз, по мнению большинства исследователей, рухнул прежде всего потому, что несостоятельной оказалась его экономика. Современная Россия, как и большинство постсоветских государств, пока не вписалась в новые общемировые процессы, обеспечивших большинство прежних достижений, которые были предметом гордости советского народа. Результатом стал затяжной и труднопреодолимый социально-экономический кризис и утрата национальной идентичности, поставившие, на определенном этапе (1990-е годы), под сомнение само существование России.

Глобализационный вызов лидеры нашей страны восприняли и, казалось бы, осознали: «Россия сталкивается и с серьезными внешними проблемами. Наша страна вовлечена во все мировые процессы, включая экономическую глобализацию», — отмечал В. В. Путин уже в первом Послании Федеральному Собранию РФ 2000 г. Действительно,

на рубеже веков российская политическая элита была поставлена перед необходимостью решать чрезвычайно сложные и во многом противоположные задачи. По мнению Г. С. Батыгина:

«Постсоветская трансформация замыкает Россию в мир собственных проблем, в том отношении, что приходится думать о собственных проблемах, а не, скажем, о мировом революционном процессе. Но эти собственные проблемы могут решаться только на мировых рынках»¹⁶.

Кроме внутренних институционально-структурных преобразований, связанных с изменением базовых институтов в экономике, политике, социальной сфере, культуре, и преодоления «эффекта одновременности», она должна искать адекватные ответы на вызовы, связанные с включением России в глобальные процессы. Наряду с большей открытостью страны и вхождением ее в различные международные политические и экономические организации разного уровня, причем зачастую на правах младшего партнера, происходит также втягивание многих сфер жизни в мало контролируемые, а по некоторым параметрам и совсем неконтролируемые российскими правительственными и неправительственными агентами процессы. Роль российской элиты как институализирующего, стабилизирующего и интегрирующего фактора и одновременно «двигателя» перемен в этой ситуации чрезвычайно трудна и противоречива:

- С одной стороны, перед ней стоит задача создания эффективной национальной рыночной экономики, с другой — открытие ее и включение в глобальный рынок, в рамках которого доминируют другие экономические акторы.

- С одной стороны, по-прежнему стоит задача построения российского национального государства — сильного и независимого, с другой — включение в процессы глобализации, вступление в наднациональные международные организации, действие которых неизбежно распространяется и на территорию России, ограничивая ее национальный суверенитет.

- С одной стороны, задача сохранения территориальной целостности страны, с другой — фрагментация российского пространства, дробление его на совокупность «островов модернизации» и деградирующую периферию, происходящее, в том числе, и под воздействием процесса глобализации. Исследователи отмечают увеличение разрывов в экономическом, социальном, культурном развитии страны не только по «горизонтали» — между регионами страны, но и по «вертикали».

- С одной стороны, декларируемая ориентация на создание институтов современной либеральной демократии, с другой — «сопротивление материала», бюрократическое выхолащивание демократических институтов и процедур при молчаливом согласии общества. По данным

социологических опросов, более 40% россиян по-прежнему являются носителями традиционалистских ценностей и установок. Патерналистские установки по-прежнему доминируют в их сознании, они испытывают ностальгию по советскому прошлому (эпохе Л. Брежнева), им чужды идеалы правового государства, две трети из них убеждены, что России не подходит западный путь развития, практически поголовно они предпочитают твердую власть с гарантиями личной безопасности, а не полную демократию, лишь четверть из них положительно относится к понятию «рынок» и 38,4% — к понятию «частная собственность» и т.д. Конечно, большинство «традиционалистов» — это люди старшего поколения. Однако «...даже в поколении 16–25-летних модернистская ориентация не стала доминирующей в отличие от последовательного традиционализма старших поколений. Это значит, что рассчитывать на смену существующей сегодня в российском обществе социокультурной модели взаимоотношений личности и государства в обозримом будущем вряд ли возможно», — констатируют социологи¹⁷.

■ С одной стороны, декларации о необходимости «задействовать в управлении страной основные интеллектуальные силы общества» для вхождения России в новое «информационное общество» и создание «экономики знаний», с другой — неспособность государственного руководства и политической, экономической и интеллектуальной элиты страны дать адекватные ответы на вызовы постиндустриального глобализирующегося мира.

Глобализация ставит все страны в жесткие условия, заставляя их изо всех сил бороться за свою конкурентоспособность, а ее нельзя добиться, не оптимизируя государственное устройство и политическую организацию, социально-политические отношения. Демократия дает здесь важные преимущества гибкости, развязывания инициативы, воспитания свободного человека, которые перекрывают все связанные с ней издержки. Сложившаяся в нашей стране гибридная политическая система также не может уклониться от этого вызова.

При этом, как представляется, причины усиливающейся экономической и интеллектуальной маргинализации России, в ситуации динамичного повышения спроса на знания, инициативность и научно-творческие кадры, связаны не с научно-промышленной отсталостью страны или доминированием носителей традиционалистского сознания среди населения, а как раз с «качеством» правящего класса, с неготовностью политических элит, руководителей крупных компаний и органов государственного управления к рациональному взаимодействию с субъектами интеллектуальной экономики и эффективному применению импортируемых информационных технологий, с непониманием сущности новой информационной экономики и ее производительных

сил, с запаздыванием в осуществлении «революции управления» на всех уровнях.

Поэтому вполне можно согласиться с «прогнозом», данным **А. И. Соловьевым**:

«...России еще долго придется сочетать в своем развитии и традиционалистские, и прогрессистские элементы и тенденции. Ну а в контексте мирового развития, наверное, мы будем играть роль периферии, которая будет постепенно подтягиваться к перспективным формам управления, уже существующим на Западе»¹⁸.

В 1990-е годы Россия, как и большинство постсоциалистических стран, воспроизводила все основные признаки зависимого экономического развития: преобладание в экспорте сырья, внешний государственный долг, растущее иностранное владение промышленностью и застой в сельском хозяйстве. В этой связи любопытно привести заключительные слова из книги политолога **А. Пшеворского** «Демократия и рынок», вышедшей в США еще в 1992 г.:

«Неприкрытые факты свидетельствуют о том, что восточноевропейские государства стремятся к капитализму и что они бедны. Это те же самые условия, которые характерны для множества народов по всей планете, также мечтающих о процветании и демократии. Следовательно, резонно заключить, что все они столкнутся с обычным для капитализма в бедных странах проблемами экономики, политики и культуры. Восток стал Югом»¹⁹.

Однако и в 2000-е годы, несмотря на благоприятную экономическую конъюнктуру (высокие цены на энергоносители) и на постоянно декларируемые призывы модернизировать и структурно перестроить экономику, не произошло качественного изменения параметров экономического развития страны.

«Главная проблема и главный комплексный фактор угрозы нашему суверенитету, территориальной целостности и культурно-цивилизационной идентичности, — пишет А. Кокошин, — растущее отставание от наиболее развитых стран мира, а по ряду параметров и от стран, еще таковыми не являющимися».

► Таким образом, Россия на элитарном уровне оказалась не готова к превращению из объекта в субъект глобализации, а постоянно растущая российская бюрократия препятствовала и препятствует реализации важнейших политических решений и росту эффективности экономики (по некоторым данным, только на взятки в России ежегодно тратится от 100 до 240 млрд долл.).

Западные исследователи пишут о так называемом «ресурсном проклятии» России, поскольку слишком большие запасы природных ресурсов, за счет которых по преимуществу формируется национальное богатство, а также сохранение государственного контроля над ними,

создают очень серьезные препятствия в процессе осуществления экономических и политических преобразований страны.

Высокие цены на энергоносители в 2000-е годы позволили серьезно укрепить и увеличить объем бюджета страны и повысить уровень жизни населения²⁰. Однако в результате имеет место немыслимый для развитой страны «сырьевой перекос» российской экономики: более $\frac{2}{3}$ бюджета формируется за счет продажи минеральных ресурсов. Элиты России, не раз провозглашавшие инновационные приоритеты страны, продолжают действовать в привычной логике рентно-распределительной системы, суть которой — в централизации и перераспределении ренты от экспорта природных ресурсов через госбюджет. «Свалившееся» на страну богатство, по мнению авторов доклада для Трехсторонней комиссии,

«принесло с собой самоуспокоенность, размягчение и самодовольство. Отказ после 2003 г. от настойчивого продолжения структурных реформ уже оказал отрицательное воздействие на рост ВВП, который начинает замедляться. Неэффективность использования мощностей тормозит экономический рост, и это обязательно будет все более острой проблемой»²¹.

Сегодня на наших глазах происходят события, свидетельствующие о все большей востребованности государства, способного справляться с внешними экономическими и политическими вызовами, с возрастающими запросами со стороны населения, нуждающегося в «убежище» от последствий серьезного экономического кризиса. Эта ситуация приводит к новому типу «двойного давления» на государство, когда, с одной стороны, встает проблема защиты своих граждан, а с другой — как сделать государство сильнее, дешевле и эффективнее, как обеспечить защиту интересов «своих» компаний, конкурирующих на мировых рынках. Причем с того момента, когда социально-экономический кризис в 2008 г. стал общемировым, проблема «двойного давления» стала одинаково актуальной и для богатых, и для бедных государств. Россия явно не справляется с этой проблемой и потому понесла наибольший урон от последствий глобального финансово-экономического кризиса.

Как считают многие аналитики, неудачи в реформировании страны в немалой степени связаны и с тем, что российская политическая элита так и не сумела выработать ни одной привлекательной и убедительной для общества идейной программы. «Основной проблемой всех двадцати лет трансформации общества был разрыв между авангардом общества, проводящим реформы, и интересами консервативного большинства», — утверждает **Г. Павловский**. Сегодня этот разрыв, казалось бы, преодолен, найдена традиционная, несколько модифицированная, формула консолидации российского общества: «Православие—Державность—Народность». Однако «державность», заменившую в уваровской формуле «самодержавие» и эксплуатирующую массовое

стремление снова видеть «великую Россию», вряд ли стоит трактовать как стремление России к восстановлению империи.

В начале «путинской эры» **Г. Г. Дилигенский** отмечал:

«Вся эта эволюция лозунгов и символов не обязательно является прологом к полному отказу от демократических институтов и свобод. Важнейшим ограничителем движения к авторитаризму является “внешний фактор”: потребность в партнерстве с Западом, стремление выступать “на равных” с лидерами западных демократий»²².

Действительно, за прошедшие годы Россия стала членом элитарного «клуба» наиболее развитых стран мира — «Большой восьмерки», она готова к тесному экономическому, финансовому и даже геополитическому сотрудничеству со странами Запада. Сегодня российский министр иностранных дел Сергей Лавров заявляет о необходимости равноправного взаимодействия «трех самостоятельных, но родственных составных частей европейской цивилизации»: Европейского Союза, России и США²³.

Несомненно, что восстановление международных позиций России связано не с военной или экономической мощью, а с высокими ценами на нефть, растущей ее привлекательностью как поля для иностранных инвестиций и быстро расширявшегося рынка сбыта, а также выходом российского капитала на мировые рынки. Внешняя политика страны стала многовекторной, более твердой, прагматичной и уверенной, «поскольку страна восстановила свою силу и веру в нее». В этой связи у нас и за рубежом стали писать о возрождении «русского империализма», «о двоевластии во внешней политике России», когда (начиная с 2003 г.), наряду со следованием курсу конструктивного взаимодействия с Западом, набирает силу и другая — имперская тенденция, во многом являющаяся реакцией на практическую реализацию доктрины Буша по противодействию «оси зла» и идей «ограниченного суверенитета». Так, Р. Кейган пишет:

«Идеи, которые все шире распространяются в Европе и Соединенных Штатах, а именно ограниченный суверенитет, “обязанность защищать” (*the responsibility to protect*)²⁴, “добровольный отказ от суверенитета” (*voluntary sovereignty waiver*), — призваны обеспечить либеральным государствам право вмешиваться в дела нелиберальных государств. Ясно, что лидеры Китая, России и других автократий не приветствуют такие формы прогресса. И потому совсем не удивительно, что Китай и Россия стали главными в мире защитниками вестфальской системы государств с ее упором на незыблемое равенство всех национальных суверенитетов»²⁵.

Однако, как констатируют авторы доклада для Трехсторонней комиссии,

«...в сущности, курс России скорее оборонительный и независимый, чем агрессивный и экспансионистский. Россия будет использовать многие виды

давления на не столь сильных соседей и пускать в ход рычаги воздействия на главные державы там, где у нее появятся для этого возможности. ...В настоящее время Россия не готова налагать ограничения на свое поведение дома и за границей, которые способствовали бы ее более близкому партнерству со странами, представленными в Трехсторонней комиссии (США, ЕС, Япония. — *Прим. авт.*) Тенденция имеет обратное направление: амбиции существующего руководства, поддерживаемого большинством электората, состоят в том, чтобы восстановить Россию как сильного, независимого, имеющего полную свободу рук актера на глобальной сцене»²⁶.

Новый внешне- и внутривластный курс по целому ряду причин получил поддержку «снизу». Представляется, что и стратегия строительства «вертикали власти» появилась не только в качестве ответа на проблему предотвращения дезинтеграции государства, но и как реакция на настроения большинства электората России. При этом очередные меры по рецентрализации власти следовали за очередным громким террористическим актом и соответствующим образом обосновывались:

«Единство власти — необходимое условие единства нации. Конечно, выборы руководителей субъектов Федерации законодательными собраниями по представлению президента не обеспечат сами по себе скорой победы над врагом. Но позволят значительно увеличить запас прочности нашей политической системы, адаптировать государственный механизм к экстремальным условиям необъявленной войны», — писал, в частности, В. Сурков.

В таких условиях возрастает потенциальная опасность усиления авторитарных тенденций в российской власти, в то же время отчасти востребованных обществом в качестве средства «избавления от страха», нагнетаемого террористами.

► Таким образом, сохранение с начала 2000-х годов консенсуса вокруг идеи порядка и сильной независимой России корреспондирует с изменениями в официальном дискурсе и идеологии режима, выстраиванием «вертикали власти», замкнутой на главу государства, превращением демократии в массовом и элитарном сознании во второстепенную, формальную ценность.

По данным мониторинга публичной поддержки демократии по 70 странам, включая 10 исламских, медианное значение поддержки составляет 92%, а в России — 62%. Это меньше, чем в Пакистане, где она составляет 68%. Зато 49% россиян убеждены, что «для страны хорошо иметь сильного лидера, который бы не беспокоился о парламенте и выборах»²⁷. Однако, несомненно, правы авторы доклада Трехсторонней комиссии:

«Большинство россиян возвращению в 1990-е предпочли бы традиционный, русского разлива авторитаризм, но отсюда не следует, что таков их идеал. Есть основания полагать, что русские хотели бы лучшей демократии (приспособленной к российским условиям), а не меньше демократии. Они

хотели бы иметь современную Россию, а не отсталую Россию. Они хотели бы видеть Россию на достойном месте в ряду передовых стран мира, а не пребывающим в изоляции, лишенным уважения второразрядным государством.

Если руководство намерено, опираясь на народную поддержку, достичь им самим поставленной цели, авторитарные учреждения и традиции... должны быть приспособлены к требованиям времени и создана среда, позволяющая демократии расти снизу вверх, восходя от широких низов к вершинам власти, как это имело место в других краях»²⁸.

Примечания

¹ *Иноземцев В. Л., Кузнецова Е. С.* Глобальный конфликт XXI в.: Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий // *Полис*. 2001. № 6. С. 132, 134.

² Термин «серая зона» пришел из радиоэлектроники, где он обозначает часть пространства, не «просматриваемую» радиолокаторами.

³ *Лебедева М. М., Мельвиль А. Ю.* «Переходный возраст» современного мира // *Внешняя политика и безопасность современной России: 1991—2002: Хрестоматия: В 4 т. / Сост. Т. А. Шаклеина. Т. 1. Исследования. М., 2002. С. 72.*

⁴ *Гудков Б.* Негативная идентичность: Статьи 1997—2002 годов. М., 2004. С. 9—10.

⁵ *Туроу Л.* Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск, 1999. С. 278.

⁶ *Бади П., Бирнбаум П.* Переосмысление социологии государства // *Международный журнал социальных наук*. 1994. Ноябрь. № 4 (7). С. 21.

⁷ См.: *Mahbubani K.* The New Asian Hemisphere: The Irresistible Shift of Global Power to the East. N.Y., 2008.

⁸ *Глобализация сопротивления: Борьба в мире / Отв. ред. С. Амин и Ф. Утар. М., 2009. С. 123—124.*

⁹ *Colomer J. M.* Great empires, small nation: The uncertain future of the sovereign state. L.; N.Y., 2007. P. 11.

¹⁰ *Дарендорф Р.* Искушение авторитаризмом // *Россия в глобальной политике*. 2005. Октябрь. Т. 3. № 5. С. 10.

¹¹ *Геллнер Э.* Условия свободы: Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995. С. 32.

¹² *Кудряшова И. В.* Нацистроительство на Ближнем Востоке: От мусульманской уммы к нации-государству? // *Политическая наука: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН, 2008. № 1: Формирование нации и государства в современном мире / Ред.-сост. А. И. Миллер. С. 163.*

¹³ *Глобализация сопротивления: Борьба в мире... С. 101, 103.*

¹⁴ *Калхун К.* Национализм. М., 2006. С. 187.

¹⁵ *Яковенко И. Г.* Российское государство: Национальные интересы, границы, перспективы. М., 2008. С. 92.

¹⁶ *Глобализация и постсоветское общество // «Аспекты 2001» / Под ред. А. Согомонова и С. Кухтерина. М., 2001. С. 167.*

¹⁷ *Российская идентичность в условиях трансформации: Опыт социологического анализа / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М., 2005. С. 86—88.*

¹⁸ Соловьев А. И. Россия только втягивается в глобальные мировые потоки // Проблемы становления гражданского общества в России: Материалы научного семинара. М., 2003. Вып. 2. С. 148.

¹⁹ Пиеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999. С. 300.

²⁰ Повышение мировых цен на нефть с 10 долл. за баррель в 1998 до 147,27 долл. в июле 2008 г. принесло России огромные дополнительные доходы. С 2000 по 2008 г. ВВП страны был более чем удвоен, золотовалютные запасы выросли в 60 раз и до начала мирового финансового кризиса составляли 600 млрд долл. В этот период доля россиян, живущих в бедности, сократилась наполовину (с 30% населения до 14%), реальные зарплаты росли со скоростью примерно 12% в год, произошел серьезный рост численности среднего класса страны — с 8 млн до 55 млн человек.

²¹ Ватанабэ К., Лайн Р., Тэлбот С. Взаимодействие с Россией. Следующая фаза: Доклад для Трехсторонней комиссии. М., 2007. С. 213.

²² Дилигенский Г. Г. Путин и российская демократия // Россия и Европа: Отношения на рубеже веков: Сб. ст. М., 2001. С. 151 (Актуальные проблемы Европы. № 4).

²³ Лавров С. Россия и мир в XXI веке // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. С. 16.

²⁴ Имеется в виду защита людей в случае необходимости от их собственных государств. — Прим. ред.

²⁵ Кейган Р. Концы иллюзиям. История возвращается // Pro et Contra. 2007. Ноябрь—декабрь. № 6 (39). С. 34.

²⁶ Ватанабэ К., Лайн Р., Тэлбот С. Взаимодействие с Россией. Следующая фаза: Доклад для Трехсторонней комиссии... С. 227.

²⁷ Inglehart R. How Solid is Mass Support for Democracy — And How We Can Measure It? // Political Science and Politics. Vol. XXXVI. No 1. P. 53.

²⁸ Ватанабэ К., Лайн Р., Тэлбот С. Взаимодействие с Россией. Следующая фаза: Доклад для Трехсторонней комиссии... С. 210.

Контрольные вопросы и задания

1. Согласны ли вы с утверждением, что большинство государств мира не являются национальными и суверенными?
2. Почему глобализация в целом оказывает негативное воздействие на страны бывшего «третьего мира»?
3. Можно ли согласиться с суждением: «гегемония “исторического” Запада сегодня уходит в прошлое»?
4. Согласны ли вы с тем, что международный терроризм является порождением процессов глобализации?
5. Приведите аргументы в пользу суждения о том, что «мир вступил в фазу глобальной активизации ислама».
6. Каково воздействие глобализации на современную Россию?
7. Как можно оценить место России в современном глобализирующемся мире?

§ 1. Сущность и типология глобальных проблем

На рубеже XX—XXI вв. одним из важнейших вопросов мировой политики стал вопрос о путях решения глобальных проблем. Само понятие «глобальные проблемы» появилось в научной и политической литературе еще в 60-е годы XX в. Впервые о глобальных проблемах человечества заговорили на заседаниях Римского клуба — неправительственной организации, объединившей представителей мировой политической, финансовой, научной, культурной элиты.

► **Глобальные проблемы** — это проблемы, от решения которых зависит будущее всего человечества, а в некоторых случаях и его существование.

Какие именно проблемы следует отнести к числу глобальных, среди ученых и политиков существовали и существуют различные мнения. Одни сводили количество глобальных проблем к трем-четырем, другие считали, что их несколько десятков. Сегодня принято выделять три группы глобальных проблем. В первую группу входят глобальные проблемы, *вызванные противоречиями в отношениях между обществом и природой*: экологическая, энергетическая, проблема исчерпаемости природных ресурсов, продовольственная проблема. Ко второй группе относятся проблемы, *порожденные противоречиями развития самого человеческого общества*: демографическая проблема, проблема борьбы с массовыми эпидемическими заболеваниями, проблема бедности и отсталости стран «третьего мира», проблема предотвращения внутренних и международных конфликтов, проблема нераспространения оружия массового поражения, проблема борьбы против международного терроризма и организованной преступности, проблема борьбы с производством и распространением наркотиков.

Третью группу глобальных проблем представляют проблемы, *возникшие в связи с необходимостью решения проблем первой и второй групп*. Это — проблема поисков альтернативных источников энергии, проблема освоения космического пространства, проблема освоения ресурсов Мирового океана и т.д.

Полный перечень глобальных проблем приведенным списком не ограничивается. Их число может быть как большим, так и меньшим. С одной стороны, из глобальной экологической проблемы нередко вычлняют проблему глобального изменения климата. С другой стороны, объединяют вместе глобальную энергетическую проблему и проблему исчерпаемости природных ресурсов. Ведь суть энергетической проблемы и заключается в том, что сегодня человечество в основном пользуется энергией, получаемой за счет невозполнимых источников — нефти, угля, газа.

Все глобальные проблемы взаимосвязаны между собой, часто одна порождает другую или вытекает из нее. Например, демографическая проблема, выражающаяся в быстром увеличении численности населения земного шара, обостряет проблему обеспечения этого населения продовольствием.

В последние пятьдесят лет на первый план как в научных дискуссиях, так и в мировой политике в целом выдвигались разные глобальные общечеловеческие проблемы. Созданный в 1968 г. Римский клуб одну из своих главных задач видел в привлечении внимания мировой общественности к глобальным проблемам. В первую очередь Римский клуб обратил внимание на *проблему исчерпаемости природных ресурсов*. В опубликованном в 1972 г. докладе «Пределы роста» утверждалось, что если тенденции роста численности населения, индустриализации, загрязнения природной среды, производства продовольствия, истощения ресурсов сохранятся, то мир подойдет к пределам роста. Уже к 80-м годам XX в. запасы некоторых из видов полезных ископаемых полностью закончатся, а к началу XXI в. будут исчерпаны все важнейшие природные ресурсы, необходимые для функционирования мировой экономики.

Столь тревожные прогнозы, несомненно, преследовали важную цель — привлечь внимание научной и политической общественности к данной проблеме. Членам Римского клуба тогда это сделать удалось. Однако в дальнейшем обнаружилось, что прогнозы, обнародованные в докладе «Пределы роста», были слишком пессимистичными. Произошло это во многом потому, что его авторы, с одной стороны, механически экстраполировали темпы прироста использования природных ресурсов, имевшие место в середине XX в., на будущее, с другой — они не учли появления новых разведанных месторождений природных ископаемых. Возможно, ситуация была драматизирована сознательно, чтобы наиболее ярко продемонстрировать сложную ситуацию, складывающуюся в области обеспечения человечества необходимыми для его развития и существования природными ресурсами. Сегодня ситуация не выглядит столь драматично. Разведанных запасов минерального сырья и углеводородных энергоносителей (нефти, газа и угля), по прогнозам специалистов, хватит на долгие сроки. В одних случаях речь

идет о нескольких десятках лет, в других — о сотнях и даже тысячах лет. Кроме того, технические и технологические возможности по извлечению природных ресурсов из земных недр постоянно совершенствуются, данные геологоразведки уточняются. Одновременно расширяются возможности поиска альтернативных источников тех видов сырья и энергии, которые традиционно считаются невозполнимыми. Однако если рассматривать проблему исчерпаемости природных ресурсов в перспективе, она, несомненно, сохраняет свой глобальный характер и остается актуальной.

§ 2. Глобальная энергетическая проблема

Сегодня человеческая цивилизация может существовать, только производя и потребляя огромный, постоянно возрастающий объем энергии. До начала промышленной революции на рубеже XVIII—XIX вв. люди пользовались практически только возобновляемыми источниками энергии — энергией воды, ветра, растительного топлива. Индустриальное технологическое развитие потребовало преимущественно невозобновляемых энергоносителей — сначала угля, а затем нефти и газа. И уголь, и нефть, и газ представляют собой углеводородное топливо, используемое в промышленном и сельскохозяйственном производстве, на транспорте, в быту. Поэтому мировая энергетика XX и начала XXI столетия была и остается в значительной степени углеводородной.

Все виды углеводородного сырья содержатся в земных недрах пусть и в огромных, но все же ограниченных количествах, и могут быть исчерпаны. Члены Римского клуба еще в 60-х годах XX в. поставили вопрос: что же будет с человечеством после наступления этой гипотетической возможности?

Сегодня суть глобальной энергетической проблемы заключается в следующем. Потребление энергии в мире продолжало расти все последние десятилетия, например, за 1980—2005 гг. оно выросло на 60%, а, по предварительным расчетам, к 2030 г. вырастет еще на 50%. Пока в мировом энергетическом балансе углеводородные источники энергии преобладают, хотя отмечается рост потребления и других источников. По сравнению с 70-ми годами XX в. в середине первого десятилетия XXI в. доля ядерной энергетики увеличилась в 6 раз, а гидроэнергетики — в 1,5 раза. Доля энергии, получаемой за счет использования нефти, за этот же период снизилась с 46,1% до 34,4%. Однако в энергобалансе разных стран и регионов мира роль нефти как источника энергии неодинакова. Если в Северной и Южной Америке, Африке и особенно на Ближнем Востоке она выше среднемирового значения, то в Европе, на постсоветском пространстве и в Азиатско-Тихоокеанском регионе доля нефти не превышает 30% от всех используемых источников энергии.

Возникновение глобальной энергетической проблемы связывали с фактором истощения мировых разведанных запасов нефти. Но в реальности параллельно с ростом объемов потребления и добычи нефти росли и объемы ее разведанных запасов. По данным за 1989 г., таких разведанных запасов должно было хватить на 42 года. Но и в 2007 г., когда добыча нефти существенно увеличилась, по оценкам специалистов, разведанных запасов должно было хватить на те же 42 года. Это было связано с совершенствованием методов и технологий разведки и добычи нефти, освоением новых нефтеносных районов. Сегодня по-прежнему добывается и потребляется так называемая «дешевая нефть», залегающая в доступных для современной техники пластах. Такую нефть называют «конвенциональной» в противоположность «неконвенциональной», залегающей на больших глубинах, содержащейся в нефтяных песках, битумных сланцах. При современных технологиях добыча неконвенциональной нефти нерентабельна и в больших объемах не ведется. Разработка месторождений такой нефти дело будущего, может быть, не очень далекого. Пока нужды человечества обеспечивает конвенциональная нефть. Но доступность ее источников в разных странах также неодинакова. В экономически наиболее развитых странах мира доступность запасов дешевой нефти уменьшается, и зависимость таких стран от ее импорта возрастает даже при сокращении объемов потребления данного энергоносителя.

Постоянно растет потребление нефти в двух наиболее населенных странах мира — Китае и Индии. Причем обе страны не обладают собственными большими разведанными запасами нефти и становятся весьма крупными ее импортерами. За первое десятилетие нынешнего столетия потребление нефти в Китае выросло в два, а в Индии в полтора раза. Пока доля нефти в энергобалансе Китая и Индии невелика, но она будет неуклонно расти хотя бы вследствие роста автопарка этих стран. Еще недавно КНР не производила собственных легковых автомобилей, сегодня же по их производству Китай отстает только от США и, вполне вероятно, вскоре их обгонит. Все больше произведенных в стране автомобилей продается на внутреннем рынке. Меньшими темпами, но также неуклонно возрастает уровень автомобилизации Индии. Китайский и индийский факторы будут влиять на мировые цены на нефть, и эти страны будут проявлять все больший интерес к потенциальным источникам этого энергоносителя в самых различных регионах.

На мировом нефтяном рынке, а следовательно, в мировой политике, кроме стран Ближнего Востока, будет расти роль многих стран Африки, Латинской Америки и постсоветского пространства. По мере истощения источников конвенциональной нефти на суше возрастающий геополитический и экономический интерес будет вызывать морской шельф, а также Арктический бассейн, в недрах которого сосредоточены крупные запасы углеводородов, причем не только нефти, но и газа.

До сих пор газ имел повышенное значение для экономики и энергетики отдельных стран мира. Если в странах Ближнего Востока на долю газа приходится 45% энергопотребления, в странах Европы и на постсоветском пространстве — 30%, то в АТР только 10%. Между тем газ имеет преимущество перед другими углеводородами, поскольку он более экологичен, чем нефть и особенно уголь.

Наиболее крупным месторождением природного газа обладает Россия, на долю которой приходится 25% его мировых разведанных запасов. Другими крупными «газовыми державами» являются Иран и Катар. Кроме них, на мировом газовом рынке заметную роль играют Алжир, Ливия, Азербайджан, Казахстан, Оман и ряд других стран.

По сравнению с нефтью транспортировка газа является более сложной. Большая часть нефти доставляется потребителям по трубопроводам, в то время как пути транспортировки газа более диверсифицированы. Положение может измениться еще более в случае широкого использования технологий по сжижению газа, которые пока остаются дорогостоящими и мало распространенными. Однако, по оценкам специалистов, запасов газа должно хватить на гораздо больший срок, чем запасов нефти.

Еще более обширны разведанные мировые запасы угля. Именно уголь пока остается основным видом энергоресурсов, используемых в АТР. Там его доля в энергобалансе составляет 50%. А в КНР данный показатель достигает 70%. Главная проблема заключается в том, что при сжигании угля в атмосферу выбрасывается огромное количество вредных веществ. Пока уголь — наиболее «грязный» из всех видов углеводородного топлива. Хотя ситуация постепенно меняется, появляются более экологичные и экономически более привлекательные технологии его использования, особенно в энергетике. По прогнозам специалистов, через двадцать лет объем вырабатываемой за счет использования угля электроэнергии вырастет в два раза. Однако речь не идет о том, чтобы углем заменить другие углеводороды — нефть и газ.

В отличие от алармистских прогнозов Римского клуба, современный взвешенный взгляд на перспективы решения глобальной энергетической проблемы более оптимистичен. Вновь повышается интерес к атомной энергетике. Если же будут разработаны экономически рентабельные технологии получения промышленных объемов энергии за счет термоядерного синтеза, то человечество получит практически неисчерпаемый источник электроэнергии. Термоядерная энергетика может быть дополнена водородной энергетикой, которой прочат большое будущее. Так или иначе, нынешним источникам энергии через несколько десятилетий будет найдена вполне эффективная замена. Но на протяжении первой половины XXI в. энергетическая проблема будет существовать как на глобальном, так и на региональном уровне мировой политики. Сегодня обостряются споры вокруг путей обеспечения

энергетической безопасности. При том, что сама необходимость такого обеспечения ни у кого не вызывает сомнения. Представления же о способах и путях достижения данной цели у экспертов и потребителей энергоресурсов разные.

§ 3. Глобальная экологическая проблема

В центре внимания мировой общественности начиная с 70-х годов XX в. оказалась глобальная экологическая проблема. Она возникла в связи с возрастанием нагрузки на окружающую среду, вызванную ростом промышленного производства. Первоначально глобальная экологическая проблема рассматривалась как ряд локальных проблем в отдельных крупных промышленных районах. Однако во второй половине XX в. стало ясно, что бесконтрольное и безграничное воздействие человека на среду обитания может закончиться глобальной экологической катастрофой.

Большая заслуга в осознании остроты экологической проблемы, в том, что государственные власти, политические партии, отдельные политические лидеры стали обращать внимание на эту проблему, принадлежит такому институту гражданского общества, как массовые социальные движения. Их активность привела к тому, что требования к охране окружающей среды в развитых странах, особенно в Западной Европе, резко ужесточились. В результате экологическая ситуация здесь к концу XX в. заметно улучшилась. Но экологическая проблема в современных условиях носит не локальный или региональный, а всемирный, глобальный характер. Меры по охране окружающей среды, предпринимаемые в одной стране, не могут предотвратить глобальной экологической катастрофы. Защита окружающей среды должна быть делом всех государств мира, их правительств, международных межправительственных и неправительственных организаций, общественных движений, действующих внутри отдельных стран мира.

Международное сотрудничество по вопросам охраны окружающей среды, особенно в рамках международных организаций, приобретает особенно большое значение, поскольку еще не во всех странах мира осознали важность этих проблем. Это касается стран Азии, Африки и некоторых других регионов с низким уровнем социально-экономического развития. До недавнего времени там не существовало каких-либо серьезных экологических проблем, поскольку не было крупных промышленно-технологических источников загрязнения окружающей среды. Меры по охране природы, принимаемые в развитых странах, вынудили многие западные компании переносить свои химические, металлургические и другие, связанные с экологическими рисками, производства на периферию мирового хозяйства — в разви-

вающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. Теперь именно в некоторых из этих стран существуют предпосылки для экологических катастроф как локального, так и потенциально глобального характера. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, здесь отсутствует разработанное экологическое законодательство и не сложилась продуманная и последовательная природоохранная политика, с другой — местная рабочая сила является привлекательной для иностранных компаний из-за своей дешевизны, но, кроме того, она не обладает достаточной квалификацией и технологической культурой. Последнее обстоятельство увеличивает вероятность производственных аварий, часто имеющих негативные экологические последствия.

Особую тревогу вызывает у специалистов экологическая ситуация, складывающаяся в ряде регионов крупнейших по численности населения странах мира — Индии и Китае. Цена, которую платят эти страны за свой бурный экономический рост, — возрастание технологической нагрузки на природу и риска для окружающей среды. До недавнего времени в Китае и Индии практически не обращали внимание на экологические проблемы. Как показывает мировой опыт, осознание важности проблем экологического характера приходит только на определенном уровне социально-экономического развития. Озабоченность состоянием окружающей среды рождается в богатых странах, где многие другие социальные проблемы в основном решены. В бедных странах на первом месте стоят задачи преодоления нищеты и экономической отсталости, а экологические вопросы уходят на второй план. Однако охрана природы сегодня не является сугубо внутренним делом отдельных стран, это важнейшее дело всего мирового сообщества.

§ 4. Глобальная демографическая проблема

Страны Азии и Африки имеют самое прямое отношение еще к одной глобальной проблеме современности, а именно демографической. В начале 60-х годов XX в. демографическую проблему нередко трактовали в духе неомальтузианства, т.е. взглядов, присущих английскому экономисту XIX в. Мальтусу. Последний считал, что производство продовольствия растет в арифметической прогрессии, а население нашей планеты увеличивается в геометрической прогрессии. Увеличивающийся разрыв между ростом населения и возможностью обеспечить его продуктами питания должен, по мнению Мальтуса, привести к катастрофе — перенаселению земного шара, а затем массовой гибели людей от голода и недоедания.

Во второй половине XX в., когда численность населения во многих африканских и азиатских странах стала заметно расти, некоторые ученые забили тревогу. Они полагали, что столь значительный и все

увеличивающийся демографический рост может привести к катастрофическим последствиям, поэтому предлагали принять срочные меры по снижению уровня рождаемости в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Сегодня демографическая проблема исследована лучше и она трактуется несколько иначе, чем полвека назад. Причина демографических проблем в современном мире — идущий, но еще не завершённый глобальный демографический переход, который означает изменение процесса прироста численности населения. Сначала этот процесс определяется снижением смертности населения, а затем падением уровня рождаемости. Демографический переход поначалу приводит к резкому росту численности населения, которая затем стабилизируется, но уже на новом, более высоком уровне.

Первый демографический переход в истории человечества имел место в эпоху неолита. Вследствие так называемой «неолитической революции», т.е. перехода от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству, увеличилось производство продовольствия. Смертность стала снижаться, а численность населения, напротив, расти. Первый демографический переход занял довольно много времени и привел к росту численности населения Земли с нескольких сотен тысяч до нескольких сотен миллионов человек. Затем на долгое время численность человечества стабилизировалась, хотя количество людей, живущих на конкретных территориях, колебалось как в одну, так и в другую сторону.

Второй демографический переход начался в XIX в. в странах Западной Европы, которые затронула промышленная революция. В результате модернизационных процессов смертность там уменьшилась, что привело к росту численности населения. Вслед за этим стала снижаться рождаемость, причем со временем она упала ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения. Постепенно демографический переход охватывал все новые страны и регионы мира. В середине XX в. он проявился в странах Азии и Африки, что выразилось в увеличении темпов прироста населения. Именно это обстоятельство и заставило ученых заговорить о глобальной демографической проблеме.

Среди специалистов сегодня есть ясное понимание того, что бесконечного увеличения темпов роста населения Земли не будет. Демографический переход рано или поздно завершится, хотя к тому времени численность населения будет в несколько раз больше, чем в середине XX в. Конечно, это представляет серьезную проблему для человечества, но все же не столь катастрофическую, как оценивалось несколько десятилетий назад. Пока демографический переход не завершится, в разных странах демографическая проблема будет выглядеть по-разному. В одних странах, например в Западной Европе или России, проблемой является низкая рождаемость и, как следствие, угроза депопуляции населения, т.е. сокращение его численности. В других странах, например в большинстве африканских и некоторых азиатских странах, наоборот,

демографическая проблема выражается в чрезвычайно высокой рождаемости и излишне высоких темпах прироста населения. С этим связана и проблема резкого омоложения населения. Подавляющее большинство жителей некоторых африканских стран — дети и молодежь. В свою очередь, это создает новые проблемы — проблемы занятости населения, сохранения массовой нищеты, повышения уровня конфликтности общественного развития. Своеобразным отличительным признаком многих конфликтов на Африканском континенте стало массовое участие в них так называемых «детей-солдат». Несовершеннолетние участники конфликтов часто демонстрируют большую жестокость и агрессивность, чем взрослые, они легко поддаются внушению и манипулированию со стороны самых различных социально-политических сил.

Китай, который в последние десятилетия добился заметных успехов в снижении рождаемости и в социальной структуре которого постепенно возрастает доля пожилых людей и сокращается доля молодежи и лиц среднего возраста, может столкнуться в ближайшем будущем с проблемами, порожденными старением населения.

Вряд ли можно найти общий для всех стран рецепт решения демографических проблем. Но в современном мире накоплен разнообразный опыт, который успешно может быть заимствован в странах, где возникают сходные ситуации.

Демографическая проблема тесно переплетается с экологической и продовольственной проблемами. Этот конкретный пример взаимозависимости всех глобальных проблем дает основание говорить о необходимости предпринимать комплексные меры по их решению.

§ 5. Глобальная проблема водных ресурсов

На рубеже XX–XXI вв. все больше внимания стала привлекать к себе глобальная проблема водных ресурсов. Эта глобальная проблема взаимосвязана с другими глобальными проблемами — экологической и демографической. С одной стороны, загрязнение окружающей среды приводит к тому, что источники питьевой воды становятся непригодными к употреблению. С другой стороны, рост населения планеты является причиной возникновения и усиления ее дефицита.

В целом на Земле достаточно водных ресурсов, чтобы обеспечить существование даже большего числа людей, чем то, которое живет на нашей планете сегодня. Вполне достаточно воды и для обеспечения нужд промышленного и сельскохозяйственного производства в больших, чем нынешние, объемах. К тому же специалисты считают возможным использование не только пресной, но и соленой морской воды. И решают эту задачу практически, опресняя морскую воду, хотя пока это довольно затратно и доступно лишь богатым странам.

Ресурсы пресной воды распределены между разными регионами и странами современного мира крайне неравномерно. При этом там, где имеется изобилие водных источников — в Канаде, странах Северной Европы, Сибири, на Аляске, большей части Южной Америки — потребность в воде меньше, чем в регионах, где ее недостаточно, например в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в Центральной и Южной Азии.

К началу XXI в. 70% населения Земли проживало в странах, испытывавших очень сильный водный стресс, т.е. ситуацию острого дефицита водных ресурсов. Через четверть века доля людей, живущих в подобных условиях, составит уже 80%.

Недостаток водных ресурсов негативно сказывается на качестве жизни обычных людей, мешает решать задачи социально-экономического развития многих беднейших стран мира. Как показывает практика, недостаток пресной воды может становиться причиной как внутренних, так и международных конфликтов. Например, споры об использовании вод реки Иордан, а также других немногочисленных источников пресной воды в регионе являются дополнительным фактором, осложняющим процедуру урегулирования Ближневосточного конфликта. И Израиль, и соседние арабские страны, и Палестина стремятся закрепить за собой приоритет в использовании дефицитных на Ближнем Востоке водных ресурсов. В странах данного региона, а также во многих азиатских и африканских государствах внутренние противоречия по поводу использования водных ресурсов нередко приводят к ожесточенным столкновениям между заинтересованными группами, к противостоянию между населением и официальными властями.

Интернационализация ранее сугубо внутренних речных бассейнов может стать предпосылкой возникновения новых конфликтных зон мировой политики.

В этой связи некоторые наблюдатели обращают взоры на постсоветскую Центральную Азию. Этот регион еще в советские времена считался водоемным. Для того чтобы решить проблему нехватки воды в среднеазиатских республиках, в СССР разрабатывались планы переброски части стока сибирских рек на юг. В годы перестройки эти планы были подвергнуты критике и от них официально отказались. После распада Советского Союза проблема дефицита водных ресурсов в Центральной Азии вышла на уровень межгосударственных отношений.

Проблема недостатка водных ресурсов в Центральной Азии тесно переплетается с экологической проблемой, поскольку интенсивное использование рек, впадающих в Аральское море, привело к обмелению последнего. А усыхание Арала, в свою очередь, стало причиной целой цепи негативных экологических явлений в этом регионе. По сравнению с 60-ми годами XX в. в 10 раз выросла соленость воды, происходит засоление почвы, дуют пылевые и солевые ветры, вымирает флора и

фауна, резко ухудшилось здоровье населения Приаралья, особенно женщин и детей.

Для решения проблемы дефицита водных ресурсов требуется широкое международное сотрудничество как на региональном, так и на глобальном уровне. С 1992 г. 22 марта отмечается как Всемирный день водных ресурсов. В 1996 г. был создан Всемирный Водный Совет, штаб-квартира которого находится во французском городе Марселе. Один раз в три года проводится Всемирный Водный Форум, являющийся следующей ступенью организации сотрудничества по водным проблемам. Цели Форума не только в проведении дискуссий и выработке предложений по решению водных проблем, но и в создании политических обязательств и механизмов международного сотрудничества. Однако здесь, так же как при решении других глобальных проблем, обнаруживается противоречие между общечеловеческими интересами и экономическими и политическими приоритетами отдельных государств.

§ 6. Глобальная проблема изменения климата

В последние десятилетия в рамках обсуждения глобальной экологической проблемы международная общественность, эксперты и политики стали уделять отдельное внимание вопросам изменения климата на нашей планете. Изменение климата многие ученые связывают с последствиями вредного воздействия человеческой деятельности на окружающую среду. В частности, выдвигаются гипотезы о глобальном потеплении, обусловленном так называемым «парниковым эффектом». «Парниковый эффект» — повышение средней температуры воздуха земной атмосферы вследствие скопления углекислого газа в ее верхних слоях и нарушения теплообмена.

Температурные колебания имели место всегда, но в прошлом они были связаны исключительно с природными причинами. С развитием промышленного производства, транспорта, увеличением потребления первичных энергоносителей в быту стали складываться условия для развития «парникового эффекта». В конце XX в. это вызвало оживленные дискуссии.

► Последствия глобального потепления могут оказаться катастрофическими для многих регионов. Например, таяние ледников вызовет повышение уровня Мирового океана и затопление обширных прибрежных территорий. На севере, в зоне вечной мерзлоты возможно появление болот, а на юге увеличение площадей пустынь и полупустынь. Глобальное потепление принесет с собой засуху в одних и наводнения в других местностях, что окажет негативное влияние на развитие сельского хозяйства и экономики в целом во многих странах мира. Для севера Европы глобальное потепление может обернуться локальным похолоданием. Таяние ледников Гренландии, по мнению ряда ученых, приведет к тому, что океанское тече-

ние Гольфстрим, «обогревающее» Европейский континент, под напором водных потоков от растаявших льдов сместится к югу.

Дискуссии по вопросам «парникового эффекта» и изменения климата, в которых активно участвовали в конце XX в. многие ученые, политики, дипломаты, привели в итоге к выработке Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г. Главная идея, лежавшая в основе этого документа, — необходимость уменьшить объемы углекислого и других «парниковых» газов, выбрасываемых в атмосферу. Для этого предполагалось объединить усилия всех государств мира. Реальные механизмы, которые позволили бы достичь этой цели, были отражены в Киотском протоколе, подписанном в 1997 г. в японском городе Киото. Киотский протокол предусматривал, что государства, подписавшие его, должны брать на себя конкретные обязательства по сокращению выбросов углекислого газа в атмосферу. В этом протоколе был также прописан порядок своеобразной «торговли» квотами на вредные выбросы в атмосферу, что должно было бы стимулировать переход к более экологически безопасным технологиям. Однако реализация положений Киотского протокола на практике столкнулась с серьезными трудностями. Интересы глобальной экологической безопасности пришли в противоречие с эгоистическими интересами отдельных государств. Прежде всего речь идет о США, на долю которых приходится четверть всех выбрасываемых в земную атмосферу «парниковых» газов. США присоединились к Рамочной конвенции и Киотскому протоколу, когда у власти находилась демократическая администрация Б. Клинтона. Новая администрация республиканца Дж. Буша-младшего отказалась от ратификации Киотского протокола, хотя другие индустриально развитые страны сделали это.

Дискуссии вокруг проблемы изменения климата продолжают. Многие здесь по-прежнему остаются спорным. Более того, не все эксперты соглашались с тезисом о глобальном потеплении. Высказывались мнения о возможности глобального похолодания либо о цикличности этих процессов. Существует мнение, что роль «парниковых» газов, выбрасываемых в атмосферу, не так велика, как принято оценивать. Поскольку наука пока не располагает достаточными достоверными данными о многих глобальных процессах, происходящих в живой и неживой природе, наличие противоположных точек зрения по проблеме изменения климата вполне объяснимо.

§ 7. Пути решения глобальных проблем современности

Осознание взаимосвязанности и взаимообусловленности глобальных проблем стало основой формирования в 70–80-е годы XX в. кон-

цепции устойчивого развития. Под устойчивым развитием понимается такая модель социально-экономического и социально-политического развития отдельных стран и всего мира, которая не обостряла бы глобальные проблемы, наоборот, способствовала бы их решению. С точки зрения концепции устойчивого развития, экономический рост должен в разумных пределах обеспечиваться наличными природными и энергетическими ресурсами и одновременно должен быть экологически сбалансирован. Экономическое развитие должно не порождать проблемы социального характера, а, наоборот, создавать условия для их решения. Большая заслуга в разработке концепции устойчивого развития принадлежала как отдельным ученым и политикам, так и международным организациям, особенно ООН. В 1992 г. в бразильском городе Рио-де-Жанейро состоялся первый в истории форум по окружающей среде и развитию на высшем уровне. В последующие два десятилетия было проведено еще несколько подобных мероприятий, правда, с менее представительным составом участников. Однако пока концепция устойчивого развития — скорее декларация о намерениях, а не конкретный план решения стоящих перед человечеством глобальных проблем. К тому же в последнее десятилетие, когда внимание мирового общественного мнения было приковано к проблемам исключительно политического и экономического характера, интерес к вопросам устойчивого развития у политических лидеров и политических элит ведущих государств мира несколько ослаб. Однако объективно эти вопросы сохраняют свою актуальность в рамках мирового политического процесса.

Нельзя не заметить, что в начале XXI в. обострились глобальные проблемы третьей группы. Необходимость решения задач энергетической безопасности вновь привлекла внимание к процессам поиска альтернативных источников энергии. В принципе, энергетическая проблема может быть решена кардинально в том случае, если человечество овладеет энергией термоядерного синтеза. Отказ от использования углеводородов и переход к водородной энергетике даст людям неограниченные по размерам и абсолютно ликвидные источники энергии. Однако это случится не сегодня, а в перспективе. Пока же, кроме интенсификации поиска альтернативных источников энергии, может усилиться и борьба за доступ к традиционным источникам энергоресурсов. Данное обстоятельство прямо касается проблем освоения ресурсов Мирового океана. Специалисты полагают, что основная часть неразведанных еще запасов нефти и газа сосредоточена на морском шельфе и океанском дне. Поэтому можно ожидать, что технические и технологические аспекты проблемы освоения ресурсов Мирового океана будут переплетаться с политическим соперничеством государств, участвующих в погоне за возможностью контроля над отдельными его участками, например в районе Северного полюса.

Точно так же политика во все большей степени будет влиять на процесс освоения космоса. Политические аспекты в освоении космического пространства имели место и в 60–70-е годы XX в. Но тогда успехи в освоении космоса были нужны соперничавшим сверхдержавам — СССР и США — для укрепления их международного престижа. Сегодня ближний Космос рассматривают и как реальный источник восполнения недостающих на Земле ресурсов, и как пространство, имеющее важное значение для обеспечения безопасности ведущих государств мира. В целом интересы безопасности для многих государств сегодня все больше переплетаются с решением глобальных проблем. В этом заключаются характерные особенности мировой политики начала XXI в.

Контрольные вопросы и задания

1. Охарактеризуйте сущность глобальных проблем и критерии их типологии.
2. Как, на ваш взгляд, будет меняться структура мирового энергетического баланса в обозримом будущем?
3. Что такое энергетическая безопасность и каковы пути ее обеспечения?
4. В каких регионах современного мира складывается наиболее сложная энергетическая ситуация?
5. Каким образом дефицит водных ресурсов может повлиять на политическую ситуацию в различных странах и регионах современного мира?
6. В чем состоит специфика демографической проблемы в развитых и развивающихся странах?
7. Насколько, на ваш взгляд, оправдан тезис о глобальном потеплении?
8. Что такое «концепция устойчивого развития»? Что может помешать ее практической реализации?

§ 1. Основные теоретические подходы к обеспечению международной безопасности

Международная безопасность рассматривалась в теории и практике международных отношений *как отсутствие непосредственной военной угрозы*. В таком традиционном понимании международной безопасности упор делается на два, во многом взаимоисключающие, момента. Во-первых, на задачу физического выживания государства и на его право и возможность вести себя в международной системе, руководствуясь прежде всего своим суверенитетом. На практике это стимулирует сильного к нарушению международной безопасности в пользу собственных интересов. Во-вторых, на задачу гарантированного поддержания мира в отношениях между государствами в пределах некоего политического пространства. При этом не ставится вопрос о том, на какой объективной основе, кроме стремления участников, будет поддерживаться мир и как он может быть гарантирован на протяжении длительного времени.

В мире непрерывных войн даже несколько лет передышки казались счастьем, а долгий мир — недостижимой мечтой. Сегодня перед мировым сообществом встали новые задачи, без эффективного решения которых международная безопасность не будет ни стабильной, ни долговременной.

Чрезвычайно актуальна проблема борьбы с международным терроризмом, так как последствия террористических актов на атомных электростанциях, химических предприятиях и подобных им объектах способны привести к серьезным катастрофам.

В современном мире все большее значение приобретают экономические и информационные аспекты обеспечения безопасности. Экономические кризисы в условиях глобализации мировой экономики могут в считанные часы дестабилизировать народное хозяйство государств, расположенных друг от друга за тысячи километров. Трудно представить себе и возможные последствия сбоя в функционировании информационных сетей, поскольку информация становится важным экономическим, политическим и социальным ресурсом. Нерешенные

глобальные проблемы современности — экологическая, энергетическая, продовольственная — также наполняют новым содержанием понятие международной безопасности.

Изменились и общественно-политические условия, в которых должны решаться принципиально новые задачи в системе международных отношений в целом и в сфере международной безопасности. Если раньше у государства были две четко разграниченные области деятельности — внутренняя и внешняя, и безопасность в них обеспечивалась весьма различными способами, то на рубеже XX–XXI вв. эта грань размывается. Раньше государство, добившись внутренней стабильности, было вполне уверено, что сможет постоять за себя и вовне. В наше время международная сфера может в принципе сломать любое, внутренне сколь угодно стабильное государство, даже не обнаруживающее никаких признаков внешней агрессивности (например, в случае мировой ядерной катастрофы были бы «попутно» уничтожены десятки нейтральных стран). С другой стороны, международная сфера может стать мощным фактором внутренней безопасности государства, не достижимой по каким-либо причинам иными средствами.

Международные отношения пока в большей степени распутывают проблемы, доставшиеся человечеству от прошлого, чем пролагают путь в будущее. По существу, сегодня лишь закладывается основа для международной безопасности. Наличие же международной безопасности будет определяться не отсутствием войн и вооруженных конфликтов, не сохранением всевозможных статус-кво и не поддержанием военно-стратегического равновесия, а способностью мирового сообщества в целом предвидеть и своевременно осуществлять назревшие перемены.

К проблемам обеспечения безопасности можно подходить и на основе теории международных режимов.

Участие того или иного государства в любом международном режиме безопасности определяется его собственными интересами, прежде всего, интересами обеспечения собственной национальной безопасности. *Национальная безопасность*, таким образом, является базовой категорией, отправной точкой для определения понятия международной безопасности. Традиционно под национальной безопасностью понимается защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз. Состояние безопасности означает, что данному государству не угрожает возможность войны либо иных покушений извне на его самостоятельное и независимое развитие, сохраняется гарантия его территориальной целостности и полноценного участия в системе международных отношений. Нетрудно заметить, что при таком подходе к вопросу безопасности преобладают политические и военные акценты, что в современных условиях уже недостаточно. Сегодня не менее важное значение имеют

экономическая, экологическая, гуманитарная и иные виды безопасности. Соответственно сегодня на глобальном и региональном уровнях можно говорить, например, о режимах экономической или экологической безопасности.

Если иметь в виду традиционное военно-политическое понимание феномена безопасности, то можно выделить три основные модели режимов безопасности для любого региона современного мира: режим общей безопасности, режим коллективной безопасности, режим безопасности на основе сотрудничества.

Международный режим общей безопасности предусматривает добровольный взаимный отказ от конфронтации. Основными принципами такого режима могут быть названы следующие:

1. Отказ от использования военной силы как способа урегулирования международных конфликтов и применение ее исключительно в целях самообороны.
2. Отказ от традиционной стратегии достижения военного преимущества над другими государствами.
3. Признание того, что безопасность государства не должна зависеть от уровня его военной мощи.
4. Признание сокращения вооруженных сил и вооружения базовым принципом общей безопасности.

Концепция общей безопасности утвердилась тогда, когда стала ясна бесперспективность старых представлений о роли вооруженной силы в международных отношениях, особенно в связи с осознанием бессмысленности применения ядерного оружия.

Идея *коллективной безопасности* имеет давнюю историю, а в XX столетии она нашла и свое практическое воплощение. Под коллективной безопасностью понимается такой порядок межгосударственного сотрудничества, при котором любой акт агрессии против кого-либо из участников подобной системы расценивается как агрессия против всех остальных ее участников. Коллективная безопасность направлена не только вовне, против не участвующих в данной системе государств, но и против участников этой же системы, допускающих в нарушение своих обязательств агрессивные акты. Особенности системы коллективной безопасности заключаются в предельном масштабе универсальности, включающей требования необходимых действий от каждого члена системы, в автоматизме применения санкций в случае необходимости, в приверженности членов системы статус-кво и отсутствию разногласий в понимании агрессии и необходимости реагировать на нее.

Однако режимы коллективной безопасности не являются абсолютно идеальными. У них есть определенные недостатки. Например, существует так называемая проблема коллективного действия, которая

заключается в том, что некоторые участники режимов коллективной безопасности стремятся пользоваться преимуществами такого участия без адекватного вклада в поддержание самого режима. Принятые в системах коллективной безопасности процедуры принятия решений практически замедляют ответные шаги на агрессию в случае ее возникновения.

Преимущество режимов коллективной безопасности состоит в том, что их распространение, вовлечение в них новых государств делает агрессию все менее вероятной и, следовательно, укрепляет всеобщую стабильность.

Если в рамках системы коллективной безопасности государства объединяются против общего возможного (или действительного) агрессора, то концепция безопасности на основе сотрудничества исходит из принципа общего участия, при котором наличие формальных институтов является необязательным, а поддержание неформального диалога представляется более уместным и эффективным.

Еще одним международным режимом является *режим, основанием которого является концепция безопасности на основе сотрудничества*. Как отмечает современный российский исследователь **В. Петровский**, эта концепция

«во многом сходна с концепцией общей безопасности. Безопасность на основе сотрудничества часто определяется как дипломатическое сотрудничество между государствами в области обеспечения безопасности. В то время как традиционные концепции баланса сил рассматривают в основном возможные действия государства в условиях военной конфронтации, концепция безопасности через сотрудничество акцентирует роль превентивной дипломатии и мер военно-политического доверия, т.е. налаживание регулярных каналов межгосударственного диалога по вопросам безопасности, выработку механизма консультаций и принятия решения»¹.

Если в рамках системы коллективной безопасности государства объединяются против общего агрессора, то концепция безопасности на основе сотрудничества опирается на *принцип общего участия*, при котором на первое место выступает не наличие формальных институтов, а поддержание неформального диалога.

§ 2. Военно-политические аспекты международной безопасности

В последние десятилетия самую большую угрозу всеобщему миру и безопасности на глобальном уровне представляло оружие массового поражения, в первую очередь ядерное оружие. Хотя с окончанием «холодной войны» вероятность крупномасштабного военного конфликта с применением ядерного оружия резко снизилась, опасность исходит

из самого факта существования такого оружия. Одним из механизмов обеспечения ядерной безопасности является существующий режим нераспространения ядерного оружия. Данный международный режим зафиксирован в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 г., нормы Договора обязывают:

- государства, обладающие ядерным оружием, не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства и контроль над ними; не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к приобретению ядерного оружия, ядерного взрывного устройства и контроля над ними;

- государства, не обладающие ядерным оружием, не принимать передачи от кого бы то ни было ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств и контроля над ними; не производить и не приобретать каким-либо иным способом ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства;

- неядерные государства, пожелавшие приобщиться к использованию ядерной энергии в мирных целях, осуществлять такое приобщение под контролем МАГАТЭ, которая может проводить инспекции и требовать отчеты от государств по использованию расщепляющих материалов.

В настоящий момент в мире сложилась следующая ситуация с распространением ядерного оружия. Все государства можно разделить на **пять групп** в зависимости от обладания ими ядерным оружием, наличия или отсутствия экономических и технологических предпосылок для его производства и участия или неучастия в Договоре о нераспространении ядерного оружия.

В первую группу входят пять официально признанных ядерными государствами, параллельно являющихся постоянными членами Совета Безопасности ООН. Это: США, Российская Федерация, КНР, Великобритания и Франция. Ядерный потенциал данных государств неодинаков. Наибольшим ядерным потенциалом обладают Соединенные Штаты и Россия. К концу 1990-х годов у США было 7250 стратегических ядерных боеголовок², Российская Федерация располагала 6200 ядерными боеголовками стратегического характера³.

КНР, Франция и Великобритания располагали гораздо меньшими арсеналами ядерных вооружений. Эти государства не стремятся наращивать свой стратегический потенциал, но и не обнаруживают намерения его сокращать, мотивируя такую позицию незначительными размерами своих ядерных арсеналов по сравнению с российскими или американскими.

Наличие ядерного оружия у официально признанных ядерными государствами сегодня не вызывает в мире особых опасений, поскольку у

власти там находятся ответственные лидеры, понимающие необходимость крайне осторожного обращения с ядерным вооружением, которое рассматривается скорее как средство осуществления политики, чем как средство ведения военных действий. Проблемы заключаются прежде всего в наличии больших запасов ядерного оружия у США и РФ.

Во вторую группу входят Израиль, Пакистан и Индия. Израиль обладает ядерным оружием как минимум с 1970 г., в настоящее время у него имеется около 200 ядерных боеголовок и средства их доставки дальностью до 1000 км⁴. Израиль придерживается следующих принципов: не испытывать ядерного оружия, не декларировать его и не подтверждать наличия. После того как Индия и Пакистан в 1998 г. параллельно провели ядерные испытания, стало ясно, что эти государства де-факто вошли в число обладателей данного вида оружия. Опасность, которую представляют государства второй группы, заключается в том, что они не участвуют в ДНЯО, имеют неопределенный статус по отношению к ядерному оружию, тем самым расшатывая режим нераспространения такого вида оружия в целом.

Специалисты считают, что наибольшая опасность в перспективе может исходить от третьей группы так называемых «пороговых государств». В разное время в эту группу включали Алжир, Ливию, Иран, Ирак, Северную и Южную Корею и целый ряд других государств. В последнее время ситуация изменилась. Некоторые страны, например Южная Корея, Алжир, Ливия, отказались от планов разработки и производства ядерного оружия. Иран, Ирак и КНДР президент США Дж. Буш-мл. обозначил как «ось зла» и основную угрозу для стабильности и безопасности современного мира. Поэтому Соединенные Штаты оказывают давление на эти государства, не останавливаясь даже перед применением силы в обход международных норм и правил. Однако такой подход таит серьезную опасность в себе, поскольку может подтолкнуть государства «оси зла» и некоторые другие государства к интенсификации усилий по созданию оружия массового поражения. Кроме того, необоснованные и непродуманные меры насильственного характера могут повлечь за собой совершенно непредвиденные последствия. Так, вторжение в Ирак было мотивировано наличием у режима Саддама Хусейна оружия массового поражения и нежеланием последнего добровольно сотрудничать с международными инспекторами. В прошлом работы над созданием ядерного оружия в Ираке проводились, а химическое оружие даже применялось против курдов и шиитов, но после введения режима международных санкций доказательств наличия оружия массового поражения американцы здесь так и не нашли, как не нашли и не представили за время оккупации. В то же время ситуация в Ираке и вокруг него остается неурегулированной и является источником уже другой опасности — опасности исламского экстремизма и терроризма.

Относящиеся сегодня к четвертой группе Алжир, Аргентина, Бразилия ранее активно вели ядерные исследования и подошли вплотную к созданию ядерных боезапасов, но отказались от подобных планов и присоединились к ДНЯО на правах безъядерных государств. К этой же группе относятся бывшие советские республики — Белоруссия, Казахстан и Украина. В первые годы после распада СССР на их территории сохранялись стратегические ядерные силы, перешедшие под юрисдикцию Российской Федерации. С выводом ядерных сил на российскую территорию эти государства приобрели статус безъядерных и в этом качестве участвуют в ДНЯО. Особое место в четвертой группе принадлежит Южноафриканской Республике. В годы режима апартеида в ЮАР, так же как и в Израиле, было создано ядерное оружие, хотя этот факт не признавался. После отказа от апартеида и перехода власти к черному большинству населения ядерное оружие было уничтожено и ЮАР стала участником режима нераспространения как неядерное государство.

И государства четвертой группы, и государства пятой группы, имеющие возможность обладать ядерным оружием, но обоснованно от нее отказывающиеся, сегодня искренне участвуют в режиме нераспространения. Большинство же стран не входят ни в одну из вышеназванных групп, они не имеют ни возможности, ни намерений создавать ядерное оружие. Однако нет гарантии, что при изменении международной обстановки в отдельных регионах или в мире в целом положение в сфере ядерных вооружений не изменится.

Как и предсказывал в свое время Г. Моргентгау, ядерные «сверхдержавы» в соответствии с логикой гонки вооружений накопили ядерного оружия гораздо больше, чем его нужно для достижения любых мыслимых военных целей. Когда стало ясно, что дальнейшее пополнение ядерных арсеналов иррационально, США и СССР приступили к переговорам по вопросам установления контроля над вооружениями, а также разоружению. Еще в годы «холодной войны» в этом направлении удалось достичь определенных успехов. В соответствии с Договором о ликвидации ракет средней и малой дальности от 1987 г. к 1990 г. были полностью ликвидированы эти два вида вооружений. Договоры об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1 и ОСВ-2) и Договоры о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1 и СНВ-2) предусматривали существенное сокращение ядерных арсеналов обеих сверхдержав. Правда, в полном объеме все достигнутые договоренности не были реализованы, поскольку вступление в силу и выполнение принятых обязательств столкнулось с трудностями объективного и субъективного характера.

Большое значение для обеспечения безопасности в годы «холодной войны» имел заключенный в 1972 г. между СССР и США Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО). Он ограничи-

вал возможности создания двумя государствами таких средств, которые гарантировали бы полную защиту от ядерной атаки другой стороны, что сохраняло механизм сдерживания, основанный на балансе взаимных угроз. После окончания «холодной войны» в США стали раздаваться голоса в пользу пересмотра ряда прежних договоренностей как устаревших в новых условиях. В частности, был поставлен вопрос о судьбе договора о ПРО. В связи с появлением угрозы со стороны «стран-изгоев» (Иран, КНДР и т.д.) были оглашены планы создания так называемых нестратегических систем противоракетной обороны, способных перехватывать единичные пуски ракет с ядерными боеголовками. Однако создание таких систем было невозможно без нарушения положений Договора 1972 г. Для администрации США создание нестратегических противоракетных систем стало одной из приоритетных целей, и было принято решение об одностороннем выходе из Договора о ПРО. Правильность подобного шага многими экспертами ставится под сомнение как из-за недоказанности самой возможности создания эффективного средства со стопроцентной гарантией защиты от ядерных атак «стран-изгоев», так и в силу того, что разрушение Договора 1972 г. нарушает стратегическую стабильность.

Планы США по развертыванию противоракетной обороны затрагивали интересы безопасности РФ и КНР, поэтому данные государства критически отнеслись к намерениям администрации Дж. Буша-младшего. В частности, российская сторона выразила явные сомнения в том, что размещение элементов противоракетной обороны в Польше и Чехии будет направлено исключительно против гипотетической иранской ракетно-ядерной угрозы. Не без основания в появлении американской противоракетной обороны в таком варианте видели угрозу интересам безопасности нашей страны. Россия была готова принять ответные меры вплоть до размещения ракетных комплексов «Искандер» в Калининградской области. В итоге пришедшая на смену республиканцам администрация президента-демократа Б. Обамы отказалась от планов своих предшественников.

Но сама идея противоракетной обороны Европейского континента не была предана забвению. В ходе ее обсуждения высказывались предложения о совместной европейской ПРО, в которой могла бы принять участие и РФ. Однако неясным оставался вопрос о том, насколько это участие будет равноправным. На саммите Совета Россия—НАТО, проходившем в ноябре 2009 г. в Лиссабоне, были достигнуты договоренности о продолжении обсуждения перспектив создания системы противоракетной обороны в Европе. Позиция России заключалась в том, что управление такой системой должно быть уравновешенным и учитывающим интересы не только США и НАТО, но и нашей страны.

В начале XXI в. обсуждение проблем ПРО одновременно привлекло внимание к тому, что процесс сокращения ядерных вооружений за-

стопорился. И эти дискуссии дали толчок к его продолжению. 24 мая 2002 г. президентами России и США был подписан, а 1 июня 2003 г., после обмена ратификационными грамотами, вступил в силу Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (ДСНП). В соответствии с этим договором Россия и США обязывались на взаимной основе сократить к 31 декабря 2012 г. количество имеющихся у них стратегических ядерных боезарядов примерно в три раза, т.е. с потолка в 6000 единиц, установленного Договором СНВ-1 от 1991 г., до 1700–2200 единиц⁵. Если Договор СНВ-1 и не вступивший в силу Договор СНВ-2 предусматривали конкретные потолки по триаде ядерных вооружений, то ДСНП предоставлял сторонам гибкость: они теперь были вольны сами определять состав и структуру своих стратегических сил. В ДСНП содержалась ссылка на обязательства России и США по статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия (о проведении переговоров о мерах по прекращению гонки ядерных вооружений и ядерному разоружению). Тем самым юридически фиксировалась позиция поддержки двумя странами всей системы ядерного нераспространения. Предусматривалось и то, что еще до истечения срока действия договора стороны могут заменить его новым соглашением, еще более понижающим допустимое количество ядерных боезарядов (до 1500 у каждого из государств). Однако после подписания ДСНП процесс ядерного разоружения вновь приостановился. Более того, возникла опасность наступления правового вакуума в отношениях между двумя ядерными державами, поскольку срок действия договора СНВ-1 подходил к концу, а ДСНП не регулировал всех аспектов отношений РФ и США в области ядерных вооружений. Администрация Б. Обамы в отличие от администрации Д. Буша-младшего была озабочена таким положением. В ходе «перезагрузки» российско-американских отношений стороны вернулись к обсуждению проблем ядерного разоружения. Итогом этих обсуждений стал подписанный в 2010 г. новый Договор СНВ-3, в соответствии с которым ядерные потенциалы России и Соединенных Штатов должны быть сокращены до 700 боеголовок у каждой из сторон.

Кроме ядерного, к оружию массового поражения относятся химическое и бактериологическое. С одной стороны, эти виды оружия обладают меньшими поражающими характеристиками, с другой — они проще, дешевле и доступнее. Эти виды оружия находятся под полным запретом. С 1972 г. действует Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсического оружия и об их уничтожении.

Борьба с химическим оружием началась после Первой мировой войны, когда в 1925 г. был подписан Женевский протокол о запрещении его использования во время военных действий. С 1997 г. в отношении химического оружия действует тот же режим запрета, что и по отношению к бактериологическому. Основой этого режима является

Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. В то же время контроль за безусловным выполнением всеми государствами обязательств, принятых на себя в области химического и бактериологического разоружения, остается актуальной политической проблемой.

Обеспечение международной безопасности связано не только с контролем за оружием массового поражения, но и с ограничением и сокращением обычных вооружений и вооруженных сил. Дальше всего в этом направлении продвинулись страны Европейского континента. История Европы была историей бесконечных вооруженных конфликтов, в XX в. именно здесь начались две мировые войны.

Во второй половине XX в. военное противостояние двух сверхдержав и возглавлявшихся ими блоков также в первую очередь осуществлялось на Европейском континенте и затрагивало его интересы. Долгое время сохранялась опасность возникновения в самом центре Европы крупномасштабного вооруженного конфликта, так как здесь были сконцентрированы огромные воинские контингенты и находилось большое количество военной техники. Взаимное недоверие и напряженность между государствами были чреватые случайным обострением опасных конфликтных ситуаций. Такое положение стало меняться после проведения в 1975 г. Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в городе Хельсинки. После Хельсинкского совещания были разработаны и постепенно осуществлялись меры по установлению доверия, которые помогли несколько снизить уровень военной опасности.

Параллельно начался процесс подготовки соглашений по всеобъемлющему сокращению обычных вооруженных сил и вооружений на Европейском континенте. Переговоры были трудными и затянулись на целых пятнадцать лет. Лишь в 1990 г. в Вене был подписан Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Он предусматривал значительное сокращение численности сухопутных войск, уменьшение количества танков, бронированных машин, артиллерийских систем, самолетов и вертолетов у всех участников. Вводились так называемые фланговые ограничения на юге и севере Европы. Договор исходил из наличия двух противостоящих друг другу военных блоков — НАТО и Варшавского договора. В связи с этим квоты на сокращение войск и военной техники исчислялись на основе блокового принципа. Но уже в момент подписания Договора ситуация начала меняться. Организация Варшавского договора стала распадаться и уже через год формально прекратила свое существование. Затем развалился Советский Союз, а его бывшие восточноевропейские союзники выразили желание присоединиться к Североатлантическому пакту.

Расширение НАТО наряду с другими геополитическими изменениями по-новому поставило вопрос о военной безопасности России на

европейском направлении. Договор об обычных вооруженных силах в прежнем виде уже не соответствовал российским интересам в области национальной безопасности. Например, фланговые ограничения в значительной степени коснулись Ленинградского и Северо-Кавказского военных округов, которые в новых условиях стали приграничными. Кроме того, Северо-Кавказский округ расположен в зоне повышенной конфликтности, что требует достаточных сил и средств для противодействия любым угрозам, включая угрозу терроризма. Поэтому по инициативе Российской Федерации с начала 1990-х годов развернулась работа по адаптации ДОВСЕ к новым условиям. Прежде всего речь шла о фланговых ограничениях. В соответствии с решениями, принятыми в 1996 и 1999 гг., площадь так называемой фланговой зоны на территории России была значительно сокращена, а допускаемое количество вооружений и техники в этой зоне увеличено. За Россией закреплено право в случае необходимости увеличивать военную группировку в южных районах, т.е. в районах повышенной опасности.

19 ноября 1999 г. в Стамбуле было подписано Соглашение об адаптации ДОВСЕ. Главным отличием нового варианта Договора являлся отказ от блокового принципа. Для территории каждого отдельного государства предусматривался количественный потолок войск и техники, что должно было стать препятствием к созданию мощных группировок на каком-либо стратегическом направлении, а также к наращиванию военной мощи отдельных государств. Новый вариант Договора учитывал факт расширения НАТО, поэтому суммарный военный потенциал блока подлежал сокращению, в то время как российский потенциал оставался бы на прежнем уровне. Более того, у России появлялись возможности увеличить количество военной техники в своих регулярных частях.

Но практическая реализация достигнутых соглашений столкнулась с рядом трудностей. В связи с новой волной расширения НАТО в 2004 г. встал вопрос о Латвии, Литве, Эстонии и Словении, которые не были участниками Договора, и поэтому их присоединение к Североатлантическому альянсу могло бы создать опасность появления «серых зон», где концентрируются войска и техника, не подлежащие учету по ДОВСЕ. Кроме того, страны-члены НАТО стали связывать ратификацию Соглашения об адаптации с рядом не имеющих к нему прямого отношения условий. В результате Соглашение ратифицировали только Россия, Белоруссия, Казахстан и Украина. По этой причине Российская Федерация в 2007 г. заявила о замораживании выполнения своих обязательств по ДОВСЕ до тех пор, пока Соглашение об адаптации не будет ратифицировано другими участниками договора. Через год Президент РФ Д. А. Медведев выступил с инициативой о заключении нового юридически обязывающего договора о европейской безопасности. В ноябре 2009 г. российский проект Договора о европейской безопасности (ДЕБ) был обнаружен.

По мнению российской стороны, ДЕБ должен быть основан на принципах равной и неделимой безопасности и содержать положения, в соответствии с которыми все участники договора взяли бы на себя обязательства не совершать действия, существенно затрагивающие интересы одного или нескольких других участников договора. Инициатива Президента РФ Д. Медведева вызвала широкий отклик европейской общественности. Ряд европейских лидеров поддержали эту инициативу. На заседании министров иностранных дел стран-членов ОБСЕ на греческом острове Корфу в 2009 г. было решено начать диалог по вопросам европейской безопасности. Однако между Российской Федерацией и большинством других стран-участниц ОБСЕ возникли разногласия по вопросу о том, в каком формате необходимо готовить ДЕБ. Российская сторона считает, что к этому процессу следует подключить такие важные региональные международные организации, как НАТО, ОДКБ, ЕС и СНГ, а большинство европейских государств—членов ОБСЕ готовы обсуждать параметры будущего Договора о европейской безопасности в рамках только данного международного института.

В связи с сохранением угроз, исходящих из локальных и региональных конфликтов, и возрастающей опасностью международного терроризма актуальной является проблема контроля за торговлей оружием. С одной — торговля оружием представляет собой важное направление внешнеэкономической деятельности многих государств, включая и Российскую Федерацию. С другой стороны, при отсутствии контроля оружие может попасть и попадает в руки участников незаконных вооруженных формирований, террористических группировок. Эта проблема требует к себе внимания, и ее решение будет способствовать укреплению военной безопасности в современном мире.

§ 3. Противодействие терроризму в современном мире

► **Современный терроризм** можно определить как систему использования насилия для достижения политических целей посредством принуждения государственных органов, международных и национальных организаций, государственных и общественных деятелей, отдельных граждан или их групп к совершению тех или иных действий в пользу террористов, для того чтобы избежать реализации последними угроз по отношению к определенным лицам или группам, объектам жизнеобеспечения общества, источникам повышенной опасности для людей или окружающей среды.

На рубеже XX—XXI вв. проблемы терроризма и противодействия ему стали одними из важнейших как для отдельных государств, так и для мирового сообщества в целом. Это объясняется масштабами и характером террористических акций последнего времени. Если на рубеже

XIX—XX вв. террористы действовали методом индивидуального террора, убивая политических и государственных деятелей, то первичными объектами атак современных террористов все чаще становятся ничем не защищенные мирные обыватели. Иногда это единицы, но могут быть и сотни, даже тысячи людей. Террористы прошлого нередко стремились найти этические оправдания своим действиям и направляли их только против тех, на ком, с их точки зрения, лежала ответственность за существующее положение вещей. Современные террористы гораздо чаще демонстрируют цинизм, воинствующий аморализм и готовность пренебрегать жизнью людей.

Меняются и средства осуществления террористических акций. Сначала террористы использовали холодное и огнестрельное оружие, потом появились взрывчатые вещества. Сегодня тенденции развития террористической деятельности свидетельствуют об изменении ее технической и технологической базы. Только за последнее десятилетие террористы использовали газ, боевые отравляющие вещества и даже самолеты с захваченными на их борту пассажирами. Но, как считают специалисты, это только первые признаки технологической революции в деятельности террористов. Возможно создание портативных ядерных устройств небольшой мощности, пригодных для террористических целей. Есть и другие, теоретически возможные и, при некоторых условиях, практически осуществимые пути доступа террористов к ядерному оружию и средствам его доставки. Сегодня действия террористов могут привести к огромным разрушениям, массовой гибели людей, экологическим катастрофам и в случае использования самых обычных средств. Это может случиться тогда, когда объектами террора станут химические заводы, атомные электростанции или другие высокосложные и опасные технические объекты. Объектами «компьютерного терроризма» могут быть и информационные коммуникации.

Кроме гибели людей и разрушения материальных ценностей терроризм может иметь и другие негативные последствия. Например, экономические потери, связанные со свертыванием деловой активности в тех регионах, где более высокая угроза терроризма. Так обстоит дело в Стране Басков в Испании, в Израиле и на палестинских территориях, до недавнего времени в Северной Ирландии. Терроризм подрывает стабильность в международных отношениях, дестабилизирует политическую ситуацию внутри отдельных государств. Если требования террористов хотя бы частично удовлетворяются, то подрывается авторитет действующей власти, нарушается нормальное функционирование основных политических и общественных институтов.

Хотя большинство террористов ставят перед собой политические цели, вдохновляясь идеологическими доктринами, националистическими и религиозными чувствами, терроризм как социально-

политический феномен отделен от обыкновенной уголовной преступности тонкой и весьма зыбкой чертой. И не только потому, что любой террористический акт является уголовно наказуемым преступлением по законам любого государства, и не только потому, что уголовники и террористы используют сходные и одинаковые средства и формы деятельности (убийство человека всегда остается убийством, независимо от того, политическими или корыстными мотивами оно объясняется), но и потому, что сегодня политический и уголовный терроризм тесно переплетаются между собой. Например, чеченские сепаратисты всегда использовали захват заложников с целью получения выкупа, но не забывали при этом говорить о «борьбе за свободу». Легальных путей финансирования их деятельности террористам либо не хватает, либо они вообще невозможны, поэтому используются незаконные средства, в частности откровенный рэкет, хотя он и определяется иными терминами (например, «революционный налог» у баскской террористической организации ЭТА). Наркобизнес также часто является источником финансирования террористических организаций. Можно констатировать, что терроризм и уголовная преступность идут сегодня рука об руку. Зоны активной деятельности террористических структур являются и зонами повышенной криминогенности.

Понятия «террор» и «терроризм» вошли в политический лексикон чуть более двух столетий назад. Истоки современного терроризма находятся в событиях Великой французской революции, первым типом терроризма стал революционный терроризм. Первые революционеры-террористы — бабувисты, бланкисты и анархисты в Западной Европе, революционные народники в России — своими действиями стремились вызвать замешательство властей, напугать правящую элиту и тем самым способствовать изменениям в пользу наиболее обездоленных и угнетенных слоев общества. Революционное насилие стало рассматриваться в XIX в. как средство решения не только социальных, но и национальных проблем, что породило первые проявления этнического терроризма в Италии, на Балканах, в Российской империи.

В XIX в. появляется и противоположный революционному, левому, правый терроризм. Те же методы, которые использовали революционеры для достижения идеалов социального и национального равенства и общественного прогресса, стали применяться и на почве расовой и национальной нетерпимости, ради сохранения или реставрации отживших общественных институтов и отношений. Правую разновидность терроризма олицетворял во второй половине XIX в. Ку-клукс-клан в США, черносотенцы в России начала XX в., фашистские, неофашистские и другие правоэкстремистские движения в последующем.

При всей противоположности идеологического фундамента правый и левый терроризм был сугубо политическим феноменом. Политический терроризм доминировал в начале и середине XX в., но к

концу этого столетия наиболее активно стал проявляться терроризм, связанный с острыми конфликтами современности. После окончания «холодной войны» и в условиях глобализации на первый план вышли конфликты цивилизационного, как их определял американский политолог С. Хантингтон, характера. Самыми распространенными разновидностями терроризма сегодня стали этнический и религиозный.

Независимо от того, какими мотивами руководствуются террористы, какие цели они ставят перед собой и какие идеи выдвигают, терроризм — это несомненное зло, угроза для общества в целом и для каждого отдельного человека. В современном мире терроризм несет человечеству как старые, так и новые опасности. В связи с этим весьма актуальной задачей сегодня является задача противодействия терроризму.

Поскольку первичными объектами террористических действий часто оказываются государственные деятели или учреждения, а вторичные объекты — общественные отношения — целиком находятся в сфере деятельности государства, терроризм представляет потенциальную угрозу любой государственной власти независимо от юридической формы и политико-идеологического содержания. Не случайно уголовные законодательства отдельных стран и международное право относят терроризм к разряду наиболее опасных преступлений.

Современное международное право квалифицирует многие виды преступных действий, подпадающих под определение «террористических», в частности захват заложников, авиационный терроризм и т.д., к разряду преступлений международного характера, т.е. таких деяний физических лиц, которые посягают на права и интересы двух или нескольких государств, международных организаций, физических или юридических лиц.

За последние десятилетия создана значительная юридическая база в виде многочисленных международных конвенций для борьбы с терроризмом. В этих нормативных актах предусмотрены взаимные обязательства государств в противодействии различным видам и формам террористической деятельности. Среди них можно отметить Токийскую конвенцию 1963 г., Гаагскую конвенцию 1970 г., Монреальскую конвенцию 1971 г., направленные на борьбу с преступлениями террористов на воздушном транспорте; Нью-Йоркскую конвенцию 1973 г. о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, Нью-Йоркскую конвенцию 1979 г. о борьбе с захватом заложников, Венскую конвенцию 1980 г., Монреальскую конвенцию 1991 г. о маркировке пластических взрывчатых веществ.

В некоторых регионах существуют собственные нормативные акты антитеррористического характера. Так, в 1977 г. под эгидой Совета Европы была принята Европейская конвенция по борьбе с терроризмом. Страны СНГ заключили между собой Договор о сотрудничестве в борьбе с терроризмом. В 2000 г. была принята межгосударственная

Программа сотрудничества по борьбе с терроризмом и другими проявлениями экстремизма, образован Антитеррористический центр СНГ.

Однако, как свидетельствуют примеры из истории международных отношений, далеко не всегда имело место добросовестное сотрудничество государств в сфере борьбы с терроризмом. Интересы отдельных государств, их лидеров и правящих элит в этой сфере нередко оказывались не только различными, но даже противоположными. К тому же следует помнить о том, что к террористическим приемам и средствам борьбы прибегали политические организации и движения самой разной ориентации — от крайне левых до крайне правых. Терроризм может приобретать религиозные или национальные формы. Поскольку не всегда легко отличить сепаратизм от национально-освободительного движения или установить четкую пропорцию между теми или иными политическими целями и допустимыми средствами их достижения, то создается почва для двойных стандартов при оценке террористической по форме и содержанию деятельности. Еще **Карл Шмитт** отмечал, что одной из отличительных особенностей политики является стремление к оценке всех событий и явлений по шкале «свой—чужой». В соответствии с таким политизированным подходом одни и те же факты могут получать диаметрально противоположную интерпретацию и оценку: людей, ведущих разведывательную деятельность в иных государствах, делят на «своих» разведчиков и «чужих» шпионов, а людей, ведущих вооруженную борьбу, на «чужих» бандитов и «своих» партизан.

В полной мере этот двойной стандарт применялся в годы «холодной войны», когда противоборствующие сверхдержавы стремились к достижению своих глобальных целей, не слишком стесняясь в средствах. Когда было необходимо, в пропагандистских целях противоположная сторона обвинялась в поддержке и спонсировании терроризма. Так поступала администрация президента США Рональда Рейгана в начале 80-х годов прошлого века, которая провозгласила одной из целей своей международной политики «борьбу с международным терроризмом», причисляя к нему левые, ориентированные на Советский Союз и его союзников политические движения в странах «третьего мира». При этом сами США помогали тем силам и движениям, которые прибегали к террористическим по форме и содержанию способам вооруженной борьбы, если это отвечало их собственным интересам и целям. Американская помощь в большом объеме предоставлялась вооруженной антиправительственной оппозиции в Афганистане. Интересно отметить, что из числа участников «джихада» против советского военного присутствия в Афганистане вышел и нынешний «террорист № 1» Усама бен Ладен. Данный пример показывает, насколько опасным и неуправляемым может быть терроризм и для тех, кто его пытается использовать в своих целях.

Примеры двойного стандарта в оценке терроризма можно видеть как в прошлом, так и сегодня. Россия и Запад по-разному смотрели на ситуацию в Чечне или в Косово. Грузинские власти долго отрицали факт присутствия чеченских террористов-боевиков на своей территории, негласно оказывая им содействие. Затем Тбилиси резко поменял позицию, обратившись к США за помощью в борьбе с чеченскими террористами, но, очевидно, главными мотивами такого обращения были иные мотивы, чем искреннее желание покончить с очагом терроризма и бандитизма на своей территории.

Безусловно, после 11 сентября 2001 г. ситуация в мире по вопросам борьбы с терроризмом изменилась. Однако насколько эти изменения фундаментальны и необратимы, пока сказать трудно. Сентябрьские террористические акции в Нью-Йорке для теории и практики международных отношений имели и другие последствия. До недавнего времени понятие «международный терроризм» больше подчеркивало международную опасность такого явления, чем обозначало реальный, очевидный фактор в международных отношениях. Последние события показали, что в мировой политике произошли качественные сдвиги.

Еще в начале 70-х годов XX столетия многие исследователи отмечали появление и возрастание роли негосударственных акторов международных отношений при одновременном относительном снижении роли отдельных суверенных национальных государств. Сторонники неолиберальных взглядов обращали внимание на позитивный, с их точки зрения, характер подобных процессов. Между тем сегодня выявилась их негативная сторона. Благодаря техническому и технологическому прогрессу, развитию средств коммуникации неправительственные международные организации террористического толка, к которым, несомненно, относится и «Аль-Каида», получили невиданные раньше для подобных структур возможности. Эти организации в новых условиях способны бросить вызов даже самым сильным в экономическом и военном отношении государствам, создать прямую угрозу для их безопасности. Государства же, как выяснилось, оказались слабо подготовленными к новым вызовам и уязвимыми по отношению к опасности, исходящей от противников, обладающих значительно меньшими ресурсами. Следовательно, можно сделать вывод о том, что вопросы безопасности приобретают новое измерение как на национальном, так и на международном уровне. Это весьма важно учитывать в теории и практике международных отношений.

Примечания

¹ *Петровский В.* Россия и безопасность в Евразии (региональные режимы безопасности в Центральной Евразии на рубеже веков) // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 2. С. 31–32.

² Давыдов Ю. П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М., 2002. С. 231.

³ Там же. С. 240.

⁴ См.: Ромашкина Н. Ядерная многополярность как новый фактор стратегического баланса // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 8. С. 26.

⁵ См.: Лысенко М. Договор новой эпохи // Международная жизнь. 2003. № 6. С. 34.

Контрольные вопросы и задания

1. Чем современные подходы к пониманию безопасности отличаются от традиционных?
2. Сравните режим коллективной безопасности и режим безопасности на основе сотрудничества: укажите сходство и отличие.
3. Назовите основные принципы режима нераспространения ядерного оружия.
4. Что такое «пороговые государства» и какие государства к ним относятся?
5. Назовите основные международные нормативные акты о запрещении химического и бактериологического оружия.
6. Какие договоры были заключены в области ограничения и сокращения ядерного оружия?
7. В чем состоит опасность выхода США из договора о ПРО?
8. Когда и почему возникла необходимость адаптации ДОВСЕ к современным условиям?
9. Что такое терроризм и в чем его опасность в современных условиях?
10. В чем состоят объективные и субъективные трудности борьбы с международным терроризмом?

Глава 15

ПОЛИТИКА И ПРАВО В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

§ 1. Мораль, право и политика как регуляторы международных отношений

Основными социальными нормами, регулирующими международные отношения, принято считать нормы моральные, политические и правовые. Каждый вид норм имеет свои преимущества и свои недостатки, но без их соблюдения международная жизнь сегодня представляла бы собой полный хаос.

► Под **политическими нормами** понимают правила поведения, которые устанавливают государства и которых они придерживаются в соответствии с собственными интересами.

Например, два государства договариваются между собой о военном союзе, направленном против их общего противника. Такая договоренность может быть достигнута в устной или письменной форме, но она не приобретает статус юридически обязательного документа. Пока есть общая цель и общие интересы, государства выполняют принятые на себя обязательства. Но как только общая цель исчезает и интересы перестают совпадать, то исчезают и мотивы для согласованных совместных действий. Очень часто вследствие изменения интересов и целей одна из сторон прекращает выполнять принятые обязательства, но обжаловать ее действия в международных организациях или международных судебных инстанциях пострадавшая сторона не может, поскольку такие обязательства не имеют юридической силы.

Отказ от выполнения политической нормы не влечет за собой каких-либо официальных санкций, в чем и заключается их принципиальное отличие от норм международного права. Политические нормы релятивны, они зависят от текущих интересов государств, и поэтому на них сложно рассчитывать в долгосрочной перспективе. Политические нормы зафиксированы в различных декларациях, заявлениях и соглашениях. Иногда источники политических норм внешне весьма сходны с источниками норм международного права, поскольку являются письменными документами, подписанными высокопоставленными

официальными представителями государств. Однако от международных договоров подобные документы отличаются тем, что не проходят процедуры приобретения юридической силы, как правило заключающейся в ратификации их высшими органами законодательной власти соответствующих государств.

Приведем такой пример. В середине 1990-х годов встал вопрос о расширении НАТО на восток. Россия, как известно, возражала против подобных планов. Между российским руководством и руководством ведущих западных стран начался активный обмен мнениями по этому острому вопросу. Хотя принципиально негативное отношение России к включению в состав Североатлантического блока бывших союзников СССР по Варшавскому договору не изменилось, стороны все же пришли к определенному компромиссу. Одним из элементов этого компромисса стало намерение придать отношениям между Россией и НАТО особый, близкий к партнерскому характер. В связи с этим тогдашний министр иностранных дел России Е. Примаков предложил заключить между нашей страной и организацией юридически обязательный договор. Западные партнеры, ссылаясь на то, что вступление в силу этого договора потребует ратификации его текста парламентами всех государств—участников блока и займет слишком много времени, предложили иной вариант. В результате 27 мая 1997 г. в Париже президентом РФ, генеральным секретарем НАТО и главами государств-членов этой организации был подписан «Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора». Несмотря на красивое и громкое название этого документа и содержащиеся в нем многочисленные заверения о совпадении целей и интересов договаривающихся сторон, об их взаимных обязательствах друг перед другом, он с самого начала оставался политической декларацией о намерениях. До тех пор пока не имело место существенных расхождений между Россией и НАТО по ключевым проблемам мировой политики, «Основополагающий акт» был фундаментом для развития взаимного сотрудничества. Но как только отношения между НАТО и Россией обострились в связи с ситуацией в Косово в 1999 г., выяснилось, что никаких особых отношений между ними не сложилось и вышеупомянутый документ не помешал фактическому свертыванию отношений, которые были разблокированы только после преодоления косовского кризиса. Подобные ситуации в отношениях между Россией и НАТО имели место и позднее.

На протяжении столетий шли споры о том, могут ли на международные отношения и международную политику оказывать влияние моральные нормы. Эти споры, о которых уже шла речь в предыдущих главах, стали частью более широкой дискуссии о соотношении морали и политики. Эта дилемма в истории социально-политической мысли решалась различным образом. Н. Макиавелли проповедовал тезис о неприменимости морально-этических критериев к политической деятельности, которую нужно оценивать только с точки зрения эффектив-

ности способов и средств достижения поставленных целей. Подобных взглядов придерживался и В. Ленин, который считал, что «морали в политике нет, а есть только целесообразность». Противоположное мнение, исходящее из того, что мораль первична по отношению к праву, а следовательно, государству и политике, принадлежит И. Канту.

Эти разночтения объясняются сложностью взаимоотношений морали и политики. На заре человеческой цивилизации можно было обходиться без политики, регулируя общественные взаимоотношения и обеспечивая общественный порядок с помощью обычаев, традиций и вырастающей на их основе морали. Политика возникает вследствие регулярной недостаточности морали, как ее дополнение. Главные социальные функции политики и морали совпадают, но их базовые характеристики расходятся. В соответствии с концепцией немецкого политического философа К. Шмитта, моральная оценка общественных явлений исходит из парной категории «добро—зло», а политическая оценка опирается на антиномию «свой—чужой».

Аморальные проявления, нередко встречающиеся в политической жизни, во многом связаны с перенесением политических принципов в область морально-нравственных отношений. Здесь уместное в политике разделение всех объектов, явлений, событий, личностей на соответствующие или несоответствующие собственным интересам неминуемо ведет к выработке двойного стандарта при оценке неблагоприятных поступков, деформирует морально-этические принципы. Именно этим объясняется часто встречающаяся ситуация, когда политические деятели активно используют против своих противников обвинения в аморальных поступках и не замечают подобных или даже больших прегрешений своих единомышленников и союзников. Для минимизации общественного вреда, который могут принести аморальные проявления в политической жизни, необходим жесткий контроль за соблюдением этических норм, регламентирующий любые виды политической деятельности.

Сформулировать новый подход к решению старой дилеммы и избежать при этом крайностей морализаторства, так и аморализма удалось **М. Веберу**. Он ввел понятия «этика убеждений» и «этика ответственности». Первое понятие означает оценку поступков человека в соответствии с раз и навсегда установленной шкалой, четко определяющей нравственное и безнравственное. Второе понятие предполагает оценку человеческих поступков и действий с учетом обстоятельств места и времени. Этика ответственности особенно важна для сферы политики, где люди принимают решения в ситуациях, немислимых для частной жизни человека, на которую и ориентируются нормы общечеловеческой морали. На основе веберовского подхода и были разработаны представления Г. Моргентау о месте и роли морали в регулиро-

вании международных отношений. По мнению Г. Моргентау, Р. Арона и многих других специалистов в области теории международных отношений, главными моральными добродетелями государственных деятелей, принимающих внешнеполитические решения, являются осторожность, взвешенность и понимание необходимости соответствия целей и средств их достижения.

Формирование *норм международной морали* началось в глубокой древности параллельно с нормами международного права. Однако эволюция моральных норм зачастую опережала развитие норм международного права. Представления о безнравственности таких действий, как агрессия, захват чужих территорий, работорговля, колониализм, существовали с давних времен. Но еще долго эти действия и явления оставались законными с точки зрения тогдашнего международного права. Лишь в XX в. международное право в этих вопросах пришло в соответствие с нормами международной морали.

Из факта опережающего развития морали по отношению к праву не следует делать вывод о ее более важном значении в процессе регулирования международных отношений. Напротив, необходимо помнить об ограничениях и недостатках, которые присущи нормам международной морали. Дело не только в том, что нарушение моральных норм, подобно нарушению политических норм, не влечет за собой правовых последствий и виновники нарушений не несут юридической ответственности. Моральные нормы существуют лишь в сознании людей, поэтому они весьма субъективны и допускают самую разную трактовку, могут не только сглаживать, но и усугублять разногласия между государствами, провоцировать конфликты в международных отношениях. Вольная трактовка морально-этических норм при желании может оправдать любые действия в международной политике. В итоге регулировать международные отношения будет только сила.

Еще один фундаментальный недостаток моральных норм связан с механизмом их воздействия на международные отношения. Существует два основных пути такого воздействия: первый — на уровне отдельных индивидов через их сознание и убеждения; второй — через общественное мнение, формирующееся на основе определенной системы этических принципов. Первый путь предполагает, что внешнеполитические решения принимают люди, для которых моральные нормы не являются пустым звуком, которые честно выполняют свой служебный долг и одновременно не допускают безнравственных поступков. Но речь уже шла о том, что политическая деятельность стимулирует формирование двойных стандартов, разрешающих аморальные действия, если они способствуют достижению определенных целей. Кроме того, властью могут обладать и безнравственные люди. История одного XX в. дает возможность составить длинный список диктаторов, для которых не существовало понятия «мораль». Достаточно вспомнить А. Гитлера.

Второй путь воздействия морали на международную политику требует наличия развитого института общественного мнения. Общественное мнение по своей природе склонно оценивать все политические решения и действия с морально-этических позиций, приветствуя нравственные поступки и осуждая безнравственные. Но оно не всегда имеет возможности для формирования и функционирования. В условиях авторитаризма и тоталитаризма общественного мнения как независимого явления не существует. Но и в демократических странах влияние общественного мнения на политику, в том числе и международную, не всегда одинаково. Оно увеличивается в период избирательных кампаний, когда политические партии и политические лидеры заинтересованы в привлечении голосов избирателей и поэтому озабочены тем, как в глазах общественности выглядит их деятельность. После окончания выборов и до начала следующей избирательной кампании политические элиты теряют интерес к общественному мнению и могут им пренебрегать, если этого требуют их текущие интересы.

Сегодня общественное мнение существует не только в рамках отдельных государств, но и на международной арене. Мировое общественное мнение, формирующееся на основе современных информационных систем, способно в определенных условиях оказывать влияние на принятие внешнеполитических решений в отдельных государствах и деятельность международных организаций. Но на мнение международной общественности правительства и политические лидеры обращают внимание тогда, когда им необходимо либо сохранять положительный внешнеполитический имидж своего государства, либо изменить его в благоприятную для себя сторону.

Следует учитывать и то, что формирование общественного мнения как внутри государства, так и на международной арене далеко не всегда стихийный процесс. В современных условиях им можно манипулировать. Примером могут служить события конца 1990-х годов в Югославском крае Косово. Действовавшие там сепаратисты из Освободительной армии Косово специально провоцировали бегство из края албанского населения, якобы из-за проводившихся там сербскими властями этнических чисток. Все это определенным образом формировало общественное мнение стран Запада, в нем усиливались антисербские настроения и выдвигались требования к собственным правительствам о вмешательстве в ситуацию с целью предотвращения «гуманитарной катастрофы». В результате руководство НАТО приняло решение о начале бомбардировок Союзной Республики Югославии, затем последовал ввод миротворческих сил в Косово, что, однако, не привело к торжеству справедливости, как это предполагало общественное мнение в Западной Европе и Северной Америке. На смену нарушениям прав

албанского населения Косово пришли реальные этнические чистки, ставшие причиной массового исхода сербов из этого края, территория которого когда-то была ядром сербского государства.

► Таким образом, политические и моральные нормы способны оказывать определенное воздействие на международные отношения. Но это воздействие имеет ограниченный характер, поэтому решающая роль в обеспечении стабильности и безопасности современного мира по-прежнему принадлежит принципам и нормам международного права.

§ 2. Международное право как социальный институт

Международное право — это совокупность юридических принципов и норм, регулирующих отношения между государствами и другими субъектами международного права. **Субъект международного права** — это носитель международных прав и обязанностей, возникших в соответствии с общими нормами международного права либо международно-правовыми предписаниями.

Существуют две категории субъектов международного права: первичные (суверенные) и производные (несуверенные). *Первичными субъектами международного права* являются государства (в некоторых случаях народы и нации) в силу присущего им национального суверенитета. Государства признаются носителями международно-правовых норм и обязанностей. Суверенитет делает их независимыми от других субъектов международного права и дает возможность самостоятельно участвовать в международных отношениях. Государства — наиболее полномочные и организованные субъекты международного права, имеющие решающие средства воздействия на международные отношения и обладающие универсальным правом участия в любых международно-правовых действиях.

Производными (несуверенными) субъектами международного права являются межправительственные организации и государственно-служебные образования, создаваемые первичными субъектами международного права. Учреждая таковые, государства наделяют их международно-правовой правосубъектностью. Правосубъектность международной организации является специальной, поскольку ограничена целями и полномочиями, которые регламентированы соответствующими учредительными документами. Среди основных прав международных организаций: право участвовать в создании международно-правовых норм, пользоваться привилегиями, иммунитетами и внутренними правами, определяемыми государствами-участниками.

Международно-правовым статусом пользуются и некоторые политико-территориальные образования: вольный город и город-

государство. Вольный город — это самостоятельное территориально-политическое образование с правовым режимом, установленным договором и гарантированным государствами или международными организациями. Статус вольного города имели Краков (1815 г.), Данциг (1919 г.), Триест (1947 г.), Западный Берлин (1971 г.). Ватикан — город-государство, который является Международным центром католической церкви. В силу сложившегося обычая Ватикан активно участвует в международных отношениях, сотрудничает в международных организациях, подписывает международные договоры.

Государство как основной субъект международного права характеризуют три элемента: население, территория и суверенная власть. Территориально-организационная структура государства может быть различной. Существуют простые (унитарные) и сложные государства. Сложное государство — это федерация, представляющая собой объединение территориальных единиц, пользующихся определенной политико-правовой самостоятельностью. Конфедерация — это международно-правовое объединение государств, координирующих свои действия, особенно во внешнеполитической и военной областях. В классическом виде конфедерация не является субъектом международного права и международной правосубъектностью обладают лишь ее члены. Основу международно-правового статуса государства составляют права и обязанности. К основным правам относятся: право на независимость и свободное осуществление своих законных прав, право юрисдикции над своей территорией, лицами и вещами, находящимися в ее пределах, с соблюдением признанных международным правом иммунитетов, равноправие с другими государствами, право на индивидуальную или коллективную самооборону против вооруженного нападения. В обязанности государства входит уважение суверенитета других государств, соблюдение принципов международного права.

Основным признаком всякого государства является его суверенитет, который означает верховенство государства в пределах собственных границ и его самостоятельность во взаимоотношениях с другими государствами. Международное право рассматривает в качестве своего субъекта и участника международных отношений не какие-либо государственные органы или отдельных лиц, а государство в целом. Все значимые международно-правовые действия, совершенные уполномоченными официальными лицами, считаются совершенными от имени государства. Государства, как носители суверенитета, являются равными между собой юридически. Соответственно каждое из них обладает в международных отношениях одинаковой степенью юридической самостоятельности и независимости. Суверенитет государства возникает и исчезает вместе с его возникновением и исчезновением.

Главной функцией международного права является регулирование международных отношений, поскольку в роли главных его субъек-

тов выступают государства. Следовательно, механизм формирования и действия норм международного права носит межгосударственный, а не надгосударственный характер. В международных отношениях не существует надгосударственных механизмов принуждения. При необходимости государства сами обеспечивают поддержание международного правопорядка с помощью созданных ими международно-правовых институтов. Международное право выполняет следующие функции: *регулирующую*, поскольку устанавливает твердые правила взаимоотношений государств; *обеспечительную*, потому что побуждает государства следовать определенным правилам поведения; *охранительную*, так как обеспечивает их законные права и интересы.

Международное право зародилось вместе с появлением государств и возникновением международных отношений. Первоначально, в Древнем мире, международное право выступало в форме правовых обычаев (например, обычай заключения перемирия) и было весьма несовершенно. В период Средневековья в международно-правовую практику вошли такие понятия, как суверенитет, нейтралитет, открытое море; появились посольства, новые, более совершенные виды договоров. Труды голландского юриста Г. Гроция (1583–1645) и его последователей стали началом международного права как самостоятельной области науки.

После революций XVII–XVIII вв. началось формирование качественно иных международных отношений и соответствующего им международного права. В международные отношения пришли идеи равенства, суверенитета, невмешательства во внутренние дела, неприкосновенности государственной территории, неотъемлемости основных прав и свобод человека. На Венском конгрессе 1815 г. была предложена первая кодификация дипломатического права. В 1856 г. в Париже был разработан целый ряд норм права морской войны. На Гаагской конференции 1899 г. были приняты конвенции, регламентирующие правила ведения войны и запрещающие наиболее варварские методы. На второй Гаагской конференции (1905–1907) были приняты первые конвенции о праве разрешения международных споров.

По мере развития экономических, технических, военных и других международных связей появились международные договоры и межгосударственные соглашения, регулирующие вопросы международного сотрудничества в самых различных областях. После Первой мировой войны была учреждена в 1919 г. первая универсальная международная организация — Лига Наций. Однако она не смогла стать надежным институтом обеспечения мира и безопасности государств. Эта задача была возложена на Организацию Объединенных Наций, созданную в 1945 г., после окончания Второй мировой войны. В 1970-е годы государствами был разработан целый комплекс международно-правовых норм, при-

званных способствовать разоружению, укреплению безопасности и взаимодействия стран Европы. Была проведена работа по кодификации международного права, подписаны конвенции о праве международных договоров, правопреемстве государств, правах человека и т.д. В настоящее время этот процесс универсализации международного права идет полным ходом благодаря активному международному сотрудничеству государств.

§ 3. Нормы и принципы международного права

Неотъемлемыми элементами системы международного права являются международно-правовые нормы. Они группируются в однородные, относительно самостоятельные комплексы, называемые отраслями и институтами международного права. Международно-правовой институт — это группа правовых норм, которая регулирует однородные международные отношения, связанные между собой общим объектом (например, институт территориального моря). Объектом отрасли является весь комплекс однородных международных отношений (например, международное воздушное право). Существуют также отрасли и институты, общие для всего международного права. Это комплексы международно-правовых норм, касающиеся международно-правовой субъектности, ответственности. При этом границы между указанными отраслями и институтами носят условный характер ввиду существенных изменений, происходящих как в отдельных отраслях международного права, так и во всей его системе в целом.

► Основным и главным источником международного права считают **международный договор**, поскольку он в четкой, определенной форме выражает волю сторон, направленную на установление, изменение или прекращение их взаимных прав и обязанностей.

Подавляющее большинство норм современного международного права имеет договорный характер, и данные договорные нормы международного права признаны подавляющим большинством его субъектов.

Другим источником международного права выступает международный обычай. Обычные нормы международного права — это нигде не зафиксированные, но юридически обязательные правила поведения, которых государства и другие субъекты международного права придерживаются в силу сложившихся традиций.

Решения и постановления международных организаций, не являясь источником международного права, могут играть значительную роль в процессе формирования норм и стать правовой нормой только в случае ее признания участниками международного общения. Совет Безопасности ООН в соответствии со ст. 25 Устава ООН принима-

ет решения, обязательные для государств — ее членов. Однако такие решения касаются отдельных случаев и должны быть основаны на действующих принципах и нормах международного права. Они представляют собой акты применения к какой-либо конкретной ситуации действующих принципов и норм. Национальное законодательство, а также решения национальных судов имеют обязательную силу только для субъектов национального права, но отдельные их положения могут получить международное признание и стать либо договорными, либо обычными нормами международного права.

Все нормы международного права можно классифицировать по сфере действия на универсальные, локальные и региональные, а по нормативной силе действия на императивные и диспозитивные. *Универсальные нормы* международного права регулируют отношения всех его субъектов. Их главными отличительными признаками являются глобальность действия, всеобщая обязательная сила, создание и отмена их международным сообществом в целом. Универсальные нормы образуют общее международное право. *Локальные нормы* действуют среди ограниченного круга участников. Их основным источником являются договоры, которые регулируют отношения, не охватываемые общим международным правом. Локальные нормы не входят в общее международное право. *Региональные нормы* распространяют свое действие на субъекты международного права в пределах определенных регионов. В связи с развитием интеграционных процессов они соответствуют потребностям государств в более высоком уровне нормативного регулирования, вплоть до создания такой его формы, как наднациональная (например, Европейский Союз).

К *императивным* относятся нормы, устанавливающие четкие, конкретные пределы определенного поведения. Субъекты международного права не могут по собственному усмотрению изменять объем и содержание своих прав и обязанностей. *Диспозитивными* являются нормы, в рамках которых субъекты международного права по соглашению между собой могут сами в зависимости от обстоятельств определять свое поведение, взаимные права и обязанности.

Принципы международного права, которые, образуя его фундамент, обладают высшей юридической силой, представляют собой наиболее важные, системообразующие нормы международного права. Остальные нормы и международные действия должны соответствовать их положениям. Принципы международного права обязательны для всех субъектов. Они носят универсальный императивный характер и служат критериями законности всех остальных международных норм. Принципы международного права находятся во взаимосвязи, и за нарушением одного из них неизбежно следует несоблюдение других. Формируются они на основе обычая и договора.

Первоначально принципы международного права выступали в форме международно-правовых обычаев, но с принятием Устава ООН они обрели договорно-правовую форму. Однако и в этом документе принципы международного права изложены еще в прежней форме, требующей более детального их раскрытия. В 1960-е годы в ООН была проведена работа по кодификации основных принципов его Устава, которая завершилась в 1970 г. принятием Генеральной Ассамблеей Декларации о принципах международного права, подлежащих применению с целью развития дружеских отношений и сотрудничества между государствами¹. В Декларации представлены все 7 основных принципов:

- 1) принцип неприменения силы и угрозы силой;
- 2) принцип мирного разрешения споров;
- 3) принцип суверенного равенства государств;
- 4) принцип невмешательства;
- 5) принцип самоопределения народов;
- 6) принцип сотрудничества;
- 7) принцип добросовестного выполнения международных обязательств.

В Заключительный акт Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе добавлены еще три принципа: нерушимости границ, территориальной целостности государств и уважения прав человека, его основных свобод².

Все принципы международного права можно разделить на две группы. Первая группа объединяет *принципы сохранения мира и поддержания всеобщей безопасности*. Они таковы: неприменения силы или угрозы силой; мирного разрешения международных споров; территориальной целостности государств; принцип целостности границ.

Особое значение имеет принцип неприменения силы или угрозы силой. Политические мыслители обосновывали этот принцип на протяжении столетий, но окончательно он утвердился в международном праве с принятием Устава Организации Объединенных Наций. В соответствии с ним запрещаются любые виды прямых или косвенных агрессивных действий одного государства против другого. В том числе запрещается вооруженное вторжение на чужую территорию и ее оккупация, бомбардировки и обстрелы, установление морской и воздушной блокады, засылка вооруженных бандформирований, поощрение терроризма и т.д. Государство—жертва агрессии получает право на индивидуальную или коллективную самооборону, вплоть до применения вооруженной силы против агрессора.

Принцип мирного разрешения международных споров вытекает из принципа неприменения силы. Принцип территориальной целостности и принцип нерушимости границ должны обеспечивать сохранение

территории всех суверенных государств в рамках их признанных международным сообществом границ. Но если принцип территориальной целостности направлен против сепаратизма и его поощрения, то принцип нерушимости границ ставит заслон попыткам необоснованных территориальных претензий одних государств по отношению к другим.

Вторая группа включает такие общие принципы, как принцип суверенного равенства государств; принцип невмешательства; принцип равноправия и самоопределения народов; принцип сотрудничества государств; принцип уважения прав человека; принцип добросовестного выполнения международных обязательств.

Хотя еще с Вестфальского договора 1648 г. европейские государства стали признавать и уважать суверенитет друг друга, принцип суверенного равенства утвердился лишь в XX столетии. До этого международное право фактически признавало деление государств на большие и малые, христианские и нехристианские и т.д. *Принцип суверенного равенства* означает: каждое государство обязано уважать суверенитет других государств; каждое государство обязано уважать территориальную целостность и политическую независимость других государств; каждое государство вправе свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы; все государства юридически равны независимо от различий их экономических, социальных и политических систем; каждое государство является субъектом международного права с момента возникновения; каждое государство имеет право участвовать в разрешении международных вопросов, затрагивающих его интересы; каждое государство на международных конференциях и в международных организациях обладает одним голосом; государства создают нормы международного права путем соглашения на равноправной основе, никакая группа государств не может навязывать другим государствам созданные ею международно-правовые нормы.

Принцип невмешательства связан с понятием государственного суверенитета. Если государства признают суверенитет друг друга, если они считают друг друга юридически равноправными субъектами, то у них нет оснований вмешиваться в те вопросы, которые относятся к внутренней компетенции властей всех без исключения других государств.

Принцип самоопределения народов первоначально был сформулирован как один из политико-идеологических принципов либерализма и социализма, и только во второй половине XX в., после включения его в Устав ООН, закрепился как общий принцип международного права. В современных условиях содержание данного принципа таково: все народы имеют право свободно, без вмешательства извне определять свой политический статус и осуществлять экономическое, социальное

и культурное развитие; все государства обязаны уважать это право; все государства обязаны содействовать осуществлению народами права на самоопределение; все государства обязаны воздерживаться от насильственных действий, лишаящих народы их права на самоопределение, свободу и независимость; в своей борьбе за самоопределение колониальные народы могут использовать все необходимые средства; запрещается подчинение народа иностранному господству.

Параллельно с принципом самоопределения утвердился и *принцип уважения прав человека*, о содержании которого пойдет речь в следующем параграфе.

Принцип сотрудничества и принцип добросовестного выполнения международных обязательств представляют собой исторически наиболее ранние принципы международного права. Без этих принципов невозможно нормальное функционирование всей системы международных отношений.

Соблюдение норм и принципов международного права является одной из важнейших обязанностей всех суверенных государств. Однако применение этих принципов и норм в реальном политическом процессе бывает весьма затруднительным. Об этом свидетельствует не только история, но и практика международных отношений самого последнего времени.

§ 4. Международное право в современном мире

Осуществление норм и принципов международного права происходит не автоматически. Нередко международные нормы и принципы реализуются в условиях политической борьбы, несовпадения национальных интересов и целей различных государств. Одним из примеров сложностей, возникающих на пути реализации норм и принципов международного права, является проблема защиты и обеспечения прав и свобод человека.

Как уже отмечалось, рождение Организации Объединенных Наций способствовало окончательному формированию современного международного права, одним из центральных принципов которого стал *принцип уважения и соблюдения прав человека*. В Уставе ООН впервые прямо говорилось об обязанности государств сотрудничать в сфере прав человека на многосторонней договорной основе. 10 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека. Первоначально этот документ носил рекомендательный, а не обязывающий характер. Но со временем он превратился в свод важнейших универсальных и императивных норм международного права. Конкретизация этих норм была осуществлена в двух других важнейших международно-правовых документах: международном

пакте о гражданских и политических правах и международном пакте об экономических, социальных и культурных правах. Оба эти пакта были приняты 16 декабря 1966 г. Генеральной Ассамблеей ООН и вступили в силу в 1976 г. после их ратификации большинством государств мира. Кроме универсальных договоров о правах и свободах человека существуют и региональные договоры между государствами, посвященные этой же теме. Это — Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (принята 4 ноября 1950 г., вступила в силу 3 сентября 1953 г.); Американская конвенция о правах человека (принята 22 ноября 1969 г., вступила в силу в 1978 г.); Африканская Хартия прав человека и народов (принята в июне 1981 г., вступила в силу в январе 1988 г.); Арабская Хартия прав человека 1994 г., Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г.

В самом общем виде механизм обеспечения прав человека в современном международном праве выглядит следующим образом. Права человека принято делить на гражданские и политические, с одной стороны, и социально-экономические — с другой. К основным правам человека, защищаемым международным правом, относятся следующие *гражданские и политические права*:

- равноправие и недискриминация;
- право на жизнь;
- право на участие в государственном управлении;
- право на защиту от жестокого, бесчеловечного или унижающего обращения;
- право на свободу и личную неприкосновенность;
- право на свободу передвижения и выбора места жительства;
- право на свободу мысли, совести и религии;
- право на свободу мнений и их выражения;
- право на мирные собрания;
- право на свободу ассоциаций и др.³

К *социально-экономическим правам* относятся:

- право на труд;
- право на справедливые и благоприятные условия труда;
- право на создание профсоюзов;
- право профсоюзов на свободную работу;
- право на забастовки;
- право на социальное обеспечение;
- право на охрану и помощь семье, матерям, детям;
- право на достаточный жизненный уровень;
- право на охрану здоровья;
- право на образование и участие в культурной жизни и др.⁴

Для эффективного международного сотрудничества в области прав человека международное сообщество создало целый ряд контрольных

механизмов и процедур, которые призваны наблюдать за применением норм и деятельностью государств в этой области. Контрольные механизмы представляют собой определенные организационные структуры, которые могут быть коллективными (комитеты, рабочие группы и т.д.) и единоличными (специальные докладчики). Процедуры устанавливают порядок и методы получения информации по правам человека и степень реагирования на результаты исследований.

Центральное место во всей системе контроля за соблюдением прав человека занимает ООН, в ее компетенцию входит рассмотрение проблем в области прав человека. Генеральная Ассамблея принимает специальные резолюции по этим вопросам. Резолюции подготавливает третий комитет (по специальным, гуманитарным и культурным вопросам). Этими же проблемами занимается ЭКОСОС, при котором создана Комиссия по правам человека и Комиссия по правам женщин. В рамках ООН при Секретариате действует и Центр по правам человека, возглавляемый заместителем Генерального секретаря. Кроме того, в соответствии с основными международными договорами по правам человека были созданы специальные органы: Комитет по правам человека; Комитет по ликвидации расовой дискриминации; Комитет против пыток; Комитет по правам ребенка.

В период «холодной войны», в условиях раскола мира на два противоположных лагеря, права человека не могли не быть объектом конфронтации между ними. Поскольку сама концепция прав человека имела либеральное происхождение, страны Запада часто использовали ее для борьбы против своих противников из коммунистического лагеря. Однако было бы неверно считать, что Советский Союз занимал лишь оборонительную позицию. Да, при принятии Декларации прав человека 1948 г. СССР воздержался при голосовании, ссылаясь на то, что она якобы ущемляет суверенные права некоторых «демократических правительств». Но в дальнейшем именно СССР стал инициатором принятия пакта о социальных и экономических правах (поскольку данные права связаны не с либеральной, а с социалистической идеологией). Тексты Пакта о гражданских и политических правах и Европейской конвенции о защите основных прав и свобод человека были приведены в соответствие с устраивавшими СССР стандартами. Советский Союз, так же как и многие другие государства, включая США, подходил к нормативным актам по правам человека избирательно, исходя из своих интересов.

Казалось бы, после окончания «холодной войны» никаких проблем с международной охраной прав человека быть не должно. Ведь, согласно формуле Ф. Фукуямы, наступил «конец истории», ознаменованный полной победой либеральных ценностей. Однако на практике ситуация с правами человека во многих странах не улучшилась, а ухудшилась. На

смену нарушениям прав человека по идеологическим и политическим причинам пришло нарушение прав по причинам религиозного или этнического характера. Так же как в годы «холодной войны», вопросы прав человека активно используются во внешней политике отдельных государств в целях, весьма далеких от осуществления самих этих прав. Двойные стандарты в этой сфере, пожалуй, даже усилились по сравнению с прошлым. Нарушение прав человека, особенно в результате этнополитических конфликтов, стало предлогом для выдвижения концепции «гуманитарной интервенции», опирающейся, в свою очередь, на концепции «ограниченного суверенитета» и «приоритета безопасности личности над безопасностью государства». Практическим воплощением такого подхода стали действия НАТО против Югославии в 1999 г. Дело даже не в результате этой акции, которая оправдывалась этническими чистками албанцев, а привела к этническим чисткам сербского населения в Косово. Дело в том, что в международных отношениях был создан опасный прецедент. Его теоретическим обоснованием стало смешение двух абсолютно противоположных методологических оснований: с одной стороны, принципов «реалистической внешней политики», опирающейся исключительно на силу, с другой — либеральной доктрины, ставящей традиционно на первое место моральные и правовые принципы и противопоставляя их вооруженному насилию.

Классический политический реализм, как, впрочем, и современный неореализм, исходили и исходят из того, что политика государства определяется его объективными национальными интересами, центральное место среди которых всегда занимали интересы национальной безопасности. Именно угроза безопасности государства оправдывает, по мнению реалистов и неореалистов, применение силы. Г. Моргентау редко возражал против возведения какого-либо морального или правового принципа в абсолютно универсальный, стоящий выше суверенитета отдельного государства. Либеральные и неолиберальные мыслители и политики, утверждая приоритет права над силой, связывали свои идеалы с будущим, с преодолением ограниченности государственного суверенитета за счет усиления роли наднациональных и транснациональных структур. Но при этом никто никогда не устанавливал четкой иерархии международно-правовых принципов и норм, никто не указывал, какие из них являются наиболее важными и универсальными.

Идеологи «гуманитарного вмешательства» исходят из того, что принцип уважения прав человека выше принципов неприменения силы и угрозы силой, невмешательства, суверенного равенства государств. Здесь имеет место фундаментальное противоречие между принципом соблюдения и уважения прав человека и принципом невмешательства во внутренние дела других государств. Вопрос о соблюдении прав человека неизбежно сталкивается со сферой внутренней полити-

ки суверенных государств. Следовательно, необходимо делать выбор между одним либо другим принципом.

Подобная же коллизия возникает и между принципом самоопределения наций и принципом территориальной целостности государств. На принцип самоопределения активно ссылались в начале 60-х годов XX в. для обоснования осуществлявшегося тогда процесса деколонизации. Когда большинство колоний получили независимость, на пути реализации этого принципа стали возникать препятствия.

Например, непростая ситуация сложилась в начале 1970-х годов в связи самоопределением населения Восточной Бенгалии. Эта территория в 1948 г. была включена в состав Пакистана, созданного искусственно, по религиозному принципу. Территория нового государства состояла из двух частей, разделенных между собой географически и не имевших ничего общего, кроме того, что подавляющее большинство населения Восточного и Западного Пакистана были мусульманами. Самой многочисленной этнической группой Исламской республики Пакистан оказались бенгальцы, проживавшие в восточной части страны, а административные, политические и экономические центры находились в ее западной части. Среди правящей элиты Пакистана преобладали пенджабцы, пуштуны и представители других народов, населявших западные провинции. Бенгальцы же были в меньшинстве, на их долю приходилось только 10% руководящих постов в государственном аппарате и командных должностей в армии.

Такое положение создавало напряженность между двумя частями Пакистана. А в начале 1970-х годов эта напряженность переросла в открытый этнополитический конфликт. Ситуация осложнялась еще и тем, что немалое число бенгальцев, исповедовавших индуистскую религию, проживало в Индии, с которой Пакистан с первых лет независимости находился в конфронтации. Весной 1971 г. лидеры победившей на выборах партии Авами лиг (Народная лига) призвали население Восточного Пакистана к борьбе за независимость и провозгласили создание Народной Республики Бангладеш. В ответ на эти действия пакистанские власти применили оружие, что, в свою очередь, вызвало вмешательство Индии, первой заявившей о признании независимости Бангладеш. Когда эта конфликтная ситуация рассматривалась в Организации Объединенных Наций, обнаружилось, что существуют разные мнения по поводу путей ее урегулирования. Индия, Советский Союз и еще ряд государств выступили за признание независимости Народной Республики Бангладеш, ссылаясь на принцип самоопределения народов. США и КНР поддержали Пакистан, оправдывавший вооруженное насилие необходимостью защитить свою территориальную целостность.

Поскольку все стороны апеллировали к Уставу ООН и содержащимся в нем принципам международного права, ни Совет Безопасности, ни Генеральная Ассамблея так и не смогли принять однозначного решения по обсуждавшемуся вопросу. Ситуация была урегулирована под воздействием, скорее, политических и военно-политических, а не правовых факторов. Пакистанские вооруженные силы потерпели поражение и фактически вы-

нужны были уйти с территории Восточной Бенгалии. Далее последовало признание Народной Республики Бангладеш большинством государств мира, с этим вынуждены были согласиться Соединенные Штаты и Китай.

В этом случае восторжествовал принцип самоопределения, но одновременно в другой точке «третьего мира», в африканской стране Нигерии при схожей ситуации был реализован принцип территориальной целостности государств.

Там также население одной из провинций, недовольное своим положением в рамках сложного по составу федеративного государства, попыталось отделиться и провозгласить республику «Биафра». Самопровозглашенная республика обращалась с просьбой о своем признании и к африканским странам, и к Соединенным Штатам, и к государствам Западной Европы, и к Советскому Союзу, но везде получила отказ. В итоге движение, названное сепаратистским, было подавлено с не меньшей жесткостью, чем та, которую демонстрировали пакистанские власти в борьбе против национально-освободительного движения Восточной Бенгалии. Но мировое сообщество в этом случае предпочло закрыть глаза, поскольку территориальные изменения могли стать опасным прецедентом на Африканском континенте, где почти все границы были проведены еще в колониальные времена искусственным образом, без учета этнических, экономических и физико-географических реалий.

После завершения деколонизации только еще один исторический период стал периодом интенсивного образования новых государств на основе реализации принципа равноправия и самоопределения народов. На рубеже 80–90-х годов XX в. в условиях кризиса и краха коммунистических режимов распались ЧССР, СФРЮ и СССР. Бывшие союзные республики, входившие в состав этих государств, получили беспрепятственное международно-правовое признание. Но дальнейшее дробление вновь возникших независимых государств было признано международным сообществом нецелесообразным. Сложился неформальный консенсус, в соответствии с которым все самопровозглашенные республики на территории бывших Югославии и Советского Союза не могли быть признаны официально. Этот консенсус действовал в ситуации с сербскими «крайнами» в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Нагорным Карабахом в Азербайджане, Приднестровьем в Молдавии, Абхазией и Южной Осетией в Грузии, а также в Чеченской республике во времена правления Д. Дудаева и А. Масхадова.

Данный консенсус был нарушен в 2008 г., когда США, некоторые страны ЕС и ряд других государств признали односторонне провозглашенную независимость Косово. Этот автономный край в составе Сербии после событий 1999 г. оказался под международным контролем. Там находилась администрация ООН и миротворческие силы стран-членов НАТО и других государств. Изначально было условлено, что

сербский суверенитет над территорией Косово не ставится под сомнение и, следовательно, приоритет отдавался принципу территориальной целостности государств. Однако на практике пришедшие к власти в Косово албанские националисты при бездействии международных сил проводили этническую чистку края, выдавливая или уничтожая сербское население. Тем самым осуществлялась подготовка к его полному отделению от Сербии.

По вопросу будущего юридического статуса Косово среди ведущих государств мира возникли разногласия. Многие страны Запады склонялись к идее полной независимости и суверенитета Косово, а Россия стояла на позиции сохранения территориальной целостности Сербии. Одностороннее провозглашение независимости Косово и последовавшее за этим признание данного акта усилило выявившиеся ранее расхождения и выдвинуло их в центр мировой политики.

Помимо самой Сербии, а также поддерживавших ее России и Китая, одностороннее провозглашение независимости Косово осудили и другие государства мира. Среди них, например, такие страны Западной Европы, как Испания и Греция, государства Азии, Африки и Латинской Америки. Многие политики, юристы и политологи обратили внимание, что события вокруг Косово создали прецедент, который неизбежно повлияет на развитие международных отношений.

Так оно и произошло. Через несколько месяцев после грузинской агрессии в Южной Осетии и вооруженного конфликта в этой самопровозглашенной республике Российская Федерация признала ее независимость, так же как и независимость другой бывшей грузинской автономии — Абхазии. Вслед за Россией независимость Абхазии и Южной Осетии признали Никарагуа и еще некоторые государства, хотя их число и меньше, чем признавших независимость Косово. Снова, как и в прошлом, коллизию между принципом самоопределения и принципом территориальной целостности пытаются разрешить исходя из политизированных подходов, основанных на учете лишь собственных интересов и складывающегося баланса сил. А международно-правовой механизм разрешения данной коллизии отсутствует.

Споры вокруг толкования принципов невмешательства, соблюдения прав человека, территориальной целостности и самоопределения отражают лишь некоторые проблемы, связанные с регулятивной функцией международного права в современном мировом политическом процессе.

Возникают все новые и новые трудноразрешимые проблемы, обусловленные развитием информационных технологий и энергетики, изменением климата, необходимостью преодоления бедности и нищеты, задачами борьбы с терроризмом, пиратством, организованной преступностью и наркоторговлей.

Для решения этих и других проблем требуется тесное сотрудничество между государствами на двухсторонней и многосторонней основе, в рамках международных организаций и неформальных объединений. В свою очередь, международное сотрудничество нуждается в соответствующей нормативной базе. Сегодня международное право не всегда успевает за быстро происходящими переменами. В результате образуются ниши, в которых вместо общепризнанных правовых норм используются партикулярные и специальные нормы, вызывающие неоднозначное толкование и разногласия.

Отставание международного права от развития международных отношений, участившиеся нарушения международно-правовых норм под предлогом их «устарелости» создают опасные ситуации, подрывающие основы миропорядка. Для преодоления такого положения дел необходимы усилия по скорейшей адаптации действующего международного права к современным условиям. Но предпринимать эти усилия следует взвешенно и осторожно, учитывая интересы всех стран и народов современного мира.

Примечания

¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. (Извлечение) // Международное право в документах. М., 2002. С. 17.

² Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. Часть I / Международное право в документах. М., 2002. С. 24.

³ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (Извлечение) / Международное право в документах. М., 2002. С. 117.

⁴ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. (Извлечение) // Международное право в документах. М., 2002. С. 107.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем похожи и в чем различаются между собой политические, моральные и международные нормы?
2. В какой степени и каким путем моральные нормы могут влиять на международную политику?
3. Назовите основные этапы развития международного права.
4. Чем современное международное право отличается от международного права предшествующих исторических эпох?
5. Что такое система современного международного права?
6. Дайте характеристику основных принципов международного права и их роли в регулировании международных отношений.
7. Какие проблемы могут возникнуть в процессе применения норм и принципов международного права и каковы возможные пути их решения?

Глава 16

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

§ 1. Сущность и типология международных организаций

Характерным явлением в международных отношениях последних десятилетий стало возрастание числа и роли международных организаций. Вместе с тем общепринятого и бесспорного определения понятия «международная организация» не существует. За основу и для дальнейшего анализа можно взять следующее определение:

► **международная организация** — учреждение, созданное представителями нескольких государств для совместного достижения общих целей и решения задач, требующих постоянного международного сотрудничества. Международные организации можно разделить на два основных вида — международные межправительственные и международные неправительственные организации.

Международные межправительственные организации — это организации, созданные представителями официальных властей (правительств) суверенных государств. Неправительственные организации создаются представителями неофициальных неправительственных структур, существующих и действующих на территории различных государств.

Первые международные межправительственные организации появились в 20–30-е годы XIX в. Они выросли из международных конференций — института, закрепившегося в практике международных отношений в предшествующее столетие. Международные конференции представляют собой встречи представителей нескольких государств, на которых обсуждаются интересующие их проблемы и принимаются совместные решения. Конференции — по своей природе временные мероприятия. Хотя они могут длиться месяцы, а иногда и годы, сроки работы конференций, в любом случае, ограничены. Чаще всего конференции созывались для выработки условий мирных договоров, решения споров политического, экономического или юридического характера.

Когда в практике международных отношений появились вопросы, требующие постоянного обсуждения и принятия по ним совместных решений, конференции стали превращаться в постоянно действующие учреждения и, таким образом, по основным признакам приближаться

к современным международным организациям. С точки зрения современного международного права, эти признаки таковы:

- международная организация создается на основе международного права, значит, ее цели и задачи не могут противоречить основополагающим международным нормам и принципам;
- международные организации имеют договорной характер, т.е. создаются и действуют на основе международного договора;
- международная организация должна иметь свои постоянные представительные органы, отличающие ее от любых временных образований;
- сферы деятельности организации должны быть четко обозначены;
- международные организации имеют вытекающие из их статуса права и несут связанные с ними обязанности наряду с другими участниками международных отношений;
- международные организации обладают собственной правосубъектностью, отличающейся от правосубъектности создавших их государств; правосубъектность международных организаций дает им возможность заключать юридически правомочные договоры с государствами и другими международными организациями, иметь постоянные представительства и временные делегации, действующие на основе дипломатического права.

Международные межправительственные организации имеют внутреннюю структуру, вытекающую из содержания и характера их деятельности. Как правило, в организации существует пленарный орган, в который входят все постоянные члены, а также наблюдатели из числа представителей государств и международных организаций полноправным членством не обладающих. Пленарный орган обсуждает все вопросы, имеющие отношение к целям и задачам деятельности организации и выносит решение в соответствии с предусмотренным уставными нормами порядком. Пленарный орган работает по той же модели, что и международная организация, поэтому не может действовать постоянно. Для систематической работы в структуре организации создаются более узкие по составу оперативные органы управления, которые могут иметь разные названия: исполкомы, президиумы и т.д. Международная организация в соответствии со своим уставом может иметь лиц, возглавляющих ее, например, президентов, председателей, и отвечающих за все направления деятельности. Для технического обеспечения создаются секретариаты, имеющие собственных руководителей. Финансируется международная организация как за счет взносов государств-членов, так и, в некоторых случаях, за счет коммерческой деятельности.

В теории международных отношений существует несколько типологий международных межправительственных организаций. Исходя из целей, задач и содержания деятельности международных межправи-

тельных организаций они делятся на политические, экономические, военные организации и организации по специальным вопросам.

В центре деятельности политических организаций находятся вопросы преимущественно политического характера: обеспечение международной безопасности, развитие межгосударственного сотрудничества во всех сферах. Такими организациями являются Лига арабских государств, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. К военным или военно-политическим относятся организации, построенные на принципах военного союза и, кроме политического взаимодействия, осуществляющие совместную подготовку к возможному ведению военных действий. В годы «холодной войны» военно-политических организаций было довольно много — это Организация Варшавского договора (ОВД), СЕАТО, СЕНТО и АНЗЮС. Сегодня из них сохранилась лишь Организация Североатлантического договора (НАТО).

Экономические межправительственные организации занимаются проблемами, связанными с торговлей, кредитно-финансовыми отношениями, инвестиционной деятельностью. Международными экономическими организациями являются Всемирная торговая организация (ВТО) и Международный валютный фонд (МВФ).

Большинство современных международных организаций — это организации по специальным вопросам, чья деятельность сосредоточена на отдельных сферах неполитического и неэкономического характера: транспорт — Международная морская организация (ИМО). Международная организация гражданской авиации (ИКАО); связь — Всемирный почтовый союз, Международный союз электросвязи; культура и образование — ЮНЕСКО; здравоохранение — Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ).

Организации, занимающиеся одновременно проблемами политического, экономического и иного характера, выделяют в разряд организаций общей компетенции, например, такой является Организация Африканского единства, недавно преобразованная в Африканский союз. К организациям общей компетенции следует отнести и Организацию Объединенных Наций.

Одновременно ООН является и универсальной международной организацией. Деление международных организаций на универсальные и региональные основано на пространственно-географическом факторе. Членами *универсальных* организаций могут быть все государства мира, что вовсе не налагает на них обязательства быть ими. Кроме ООН, к универсальным относятся организации, входящие в систему ООН: ЮНЕСКО, ИКАО и др. Членами *региональных* организаций могут быть лишь государства конкретного международно-политического или географического региона.

По условиям членства международные организации могут быть разделены на открытые и закрытые. Большинство международных ор-

ганизаций являются открытыми: в них могут вступить все государства, соответствующие критериям полноправного членства или присутствию в качестве наблюдателей. Присутствовать в качестве наблюдателей могут государства, которые не соответствуют критериям полноправного членства, но проявляют интерес к деятельности организации. Закрытые организации сами отбирают кандидатов для вступления в свои ряды и делают им специальные приглашения. Пример такой закрытой организации — НАТО.

В истории политической мысли и в теории международных отношений сложились разные, зачастую прямо противоположные, представления о месте и роли международных организаций в мировом политическом процессе. Представители реалистического направления (политический реализм, неореализм) полагают, что международные организации играют второстепенную роль в международных отношениях. Они рассматривают международные организации либо как поле, на котором государства могут отстаивать свои интересы, либо как инструмент внешней политики какого-либо отдельного государства или группы государств.

Представители либерального направления (политический идеализм, неолиберализм) связывают с деятельностью международных институтов надежды на перестройку всей системы и структуры международных отношений. По их мнению, международные организации могут играть не только отличную от государств, самостоятельную роль в международной политике, но способны постепенно оттеснить государства на периферию такой политики. Более того, либералы и неолибералы всегда полагали, что международные организации могут иметь не только межгосударственный, но и наднациональный характер, т.е. занимать положение над властью отдельных национальных государств. В последние десятилетия неолибералы говорят о возрастании роли международных институтов на фоне резкого снижения роли национальных государств и размывания самого понятия государственного суверенитета.

Обе точки зрения имеют право на существование, поскольку отражают разные стороны одного и того же мирового политического процесса, в первом случае обращаясь к его прошлому, а во втором случае — к будущему.

С одной стороны, и в прошлом, и в настоящем в рамках международных организаций государства реализовывали свои национальные интересы, собственно, ради этого они туда и вступали и вступают. Как показывает политическая практика, международная организация может стать инструментом политики какого-либо государства, если государство будет полностью контролировать деятельность такой организации, оказывать решающее воздействие на принятие и реализацию решений. Примером может служить Организация Североатлантического договора (НАТО), бывшая в годы «холодной войны» инструментом

политики США и оставаясь таким инструментом после ее окончания. Точно так же Организация Варшавского договора в период «холодной войны» была инструментом внешней политики Советского Союза.

С другой стороны, очевидным является увеличение численности международных организаций и повышение их роли в мировой политике. Более того, практика международных отношений свидетельствует, что международные институты, создававшиеся и первоначально функционировавшие как межгосударственные, со временем могут приобретать наднациональные черты и функции. Примером может служить опыт европейской интеграции, путь которой лежал от Европейского экономического сообщества (ЕЭС) к Европейскому Союзу (ЕС).

С появлением международных организаций возникли иные возможности для разрешения межгосударственных конфликтов, а в последнее время и для разрешения конфликтов внутривнутриполитического характера.

§ 2. Возникновение, структура и принципы деятельности ООН

Особую роль в поддержании международной стабильности и обеспечении международной безопасности, предупреждении и урегулировании международных конфликтов играет Организация Объединенных Наций. ООН была создана в соответствии с давней идеей о том, что универсальная организация сможет помочь странам и народам мира навсегда избавиться от войн и конфликтов, заменить силовой механизм регулирования международных отношений политико-правовым.

Первый опыт деятельности универсальной организации, каковой была Лига Наций, основанная в 1919 г., оказался неудачным. Лига Наций не оправдала надежд, она не стала международным институтом, гарантирующим всеобщий мир и безопасность, и после начала Второй мировой войны фактически прекратила свое существование (формально была распущена в 1946 г.).

Проект создания новой универсальной организации начал обсуждаться представителями стран антигитлеровской коалиции уже с конца 1941 г. В годы Второй мировой войны появилось и само название «Объединенные нации», которое первоначально применялось для обозначения государств-участников антигитлеровской коалиции. На прошедшей в апреле—мае 1945 г. в Сан-Франциско конференции был разработан Устав ООН, вступивший в силу в октябре того же года. В соответствии со ст. 1 Устава ООН она была создана для того, чтобы:

- поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии;
- развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов;

- осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка и религии;
- быть центром согласования действий наций в достижении этих общих целей.

В соответствии с Уставом ООН все члены организации должны:

- добросовестно выполнять обязательства;
- разрешать свои международные споры мирными средствами, не подвергая угрозе международный мир, безопасность и справедливость;
- воздерживаться от угрозы силой или ее применения против любого государства;
- оказывать Организации Объединенных Наций всемерную помощь во всех действиях, предпринимаемых в соответствии с Уставом ООН, и воздерживаться от оказания помощи любому государству, против которого ООН предпринимает действия превентивного или принудительного характера.

Первоначально в состав ООН вошло только 51 государство, поскольку странам — союзникам Германии и Японии, так же как и им самим, путь в организацию был закрыт. Впоследствии число членов ООН расширялось как за счет этих же государств, так и за счет новых, возникших в результате деколонизации. Последняя волна расширения числа членов ООН пришлось на начало 90-х годов XX в. и была связана с распадом таких сложных государств, как СССР, СФРЮ, ЧССР, выходом Эритреи из состава Эфиопии. Сегодня число государств—членов Организации Объединенных Наций превысило 190 и может еще возрастать.

При создании ООН были учтены идеи английского историка Д. Митрани, который в годы Второй мировой войны пришел к выводу о том, что причиной краха Лиги Наций была сама идея, изначально лежавшая в основе ее создания. Лига Наций задумывалась как международный институт общеполитического характера, при том что уровень конфликтности международных отношений оставался традиционно высок. В результате в обсуждении вопросов политического сотрудничества постоянно проявлялась межгосударственная разобщенность и несходство интересов. Поэтому Д. Митрани предложил начинать поиски пути к международному сотрудничеству не с глобальных политических проблем, а с конкретных вопросов неполитического характера, представляющих интерес для самых разных государств независимо от их общественного устройства. Именно для решения таких конкретных вопросов есть необходимость и возможность создания международных

организаций, которые Д. Митрани назвал организациями функционального типа. Это организации, дистанцирующиеся от политической проблематики и сосредоточившие свою деятельность на решении конкретных вопросов. Д. Митрани считал, что совместная работа представителей разных государств в рамках таких организаций покажет преимущества международного сотрудничества перед конфронтацией и приведет их к пониманию необходимости сотрудничества и более высокого уровня взаимного доверия. Функциональные организации могут стать, по мнению Д. Митрани, тем фундаментом, которого была лишена Лига Наций и что предопределило ее гибель.

В систему ООН наряду с уже существовавшими ранее организациями функционального типа, например Международной организацией труда (МОТ), были включены около тридцати новых. Все они как специализированные учреждения работают в различных сферах жизнедеятельности мирового сообщества, дополняя общие усилия ООН по выполнению заявленных в ее Уставе задач. Функциональный, исключительно технический характер деятельности организаций системы ООН позволил им успешно пережить глобальную международную конфронтацию периода «холодной войны» и попутно решать немало стоящих перед человечеством проблем, например, помощь жертвам международных и внутригосударственных конфликтов оказывает Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) и Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев.

В структуру самой Организации Объединенных Наций входят ее высшие органы — Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и социальный совет, Совет по опеке, Международный суд, а также Секретариат. Генеральная Ассамблея является пленарным органом ООН, в которой все ее полноправные члены обладают одним решающим голосом. В заседаниях ООН кроме представителей государств-членов могут принимать участие и представители других международных межправительственных и неправительственных организаций и движений с правом совещательного голоса. Генеральная Ассамблея собирается на ежегодные сессии, которые начинаются в третий вторник сентября и продолжаются до декабря. В начале каждой сессии проводятся общие прения, потом работа продолжается в шести главных комитетах: первый комитет занимается вопросами разоружения и международной безопасности; второй — экономическими и финансовыми вопросами; третий — социально-гуманитарными и культурными вопросами; четвертый — социально-политическими вопросами, в частности, раньше это были вопросы деколонизации; пятый — административными и бюджетными вопросами; шестой комитет занимается правовыми вопросами. В случае необходимости работа сессии Генеральной Ассамблеи может быть продолжена, а после ее завершения могут специально созываться чрезвычайные сессии. Чрез-

вычайные сессии созываются по требованию Совета Безопасности, а также большинства членов ООН. Чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи может быть созвана и по требованию одного члена Организации, если его поддерживает большинство остальных.

Устав ООН определяет следующие функции и полномочия Генеральной Ассамблеи:

- рассматривать принципы сотрудничества в деле поддержания международного мира и безопасности, в том числе принципы, определяющие разоружение и регулирование вооружений, и выработать рекомендации в отношении этих принципов;
- обсуждать любые вопросы, относящиеся к международному миру и безопасности, и выработать по ним рекомендации, за исключением тех случаев, когда спор или ситуация находятся на рассмотрении Совета Безопасности;
- обсуждать и за тем же исключением выработать рекомендации по любым вопросам в пределах Устава или по вопросам, касающимся полномочий и функций любого органа ООН;
- организовывать исследования и выработать рекомендации в целях: содействия международному сотрудничеству в политической области, развития и кодификации международного права, осуществления прав человека и основных свобод для всех и содействия международному сотрудничеству в экономической и социальной областях, а также в области культуры, образования и здравоохранения;
- рекомендовать меры мирного урегулирования любой ситуации, которая могла бы нанести ущерб дружественным отношениям между нациями;
- получать и рассматривать доклады Совета Безопасности и других органов Организации Объединенных Наций;
- рассматривать и утверждать бюджет ООН и определять размеры взносов отдельных членов;
- избирать непостоянных членов Совета Безопасности, членов Экономического и социального совета и подлежащих избранию членов Совета по опеке;
- совместно с Советом Безопасности участвовать в избрании судей Международного Суда и по рекомендации Совета Безопасности назначать Генерального секретаря.

Решения Генеральной Ассамблеи по процедурным внутриорганизационным вопросам принимаются простым большинством голосов. По вопросам принятия новых членов ООН, принятия бюджета требуется квалифицированное большинство: $\frac{2}{3}$ голосов + 1 голос. Столько же необходимо для принятия решений по вопросам мира и безопасности. Однако решения Генеральной Ассамблеи по этим вопросам не носят юри-

дически обязательного характера. Они важны с морально-политической точки зрения, поскольку отражают позицию большинства международного сообщества. В этом плане решения Ассамблеи могут воздействовать на ситуации в зонах конфликтов, а также везде, где возникает угроза всеобщей безопасности, но юридически обязательные решения, согласно Уставу ООН, может принимать Совет Безопасности.

В отличие от Генеральной Ассамблеи Совет Безопасности работает на постоянной основе, при необходимости он может быть созван в любое время суток, так как именно Совет Безопасности несет главную ответственность за сохранение всеобщего мира, предупреждение и устранение всех угроз мировому сообществу. Начиная с 1965 г. Совет Безопасности состоял из пяти постоянных и десяти непостоянных членов. Непостоянные члены избираются Генеральной Ассамблеей сроком на два года. Ежегодно должны переизбираться пять непостоянных членов, при этом должны сохраняться региональные квоты на представительство в Совете Безопасности. Отличие постоянных членов, в число которых входят США, РФ, КНР, Великобритания и Франция, от непостоянных в том, что, кроме постоянного членства, при принятии решений они обладают привилегией, известной как «право вето». Решения Совета Безопасности принимаются, когда за них проголосуют не менее девяти из пятнадцати членов, если при этом ни один из постоянных членов не выскажется против. Таким образом, голосуя против, любой постоянный член Совета Безопасности может заблокировать принятие решения. Все решения Совета Безопасности имеют обязательную юридическую силу и опираются на поддержку наиболее влиятельных государств мира.

Функции и полномочия Совета Безопасности в соответствии с Уставом ООН заключаются в следующем:

- поддерживать международный мир и безопасность в соответствии с принципами и целями ООН;
- расследовать любой спор или любую ситуацию, которые могут привести к международным конфликтам;
- рекомендовать методы урегулирования таких споров или условия их разрешения;
- выработать планы для создания системы регулирования вооружений;
- определять наличие угрозы миру или акта агрессии и рекомендовать меры, которые следует предпринять;
- призывать членов Организации к применению экономических санкций или других мер, не связанных с использованием силы, для предупреждения или прекращения агрессии;
- предпринимать военные действия против агрессора;
- рекомендовать принятие новых членов;
- осуществлять функции Организации Объединенных Наций по опеке в «стратегических районах»;

- вырабатывать рекомендации Генеральной Ассамблеи о назначении Генерального секретаря и вместе с Ассамблеей избирать судей Международного Суда.

На своих заседаниях Совет Безопасности принимает обязательные для исполнения резолюции по вопросам, относящимся к его компетенции. При возникновении угрозы миру и безопасности Совет Безопасности должен принять меры для урегулирования конфликтной ситуации и предложить мирные способы решения спорных вопросов. Если дело доходит до вооруженного насилия, Совет Безопасности обязан предпринять шаги к его прекращению. В соответствии с Уставом ООН только Совет Безопасности имеет легитимное право на использование силы для восстановления мира и пресечения агрессии. Совет Безопасности может прибегнуть и к принудительным мерам, обеспечивающим выполнение принятых им решений. Это могут быть экономические санкции, эмбарго на поставку оружия, при крайней необходимости Совет Безопасности может санкционировать коллективные военные действия, как это случилось в 1991 г., когда была принята резолюция о применении силы против Ирака, оккупировавшего территорию Кувейта.

Экономический и социальный совет (ЭКОСОС) координирует деятельность ООН по решению экономических и социальных проблем мирового развития. В состав ЭКОСОС входят 54 члена ООН, избираемых Генеральной Ассамблеей ООН сроком на три года. Под эгидой ЭКОСОС действуют специализированные организации и учреждения ООН, которые решают экономические, социальные, гуманитарные и культурные проблемы. По линии ЭКОСОС осуществляется официальная помощь ООН слаборазвитым странам. Общая сумма этой помощи исчисляется миллиардами долларов, часть этих денег идет на решение проблем, возникающих в зонах международных и внутригосударственных конфликтов, стихийных бедствий и природных катастроф.

Совет по опеке был создан для помощи в обретении полной независимости и государственного суверенитета населению тех территорий, которые ранее не были самостоятельными. Предполагалось, что бывшие колонии и другие зависимые территории будут переходить первоначально под управление Совета по опеке. А уже потом, после переходного периода, власть от временной администрации должна была переходить к легитимным органам, представляющим население ранее несамостоятельных территорий. На практике деколонизация в целом шла иначе, и под управлением Совета по опеке оказалось лишь несколько небольших территорий, сегодня ставших самостоятельными.

Международный Суд был создан еще в 1919 г. под эгидой Лиги Наций, а в 1945 г. включен в структуру ООН в качестве ее полноправного органа.

Секретариат ООН задумывался как структура, обеспечивающая административный и технический аспект ее деятельности. В настоящий момент в Секретариате работает почти девять тысяч человек, выполня-

ющих самые разнообразные функции, в том числе и связанные с урегулированием конфликтных и кризисных ситуаций: это и посредничество на переговорах, и выработка мирных предложений, и организация оказания гуманитарной помощи жертвам конфликтов. В аппарате Секретариата трудится большое количество переводчиков, референтов, технических секретарей, без которых работа ООН невозможна.

Возглавляет Секретариат Генеральный секретарь ООН. В соответствии с Уставом он должен доводить до сведения Совета Безопасности информацию о всех угрозах международному миру и безопасности, а также выполнять поручения как Совета Безопасности, так и Генеральной Ассамблеи и других высших органов ООН. На практике роль Генерального секретаря ООН в мировой политике, в том числе и в разрешении проблем урегулирования внутренних и международных конфликтов, больше, чем первоначально предполагалось. Это обстоятельство принимается во внимание, когда обсуждаются проекты реформирования Организации Объединенных Наций.

§ 3. Основные направления реформирования ООН

Вопрос о реформе Организации Объединенных Наций встал в повестку дня мировой политики в конце 80-х годов XX в. Необходимость реформирования главной универсальной организации объяснялась тем, что за десятилетия ее существования мир радикально изменился. Многократно увеличилось число государств—членов ООН. В процессе ее деятельности выявились недостатки функционирования некоторых органов, потребовалось уточнить круг их задач. Например, руководящий орган ООН Совет по опеке обнаружил свою нежизнеспособность, а деятельность такого органа как ЭКОСОС оказалась более востребованной, чем предполагалось ранее.

В конце 1980-х годов общепринятой стала точка зрения, в соответствии с которой считалось необходимым прежде всего преобразовать Совет Безопасности ООН за счет увеличения числа его постоянных и непостоянных членов. Остро критиковалась миротворческая деятельность ООН, поскольку далеко не все проведенные миротворческие операции были эффективными и не все они достигли изначально декларируемых целей.

В 90-е годы XX в. и в начале XXI в. критика миротворческой деятельности ООН усилилась. Неспособность ООН обеспечить выполнение собственных решений по предупреждению и урегулированию конфликтов во многих «горячих точках» мира, возникших после окончания «холодной войны», привела к тому, что некоторые региональные организации, не обладая для этого соответствующими полномочиями, стали присваивать себе ее функции. Отдельные государства пытались действовать самостоятельно, в обход решений Совета Безопасности

ООН с нарушением ее Устава. Свои действия они оправдывали тем, что ООН устарела и не всегда способна соответствовать меняющимся реалиям мировой политики, отвечать на новые вызовы глобальной и региональной безопасности. Примеры этого — действия НАТО против Югославии в 1999 г. а также вооруженное вторжение в Ирак в 2003 г.

Проблема реформы Организации Объединенных Наций постоянно обсуждалась в рамках дискуссий, шедших как в среде научной общественности, так и среди политиков и дипломатов самого высокого уровня. Не осталась в стороне от таких дискуссий и сама Организация. Несколько раз вопросы реформирования ООН обсуждались в рамках проводившихся под эгидой этой же Организации международных форумов, на заседаниях ее руководящих органов. В качестве примера можно назвать «Саммит тысячелетия», прошедший в 2000 г. и Всемирный саммит 2005 г. В сентябре 2003 г. Кофи Аннан, бывший тогда Генеральным секретарем ООН, выступил на 58-й сессии Генеральной Ассамблеи и предложил создать Группу высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Такая группа, получившая неофициальное название «*группы мудрецов*», была впоследствии создана. В ее состав вошли авторитетные политические и общественные деятели, ученые из разных стран мира. От России в «группу мудрецов» вошел Е. М. Примаков, который был известен как крупный специалист в области международных отношений и имел большой опыт политической и научной деятельности.

Не все выработанные в рамках «группы мудрецов» предложения по совершенствованию деятельности ООН нашли поддержку, но некоторые были использованы для выработки практических решений по реформированию организации. В частности, это относится к созданию таких новых структур в рамках ООН, как Совет по правам человека и Комиссия по миростроительству.

Совет по правам человека (СПЧ) был создан взамен ранее существовавшей Комиссии по правам человека (КПЧ) на основе принятой 15 марта 2006 г. резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Деятельность КПЧ в начале XXI в. часто подвергалась критике со стороны разных государств мира. Одним не нравился в деятельности Комиссии излишний, по их мнению, интерес к внутренней политике суверенных государств, другие, напротив, критиковали КПЧ за отсутствие действенных результатов в защите прав человека во многих странах мира. Третьих не устраивал неопределенный статус Комиссии и ее слишком большая численность. Так или иначе, КПЧ раздирали серьезные противоречия, негативно влиявшие на ее деятельность.

По сравнению с Комиссией по правам человека Совет по правам человека получил более высокий статус в рамках Организации Объединенных Наций. Теперь он считается вспомогательным органом Генеральной Ассамблеи ООН. Численность членов СПЧ ограничена 47 государствами, которые должны соответствовать специально установленным кри-

териям. Одновременно признается, что все государства—члены ООН имеют право на вхождение в состав Совета на основе принципа ротации.

Главная задача СПЧ — создание механизма универсального периодического обзора ситуации с правами человека в отдельных странах (УПО). При разработке параметров УПО столкнулись разные подходы и мнения. Российской делегации удалось закрепить диалоговый характер УПО и подтвердить ведущую роль государств в нем. По мнению российской стороны, готовящиеся в СПЧ обзоры должны быть беспристрастными и иметь своей основной целью содействие всестороннему соблюдению прав человека, а не реализацию внешнеполитических интересов отдельных государств. Кроме того, оценивая состояние с правами человека, следует учитывать уровень социально-экономического развития, религиозные и культурные традиции, особенности правовых систем отдельных стран. Пока Совет по правам человека только начал свою работу, поэтому о том, насколько данная структура будет эффективной, судить еще рано.

Другая новая структура в рамках ООН — *Комиссия по миростроительству* (КМС) — была создана в соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности Организации Объединенных Наций от 20 декабря 2005 г. Создание КМС обусловлено качественными изменениями в миротворческой деятельности ООН, происшедшими на рубеже XX и XXI вв. Если прежде в этой деятельности преобладали операции по поддержанию мира, имевшие ограниченные задачи, связанные с предотвращением открытого насилия в зонах вооруженных конфликтов и обеспечением минимальных условий для выполнения решений по их мирному урегулированию, то в последнее десятилетие все чаще возникла необходимость проведения операций по миростроительству. Такие операции, кроме традиционных мер, направленных на пресечение рецидивов возобновления вооруженного противоборства, предусматривают осуществление комплекса мероприятий, направленных на восстановление социальной инфраструктуры в зонах конфликтов после завершения первых этапов процесса их урегулирования.

Проведение операций по миростроительству требует привлечения, помимо воинских контингентов, действующих под эгидой ООН или региональных международных организаций, также полицейского и административного персонала, многочисленных специалистов в различных сферах общественной жизни. Операция по миростроительству — весьма затратное мероприятие, она обеспечивается ресурсами из самых различных источников: взносы международных организаций, государств-доноров, различные фонды, а также жертвования от частных лиц и структур. Все это обуславливает сложный и комплексный характер операций по миростроительству, требующий тщательной координации и серьезного организационного обеспечения.

По изначальному замыслу Комиссия по миростроительству должна строить свою деятельность на стыке усилий, предпринимаемых Сове-

том Безопасности, Экономическим и социальным советом ООН, представителями международных финансовых институтов и донорского сообщества, для стабилизации ситуации в зонах, где удалось добиться прекращения вооруженной фазы конфликта. При создании КМС было оговорено, что в ее оргкомитет должны войти представители 31 государства. В результате проведенных консультаций и дискуссий были определены следующие принципы представительства в КМС: 7 государств представляют Совет Безопасности ООН (5 постоянных членов и 2 непостоянных члена); 7 членов ЭКОСОС, избранных от государств различных регионов; 5 членов представляют крупнейшие государства-доноры фондов, программ, бюджетов ООН и ее специализированных учреждений; 5 членов от стран, предоставляющих крупнейшие воинские контингенты для проведения миротворческих операций под эгидой ООН; 7 членов избираются Генеральной Ассамблеей ООН с учетом представительства всех стран и регионов, переживших и переживающих постконфликтное восстановление.

Методы, формы и направления своей деятельности КМС апробировала на примере двух африканских стран — Бурунди и Сьерра-Леоне. На основе информации, собранной в этих странах полевыми миссиями, были выработаны стратегии миростроительства для каждой из них.

В своей деятельности члены КМС стремятся сотрудничать с различными заинтересованными сторонами — структурами гражданского общества, политическими партиями, религиозными общинами, представляющими население зоны конфликтов, с работниками миссий ООН, других международных организаций, оказывающими содействие в восстановлении мирной жизни.

Поскольку наличных финансовых средств к началу проведения операций по миростроительству бывает недостаточно, по решению Генерального секретаря ООН был создан специальный Фонд миростроительства. Этот Фонд должен стать специальным механизмом КМС, позволяющим оперативно выделять минимально необходимые ресурсы странам, которые только начинают выходить из конфликтной ситуации.

Внутри Организации Объединенных Наций продолжается обсуждение вопросов о дальнейшей деятельности КМС, поскольку процесс становления этой новой структуры, призванной повысить эффективность миротворческой деятельности, продолжается.

Центральным вопросом дискуссий по проблемам реформирования Организации Объединенных Наций изначально был вопрос о количественных и качественных изменениях в составе Совета Безопасности ООН. К концу первого десятилетия XXI в. выявились различные подходы к решению этого вопроса со стороны разных государств мира. Наиболее активно идею расширения Совета Безопасности ООН поддерживают Германия, Япония, Индия и Бразилия, получившие в связи с этим неофициальное название «группа четырех». Все эти государства

давно назывались в качестве вероятных претендентов на получение статуса постоянных членов этого важнейшего для мировой политики органа. «Группа четырех» в 2005 г. предложила свой проект реформы Совета Безопасности. В соответствии с ним СБ ООН должен быть расширен до 25 членов. При этом предлагается создать 6 новых постоянных мест (2 для Азии, 2 для Африки, по 1 для Западной Европы и Латинской Америки) и 4 дополнительных непостоянных места. Авторы этого проекта считают, что для его принятия достаточно получить поддержку $\frac{2}{3}$ членов Генеральной Ассамблеи ООН. Затем путем тайного голосования должны быть избраны новые постоянные члены Совета Безопасности. Проведенные изменения следует закрепить в Уставе ООН, для чего потребуется ратификация соответствующих поправок в этот важнейший нормативный акт парламентами не менее $\frac{2}{3}$ государств—членов ООН. Причем в это число должны войти все пять нынешних постоянных членов Совета Безопасности.

Предложение «группы четырех» не было единогласно принято всеми государствами. Категорически против него выступила, например, Италия. Для этой страны предоставление Германии и Японии, потерпевших поражение во Второй мировой войне, статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН выглядит как дискриминация Италии, бывшей в те годы союзницей этих стран.

Группа африканских государств, преследуя собственные цели, предложила свой проект расширения Совета Безопасности ООН до 26 членов. Эти государства добиваются выделения Африке 2 постоянных и 5 непостоянных мест в данном органе. Однако по вопросу кандидатур на постоянное членство в Совете Безопасности ООН от Африканского континента пока согласованного решения нет, и споры продолжаются.

Большая группа стран, представляющая разные континенты, составила так называемый «кофейный клуб», впоследствии получивший название «Объединившиеся в поддержку консенсуса». Участники этой группы, куда входят такие государства, как Алжир, Канада, Кения, Испания, Мексика, Южная Корея и др., считают, что увеличение числа постоянных членов СБ ООН противоречит курсу на демократизацию международных отношений, поскольку усиливает дифференциацию внутри мирового сообщества. По мнению этой группы, лучшим решением будет увеличение числа непостоянных членов СБ ООН на 10 государств, выдвигаемых на основе справедливого географического принципа. Предусматривается возможность переизбрания непостоянных членов Совета Безопасности до истечения срока их полномочий, если они не справляются со своими обязанностями.

Нет пока единого мнения относительно изменений в Совете Безопасности ООН и среди его постоянных членов. Великобритания и Франция готовы поддержать проект «группы четырех», поскольку он предусматривает сохранение за данными государствами нынешнего ста-

туса. А есть и другое предложение — предоставить единое постоянное место в СБ ООН всему Европейскому Союзу.

Позиции США и КНР частично сходятся, но в чем-то диаметрально противоположны. С одной стороны, и США и Китай высказываются против проекта «группы четырех», с другой — США поддерживают предложение о предоставлении места постоянного члена СБ ООН Японии, а КНР выступает резко против. Китайская сторона считает, что Япония еще не искупила своей вины за преступления, совершенные в годы Второй мировой войны. По мнению США, Совет Безопасности ООН может быть увеличен не более чем до 19–20 членов. США предложили выработать критерии постоянного членства в этом важнейшем органе, включающие численность населения страны, ее экономический потенциал, военную мощь, способность участвовать в миротворческих операциях, приверженность принципам демократии и соблюдения прав человека, участие в борьбе с терроризмом, размер финансовых взносов в бюджет ООН и ее специализированных учреждений и организаций.

Отношение Российской Федерации к вопросу реформы Совета Безопасности ООН можно назвать противоречивым. С одной стороны, высшие представители российской власти неоднократно высказывались в поддержку Бразилии, Индии, Германии и Японии как возможных кандидатур на место постоянных членов этого органа. С другой — для России важно сохранить нынешний статус одного из пяти постоянных членов СБ ООН. А некоторые из предлагающихся вариантов могут поставить этот статус под сомнение. Кроме того, в Москве опасаются, что разногласия по вопросу изменений состава СБ ООН могут вызвать раскол среди государств—членов организации. Поэтому Российская Федерация выступает за такой поиск приемлемой формулы расширения числа членов Совета Безопасности, который найдет широкую поддержку и будет способствовать не ослаблению, а усилению Организации Объединенных Наций. Поскольку такая формула пока не найдена, дискуссия о реформе Совета Безопасности, в частности, и о реформировании Организации Объединенных Наций в целом продолжается.

Контрольные вопросы и задания

1. Как разные школы и направления теории международных отношений оценивают место и роль международных организаций в современной мировой политике?
2. Назовите основные типы международных межправительственных организаций.
3. Какова роль международных неправительственных организаций в мировой политике?
4. Когда и как принималось решение о создании ООН?
5. Назовите руководящие органы ООН.
6. Назовите основные направления миротворческой деятельности ООН и других международных организаций.
7. Какие подходы существуют сегодня к вопросу о реформировании ООН?

ЧАСТЬ III

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

§ 1. Теоретические концепции внешней политики

Анализируя внешнюю политику государства, можно опираться на различные методологические подходы. Интересен подход американского исследователя Г. Аллисона, который выделяет три основные модели формирования внешней политики¹. Первая модель — классическая, в которой внешняя политика представляется результатом сознательной, целенаправленной, рациональной деятельности актора (государства в целом, правительства и/или их руководителя); вторая модель — представление о внешней политике как следствии комплекса организационных актов и процессов; третья модель — внешняя политика как результат политического торга ведомств и их лидеров, происходящего внутри правительства, а также в его отношениях с лоббистами.

Классический взгляд на внешнюю политику, представленный прежде всего в концепции «политического реализма» и в геополитике и соответствующий первой модели Г. Аллисона, видит в ней «поведение» государства. Государство рассматривается как единое целое и отождествляется с одним человеком. Такое понимание политики верно по отношению к Древнему миру и Средневековью, когда международные отношения были фактически отношениями правящих монархов. Такое понимание внешней политики оправдано и в случаях с диктаторскими авторитарными и тоталитарными режимами, при которых внешнеполитический курс определяется одним человеком — вождем или диктатором, при минимальном участии ближайшего окружения.

В первой части работы была дана критика «реалистических» представлений о внешней политике и охарактеризованы некоторые альтернативные политическому реализму концепции, в частности концепция Дж. Розенау (см. гл. 4). Эта концепция, на наш взгляд, соответствует второй модели формирования внешней политики. Данная модель основана на понимании государства как института, состоящего из совокупности различных организационных структур и не являющегося чем-то однородным, монолитным. Проблемы международной политики госу-

дарства имеют сложный, комплексный характер, и это требует их передачи в ведение отдельных организационных структур, которые будут нести за них всю полноту ответственности. Сама внешняя политика складывается из отдельных действий государства на международной арене, и каждое такое действие представляет собой результат процессов, протекающих в русле определенных процедур. Ресурсы, используемые во внешней политике государством (политико-дипломатические, экономические, военные, правовые, информационные и т.д.), находятся в ведении его отдельных структурно-организационных подразделений (МИД, Министерства обороны, Министерства финансов и т.д.). Когда высшая власть выбирает какие-либо альтернативные средства достижения внешнеполитических целей, она опирается на организационные возможности соответствующих структур государственного аппарата. Эти же структуры предоставляют информацию для принятия внешнеполитических решений. Причем эта информация поступает в таком виде, который отражает специфику данной организации, ее видение международных проблем.

Например, военные ведомства акцентируют внимание на военно-политических аспектах национальной безопасности, а дипломаты в большей степени учитывают и иные аспекты этой же проблемы.

Деятельность всех организаций в структуре государственного аппарата строго формализована и запрограммирована, цели и средства их достижения определяются заранее и формулируются в строго очерченных рамках. У каждой организации имеется ограниченный набор процедур решения задач. Способы функционирования организаций стабильны и меняются лишь незначительно в случае возникновения непредвиденных ситуаций. Хотя сфера компетентности каждой из организационных структур по формированию и осуществлению внешней политики заранее определена, все же их деятельность может пересекаться. Это требует координации со стороны центральной власти. Высшее руководство несет ответственность за выработку и реализацию политического курса, именно оно определяет, какая организация занимается той или иной проблемой. Но, как считал Г. Аллисон, центральная власть не может непосредственно руководить их повседневной деятельностью, а может лишь ее корректировать. Он также полагал, что долговременное планирование деятельности организаций невозможно, если же таковое осуществляется, то оно неизбежно носит формальный характер.

Г. Аллисон обращал внимание и на то, что отдельные структуры внутри государственного аппарата при формулировании общих целей внешней политики могут преследовать свои собственные узковедомственные интересы. Они стремятся избежать таких негативных для

себя явлений, как сокращение бюджетного финансирования, а также могут вторгаться в сферу деятельности других структур. В этой связи Г. Аллисон выдвигает бюрократическую концепцию, соответствующую третьей модели внешней политики.

Бюрократическая теория внешней политики основывается на идеях теории организации, дополняя их признанием того, что наблюдаемая внешняя политика государства всегда есть итог сложных отношений между участвующими в выработке, принятии и осуществлении внешнеполитического курса ведомствами. Каждое такое ведомство подвергается лоббированию извне и действует в обстановке межведомственных конфликтов, столкновения интересов, амбиций руководителей. Эти сложные взаимодействия либо встроены в систему разделения властей (в демократиях), либо в систему придворных интриг (при авторитарном или тоталитарном политическом устройстве). Практика и технология политико-бюрократических игр вокруг конкретных политических курсов подробно описаны в трудах Г. Киссинджера, И. Дестлера, Р. Аксельрода, Д. Дейвиса, Г. Аллисона, М. Хэлперина и др. Например, Г. Киссинджер пишет:

«Не существует такой вещи, как американская внешняя политика. Серия шагов, приведших к определенному результату, возможно, даже не планировалась ради достижения этого результата»².

При принятии решения договаривающиеся стороны руководствуются не столько прагматическими соображениями в русле решения проблемы, сколько соображениями открытого или неявного политического или статусного торга в отношениях друг с другом. В итоге обычно принимается не абстрактно «лучшее» решение, а такое, по которому может быть достигнут компромисс в политическом торге внутри принимающей решение группы. Признание факта такого торга и его исключительно высокого значения для внешнеполитических решений вызвало к жизни исследования роли элит и групп давления в формировании и осуществлении внешней политики. В работах Г. Алмонда, Г. Колко, Б. Коэна, С. Р. Милса, П. Мотта, Ф. Хантера и других исследователей подробно описаны роль и значение элит и групп давления, а также объективные факторы, определяющие пределы их возможного влияния на политику вообще и внешнюю политику в частности.

В реальной действительности в процессе формирования и осуществления внешней политики любого государства, включая и Россию, можно увидеть элементы всех трех моделей, описанных Г. Аллисоном, поэтому практически любая теоретическая концепция должна приниматься во внимание, так как они отражают разные аспекты и стороны такого сложного и многогранного явления, как внешнеполитический процесс.

§ 2. Теория и практика принятия внешнеполитических решений

Проблема принятия внешнеполитических решений стала привлекать внимание с конца 50-х годов XX в. Исследование этой проблемы начинается в рамках модернистского направления, стремившегося использовать для анализа международных отношений теоретические и методологические подходы естественных и социально-гуманитарных наук. Особое место в ряду этих наук принадлежит **политической психологии**. Поскольку политика, в том числе и международная, представляет собой деятельность людей, весьма важно понимание мотивов, которыми они руководствуются.

В политической психологии сформировалось несколько подходов к изучению процесса принятия внешнеполитических решений.

Исторически первыми стали исследования на основе методологии психоанализа и идей З. Фрейда и его последователей. Один из основоположников американской политической науки **Г. Лассуэл** пытался через выявление патологических черт личности некоторых политических лидеров объяснить их поведение, причины принимавшихся ими решений по вопросам внутренней и внешней политики.

В годы Второй мировой войны, когда, с одной стороны, существовала острая потребность знать, какие шаги предпримет руководство нацистской Германии, с другой — ощущался дефицит такой достоверной информации, американский психолог У. Лангер по заданию разведывательных служб провел специальное исследование личности А. Гитлера. На основе изучения биографии нацистского диктатора, его отношений с матерью и отцом с помощью фрейдистской методологии были сделаны выводы о возможных решениях, которые будут приниматься «фюрером» в тех или иных ситуациях.

Как указывали критики данного направления, увлечение фрейдистской методологией приводило к излишней психологизации политических явлений и процессов, игнорированию факторов непсихологического характера, влияющих на принятие внешнеполитических решений. Поэтому со временем психоанализ в исследовании международной политики стали применять реже.

Представители другого направления американской политической психологии акцентировали внимание на личностных качествах политических лидеров, прежде всего президентов, и на условиях, в которых эти качества оказывают влияние на процесс принятия внешнеполитических решений. Они предполагали, что в определенных международно-политических ситуациях, особенно кризисных, личные качества государственных лидеров приобретают весьма важное значение. В рамках данного направления постепенно было выработано

общепризнанное и часто сегодня используемое в изучении процесса принятия внешнеполитических решений понятие *«операциональный код»*. В самом общем виде оно включает систему основных принципов, которыми руководствуются политические лидеры при определении внешнеполитической стратегии.

По мнению известных американских специалистов в этой области **А. Джорджа** и **О. Холсти**, в состав операционального кода в первую очередь входят правила, позволяющие политическим лидерам преодолевать ограничения при принятии рациональных решений. К таким ограничениям относятся: неполная информация о ситуации, в которой принимается решение; недостаточно адекватная информация об отношениях между целями и средствами, что затрудняет предвидение последствий принятого решения; значительные трудности в определении критерия выбора между предлагаемыми альтернативными решениями. В операциональный код входит и понимание того, что такое политика и каким целям она должна служить, общие представления о политических конфликтах и путях их разрешения, понимание закономерностей развития международных политических процессов, умение вырабатывать политическую стратегию и тактику, а также четкое отношение к потенциальным противникам и партнерам. В операциональный код включают личностные качества политических лидеров, их психологические свойства, такие как готовность идти на риск, склонность к авантюризму или, наоборот, чрезмерная осторожность и нерешительность.

В системе убеждений по проблемам внешней политики, которые отождествляются с операциональным кодом, А. Джордж выделяет две группы: первая группа убеждений условно называется «философской», вторая — «инструментальной». «Философские убеждения» включают в себя: убеждения о фундаментальной природе внешней политики и международных конфликтов; стереотипы восприятия противников; представления об общих перспективах достижения каких-либо внешнеполитических целей и т.д. К «инструментальным» относятся убеждения политических лидеров о правильной стратегии и тактике, о способах наиболее эффективного достижения внешнеполитических целей.

В американской политической психологии были осуществлены исследования особенностей принятия внешнеполитических решений некоторыми президентами США последних десятилетий. Особое внимание привлекли фигуры недавно умершего Рональда Рейгана и его предшественника на президентском посту, ныне здравствующего Джимми Картера. Оценивая личность Д. Картера, политологи и психологи отмечали его высокий интеллект, феноменальную память, исключительную работоспособность. Однако столь высокие качества не помогли Картеру в полной мере справиться со своими президентскими обязанностями. При принятии ряда важных внешнеполитиче-

ских решений он допустил серьезные, с точки зрения интересов США, ошибки. Политические психологи отмечали, что, находясь на президентском посту, Картер демонстрировал высокую самооценку и самоуверенность. Это приводило к возникновению у него иллюзий, в том числе и в сфере внешней политики. Кроме того, Картер отличался весьма жестким мышлением, придя к какому-либо выводу или оценке, он с большим трудом менял свое мнение, даже если его неправота становилась очевидной. Еще в момент вступления Дж. Картера в должность президента США специалисты делали прогнозы, что его личные качества и обуревающие его фантазии могут привести американскую внешнюю политику к серьезным трудностям. В итоге так и случилось. Конец президентского срока Картера был отмечен такими событиями, как кризис вокруг американских заложников в Ираке и возобновление конфронтации с Советским Союзом.

В отличие от Дж. Картера, Рональд Рейган не отличался высокой работоспособностью. До прихода в Белый дом он слабо разбирался в международной политике, его кругозор был крайне узок. Рейган даже гордился тем, что после Библии он не прочитал ни одной книги. Несмотря на это считается, что Рейган был одним из лучших президентов в истории США. В период его президентства американская экономика вышла из кризиса, Соединенные Штаты добились серьезных внешнеполитических успехов, определивших исход «холодной войны». Очевидно, личные качества Рейгана оказались наиболее адекватными той ситуации, в которой ему пришлось действовать. Известный американский политический психолог **Маргарет Херманн** отмечала, что Р. Рейгану, в отличие от лидеров других государств, были присущи гипертрофированный национализм, сильная потребность во власти, высокая способность концентрироваться на поставленной задаче. Херманн считала, что для этого президента характерен так называемый синдром «созидателя империи», поскольку стремление к власти и низкая самооценка сочетались у него со слабо выраженной потребностью в одобрении со стороны других людей и государств. М. Херманн и другие исследователи отмечали у Р. Рейгана склонность к стереотипизации, черно-белому, примитивному восприятию внешнего мира. Национализм, этноцентризм, антикоммунизм стали сущностными чертами его личности. Очевидно, успеху Рейгана способствовало и его стремление концентрировать власть в своих руках, принимать наиболее важные внутри- и внешнеполитические решения единолично.

Третье направление в политической психологии было связано с применением необихевиористской методологии для моделирования личности политических деятелей, принимающих внешнеполитические решения. Примером использования традиционной бихевиористской формулы «стимул — реакция» для объяснения процесса принятия

внешнеполитического решения могут быть некоторые работы такого авторитетного специалиста в области теории международных отношений, как Джеймс Розенау. В процессе принятия внешнеполитического решения он выделяет три фазы. *Первая фаза* связана с реакцией лидера на внешнеполитические вызовы и появлением у него стимула к воздействию на международную ситуацию. *Вторая фаза* — это фаза реализации решения. Третья фаза включает ответную реакцию объектов, подвергшихся воздействию на предшествующей фазе. *Третья фаза*, по мнению Розенау, показывает наличие обратных связей при принятии и осуществлении внешнеполитических решений.

Сторонники еще одного направления акцентировали внимание на создании типологии личностей политических лидеров, принимающих внешнеполитические решения. Примером таких исследований можно называть работы **С. Уолкера**. Он предложил собственную типологию политических лидеров, принимающих решения в условиях международных кризисов. Основу этой типологии представляют мотивы, которыми руководствуются политические деятели: потребность во власти; потребность в достижении цели; потребность в одобрении. Соотношение этих потребностей определяет тип внешнеполитических убеждений и, соответственно, варианты политического поведения в условиях международного кризиса.

Для политических лидеров, обладающих сильной потребностью в одобрении предпринятых ими действий и одновременно низкой потребностью во власти и в достижении цели, типичны следующие убеждения: конфликт в международных отношениях — временное явление, источник конфликта — сама человеческая природа, а именно отсутствие необходимых знаний, понимания, сопереживания, правильного взаимодействия. Если бы знания и навыки общения присутствовали, то конфликтов вообще можно было бы избежать. Конфликты представляют собой игру с нулевой суммой, их роль в общественном развитии в целом отрицательная, и поэтому по возможности нужно обходиться без конфликтов.

Для политических лидеров, обладающих высокими потребностями во власти и в достижении цели и низкой потребностью в одобрении их действий, характерны следующие убеждения: конфликт — явление временное, поскольку между демократическими, миролюбивыми государствами всегда должен сохраняться мир; основной источник конфликта — агрессивная политика государств с антидемократическими, диктаторскими режимами, поэтому условием сохранения мира является устрашение, реформирование или даже полное устранение подобных государств. Конфликт — это игра с нулевой суммой, причем роль конфликтов зачастую функциональна. Самую большую опасность представляет война, начинающаяся в результате допущенных просче-

тов или проведения политики умиротворения потенциального агрессора. Политическим лидерам данного типа в условиях кризиса свойственно стремление оказывать силовое давление на другие государства, делать ставку на военные методы. Нетрудно заметить, что в последние годы в администрации США возобладал подобный подход к принятию внешнеполитических решений и осуществлению действий на международной арене.

Политические психологи исследуют также когнитивные факторы, детерминирующие принятие внешнеполитических решений. С одной стороны, активно используется уже упоминавшийся в первой главе метод когнитивного картирования, с другой — изучаются когнитивные стратегии принятия решений. Американские политические психологи **И. Джейннс** и **Л. Манн** выделяют пять таких стратегий.

«*Стратегия удовлетворительности*» заключается в том, что лидер, принимающий решение, как правило, останавливается на первом подходящем варианте, который он считает достаточно хорошим, не стремясь получить дополнительную информацию и не рассматривая альтернативы. Для него достаточного того, чтобы положение улучшилось хотя бы немного и любым способом. Эта стратегия основывается на простом правиле: «Делай то же самое, что и в прошлый раз, если тогда был достигнут положительный результат, и поступай противоположным образом, если в прошлый раз результат был отрицательным».

«*Стратегия элиминации по параметрам*» означает заведомое исключение при принятии решений тех параметров, которые изначально не устраивают самого лидера. Для «*стратегии нарастания*» характерно отсутствие какой-либо заранее определенной цели. Толчком к принятию решения и совершению в соответствии с этим решением внешнеполитического действия становится ухудшение международной ситуации. Как только ситуация улучшается, стимул к действию пропадает. «*Оптимизирующая стратегия*» характеризуется увеличением числа рассматриваемых альтернатив, при этом политический лидер стремится в соответствии со своей точкой зрения максимально изменить международную обстановку.

Взамен «*стратегии смешанного сканирования*», сконструированной известным политологом А. Этциони, И. Джейннс и Л. Манн предложили разработанную ими стратегию принятия внешнеполитических решений. Эта стратегия включает в себя семь этапов. *На первом* этапе лицо, принимающее решение, рассматривает все возможные альтернативные действия; *на втором* этапе учитывает все цели, которые необходимо достичь; *на третьем* этапе тщательно взвешивает отрицательные и положительные последствия любого из решений; *на четвертом* этапе активно ищет новую информацию для более полной и точной оценки возможных инициатив; *на пятом* — включает в анализ эту новую

информацию, а также мнение экспертов, в том числе и противоречащее тому способу действий, который считался наилучшим и даже использовался на практике; на *шестом* этапе лидер вновь возвращается к изучению положительных и отрицательных последствий альтернативных решений, включая и первоначально неприемлемые; и наконец, на *седьмом* этапе разрабатываются все детали реализации выбранного варианта действия, учитываются запасные варианты на случай возникновения непредвиденных обстоятельств. Как полагали И. Джейнис и Л. Манн, исключение хотя бы одного из этапов может привести к серьезным сбоям в процессе принятия решения.

Специалисты, исследующие процесс принятия внешнеполитического решения, учитывают не только когнитивные, но и перцептивные факторы. Это особенно актуально в связи с возможными ошибками, обусловленными искажениями в восприятии информации. Американский политический психолог Р. Джервис стремился выявить причины и последствия неадекватного восприятия, перцептивных ошибок в процессе принятия внешнеполитических решений, особенности формирования у всех участников внешнеполитического процесса политических убеждений и «образов» внешнего мира, а также процедуру формулирования политическими лидерами выводов на основе имеющейся информации. Он уделял большое внимание процессу формирования и изменения внешнеполитических изменений и «образов» по мере поступления новой информации.

Американский исследователь **Л. Фальковский** пытался прогнозировать «гибкость поведения» президентов, под которой он понимал их способность менять свое политическое поведение под влиянием новой информации. Фальковский проводил сравнительный анализ поведения и принятия решений несколькими американскими президентами в условиях международных кризисов. Индикатором гибкости каждого из президентов была их способность реагировать на приток новой информации. Неудачное для Соединенных Штатов развитие кризиса означало резкий приток негативной информации для руководства этой страны, следовательно, реакция на эту информацию зависела от степени «гибкости» лидеров. Если их поведение не менялось, это означало наличие так называемых перцептивных фильтров, пропускающих только такую информацию, которая укрепляет уже сформировавшуюся позицию лидера, и препятствующих усвоению «неудобной» информации, свидетельствующей о реальном положении дел.

В современных условиях процесс принятия внешнеполитических решений не связан с деятельностью отдельных, пусть даже высокопоставленных лиц. Г. Лассуэл указывал, что этот процесс проходит несколько фаз. Первая фаза — получение информации, вторая — выработка на основе анализа полученной информации рекомендаций, на

третьей фазе формулируются конкретные предписания, которые на четвертой фазе вступают в силу. После этого следует пятая фаза — фаза реализации решений, на шестой фазе осуществляется оценка последствий реализованных действий, седьмая фаза — заключительная фаза цикла, на которой подводятся итоги, что может стать исходным пунктом для принятия новых решений и, следовательно, начала нового цикла.

Конечно, решающее слово и вся полнота ответственности принадлежит политическому лидеру, но он не способен самостоятельно ознакомиться со всем объемом информации, а тем более тщательно ее проанализировать и детально проработать варианты возможных решений и действий. Таким образом, принятие внешнеполитических решений представляет собой коллективный процесс. В нем принимают то или иное участие от нескольких человек до сотен или даже тысяч людей. Чаще всего речь идет все же о малых группах — наиболее близких сотрудниках политических лидеров, составляющих их непосредственное окружение. Поэтому специалисты исследуют процесс принятия внешнеполитических решений и в малых группах. Увеличение числа лиц, участвующих в принятии решения, с одной стороны, дает положительный эффект, повышая компетенцию при оценке и анализе информации, а также выработке вариантов решения, с другой — принятие решения в группе имеет и свои минусы.

Американский политический психолог И. Джейнис, на основе практики принятия внешнеполитических решений в США, показал, что для группового мышления характерно снижение качества интеллектуальной деятельности по отношению к потенциалу участников группы, усиление шаблонности подходов и выводов. Анализируя провалы в американской внешней политике, И. Джейнис выделил основные дефекты, свойственные решениям, принимаемым сплоченными группами внутри государственного аппарата: сужение числа возможных альтернатив; некритическое отношение к курсу, одобрявшемуся большинством членов группы; игнорирование информации экспертов, которая позволила бы верно оценить позитивные и негативные последствия отвергнутых вариантов решений и действий; пустая трата времени на обсуждение вопросов, по которым изначально сложилась общая точка зрения; игнорирование фактов и мнений, противоречащих позиции членов группы.

И. Джейнис отмечал, что при групповом способе принятия внешнеполитических решений возникает коллективная недооценка реально существующих рисков. Недостаточная бдительность и ничем не обоснованная готовность идти на риск являются, по его мнению, своеобразной формой *группового психологического расстройства*, против которого группа не имеет иммунитета. Ученый пришел к выводу,

что в группе всегда существует опасность подмены независимого критического мышления групповым мышлением, чреватая ошибками и угрозой принятия иррациональных решений и действий во внешней политике. Данный вывод подтверждается исследованиями американских психологов Э. Семмела и Д. Майникса. Они экспериментальным путем доказали, что группы чаще склоняются к более опасным по своим последствиям решениям, чем индивидуальные решения большинства членов группы. Следует отметить, что не всегда эффект «группового мышления» негативно влияет на принятие решений. Но для того чтобы избежать такого негативного влияния, необходимо добиваться правильной организации взаимодействия участников малых групп и вырабатывать оптимальные процедуры взаимодействия.

Этот аспект проблемы исследовал еще один известный политический психолог Ч. Херманн. Он предложил свою типологию малых групп, участвующих в принятии внешнеполитических решений. В основе этой типологии лежат следующие критерии: численность группы; распределение власти; функциональные роли членов группы. Херманн выделил следующие возможные типы малых групп в соответствии с их внутренней структурой: группа-штаб во главе с лидером; группа с автономным лидером; группа с лидером-делегатом; автономная группа; группа делегатов; автономная ассамблея; ассамблея делегатов; консультативная автономная ассамблея; консультативная ассамблея делегатов. Понятие «делегат» относится к члену группы, представляющему интересы каких-либо структур, находящихся за пределами данной группы, и поэтому ограниченному в выражении личной точки зрения. Автономные члены группы свободны в выборе своих позиций. Ч. Херманн отмечает, что группы различаются по количеству времени, необходимому для принятия решения, по методам выработки общих позиций, по готовности к новациям или к консерватизму.

В американских условиях, где президенту принадлежит решающая роль в принятии внешнеполитических решений, особое значение имеет способ взаимодействия главы государства со своими помощниками. На основе сравнительного анализа деятельности нескольких президентских администраций в сфере международной политики А. Джордж выделил несколько теоретических моделей принятия внешнеполитических решений, в которых зафиксированы способы взаимодействия президентов США с подчиненными.

«Формальная модель» представляет собой упорядоченный способ осуществления внешней политики, предусматривающий строго определенные процедуры и иерархическую систему коммуникаций. Свободное высказывание различных точек зрения не поощряется. Такая модель характерна для Г. Трумэна, Д. Эйзенхауэра, Р. Никсона и всех последующих за ним американских президентов. Однако внутри формальной модели можно найти различия в вариантах ее реализации той или иной админи-

страцией. В администрации Г. Трумэна сам президент непосредственно общался с министрами и ближайшими советниками и на основе предлагаемых альтернатив самостоятельно делал выбор в пользу одной из них. Другие президенты возлагали обязанности «начальника штаба» на кого-либо из ближайшего окружения, и ему передавались существенные полномочия по подготовке внешнеполитических решений.

В «соревновательной модели» поощряется высказывание самых различных мнений, возможны свободные коммуникации как по горизонтали, так и по вертикали. Такая модель была присуща президенту Ф. Рузвельту. Он специально поощрял соревнование между своими помощниками, был готов входить в непосредственные контакты с подчиненными для получения интересующей его информации и советов.

«Коллегиальная модель» функционировала при Дж. Кеннеди, который находился в центре созданной им коммуникационной системы, состоявшей из непосредственных помощников и советников президента. Их задача заключалась не в том, чтобы фильтровать поступающую информацию, а в том, чтобы анализировать ее с учетом указаний президента и различных точек зрения. Президент готов взаимодействовать со всеми участниками процесса подготовки внешнеполитического решения, принимая во внимание самые нетрадиционные подходы и высказывания.

Очевидно, что каждая из моделей данной типологии имеет свои достоинства и недостатки. «Формальная модель» ставит бюрократические препоны для попадания «наверх» наиболее оригинальных и смелых предложений. «Соревновательная» и «Коллегиальная» модели могут дезорганизовать работу государственного аппарата, к тому же они предъявляют высокие требования к личным качествам политических лидеров. Хотя по ряду причин большинство исследований по проблемам принятия внешнеполитических решений основаны на американском материале, сделанные выводы могут найти применение и для анализа процесса формирования и осуществления внешней политики в других странах.

§ 3. Дипломатия и дипломатическая служба

Внешняя политика самым тесным образом связана с дипломатией. Эта связь является настолько тесной, что иногда между ними вольно или невольно ставят знак равенства. Но различия между этими понятиями существуют. Дипломатия — это не сама внешняя политика, а совокупность методов и способов ее осуществления. Существует несколько широко известных определений дипломатии. Английский ученый и дипломат Г. Никольсон отмечал, что слово «дипломатия» используется «для обозначения совершенно различных вещей. Иногда оно употребляется как синоним внешней политики... В других случаях оно обо-

значает переговоры... Это слово также служит для названия процедуры и аппарата, при помощи которых ведутся переговоры. Оно также употребляется для обозначения заграничной части ведомства иностранных дел... Наконец, это несчастное слово обозначает особую способность, проявляющуюся в ловкости в хорошем смысле при ведении международных переговоров, а в плохом смысле — в коварстве в подобных делах»³. Сам Г. Никольсон считал дипломатию методом осуществления международных отношений путем переговоров. Французский дипломат Гарден, живший в первой половине XIX в., выражал мнение, что «дипломатия в широком смысле этого термина есть наука о внешних сношениях или иностранных делах, в более точном смысле — это наука или искусство переговоров»⁴.

Но сводить дипломатию только к осуществлению внешней политики путем переговоров было бы неверно, поскольку у нее есть еще одна важная функция — представительская. Дипломатические отношения представляют собой форму, внутри которой реализуются политические, экономические и иные отношения между государствами. Дипломатический протокол позволяет при любой, самой напряженной политической ситуации поддерживать контакты между официальными властями даже враждующих между собой государств. Обобщая различные подходы к пониманию сущности дипломатии, можно дать следующее ее определение:

► **дипломатия** — это официальная деятельность по представительству интересов государства и осуществлению его внешней политики мирными средствами, преимущественно путем переговоров.

В последнее десятилетие наряду с традиционной, официальной дипломатией получила распространение неофициальная дипломатия. Так принято называть деятельность людей, не занимающих никаких постов в государственных структурах, но способных оказывать содействие в решении тех или иных внешнеполитических задач. Примером такой дипломатии может быть исполнение функций третьей стороны по урегулированию конфликтов авторитетными общественными и политическими деятелями, выступающими в качестве частных лиц. Выделяют и такие виды дипломатии, как двухсторонняя, многосторонняя дипломатия на высоком и высшем уровне. Двухсторонняя дипломатия, наиболее распространенная в прошлом и часто встречающаяся сегодня, характеризуется взаимодействием представителей только двух государств. Примером такого вида дипломатии являются двухсторонние переговоры или контакты между посольством и министерством иностранных дел страны его пребывания. Если в дипломатических отношениях принимают участие представители более двух государств, то это уже многосторонняя дипломатия, например, работа международных конференций и деятель-

ность международных организаций. Если выполнение дипломатических функций берут на себя не профессиональные (карьерные) дипломаты, а главы государств, главы правительств или другие государственные руководители высокого ранга, тогда речь идет о дипломатии на высоком и высшем уровне. Для Российской Федерации примером дипломатии на высоком уровне являются зарубежные визиты и переговоры с представителями иностранных государств премьер-министра. Если визиты осуществляет президент — это дипломатия на высшем уровне. Саммиты «Большой восьмерки», когда лидеры наиболее развитых государств мира обсуждают актуальные проблемы мировой политики и экономики, также можно назвать примером дипломатии на высшем уровне.

Принято выделять отдельные виды дипломатии, соответствующие различным направлениям внешней политики государств и сферам международных отношений. Переговоры между военными представителями государств на двухстороннем уровне, а также в рамках военных коалиций или военно-политических организаций называют военной дипломатией. Термин «экономическая дипломатия» означает переговоры по экономическим вопросам или участие в деятельности экономических организаций МВФ, ВТО, МБРР, ЮНКТАД и т.д. По схожим критериям выделяют авиационную, морскую, космическую и другие виды дипломатии.

С понятием дипломатии тесным образом связано понятие дипломатической службы. Дипломатическая служба — это работа дипломатических кадров в центральном аппарате и за границей по выполнению дипломатическими средствами задач внешней политики государства. Дипломатическая служба является функциональной обязанностью определенных государственных органов и должностных лиц. Для того чтобы заниматься дипломатической работой, человек должен обладать определенными знаниями, личностными качествами и навыками. В состав дипломатических государственных органов входят, во-первых, центральные органы внешних сношений, находящиеся на территории государства, и, во-вторых, зарубежные органы внешних сношений, расположенные за пределами данного государства, в других странах.

В России центральным органом внешних сношений традиционно является Министерство иностранных дел, история которого насчитывает уже более двухсот лет. В структуру современного МИД РФ входит его руководящий состав — министр, его заместители и другие ответственные лица, составляющие коллегию МИД, а также территориальные департаменты, ответственные за поддержание отношений с отдельными странами и регионами мира. Кроме того, существуют департаменты и управления функционального характера, обеспечивающие достижение задач дипломатической службы в целом, подразделения административно-хозяйственного характера, вспомогательные подразделения.

Основные задачи Министерства иностранных дел Российской Федерации в современных условиях: разработка общей стратегии внешней политики РФ и представление соответствующих предложений президенту; реализация внешнеполитического курса РФ; координация международных связей субъектов РФ; обеспечение дипломатическими средствами защиты суверенитета, безопасности, территориальной целостности, других интересов Российской Федерации на международной арене; защита прав и интересов граждан и юридических лиц РФ за рубежом; обеспечение дипломатических и консульских отношений РФ с иностранными государствами и международными организациями; координация и контроль за деятельностью органов исполнительной власти для обеспечения единства политической линии РФ при взаимодействии с иностранными государствами и международными организациями.

Из этих задач вытекают и *основные функции министерства*, среди которых можно выделить такие: разработка проектов международных договоров Российской Федерации; ведение переговоров с представителями иностранных государств и международных организаций; реализация дипломатическими средствами усилий Российской Федерации по обеспечению всеобщего мира и безопасности; содействие распространению за рубежом правдивой информации о внутренней и внешней политике Российской Федерации и т.д.

Зарубежные органы внешних сношений делятся на постоянные и временные. К временным относятся делегации, выезжающие за границу для переговоров или участия в международных конференциях. Постоянными зарубежными органами внешних сношений являются дипломатические и консульские представительства, торговые представительства, представительства государств при международных организациях. Основные виды дипломатических представительств — посольства и миссии. Разница между ними заключается в том, что посольство возглавляет дипломат наивысшего ранга — Чрезвычайный и полномочный посол, а миссии возглавляют дипломаты более низкого ранга — либо чрезвычайные и полномочные посланники, либо поверенные в делах. Чрезвычайный и полномочный посол аккредитуется при главе государства либо при лице или органе его заменяющем. Чрезвычайный и полномочный посланник аккредитуется при главе правительства, а поверенный в делах — при министре иностранных дел. В современной практике дипломатических отношений встречается только один вид дипломатических представительств — посольства, хотя международное право допускает и существование миссий.

Процедура назначения посла такова. Перед тем как совершить назначение, власти соответствующего государства запрашивают у властей страны пребывания посольства согласия (агреман) на кандидатуру конкретного человека. Делается это для того, чтобы личные качества и

репутация будущего посла не стали бы причиной осложнений в межгосударственных отношениях. После получения агремана происходит назначение. Осуществляется оно главой государства или заменяющим его государственным органом. В Российской Федерации в соответствии с Конституцией 1993 г. назначения послов производятся указами президента. Вновь назначенный посол получает специальный документ — верительную грамоту (от слова «верить»), которая подтверждает его полномочия. По прибытии в страну пребывания посол вручает верительную грамоту главе государства или замещающему его лицу, после чего начинается его официальная миссия.

Посол физически не может постоянно находиться в стране пребывания, поэтому на периоды его отсутствия из высокопоставленных дипломатов посольства может быть назначен временный поверенный в делах. Такое назначение чаще имеет исключительно технический, рутинный характер, но иногда ему придается серьезное политическое значение. Например, при ухудшении межгосударственных отношений демонстративный отзыв посла и назначение вместо него временного поверенного в делах является демонстративной мерой, предпринимаемой для давления на другую сторону, для того чтобы добиться от нее каких-либо уступок.

Основные функции и задачи посольств: представительство собственного государства в стране пребывания; обеспечение национальных интересов и осуществление внешнеполитического курса государства в стране пребывания; сбор информации о положении дел в стране пребывания, о деятельности на его территории представителей других иностранных государств и межгосударственных организаций, о межгосударственных отношениях, складывающихся в регионе принимающего государства; содействие развитию всестороннего сотрудничества между государственными органами, частными физическими и юридическими лицами собственного государства и аналогичными органами и лицами страны пребывания.

Эти задачи и функции реализует персонал посольства, который подразделяется на три категории: дипломатический, административно-технический и обслуживающий. Дипломатический персонал состоит из лиц, занимающих должности послов, посланников, советников, торговых представителей, специальных (военных, военно-морских, военно-воздушных) атташе, первых, вторых, третьих секретарей, атташе. Все они, за редким исключением, являются профессиональными, карьерными дипломатами и имеют специальные звания, наподобие воинских, — дипломатические ранги. В Российской Федерации еще с советских времен установлены следующие *дипломатические ранги*: чрезвычайный и полномочный посол; чрезвычайный и полномочный посланник 1-го и 2-го классов; первый секретарь 1-го и 2-го классов; третий секретарь; атташе. Административно-технический персонал

состоит из лиц, не являющихся дипломатами, но выполняющих квалифицированную работу, обеспечивающую деятельность посольства, например, это переводчики, референты и т.д. Обслуживающий персонал — это водители, дворники, сантехники, садовники и т.д.

Функционирование дипломатических представительств, включая посольства, деятельность их персонала регламентируются нормами Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. Прежде всего данная конвенция определяет иммунитеты и привилегии, которыми они пользуются.

Иммунитеты — это изъятия представительства и его сотрудников из юрисдикции и принудительных действий со стороны государства пребывания. Объем и характер иммунитетов и привилегий определен Венской конвенцией 1961 г. и для дипломатических представительств сводится: к неприкосновенности помещений представительства, к иммунитетам имущества и средств передвижения (от обыска, реквизиции, ареста и исполнительных действий), к освобождению от всех государственных налогов, сборов и пошлин, к неприкосновенности архивов и документов представительства в любое время и независимо от их местонахождения, к праву на беспрепятственное сношение со своим центром. Дипломатическая почта — корреспонденция между дипломатическим представительством и центральными органами внешних сношений — не подлежит вскрытию или задержанию. Дипломатические курьеры (сотрудники внешнеполитических ведомств, доставляющие или сопровождающие дипломатическую почту) — неприкосновенны и подлежат особой защите со стороны государства пребывания.

Для сотрудников дипломатического представительства действуют следующие личные иммунитеты и привилегии: неприкосновенность личности и жилища; полный иммунитет от уголовной юрисдикции страны пребывания, а также от гражданской и административной юрисдикции в отношении исполнительных действий; фискальный иммунитет; таможенные привилегии; освобождение от личных повинностей. Допускаются три изъятия: можно предъявить судебный иск по поводу недвижимого имущества, которым дипломат или член его семьи владеет лично, иск по наследственному делу, в котором эти лица выступают в качестве наследников, а также иск по поводу профессиональной или коммерческой деятельности, которой они занимаются в целях личной выгоды. Для административно-технического персонала дипломатических представительств предусмотрен меньший объем иммунитетов и привилегий и еще меньший для обслуживающего персонала.

Дипломатические представительства, а также их сотрудники не только пользуются указанными правами, но и несут определенные обязанности в отношении страны пребывания. В обязанности представительств входит: использование служебных помещений только для официальных целей, ведение всех официальных сношений через ве-

домство иностранных дел и другие ведомства. А сотрудники представительств обязаны уважать законы страны пребывания, не вмешиваться в ее внутренние дела, не заниматься профессиональной и коммерческой деятельностью в целях личной выгоды.

Примечания

¹ Allison G. *Essence of decision: Explaining the Cuban missile crisis*. Boston, 1971.

² Kissinger H., Brodie B. *Bureaucracy, Politics and Strategy*. L.A., 1968. P. 81.

³ Никольсон Г. *Дипломатия*. М., 1941. С. 20.

⁴ Gardin G. *Traite complet de diplomatie*. P., 1833. P. 27. Цит. по: Зорин В. А. *Основы дипломатической службы*. М., 1977. С. 15.

Контрольные вопросы и задания

1. В какой степени теоретические концепции внешней политики отражают реальности внешнеполитического процесса?
2. Какие подходы существуют к изучению процесса принятия внешнеполитических решений?
3. Почему необходимо изучать процесс принятия внешнеполитического решения?
4. Назовите основные этапы процесса принятия внешнеполитического решения.
5. Какие психологические факторы и какие нормы влияют на принятие внешнеполитического решения?
6. Как соотносятся между собой понятия «внешняя политика» и «дипломатия»?
7. Что такое дипломатическая служба, каковы принципы ее организации и функционирования?
8. Назовите основные виды и формы дипломатии.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

§ 1. Внешнеполитический потенциал и национально-государственные интересы современной России

Для того чтобы оценить реальное положение современной России в системе международных отношений, следует определить ее внешнеполитический потенциал.

► Под **внешнеполитическим потенциалом** понимают совокупность факторов, которые в той или иной степени способствуют достижению целей внешней политики государства. Сущность внешнеполитического потенциала выражается такими понятиями концепции политического реализма, как «сила государства» или «национальная сила».

Как уже было сказано, родоначальник данного направления Г. Моргантау определил это понятие, исходя из восьми критериев.

Сегодня эти критерии отчасти устарели, в них не учтены в качестве самостоятельных позиций и составляющих национальной силы научный, технологический и образовательный потенциалы, роль которых на современном этапе нередко выше, чем, скажем, такого фактора, как наличие тех или иных видов природных ресурсов. Но в целом формула Г. Моргантау дает основание для оценки реального внешнеполитического потенциала любой страны.

Применяя эту формулу к Российской Федерации, можно заметить, что роль нашей страны на международной арене не осталась той же, какой была в прошлом у Советского Союза. Вместе с тем экономический и военный потенциалы России, наличие богатейших природных ресурсов позволяют ей быть самостоятельным центром мировой политики. Для того чтобы роль РФ на международной арене возрастала, страна нуждается в модернизации всех сфер общественной жизни.

Для определения внешнеполитической доктрины и внешнеполитической стратегии Российской Федерации первостепенное значение имеет формулирование ее национально-государственных интересов. Тем более что в недавнем прошлом проблема национальных интересов фак-

тически полностью игнорировалась. Внешнеполитическая линия Горбачева—Шеварднадзе строилась на основе «нового политического мышления», одним из принципов которого был приоритет «общечеловеческих интересов». В свое время «новое политическое мышление» сыграло положительную роль, поскольку помогло сбросить идеологические оковы с внешней политики Советского Союза, способствовало оздоровлению международной обстановки во второй половине 1980-х годов и, в конечном счете, окончанию «холодной войны». Но теоретики и практики «нового мышления» обходили стороной вопрос о том, насколько их акции соответствовали национально-государственным интересам СССР, а из этого проистекали и ошибочные или поспешные решения, негативные последствия которых сказываются до сих пор.

Ранняя российская дипломатия унаследовала от «перестроечного» руководства недооценку такого фактора формирования внешней политики, как *национально-государственные интересы*. И это проявлялось на протяжении первых лет недолгой еще истории существования России как самостоятельного субъекта международных отношений. Неудивительно, что ее внешняя политика и деятельность российского МИД подвергались в связи с этим резкой критике с разных сторон. Хотя, наряду с конструктивной критикой, имели место и спекуляции, и некомпетентные суждения, особенно со стороны так называемых «национал-патриотов». Для того чтобы объективно решить проблему национально-государственных интересов России, необходимо прежде всего уяснить содержание этой категории. А традиционная интерпретация государственного интереса широка и связана в основном с достижением таких целей, как существование нации в качестве свободного и независимого государства, обеспечение роста экономики и национального благосостояния, предотвращение военной угрозы или ущемления суверенитета, сохранение союзников, достижение выгодного положения на международной арене и т.д. Конкретное же выражение государственный интерес находит в постановке целей и задач внешнеполитического курса страны.

В формировании национально-государственных интересов большое значение имеет геополитический фактор. В основе геополитики лежат объективные реалии. Прежде всего это — географический фактор: протяженность границ, расположение и пространственная протяженность одного государства относительно другого, наличие выхода к морю, народонаселение, рельеф местности, принадлежность государства той или иной части света, островное положение государства, наличие природных ресурсов и т.п. Из множества факторов, влияющих на деятельность людей, географический менее всего подвержен изменениям. Он служит основой преемственности политики государства, пока его пространственно-географическое положение остается неизменным.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод:

- ▶ основным национально-государственным интересом и главной внешнеполитической задачей России на обозримый период, по-видимому, является сохранение своей традиционной глобальной геополитической функции как объединяющей и стабилизирующей силы центра Евразии.

Способность реализовать эту задачу зависит, во-первых, от того, насколько это позволят материальные ресурсы, а во-вторых, от политических условий внутри России — политической воли руководства, стабильности социальных и межнациональных отношений.

Более конкретно задачи российской внешней политики, обеспечивающие ее национально-государственные интересы, таковы: самоутверждение в качестве главного преемника прав и обязанностей СССР, его продолжателя в мировых делах и сохранение статуса великой державы; сохранение территориальной целостности Российской Федерации на основе учета интересов всех народов и регионов, мира, демократии и реализма; обеспечение внешних условий, способствующих свободному включению страны в мировую экономику и политику; защита экономических, социальных и гуманитарных прав своих граждан, равно как и русской диаспоры на всех территориях бывшего СССР; сохранение и укрепление оборонного потенциала в пределах, необходимых для защиты национальной безопасности страны. Все эти задачи диктуют необходимость по-разному строить отношения с отдельными странами.

§ 2. Политическая система и внешняя политика Российской Федерации

Наиболее важная роль в области внешней политики принадлежит исполнительной ветви государственной власти. Именно эта ветвь способна обеспечить единство внешней политики государства. Только *исполнительная власть*, в отличие от законодательной или судебной, может полноценно представлять государство на арене международных отношений. Плодотворное участие государства в международных отношениях предусматривает последовательность и непротиворечивость его политики, высокий профессионализм его представителей, наличие у них значительных информационных, организационных, интеллектуальных и иных ресурсов. Все это может обеспечить исполнительная власть.

В президентских республиках, например в нынешней России, исполнительная власть замыкается на главе государства. В соответствии с пунктом 4 ст. 80 Конституции РФ Президент Российской Федерации представляет ее в международных отношениях¹. В его ведении нахо-

дятся как дипломатические, так и иные каналы связи с иностранными государствами, разведывательные органы, научные центры и центры анализа информации, наконец, аппарат, необходимый для реализации принимаемых внешнеполитических решений.

Полномочия Президента в области международных отношений определены Конституцией и соответствуют стандарту, принятому в президентских республиках. Он осуществляет руководство внешней политикой Российской Федерации (пункт «а» ст. 86)², утверждает военную доктрину РФ (пункт «з» ст. 83)³ и, хотя это прямо не оговорено, доктрину внешней политики. Президент обращается к Федеральному собранию с ежегодными посланиями об основных направлениях внутренней и внешней политики (пункт «е» ст. 84)⁴, он вправе отклонить одобренный Федеральным собранием закон, в том числе и по внешнеполитическим соображениям (ч. 3 ст. 107)⁵.

Президент ведет переговоры и подписывает международные договоры Российской Федерации (пункт «б» ст. 86 Конституции)⁶. С учетом Закона о международных договорах РФ Президент может заключать и договоры, не нуждающиеся в ратификации парламентом. После консультаций с соответствующими комитетами или комиссиями палат Федерального собрания он назначает и отзывает дипломатических представителей России в иностранных государствах (пункт «м» ст. 83)⁷.

Как Верховный главнокомандующий Президент осуществляет права, предусмотренные законами страны и международным правом на случай вооруженного конфликта, включая применение Вооруженных сил в порядке самообороны, объявление нейтралитета, заключение соглашений и перемирия.

В парламентских республиках ведущая роль в осуществлении внешней политики принадлежит правительствам. В России правительство традиционно, и в дореволюционное время, и в период существования СССР, и сегодня, было скорее экономической, хозяйственной структурой, чем политической. Однако это не исключает участия правительства в формировании и осуществлении внешнеполитического курса, прежде всего в вопросах его компетенции. Роль Федерального собрания Российской Федерации, как и большинства других парламентов, сводится к принятию законодательных актов, необходимых для осуществления внешней политики. Например, закона о ратификации международных договоров, а также бюджета, в котором целый ряд статей обеспечивает внешнеполитическую деятельность государства.

Не являясь официальным органом внешних сношений (по нормам международного права), парламент не может обращаться непосредственно к иностранным правительствам. Одновременно активные связи с парламентами других стран — обмен опытом, координация законодательной деятельности, совместное участие в работе Межпар-

ламентского союза — одно из важнейших направлений деятельности представительного органа власти. Российский парламент в лице двух его палат — Государственной Думы и Совета Федерации может оказывать определенное воздействие на внешнюю политику. В обеих палатах созданы профильные комитеты, занимающиеся проблемами международных отношений. Делегации Государственной Думы и Совета Федерации нередко выезжают за рубеж для участия в различных мероприятиях межпарламентского сотрудничества. Руководители палат Федерального собрания РФ встречаются и ведут переговоры не только с руководителями зарубежных парламентов, но и с представителями исполнительной власти иностранных государств, лидерами политических партий и движений. Естественно, темы таких контактов выходят далеко за узкие рамки межпарламентских связей и касаются широких проблем мировой политики и международных отношений.

Значительная часть депутатского корпуса первых созывов Государственной Думы была оппозиционно настроена по отношению к президенту и правительству. При этом парламентская оппозиция часто использовала внешнеполитические проблемы в целях внутривнутриполитической борьбы. Государственная Дума делала резкие и не всегда обдуманные заявления по вопросам отношений с зарубежными странами, затягивала процесс ратификации некоторых международных договоров. Сегодня конституционное большинство в Государственной Думе принадлежит «Единой России», которая полностью поддерживает президента и правительство. Таким образом, открытый конфликт между парламентом и исполнительной властью по поводу внешней политики стал невозможным. Одновременно ослаб парламентский контроль над внешнеполитической сферой деятельности государства.

Все возрастающее значение для внешней политики и международной деятельности государств имеет *институт судебной власти*. В прошлом суды стремились уйти как можно дальше от международных проблем, но сегодня ситуация изменилась. Во многом это связано с возрастанием роли международного права во внешней политике государств и проникновением этого права в те сферы общественной жизни, которые ранее регулировались исключительно внутренним правом каждого государства. Особенно это касается прав человека. Их соблюдение стало в последние десятилетия важнейшим принципом международного права. Государства объективно заинтересованы в том, чтобы споры по поводу прав их граждан на территории иных государств решались в обычном судебном порядке, а не поднимались на межгосударственный уровень, внося тем самым осложнения в международные отношения. Судам приходится рассматривать множество дел, в той или иной степени затрагивающих интересы как иностранных граждан, так и иностранных государств в целом. Качество судебных решений по по-

добным делам не может не оказывать воздействия на межгосударственные отношения. Можно констатировать, что деятельность судебной власти в целом имеет немаловажное значение для поддержания в нормальном состоянии отношений между государствами и для выполнения этими государствами своих международных обязательств.

В отличие от официальных органов государственной власти, роль государственного аппарата в формировании и осуществлении внешней политики бывает иногда менее заметной, но зато более существенной. Если рассматривать международные отношения в самом широком плане, то в них участвуют практически все министерства и ведомства. Поэтому большое значение имеет координация деятельности различных государственных структур в международной сфере. В советские времена такую функцию выполнял негосударственный орган — Политбюро ЦК КПСС. В его состав входили представители тех органов власти и государственного управления, которые имели прямое и непосредственное отношение к внешней политике. В современной России подобную роль выполняет Совет Безопасности Российской Федерации, созданный на основании ст. 83 Конституции РФ. Как правило, в состав данного органа входят премьер-министр, министр обороны, министр иностранных дел, руководители органов безопасности и внешней разведки, т.е. те должностные лица, деятельность которых связана с обеспечением жизненно важных интересов общества и государства, в том числе и в сфере международных отношений. Подобного типа органы существуют и в других государствах.

Важнейшим государственным ведомством в области международной политики в каждой стране является *Министерство иностранных дел*. В современной России на МИД РФ возложены следующие задачи: разработка общей стратегии внешней политики Российской Федерации; практическая реализация внешнеполитического курса России; правовое обеспечение внешнеполитической деятельности РФ; координация международных связей субъектов Федерации и международной деятельности федеральных органов исполнительной власти в целях проведения единой политической линии в отношениях с иностранными государствами и международными организациями.

Роль Министерства иностранных дел Российской Федерации как органа государственного управления значительно возросла по сравнению с советскими временами. В те времена многие направляющие международной политики фактически находились в ведении партийного аппарата, а внешнеполитическое ведомство выполняло лишь дипломатические функции. Сегодня именно МИД является главным системообразующим центром всего внешнеполитического процесса Российской Федерации, и это требует дальнейшего совершенствования структуры и самой деятельности этого ведомства.

В условиях демократии внешняя политика не может не быть результатом сложного взаимодействия различных государственных структур при активном участии гражданского общества и его институтов.

Одно из основных направлений воздействия гражданского общества на внешнюю политику связано с деятельностью *политических партий*. Хотя партия — основной элемент современных политических систем, ее корни находятся в недрах гражданского общества. Политическая партия, выражая и представляя интересы определенных социальных слоев, формулирует свое отношение не только к вопросам внутренней, но и международной политики. Правящая партия при формировании внешней политики государства в значительной мере (нельзя сказать «в полной мере») исходит из своих программных установок и интересов тех общественных сил, которые она представляет. Однако и оппозиционные партии обладают некоторыми ресурсами для влияния на внешнюю политику, прежде всего, через парламентскую деятельность, поскольку за парламентами, как правило, закреплено право ратификации международных договоров и принятия бюджетов. А именно бюджеты, а также международные соглашения и договоры имеют непосредственное отношение к международной политике.

В современной России партийная система приобрела достаточно устойчивый характер. Имеющая статус правящей, *партия «Единая Россия»* завершила процесс своего организационного становления. Но ее внешнеполитические установки не имеют самостоятельного характера и полностью дублируют установки исполнительной власти. Подходы оппозиционных партий к проблемам международной политики, как правило, только внешне отличаются от официальной государственной точки зрения. Так, *Либерально-демократическая партия* и ее лидер В. Жириновский шокировали в свое время мировое общественное мнение эпатажными заявлениями о возможности нанесения ядерного удара по соседним странам, о необходимости «последнего броска на юг», целью которого было объявлено достижение берегов Индийского океана. Националистические лозунги и сегодня широко представлены в лексиконе партии и ее лидера. Однако на практике ЛДПР всегда поддерживает действующую исполнительную власть по большинству вопросов внешней политики, оппозиционность этой партии существует только на словах.

Левая оппозиция негативно оценивает внешнюю политику нынешнего президента, прежде всего курс на сближение и сотрудничество с ведущими странами Запада. Восприятие международных процессов со стороны левых, особенно КПРФ, до сих пор основано на стереотипах времен «холодной войны». Традиционные «классовые» лозунги у современных коммунистов вполне уживаются с националистическими. Не имея рычагов влияния на исполнительную власть, в 1990-х годах

левые активно использовали парламентскую трибуну. Сегодня, в связи с резким ослаблением позиций левых в парламенте, возможности их воздействия на внутреннюю и внешнюю политику невелики.

Четвертая из представленных в Государственной Думе пятого созыва партий — *партия «Справедливая Россия»*, выступающая как оппозиционная. Представители данной партии нередко критикуют правительство по тем или иным аспектам внутренней социально-экономической политики. Во внешней политике «Справедливая Россия» традиционно поддерживает курс, проводимый исполнительной властью. Лидер «Справедливой России» на протяжении многих лет возглавляет Совет Федерации и в этом качестве нередко представляет Россию на международной арене. Но говорить о какой-либо особой внешнеполитической концепции партии «Справедливая Россия» не приходится.

Непарламентские политические партии, даже если имеют собственные взгляды на международные отношения, ограничены в возможностях их публично артикулировать и влиять на российскую внешнюю политику.

Основными институтами гражданского общества являются всевозможные организованные группы интересов, в их числе ассоциации предпринимателей, профсоюзов. Начиная с 60-х годов XX в. многие исследователи внешнеполитического процесса государства обращают внимание на чрезвычайно важную роль некоторых заинтересованных групп в принятии внешнеполитических решений. В отличие от партий заинтересованные группы действуют не публично, прибегают к теневым формам лоббирования своих интересов, но результативность их деятельности может быть весьма велика. На внешнюю политику современной России наибольшее влияние способны оказывать группы, представляющие интересы военно-промышленного (ВПК) и топливно-энергетического комплексов (ТЭК). А интересы ВПК и ТЭК выходят далеко за пределы страны, поэтому они объективно стремятся оказывать воздействие на принятие внешнеполитических решений.

Военно-промышленный комплекс включает вооруженные силы, военную промышленность и военную науку, т.е. все, что обеспечивает безопасность и определяет такую важнейшую часть внешнеполитического потенциала, как военная мощь государства. Отдельные структуры ВПК имели возможность оказывать влияние на принятие внешнеполитических решений еще в советские времена, в условиях тоталитарной политической системы. Этому способствовал высокий уровень милитаризации СССР. После развала коммунистической системы и исчезновения Советского Союза с политической арены военно-промышленный комплекс оказался в сложном положении. Резкое снижение расходов на оборону, потеря налаженных военно-технических связей с бывшими союзниками по Варшавскому дого-

вору и некоторыми государствами «третьего мира» поставили многие предприятия ВПК на грань полного прекращения выпуска продукции. Чтобы не допустить полной остановки этих предприятий, необходимо было расширить экспорт военно-технической продукции. Торговля оружием тесным образом переплелась с политикой, поэтому заинтересованность ВПК в международных вопросах усилилась. Требовалось отстаивать существующие рынки сбыта оружия и боевой техники, завоевывать новые.

Интересы ВПК в значительной степени совпали с интересами государства и общества. Во-первых, на предприятиях ВПК работают миллионы людей, такие предприятия часто являются градообразующими, а возможности конверсии, т.е. перехода на выпуск мирной продукции, ограничены. Остановка предприятий ВПК могла бы ухудшить и так непростую социальную ситуацию внутри страны. Во-вторых, оборонные заказы со стороны российских вооруженных сил были небольшими по объемам и оборонная промышленность нуждалась в зарубежных заказах для сохранения рентабельности. Поэтому вопросы военно-технического сотрудничества занимали важное место во внешней политике России, а в отношениях с отдельными странами выступали на первое место. ВПК всегда обладал определенными возможностями для лоббирования своих интересов.

Топливо-энергетический комплекс в последние десятилетия свои позиции еще более усилил. Основные доходы предприятия ТЭК получают от экспорта продукции на мировой рынок, что обуславливает повышенный интерес представителей комплекса к международным делам. В состав современного российского топливо-энергетического комплекса входят в значительной степени контролируемый государством РАО «Газпром» и многочисленные частные нефтяные компании. У всех сегментов российского ТЭК есть существенные интересы за пределами России. Газпром интересуют долгосрочные контракты на поставку газа в зарубежные страны, вопросы оплаты этих поставок, маршруты транспортировки российского газа. Нефтяные компании также заинтересованы в маршрутах и способах транспортировки нефти. Кроме того, нефтяные компании обращают внимание на многие факторы, определяющие мировые цены на нефть. В последние годы у российских компаний появились и новые интересы, связанные с их участием в проектах добычи нефти за пределами нашей страны. В связи с возрождением в мире интереса к атомной энергетике РОСАТОМ стремится получить контракты на строительство атомных электростанций в зарубежных странах. Для реализации подобных интересов за границей ТЭК требуется государственная поддержка, поэтому лица и структуры, представляющие топливо-энергетический комплекс, пытаются влиять на внешнюю политику.

Интересы предприятий ТЭК, государства и общества могут совпадать, так как формирование федеративного бюджета по-прежнему в первую очередь зависит от экспорта нефти и газа, но могут и расходиться. Так, в 1990-е годы нефтяная компания «Лукойл» заключила контракт с азербайджанским правительством о разведке и добыче нефти на шельфе Каспийского моря в то время, когда еще не было достигнуто соглашение между Россией, Азербайджаном и другими прикаспийскими странами о разделе шельфа. Сегодня такая ситуация вряд ли возможна.

Гражданское общество как целое имеет и такой важный инструмент воздействия на внешнюю политику, как *общественное мнение*. Под воздействием общественного мнения могут быть отменены или, наоборот, приняты те или иные внешнеполитические решения, скорректирован внешнеполитический курс государства в целом. Общественное мнение находит свое отражение в средствах массовой информации, они же активно его формируют. Учитывая это, можно признать справедливыми выводы, сделанные в свое время известным американским политологом Алмондом, который среди других внешнеполитических элит, активно влияющих на внешнюю политику, специально выделил «элиты средств массовой информации». Взаимодействие государства и гражданского общества в сфере внешней политики должно в оптимальном варианте способствовать максимальной реализации национальных государственных интересов. Отсутствие должного контроля со стороны гражданского общества над внешнеполитической деятельностью государства может привести к излишней бюрократизации внешней политики, снижению ее эффективности. Но и чрезмерная активность заинтересованных групп способна подменить национальные интересы групповыми, корпоративными интересами, что неприемлемо ни для государства, ни для общества. Далеко не всегда и общественное мнение справедливо в своих оценках внешней политики государства. Иногда эти оценки несут на себе заметный отпечаток некомпетентности и субъективности.

§ 3. Основные направления и приоритеты внешнеполитического курса Российской Федерации

12 июля 2008 г. Президент РФ Д. А. Медведев утвердил проект новой *Концепции внешней политики Российской Федерации*. Этот документ наследует основные положения Концепции внешней политики РФ в редакции 2000 г., одновременно развивая их в соответствии с происшедшими в мировой политике и международных отношениях переменами⁸. В Концепции дается оценка тенденций и закономерностей развития современного мира, формулируются цели и задачи внеш-

неполитической деятельности российского государства. В документе отмечается, что Российская Федерация проводит самостоятельную и конструктивную внешнюю политику. Эта политика основывается на последовательности и предсказуемости, взаимовыгодном прагматизме, она максимально прозрачна, учитывает законные интересы других государств и нацелена на поиск совместных решений. Указывается, что отличительной чертой российской внешней политики является ее сбалансированность. Это обусловлено геополитическим положением России как крупнейшей евразийской державы, требующим оптимального сочетания усилий по всем направлениям. Такой подход предопределяет ответственность России за поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и региональном уровне, предполагает развитие и взаимодополнение внешнеполитической деятельности на двусторонней и многосторонней основе.

В Концепции констатируется, что современная Россия заинтересована в стабильной системе международных отношений, основанной на принципах равноправия, взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества. Такая система должна обеспечивать надежную безопасность каждого члена мирового сообщества в политической, военной, экономической, гуманитарной и иных областях.

Среди приоритетов российской внешней политики на глобальном уровне называется *сохранение и усиление регулирующей роли Организации Объединенных Наций в международных отношениях*. Это предполагает: неуклонное соблюдение основополагающих принципов Устава ООН, включая сохранение статуса постоянных членов Совета Безопасности; рациональное реформирование ООН в целях развития ее механизма быстрого реагирования на происходящие в мире события, наращивание ее возможностей по предотвращению и урегулированию кризисов и конфликтов; повышение эффективности деятельности Совета Безопасности ООН, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, придание этому органу большей представительности за счет включения в его состав новых постоянных членов, в первую очередь авторитетных развивающихся государств. В документе отмечается, что реформирование ООН должно исходить из незыблемости права вето постоянных членов Совета Безопасности ООН.

При рассмотрении проблем международной безопасности подчеркивается, что Россия выступает за дальнейшее снижение роли фактора силы в международных отношениях при одновременном укреплении стратегической и региональной стабильности. Утверждается, что в этих целях Российская Федерация будет неукоснительно выполнять взятые на себя обязательства по действующим договорам и соглашениям в области ограничения и сокращения вооружений и участвовать

в разработке и заключении новых договоренностей, отвечающих как российским национальным интересам, так и интересам безопасности других государств. Кроме того, Россия, указывается в документе, подтверждает неизменность своего курса на участие совместно с другими государствами в предотвращении распространения ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения и средств их доставки. Российская Федерация — твердый сторонник укрепления и развития соответствующих международных режимов, включая создание Глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий, она намерена твердо придерживаться своих обязательств по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и призывает присоединиться к нему все государства мира.

Россия считает международное миротворчество действенным инструментом урегулирования вооруженных конфликтов и выступает за укрепление его правовых основ в строгом соответствии с принципами Устава ООН. Поддерживая меры по наращиванию и модернизации потенциала быстрого антикризисного реагирования ООН, Российская Федерация намерена продолжать активно участвовать в операциях по поддержанию мира, проводимых как под эгидой ООН, так и региональными и субрегиональными организациями. Необходимость и степень такого участия будут соразмеряться с национальными интересами и международными обязательствами страны. Россия исходит из того, что только Совет Безопасности ООН правомочен санкционировать применение силы в целях принуждения к миру.

Поскольку уже в 1990-е годы Россия, раньше чем многие другие государства мира, столкнулась с террористической угрозой, Концепция внешней политики уделяет особое внимание необходимости усиления противодействия этой угрозе. Борьба с международным терроризмом, способным дестабилизировать обстановку не только в отдельных государствах, но и в целых регионах, представляется важнейшей внешнеполитической задачей. Российская Федерация выступает за дальнейшую разработку мер по усилению взаимодействия государств в этой области. Россия считает прямой обязанностью любого государства защиту своих граждан от террористических посягательств, недопущение на своей территории деятельности, имеющей целью организацию подобных актов против граждан и интересов других стран, включая непредоставление убежища террористам.

В Концепции внешней политики РФ 2008 г. учтен опыт борьбы с терроризмом, накопленный после событий 11 сентября 2001 г. В частности отмечается, что Россия рассматривает ст. 51 Устава ООН как адекватную правовую основу для использования силы в целях самообороны от различных угроз, включая угрозу со стороны международного терроризма.

Поскольку терроризм часто переплетается с уголовной преступностью, Россия, как подчеркивается в документе, будет целенаправленно противодействовать незаконному обороту наркотиков и росту организованной преступности, сотрудничая с другими государствами в многостороннем формате, прежде всего в рамках специализированных международных органов, и на двустороннем уровне.

Внешняя политика России в сфере международных экономических отношений должна обеспечивать благоприятные внешние условия для развития национальной экономики. Для этого необходимо: добиваться максимальных выгод и сводить к минимуму риски при дальнейшей интеграции России в мировую экономику; создавать благоприятные политические условия для диверсификации российского присутствия на мировых рынках; принимать меры торговой политики для защиты интересов Российской Федерации в соответствии с международными правами и противодействовать торгово-политическим мерам иностранных государств, ущемляющим права Российской Федерации и российских предприятий; оказывать государственное содействие российским предприятиям и компаниям в освоении новых и развитии традиционных рынков, противодействовать дискриминации отечественных инвесторов и экспортеров, особенно на рынках наукоемкой продукции и товаров с высокой степенью обработки; содействовать привлечению иностранных инвестиций в наукоемкие и приоритетные сферы российской экономики; наращивать потенциал и модернизацию топливно-энергетического комплекса; укреплять стратегическое партнерство с ведущими производителями энергетических ресурсов; активно использовать возможности региональных экономических и финансовых организаций для отстаивания интересов Российской Федерации в соответствующих регионах, уделяя особое внимание деятельности организаций и структур, способствующих укреплению интеграционных процессов на пространстве СНГ; в соответствии с нормами международного права использовать все имеющиеся экономические рычаги и ресурсы для защиты своих национальных интересов.

В гуманитарной сфере приоритетной задачей была названа защита прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом.

Приоритетом внешней политики России в регионе будет развитие добрососедских отношений и стратегического партнерства с государствами — участниками СНГ. Концепция отмечает разнотемпный и разноуровневый характер интеграции в рамках Содружества, исходя из чего Россия и будет определять параметры своих отношений с каждой из стран СНГ в отдельности.

В связи с этим в Концепции особое внимание уделяется задачам сотрудничества с другими постсоветскими государствами в рамках таких структур, как ОДКБ и ЕврАзЭС, отмечается необходимость продолже-

ния работы по созданию Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП).

Как традиционно важные рассматриваются в Концепции отношения со странами Европы. Главной целью российской внешней политики на европейском направлении является создание стабильной и демократической системы общеевропейской безопасности и сотрудничества. В связи с этим в документе подробно рассмотрены вопросы взаимоотношений Российской Федерации с важнейшими международными институтами, существующими на Европейском континенте, — Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Советом Европы, Европейским Союзом (ЕС), Организацией Североатлантического договора (НАТО). Характеризуется роль каждой организации в формировании новой региональной системы отношений и оцениваются перспективы развития отношений России с ними. Отмечается, что взаимодействие с государствами Западной Европы, в первую очередь с такими влиятельными, как Великобритания, Германия, Италия и Франция, представляет собой серьезный ресурс для отстаивания Россией своих национальных интересов в европейских и мировых делах, для стабилизации и роста экономики России.

В отношениях с Соединенными Штатами Америки приоритетным называется сотрудничество по проблемам разоружения, контроля над вооружениями и нераспространением оружия массового поражения, а также предотвращения и урегулирования наиболее опасных локальных и региональных конфликтов.

Подчеркивается, что необходимо укреплять сотрудничество в сфере противодействия терроризму, борьбы с другими современными вызовами и угрозами. Одновременно высказываются пожелания к американской стороне о том, чтобы ее действия на мировой арене всегда строились на принципах и нормах международного права и Устава ООН.

Важное и все возрастающее значение во внешней политике Российской Федерации имеет Азия. В Концепции отмечается, что это обусловлено прямой принадлежностью России к этому динамично развивающемуся региону, а также необходимостью экономического подъема Сибири и Дальнего Востока. Предполагается активизировать участие России в основных интеграционных структурах Азиатско-Тихоокеанского региона — форуме Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество, региональном форуме Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) по безопасности, Шанхайской организации сотрудничества.

Важнейшим направлением российской внешней политики в Азии является развитие дружественных отношений с ведущими азиатскими государствами, в первую очередь с Китаем и Индией. Совпадение принципиальных подходов России и КНР к ключевым вопросам ми-

ровой политики — основа региональной и глобальной стабильности. Главная задача во взаимовыгодном сотрудничестве с Китаем — приведение масштабов экономического взаимодействия между нашими странами в соответствие с уровнем политических отношений. Россия также стремится углублять традиционное партнерство с Индией, способствовать преодолению сохраняющихся в Южной Азии проблем и укреплению стабильности в регионе.

Отмечается, что развитие отношений с Китаем и Индией осуществляется сегодня как в традиционном двухстороннем, так и в новом формате: это сотрудничество в рамках РИК (Россия—Индия—Китай) и БРИК (Бразилия—Россия—Индия—Китай).

Российская Федерация выступает за устойчивое развитие отношений с Японией, за достижение подлинного добрососедства, отвечающего национальным интересам обеих стран. В рамках существующих переговорных механизмов Россия продолжит поиск взаимоприемлемого решения оформления международно признанной границы между двумя государствами.

Принципиальное значение имеет для России общее оздоровление ситуации в Азии, где возрастают геополитические амбиции ряда государств, ускоряется гонка вооружений, сохраняются источники напряженности и конфликтов, существует опасность распространения оружия массового поражения. В связи с этим подчеркивается, что усилия России будут сосредоточены на поисках политического решения ядерной проблемы Корейского полуострова, на поддержании конструктивных отношений как с Северной, так и с Южной Кореей. Точно так же Россия будет способствовать политико-дипломатическому урегулированию ситуации вокруг ядерной программы Ирана, признавая как право всех государств на мирное использование ядерной энергии, так и необходимость соблюдения требований режима нераспространения ядерного оружия.

Напрямую затрагивает российские национальные интересы и создает угрозу безопасности южных рубежей СНГ углубляющийся кризис в Афганистане. Вместе с другими государствами и такими международными институтами, как ООН, ОДКБ, ШОС, Россия будет прилагать усилия для политического урегулирования афганской проблемы, недопущения экспорта терроризма и наркотиков из этой страны.

В Концепции дается обзор тех задач, которые российская внешняя политика должна решать в отношениях со странами Ближнего и Среднего Востока. Отмечается необходимость в расширении сотрудничества со странами Африканского континента, государствами Латинской Америки.

Таким образом, внешняя политика России сохраняет свой глобальный характер. Среди ее приоритетов по-прежнему находятся отношения с большинством стран и регионов современного мира.

Примечания

¹ Конституция Российской Федерации: Официальный текст (с изменениями от 9 января 1996 г., 10 февраля 1996 г. и 9 июня 2001 г.). СПб., 2003. С. 26.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Там же. С. 28.

⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации // Международная жизнь. 2008. № 8—9.

Контрольные вопросы и задания

1. Какие изменения произошли в геополитическом положении России после распада СССР?
2. Какое место занимает современная Россия в мировой политике и экономике?
3. В чем, на ваш взгляд, заключаются национально-государственные интересы современной России?
4. Охарактеризуйте роль отдельных институтов государственной власти в формировании внешней политики современной России.
5. Как может влиять гражданское общество на внешнюю политику государства и в какой степени возможности такого влияния реализуются в современной России?
6. Отношения с какими странами и регионами современного мира должны, на ваш взгляд, находиться среди внешнеполитических приоритетов России?

§ 1. Российско-американские отношения на рубеже веков

Не будет преувеличением сказать, что российско-американские отношения за прошедшие годы несколько раз претерпевали серьезную трансформацию. В начале 90-х годов XX в. как у российской, так и у американской элиты не было недостатка в завышенных ожиданиях относительно «светлых» перспектив российско-американских отношений. В Российской Федерации ждали, что Америка по достоинству оценит те потери и жертвы, на которые пошла Россия во имя «свободы и демократии», и не только прольет «золотой дождь» экономической помощи новой России, но и обеспечит достойное место в западном сообществе «цивилизованных народов». Как представляется, именно этими надеждами, а не личностными особенностями или идейной позицией тогдашнего министра иностранных дел А. Козырева объясняется проамериканский курс России на международной арене в начале 90-х годов XX в.

После распада Советского Союза, венчавшего победоносное для Запада окончание «холодной войны», Америка укрепилась в уверенности, что ей предначертана судьбой роль единоличного лидера в мире, способного в одиночку привести его в «светлое будущее» по-американски. Неоспоримое превосходство Соединенных Штатов в военной, экономической и политической сферах создавало впечатление, будто теперь на международной арене они могут делать практически все, что им вздумается. «На этом фоне возникла новая утопия — идея о том, что США уполномочены и даже обязаны продвигать демократию везде, где это возможно, а также с применением силы — если потребуются»¹.

Морально роль гегемона оправдывалась не только необходимостью реализовать свои национальные интересы в исключительно благоприятных для этого условиях, но и, возможно, искренней уверенностью, что они в полной мере совпадают с интересами всего международного сообщества. А также тем, что Соединенные Штаты несли в значительной мере бремя расходов и ответственности, всегда сопутствующее лидерству.

В то же время в Соединенных Штатах столь же нереалистично полагали, что Россия буквально по мановению волшебной палочки обратит динамичную рыночную экономику и стабильную демократическую политическую систему без серьезной помощи извне, а главное, будет всегда и во всем следовать в кильватере американской внешней политики.

Непоследовательность внешней политики России второй половины 1990-х годов: «разворот над Атлантикой» самолета главы российского правительства Е. М. Примакова (1999 г.), «бросок на Приштину» российских десантников, протесты против «однополюсного мира» и расширения НАТО на Восток, звучавшие из Москвы, и др. — игнорировалось американской стороной, поскольку воспринималось в США как проявления ностальгии по бывшему советскому имперскому величию и только укрепляло уверенность в наступлении «*Pax Americana*».

Сейчас можно сколько угодно говорить о том, что эти представления и ожидания были явно завышенными и нереалистичными, но разочарование по обе стороны Атлантики не стало от этого менее сильным. «Немотивированная уверенность США в том, что Россия всегда будет вести себя, “как Козырев”, обрекала на неизбежный крах и саму идею стратегического партнерства, и политическую карьеру российского министра»². Результат взаимного непонимания — нарастающие чувства разочарования и обманутые ожидания, а также формирование новых, но столь же далеких от действительности представлений друг о друге.

В США Россию стали воспринимать как «государство-обузу», неспособное самостоятельно решать собственные проблемы и предпочитающее ходить по миру с протянутой рукой и шантажирующее Запад с помощью своего ядерного потенциала, а русских как представителей мафии, создающих дополнительные проблемы для стран «свободного мира».

В России же Америка быстро превратилась из «примера для подражания», в «источник всех бед»: ее считали виновной в намеренном развале российской экономики и промышленности, особенно высокотехнологичных оборонных отраслей, скупке за бесценок национальных богатств и государственных секретов, утечке российского интеллекта и, как следствие, полной утрате Россией ее бывшего международного статуса.

На рубеже нового тысячелетия представители американской политической элиты были настроены в отношении России очень скептически. Так, например, советник Президента США по национальной безопасности Кондолиза Райс в одном из первых своих интервью после вступления в должность заявила:

«Я полагаю, Россия будет все больше сближаться с арабскими странами, включая Иран. В конце концов, такая политика приведет ее к отказу вносить свой вклад в усилия по сохранению мира... Я искренне считаю, что Россия представляет опасность для Запада вообще и для наших европей-

ских союзников в частности. Ни они, ни мы еще не осознали в полной мере ту опасность, которую таят в себе ядерный арсенал и баллистические средства доставки Кремля»³.

В своей оценке перспектив российско-американских отношений К. Райс была не одинока. На основе серии интервью в марте—апреле 2001 г. с «теми, кто отвечает или скоро будет отвечать за формулирование российской политики США», американская исследовательница С. Уолландер пришла к следующему заключению о подходах новой администрации к политике на российском направлении:

«Базовое представление, на котором строится политика США, состоит в том, что Россия слаба и в течение достаточно долгого времени будет оставаться таковой... В отличие от стран Центральной и Восточной Европы, которые избрали своим приоритетом интеграцию в западные институты и готовы нести издержки в кратко- и среднесрочном плане ради достижения этой долгосрочной цели, Россия избегала принятия тяжелых решений и не достигла особого прогресса. В результате в течение ближайших лет она будет продолжать бороться со своей слабостью... Россия более не является ни основной угрозой американским интересам, ни инструментом для осуществления этих интересов во всех случаях»⁴.

Не менее осторожно были настроены относительно перспектив российско-американских отношений и в российском руководстве после прихода к власти В. В. Путина. Так, в «Концепции внешней политики Российской Федерации», утвержденной Президентом РФ 28 июня 2000 г., говорилось о «значительных трудностях последнего времени в отношениях с США... наличие серьезных, в ряде случаев принципиальных разногласий». Характерно, что в 1999—2000 гг. и в Вашингтоне, и в Москве тщательно избегали термина «партнерство» применительно к российско-американским отношениям.

Итак, при всех различиях в подходах российских и американских элит к проблеме российско-американских отношений их объединяла стойкая уверенность в том, что у конструктивного партнерского взаимодействия двух стран на мировой арене нет будущего. Во всяком случае, именно такой взгляд превалировал на рубеже веков и в Москве, и в Вашингтоне.

§ 2. Российско-американские отношения после 11 сентября 2001 года

События 11 сентября 2001 г. стали «моментом истины» в современной мировой политике и ознаменовали крутой поворот в российско-американских отношениях. Уже через несколько часов после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне Президент РФ — первым из мировых лидеров — дозвонился до Президента США Дж. Буша-мл.

В ходе телефонного разговора российский руководитель не только выразил самое глубокое сочувствие американскому народу, но и сообщил о прекращении учений российских стратегических сил, поскольку вооруженные силы США были приведены после терактов в состояние высшей боевой готовности и нельзя было исключить возможности ошибки или просчета.

Анализируя причины событий 11 сентября, авторы сборника «Как это случилось? Терроризм и новая война» писали: «пока западный мир расслаблялся после холодной войны и “довоевывал” ее в Европе (война в Союзной Югославии. — В. А.), в южной периферии Евразийского континента вызревала геостратегическая угроза нового типа». Таким образом, впервые после Второй мировой войны Россия и Америка обрели общего врага. В «Совместной декларации Президента В. В. Путина и Президента Дж. Буша о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки», принятой в ходе российско-американской встречи в верхах в мае 2002 г., было подчеркнуто, что обе страны выходят «на уровень новых стратегических отношений. Эпоха, когда Россия и США рассматривали друг друга как врага или стратегическую угрозу, закончилась. Мы являемся партнерами и будем сотрудничать ради продвижения стабильности, безопасности, экономической интеграции, совместного противодействия глобальным вызовам и содействия решению региональных конфликтов».

За декларациями последовали дела. США и Россия стали ведущими участниками антитеррористической коалиции, созданной после 11 сентября 2001 г. Без российско-американского сотрудничества не удалось бы столь быстро и эффективно ликвидировать режим талибов и базы «Аль-Каиды» в Афганистане, тем самым, несомненно, была существенно снижена угроза исламского экстремизма южным рубежам СНГ. После начала войны США против Ирака Россия заняла умеренно критическую позицию, осудив американскую агрессию, но сохранив в целом партнерские отношения с американской администрацией.

Новый стиль российско-американских отношений позволил Москве и Вашингтону заключить «Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов», предусматривающий трехкратное сокращение их развернутых стратегических боезарядов (с 7000 до 1750—2200) в течение ближайших 10 лет, несмотря на то, что в Америке высказывались серьезные сомнения относительно целесообразности этой инициативы Дж. Буша-мл.

Сближение России с Западом и его лидером — США — дало возможность учредить Совет Россия—НАТО, который призван стать, как это говорится в Декларации глав государств и правительств стран—членов НАТО и РФ от 28 мая 2002 г., «механизмом для консультаций,

выработки консенсуса, сотрудничества, совместных решений и совместных действий России и государств—членов НАТО по широкому спектру вопросов безопасности в Евро-Атлантическом регионе». Не приходится сомневаться в том, что именно позиция, занятая Кремлем 11 сентября 2001 г., во многом способствовала решению США и Евросоюза о признании рыночного статуса российской экономики.

За прошедшее после сентября 2001 г. время было высказано немало предположений о временном или случайном характере прежде всего тех позитивных перемен, которые происходили в российско-американских отношениях. Нам представляется, что это не так, хотя бы потому, что все эти перемены свидетельствовали об окончании «холодной войны» в отношениях между Россией и Америкой, а они сегодня получили новый импульс в отношениях двух стран. «Перезагрузка» отношений США—Россия, как представляется, подготавливалась всем развитием российско-американских отношений на протяжении предшествующих лет.

К числу бесспорных достижений в развитии двусторонних отношений следует отнести, во-первых, то, что Москве и Вашингтону удалось приступить к нахождению договоренностей по демонтажу тех колоссальных стратегических ядерных арсеналов, которые были созданы обеими сверхдержавами для реализации стратегии победы в мировой термоядерной войне. Впервые с начала ядерного века началось реальное сокращение общего количества стратегических ядерных боеголовок сторон.

Было бы неверным, однако, представлять дело так, будто Россия и Соединенные Штаты добились полного взаимопонимания по проблеме разоружения. Многие американские политики и эксперты, близкие к консервативному крылу республиканской партии, традиционно скептически относятся к международному сотрудничеству в деле ограничения и сокращения вооружений. По их мнению, с окончанием «холодной войны» время традиционного контроля над вооружениями истекло, и в нынешних условиях Соединенные Штаты не должны быть ограничены нормами международного права в своей военно-технической политике. В кругах, близких к американской администрации Дж. Буша-мл, весьма популярны были рассуждения о том, что складывавшийся на протяжении последних десятилетий режим контроля над вооружениями устарел и его-де надо заменить на систему односторонних шагов в разоруженческой сфере, осуществляемых в интересах США.

Именно такие подходы возобладали в Вашингтоне в 2000-е годы. Серьезный ущерб сложившемуся на протяжении последних десятилетий механизму контроля над стратегическими вооружениями был нанесен после решения Президента США Дж. Буша-мл. в ноябре 2001 г.

о выходе из Договора по ПРО. Не способствовала конструктивному диалогу между двумя странами по разоруженческим проблемам и незаинтересованность республиканской администрации в ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, а также в создании глобального механизма контроля над запрещением биологического оружия.

В этих условиях большое значение имело то обстоятельство, что российско-американский диалог по проблемам стратегической стабильности в мире не был прерван. Действительно, в новом столетии не только перед Москвой и Вашингтоном, но и перед всеми ядерными державами встал ряд сложных проблем, связанных с ликвидацией оружия массового поражения (ОМП) и предотвращением его распространения, которые невозможно решить односторонними мерами. События 11 сентября 2001 г. со всей остротой поставили на повестку дня переоценку ядерного измерения международной безопасности. Сдерживающее свойство ядерного оружия, частично оправдавшее себя в межгосударственных отношениях в эпоху биполярности и советско-американского ядерного паритета, теряет эффективность против таких угроз всеобщей безопасности, как международный терроризм, и не может служить в качестве средства «принуждения к миру» участников внутригосударственных конфликтов, которых немало в современном мире. Возрастающая вероятность захвата или приобретения террористами оружия массового уничтожения, особенно тактических ядерных боезарядов, выдвигает на передний план задачу нераспространения ОМУ. Решение этой задачи невозможно без согласия и качественно нового уровня сотрудничества в первую очередь между ядерными державами. В этом контексте особенно остро встал вопрос о надежном хранении и демонтаже тактических ядерных боеприпасов. Никаких многосторонних и двусторонних режимов контроля над этим видом ядерного оружия в настоящее время нет.

Во-вторых, сторонам удалось существенно расширить проблематику своего диалога по военно-политическим вопросам, дополнив ее за счет обсуждения возможного сотрудничества в создании перспективных систем ПРО, а также взаимодействия в деле ликвидации советских арсеналов оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки.

Еще в 1992 г. Москва предложила совместно разрабатывать, а затем создать и совместно эксплуатировать глобальную систему защиты от ракетного оружия. Восемь лет спустя российская сторона возобновила это предложение. В интервью американской телекомпании Эн-би-си 1 июня 2000 г. Президент РФ В. Путин сказал о возможности создания совместной российско-американской системы ПРО, предназначенной для отражения тех угроз, которые направлены против США, России

и их европейских союзников. В развитие этой инициативы российская сторона 21 февраля 2001 г. передала генеральному секретарю НАТО Дж. Робертсону конкретные предложения по созданию системы европейской нестратегической ПРО.

В этой связи следует отметить, что как администрация Б. Клинтона, так и администрация Дж. Буша-мл. неоднократно выражали заинтересованность в сотрудничестве с Россией в области разработки как тактической, так и стратегической ПРО, в том числе в таких сферах, как НИОКР и проведение совместных учений. Взаимная заинтересованность в сотрудничестве в области нестратегической ПРО нашла свое выражение в «Совместной декларации о новых стратегических отношениях между РФ и США», однако дальше высказывания обоюдной заинтересованности и деклараций продвинуться так и не удалось.

В 1990-е годы особое значение имела и такая область российско-американских отношений, как сотрудничество двух стран в деле обеспечения безопасности, демонтажа и хранения снимаемых с вооружения ядерных боеприпасов, а также утилизации извлекаемых из них ядерных материалов. Американская сторона финансировала это сотрудничество в рамках «программы Нанна—Лугара». В результате совместных усилий США и РФ было возвращено в Россию для безопасного демонтажа 1700 ядерных боеголовок; уничтожено более 400 ракетных шахт; ликвидировано более чем 1400 стратегических ядерных носителей (снятых с вооружения советских баллистических ракет, крылатых ракет, подводных лодок и бомбардировщиков); переработано 150 тонн оружейного урана; уничтожено 30 000 тонн жидкого ракетного топлива. Программа предусматривала также активное сотрудничество США, России и новых независимых государств в снижении угрозы распространения ОМП. В соответствии с этой программой Вашингтон оказал содействие в возвращении в Россию свыше 1700 стратегических ядерных боеголовок из Белоруссии, Казахстана и Украины, вследствие чего они смогли присоединиться к Договору о нераспространении в качестве неядерных государств.

Данная программа, начатая при администрации Клинтона, осуществлялась и при президенте Буше-мл. При активном участии официального Вашингтона 27 июня 2002 г. в Кананаскисе (Канада) на саммите «группы восьми» было принято Заявление о Глобальном Партнерстве по пресечению распространения оружия массового поражения.

В-третьих, произошли определенные позитивные перемены в торгово-экономических и научно-технических связях двух стран — как количественного, так и качественного характера. На протяжении 1990-х годов товарооборот между двумя странами увеличился в несколько раз, превысив по итогам 2002 г. 11 млрд долл. Тем самым США заняли место среди крупнейших торговых партнеров России. По дан-

ным на 2001 г., США являлись крупнейшим иностранным инвестором в российскую экономику. Общий объем американских капиталовложений составил примерно 7 млрд долл. При этом в отличие от ситуации в двусторонних торгово-экономических связях до 1991 г., Россия имеет устойчивое положительное сальдо торгового баланса с Америкой, которое составило в 2000 г. около 2 млрд долл. Изменилась и структура российско-американской торговли (по сравнению с началом 1990-х годов): теперь во взаимном товарообороте преобладают не сельскохозяйственные товары из США, а машины, оборудование, продукция черной и цветной металлургии, химической и атомной промышленности. Однако прежде всего Россия интересуется США как крупнейший производитель и экспортер углеводородов (нефть и газ) в мире, предоставляющий Америке возможность диверсифицировать и наращивать запасы не ближневосточных энергоносителей или энергоносителей, которые производятся не входящими в ОПЕК странами.

Торгово-экономические связи между двумя странами не приобрели пока того же значения, что и их взаимоотношения в военно-политической сфере, тем не менее Москва и Вашингтон не могут полностью игнорировать эти связи или приносить их в жертву «большой политике». Более того, обе стороны стали признавать экономическое сотрудничество основой дальнейшего продвижения к конструктивным и взаимовыгодным отношениям.

Между тем дальнейшее улучшение общего политического климата в российско-американских отношениях открыло бы более благоприятные перспективы для развития сотрудничества России и США в сфере экономики и высоких технологий. Имеются большие возможности для взаимодействия сторон в энергетической сфере (нефтегазовые проекты «Сахалин-1», «Сахалин-2» и Каспийский нефтяной консорциум), сотрудничестве двух стран в научно-технической сфере, в нефтепереработке, автомобилестроении и др. Однако масштабы российско-американского торгово-экономического и научно-технического сотрудничества все еще далеко отстают от потенциальных возможностей обеих стран и не всегда являются взаимовыгодными. Как сказал президент американско-российского делового совета Ю. Лоусон, страны с таким потенциалом, как США и Россия, должны иметь в 3–4 раза больший объем двусторонней торговли. Успех этого сотрудничества будет зависеть и от готовности Москвы и Вашингтона ликвидировать стоящие на его пути препоны внеэкономического характера и прежде всего ограничения, предусмотренные поправкой Джексона—Вэника. Фактически же «США по-прежнему пытаются использовать поправку Джексона—Вэника как рычаг в переговорах с Россией по другим проблемам. То, что уже было обещано, не следует увязывать с другими вопросами»⁵.

Кроме того, американским партнерам придется привыкнуть к тому, что в отличие от 1990-х годов Российская Федерация не нуждается больше в экономической помощи со стороны Запада. Официальный Вашингтон неоднократно использовал этот рычаг на протяжении 1990-х годов для того, чтобы добиться политических уступок от российской стороны. Сегодня Россия заинтересована во взаимовыгодной торговле и инвестициях для осуществления модернизации, во вступлении в ВТО и т.д. Очевидно, что американской политической и деловой элите придется адаптироваться к этим переменам в формате двустороннего диалога.

«Уход России от роли “слабой страны” стал новой характеристикой международной системы начала XXI века. Не странно, что такой сдвиг был сопряжен с “кризисом понимания” между Россией и всеми ее зарубежными партнерами — от США и Европейского Союза до исламских стран и Китая», — отмечает известный российский исследователь-международник А. Д. Богатуров⁶.

§ 3. Итоги и перспективы российско-американских отношений

Итак, каковы основные итоги развития российско-американских отношений на протяжении последних почти 20 лет?

Во-первых, традиционная, сформулированная еще в годы «холодной войны» повестка дня российско-американских отношений — контроль над стратегическими вооружениями, попытка остановить гонку вооружений, предотвращение опасной эскалации региональных конфликтов и, только в качестве дописка, — торговые, экономические, научные и культурные связи, — больше не отражает новых реалий этих отношений.

► Важнейшими «пунктами» российско-американской повестки XXI в., несомненно, является: предотвращение распространения ОМП, борьба с международным терроризмом и международной организованной преступностью, а также совместные усилия по укреплению стабильности в Евразии.

Во-вторых, нравится это кому-то или нет, однако в российско-американских отношениях с большим трудом и с откатами назад, но начала утверждаться модель партнерства. Партнерство означает, что РФ и США строят свои отношения, исходя не из идеологических догм (как в годы «холодной войны») и не из союзной солидарности (как было бы, если бы они стали союзниками), а из своих национальных интересов. В случае если их интересы совпадают, никакие идейные расхождения, как правило, не мешают взаимовыгодному сотрудничеству двух стран (борьба с терроризмом, сотрудничество в космосе, торговля, технологические обмены). В тех же областях, где позиции двух держав

расходятся, они действуют в соответствии со своими национальными интересами (расширение НАТО, войны против Югославии и Ирака, поставки оружия Китаю, проблема Косово, августовская война с Грузией и признание независимости Абхазии и Южной Осетии и т.д.). Однако вряд ли можно говорить о создании системы равноправного партнерства в ситуации, когда даже на перспективу внешнеполитическая стратегия США предусматривает «...решительное, но вместе с тем реалистичное и разумное применение силы, при котором соблюдение американских интересов и защита американских ценностей сочетались бы с открытым осознанием собственного мирового превосходства»⁷. Как заявляют американские партнеры: «Нереалистично ожидать симметрии во взаимоотношениях, которые больше не являются симметричными». Тем не менее партнерству нет разумной альтернативы, оно является наиболее устойчивой моделью двусторонних отношений двух держав, о чем свидетельствует как позитивный, так и негативный опыт их взаимоотношений за последние годы.

В-третьих, российско-американские отношения стали более равновесными. Период значительной односторонней зависимости России от американской помощи и поддержки ушел в прошлое; теперь уже Соединенные Штаты зачастую нуждаются в российском содействии и в борьбе с международным терроризмом, и в предотвращении распространения ОМП, и в урегулировании ряда локальных конфликтов. Это обстоятельство в полной мере проявилось после 11 сентября 2001 г. и начала войны в Афганистане и Ираке.

Сотрудничество Москвы и Вашингтона в нераспространении ОМП и средств его доставки. Угроза распространения ОМП и средств его доставки превращается в серьезнейший вызов международной стабильности и безопасности. Очевидно, что без самого тесного российско-американского взаимодействия в деле предотвращения распространения решить эту задачу не удастся. Располагая крупнейшими военно-промышленными комплексами в мире, США и Россия несут здесь особую ответственность.

Бесспорно, что российско-американское сотрудничество стало важным фактором, содействующим укреплению режима нераспространения. Тем не менее в новых исторических условиях это сотрудничество может и должно быть активизировано. По мнению российского специалиста-международника **С. А. Караганова**,

«Россия и Соединенные Штаты должны объединить свои усилия, чтобы помочь странам, обладающим ядерными материалами, в деле обеспечения безопасного хранения этих материалов или же чтобы скупить их избыточные запасы. Россия могла бы предоставить людей и необходимое ноу-хау, а США могли бы взять на себя, прежде всего, финансирование; к участию следует пригласить и другие государства»⁸.

Разумеется, нельзя недооценивать масштаб тех проблем, с которыми сталкивается взаимодействие двух стран в деле нераспространения. Сохраняются серьезные разногласия между США и РФ по вопросу о последствиях для нераспространения российского военно-технического сотрудничества с третьими странами и прежде всего с Ираном. Иран, впрочем, — не единственная страна, военно-экономическое сотрудничество России с которой за последние годы вызывало озабоченность в Соединенных Штатах. Так, намерение России продать Индии криогенные двигатели и технологию их производства также вызывало с американской стороны обвинения в нарушении режима нераспространения ракетных технологий. Кроме того, американская сторона высказывала свои возражения по поводу продаж российских вооружений таким разным странам, как Китай, Сирия и Кипр. И это недовольство не ограничивалось лишь заявлениями американских должностных лиц; против некоторых российских компаний, фирм и институтов были введены американские дискриминационные меры и экономические санкции.

В российском ВПК с раздражением воспринимают подобные заявления и действия Вашингтона, усматривая в них попытки потеснить российских конкурентов на международных рынках двойных технологий. Что же касается обвинений в адрес России в распространении ОМП и средств их доставки, то такого рода обвинения со стороны высокопоставленных представителей администрации Дж. Буша-мл. неоднократно вызывали резкую отповедь российских официальных лиц.

Российско-американское сотрудничество в борьбе с международным терроризмом. Еще задолго до 11 сентября 2001 г. Россия и США предприняли некоторые шаги в организации противодействия международному терроризму. Так, например, в ходе парижского совещания министров иностранных дел и безопасности «восьмерки» в 1996 г. были выработаны практические рекомендации по борьбе с этим злом, включая перекрытие финансовых потоков для террористов и противодействие информационному терроризму. Достаточно интенсивно осуществлялся и обмен информацией по линии российских и американских спецслужб. Однако многие в США до 11 сентября 2001 г. рассматривали российские призывы к борьбе с международным терроризмом как попытку придания легитимности войне в Чечне или как способ вовлечения Америки в борьбу с исламским фундаментализмом в интересах России. Как писал американский исследователь Д. Саймс:

«Сконцентрировавшись на гуманитарных интервенциях, администрация Клинтона уделяла недостаточно внимания, сил и средств более насущным проблемам, таким, как растущая угроза “Аль-Каиды”. В результате неверной расстановки приоритетов был нанесен ущерб отношениям с Россией, произошло непредвиденное охлаждение отношений с Китаем. Как следствие, Америке труднее было заручиться их содействием в борьбе с терро-

ризмом в период, предшествовавший 11 сентября 2001 г. По иронии судьбы напряженность в отношениях с Россией частично способствовала тому, что администрация Клинтона отказалась от поступившего еще в 1999-м предложения Москвы о совместной борьбе против талибов»⁹.

Как уже отмечалось, трагические события 11 сентября 2001 г. заставили Вашингтон и Москву по-новому расставить приоритеты в российско-американских отношениях. Важнейшим направлением двустороннего сотрудничества стало взаимодействие в рамках антитеррористической коалиции. При этом выяснилось, что Россия является гораздо более ценным для Америки партнером в рамках коалиции, чем подавляющее большинство стран—членов НАТО. В ходе операции «Несокрушимая свобода» (Афганистан) Россия предоставила Соединенным Штатам разведывательную информацию о террористических группировках, выделила воздушные коридоры для американской авиации, расширила военно-техническое сотрудничество с Северным альянсом. Официальный Вашингтон высоко оценил помощь со стороны России в борьбе с международным терроризмом. В интервью «Известиям» К. Райс сказала: «Россия показала себя очень щедрым партнером, искренне готовым сотрудничать по нескольким направлениям. Она делится с Америкой разведанными, предоставила нам свое воздушное пространство... Это — чрезвычайно важная помощь».

Сотрудничество двух стран на начальном этапе деятельности антитеррористической коалиции было чрезвычайно успешным и продуктивным. Соединенные Штаты смогли нанести серьезный удар по группировке «Аль-Каида», ответственной за террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне; Россия же после краха режима талибов избавлена от необходимости вести борьбу с исламским экстремизмом на два фронта — на Северном Кавказе и в Центральной Азии.

Свидетельством интенсификации двустороннего диалога по проблеме международного терроризма стало и создание российско-американской Рабочей группы по борьбе с терроризмом. Это решение было принято в ходе майского саммита в Москве. Как указывалось в принятом 24 мая 2002 г. Совместном заявлении президентов двух стран об антитеррористическом сотрудничестве, «среди прочих вопросов Рабочая группа будет заниматься угрозами ядерного, биологического и химического терроризма».

Тем не менее, похоже, правы те специалисты-международники, которые полагают временным сближение Российской Федерации и Соединенных Штатов на почве борьбы с международным терроризмом. Достаточно было России занять твердую самостоятельную позицию по вопросу войны в Ираке, чтобы началось российско-американское «охлаждение».

Несомненно, что международный терроризм будет и впредь представлять серьезнейшую угрозу международной безопасности, в том

числе и для РФ и США. Однако после начального афганского «умиротворения», в которое, как уже отмечалось, внесла свой вклад и Россия, и европейские союзники Америки, США отказались ввести санкции за наркоторговлю против Афганистана, посчитав это противоречащим американским интересам. Между тем после победы над режимом талибов производство наркотиков в Афганистане, направляемых прежде всего в Россию и Европу, выросло в десятки раз. Однако призрачная стабильность в Афганистане, базирующаяся на хрупком согласии с тамошними «полевыми командирами» (а сегодня ведущими наркопроизводителями), была для Вашингтона важнее, чем проблемы наркотрафика для России и Европы. Не случайно в России неоднократно высказывалась озабоченность и недовольство деятельностью американско-британских оккупационных сил в Афганистане. Тем временем в США все чаще звучали сомнения по поводу сохранения демократических институтов в России.

Россия, США и укрепление стабильности в Евразии. Трагические события 11 сентября показали, что главная угроза безопасности США исходит из центра Евразии. Именно туда перемещается в настоящее время ось мировых проблем, и это обстоятельство потенциально превращает Россию и США в заинтересованных партнеров в деле обеспечения международной стабильности. Ведь, как показали события вокруг Афганистана после 11 сентября, только Соединенные Штаты и РФ могут предоставить друг другу реальную помощь в борьбе с общими врагами, среди которых самым опасным на сегодняшний день является исламский радикализм.

По мнению американского специалиста по российско-американским отношениям **Р. Легволда**,

в XXI в. роль «“стратегического тыла” Соединенных Штатов играют не Европа и Северо-Восточная Азия, а огромный беспокойный регион, простирающийся от восточных границ Турции до западных границ Китая и вдоль южных границ России. Раз Соединенные Штаты собираются устранить угрозы, исходящие из этого региона, то ни одна страна не будет более ценна в качестве союзника, чем Россия. ...Россия и Соединенные Штаты, совместно предотвращающие основные стратегические угрозы нового века, особенно те, которые исходят из Евразии, будут иметь такое же значение в формирующемся мировом порядке, какое имели важнейшие альянсы с участием США в прошлом»¹⁰.

В то же время другой известный американский эксперт Зб. Бжезинский, к мнению которого прислушиваются не только в США, задавшись вопросом: «В какой мере Россия может стать главным стратегическим партнером США в деле наведения порядка в Евразийском регионе?» — достаточно прохладно оценивал потенциал американско-российского сотрудничества¹¹.

Поэтому успех российско-американского сотрудничества в деле укрепления стабильности и безопасности в Евразии будет зависеть от того, в какой мере официальный Вашингтон проявит готовность рассматривать такие ведущие страны региона, как Россия, Китай и Индия, в качестве своих равноправных стратегических партнеров. До сих пор в своей региональной политике в Евразии американская элита исходила и исходит из того, что системы безопасности в Евразии должны строиться на основе расширяющегося на Восток Североатлантического альянса, где России, в лучшем случае, будет уготована роль младшего партнера с совещательным голосом. Между тем у России (как, впрочем, и у КНР, и у Индии) имеются свои интересы в сфере безопасности и представления о том, каким образом они должны быть защищены, и великие державы Евразии не готовы поступаться этими интересами для того, чтобы угодить глобальным амбициям Соединенных Штатов.

Таким образом, Соединенные Штаты при Дж. Буше-мл. в своей международной политике по-прежнему придерживались двойных стандартов: с одной стороны, единолично определяли страны, представляющие угрозу миру и национальным интересам США, и «наказывали» их (так, без мандата Совета Безопасности ООН США осуществили интервенцию против Ирака), с другой — не хотели признавать вполне законное право России на формирование системы безопасности на постсоветском пространстве.

Пример применения США двойных стандартов приводится даже в докладе «Комиссии по национальным интересам США в отношении России». Неверно определенным приоритетом администрации Дж. Буша-мл., по мнению авторов доклада, «...является чрезмерная поддержка Государственным департаментом многосторонней региональной организации ГУУАМ, в которую входят Грузия, Украина, Узбекистан (до 2005 г. — *Прим. авт.*), Азербайджан и Молдавия. Даже тогда, когда Белый дом стремится наладить стратегическое партнерство с Москвой, Госдепартамент убеждает недовольных членов ГУУАМ (изначально объединение было создано для противодействия России. — *Прим. авт.*) не покидать эту организацию и предоставляет ей существенную финансовую помощь. Одно дело — поддерживать стремление правительств стран-членов ГУУАМ создать региональную организацию, и совсем другое — вынуждать некоторые правительства оставаться участниками этой организации, которая, по их мнению, не служит интересам их стран. Такая тактика неизбежно вызывает раздражение российских официальных лиц и заставляет их беспокоиться по поводу намерений США относительно стран бывших республик Советского Союза; в то же время она практически ничего не дает Соединенным Штатам взамен»¹². В целом стратегические планы США при президенте Дж. Буше-мл. были ориентированы на сохранение глобального превосходства и доминирование Америки в мире, а «мир стал тяготеть к регулированию на основе силы»¹³.

Приход в Соединенных Штатах к власти новой демократической администрации Барака Обамы стал началом очередной попытки «перезагрузки» в отношениях США и России. Обама еще во время предвыборной кампании заявил о стремлении двигаться к безъядерному миру. Уже на лондонском саммите в апреле 2009 г. президенты РФ и США заявили о приверженности «цели достижения свободного от ядерного оружия мира». Замораживание программы размещения в Польше и Чехии элементов ПРО (сентябрь 2009 г.)¹⁴, совместное заявление президентов России и США о необходимости продолжения шестисторонних переговоров по ядерной проблеме КНДР, подписание с Россией договора СНВ-3 (апрель 2010 г.), глобальный ядерный саммит в Вашингтоне с участием лидеров 40 государств (апрель 2010 г.), как и новая ядерная доктрина США, — стали важными шагами в направлении реализации этой амбициозной цели американского президента. И хотя не все эксперты и наблюдатели верят в возможность ее практической реализации, достижение новой договоренности по сокращению наступательных вооружений между двумя главными ядерными державами, несомненно, будет служить снижению напряженности в мире. Так, согласно договору СНВ-3, и Россия и США могут иметь не более чем по 700 носителей ядерного оружия, включая межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), баллистические ракеты морского базирования, размещаемые на атомных подводных лодках (АПЛ), и ракеты на стратегических бомбардировщиках. Суммарное количество боезарядов будет сокращено почти на треть — с 2200 до 1550 единиц.

Заключение Договора СНВ-3 также показало, что евроатлантическое направление снова становится для РФ важнейшим. По мнению российских дипломатов, после подписания СНВ-3 у России с Западом установились самые лучшие отношения за последние десять лет. Хотя в договоре РФ сделала серьезную уступку США по проблеме противоракетной обороны, Барак Обама обещал в Праге президенту Д. Медведеву начать с Россией «серьезный диалог» на тему ПРО. К числу успехов РФ в диалоге с США следует отнести и согласие Б. Обамы поработать над ратификацией «Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний» (1996 г.), который был подписан США, но не ратифицирован Сенатом до сих пор.

В новом тысячелетии Россия сделала свой принципиальный внешнеполитический выбор. Отныне Российская Федерация видит свое место на международной арене рядом с Западом, а не против него. Разумеется, взаимная адаптация и России, и США — лидера Запада — происходит очень непросто. России еще предстоит на деле продемонстрировать готовность соблюдать признанные нормы международных отношений и занять свое законное место в мировом сообществе; а Соединенным Штатам предстоит отказаться от «эгоизма сильного», научиться учитывать национальные интересы своих реальных и по-

тенциальных союзников и воспринимать Россию как «нормальную» страну и важного партнера в разрешении наиболее острых проблем современного мира.

Примечания

¹ Саймс Д. Имперская дилемма Америки // Россия в глобальной политике. 2004. Январь—февраль. Т. 2. № 1. С. 134—135.

² Коновалов А. Как Россия и США «потеряли» друг друга // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 7. С. 6, 10.

³ Российская газета. 2001. 22 февраля. С. 11.

⁴ Российско-американские отношения при администрации Буша: Программа по новым подходам к безопасности России (PONARS). М., 2001. С. 5—6.

⁵ Россия в глобальной политике. 2004. Январь—февраль. Т. 2. № 1. С. 149.

⁶ Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М., 2010. С. 154.

⁷ Саймс Д. Имперская дилемма Америки... С. 142.

⁸ Караганов С. А. Новые вызовы: Политика безопасности России в будущем // Intern. Politik. 2002. № 7. С. 70.

⁹ Саймс Д. Имперская дилемма Америки... С. 136.

¹⁰ Legvold R. Crafting a U.S. — Russian Alliance // Nat. Interest. 2002. Dec. 20.

¹¹ Бжезинский Зб. Зыбучие пески гегемонии // Россия в глобальной политике. 2004. Март—апрель. Т. 2. № 2. С. 192—193.

¹² Россия в глобальной политике. 2004. Январь—февраль. Т. 2. № 1. С. 147—148.

¹³ Современные глобальные проблемы / Отв. ред. В. Г. Барановский, А. Д. Богатуров. М., 2010. С. 49—50.

¹⁴ Однако официально США не денонсировали соглашения 2008 г. с Польшей и Чехией о размещении на их территории компонентов третьего позиционного района ПРО. Теоретически следующая администрация может вернуться к этому проекту. В мае 2010 г. США разместили тактические системы ПРО «Пэтриот РАС-3» на территории Польши. С января 2010 г. консультации о размещении подобных систем Вашингтон ведет с Румынией.

Контрольные вопросы и задания

1. К каким радикальным изменениям привело окончание «холодной войны» в отношениях между США и Россией?
2. Выделите основные этапы в развитии российско-американских отношений.
3. Как повлияли на российско-американские связи события 11 сентября 2001 г.?
4. Почему так важны для США и России проблемы нераспространения ОМП?
5. Каковы основные проблемы в сфере российско-американских торгово-экономических отношений?
6. Дайте характеристику достижениям и проблемам в сотрудничестве США и России в борьбе с международным терроризмом.
7. Каковы перспективы российско-американских отношений?

РОССИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

§ 1. Отношения Россия—ЕС в 90-е годы XX века

Отношения с Европой во внешней политике России всегда играли важную роль. Напомним, что в СССР перестройка началась после того, как М. Горбачевым был выдвинут знаменитый лозунг «Единая Европа от Владивостока до Гибралтара». Собственно говоря, согласие на объединение Германии рассматривалось идеологами перестройки как первый шаг на пути к достижению этой вполне утопической цели. Естественно, что от подобного рода иллюзий пришлось довольно скоро избавиться, однако сама идея сближения с Евросоюзом с целью создания нового полюса мирового влияния в противовес США долго не покидала умы российских политиков. Достаточно здесь вспомнить концепцию оси «Москва—Берлин—Париж», активно одно время поддерживаемую президентом Борисом Ельциным. Однако, как и следовало ожидать, из этого ничего не вышло, кроме нескольких анекдотических историй, так как полуразоренной России было практически нечего предложить Европе, которую, в свою очередь, больше интересовал максимально свободный доступ для своих компаний к нашим природным богатствам.

Однако в целом в 1990-е годы связи между Россией и Европейским Союзом развивались позитивно, хотя имеющийся потенциал партнерства использовался далеко не в полной мере. В 1994 г. эти отношения были провозглашены высшим приоритетом российской внешней политики и экономических связей. В этом же году Россия и ЕС подписали «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве», однако и на этом действительно важном направлении внешней политики Россия не смогла выработать эффективной стратегии сотрудничества, не используя даже существующие договоренности. Достаточно привести один пример, ярко демонстрирующий не декларативное, а действительное отношение российского руководства к данной проблеме — в течение трех лет, начиная с 1994 г., Россия не смогла назначить своего посла

при Европейском союзе в Брюсселе. Правда, в этом отчасти виновна и европейская сторона, поскольку соглашение «Россия—ЕС» было ратифицировано всеми странами Европейского Союза лишь в конце 1997 г., после чего и вступило в действие.

Владимир Путин поначалу действовал в том же русле, что и его предшественник, стараясь при этом поддерживать хорошие отношения и с США. Однако после «оранжевой революции» 2004 г. на Украине стало очевидно, что у России, как и прежде, «нет других союзников, кроме армии и флота»¹, и что какие бы противоречия ни возникали между США и Европой, в отношении нашей страны они всегда будут действовать в одной связке².

Именно украинские события стали для российского руководства поводом пересмотреть весь внешнеполитический курс страны, в том числе и на европейском направлении. Экономический рост, укрепление внутреннего единства страны и политическая стабилизация первых семи лет нового века сделали не только возможной, но и необходимой более наступательную и активную внешнюю политику. Первым пробным шагом стала та же Украина, газовая блокада которой заставила европейцев заметить, насколько сильно они зависят от поставок российских энергоносителей. Одновременно они обнаружили, что у них нет и никаких серьезных возможностей обеспечить надежность этих поставок без учета интересов самой России. Выяснилось, что за первые годы правления президента Путина российская власть полностью восстановила государственный контроль над своей добывающей промышленностью, отодвинув на второй план иностранные компании и компании с серьезным иностранным участием. Нашумевшее «дело ЮКОСа» было лишь эффектной верхушкой айсберга, показавшей, насколько далеко могут зайти в случае необходимости российские власти для обеспечения энергетического суверенитета страны.

Надо сказать, что за последние годы прошедшего десятилетия Россия осуществила все, чтобы сделать политическим вопросом надежности поставок энергоносителей в Европу. Особенно это стало заметно летом 2006 г. во время развернувшейся между Россией и ЕС борьбы вокруг «Энергетической хартии», являвшейся попыткой заставить Россию взять на себя обязательства гарантировать надежность поставок газа в Европу независимо от политической конъюнктуры. После долгих переговоров выяснилось однако, что Москву не устраивает не столько предлагаемая плата за подобное самоограничение (хотя и золотых гор или крупных политических уступок нам тоже не обещали), сколько сам подход, при котором возможности России распоряжаться своими природными богатствами и вытекающими из них политическими преимуществами сдерживаются некими международными договоренностями, которые были расценены как ограничение государственного суверенитета России.

Однако именно благодаря такой неуступчивости стал возможен крупнейший на данный момент успех европейской политики России — балтийский газопровод «Северный поток», который будет обеспечивать прямые поставки российского газа в Германию и другие страны Западной Европы по дну Балтийского моря, в обход транзитных стран, прежде всего Украины и Польши. Неудивительно, что этот проект сразу встретил такое отчаянное сопротивление, в том числе и за океаном. Реализация проекта позволит фактически выключить из глобальных российско-европейских отношений страны Балтии и Центральной и Восточной Европы, являющиеся сегодня главными проводниками американского влияния на континенте. В свою очередь российский проект газопровода «Южный поток» стал альтернативой европейскому проекту «Южного газового коридора», который, как планируется, будет состоять из трех звеньев: Транскаспийский газопровод (данный проект предусматривает доставку природного газа из Казахстана и Туркменистана в Азербайджан); газопровод Баку—Тбилиси—Эрзерум (из Азербайджана через Грузию в Турцию) и «*Nabucco*» (от турецкого Эрзерума до австрийского Баумгартена через Болгарию, Румынию и Венгрию). В ЕС этот газопровод рассматривают как средство избавления от энергетической зависимости от России. Правда, даже после завершения строительства этот трубопровод сможет удовлетворять не более 5% потребностей ЕС в газе, но, несмотря на это, проект «Южного газового коридора» составляет прямую конкуренцию российскому «Южному потоку», который, как планируется, пройдет из Новороссии по дну Черного моря до Болгарии, а затем две ветки через Балканский полуостров пойдут в Италию и Австрию, что, в свою очередь, сократит зависимость РФ от стран-транзитеров³.

Анализируя российскую политику по отношению к ЕС, важно помнить, что развитие сотрудничества с этим европейским институтом невозможно, тем не менее, вне общего контекста отношений с другими европейскими и евро-атлантическими институтами, такими как ОБСЕ, НАТО, Совет Европы. А стратегической задачей сотрудничества может быть создание «пространства безопасности, стабильности и сотрудничества в Европе», предполагающее политическое, военное, экономическое, социальное, культурное, информационное, экологическое и другие измерения.

В этой связи и в России, и в государствах Европейского союза существует консенсус по поводу того, что без нашей страны построить подобное «пространство» невозможно.

Однако для плодотворного сотрудничества с ЕС России следует отказать от целого ряда иллюзий и стереотипов. Следует осознать:

- что российская безопасность в целом не ослабевает, если число стран ЕС увеличивается и потенциал европейской интеграции усиливается;

- что такие понятия традиционных международных отношений, как «баланс сил» и «сферы интересов», а также «конфликтующие союзы» устарели; в прошлом они рассматривались как стабилизирующие факторы, однако и раньше эти «стабилизаторы» регулярно приводили к войне;

- что попытки сыграть на действительных и мнимых противоречиях между ЕС и США обречены на провал;

- что сегодня попытки создать в противовес НАТО и ЕС военно-политические или экономические союзы с участием России, Китая, Индии или других стран Азии не более чем иллюзия;

- что расчеты на долговременную признательность и благодарность за односторонние шаги навстречу интересам ЕС или другим международным институтам являются наивными и вполне призрачными. Декларативные обещания партнеров необходимо всегда фиксировать в обязывающей для них юридической форме;

- что к странам Центральной и Восточной Европы уже не следует относиться как к «неблагодарным» отступникам и что с ними надо выстраивать конструктивное политическое и экономическое сотрудничество, поскольку его отсутствие подрывает любую возможность создания системы кооперативной безопасности и стратегического партнерства в Европе.

§ 2. Проблемы в отношениях Россия—ЕС в новом тысячелетии

Однако следует признать, что в 2000-е годы взаимоотношения России и объединенной Европы приблизились к критической черте. И в России, и в Европейском Союзе нарастает неудовлетворенность как общим состоянием отношений, так и поведением друг друга в конкретных ситуациях.

Первым «пробным камнем» стала острая дискуссия вокруг проблемы наземного доступа российских граждан в Калининградскую область после расширения Евросоюза. Затем президент В. Путин подверг беспрецедентно резкой публичной критике «брюссельскую бюрократию» за ее попытки «выкручивать руки» России. Поводом послужила жесткая, бескомпромиссная позиция Еврокомиссии и ряда стран ЕС на переговорах о вступлении РФ в ВТО. Следующим был скоротечный дипломатический конфликт по поводу урегулирования в Приднестровье. Европейцы, не приняв «план Козака», впервые дали понять Москве, что она уже не может полностью самостоятельно действовать на пространствах СНГ, а выборная президентская кампания в Украине конца 2004 г. показала, что страны ЕС отныне активный и постоянный участник политических отношений на постсоветском пространстве.

В том же 2004 г. Россия заняла жесткую позицию по вопросу о распространении действия «Соглашения о партнерстве и сотрудничестве» (СПС) с ЕС от 1994 г. на вступающие в него страны ЦВЕ. Так, у России вызвало целый ряд озабоченностей распространение на новых членов ЕС квот и других нетарифных ограничений в отношении российских товаров, введение визового режима, правовое положение русскоязычного населения в государствах Балтии и др. Переговоры России и Европейского Союза по данному вопросу велись в интенсивном режиме и завершились подписанием в Люксембурге в апреле 2004 г. Протокола о распространении СПС на новых членов ЕС. Заявление урегулировало ряд озабоченностей и обозначило пути к решению оставшихся для России проблем. Тем не менее полностью ликвидировать трудности, возникающие для России в связи с расширением ЕС, оно не смогло⁴.

В то же время Европейская комиссия и Европарламент выступили с резко критическими заявлениями по российской тематике (нарушение прав человека в Чечне). В результате стало окончательно ясно, что в двусторонних отношениях наступил сложный период. При этом несомненно, что обе стороны несут свою долю ответственности за возникновение этих сложностей. Россия оказалась не готова выполнять «высокие» обязательства, взятые при подписании СПС, и не создала правовых и организационных условий для работы с ЕС. Евросоюз же оказался не способен выстраивать отношения с Россией как с равноправным стратегическим партнером, имеющим собственные национальные интересы.

«...Одной из причин кризиса доверия, — пишут отечественные эксперты, — является доминирование подхода Европейского союза, в соответствии с которым Россия рассматривается как растущий рынок сбыта и источник снабжения сырьевыми, прежде всего топливно-энергетическими, товарами, требующий в интересах безопасности “мягкого” контроля через договорно-правовые инструменты, аналогичные “соседству”»⁵.

В отношении между обоими партнерами можно выделить несколько крупных узлов противоречий.

1. Россию и Европу все больше разделяют страны постсоветского пространства. Выступив с новыми проектами экономической интеграции стран СНГ и собственными планами урегулирования локальных конфликтов, Россия не встретила понимания со стороны ЕС. Так, при обсуждении положения в Молдавии и Грузии на совещании министров ОБСЕ в Маастрихте (декабрь 2003 г.) Россия оказалась в полной изоляции. Более того, Европейский Союз усилил давление на руководство Молдавии с целью осуществить «европейский план» приднестровского урегулирования без активного участия России, что вызвало понятное недовольство и непонимание в Москве. (Новый всплеск недоволь-

ства происходит в феврале 2005 г., накануне парламентских выборов в Молдове. Государственная Дума призывает правительство РФ к введению экономических санкций против Молдовы в связи с ситуацией в Приднестровье.) В свою очередь, Европейский союз, получив в качестве непосредственных соседей Белоруссию, Молдавию и Украину, просто вынужден был активизировать политику в западной части СНГ. То обстоятельство, что именно вхождение в «Единую Европу» привлекает большинство постсоветских правящих элит, только обостряет соперничество России и ЕС в этом регионе. Как представляется, совершенно не случайно появление в 2005 г. предложения отгородиться от России, как и от Сирии, Ирана и Ирака, санитарным кордоном, состоящим из буферных государств: Белоруссии, Молдавии, Украины и Турции. В итоге возникла концепция Европейской политики соседства. Правда, по словам европейского эксперта, «Россия стояла в ней особняком — особое политическое и стратегическое значение этого государства предполагало двустороннее стратегическое партнерство между ней и Евросоюзом»⁶.

2. Нарастают различия подходов в области энергетики. Как известно, Россия — крупнейший в мире производитель и экспортер природного газа и нефти, на долю которой приходится более 20% разведанных мировых запасов газа и 5% всех запасов нефти⁷. Во второй половине 2003 г. стало ясно, что Российское государство не только намерено сохранять стратегический контроль над важнейшими энергетическими ресурсами, но и готово использовать энергетический рычаг в своей внешней политике в отношении ЕС. Российские власти вполне ясно высказались против проектов, касающихся построения региональной инфраструктуры, таких как *TRASECA* и *INOGATE* (Межгосударственная транспортировка нефти и газа в Европу), не предполагающих участие России. В свою очередь, вопросы энергетической безопасности и диверсификации источников энергии стали важнейшими для Евросоюза. В декабре 2004 г. Международное энергетическое агентство предупредило ЕС о том, что его зависимость от российского газа подвергает риску энергетическую безопасность Европы. По состоянию на 2005 г., около 47% поставок природного газа в Германию осуществляется из России. Для ряда других стран, недавно вступивших в ЕС, таких как Словакия, этот показатель составляет уже 100%. Любой, даже случайный срыв поставок может вызвать огромные негативные последствия.

Еще в 1994 г. РФ подписала «Договор к Энергетической хартии» (ДЭХ), который вступил в силу в 1997 г. К настоящему времени его подписали Европейский Союз и 52 государства, ратифицировали 46. Все последние годы наша страна, не осуществив процедуру ратификации ДЭХ (что сильно раздражает чиновников ЕС), применяет его на временной основе в части, не противоречащей российскому законода-

тельству, и продолжает участвовать в переговорах в рамках Конференции Энергетической хартии, что соответствует ст. 45 ДЭХ.

В 2001 г. Государственная Дума РФ провела слушания по ДЭХ и решила отложить ратификацию. Дума также приняла заявление, согласно которому вопрос о ратификации не будет рассматриваться до принятия ряда российских требований. Последние, в частности, включали уточнение двух положений статьи 7 ДЭХ — о соотношении транзитных и внутренних тарифов на прокачку газа и согласительной процедуре урегулирования транзитных споров, а также о завершении переговоров по специальному Протоколу Энергетической хартии по транзиту и др.⁸

В то же время зависимость ЕС от импорта горючих полезных ископаемых в предстоящие 20 лет продолжит увеличиваться, поскольку месторождения в Северном море скоро будут истощены. Результат будет таков: 90% потребляемой нефти придется импортировать из-за пределов Евросоюза. В ЕС все серьезнее задумываются над тем, как обеспечить Европе энергетическую безопасность. В частности, предлагается:

- разнообразить источники поставок энергоносителей;
- оказывать давление в вопросе диверсификации транспортных маршрутов поставок нефти и газа;
- стремиться стабилизировать обстановку в регионах, производящих энергоресурсы и обеспечивающих их транзит — особенно в «расширенной Европе».

Отсюда попытки «вдохнуть жизнь» в ГУАМ, демонстративная поддержка белорусской оппозиции и др., поскольку через территорию стран, входящих в эту международную организацию и Белоруссию, планируется проложить транспортные маршруты поставок азербайджанской нефти и туркменского газа в обход России.

Видимо, поэтому амбициозный многообещающий проект «энергодIALOG» с Россией пребывает в состоянии застоя и нет никакой ясности и относительно европейских инвестиционных планов в газовой и нефтяной отраслях РФ. В соответствии с Энергетической стратегией России на период до 2020 г.⁹, необходимо инвестировать в отрасль требовалось на период до 2010 г.¹⁰ Таким образом, очевидно, что энергетическое партнерство должно было быть направлено на увеличение притока инвестиций в российский энергетический сектор для модернизации и расширения энергетической и транспортной инфраструктуры, а также улучшения экологической обстановки, для увеличения доли экологически чистых технологий на рынке, а также в целях повышения энергоэффективности предприятий¹¹.

Речь шла о разработке и реализации крупномасштабных пилотных инвестиционных проектов в области производства и транспортировки

энергии и энергоносителей из России в страны ЕС — стыковка электросетей России и ЕС, Северный трансевропейский газопровод, газопровод Ямал—Европа транзитом через Белоруссию и Польшу, освоение Штокмановского месторождения, интеграция нефтепроводной системы «Дружба», проходящей через Белоруссию и Украину, с европейским нефтепроводом «Адрия». Это также вопросы внедрения энергосберегающих и природоохранных технологий в РФ, совершенствования нормативной базы энергетического сотрудничества, создания при финансовом содействии ЕС Центра энергетических технологий в России. Если учитывать, что более 50% российского экспорта энергоносителей приходится на страны ЕС, то для России жизненно важно и сохранение практики долгосрочных контрактов на поставку энергоносителей в Европу¹².

3. Можно было уверенно ожидать, что с вступлением в Евросоюз стран Восточной Европы и Балтии в политике ЕС усилятся антироссийские настроения. Часть новых членов Европейского Союза постараются получить финансовые и политические дивиденды от статуса «прифронтовых» территорий или государств «санитарного пояса», раздувая тему своего положения на границе с якобы не слишком дружественным Европе государством. Можно было сразу предположить, что дополнительное недовольство России вызовут и попытки восточноевропейских членов ЕС выступить в роли «адвокатов» ряда государств СНГ в «Большой Европе».

4. Политическое решение ЕС превратить «Европу-15» в «Европу-25», затем с 1 января 2007 г. в «Европу-27», а также необходимость радикальной перестройки институциональной структуры и принципов функционирования Европейского Союза, уже приводят к тому, что, с одной стороны, — все его основные финансовые и экономические ресурсы направляются на «переваривание» новых членов Союза, приспособление их к европейским стандартам, с другой — политические усилия сосредоточиваются на выработке и согласовании конституционных основ «новой Европы». Поэтому *интерес к России как потенциальному стратегическому партнеру ЕС, как и проблемы дальнейшего расширения Союза, неизбежно отошли на второй план.*

В этой ситуации неприятной неожиданностью для Еврокомиссии оказалась твердая позиция правительства РФ по проблеме минимизации для нашей страны экономического ущерба от расширения ЕС (распространение на новых членов ЕС правил таможенной защиты европейского рынка, квотирования поставок ряда товаров из России (стали и текстиля), антидемпинговых процедур, правил по диверсификации источников энергоснабжения, практики ограничения поставок товаров ядерного цикла, введение визового режима для граждан РФ и др.). Европейский Союз раздражают попытки российского руковод-

ства увязывать воедино проблемы, которые, как им кажется, напрямую друг с другом не связаны. В результате не решаются даже относительно простые вопросы и нарастает общий конфликтный потенциал. Так, чиновники ЕС не считают, что они обязаны компенсировать внешнему государству (тем более не члену ВТО) негативные следствия своих внутренних решений.

В результате в состоянии стагнации пребывают все основные интеграционные проекты — энергетический диалог ЕС—Россия, построение четырех «общих пространств» (на саммите Россия—ЕС, прошедшем 6 ноября 2003 г. в Риме, было решено начать работу по формированию общего экономического пространства, общего пространства внешней безопасности, общего пространства свободы, безопасности и правосудия, общего пространства науки и образования, включая культурные аспекты). Вновь эта цель была подтверждена в мае 2005 г. в Москве, во время празднования 55-й годовщины Победы, и опять без практических последствий. Сложно идут переговоры о вступлении России в ВТО, отчасти это связано с завышенными первоначальными ожиданиями сторон, а отчасти с объективной неготовностью нашей страны выполнять взятые на себя обязательства, что ужесточает претензии государств ЕС к России. Часто приводимым примером стало зафиксированное в ст. 55 СПС намерение России в одностороннем порядке привести внутреннее законодательство в соответствие с европейским. Полное отсутствие прогресса на этом направлении возмущает европейцев. То же самое касается открытия рынка банковских и страховых услуг, а также некоторых других вопросов.

С точки зрения Евросоюза, Москва не желает учитывать его интересы, интересы стран-членов и других внешних экономических игроков. Россия, например, не торопится снять опасения европейцев в вопросах экологии (хотя сегодня уже ратифицирован Федеральным собранием России «Киотский протокол»), не только не предоставляет своим регионам достаточной самостоятельности во внешнеэкономической деятельности (а именно этого добивается европейский бизнес, не желающий действовать исключительно через Москву), но и отрицает уже имеющиеся возможности, усложняет процедуры получения российских виз гражданами стран ЕС и т.д.

И наконец, на отношения с Россией проецируются внутренние неурядицы в Европейском Союзе. Иракская война продемонстрировала неспособность Евросоюза проводить единую политику в отношении США, а саммит ЕС—Россия в Риме (ноябрь 2003 г.) выявил ту же проблему в отношении Москвы. Однако без каких-либо успехов по формированию общей внешней политики и политики безопасности нечего говорить о какой-либо глобальной политической роли ЕС в мире.

Попытки преодолеть внутренний кризис и отсутствие политической воли и возможностей противостоять американскому давлению вызвали

у европейцев желание добиться результата на российском направлении общей политики ЕС. Незавершенность урегулирования на Северном Кавказе, внутривнутриполитические процессы в России после террористического акта в Беслане, приведшие к формированию моноцентрического политического режима в стране, дают институтам ЕС все новые широкие возможности проявить себя на поприще защиты демократических норм и прав человека в РФ. ЕС и другие европейские институты не устают критиковать Россию, призывая занять по отношению к ней более жесткую позицию и даже перейти к политике санкций (с 2004 г. Россия в рейтингах *Freedom House* относится к числу «несвободных государств»).

«Следует признать, — пишет российский исследователь А. Н. Смирнов, — что представляющие европейскую сторону политические и общественные институты будто вознамерились не оставлять у России иллюзий. Трудно перечислить все, отягощающее восприятие Европы россиянами и создающее негативный психологический фон».

В свою очередь, Россия не без оснований опасается, что расширение ЕС на восток приведет к ее полному исключению из процесса европейской интеграции. По-прежнему до конца не урегулированная, трудная проблема — это вопрос о Калининграде; российское руководство пытается найти решение, по которому Калининград оставался бы неотъемлемой частью России. В то же время ЕС рассматривает его как свой анклав. Сохраняются проблемы с обеспечением прав русскоязычного населения в странах Балтии и т.д. Если обе стороны будут не в состоянии выработать общие решения по данным проблемам, это может привести к новым серьезным осложнениям в отношениях между Россией и ЕС.

На этом фоне в Евросоюзе была предпринята попытка пересмотреть основные параметры отношений с Россией.

Прежде всего, высказана общая неудовлетворенность состоянием отношений с Россией, дана критическая оценка способности Европейского Союза проводить единую и согласованную внешнюю политику, а также декларативно признана необходимость продолжать курс на интеграцию России путем создания долгосрочных совместных проектов, таких как формирование четырех общих пространств.

Одновременно высказано новое требование строить отношения с Россией на основе большего рационализма, в первую очередь исходя из собственных интересов Евросоюза. Ранее официальные органы ЕС не упоминали интересы организации как основу своей переговорной позиции. Напротив, упор всегда делался на подчеркивании общности интересов Европейского Союза и России.

► Таким образом, новый подход ЕС к отношениям с Россией носил сложный, амбивалентный характер. С одной стороны, неудовлетворенность сопровождается стремлением улучшить, развить, а не заморозить отношения, с другой — уже сейчас просматривается

готовность пойти на снижение уровня взаимоотношений и даже на дипломатический конфликт, если события не будут развиваться по сценарию европейцев.

Сохранился тезис о необходимости принятия Россией базовых европейских норм и ценностей для вхождения ее в «Большую Европу». Вместе с тем такой подход вступает в противоречие с новой установкой на отстаивание собственно европейских интересов в отношениях с РФ. В Европе на глазах слабеет никогда не доминировавшее, но всегда присутствовавшее представление о том, что интеграция России принципиально возможна, что Россия может стать частью сообщества европейских наций, разделяющих сходные ценности. На базе этих общих ценностей строилось и знание общих интересов. Если же ценности принципиально разнятся, ослабевает и общность интересов. У политиков ЕС усиливается настрой на то, что Россия в принципе не интегрируема и остается естественным партнером-соперником за пределами европейского пространства¹³.

Россия сама отчасти поддерживает негативные настроения у европейской политической элиты, требуя полной свободы рук во внешней и внутренней политике, оговаривая свои особые интересы в Центральной Азии, на Кавказе и определяя ЕС исключительно как партнера по безопасности на континенте.

Граница между интегрируемым и неинтегрируемым пространствами, на взгляд многих в Европе, как уже отмечалось выше, проходит по западным рубежам России. Это побуждает Европейский Союз к действиям, способствующим развитию альтернативного проекта в западной части СНГ, подталкивает к тому, чтобы уменьшить влияние России в Белоруссии, Молдавии и Украине (о чем свидетельствуют бурные перипетии президентских выборов в Украине в конце 2004 г. и беспрецедентное участие в них европейских наблюдателей и европейских фондов) и перестать учитывать российские интересы в этом регионе. Меняется трактовка функции общей границы. Курс на развитие трансграничного сотрудничества с Россией (попытки формирования еврорегионов «Карелия», «Балтика») постепенно сменяется политикой «управления границей» (*border management*). Если раньше подчеркивалась важность интеграционного эффекта в отношениях между людьми, живущими по разные стороны границы, то сегодня граница вновь рассматривается как разделительная линия, которая сохранится довольно-таки долго. Трудности в развитии сотрудничества на этом и других направлениях объясняются и тем, что

«...Россия и Европейский Союз находятся на разных уровнях развития. Европейский Союз вступил в эпоху постиндустриального общества, Россия все еще является индустриальным обществом. Граница России и Финляндии — одна из наиболее контрастных в современном мире. Одним из

следствий этого является то, что по разные стороны одни и те же проблемы воспринимаются совершенно по-иному. Поэтому инициативы одной из сторон далеко не всегда понимаются другой: Россия и Европейский Союз порой говорят на совершенно разных языках» (К. К. Худoley).

Реализация идеи введения безвизового режима между Россией и ЕС, без чего общее экономическое пространство останется не более чем декларацией, отнесена на неопределенное будущее, а по сути, снята с повестки дня. Напротив, в последнее время ЕС и США начали активно проводить политику по ускоренной интеграции в Европу Украины, «отрыв» ее от РФ, что проявляется в демонстрации крайней заинтересованности в развитии и внутривнутриполитических процессов в стране, и к ее шагам навстречу России и СНГ. Не случайно после 2004 г. периодически по инициативе европейцев поднимается вопрос о демаркации украинско-российской границы, установлении здесь более жесткого пограничного режима, таким образом, символическую границу между Россией и Европой пытались «отодвинуть» еще дальше на Восток.

Нужно отметить, что президент В. Путин для придания «второго дыхания» отношениям с европейскими партнерами пытался использовать празднование 60-летия Победы. На саммите Россия—ЕС 10 мая 2005 г. с участием Председателя ЕС премьер-министра Люксембурга Ж.-К. Юнкера, Председателя Еврокомиссии Жозе М. Д. Баррозу и Верховного представителя ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Х. Соланы были приняты четыре «дорожные карты» как инструмент реанимирования проекта четырех «общих пространств» — общего экономического пространства, общего пространства внешней безопасности, общего пространства свободы, безопасности и правосудия, общего пространства науки и образования, включая культурные аспекты. В частности, Россия и ЕС договорились изучить условия для безвизовых поездок в долгосрочной перспективе и своевременно завершить переговоры по соглашению о реадмиссии. В итоговом заявлении говорилось:

«Более тесное сотрудничество в сфере юстиции и внутренних дел, включая вопросы управления границами и миграции, будет служить задаче строительства новой Европы без разделительных линий и тем самым способствовать поездкам между всеми европейцами». В то же время важно отметить, что «дорожные карты» не являются международно-правовыми документами, что, по сути, превращает их в «декларации о намерениях»¹⁴.

Тем более что практической реализации этих инициатив пока не последовало. Возможный выход из тупика — переход к более прагматичной модели отношений как по линии Россия—ЕС, так и по линии двухсторонних отношений с рядом стран Европы. Известно, что государства ЕС по-разному оценивали и оценивают Россию как партнера по отношениям. Можно вспомнить, что именно Германия и Италия на протяже-

нии 1990-х годов были основными российскими инвесторами. Германия и сегодня сохраняет свои позиции крупнейшего внешнеэкономического партнера России, ее главного кредитора и лидера по инвестициям в российскую экономику. Не случайно Россия всегда встречала и встречает наибольшее понимание у руководства именно этих стран.

Видимо, сама жизнь заставит пересмотреть идейную базу сотрудничества. Россия могла бы на время забыть декларации о своей европейской идентичности, поскольку они не могут быть реализованы даже в среднесрочной перспективе и тем более оформлены вступлением в Евросоюз. ЕС, со своей стороны, уже на практике частично отказался от доктрины европеизации России как основы его российской политики в предшествующие годы. Смена парадигмы — от интеграции к прагматичному и предметному, взаимовыгодному и многовекторному сотрудничеству — позволила бы снять излишнюю политическую риторику, нивелировать целый ряд проблем и трудностей в отношениях и сделать их более ориентированными на практический результат, т.е. повысить их эффективность. Лозунг дня: «Россия и Запад должны находиться в состоянии интеракции, а не интеграции»¹⁵.

«Россия остается за внешней границей европейского интегрирующегося пространства в положении, когда российские игроки испытывают растущее давление со стороны Евросоюза и не имеют каналов, пригодных для трансляции российских требований и видения ситуации. В таких условиях получение российскими социальными и политическими акторами прямого доступа к европейским политическим сетям и иным формам вовлечения можно считать настоящей задачей на ближайшее будущее», — отмечают российские эксперты¹⁶.

Произойдет ли на деле этот поворот во взаимоотношениях, зависит только от доброй воли и гибкости политических элит стран—членов ЕС и России.

Еще в мае 2006 г. на саммите Россия—ЕС в Сочи была достигнута политическая договоренность о начале работы над новым базовым соглашением между Россией и ЕС. Однако следует напомнить — Соглашение о партнерстве и сотрудничестве основано на тезисе о необходимости «восприятия Россией базовых европейских ценностей». А именно регулярные провалы на этом поле деятельности остаются главным упреком со стороны Евросоюза.

Такое идеологически обусловленное «партнерство», по мнению некоторых российских экспертов, просто-таки обречено на циклическое производство кризисов. В 2002 г. это был калининградский транзит, в 2003-м — вступление России в ВТО, в 2004-м — распространение действия СПС на новые страны-члены, в 2005 и 2006 гг. проблемы поставки в Европу энергоносителей и политическая активность ЕС на постсоветском пространстве. В перспективе источниками конфликта могла бы стать судьба Белоруссии или Молдовы.

Во многом именно поэтому в октябре 2006 г. на неформальном саммите ЕС—Россия в Лахти (Финляндия) Президент РФ Владимир Путин предложил заменить СПС на Договор о стратегическом партнерстве. Переговоры по заключению нового соглашения были назначены на ноябрь 2006 г., однако были осложнены тем, что Польша «братьев Качиньских» наложила вето на ведение переговоров, выступая с требованиями снять эмбарго на поставки польского мяса в РФ¹⁷. Соглашение удалось продлить еще на год в соответствии со ст. 106 Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, а в декабре 2007 г. Польша объявила о готовности снять вето, но начало переговорного процесса до последнего времени сдерживалось Литвой.

В мае 2008 г. Совет министров иностранных дел ЕС утвердил мандат на переговоры о принятии нового базового соглашения между ЕС и Россией. Так, в июне 2008 г. на саммите в Ханты-Мансийске Россия и ЕС официально объявили о начале переговоров по новому соглашению, первый раунд которых состоялся уже в июле 2008 г. в Брюсселе. В ходе первого раунда переговоров России и ЕС по новому базовому соглашению стороны договорились о содержании и объеме будущего соглашения, в которое войдут политический диалог, торговое и экономическое сотрудничество, реформы в сфере правосудия, свобод, безопасности, науки, образования и культуры. ЕС настаивал на выработке детального документа. Российский президент Дмитрий Медведев предложил подготовить базовое соглашение в виде рамочного документа, не перегружая его многочисленными деталями, которые можно будет конкретизировать в последующих специализированных соглашениях¹⁸.

Проведение второго раунда переговоров было запланировано на сентябрь 2008 г. Однако в августе 2008 г. возник серьезный кризис, связанный с попыткой Грузии с помощью оружия решить проблему непризнанных государств на своей территории (Абхазия, Южная Осетия), что привело к вооруженному конфликту Грузии с Россией. И хотя Россия выиграла «пятдневную войну» на поле боя, но она, безусловно, проиграла войну информационную, что резко ухудшило ее отношения с США и Европой и разрушило позитивный международный имидж нашей страны.

Поэтому в ходе экстренного саммита ЕС по Грузии в Брюсселе в сентябре 2008 г. было принято решение приостановить проведение переговоров с Россией. ЕС поставил условием возобновления переговоров выполнение разработанного президентами России и Франции Дмитрием Медведевым и Николя Саркози плана урегулирования ситуации вокруг Южной Осетии и Абхазии. Россия полностью выполнила взятые на себя обязательства¹⁹, после чего было принято решение о проведении второго раунда переговоров в Ницце в ноябре 2008 г. Как

предполагалось, саммит должен был «растопить лед», образовавшийся в отношениях Брюсселя и Москвы после войны в Грузии, что и отметил президент председательствующей на тот момент в Европейском Союзе Франции Николя Саркози:

«Европа и Россия заинтересованы в сотрудничестве. И в этот исторический момент нам меньше всего нужен конфликт, нам не нужна конфронтация, нам не нужен раскол и уж тем более война. Нам нужно единство»²⁰.

Так, по итогам саммита в Ницце Россия и ЕС приняли решение продолжить переговоры по новому базовому Соглашению о стратегическом партнерстве. Предполагается, что новое Соглашение станет юридически обязывающим рамочным документом, который определит «правила игры» во всех сферах отношений России и ЕС. ССП призвано обеспечить укрепление правовой основы в ключевых сферах взаимодействия России и Евросоюза. Таким образом, скорее всего, новое Соглашение не будет всеобъемлющим, а скорее, рамочным и будет затрагивать лишь важнейшие аспекты взаимоотношений Европейского Союза и Российской Федерации, детально не прописывая структуру взаимодействия сторон.

§ 3. Россия — Европейский Союз: перспективы сотрудничества

Объективный анализ современного состояния взаимоотношений России и Европейского Союза свидетельствует о том, что обеим сторонам не хватает стратегического видения будущего. Все новые инициативы, будь то зона свободной торговли, энергетический диалог, общее экономическое пространство, как и три других «общих пространства», остаются в рамках формально-интеграционной модели, сверстанной в еще начале 1990-х годов и неоднократно доказывавшей свою неэффективность.

Смена парадигмы — от безуспешных попыток интеграции к предметному сотрудничеству — позволила бы убрать излишнюю политическую риторику в отношениях Россия—ЕС и сделать их более ориентированными на практический результат: отход от идеи политической и правовой интеграции при сохранении тесного конструктивного взаимодействия. Необходимая предпосылка для этого, по мнению многих экспертов, — вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО). Ведь многие из тупиковых ситуаций во взаимоотношениях ЕС и РФ удалось бы разрешить, если бы стороны руководствовались принципами ВТО. Однако неуступчивая позиция европейцев, особенно восточных, препятствует завершению переговоров о вступлении России в ВТО. Достижение же договоренности в этом вопросе могло проложить путь к дальнейшему развитию отношений. В любом случае

России придется проводить либеральные экономические реформы, открывать ряд секторов экономики (банковская и страховая сферы) и сближать свое законодательство, по крайней мере в определенной части, с европейским (поскольку страны ЕС главный торговый партнер РФ). Наградой России за реформы стала бы возможность разделить с Евросоюзом четыре основные европейские свободы передвижения — товаров, услуг, капиталов и людей.

Это, однако, вопрос отнюдь не завтрашнего дня. Сейчас же наиболее актуальной задачей становится совместное открытое и честное обсуждение как всего комплекса накопившихся проблем, так и перспектив российско-европейских отношений.

Концепция Внешней политики РФ, принятая в 2008 г., еще раз подтвердила, что европейское направление внешней политики РФ занимает одно из ведущих мест:

«Российская Федерация будет развивать отношения с Европейским союзом как с одним из основных торгово-экономических и внешнеполитических партнеров, выступать за всемерное укрепление механизмов взаимодействия, включая последовательное формирование общих пространств в сферах экономики, внешней и внутренней безопасности, образования, науки, культуры. Долговременным интересам России отвечает согласование с Европейским союзом Договора о стратегическом партнерстве, устанавливающего особые, максимально продвинутые формы равноправного и взаимовыгодного сотрудничества с Европейским союзом во всех областях с перспективой выхода на безвизовый режим. Российская Федерация заинтересована в укреплении Европейского союза, развитии его способности выступать с согласованных позиций в торгово-экономических, гуманитарных, внешнеполитических областях и в сфере безопасности»²¹.

Однако, заметим, что если в Концепции такого рода в 2000 г. подчеркивалось «ключевое значение» отношений Россия—ЕС, то в 2008 г. Евросоюз определяется просто как «один из основных торгово-экономических и внешнеполитических партнеров».

Мировой финансовый кризис и резкое падение цен на энергоносители создали крайне неблагоприятный фон для развития отношений Россия—Евросоюз. Так, в конце 2009 г. общий товарооборот снизился на 44,2% по сравнению с тем же периодом 2008 г.: российский экспорт упал на 46%, а импорт на 39,8%. В то же время Европейский союз оказался перед вызовом финансовой несостоятельности некоторых входящих в него стран (Греция, Ирландия, Испания, Италия, Португалия).

В. Г. Барановский отмечает:

«Таким образом, можно говорить о выделении внутри Евросоюза пространства повышенного риска, которому грозит финансовый крах и которое ставит более устойчивые страны, равно как многосторонние структуры ЕС в целом, перед необходимостью спасения партнеров»²².

Однако заключение Договора СНВ-3 (апрель 2010 г.) и саммит НАТО в Лиссабоне (ноябрь 2010 г.) показали, что европейское направление снова становится для РФ важнейшим. При этом Россия надеется, что не только США, но и Европа будут инвестировать в экономическую модернизацию нашей страны. Сближение РФ с США, как считают многие, приведет к улучшению отношений и с Евросоюзом.

► Можно сделать вывод о том, что конец сотрудничества России с Европой не выгоден никому. Для России это будет означать вытеснение ее на периферию мировой политики и резкое уменьшение шансов на успешную модернизацию.

Как считает российский исследователь:

«Пожалуй, единственным достойным выходом, не сопряженным с потерей национального лица (и так еще не вполне обретенного), будет развитие России в качестве “альтернативной Европы”. Такой путь не потребует отказа от европейской идентификации, напротив, она станет приоритетной»²¹.

► В результате Россия сможет отказаться от постоянного прохождения «теста на европейскость» ради вполне иллюзорной перспективы вступления в европейские структуры. Для ЕС — отказ от тесного сотрудничества с Россией означал бы фактический крах большого европейского проекта, который без органичного, равноправного и стабильного включения в него России всегда будет выглядеть незавершенным и приведет к дальнейшему снижению политической и экономической роли Европы в мире.

Примечания

¹ Слова, приписываемые российскому императору Александру III.

² *Хаськевич И.* Европа: Конец Фронды // Политический журнал. 2007. № 9/10. С. 77–79.

³ См.: *Литера Б.* Отношения Россия—Евросоюз в энергетической сфере // ПОЛИТЭКС. 2008. № 3.

⁴ Россия и ЕС: История и перспективы стратегического партнерства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://eulaw.edu.ru/documents/articles/rus_es_perspect.htm.

⁵ Россия vs Европа: Противостояние или союз? / Под ред. С. А. Караганова и И. Ю. Юргенса. М., 2010. С. 143.

⁶ *Маркетти А.* Европейская политика соседства — политическая консолидация с препятствиями // Актуальные проблемы Европы. М.: ИНИОН. 2010. № 2: Евросоюз: Политическое измерение интеграции / Ред.-сост. О. А. Жирнов, С. В. Погорельская. С. 81.

⁷ The European Union and Russia. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ec.europa.eu/external_relations/russia/docs/russia_brochure07_en.pdf.

⁸ Россия vs Европа: Противостояние или союз? С. 164.

⁹ Энергетическая стратегия России на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gazo.ru/dokumenty/es/index.khtml>.

¹⁰ *Севастьянов И. Б.* Основные тенденции развития отношений между Россией и Европейским Союзом // 50-летие Европейских Сообществ и Россия: Прошлое, настоящее, будущее / Под ред. В. Е. Морозова. СПб., 2002. С. 76.

¹¹ См.: *Бордачев Т., Мошес А.* Россия: Конец европеизации // Россия в глобальной политике. 2004. Март—апрель. Т. 2. № 2.

¹² Энергетический диалог Россия—ЕС. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://journal.oilgaslaw.ru/free/dialog6-2005.shtml>.

¹³ International relations — Russia. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ec.europa.eu/energy/international/bilateral_cooperation/russia/russia_en.htm.

¹⁴ На саммите Россия—ЕС приняли «дорожные карты». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.grani.ru/Politics/World/Europe/m.89029.html>.

¹⁵ См.: *Бордачев Т., Мошес А.* Россия: Конец европеизации...

¹⁶ Современная мировая политика: Прикладной анализ / Под ред. А. Д. Богатурова. М., 2010. С. 551–552.

¹⁷ *Бусыгина И.* Стратегия Европейского Союза в отношении России // Аналитические записки. 2007. Август. № 7 (27). С. 15.

¹⁸ Отношения между Россией и ЕС. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rian.ru/politics/20081202/156289310.html>.

¹⁹ Россия—ЕС: Интересы превыше ценностей. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/2008/12/03/547071.html>.

²⁰ Саммит ЕС—Россия оставил вопросы без ответов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dw-club.com/dw/article/0,,3793930,00.html>.

²¹ Концепция Внешней политики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Электрон. ст. Режим доступа к ст.: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml4>.

²² Современные глобальные проблемы / Отв. ред. В. Г. Барановский, А. Д. Богатуров. М., 2010. С. 102.

²³ *Смирнов А. Н.* Россия в процессе международной идентификации: «Европейская перспектива», «исламский вектор», «русский путь» // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2010. № 4. С. 99.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите основные этапы развития отношений России и Евросоюза.
2. С какими трудностями сталкивается Россия в отношениях с Европейским Союзом?
3. Как политика Евросоюза влияет на отношения России с постсоветскими государствами?
4. Проблемы отношений Россия—Евросоюз в энергетической сфере.
5. Каковы, на ваш взгляд, перспективы сотрудничества России и Евросоюза в различных сферах?

РОССИЯ, НАТО И ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

§ 1. Проблемы расширения НАТО на Восток

В середине 1990-х годов дебаты в России по проблемам национальной безопасности и отношений со странами Европы касались в основном двух проблем: расширения НАТО на Восток и построения особых отношений РФ с Североатлантическим альянсом и Европейским Союзом.

При оценке ситуации следует помнить, что вначале Россия проявила весьма терпимое отношение к стремлению Польши вступить в НАТО, когда этот вопрос обсуждался в августе 1993 г. во время официального визита президента Б. Ельцина в Варшаву, а также к натовской программе «Партнерство во имя мира» (ПИМ). В то время российский военный и политический истеблишмент был уверен, что программа будет чем-то вроде «зала ожидания», в котором страны Центральной и Восточной Европы, а также Россия могут пребывать в течение неопределенно долгого периода времени, а потом «...или шах умрет, или ишак сложнет...».

Положение оставалось таковым до тех пор, пока НАТО не был опубликован рамочный документ программы «Партнерство во имя мира» в январе 1994 г. Тогда в российской прессе началась первая массивная антинатовская кампания. Многие положения рамочного документа шли вразрез с традиционными установками российской военной и политической элиты. Для нее особенно неприемлемыми были требования, сформулированные в параграфе 3 документа, призывавшего к прозрачности при организации и планировании национальной обороны, военных бюджетов и при обеспечении демократического и гражданского контроля над вооруженными силами.

В целом вопрос о расширении НАТО породил в российском обществе много мифов и иллюзий, которые активно использовались политической элитой.

Тем не менее в 1994 г. Россия и НАТО достаточно плодотворно сотрудничали в рамках ИФОР в урегулировании балканского кризи-

са (в Боснии и Герцеговине). В тот период Россия голосовала в ООН вместе с западными странами за резолюцию, осуждавшую политику С. Милошевича. Однако после натовских бомбардировок сербских позиций в Боснии бывший тогда министром иностранных дел РФ А. Козырев был подвергнут в России резкой критике, его обвиняли в проведении прозападной политики, а «национал-патриоты» назвали его предателем национальных интересов.

В мае 1995 г. Россия подписала индивидуальную программу партнерства с НАТО. Характерно, что во время подготовки документа российские официальные лица постоянно настаивали на особом статусе страны, раз за разом повторяя, что Россию нельзя даже сравнивать с другими восточноевропейскими государствами, что, впрочем, представители НАТО оставили без внимания.

Однако Россия не принимала активного участия в этой программе. Это объясняется прежде всего тем, что российское военное руководство не было готово к сотрудничеству в качестве «обычной», а не «великой» военной державы, тем более что теперь России поневоле приходилось иметь дело и с представителями бывших стран Варшавского договора, а ныне кандидатами на членство в НАТО. Так, представители России вновь и вновь поднимали вопрос о командовании и расценивали как унижение тот факт, что российские войска находились в Боснии и Герцеговине под контролем НАТО. Конечно, сыграли свою роль и проблемы в финансировании программы сотрудничества Россия—НАТО российской стороной.

В конце 1996 г., когда российские политики осознали, что процесс продвижения НАТО на Восток Европы необратим, они начали переговоры о подписании документа между Россией и НАТО, который до определенной степени регулировал бы права и обязанности сторон в процессе «расширения». «Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Россией и НАТО» был подписан в Париже в мае 1997 г. Согласно тексту документа, обе стороны провозглашались партнерами и России давались некоторые, впрочем, вполне декларативные гарантии. Французский исследователь писал, что этот документ

«представляет собой компромисс между невозможностью признания за Россией права вето на политику НАТО в отношении стран ЦВЕ и необходимость принятия во внимание геостратегических интересов России в процессе расширения НАТО... Также в нем говорится о создании в случае кризиса механизма автоматических консультаций между Североатлантическим альянсом и Россией. Не будучи в состоянии помешать расширению НАТО, Россия все же считает, что ей удалось утвердиться как признанной европейской державе и получить существенную компенсацию в политическом и военном плане: запрещение размещения обычного и

ядерного вооружения на территории новых членов НАТО. Американцы же стараются минимизировать значение подписанного акта для российского могущества. На самом деле обязательства Североатлантического альянса остаются декларативными, не являясь ни договорными, ни юридически обязательными»¹.

Как отмечают сегодня российские эксперты:

«Москва по своей слабости совершила ошибку, подписав в 1997-м Основопологающий акт Россия—НАТО. Этот документ политически легитимировал дальнейшее расширение блока. В обмен Россия получила до сих пор пустой Совет Россия—НАТО и пригоршню обещаний — бессодержательных либо уже нарушенных»².

Кроме того, значение Основопологающего акта было тут же ослаблено подписанием на Мадридском саммите НАТО Хартии специального партнерства с Украиной, учреждающей развитие более тесного двустороннего сотрудничества в военной сфере.

В результате Россия и НАТО, как представляется, так и не стали партнерами в действительности. Причем ответственны за это обе стороны.

Запад несет ответственность за то, что:

- поддерживал демократические преобразования в России преимущественно на словах, не оказав ей сколько-нибудь серьезной экономической помощи. Условную политическую поддержку получали только российские лидеры, которые создавали на Западе иллюзию, что политические и экономические реформы в России идут успешно и в «правильном направлении»;
- принимая решение о радикальном расширении Североатлантического альянса, западные лидеры не захотели принять во внимание психологические особенности отношения россиян к НАТО и к восточным соседям России, прагматически используя трудное экономическое положение российского постсоветского общества для «продвижения на Восток».

Российская правящая элита несет ответственность за то, что она пошла по пути «минимизации ущерба» от процесса расширения НАТО, не создавая работающих и не используя имеющихся институтов сотрудничества с альянсом:

- когда она практически отказалась от участия в программе «Партнерство во имя мира» (ПИМ);
- когда она не использовала в полной мере Основопологающий акт Россия—НАТО.

В 1998 г. начался новый балканский кризис вокруг Косово, способствовавший тому, что «кризис взаимопонимания», имевший место

в отношениях Россия—НАТО в предшествующий период, перерос в «кризис доверия». Во время переговоров в Рамбуйе российские политики и дипломаты поддерживали сербов и, более того, способствовали формированию у сербской стороны иллюзии, что Россия, безусловно, поддержит Югославию в случае ее «жесткой» конфронтации с НАТО.

Действительно, одобрив резолюции Совета Безопасности ООН № 1199 и 1244, Россия, тем не менее, воспользовалась своим правом вето, когда в ООН обсуждался вопрос о предоставлении НАТО мандата для миротворческой операции по поддержанию мира в Косово, породив тем самым надежды у югославского руководства. В то же время в России официальные СМИ не давали какой-либо информации об этнических чистках, направленных против косовских албанцев, что способствовало формированию неадекватного представления о «косовской проблеме» в российском общественном мнении.

После начала воздушных ударов по Югославии российские официальные лица «примерили на себя бомбардировки Белграда» и без колебаний заморозили отношения с НАТО, объяснив это тем фактом, что именно Атлантический альянс нарушил Основопологающий акт Россия—НАТО, что он осуществляет агрессию против суверенного государства, что руководство НАТО не приняло во внимание российскую позицию.

«В отношении России к Западу произошел важнейший психологический перелом. Начался процесс, приведший к глубокому отчуждению между Россией и НАТО. Впервые после Второй мировой войны в Европе одна страна или группа стран напала на другую», — отмечают российские исследователи³.

Однако, несмотря на справедливость большинства претензий России, все-таки создавалось впечатление, что некоторые представители российской политической и военной элиты только и ждали предлога для разрушения отношений между Россией и НАТО.

Как представляется, основная причина конфронтации Россия—НАТО в том, что во второй половине 1990-х годов российский политический класс был вынужден искать гиперкомпенсацию за неудачи в процессе реформирования страны, особенно после дефолта 1998 г. С этой целью его представители во время войны в Югославии попытались использовать традиционные опасения и страхи населения в отношении Запада и реанимировать «образ внешнего врага» для достижения собственных политических целей и укрепления легитимности российской власти. Для этого существовали, да и существуют сегодня определенные благоприятные возможности. По данным социологических опросов в России уже со второй половины 1990-х годов большинство респондентов разделяет мнение, что развитые государства Запада

не заинтересованы в экономическом подъеме России, ее вхождении в круг развитых стран (63%, по данным 2002 г.) и более трети (36% в 2002 г.), что западные государства не доверяют нашей стране и относятся к ней враждебно.

В целом же возрождение в этот период антизападничества и обращение к великорусскому национализму явилось результатом неспособности политических элит и институтов определить и реализовать меры, которые отвечали бы интересам безопасности России, плодотворному развитию ее отношений с Европой в экономической, политической, военной и культурной областях. Однако это привело не к тем следствиям, которые ожидала власть.

Общий результат российской «балканской политики» во время косовского кризиса был негативным:

1. Развитию отношений России с Западом был нанесен очень серьезный ущерб.

2. Китай и Индия, с которыми некоторые российские политики намеревались создать так называемый «стратегический треугольник», уклонились от построения военно-политического союза с Россией.

3. Страны Восточной Европы, которым еще не удалось присоединиться к НАТО, стали значительно сильнее «стучаться в двери» альянса. Так называемая «вторая волна расширения» НАТО стала более реальной, чем когда-либо, поскольку теперь восточноевропейские страны получили гораздо больше аргументов, объясняющих их настойчивость.

4. Российским экономическим интересам на Балканах также был нанесен серьезный ущерб. В 1990-е годы во всем мире наблюдается экономизация внешней политики и политики безопасности, что в значительной степени отвечает интересам крупного бизнеса и транснациональных компаний. Известно также, что топливно-энергетический комплекс Балкан замкнут на Россию. Можно предположить, что российские нефтяные монополии надеялись, что режим Милошевича защитит их интересы в Югославии, поэтому они подталкивали политическую элиту России на действия по его поддержке — результат утрата даже имевшихся экономических позиций.

5. Страны СНГ продемонстрировали во время юбилейного Вашингтонского саммита НАТО весной 1999 г., на который Россия даже не послала своих представителей, что они дистанцировались от российской позиции, не хотят создавать так называемый антизападный фронт и, напротив, готовы к дальнейшему развитию сотрудничества с НАТО в рамках программы ПИМ.

6. Российские власти зря надеялись и на успех в обретении общенационального консенсуса, построенного «на защите братского сербского народа от натовской агрессии». Большинство россиян осудили натовские бомбардировки. Но это было отношение нормальных людей

к войне вообще, особенно если принять во внимание, что российские СМИ давали очень мало какой-либо информации относительно действий Белграда в Косово, которые предшествовали началу бомбардировок. В то же время социологические опросы общественного мнения показали, что большинство россиян против того, чтобы Россия была вовлечена в войну на стороне Югославии, а лидеры мусульманских республик, входящих в состав России, со всей очевидностью дали понять, что они намерены не допускать отправки добровольцев в Югославию, поскольку, по их мнению, это могло бы стать прологом к началу гражданской войны в России, где проживает около 50 млн мусульман, явно симпатизировавших косовским албанцам.

► Таким образом, вместо формирования общероссийского консенсуса произошел очередной политический раскол страны, если либеральные партии критиковали «балканскую политику» Кремля, особенно линию на поддержку режима С. Милошевича, то леворадикальные силы, напротив, призывали к отставке президента Ельцина за то, что он выступил против оказания немедленной военной помощи «братской Союзной Югославии».

§ 2. Проблемы отношений Россия—НАТО в «нулевые годы»

На рубеже веков, после «добровольной» отставки Б. Ельцина, в условиях усиливавшейся критики России, связанной со «второй чеченской войной», исходившей от различных международных и, прежде всего, европейских организаций (Совета Европы, ЕС, ОБСЕ), российский политический истеблишмент решил восстановить отношения с НАТО. По инициативе В. Путина министр иностранных дел РФ направил генеральному секретарю НАТО приглашение посетить Москву еще до начала выборов 2000 г. Состоялось два визита генерального секретаря НАТО лорда Робертсона в Москву. Кроме того, Россия отказалась поддержать проигравшего выборы С. Милошевича и тем способствовала мирной передаче власти в Союзной Югославии.

Смысл этих шагов РФ, по-видимому, состоял в том, чтобы:

- дать понять Западу, что «новая» кремлевская команда готова к возобновлению конструктивного диалога;
- попытаться предложить «обмен» — Запад «закрывает глаза» на развитие событий в Чечне, Россия прекращает критику ситуации в Косово;
- в условиях, когда руководящие органы ЕС и особенно Совет Европы были настроены весьма критически в отношении российской политики на Северном Кавказе, Кремль пытался использовать НАТО в своем стремлении изменить позицию Запада

с целью будущей поддержки российской политики нового президента В. Путина;

- кроме того, будучи прагматическим политиком, В. Путин понимал — конфронтация с Западом противоречит российским национальным интересам.

Не случайно во второй половине 2001 г. в некоторых европейских странах (в первую очередь в Германии) и в США возобновилась дискуссия о возможности сближения России и НАТО, вплоть до обсуждения перспектив ее вступления в альянс в каком-то отдаленном будущем.

Однако на рубеже веков в рамках отношений Россия—НАТО—ЕС стала актуальной еще одна серьезная проблема — как Россия должна воспринимать новые европейские инициативы, касающиеся формирования европейской идентичности в области безопасности и обороны? До кризиса в Косово Россия подчеркивала свое положительное отношение к усилению «европейской опоры» в системе безопасности Запада, к выработке общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Именно «югославский кризис» 1998–1999 гг. способствовал ускорению формирования военного компонента ЕС. На Хельсинкском саммите 1999 г. было принято решение о создании сил быстрого реагирования ЕС, которые могли бы направляться в зоны кризиса для выполнения гуманитарных операций, поддержания мира, урегулирования кризисов и миротворческих акций. Военные операции планировалось осуществлять силами быстрого реагирования Евросоюза, «независимыми» от НАТО, но имеющими доступ к ее ресурсам (договоренности «Берлин-плюс» о сотрудничестве между ЕС и НАТО). Впервые военные силы Евросоюза были применены в Республике Македония (31 марта — 15 декабря 2003 г.), а 2 декабря 2004 г. ЕС возглавил миротворческую операцию в Боснии и Герцеговине.

В конце 1999 — начале 2000 г., как раз в связи с проблемой формирования европейской идентичности в области безопасности и обороны, Россия вновь попыталась осуществить попытку «разделить» США и Европу. Несмотря на постоянное подчеркивание европейскими политиками и экспертами того, что Североатлантический союз продолжает оставаться краеугольным камнем системы европейской безопасности, все государства—члены ЕС действуют по стандартам НАТО в сфере безопасности и обороны, и в большинстве случаев европейская оборона будет основываться на возможностях НАТО, российские политические и военные элиты решили «поддержать» европейскую политику в сфере безопасности и обороны, но лишь для того, чтобы попытаться создать противовес НАТО. Речь идет о программе совместной разработки ЕвроПРО. Попытки приступить хотя бы к обсуждению вопроса предпринимаются в 1999 г., когда бывший тогда министром

обороны РФ маршал И. Сергеев представил генеральному секретарю НАТО Д. Робертсону материалы по составу и структуре ЕвроПРО, ориентировочные сроки и стоимость разработки. Но развития эта инициатива по понятным причинам не получила.

По мнению российского исследователя Д. Тренина урок для российского руководства, вытекающий из опыта отношений РФ с НАТО, состоит в следующем:

«Роль НАТО в сфере международной безопасности трансформируется и в целом не снижается. Тем не менее вступление в НАТО стран ЦВЕ и Балтии, перспектива появления на территории этих стран пунктов базирования вооруженных сил США являются фактором риска для России. Ограниченное сотрудничество между РФ и НАТО может быть полезно, но для Москвы гораздо важнее заблаговременно узнавать о намерениях и возможностях альянса. Тесная привязка РФ к НАТО лишила бы Россию стратегической самостоятельности, подчинила бы ее интересам и политике США»⁴.

Исходя из сказанного, можно было сформулировать вопрос: каким должно быть российское отношение к феномену создания европейской идентичности в области безопасности и обороны, которая не соперничала бы с НАТО, но была бы ее дополнением? Как нам представляется, ответ на этот вопрос может быть следующим.

Во-первых, с точки зрения российских национальных интересов, контрпродуктивно воспринимать формирующуюся систему европейской обороны как нечто, создающее противовес НАТО, и пытаться использовать ее в отношении некоторых натовских инициатив. Не следует забывать, что большинство стран НАТО являются одновременно членами ЕС (21 из 28), 2 европейские страны — Великобритания и Франция — ядерные державы, 9 имеют на своей территории иностранные войска, в том числе 6 — склады американских тактических ядерных авиабомб. НАТО и Россия обладают слишком крупными военными потенциалами с ярко выраженными наступательными силами и средствами, а также негативной историей противостояния, чтобы просто «сосуществовать» и тем более пойти на союз с Россией против Америки.

Во-вторых, России необходимо сотрудничать с вновь создающимися структурами ЕС, используя для этого уже имеющиеся механизмы «двух СПС»: «Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС» и «Совместного постоянного совета Россия—НАТО». Возможно, Россия могла бы попытаться институционализировать отношения с Европой в сфере безопасности, избегая «масштабных» инициатив, которые, как показывает опыт, часто заканчиваются лишь декларациями или подписанием нереалистичных документов, или пытаться использовать те временные разногласия, которые возникают между США и его европейскими партнерами по НАТО.

В этом смысле одно время представлялось перспективным дальнейшее развитие сотрудничества Россия—НАТО в рамках созданного по инициативе Т. Блэра «Совета двадцати». Этот орган, как представлялось, позволил бы исправить ситуацию, складывающуюся на заседаниях Совместного постоянного совета Россия—НАТО (создан в мае 2002 г.), где страны альянса выступали с заранее согласованной позицией, к которой РФ либо должна была присоединиться, либо отвергнуть.

Российский ученый-международник К. Худoley считает:

«Появление “совета двадцати” может исправить и серьезный дефект, существующий в механизме сотрудничества между Россией и НАТО, созданным в соответствии с основополагающим актом 1997 г., где главная роль отводилась взаимодействию военных структур, а не политических. Поэтому сбои, возникшие в отношении военных структур, практически парализовали весь механизм»⁵.

Однако эти надежды не оправдались, а «Совет двадцати» оказался «мертворожденным».

В результате продвижения к российским границам и втягивания стран, часть элит которых испытывала в отношении России исторические комплексы из-за неудач и поражений прошлых веков, в НАТО усилились антироссийские настроения, которые использовала американская администрация Дж. Буша-мл. для разделения Европы на «новую» — в лице новых членов НАТО и ЕС и «старую» — в лице, прежде всего, Франции Германии, посмеявших критиковать сверхдержаву за ее действия в Ираке.

«Разделение на “старую Европу” и “новую Европу” не было никак не оформлено, однако оно не носило и чисто метафорического характера... Хотя Москва отчасти преувеличивала негативное влияние этого обстоятельства, оно внесло свой вклад в общее нарастание напряженности между Россией и указанными двумя структурами (НАТО и ЕС. — *Прим. авт.*). Не раз возникали ситуации, когда при обсуждении в ЕС и НАТО конкретных аспектов взаимоотношений с Россией “старая Европа” оказывалась ближе к Москве, чем к позиции стран “новой Европы”»⁶.

Официальное представление о положении России в современном мире и в складывающейся системе международной и региональной безопасности было заявлено в речи В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г., в которой западные наблюдатели усмотрели возврат ко временам «холодной войны». Прежде всего, Президент РФ озвучил все тревоги руководства России, связанные с тем, что большая часть сделанных после распада СССР уступок Западу оказались безответными, что не привело к установлению взаимного доверия и реального партнерства.

1. Россия последовательно соблюдала Договор об ограничении обычных вооружений и вооруженных сил в Европе (ДОВСЕ), заключен-

ный в ноябре 1990 г. в Париже, хотя он и устарел еще до его вступления в силу в 1992 г., поскольку в Европе ушло в прошлое противостояние НАТО и государств Варшавского договора. С целью адаптировать Договор к реалиям, сложившимся после окончания «холодной войны», в ноябре 1999 г. в Стамбуле было подписано Соглашение об адаптации ДОВСЕ, которое трансформировало блоковый характер договора и в значительной степени нивелировало противоречия в характере первоначального ДОВСЕ. Россия наряду с Белоруссией, Казахстаном и Украиной ратифицировала Соглашение об адаптации. Однако остальные государства-участники не ратифицировали соглашение, выдвинув дополнительные требования к России по выводу российских войск из Грузии и Молдовы. РФ выполнила эти требования и вывела свои военные базы из Грузии (2007 г.) и Молдовы, но со стороны государств НАТО были выдвинуты новые, более жесткие требования. В то же время «в Болгарии и Румынии появляются так называемые легкие американские передовые базы по пять тысяч штыков в каждой. При этом процесс расширения НАТО идет все дальше в направлении постсоветского пространства, охватывая уже Грузию и Украину. Ранее западные страны обещали СССР не расширять НАТО на Восток, а потом США обещали России не создавать военные базы на территории новых членов альянса». Именно поэтому в том же 2007 г. Россия пришла к выводу, что вокруг Договора сложились исключительные обстоятельства. В связи с этим она потребовала созыва Чрезвычайной конференции стран-участниц, которая состоялась в Вене в июне 2007 г. Перед конференцией российская сторона выдвинула ряд предложений, которые помогли бы сохранить Договор. Однако эти предложения были странами НАТО проигнорированы. Поэтому в декабре 2007 г. вступил в силу федеральный закон «О приостановлении РФ действия ДОВСЕ и связанных с ним международных договоров»⁷.

2. Россия твердо придерживается обязательств по различным договорам с США, ограничивающим вооружения. США же отказались от договора по ПРО и переносят гонку вооружений в космос. Особую тревогу у президента РФ вызвали планы по развертыванию элементов противоракетной обороны в Восточной Европе под предлогом борьбы с возможными запусками ракет Ираном и Северной Кореей, который в России считают надуманным.

«НАТО выдвигает свои передовые позиции к нашим государственным границам... Думаю, очевидно: процесс натовского расширения не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности в Европе. Наоборот, это серьезно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия. И у нас есть справедливое право откровенно спросить: против кого это расширение?» — отметил В. Путин.

3. Особое негодование президента вызвали обвинения руководства России в недемократичности. Это, по мнению В. Путина, является

указанием на очень серьезные противоречия, связанные с давлением на Россию в пользу проведения определенной извне внутренней и внешней политики. Новый всплеск недовольства имел место два месяца спустя в связи с публикацией ежегодного доклада Госдепартамента США «О положении демократии в мире», многие пассажи которого в России были восприняты как намерение США вмешиваться во внутренние дела суверенного государства.

4. Не меньшее напряжение у российского руководства вызывает поддержка под лозунгом «демократизации» США и странами ЕС «цветных революций» в странах постсоветского пространства. Можно в этой связи вспомнить, что только после победы В. Ющенко в третьем (?) туре президентских выборов 2004 г. американцы отменили действие дискриминационной поправки «Джексона—Вэника», сохранив ее для России, а ЕС признал Украину страной с рыночной экономикой, давая понять, что отныне они считают ее «своим» демократическим государством. Затем верховный представитель ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Хавьер Солана заявил в Европарламенте о намерении до начала 2008 г. заключить с Украиной «новый тип договора».

«Не исключено, — комментирует Х. Тиммерманн, — что речь может идти о привилегированном европейском партнерстве или даже о соглашении об ассоциации с принципиальной перспективой вступления в ЕС»⁸.

В то же время США и европейские страны НАТО выразили готовность оказать финансовую поддержку ГУАМ, при этом не скрывалось, что это объединение призвано стать альтернативой СНГ, должно сплотить новые демократии и вывести их из-под влияния России.

Как представляется, сказанное позволяет уверенно утверждать, что в ходе «цветных революций» имело место деятельное вмешательство во внутренние дела суверенных государств со стороны представителей иностранных правительств, международных организаций и международных «активистов».

«...Цветные революции, — пишет А. Ю. Мельвиль, — представляют собой совсем иные политические трансформации, динамика которых не может быть объяснена “изнутри” тех процессов, которые развивались при распаде советской посттоталитарной системы и последующей консолидации новых гибридных и неоавторитарных режимов»⁹.

Канадский политолог В. Полишук более категоричен: «“Оранжевую революцию” на Украине, — писал он по следам событий, — выиграли Соединенные Штаты с Европейским Союзом, и, в том числе, с Польшей. ...Выигрышу “оранжевой революции” способствовали и правительственные структуры западных государств, в том числе Канады и Польши, которые на свои средства послали на Украину более 13 тысяч “наблюдателей”, которые, по сути, были не наблюдателями, а промоутерами этой революции, причем, не менее 95% среди них, в том числе из Польши, были украинские националисты»¹⁰.

Действительно, ряд посткоммунистических стран ЦВЕ, после их вступления в НАТО и Европейский Союз, активизировал деятельность по «демократизации» Украины, Молдовы, Грузии и Белоруссии. Как пишет Т. А. Шаكلةва,

«Польша, Венгрия и страны Балтии стали авангардом политики демократизации на территории бывших советских республик, что повышало их статус как региональных геополитических игроков и давало дополнительную возможность взять своего рода реванш у России за советский период»¹¹.

В то же время, как считают некоторые американские аналитики, «цветные революции» как симптом неустойчивости большинства постсоветских политических режимов, тем не менее, имели одно действительно важное следствие. Они подтолкнули к завершению строительства авторитарно-бюрократических систем в ряде стран СНГ, в частности в России.

1 февраля 2006 г. *Carnegie Endowment* (США) писала:

«Владимир Путин выполнил свою историческую миссию — он завершил начатое Ельциным строительство бюрократически-авторитарной системы, которая стала формой сохранения традиционного для России единства. На сей раз в либерально-демократической оболочке. Мощным ускорителем, заставившим срочно достраивать систему, стало не только приближение момента самовоспроизводства российской власти, но и “оранжевая революция” на Украине, продемонстрировавшая неустойчивость постсоветской государственности».

5. Президентом РФ в этой связи были высказаны претензии и в адрес ОБСЕ, которая, по его мнению, не занимается своими прямыми обязанностями, превратившись в структуру, оказывающую давление в интересах Запада на страны-участницы. В целом речь В. Путина стала проявлением открытого недоверия к США и странам Европы, это констатация наличия серьезных угроз, существующих для России на «западном направлении».

В то же время большинство западных аналитиков утверждало, что возрожденные «имперские амбиции» будут только мешать России решать свои сложные внутренние проблемы. Еще в начале 2000-х годов вполне благожелательный американский наблюдатель — заместитель начальника Штаба политического планирования Государственного департамента США Томас Грэм — предупредил:

«С одной стороны, попытки вести себя так, как будто она все еще остается великой державой, будет отвлекать ресурсы, не давая направить их на решение неотложных задач по восстановлению страны. С другой — затормозит и без того нелегкий выбор экономических приоритетов. Дело в том, что России, для того чтобы со временем преуспеть, нужно сконцентрировать свою экономическую деятельность, найти свою нишу в международном разделении труда. Для этого ей нужно расстаться с принципом экономи-

ческой самодостаточности, который для россиян долгое время ассоциировался с понятием великой державы. Успех невозможен без мучительного пересмотра роли России в мире, к которому большинство россиян — и особенно российских элит — пока не готовы»¹².

Тем не менее эксперты Национального Совета по разведке США вынуждены, по крайней мере косвенно, признать статус современной России как великой региональной державы, отмечая в обобщающем заключении «Евразия в 2020 году. Региональный доклад проекта “Очертания будущего мира. Тенденции глобального развития до 2020 года”»:

«Ключевым неопределенным моментом (для прогноза будущего постсоветских государств. — Прим. В. А.) является позиция руководства России. Если оно обратится к политическому изоляционизму, то это может стать серьезным препятствием для модернизации всего постсоветского пространства. Прежде всего, это серьезно затруднит реформы в самой России. ...В случае если руководство РФ обратится к партнерству с Западом, то к 2020 г. Россия будет членом ВТО; возрастет роль России в НАТО (полное членство РФ маловероятно); будут возможны получение “ограниченного членства” в ЕС и частичная интеграция России в Единую Европу».

§ 3. Россия—НАТО: перспективы формирования европейской системы безопасности

В то же время устойчивый рост цен на энергоносители в первые «нулевые» годы превратил Россию в «великую энергетическую державу», что оказало заметное влияние на изменения в ее внешнеполитическом курсе. Во-первых, энергоносители стали использоваться как ресурс внешней политики для давления на страны СНГ («газовые войны» 2006 и 2008 гг. с Украиной, «нефтяные» с Белоруссией) и сделали РФ более неуступчивой в диалоге с США и НАТО. Во-вторых, произошел переход от деклараций по поводу российских национальных интересов на постсоветском пространстве к действиям по их защите. Это привело к значительному ухудшению отношений с США и странами НАТО. Роль «спускового крючка» в этом процессе сыграл Бухарестский саммит (апрель 2008 г.), где было принято решение о том, что хотя Украина и Грузия пока не будут включены в «План действий по подготовке к членству», однако эти страны обязательно станут членами Альянса в будущем.

«Возможно, — отмечает европейский наблюдатель, — именно бухарестское решение подтолкнуло грузинского президента начать военные действия, поскольку ни одна страна с территориальными проблемами не может рассчитывать на членство в Альянсе»¹³.

«Горячий август-2008» серьезно изменил геополитический ландшафт не только Южного Кавказа и всего постсоветского пространства, но и поставил ряд фундаментальных вопросов перед США, странами Европы и всем международным сообществом¹⁴.

1. Длительная борьба за этнополитическое самоопределение Абхазии и Южной Осетии, завершившаяся формально-правовым признанием независимости бывших грузинских автономий Россией, показала, что в истории распада СССР рано ставить точку (наличие полупризнанных и непризнанных государств в регионе), он пока явно не завершен.

2. «Пятидневная война», напротив, показала невозможность объективного, а главное, эффективного и легитимного, международного арбитража. Очевидной стала неадекватность международных организаций, призванных предупреждать и мирно разрешать такого рода конфликты. Несмотря на многочисленность таких структур, а в какой-то степени из-за их многообразия и дублирования функций, все они оказались практически недееспособны: СБ ООН, ОБСЕ, НАТО и Совет Россия—НАТО, ЕС (ЕПБО), СНГ, ОДКБ.

3. «Пятидневная война» обозначила заметные различия во взглядах ведущих политических акторов Запада (США, страны НАТО и ЕС), а также внутренние разногласия между членами одной и той же организации. Для США последовательная и безусловная поддержка Грузии была обусловлена представлениями о геополитической роли Кавказа в рамках «Большого Ближнего Востока», который американцы считают зоной своих национальных интересов. Однако после «августовской войны» гораздо более конструктивными и осторожными подходами по отношению к России отличались западноевропейские партнеры США по НАТО. Более того, страны ЕС заметно потеснили США на Южном Кавказе. Евросоюз в лице Франции выступил в роли посредника в российско-грузинском урегулировании. Именно Н. Саркози вместе с Д. Медведевым стал соавтором мирного плана по Южной Осетии. Франция взяла на себя роль посредника в процессе вывода российских войск из внутренних районов Грузии и размещении европейских наблюдателей.

4. Ход событий после «пятидневной войны» показал, что сегодня новая «холодная война», по поводу возобновления которой было немало спекуляций, невозможна. Ее не хочет Запад, и она не под силу России.

Тем не менее отношения между РФ и США, РФ и странами НАТО достигли в августе 2008 г. своей нижней точки. Вскоре после прекращения военных действий генеральный секретарь НАТО Де Хооп Схеффер заявил от имени государств—членов Альянса, что, пока Россия не выведет войска из Грузии, «нормальный контакт» с Кремлем не состоится. Это решение, в частности, касалось приостановления работы Совета Россия—НАТО на всех уровнях. В ответ руководство РФ решило приостановить свое участие в программе «Партнерство ради мира», а также на неопределенный срок прекратило сотрудничество с Альянсом.

Однако Россия еще в июне 2008 г. предлагала выход из тупика — подготовка нового договора о создании системы общеевропейской безопасности. Заявление российского президента не встретило понимания и было воспринято как очередная попытка России вытеснить США с Европейского континента (с подобным предложением, также оставшимся без ответа, обращался за год до этого и президент В. Путин).

Тем не менее новый курс в отношениях с Россией новой американской администрации Б. Обамы стал импульсом к восстановлению сотрудничества с нашей страной и для Североатлантического альянса. Уже в 2009 г. был поставлен вопрос об активизации деятельности Совета Россия—НАТО и военно-техническом сотрудничестве. Стал активнее диалог о взаимодействии в связи со сложным положением войск союзников в Афганистане. В середине апреля 2010 г. новый генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен предложил создать общеевропейский ракетный щит, что было с воодушевлением воспринято в РФ, поскольку самостоятельно построить антиядерный щит Россия не способна практически. Для нее совместная система ПРО со странами НАТО была бы идеальным решением. Эта система коллективной противоракетной обороны могла бы защитить Россию и страны Европы от потенциальной угрозы применения ядерного оружия либо странами, не подписавшими Договор о его нераспространении, либо террористами или исламскими фундаменталистами, которые теоретически способны получить к нему доступ (особенно в Пакистане). На прошедшем в Лиссабоне саммите Россия—НАТО (ноябрь 2010 г.) был сделан еще один важный шаг навстречу друг другу.

Во-первых, страны—члены НАТО одобрили новую стратегическую концепцию Альянса на следующие десять лет, в которой отмечено, что НАТО «не представляет собой угрозы для России» и ставит своей целью «истинное стратегическое партнерство» с ней.

Во-вторых, был подписан «Совместный обзор общих вызовов безопасности XXI века» и целый ряд соглашений о сотрудничестве РФ—НАТО в конкретных сферах, в том числе договор об обратном транзите грузов из Афганистана через Россию.

В-третьих, Президент РФ в очередной раз выдвинул инициативу создания общей системы противоракетной обороны, в рамках которой Россия готова взять на себя обязательство сбивать любые ракеты, летящие над ее территорией в направлении Европы, в обмен на такого же рода гарантии со стороны стран—участниц Альянса.

В российских предложениях поднималась и тема «евроатлантической безопасности» — что, по всей видимости, следует понимать как взаимодействие в трехстороннем формате США—ЕС—Россия в вопросах обеспечения безопасности. Однако для того чтобы эти решения были воплощены в жизнь, необходимо преодолеть сложившиеся стереотипы

и недоверие сторон друг другу, и это сложная и долговременная задача. Так, согласно данным социологического опроса «Левада-центра», проведенного в конце октября 2010 г., российские респонденты, отвечая на вопрос «Отвечает ли интересам России ее сближение с НАТО?», дали следующие ответы: «Нет, идет вразрез с интересами России» — 45%; «Да, соответствует» — 22%; «Затрудняюсь ответить» — 33%.

Несомненно, что Североатлантический альянс является сегодня ключевым геополитическим игроком, который в значительной степени влияет на ситуацию у российских границ и на безопасность нашей страны. И потому отношения России и НАТО, которые в течение прошедших двух десятилетий были противоречивыми и непоследовательными, должны в дальнейшем строиться на прагматизме, обеспечении национальных интересов и стать по-настоящему партнерскими.

Примечания

¹ Лемассон С. Европейская безопасность после окончания «холодной войны»: Новые геополитические равновесия, новые союзы // Европейская интеграция: современное состояние и перспективы: Сб. науч. ст. / Науч. ред. С. И. Паньковский. Минск, 2001. С. 153—154.

² Россия vs Европа: Противостояние или союз? / Под ред. С. А. Караганова, И. Ю. Юргенса. М., 2010. С. 40—41.

³ Россия vs Европа. Противостояние или союз? С. 29.

⁴ Тренин Д. Идентичность и интеграция: Россия и Запад в XXI веке // Pro et Contra. 2004. Т. 8. № 3. С. 12.

⁵ Худoley К. К. Россия и НАТО в новой международной обстановке // Стратегическое партнерство России и Организации Североатлантического пакта: Когда настанет его черед? Материалы международной научной конференции, 22 февраля 2002 г. / Под. ред. К. К. Худoley. СПб., 2002. С. 20.

⁶ Современные глобальные проблемы / Отв. ред. В. Г. Барановский, А. Д. Богатуров. М., 2010. С. 101.

⁷ См.: Современные глобальные проблемы... С. 61—63.

⁸ Тиммерманн Х. Европейский союз и его новые соседи // Россия в глобальной политике. 2005. Июль—август. Т. 3. № 4. С. 133.

⁹ Мельвилль А. Ю. Демократические транзиты // Политология: Лексикон / Под ред. А. И. Соловьева. М., 2007. С. 130.

¹⁰ См.: Полищук В. Оранжевая революция // ПОЛИТЭКС. СПб., 2008. Т. 4. № 4.

¹¹ Шаклеина Т. А. Российско-американские отношения и конфликты в СНГ // Экономика и политика в современных международных конфликтах / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М., 2008. С. 161.

¹² Грэм Т. Россия: Упадок и неопределенные перспективы возрождения. М., 2007. С. 99.

¹³ Саат Й. Перегрузка или все-таки перезагрузка: «Оговорка по Фрейду», или Новое начало отношений для России и НАТО? // ПОЛИТЭКС. СПб., 2009. Т. 5. № 3. С. 79.

¹⁴ Маркедонов С. «Пятидневная война»: Предварительные итоги и следствия // Неприкосновенный запас. 2008. № 5 (61).

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите основные этапы развития отношений России и Североатлантического альянса.
2. Проблемы формирования системы европейской безопасности после окончания «холодной войны».
3. Как изменились отношения России и НАТО после 11 сентября 2001 г.?
4. Проблемы в отношениях Россия—НАТО на современном этапе.
5. Каковы, на ваш взгляд, перспективы отношений России и НАТО на современном этапе?

Глава 22

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ ЕВРОПЫ: МЕЖДУ «ЕДИНОЙ ЕВРОПОЙ» И РОССИЕЙ

§ 1. Посткоммунистические страны Центральной и Восточной Европы: «возвращение в Европу»

Все политологи признают влияния внешнего окружения и особенно Европейского Союза на процессы демократических трансформаций в посткоммунистических странах Европы. Тем не менее степень значимости «международного фактора» демократизации в странах региона стала одним из предметов острой дискуссии.

Одни исследователи отмечали, что международный контекст играл в посткоммунистических переходах значимую, но не первостепенную роль, сравнимую с ситуацией воздействия этого фактора на демократические транзиты в Латиноамериканских странах (А. Пшеворский, Л. Уайтхед, Ф. Шмиттер и др.), не учитывая того обстоятельства, что посткоммунистические транзиты происходят в условиях кардинального переустройства мирового геополитического порядка.

Другие авторы как раз подчеркивали принципиально иную ситуацию, которая сложилась в мире после крушения коммунизма:

- 1) разрушение «мировой системы социализма»;
- 2) окончание эры «биполярного» мира и утверждение безусловно-го лидерства США;
- 3) выдвижение принципиально новых задач интеграции посткоммунистических государств в радикально меняющуюся мировую экономическую и геополитическую систему.

Как писала **В. Банс**, «страны посткоммунистического мира сразу же столкнулись с высокой степенью международной нестабильности и резким обострением (реанимацией) старых этнических и межгосударственных конфликтов». Подчеркивая в этой связи принципиальные отличия посткоммунистического транзита от социальных трансформаций в других регионах «третьей волны» демократизации, американский политолог пишет:

«Недавние изменения в Латинской Америке и Южной Европе более корректно следовало бы назвать режимными переходами. Трансформации, произошедшие в Восточной Европе после 1989 г. являются не просто обычным политическим переходом. Скорее это революция, которая охватывает (изменение) идентичности, экономики, социальной структуры и государства»¹.

Исследователи, входящие в эту группу, также отмечают ключевую роль внешних акторов в посткоммунистических трансформациях, особенно в странах Балтии и Центральной и Восточной Европы (В. Банс, М. Леонард, А. Никитченко, Э. Янош и др.). Так, **А. Никитченко** предложил в целом рассматривать «третью волну» демократизации как «международный режим», под которым он понимает социальные и политические институты, складывающиеся из неформальных и формализованных принципов, норм, специальных правил, процедур и программ, влияющих определенным образом на поведение государств и иных политических акторов. Как правило, международные режимы возникают по инициативе государства-гегемона, которое своей силой и авторитетом обеспечивает установление стабильных правил сотрудничества и контролирует их соблюдение. Такая интерпретация процессов «третьей волны» возможна, поскольку:

- очевидна роль страны-гегемона — Соединенных Штатов — в продвижении демократии в других странах (независимо от мотивации гегемона в каждом конкретном случае);

- все международные режимы (торговый, валютно-финансовый, экологический, защиты прав человека и т.п.) действуют в рамках экономического либерализма, который не просто связан с демократизацией, но усиливает ее, а она его соответственно;

- международный режим демократизации создается не на пустом месте, а на базе иных международных режимов, и они влияют на трансформации внутри региона демократизации².

При этом приверженцы этой точки зрения признавали, что, несмотря на особое значение «внешних факторов» для успеха процессов демократизации в рамках «второй и третьей волны», по сравнению с «первой», они в целом оказались менее благоприятны для постсоветских государств по сравнению со странами Центральной и Восточной Европы. В то же время, по их мнению, «международный фактор» был менее значим для всех посткоммунистических государств, по сравнению с Германией и Италией послевоенных лет или для южноевропейских стран (Греция, Испания, Португалия) в 70-е годы XX в. Действительно, в Западной Германии после 1945 г. осуществление задач социально-политической трансформации в значительной мере взяли на себя западные державы-победительницы, а немецкая администрация выступала зачастую лишь в качестве исполнителя политических

решений. Кроме того, в 1948–1951 гг. США выделили в рамках «плана Маршалла» 16 западноевропейским странам более 17 млрд долл., из них более 60% этой помощи получили Великобритания, Франция, Италия и ФРГ.

В 1990-е годы постсоветские страны, по мнению многих западных наблюдателей, не получали должной экономической помощи и политической поддержки от Запада. Особенно это верно в отношении России и ряда постсоветских государств. Так, американский политолог **Ст. Коэн** писал о том, что для обеспечения успеха процессов демократизации в России и других странах Восточной Европы США и другие страны Запада должны были осуществить новый «план Маршалла»³. В свою очередь Т. Каротерс считает, что

в начале 1990-х годов США и ведущие европейские страны «...упустили момент распада Советского Союза и не протянули России руку помощи, предоставив достаточное количество средств в поддержку ее переходного периода, и не установив отношения Восток—Запад на принципиально новой основе. В конечном счете, эту неудачу можно рассматривать как одну из крупнейших упущенных возможностей второй половины двадцатого столетия»⁴.

Однако представляется несомненным, что в процессах политической трансформации европейских посткоммунистических стран «внешние» акторы играют очень заметную, можно сказать, даже решающую роль. Так, многие исследователи связывают падение коммунистических режимов в странах региона и начало здесь процессов демократизации с прекращением иностранной (советской) поддержки правящих элит и режимов (М. Доган, Дж. Хигли, А. Пшеворский, С. Хантингтон и др.).

Иван Селеньи пишет в книге «Как построить капитализм без капиталистов», что если в Китае капитализм строился «снизу», в России «сверху», то в странах Центральной и Восточной Европы и Балтии имеет место «капитализм извне».

«Капитализм здесь также (как в России. — *Прим. авт.*) строится сверху, но мы можем говорить о достаточно быстрой приватизации государственного сектора. Но приватизация происходила <...> в основном посредством конкурентных торгов. Инвестиции имели транснациональный характер. Можно сказать, что экономический рост (1990-х годов. — *Прим. авт.*) был обусловлен влиянием иностранного капитала, так например, 75 процентов венгерского рынка — это собственность иностранных инвесторов ...Все это сильно глобализовано и зависит от мировых рынков»⁵.

Поэтому уже в 1990-е годы две трети иностранного капитала, поступившего в посткоммунистические государства Европы приходилось на страны—члены Евросоюза, а Россия перестала быть для своих бывших союзников сколько-нибудь притягательной не только в политическом, но и в экономическом отношении.

Однако в результате посткоммунистические государства столкнулись с необходимостью полного демонтажа значительной части уже существовавших секторов промышленности при одновременной радикальной перестройке и модификации многих производств, связанных как с полной переориентацией их экономик с «Востока» на «Запад» и рыночными реформами, так и с «информационной революцией», экономической и финансовой глобализацией. Не случайно исследователи заметили следующую зависимость — экономический спад в ходе трансформаций 1990-х годов пережили все страны Центральной и Восточной Европы, но его глубина варьировалась в зависимости от доли предприятий, созданных в «коммунистический» период, в валовом национальном доходе. Выяснилось, что секторам экономики, сложившимся до Второй мировой войны в расчете на мировой рынок и его конъюнктуру, оказалось легче перестроиться в условиях конкуренции, чем промышленным «гигантам социализма», построенным исключительно для нужд экономики стран советского блока. Так, Чехия, Венгрия и Польша, доля промышленности в национальном доходе которых за 1940–1980-е годы увеличилась соответственно на 7,3; 11,3 и 14,3%, в 1994 г. демонстрировали промышленный спад на 8,9–19%. В то же время в Болгарии, Румынии и Словакии — странах, в которых до войны уровень промышленного развития был низким, а при «социализме» благодаря индустриализации доля промышленности в ВВП возросла соответственно на 32,6; 28,7 и 25,9% — спад достигал от 22,1 до 27,7%. Это же обстоятельство отмечает Крейг Калхун в отношении республик бывшей Югославии, в какой-то мере отвечая на вопрос, который формулировали многие западные исследователи «посткоммунистических транзитов»: «Почему самоуправленческий социализм Югославии, самый реформированный и либеральный, привел к самой крупной катастрофе в посткоммунистическом мире с этническими войнами и глубоким экономическим кризисом?»

«Хорватия и Словения, — пишет американский политолог, — были более развитыми в экономическом отношении и более интегрированными с капиталистическим Западом. Помимо туризма, они занимались продажей сельскохозяйственной и ремесленной продукции, а также мелкосерийных промышленных товаров в Италию, Австрию и Германию. Сербия, напротив, была наиболее советской по стилю республикой из всех, что составляли Югославию. Она придавала намного больше значения тяжелой промышленности и больше торговала с коммунистическим блоком. Соответственно, она намного больше пострадала от краха коммунизма, который лишил ее международных союзников и рынков, тогда как Словения и Хорватия получили большой доступ к глобальному капитализму».

Характерно, что соответственно экономическим показателям варьировались и уровень адаптации политической культуры, и степень

остроты этнических проблем в этих странах, и даже уровень их поддержки странами Запада. Тот же Калхун замечает, что в отличие от Сербии «лидеры в Словении и Хорватии встречали широкий отклик не только у себя в стране, но и за рубежом, хотя они отстаивали также этнический национализм»⁷.

В то же время многие аналитики отмечали, что приглашение посткоммунистических стран ЦВЕ «присоединиться» к ЕС было продиктовано скорее политическими соображениями, чем экономической целесообразностью. Ни динамика макроэкономических показателей, ни сравнение уровня развития этих стран со средним уровнем ЕС, ни темпы и результаты экономических и политических реформ не вселяли надежд на то, что они способны к относительно безболезненной интеграции в «единую Европу».

«Одной из причин расширения ЕС было стремление стабилизировать ставшее “ничейным” после развала СССР пространство на Востоке Европы. Именно перспектива вступления в ЕС оказалась наиболее действенным инструментом демократических структурных преобразований в этих странах, — отмечает, в частности, С. В. Потгорельская. — И сегодня те политики, у которых «душа болит» за «пропадающие» для Европы территории на постсоветском пространстве, считают «исторической ошибкой» отказ дать Украине четкую европейскую перспективу и упрекают Евросоюз в «новом, западноевропейском изоляционизме»⁸.

С начала 1990-х годов, когда многие посткоммунистические государства ЦВЕ поставили перед собой задачу «возвращения в Европу», одним из неперемennых условий их вступления в Европейский Союз и Североатлантическое сообщество стало соблюдение западных демократических стандартов и принятие всего свода норм права ЕС. В своей деятельности при осуществлении внешнего управления странами ЦВЕ в рамках расширения на восток ЕС использовал два основных механизма. Один получил название «демократическая обусловленность» и касается требований соответствия фундаментальным политическим принципам ЕС, нормам защиты прав человека и либеральной демократии. Стимулом к выполнению условий ЕС были установление институциональных связей в виде ассоциации и вслед за этим начало переговоров о вступлении. После начала переговоров «демократическая обусловленность» уходит на второй план, хотя Комиссия ЕС продолжает проводить мониторинг выполнения условий и в принципе сохраняется угроза прекращения переговоров.

Другой механизм основан на требовании принятия и выполнения *acquis communautaire* (свода правовых норм ЕС. — Прим. авт.). ...В случае со странами ЦВЕ Евросоюз поставил достижение необходимого уровня в этой сфере условием начала переговоров о вступлении.

Эти требования вынуждали политические элиты этих стран соблюдать демократические правила игры (или, по крайней мере, имитиро-

вать их соблюдение), создавать, укреплять заимствованные экономические и демократические политические институты и как-то бороться с политическими патологиями (экстремизм, nepoтизм, коррупция, низкий уровень эффективности системы государственного управления и др.). Британский политолог **Марк Леонард** отмечает:

«...Все страны, которые хотели вступить в Союз должны были “проглотить” все 80 тысяч страниц европейских законов и переработать собственное законодательство в соответствии с этими законами. При этом вместо того чтобы принять на веру заявления новых кандидатов, к ним была направлена целая армия представителей и контролеров, чтобы проверить, действительно ли соблюдены установленные критерии.

Это было не что иное, как перестройка этих стран до самого основания, а потому изменения носят необратимый характер»⁹.

Действительно, Европейская комиссия кроме оценки на соответствие стран кандидатов в члены ЕС «копенгагенским критериям» (признание страны «с действующей рыночной экономикой»; достижение уровня конкурентоспособности страны; способность взять на себя связанные с членством в ЕС обязательства, включая следование единым принципам политического, экономического и валютного союзов), ежегодно проводила оценку и сравнение прогресса стран в принятии «свода правил» ЕС, его имплементации в национальное законодательство и принуждения к их выполнению через соответствующие административные структуры. Одновременно она указывала, в каких областях требуются дальнейшие институциональные преобразования.

► Таким образом, Европейский Союз стал для стран ЦВЕ целью, основным донором и главным арбитром и контролером успешности их реформирования на принципах рыночной экономики и либеральной западной демократии. Поэтому в ходе подготовки к расширению на Восток Европейский союз получил поистине возможности беспрецедентного влияния на реструктуризацию политических институтов и всей системы государственного управления в странах-кандидатах и разработал механизмы преобразования их политических и экономических систем.

Как пишет сегодня болгарский исследователь Иван Крастев, «повпавшие в “смирительную рубашку” европейских интеграционных процессов, страны ЦВЕ одновременно прошли и через политическую, и через экономическую открытость». Однако скорость масштабных институциональных преобразований, осуществляемых в рекордно короткие сроки, не могла не отразиться на легитимности новых институтов государств региона, что в свою очередь препятствовало их успешному развитию. Сложности, возникшие при применении свода правовых норм ЕС, обусловлены также тем, «что для стран ЦВЕ весь массив документов ЕС — это иностранные правовые документы, поскольку им-

портирующие их страны не принимали участие в их разработке. Кроме того, это огромный объем документов. Отличительная черта “импорта” законодательства Евросоюза — возможность использования Брюсселем механизма санкций, направленных против новых членов... Принятие свода правовых норм сопровождалось дополнительным неформальным давлением в целях создания институтов и проведения политики, которые не регулируются на уровне ЕС, но обычно существуют в («старых») государствах-членах»¹⁰. Выполнение этих жестких требований привело к «усталости законодательства» (К. Дюпре) и к появлению разрыва между политическим процессом внедрения новых «правил игры» и его результатами. Это стало следствием непонимания или игнорирования того обстоятельства, что успех применения стратегии «демократической обусловленности» и введения свода правовых норм ЕС зависит не только от административного рвения правительств стран региона, но и от способности и желания населения и элит немедленно воспринять новые ценности и «правила игры».

Переход, осуществленный посткоммунистическими странами в 1990–1996 гг., это действительно «самый драматический эпизод либерализации экономики в экономической истории» (П. Мюррел). Он потребовал от реформаторских (и не очень) элит: введения свободных цен, либерализации правил торговли, приватизации предприятий, создания системы социальной страховки для слабых и обездоленных, обеспечения работающей юридической и институциональной структуры рыночной экономики. Кроме того, необходимо было как-то стабилизировать макроэкономические процессы, бороться с инфляцией, галопирующей безработицей, сокращать бюджетный дефицит и т.д. Ни одно из правительств посткоммунистического мира не смогло решить этих проблем без серьезных социальных издержек и экономических потерь: глубокого спада производства, структурной безработицы, устойчивой инфляции, банковского кризиса, недостаточности иностранных инвестиций.

В большинстве посткоммунистических стран, следуя советам западных экспертов, ради того чтобы добиться предположительно более высоких темпов экономического развития, пошли по пути сокращения государственных расходов и демонтажа системы социальной защиты населения. В целях создания наиболее благоприятных условий для развития бизнеса были проведены реформы по дерегулированию рынка и в сфере налогообложения. В Польше и Словакии налоги на корпорации составили 19%, в Венгрии — 16%, в странах Балтии, Румынии (как и в России) была введена так называемая «плоская шкала налогообложения». В то же время налоги на корпорации в ФРГ составляют 38,3%, во Франции — 34,3%, в Великобритании — 30%. Все это привело к радикальному имущественному расслоению посткоммунисти-

ческих обществ, к незащищенности беднейших слоев населения. В то время как давно доказано, что для утверждения демократии необходим не только достаточно высокий уровень экономического развития, но и более равномерное распределение богатства между членами общества. Самым негативным последствием социально-экономических реформ стал обмен общественных ожиданий.

Именно этими обстоятельствами объясняется крайне низкий уровень политического участия в странах ЦВЕ по сравнению со странами Западной Европы. Так, на референдумах по поводу вступления в Евросоюз во время предыдущих расширений явка избирателей составила 77,9%, а в государствах ЦВЕ — 59,3%. На выборах Европарламента 2004 г. показатели составили 52,7% в странах «старой Европы» и 31,19% — «новой Европы». Эти цифры показывают невысокое качество демократий, становящихся в ЦВЕ. Выборы Европарламента 2009 г. продемонстрировали устойчивость этой тенденции.

Сегодня уже очевидно нарастание дифференциации стран ЦВЕ. При всех достигнутых ими успехах в укреплении демократии, формировании многопартийной парламентской системы, стабилизации экономики и создания институтов рынка сказываются нарастающие структурные различия. Последние связаны с исторически обусловленным экономическим и политическим наследием, примененными в странах региона различными моделями экономической политики, в частности, в сфере приватизации собственности и привлечении иностранных инвестиций, производственной специализации и т.д.

В то же время анализ особенностей электорального процесса в странах ЦВЕ показывает, что практически общей практикой является использование административного ресурса партиями, находящимися у власти, поддержка последних государственными СМИ, манипулирование избирательным законодательством в их интересах и т.д. Однако Еврокомиссия имеет тенденцию не замечать те проблемы, которые связаны с выборами. Выборы и возможная смена правительства рассматриваются чиновниками Еврокомиссии как неизбежное зло, поскольку Брюссель заинтересован в преемственности власти политических и бюрократических элит, с которыми он успешно сотрудничает. Увязнув в технические вопросы присоединения, Еврокомиссия стала вообще менее чувствительна к проблемам демократии. По мнению Дж. Придхэма, деятельность ЕС в странах ЦВЕ осуществлялась не в соответствии с глубоко осмысленной либеральной концепцией демократии, а как «бюрократическое расширение, основанное на формальном учете исполнения требований». Так, ЕС не напомнил Эстонии и Латвии о необходимости предоставить политические права русскому меньшинству и даже не упомянул об этом в договорах, подписанных с этими странами. Таким образом, миллионы так на-

зываемых «русскоязычных» в странах Балтии не только не получили возможности проголосовать на выборах в Европарламент, но не будут иметь такой возможности и в будущем. Поэтому можно согласиться с оценкой Дж. Придхэма, который полагает, что деятельность ЕС в области «демократической обусловленности» может считаться «успешной в плане формального применения, а не изменения демократической политики на более глубоком уровне»¹¹.

Более того, наиболее серьезные достижения в сфере демократизации имели место (согласно данным *Freedom House*) еще до начала процедуры вступления стран ЦВЕ в Евросоюз. Проблематичность стратегии и практики Евросоюза в продвижении демократии в странах ЦВЕ связывают, кроме всего прочего, с тем, что ЕС «наградил» эти страны теми дефектами демократии, которые характерны для его собственной системы функционирования. Так, в странах ЦВЕ возникла острая проблема подотчетности, которая «является зеркальным отражением дефицита демократии» институциональной системы ЕС. Если правящие элиты подотчетны наднациональной власти, которая навязывает им свой политический выбор, то как совместить это обстоятельство с подотчетностью своим собственным гражданам?

§ 2. Интеграция государств Западных Балкан в Европейский Союз

Следует также отметить, что не только в государствах Центральной и Восточной Европы, которые сегодня уже стали членами Европейского Союза, но и в стремящихся в «Единую Европу» балканских странах: «Албании, Боснии и Герцеговине, Крае Косово и отчасти в Македонии западные демократические институты, по существу, были навязаны международным сообществом, вернее Западом», — указывают исследователи Института международных экономических и политических исследований РАН.

«В Албании в начале 1997 г. крах “финансовых пирамид” потряс основы политической системы и правящего режима С. Бериши. Международное сообщество взяло под свой контроль и надзор весь политический процесс, помогая путем реформ, разработанных западными экспертами, восстановить функционирование государства. Босния и Герцеговина и сербская провинция Косово находятся под международным управлением и “де-факто” являются протекторатами. ...В результате Албания, Босния и Герцеговина и Край Косово превратились в страны с искусственно насаждаемой демократией»¹².

Известный британский социолог З. Бауман указывает на еще один, подспудный мотив участия европейских стран НАТО в самом остром на посткоммунистическом пространстве югославском конфликте:

«Борясь “с этническими чистильщиками”, мы изгоняем наших собственных “внутренних демонов”, побуждающих нас запирать в гетто нежелательных “иностранцев”, приветствовать ужесточение законов о предоставлении убежища, требовать удаления надоедливых незнакомцев с городских улиц и платить любую цену за убежища, окруженные камерами наблюдения и вооруженной охраной. В югославской войне ставки с обеих сторон были необыкновенно похожи, хотя то, что одна сторона объявляла как цель, другая энергично, хотя и неуклюже, держала в тайне. Сербы хотели изгнать со своей территории непокорное и неудобное албанское меньшинство, в то время как страны НАТО, если можно так выразиться, “ответчали тем же”: их военная кампания была вызвана, прежде всего, желанием других европейских держав удержать албанцев в Сербии и таким образом в корне пресечь угрозу их перевоплощения в неудобных и нежелательных мигрантов»¹³.

Теперь же странами Запада найдено другое решение этой проблемы — косоваров-албанцев наделили собственной государственностью. Лидеры стран Европейского Союза надеялись, что это заставит косоваров «вести себя тихо». Однако эксперты прогнозируют нарастание социальных проблем в аграрном и перенаселенном Косово (по данным Всемирного банка, 45% косоваров живут в бедности — на сумму менее чем 1,42 евро в день; уровень безработицы здесь один из наиболее высоких в мире, по официальным данным, она составляет 44,9%, а среди лиц от 15 до 24 лет — 75,5%), массовую легальную и нелегальную эмиграцию в страны ЕС (по данным опросов, половина населения Косово, готова эмигрировать, а 18% населения уже эмигрировали) и внешнеполитическую экспансию в сторону Македонии, Черногории и Сербии. По мнению **С. Романенко**:

«Государства Запада совершили концептуальную ошибку, оказав поддержку албанско-косовскому национализму, пытаясь тем самым создать противовес национализму сербскому, поскольку и албанскому, и сербскому национализму одинаково чужды демократические ценности и стремление к компромиссу, поэтому в Косово не удалось осуществить идею полиэтнического общества и выстроить демократическую систему власти»¹⁴.

В этой связи сегодня, после провозглашения независимости Косово, эксперты предсказывают возможность дальнейшей «албанизации сопредельных территорий — Македонии и Черногории», что может привести к новому витку напряженности и конфликтов на Балканах. Косовский прецедент, по их мнению, потенциально способен спровоцировать «эффект домино» на Балканах. Следует заметить в этой связи, что сербо-албанский узел — отнюдь не самый запутанный и опасный на Балканах. Так, в случае с македонской проблемой происходит столкновение интересов и позиций еще большего количества международных акторов (Греции, Болгарии, Сербии, не говоря уже о самой незави-

симой Македонии, которую в Европе, по настоянию Греции, называют «бывшей югославской республикой Македония»). В Боснии и Герцеговине, по мнению некоторых исследователей, условия для успешного развития государства-нации так и не возникли. Что касается Черногории, то она в огромной степени зависит от внешних факторов, являясь по существу офшорной зоной.

► Таким образом, провозглашение в феврале 2008 г. независимости Косово и признание его большинством стран Запада (по данным на конец 2010 г., Республику Косово признало 72 государства) создало потенциальные предпосылки для дестабилизации ситуации на Балканах в целом. Возникло множество вопросов, ответов на которые нет.

Например, выдержат ли «принужденные к миру» Балканы практически неизбежный (по мнению ряда экспертов) новый виток напряженности, связанный с провозглашением независимости Косово; как на это отреагируют сербы и их немногочисленные союзники в мире (хотя сегодня, по мнению многих экспертов, у Сербии фактически нет альтернативы интеграции в структуры ЕС и НАТО); почему право на самоопределение получили албанцы-косовары и не получили сербы в Митровице и в Боснии и Герцеговине; как поведет себя Тирана, не попытается ли реализовать план построения «Великой Албании» из собственно Албании, Косово, части Македонии и Черногории; выживут ли в этой ситуации эти два малых государства?

► Тем не менее общая усталость от войн в сочетании с международной миротворческой деятельностью способствовала относительному умиротворению в регионе.

Сегодня в рамках реализации европейской стратегии интеграции Балкан в странах региона, при активном внешнем участии, происходят преобразования, направленные на создание современных государств со всеми формальными атрибутами демократии и рыночной экономики. Постепенно нормализуются отношения между странами региона, без сложностей, но налаживается региональное сотрудничество. В ноябре 2009 г. ЕС был введен безвизовый режим для Македонии, Сербии и Черногории. Оптимистично настроенные наблюдатели считают, что воздействие всего комплекса мероприятий ЕС и включение стран региона в интеграционный процесс снизят высокий уровень конфликтности на Балканах. Пессимисты утверждают, что «на постъюгославском пространстве была отработана методика деятельности международных организаций по реализации интересов гегемонов мировой политики в периферийных зонах», и не верят в балканское урегулирование.

По мнению **Стефана Лене**, эксперта Института по изучению вопросов безопасности ЕС: «Европейская стратегия интеграции Балкан

лучше всего может быть сравнима с длинной и трудной программой обучения, включающей в себя экзамены, таблицы успеваемости, промежуточные оценки, а также стипендию и академические часы»¹⁵. Таким образом, если Хорватия имеет с 2004 г. официальный статус «страны-кандидата» и находится на пороге вступления в ЕС, то Албании, Боснии и Герцеговине, Республике Македонии, Сербии, Черногории и, особенно, Косово (которое многие исследователи справедливо считают квазигосударством, находящимся фактически под внешним управлением) предстоит проделать еще очень длинный и трудный путь, который предполагает: последовательное проведение серьезных политических и социально-экономических реформ, для того чтобы соответствовать «копенгагенским критериям», гармонизацию национального законодательства с законодательством ЕС и т.д. Все эти государства находятся в самом начале длительного процесса государственного строительства, и успех на этом пути вовсе не гарантирован.

Влияние на темпы и ход преобразований во многом будет оказывать мировой экономический кризис и его последствия. Дополнительным фактором, который сможет повлиять на сроки вступления Балканских стран в ЕС, становится и рост скептицизма по поводу стратегии дальнейшего расширения Союза, а также появление нового претендента на звание «кандидат» — Исландии. Как отмечает Еврокомиссия, Исландия — страна с глубокими демократическими корнями, высоким уровнем интеграции со странами—членами Евросоюза (например, участник Европейского экономического пространства и Шенгенской зоны), т.е. Исландия имеет возможность вступить в ЕС в ускоренном порядке, опередив страны Западных Балкан.

§ 3. Последствия вхождения в «Единую Европу»

При исследовании процессов социальных и политических трансформаций в посткоммунистическом мире нельзя не учитывать или недооценивать тот идеологический, политический, а зачастую и экономический «прессинг», которому были подвергнуты, прежде всего, страны Центральной и Восточной Европы со стороны демократий Запада. Российский исследователь **Г. И. Ванштейн** отмечает:

«По сути дела, реализация демократических проектов “третьей волны” осуществляется в условиях чрезвычайно активного внешнего давления со стороны “эталонных” демократий, под воздействием неких навязываемых извне стандартов поведения, которые можно было бы назвать “моральным кодексом строителя демократии”. В этом, очевидно, проявляется один из аспектов общего процесса глобализации, сужающего самостоятельность отдельных государств не только в экономической сфере, но и в сфере политического развития и подвергающего их давлению западных образцов культуры, западных ценностей»¹⁶.

Причем элиты и массы бывших социалистических стран ЦВЕ первоначально только приветствовали стремление западных государств включиться в управление преобразованиями на их территориях, не протестуя и не считая происходящее вмешательством в свои внутренние дела, что имело следствием «размягчение» их суверенитета. Так, Вацлав Гавел от имени посткоммунистических государств Центральной Европы не раз обращался к Западу с просьбой не только активизировать свои усилия по формированию нового политического порядка, но и привлекать их самих к этому процессу, и не только потому, что «мы беспокоимся о собственной безопасности и стабильности или о безопасности и стабильности самого Запада, но и из более глубоких соображений защиты ценностей и принципов, которые попирались коммунизмом и во имя которых мы его свергли».

Поэтому любая критика рыночных порядков воспринималась как ностальгия по коммунистическому прошлому, а «интеллектуальный импорт» западных институтов и готовых схем реформирования и управления был поставлен «на поток».

«...В Восточную Европу устремились самолеты, переполненные разочарованными западными профессорами права, везущими с собой свои изблюбленные законопроекты, отвергнутые и осмеянные дома. Эти проекты преподносились новым демократическим режимам как неизбежные. Следствием этого явилась передозировка положений о правах человека и принципах правового государства, прописанных в восточноевропейских конституциях и законодательстве на раннем этапе... Возможности стран этого региона непропорциональны поставленным целям... Чисто формальная защита прав человека и принципов правового государства, привнесенная (и с готовностью воспринятая) в условиях институционального вакуума и без необходимой подготовки, оказалась в высшей степени неустойчивой и неэффективной»¹⁷.

В результате многие страны региона страдают как «болезнями» незаконченной модернизации, так и либеральной западной демократии одновременно. Не будучи достаточно модернизированными, они не превратились и в «эталонные» либеральные демократии. Иными словами, они приобрели опыт болезни раньше, чем смогли выработать иммунитет.

«Абсолютизация демократизации не учитывала национальные политические культуры, геостратегические соображения, геоэкономическую зависимость и близость зон развития капитализма и демократии (прежде всего Европейского союза)», — признает сегодня британский политолог Р. Саква и указывает «на опасность как сведения разных уровней анализа в одну плоскость, так и наложения моделей общества, разработанных для одного региона, на другой регион, имеющий иные политические традиции и цивилизационные задачи»¹⁸.

В этой связи американский политолог Эндрю Янош отмечает, что между режимами, существовавшими в Центральной и Восточной Европе в 1940—1980-х и 1990-х годах, при всех различиях, есть одно неомысленное сходство — это та роль, которую внешние акторы играют по отношению к странам региона, навязывая им определенные политические программы развития. Поскольку проекты такого рода акторов-гегемонов каждый раз сталкиваются с большим или меньшим сопротивлением «местного материала», результат определяется соотношением двух групп факторов: с одной стороны, целей и ресурсов гегемона, с другой — степенью «эластичности», податливости местных структур, которая варьируется от страны к стране.

Так, если Чехия, Венгрия, Польша и Словения сплотились вокруг западного проекта или, по крайней мере, выступающие против него антисистемные партии не нашли в них существенной поддержки у электората, то в Словакии, Хорватии, Болгарии и Румынии (условно также Сербии, где политическая ситуация менее однозначна) в силу экономических, этнополитических и культурных причин граждане оказались резко разделены на оппозиционные лагеря, поддерживающие гегемона или выступающие против него. Наконец, в Албании, Боснии и Герцеговине, Македонии и Косово местные импульсы к демократизации были настолько слабы, что реализация западного проекта основывалась здесь исключительно на иностранной военной силе.

По мнению исследователя, преимущество западного проекта перед коммунистическим — в том, что идеал, на который он нацелен, более осязаем. Однако его реализация тоже требует больших жертв. До сих пор удавалось поддерживать его легитимность за счет ожиданий лучшего будущего. Но в дальнейшем все будет зависеть от готовности Запада подкреплять свою гегемонию в Восточной Европе реальными материальными ресурсами. А это, в свою очередь, будет определяться динамикой экономической конъюнктуры, настроениями европейского электората и другими неустойчивыми факторами¹⁹. В то же время в Восточной Европе, по словам немецкого журналиста К.-О. Ланге, «растет новое нетерпение. После столь значительных жертв в прошлом люди наконец-то хотели бы пользоваться плодами экономического роста». Как правило, население стран-кандидатов поддерживало идею присоединения к Европейскому Союзу. Однако в последнее время в ряде стран (например, в Чехии и Венгрии) число сторонников этого процесса сокращается. Картина меняется по мере осознания того, во что обходится странам ЦВЕ присоединение к ЕС. Уровень общественной поддержки в значительной мере зависел и от способности руководства стран «продать» широким массам «идею присоединения». Однако в целом преобладали наивные ожидания, что Евросоюз подарит восточноевропейцам благоденствие без осуществления каких-либо серьезных изменений в жизни и в труде с их стороны, без понимания

того, что это благоденствие придется зарабатывать самим. Сегодня, когда евроиллюзии и наивный еврооптимизм развеялись, эти настроения трансформируются в агрессивный европессимизм. Не случайно, почти все страны региона избрали в 2009 г. националистов в Европарламент. Как отмечают исследователи, в странах ЦВЕ «значительная часть общества — сознательно или нет — выступает за нечто вроде патерналистской рыночной демократии, в которой человек пользуется всей полнотой прав и свобод, а также результатами своих успехов, но вместе с тем пользуется и защитой государства, которое должно брать на себя издержки неудач и трудностей граждан»²⁰.

Начинают проявляться и противоречия между странами региона. Так, еще до вступления стран региона в ЕС на уровне экспертов ряда стран ЦВЕ звучали предложения сократить число стран, участвующих в «первой волне» присоединения. В Венгрии, например, были сильны голоса тех, кто считал нежелательным прием в ЕС среди первых Польши с грузом ее сельскохозяйственных и иных структурных проблем, многочисленным населением и перспективой получить до трети всех средств, причитающихся странам ЦВЕ, из совместных структурных фондов Союза.

В то же время популярность идеи расширения среди избирателей стран-членов ЕС-15 существенно упала после принятия в 2000 г. решения о начале переговоров и со странами «второй волны» присоединения. Против фиксации дат вступления новых членов выступало подавляющее большинство населения государств ЕС-15. Следует отметить, что для населения Западной Европы новые государства—члены ЕС не были стопроцентно европейскими странами, что выразилось во многих протестах жителей «старой Европы» накануне расширения ЕС в 2004 г. и в ограничениях на передвижение рабочей силы из новых стран. Образ «польского сантехника» — символа дешевой рабочей силы, готовой наводнить Западную Европу, возник как отражение недоверия новым странам.

Как писал в свое время «отец-основатель» транзитологии **Д. Растой**:

«Чтобы прийти к демократии, требуется не копирование конституционных законов и парламентской практики некой уже существующей демократии, а способность честно взглянуть на свои специфические конфликты и умение избрести или позаимствовать эффективные механизмы их разрешения»²¹.

Представляется, что именно по этой причине все бывшие социалистические страны в 90-х годах XX в. в той или иной мере столкнулись с невозможностью полностью адаптировать заимствованные политические и экономические институты и системы к условиям окружающей социальной среды, особенно по институциональным причинам. Это означало, что перманентный кризис легитимности (связанный с конфликтом между законностью тех или иных решений и действий правительства и их легитимностью в глазах общества) препятствовал устой-

чивой и поэтапной трансформации экономической и политической систем по западным рецептам, даже при помощи или давлении извне. Можно согласиться с выводом, к которому пришла **О. Н. Новикова**:

«Нельзя сказать, что европейская интеграция в качестве своеобразного инструмента распространения демократии исчерпала свои возможности. Но либо этот инструмент подлежит существенному реформированию с учетом сделанных ошибок, либо сами народы этого региона должны искать и культивировать те инструменты демократизации, которые соответствуют их собственному представлению о методах, формах и темпах демократического развития»²².

Сегодня среди экспертов стран региона нарастает тревога. Они предупреждают о возможности потери многих ранее достигнутых реальных успехов стран ЦВЕ в деле интеграции в «Единую Европу», в частности, динамики двусторонних экономических связей, высокого уровня внутрипромышленной кооперации. Если верить данным социологических опросов, то в новых государствах—членах ЕС лишь меньшинство граждан (около 30%) считают, что они реально выиграли от перехода к рыночной экономике²³. От 30 до 40% сумели приспособиться к новым условиям бытия, но отмечают лишь небольшой прогресс в своей жизни. Остальные причисляют себя к проигравшим. В большинстве стран посткоммунистической Европы существует достаточно высокий уровень безработицы и значительная региональная дифференциация. Так, уровень жизни в восточных районах Польши, Венгрии, Словакии ниже, чем на западе этих стран. Те, кто считает себя проигравшими в новой рыночной действительности, как правило, заявляют о том, что они противники этого экономического порядка. Такие настроения зачастую приводят к серьезным политическим следствиям. Как отмечает **Ф. Стивен Ларраби**: «Проевропейские и прорыночные партии начали терять поддержку во многих странах Восточной Европы, а в некоторых из них уступили место коалициям, исповедующим национализм»²⁴. Специалисты подчеркивают, что после начала мирового экономического кризиса в странах региона происходит резкое падение темпов экономического роста, снижение уровня инвестиций в экономику и рост безработицы, замедлились структурные преобразования, нарастает нестабильность в регионе и соответственно разочарование в членстве в ЕС.

Нельзя не признать, что расширение ЕС на Восток — это действительно тот проект, который на ближайшие десятилетия будет определять судьбу не только европейской интеграции, но и народов Европы в целом. Перспективы же реализации этого крупномасштабного плана все еще остаются неопределенными как по срокам, так и по цене расширения для ЕС и издержек и выгод для стран ЦВЕ. Хотя сегодня преобладают пессимистические прогнозы. Знаменательно в этой связи суждение известного американского социолога венгерского происхождения **И. Селеньи** о будущем месте стран региона в Европейском Союзе.

«Весьма возможно, — отмечает американский социолог, — что в долгосрочной перспективе эта система станет периферией ЕС, поскольку давление в направлении конвергенции сейчас очень сильно. Можно будет говорить об определенном неокOLONIALИЗМЕ в долгосрочной перспективе»²⁵.

Это, как представляется, дает шанс России на преодоление отчуждения и восстановлению взаимовыгодных связей со странами региона. Несмотря на то что сегодня почти все посткоммунистические страны Европы уже являются членами НАТО и ЕС, России необходимо предпринять решительные шаги к развитию с ними отношений на двусторонней основе и на субрегиональном уровне. Более того, Россия в собственных интересах должна способствовать разработке взаимовыгодной «новой восточной политики стран Центральной и Восточной Европы». Так, после трагической авиакатастрофы лайнера польского президента Леха Качиньского под Смоленском в апреле 2010 года, по мнению большинства поляков, у России и Польши появился шанс к примирению и важно этот шанс не упустить.

Примечания

¹ *Bunce V. Comparing East and South // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. No 3. P. 94, 95.*

² *Никитченко А. Транснационализация демократии (третья волна демократизации в свете теорий международных отношений) // Полис. 1996. № 5. С. 57.*

³ *Козн Ст. Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001.*

⁴ *Каротерс Т. Помощь Западу становлению гражданского общества в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. М., 2000. № 1 (30). С. 3.*

⁵ *Селеньи И. Строительство капитализма без капиталистов — три пути перехода от социализма к капитализму // Русские чтения. Вып. 3 (январь—июнь 2006 г.). М., 2006. С. 99—100.*

⁶ *Poznanski K. Transition and its Dissenters: An Introduction // East European Politics and Society. 1999. Vol. 15. No 2. P. 238—239.*

⁷ *Калхун К. Национализм. М., 2006. С. 134.*

⁸ *Погорельская С. В. Евросоюз — основные вопросы политической консолидации после принятия Лиссабонского договора // Актуальные проблемы Европы. М.: ИНИОН, 2010. № 2: Евросоюз: Политическое измерение интеграции / Ред.-сост. О. А. Жирнов, С. В. Погорельская. С. 17.*

⁹ *Леонард М. XXI век — век Европы. М., 2006. С. 71.*

¹⁰ *Новикова О. Н. Новая Европа: Трудности реализации интеграционной модели развития демократии // Актуальные проблемы Европы: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН, 2007. № 4: Две Европы: Процесс интеграции / Ред. сост. Ю. А. Гусаров. С. 39.*

¹¹ *Pridham G. Political elites in Central and Eastern Europe and the E.U.'s democratic conditionality: A case of convergence? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iaw.uni-bremen.de/jtholen/tagungen/papers/Prigham.pdf/>.*

¹² Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центрально-Восточной Европы. М., 2005. С. 13–14.

¹³ Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. С. 213.

¹⁴ Конфликт в Косово и международная безопасность / Отв. ред. С. А. Романенко, Б. А. Шмелев. М., 2009.

¹⁵ *Lehne St.* Has the “Hour of Europe” come at last? The EU’s strategy for the Balkans // The Western Balkans: moving on. Chaillot Paper. 2004. Oktober. No 70. P. 115.

¹⁶ *Ванштейн Г. И.* Российский транзит на фоне глобальной демократизации // Демократия и демократизация на рубеже веков. М., 2001. С. 142–143.

¹⁷ *Шайо А.* Универсальные права, миссионеры, обращенные и «местные дикари» // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1998. № 2 (23). С. 89.

¹⁸ *Саква Р.* Сравнительный анализ изменений политических режимов стран постсоветской Евразии // Сравнительное конституционное обозрение. М., 2006. № 4. С. 117.

¹⁹ *Janos Andrew C.* From Eastern Empire to Western Hegemony: East Central Europe under Two International Regimes // East European Politics and Society. 1999. Vol. 15. No 2. P. 238–249.

²⁰ Системные изменения и общественное сознание в странах Восточной Европы. М., 2008. С. 46.

²¹ *Rustow D.* Transition to Democracy: Toward a Dynamic Model // Transition to Democracy / Ed. by L. Anderson. N.Y., 1999. P. 21.

²² *Новикова О. Н.* Новая Европа: Трудности реализации интеграционной модели развития демократии... С. 55.

²³ Согласно данным опросов *Eurobarometer*, в 2008 г. лишь 21% литовцев, 24% болгар и румын, 30% венгров и 38% поляков полагают, что их жизнь стала лучше после падения Берлинской стены. В результате нарастает разочарование и в демократии.

²⁴ *Ларраби Ф.* Угрозы и возможности в Восточной Европе. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation>.

²⁵ *Селеньи И.* Строительство капитализма без капиталистов — три пути перехода от социализма к капитализму // Русские чтения. Вып. 3 (январь—июнь 2006 г.). М., 2006. С. 100.

Контрольные вопросы и задания

1. Каковы основные проблемы присоединения посткоммунистических стран Европы к ЕС?
2. Каковы, по-вашему, плюсы и минусы присоединения к Европейскому Союзу для стран Центральной и Восточной Европы?
3. Каковы перспективы развития Европейского Союза в связи с его расширением на Восток?
4. Как влияет на отношения России со странами ЦВЕ историческое наследие?
5. Назовите проблемы присоединения к Европейскому Союзу новых государств Западных Балкан.
6. Каковы перспективы восстановления отношений России с посткоммунистическими странами Европы?

§ 1. Проблемы и перспективы развития СНГ

В конце 1991 г. прекратил свое существование Советский Союз и появилось новое образование — Содружество Независимых Государств. Учредителями СНГ стали одиннадцать государств — бывших республик СССР: Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина. В 1993 г. членом Содружества стала также и Грузия, но в 2008 г. после конфликта в Южной Осетии заявила о выходе из СНГ. Окончательно этот выход был оформлен в 2009 г.

Учредительными актами СНГ являются три документа: Соглашение о его создании от 8 декабря 1991 г., Протокол и Декларация от 21 декабря 1991 г.

22 января 1993 г. был принят Устав СНГ. Устав подписали представители семи государств: Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана. Российская Федерация ратифицировала его 15 апреля 1993 г. Устав является правовой основой СНГ, он направлен на консолидацию Содружества и должен способствовать укреплению сотрудничества в экономической, гуманитарной и других областях между его членами.

Долгое время по вопросу о статусе СНГ существовали разные мнения. Одни политологи и юристы полагали, что Содружество можно рассматривать как конфедерацию. Другие считали, что СНГ — это региональная международная организация. Третьи видели в Содружестве одновременно и конфедерацию и международную организацию. А четвертые вообще рассматривали СНГ как аморфное образование. Представляется, что первоначально СНГ задумывалось как конфедерация, однако в процессе становления такие черты конфедерации, как общие вооруженные силы, единая валюта, общее гражданство, были утрачены. На сегодняшний день Содружество является региональной международной организацией, поскольку оно создано суверенными

государствами путем подписания международного договора, а его юридической базой стало международное право. СНГ ставит определенные цели, которые зафиксированы в его учредительных документах. Образованы и действуют координирующие органы Содружества. СНГ предоставлен статус наблюдателя в ООН и в других международных организациях.

► Содружество Независимых Государств создано для осуществления сотрудничества в политической, экономической, гуманитарной и культурной сферах. В его задачи входит обеспечение мира и безопасности, сокращение вооружений и военных расходов, достижение всеобщего и полного разоружения. Важной задачей СНГ также является обеспечение прав и основных свобод человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и документами ОБСЕ, взаимная правовая помощь. В целях более эффективного решения вопросов экономического развития и сотрудничества государства Содружества в сентябре 1993 г. заключили договор о создании Экономического союза.

Высшим органом Содружества Независимых Государств является Совет глав государств. Он обсуждает и решает принципиальные вопросы, связанные с деятельностью государств в сфере их общих интересов. Совет собирается на заседания два раза в год. Внеочередные заседания могут созываться по инициативе одного из государств-членов. Совет глав правительств координирует сотрудничество органов исполнительной власти стран СНГ в экономической, социальной и иных сферах общих интересов. Совет глав правительств собирается на заседания четыре раза в год. Решения обоих Советов принимаются консенсусом. Любое государство может заявить о своей незаинтересованности в том или ином вопросе, что не должно рассматриваться как препятствие для принятия решения. Главы государств и главы правительств на заседаниях соответствующих Советов председательствуют поочередно в порядке русского алфавита названий государств Содружества. В декабре 1993 г. был учрежден пост Председателя уставных органов СНГ.

Совет министров иностранных дел осуществляет на основе решений Совета глав государств и Совета глав правительств координацию внешнеполитической деятельности стран СНГ, включая их деятельность в международных организациях, а также организацию консультаций по вопросам мировой политики, представляющим взаимный интерес. При Совете министров иностранных дел создана Постоянная комиссия по миротворческой деятельности.

В качестве постоянно действующего исполнительного и координирующего органа Содружества создан Координационно-консультативный комитет. С 1994 г. при нем работает Комиссия Экономического союза.

В рамках СНГ действует Совет министров обороны, который является органом Совета глав государств по вопросам военной политики и военного строительства. Имеется Штаб по координации военного сотрудничества государств. Совет командующих пограничными войсками является органом Совета глав государств по вопросам охраны внешних границ стран Содружества и обеспечения стабильного положения на них.

Совет министров внутренних дел координирует деятельность по борьбе с преступностью, сотрудничают и другие правоохранительные органы.

В целях обеспечения выполнения экономических обязательств в рамках СНГ в 1995 г. был создан Экономический суд. Он должен был разрешать споры, возникающие при исполнении экономических обязательств, а также толковать положения соглашений и иных актов Содружества по экономическим вопросам.

За выполнением обязательств по правам человека на территории СНГ должна наблюдать Комиссия по правам человека.

На основе соглашений государств-членов СНГ о сотрудничестве в различных областях могут утверждаться органы отраслевого сотрудничества, которые вырабатывают принципы и правила такого сотрудничества и способствуют их практической реализации. Координирующие органы СНГ находятся в городе Минске.

С 1995 г. в структуру органов СНГ входит Межпарламентская ассамблея. Она проводит межпарламентские консультации и разрабатывает рекомендательные законодательные акты. За прошедшее время разработаны, например, Гражданский, Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы. Всего подготовлено около трехсот подобных документов. Межпарламентская ассамблея работает в городе Санкт-Петербурге.

Государства СНГ обязались проводить согласованную политику в области международной безопасности, разоружения и контроля над вооружениями, строительства вооруженных сил и поддерживать безопасность на территории стран Содружества, в том числе с помощью групп военных наблюдателей и коллективных сил по поддержанию мира. В 1992 г. в Ташкенте большинство государств СНГ подписали Договор о коллективной безопасности. Однако в дальнейшем Азербайджан, Грузия и Узбекистан отказались продлевать срок его действия. Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Россия не только продлили действие договора, но и создали на его основе новую международную организацию — Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

В январе 1996 г. была принята Концепция предотвращения и урегулирования конфликтов на пространстве СНГ. Она определяет об-

щие принципы в решении вопросов предотвращения и урегулирования конфликтов, разрешении возникающих споров и разногласий. Деятельность государств Содружества в этом направлении содействует предотвращению, урегулированию спорных вопросов, конфликтных ситуаций и сближению точек зрения конфликтующих сторон в целях поиска взаимоприемлемых договоренностей. Характер этой деятельности и выбор средств зависят от масштабов и стадии развития конфликтов. В январе 1996 г. Совет глав государств утвердил Положение о коллективных силах по поддержанию мира в СНГ. Эти силы представляют собой коалиционное формирование, которое создается на период проведения операции по поддержанию мира в целях содействия урегулированию конфликтов на территории любого государства—участника СНГ.

Самая главная задача Содружества Независимых Государств — развитие экономических связей. Но между странами СНГ наблюдаются далеко не одинаковые темпы экономической интеграции. Важным событием на пути к экономической интеграции Содружества должно было стать заключение Договора о создании Экономического союза в сентябре 1993 г. Договор предусматривал поэтапное формирование указанного союза с целью интеграции экономики, создания единого таможенного и валютного пространства на базе рыночных отношений. Для граждан стран, входящих в Экономический союз, должен был сохраняться безвизовый режим передвижения, взаимное признание документов об образовании и квалификации, обязательства в области страхования, пенсионного обеспечения и регулирования миграции.

Кроме этого Договора за время существования СНГ были приняты еще сотни других важных по своему названию и содержанию документов, но большинство из них так и не заработало. Руководители стран СНГ много раз говорили о необходимости активизации деятельности Содружества и его отдельных институтов, но принимаемые решения не реализовывались.

За прошедшие с момента распада СССР годы различия между его бывшими республиками стали еще более существенными и заметными. Государства СНГ различаются между собой не только по размерам территории и численности населения, но и по экономическому потенциалу, уровню жизни населения, научно-техническому и технологическому развитию. В последние годы рельефно обозначились социокультурные, цивилизационные различия между постсоветскими государствами. Различаются внешнеполитические и внутриэкономические ориентации правящих элит и лидеров стран СНГ. Следовательно, можно сделать вывод о том, что полномасштабная экономическая интеграция в рамках всего СНГ сегодня невозможна, но возможна реализация более узких по составу участников интеграционных планов. Пока именно такие организации могут обеспечить более высо-

кий уровень взаимодействия, прежде всего в экономической области. Это, например, Таможенный союз или Евроазиатское экономическое сообщество.

26 февраля 1999 г. Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан подписали Договор о Таможенном союзе (ТС) и Едином экономическом пространстве (ЕЭП), в котором без конкретизации сроков определили следующие этапы интеграции. На первом этапе — обеспечение в полном объеме режима свободной торговли, отказ от тарифных и количественных ограничений во взаимной торговле, введение единой системы взимания косвенных налогов. На втором этапе — создание Таможенного союза, предполагающего единую таможенную территорию, общий таможенный тариф, отмену таможенного контроля на внутренних границах. На третьем этапе — создание Единого экономического пространства, проведение общей экономической политики, формирование общего рынка услуг, труда и капитала, проведение согласованной социальной и научно-технологической политики.

Однако без четкой институциональной основы реализовать поставленные цели было невозможно, поэтому 10 октября 2000 г. президенты Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана подписали Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества. Договор ратифицирован всеми государствами-участниками. В этой организации ведущая роль России закреплена юридически, через прописанные в учредительном договоре механизмы «взвешенного голосования» и пропорционального финансирования. Сообщество открыто для всех государств, разделяющих его цели и принципы и готовых взять на себя соответствующие обязательства.

Впоследствии Россия совместно с Казахстаном, Белоруссией, а также Украиной выдвинули еще один интеграционный проект создания Единого экономического пространства. Однако после «оранжевой революции» Украина вышла из переговорного процесса. Но Россия, Белоруссия и Казахстан продолжили переговоры об углублении экономической интеграции и пришли к выводу о необходимости наполнить конкретным содержанием давно намеченные решения о создании Таможенного союза и Единого экономического пространства. На заключительном этапе переговорного процесса между Россией и Казахстаном, с одной стороны, и Белоруссией — с другой, возникли определенные разногласия, но к концу 2010 г. их удалось преодолеть. Таможенный союз, наконец, стал реальностью, следовательно, появилась перспектива формирования Единого экономического пространства пока только в трехстороннем формате.

Присоединение других стран СНГ и особенно членов ЕврАзЭС к этим новым интеграционным образованиям вполне возможно по мере созревания объективных и субъективных предпосылок.

Существование и деятельность ЕврАзЭС, ОДКБ, а теперь ТС и ЕЭП не означает, что СНГ как региональная международная организация себя изжила. Значение СНГ как структуры, в которой объединены большинство государств постсоветского пространства, сохраняется. Особенно велика роль СНГ в гуманитарной сфере. В рамках СНГ действует множество международных нормативных актов, обеспечивающих права граждан государств-членов Содружества. Характерно, что Грузия, выйдя из состава СНГ, заявила о продлении своего участия во многих действующих на постсоветском пространстве соглашениях. Перспективы развития СНГ в целом будут зависеть от успехов в осуществлении намеченных в последние годы планов интеграции внутри его ядра, а также от отношений между Российской Федерацией и другими постсоветскими государствами.

§ 2. Отношения России с Украиной, Белоруссией и Молдовой

На первом месте среди приоритетов внешней политики России на постсоветском пространстве должна находиться и в значительной степени находится **Украина**. Это определяется целым рядом факторов, в том числе и тем, что Россия и Украина представляют собой крупнейшие из бывших советских республик. Российско-украинские отношения являются наиболее сложными по своему содержанию и структуре.

На первый взгляд, если исходить из концепции С. Хантингтона (см. гл. 6), речь идет о двух православных и славянских государствах, между которыми существует цивилизационная близость, исключая серьезные конфликты и предполагающая самые тесные связи и постоянное взаимодействие. Однако тот же С. Хантингтон провел свою линию цивилизационного разлома через западные районы Украины. С его точки зрения, в основе цивилизационной дифференциации лежит религиозный фактор, а на Западе Украины традиционно сильны позиции униатской церкви, подчиняющейся, так же как и римско-католическая, Папе Римскому. Давний социокультурный, даже можно сказать, цивилизационный раскол Украины, ее сложная политическая история дают о себе знать на протяжении последних двух десятилетий.

Долгое время идея украинского национального независимого и суверенного государства создавалась и разрабатывалась только в рамках идеологии украинского национализма. Эта идеология сформировалась в XIX — начале XX в. в Галиции — на западноукраинской территории, находившейся под властью Австро-Венгерской империи. С самого начала украинские националисты рассматривали Россию и русский народ в качестве своих естественных врагов, поэтому внешнеполитический курс будущей независимой Украины, с их точки зрения, должен

был быть непременно антирусским. Таких же позиций наиболее радикальные представители украинского национализма придерживаются и в наши дни. Национализм на Украине имеет массовую базу на Западе страны и оказывает существенное влияние на политическую элиту.

Когда в результате распада Советского Союза возникло независимое украинское государство, ключевые позиции в его руководстве сохраняла прежняя партийная номенклатура во главе с секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Украины по идеологии Л. Кравчуком. Остаться у власти партийным бюрократам удалось, приспособившись к ситуации, в том числе перехватив идеи и лозунги националистической оппозиции. Существовал и союз между верхушкой украинской партийной номенклатуры и руководством главной оппозиционной организации того периода — Народным Рухом Украины.

Однако влияние националистической идеологии на внешнюю политику Украины в первые годы ее независимости не было всеобъемлющим. Оно проявлялось в стремлении дистанцироваться от России, занять особую позицию по ряду вопросов, в частности, по вопросу о Содружестве Независимых Государств. В первые годы после распада СССР между Россией и Украиной возникли разногласия по вопросам цены на российский природный газ и статуса Черноморского флота. Но высокая степень взаимозависимости между двумя восточнославянскими государствами не дала разгореться открытым конфликтам в первой половине 90-х годов XX в.

Экономическая ситуация на Украине в тот период была непростой. Последствия распада СССР отразились на украинской экономике в большей степени, чем на российской. Ухудшение социально-экономической ситуации породило в обществе протестные настроения, особенно в промышленно развитых восточных и южных регионах, где преобладает русскоязычное население. На волне этих настроений победу на досрочных президентских выборах 1994 г. одержал Л. Кучма. В его предвыборной программе содержались пункты об укреплении всесторонних, прежде всего экономических, связей с Россией, о придании русскому языку статуса государственного, что привлекло избирателей Юго-Востока Украины. После избрания президентом Л. Кучмы на Украине стали происходить серьезные изменения. Резко ускорилось продвижение экономических реформ, продолжительный спад сменился экономическим ростом. Одновременно стало расти социальное расслоение. В результате проведенной приватизации сложился крупный украинский капитал, тесно связанный с исполнительной властью. Возросли масштабы коррупции.

Во внешней политике Л. Кучма придерживался «многовекторного курса». Такой внешнеполитический курс означал параллельное развитие отношений как с Россией и странами СНГ, так и с ведущими государствами Запада.

С одной стороны, во времена президентства Кучмы нашли решение проблемы, накопившиеся в российско-украинских отношениях в предшествовавший период. В 1997 г. был подписан договор между Россией и Украиной. Одновременно был решен вопрос о базировании российского Черноморского флота в Севастополе на правах аренды до 2017 г. Был также решен вопрос об окончательном выводе с территории Украины ядерного оружия, оставшегося там после распада СССР. В торгово-экономическом сотрудничестве возобладал прагматический подход. В последний период пребывания Кучмы на посту президента Украина участвовала в переговорах с Россией, Белоруссией и Казахстаном о создании Единого экономического пространства. С другой стороны, в качестве одной из внешнеполитических целей Украины в это время стало вступление, вслед за странами Центральной и Восточной Европы, в Европейский Союз. На самом высоком уровне обсуждалась перспектива членства Украины в НАТО.

У ведущих стран Запада и, прежде всего, США появилось стремление использовать Украину как некий противовес России на постсоветском пространстве. Об этом открыто говорили некоторые ведущие американские политологи, например З. Бжезинский (см. гл. 6). Рекомендации Бжезинского были, по сути, учтены во второй половине 90-х годов XX в., когда Украина вышла на третье место в мире по объемам американской помощи, предоставляемым зарубежным странам. Но это была своеобразная помощь. Ее цель заключалась не в содействии решению реальных социальных и экономических проблем тогдашней Украины, а в оказании влияния на ее внутреннюю и особенно внешнюю политику в соответствии с интересами США. Средства, выделяемые в рамках американской помощи Украине, шли на оплату работы американских экспертов в этой стране, а также на оплату стажировок украинских политиков и ученых в США. Из этих же средств осуществлялось финансирование неправительственных организаций и СМИ, действовавших на Украине.

Многовекторный внешнеполитический курс администрации Л. Кучмы в начале XXI в. пришел в противоречие с внешнеполитическими целями Запада по отношению к Украине. У стран Запада и Украины, несмотря на провозглашенную евроатлантическую ориентацию, обнаружились различия в подходах к ряду международных проблем, например, по поводу событий в Македонии, которой Киев оказал военно-техническое содействие в борьбе с албанскими сепаратистами.

В первые годы нового века, которые были одновременно последними годами пребывания Л. Кучмы на посту президента Украины, отношения между этой страной и странами Запада ухудшились. Режим Кучмы стали обвинять в авторитаризме и коррупции. Для подобных обвинений имелись основания, но оглашены они были лишь тогда,

когда внешняя политика Кучмы перестала устраивать Запад. К этому времени на Украине развивался внутривластный кризис. Недовольством широких народных масс низким уровнем жизни, разрастающейся коррупцией воспользовались откровенно националистические силы, лидером которых стал бывший премьер-министр В. Ющенко. Он выступил в качестве оппонента действовавшей тогда украинской власти на президентских выборах 2004 г. Эти выборы в итоге привели к событиям, получившим название «оранжевой революции». Не предусмотренный законом «третий тур» выборов принес победу В. Ющенко. «Оранжевая революция» стала результатом как внутривластных процессов на Украине, так и вмешательства со стороны Запада. Это вмешательство выражалось в давлении на власти Украины, в поддержке оппозиционных ей политических сил, неправительственных организаций и СМИ. Одной из главных целей воздействия на Украину была переориентация ее внешней политики.

С приходом к власти «оранжевой» команды такая переориентация стала реализовываться на практике. Первоочередной задачей оказалась задача присоединения Украины к НАТО, а затем к Европейскому Союзу. У администрации В. Ющенко и ее сторонников на Западе сложилось впечатление, что этой цели можно добиться в короткие сроки. При этом игнорировалось мнение большинства населения Украины, которое негативно относилось к возможному членству своей страны в Североатлантическом альянсе.

Отказ от многовекторной внешней политики времен Л. Кучмы негативным образом отразился на российско-украинских отношениях. Они обострились по многим направлениям. Не прекращались конфликты из-за цен на российский газ и условий его транзита в страны Европы. Недовольство российской общественности и власти вызвали попытки администрации Ющенко устраивать политические спекуляции вокруг жертв голода 30-х годов XX в. на Украине, а также попытки героизации бандеровцев, совершавших многочисленные преступления в военные годы и в послевоенный период. Идеология украинского национализма оказывала наибольшее влияние на внешнюю и внутреннюю украинскую политику во времена администрации В. Ющенко. Кроме прочего, Украина стала проводить откровенно антироссийскую политику на постсоветском пространстве. В период, предшествующий вооруженному конфликту в Южной Осетии, из Украины в Грузию были поставлены танки, средства ПВО и другое вооружение, впоследствии направленное против российской армии. Вновь обострилась ситуация вокруг российского Черноморского флота. Украинские власти настаивали, чтобы к 2017 г. уже завершился его полный вывод с территории Крыма и из Севастополя. Российская сторона считала, что переговоры о выводе можно вести после истечения срока действия соглашения 1997 г.

К концу пребывания В. Ющенко на посту президента Украины стало ясно, что надежды на вступление в НАТО и ЕС в обозримом будущем иллюзорны. Прозападный и антироссийский внешнеполитический курс не находил поддержки не только на Украине, но и перестал пользоваться спросом на Западе. Итоги правления Ющенко были столь неутешительны, что на очередных выборах в начале 2010 г. он поставил своеобразный антирекорд, когда за действующего президента проголосовало менее 5% избирателей. Победу одержал В. Янукович.

В. Янукович и возглавляемая им Партия регионов представляет интересы бизнес-элиты юго-восточных регионов Украины и опирается на поддержку населения этих регионов. Внешнеполитическая программа новой президентской администрации предусматривала возвращение к многовекторной дипломатии. Основными приоритетами внешней политики были названы: законодательное закрепление внеблокового статуса Украины, возобновление дружественных отношений с Россией и другими странами СНГ, обеспечение стратегического партнерства с США и Европейским Союзом. Поскольку в предшествующий период в украинской внешней политике наблюдался антироссийский крен, новая администрация предприняла шаги, направленные на укрепление отношений Украины с Россией. После принятия закона «Об основах внутренней и внешней политики» был снят с повестки дня вопрос о членстве Украины в НАТО, поскольку ст. 11 данного закона закрепила внеблоковый статус украинского государства. В соответствии с подписанными в 2010 г. в Харькове соглашениями между Президентом РФ Д. А. Медведевым и Президентом Украины В. Януковичем срок пребывания Черноморского флота в Севастополе был продлен до 2042 г. в обмен на снижение цены российского газа для украинских потребителей. Решен вопрос о демаркации границ между Россией и Украиной.

Активизировались не только политические отношения, но и торгово-экономические связи между Россией и Украиной. Предполагается возратить уровень товарооборота к докризисному показателю в 40 млрд долл., а затем довести его до 100 млрд долл. Россия и Украина в большой степени взаимозависимы в высокотехнологичных отраслях промышленности. В предшествующие годы по политическим причинам сотрудничество в этих отраслях сокращалось. Сегодня открываются новые перспективы для взаимодействия в авиастроении, судостроении, космических исследованиях и ядерной энергетике.

В российско-украинских отношениях сохраняются и проблемы. Экономические интересы влиятельных бизнес-групп двух стран не совпадают, а иногда и противоречат друг другу в таких важных отраслях экономики, как металлургия и химическая промышленность. Россия и Украина являются конкурентами на мировом рынке вооружений. На Украине по-прежнему велико влияние политических сил, которые

иначе, чем нынешняя власть, смотрят на развитие отношений с Россией. Открытым остается вопрос о степени участия Украины в процессах, идущих на постсоветском геополитическом пространстве. Хотя в современных условиях реальных перспектив на членство Украины в Европейском Союзе нет, многие представители ее правящей элиты ориентируются на европейскую интеграцию и скептически относятся к интеграционным проектам внутри СНГ, в том числе и к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству.

Но объективно у российско-украинских отношений есть хорошие перспективы, если эти отношения будут основываться не на националистических мифах, а на прагматических интересах.

Так же как Украину и Россию, Россию и Белоруссию связывают тесные исторические и культурные корни. **Белоруссия**, как Россия и Украина, является прямой наследницей Киевской Руси. Вместе с тем в российско-белорусских отношениях нет тех негативных факторов, которые присутствуют в отношениях России и Украины. Территория современной Белоруссии полностью вошла в состав Российской империи уже к концу XVIII в., и в последующие два столетия развитие и взаимоотношения русского и белорусского народов шло в рамках единой государственности. В отличие от Украины в Белоруссии идеология национализма к моменту победы Октябрьской революции 1917 г. еще окончательно не сложилась, и влияние такой идеологии было гораздо слабее. Белорусская нация во многом стала продуктом уже советской эпохи. Ведь только при советской власти сформировался белорусский литературный язык, получила развитие белорусская национальная культура.

На советский период пришлось одно из самых значимых событий в истории белорусского народа — массовое партизанское движение в тылу немецко-фашистских войск в годы Великой Отечественной войны. Война нанесла Белоруссии больший урон, чем какой-либо другой республике СССР. Но в послевоенные годы прилагались большие усилия по восстановлению и развитию ее экономики, социальной и культурной инфраструктуры.

К началу «перестройки» ситуация в Белоруссии была более благополучной и стабильной, чем в большинстве других республик Советского Союза, поэтому оппозиционное КПСС движение не получило здесь широкого развития. Тем более что такое движение было представлено Белорусским Народным фронтом, националистическая идеология которого не находила поддержки у большинства населения республики. Обретение Белоруссией государственного суверенитета произошло не столько вследствие развития внутренних политических процессов, сколько вследствие процессов, происходивших в СССР в целом. Сохранившая властные позиции после распада СССР бело-

русская партийно-государственная номенклатура пыталась приспособиться к новым реалиям. В Белоруссии были продублированы некоторые меры, предпринятые в других бывших советских республиках. Так, только белорусскому языку был придан статус государственного, тогда как подавляющее большинство городского и часть сельского населения свободно владели русским языком и привыкли им пользоваться. Государственной стала символика, заимствованная у белорусских националистов. Последнее вызвало недовольство многих граждан Белоруссии, поскольку точно такая же символика использовалась коллаборационистами в годы немецко-фашистской оккупации.

Но еще большее недовольство жителей Белоруссии вызвало ухудшение экономической ситуации, обусловленное разрывом традиционных хозяйственных связей глубоко интегрированной в союзную экономику республики. На волне этого недовольства победу на президентских выборах 1994 г. одержал Александр Лукашенко. Став первым президентом Белоруссии, А. Лукашенко выполнил ряд своих предвыборных обещаний. В соответствии с итогами проведенного референдума русский язык получил статус второго государственного языка. С небольшими изменениями была возвращена прежняя государственная символика. Белоруссия пошла по особому, отличному от других бывших советских республик, пути социально-экономического развития. Здесь не проводилась крупномасштабная приватизация, и государство осталось основным собственником. Власти предпринимали и предпринимали усилия по сохранению сложившейся в советский период структуры народного хозяйства.

В свою избирательную платформу А. Лукашенко внес пункт о восстановлении тесных связей с другими бывшими советскими республиками, и особенно с Россией. Белоруссия, наряду с Россией и Казахстаном, стала самым активным участником интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Россия и Белоруссия не только сотрудничали в рамках СНГ и других многосторонних институтов постсоветского пространства, между ними возникли и особые двусторонние отношения.

2 апреля 1996 г. президенты двух стран подписали договор об образовании Сообщества России и Белоруссии. Перед Сообществом была поставлена задача формирования единого экономического пространства, восстановления объединенной транспортной и энергетической систем, общего научно-технологического и информационного пространства, единой законодательной и нормативно-правовой базы. 2 апреля 1997 г. президентами двух стран был подписан Договор о Союзе Белоруссии и России, а 23 мая 1997 г. — Устав Союза. Главными целями Союза провозглашались дальнейшее правовое закрепление отношений сотрудничества, улучшение жизни народов, ускорение социально-экономического развития государств, согласование вопросов внешней политики и обе-

спечение их безопасности. В конце 1998 г. Российская Федерация и Республика Беларусь сделали еще один шаг по пути своего сближения: 25 декабря в Москве президенты подписали Декларацию о создании в 1999 г. Союзного государства, Договор о равных правах граждан и Соглашение о создании равных условий субъектам хозяйствования.

Союзное государство Белоруссии и России должно было быть создано после соблюдения ряда сложных юридических процедур и после принятия на параллельно проведенных в обоих государствах референдумах Конституционного Акта. Однако процесс создания Союзного государства затянулся. Выявились многочисленные юридические, технические и экономические сложности, стоящие на пути достижения декларируемой цели. Обнаружились и политические противоречия между государствами—участниками данного интеграционного проекта. Дело дошло до взаимных публичных обвинений со стороны высшего государственного руководства России и Белоруссии. К концу 2010 г. российско-белорусские отношения заметно охладели.

Претензии российской стороны сводились к тому, что белорусское руководство использует интеграционную риторику для получения односторонних выгод. В свою очередь А. Лукашенко высказывал недовольство по поводу изменившихся условий поставки российских энергоносителей. Разногласия между руководством России и Белоруссии проявились в процессе создания Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП). Если Россия и Казахстан действовали синхронно и согласованно, то Белоруссия выступила с особыми позициями, обусловив свое участие в данных интеграционных проектах рядом претензий. В конечном итоге возникшие разногласия удалось урегулировать, и путь к реализации вышеназванных интеграционных проектов был открыт.

В силу объективных причин Белоруссия была и остается важнейшим партнером России в интеграционных процессах, происходящих на постсоветском пространстве. Белоруссию и Россию связывает не только историческое прошлое, но и высокий уровень взаимозависимости и взаимодополняемости. Однако перспективы интеграции России и Белоруссии во втором десятилетии XXI в. выглядят иначе, чем в середине 90-х годов прошлого столетия. Воссоздание единой государственности вряд ли возможно. В Белоруссии сформировалась собственная правящая элита, для которой государственный суверенитет представляет несомненную ценность. За последние два десятилетия самостоятельного развития России и Белоруссии накопилось немало различий экономического и политического характера. Более вероятной формой их отношений, наряду с двусторонними, останется многостороннее сотрудничество в рамках СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, ТС и ЕЭП.

На отношения России с **Республикой Молдовой** после распада СССР значительное влияние оказывала проблема урегулирования конфликта

вокруг Приднестровья. Этот конфликт возник в 1990 г., когда на левом берегу Днестра была провозглашена Приднестровская Молдавская Республика (ПМР). Причиной ее создания стало опасение местного населения, большинство которого составляли русские и украинцы, перед возможным объединением Молдовы с Румынией и насильственной «румынизацией». Об этом открыто говорили молдавские националисты из Народного фронта. После распада Советского Союза противостояние между Молдовой и Приднестровьем вылилось в вооруженный конфликт. Его удалось приостановить только благодаря вмешательству 14-й российской армии, дислоцировавшейся в регионе. В дальнейшем гарантией сохранения мира оставалось присутствие в зоне конфликта российских миротворцев.

Россия с самого начала выступила за мирное решение спорных вопросов, но препятствием была непримиримая позиция конфликтующих сторон. Постепенно ситуация менялась, поскольку роль крайних националистов в Молдове стала ослабевать. С середины 1990-х годов у власти в этом постсоветском государстве находятся ответственные политические силы, выступающие за прагматическое сотрудничество с Россией и другими странами СНГ. Однако предложенный в 2003 г. представителями России план мирного урегулирования приднестровской проблемы был отвергнут правительством Республики Молдовы под давлением Евросоюза, хотя первоначально оно этот план одобрило. С тех пор ситуация вокруг Приднестровья остается неопределенной.

В Молдавии по-прежнему действуют политические партии, ориентированные на объединение с Румынией. Эти партии входят в блок «За европейскую интеграцию», который имел успех на парламентских выборах в последние годы. В период, когда этот блок находился у власти, ситуация в российско-молдавских отношениях усложнялась. Исполнявший обязанности президента Молдавии М. Гимпу пытался объявить события 1940 г. — вхождение Бессарабии в состав СССР — оккупацией. Однако его инициатива не встретила поддержки у партнеров по коалиции.

Республика Молдова сохраняет членство в СНГ, но ее будущее, ситуация вокруг Приднестровского конфликта, ее отношения с Россией будут зависеть от дальнейшей направленности внутривнутриполитических процессов в этом постсоветском государстве.

§ 3. Россия и постсоветские государства Кавказа и Центральной Азии

Постсоветская Центральная Азия — субрегион, включающий пять бывших советских республик: Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Таджикистан и Туркмению.

Наибольшее значение в этой группе стран, с точки зрения российских национальных интересов, имеет **Казахстан**. По размерам территории на постсоветском пространстве Казахстан уступает только России. С самого начала эта страна принимала активное участие в интеграционных процессах в рамках СНГ. Именно президент Казахстана Нурсултан Назарбаев был в свое время инициатором создания Евразийского экономического сообщества. Столь высокая интеграционная активность казахского руководства объяснялась тем обстоятельством, что в начале 90-х годов XX в. казахи составляли меньшинство населения Казахстана. Поскольку в северных районах казахов было совсем мало, а русских и русскоязычных большинство, то казахские лидеры, для того чтобы не допустить развала своего государства, вынуждены были акцентировать возможность тесных отношений и дружбы с Россией в рамках реинтеграции постсоветского пространства на новой основе.

Отношения с Россией у Казахстана развивались довольно успешно. 25 мая 1992 г. был подписан российско-казахстанский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который зафиксировал союзнический характер отношений между этими двумя государствами. В марте 1994 г. было подписано соглашение об основных принципах и условиях использования космодрома «Байконур». Президенты России и Казахстана 6 июля 1998 г. подписали также Декларацию о вечной дружбе, партнерстве и союзничестве, ориентированную в XXI столетие. Поскольку топливно-энергетический комплекс (ТЭК) играет важную роль как в экономике России, так и в экономике Казахстана, а интересы ТЭК двух стран во многом совпадают, развивается российско-казахстанское сотрудничество в данной сфере.

Россия и Казахстан первыми из прикаспийских государств урегулировали все свои проблемы, связанные с разграничением шельфа Каспийского моря. 6 июля 1998 г. президенты этих стран подписали соглашение о разграничении северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на природопользование. В конце 2001 г. начал действовать трубопровод из Северного Казахстана в Новороссийск, построенный в рамках каспийского трубопроводного консорциума (КТК). В этом консорциуме, наряду с западными компаниями, принимают участие правительства России и Казахстана. Благодаря реализации проекта КТК у Казахстана появился еще один путь транспортировки своей нефти на Запад через территорию России, что отвечает интересам обоих государств.

Сотрудничают Россия и Казахстан также в сфере добычи и транспортировки природного газа. Казахстан, как и Россия, все больше внимания уделяет восточному направлению в экспорте нефти и газа, например, в Китай, страны Южной и Восточной Азии. В постсоветский период руководство Казахстана проводило взвешенную и прагма-

тичную экономическую политику. До недавнего времени упор делался на традиционные отрасли казахстанской экономики — горнодобывающую и металлургическую промышленность. Быстрыми темпами росла добыча нефти и газа. Благодаря этому был выстроен прочный фундамент, на котором базируется современная казахстанская экономика. По большинству макроэкономических показателей Казахстан, наряду с Россией, занимает лидирующие позиции в СНГ. Однако руководство Казахстана понимает, что у сырьевой экономики нет долгосрочных перспектив, поэтому ставит задачу постиндустриальной модернизации Казахстана и перехода к инновационному типу развития.

С одной стороны, предпринимаются меры по модернизации ТЭК и традиционных базовых отраслей промышленности. С другой — закладываются основы «экономики будущего», способной производить в перспективе наукоемкую продукцию. С этой целью предполагается серьезно увеличить расходы на образование и науку. Поскольку в одиночку решить задачи модернизации Казахстан не может, большое внимание уделяется международному сотрудничеству, прежде всего с ближайшими соседями и традиционными партнерами. Хотя Казахстан изначально проявлял заинтересованность в реинтеграции постсоветского пространства, сегодня мотивы его участия в интеграционных процессах меняются. Если в первые годы после распада СССР важно было сохранить внутреннюю политическую стабильность, то с начала XXI в. необходимость участия в интеграционных процессах вытекает из объективных экономических интересов Казахстана. Кроме прочего, провозглашенные цели социально-экономического и технологического развития Казахстана и России совпадают. Не случайно при формировании Таможенного союза и Единого экономического пространства Казахстан, как и Россия, проявил наибольшую заинтересованность и активность.

Безусловно, интересы России и Казахстана совпадают не во всем, определенные различия в подходах к тем или иным проблемам возможны. Но высокая степень взаимозависимости остается прочным фундаментом российско-казахстанских отношений.

В большинстве интеграционных процессов внутри СНГ, прежде всего в ОДКБ и ЕврАзЭС, принимают участие еще два государства Центральной Азии — Киргизия и Таджикистан. Однако и внутренняя ситуация в этих постсоветских республиках, и характер их отношений с Россией отличаются от ситуации в Казахстане и российско-казахстанских отношений.

И Киргизия, и Таджикистан сегодня относятся к числу беднейших государств постсоветского пространства. Они не имеют серьезных запасов нефти и газа. Обе республики расположены в горной местности, что затрудняет их коммуникации с внешним миром.

В Таджикистане сразу же после распада СССР началась гражданская война, которую удалось прекратить при активном участии Российской Федерации. С тех пор здесь сохраняется российское военное присутствие. Долгое время границу между Таджикистаном и Афганистаном охраняли российские пограничники. Таджикская экономика после распада СССР и последовавшего за ним внутритаджикского конфликта пережила глубокий спад, от последствий которого не может оправиться по сегодняшний день. При этом в постсоветское время население Таджикистана росло быстрыми темпами. Страна располагает большим количеством трудовых ресурсов, и она стала их экспортером в другие государства СНГ, прежде всего в Россию. Таджикистан нуждается в иностранной помощи. Но если сначала основным источником помощи была Россия, то затем появились альтернативные источники в лице государств «дальнего зарубежья» и международных организаций. Этот фактор находит свое отражение во внешней политике Таджикистана. Хотя Таджикистан поддержал большинство интеграционных инициатив внутри СНГ, полноценному участию данной республики в интеграционных процессах мешает нынешний уровень ее социально-экономического развития.

О Киргизии в 90-е годы XX в. было принято говорить как об «островке демократии» в Центральной Азии. В отличие от большинства других государств региона здесь демократические процессы после распада СССР не были прерваны, а получили дальнейшее развитие. В начале 90-х годов XX в. при президенте А. Акаеве был взят курс на либерализацию не только политической, но и экономической системы Киргизии. Республика первой на постсоветском пространстве вступила во Всемирную торговую организацию, открыв свои границы для иностранных товаров. Власти стремились привести в сграну иностранные инвестиции, проводили политику широкомасштабной приватизации. Однако принятые меры не принесли ожидаемых результатов. Более того, начался глубокий экономический спад, который привел к разрушению и фактической ликвидации многих отраслей промышленности, массовому обнищанию населения. Все это сопровождалось ростом кумовства и коррупции, обострением межклановых и межрегиональных противоречий.

Углубляющийся внутренний кризис привел к тому, что в Киргизии произошла одна из «цветных революций» — так называемая «тюльпановая». В 2005 г. президент А. Акаев был свергнут и власть перешла к лидеру тогдашней оппозиции К. Бакиеву. Однако режим Бакиева оказался еще более коррумпированным, чем режим его предшественника на президентском посту. Кризис в стране не был преодолен, а лишь усилился. Результатом стала новая «цветная революция» 2010 г. После нее Киргизия превратилась из президентской в парламентскую респу-

блику, в которой власть оспаривают несколько имеющих различные программы и внешнеполитические ориентации партий и партийных блоков.

Несмотря на расстановку внутривнутриполитических сил, внешнюю политику Республики Кыргызстан определяют и международные факторы. Республика зависит от внешней помощи и стремится привлечь ее из разных источников. Это приводит к такому положению, когда на территории Киргизии одновременно находятся российская и американская военно-воздушные базы.

До недавнего времени американские военно-воздушные базы, обеспечивающие проведение миротворческой операции НАТО в Афганистане, находились на территории **Узбекистана**. Постсоветский Узбекистан избрал свой особый, отличный и от России и от соседних республик путь социально-экономического развития. В качестве образца для подражания руководство Узбекистана выбрало модель авторитарной модернизации, имевшей успех во многих государствах Восточной Азии. После распада СССР политические и гражданские свободы в Узбекистане были значительно урезаны по сравнению с перестроечным периодом. Режим И. Каримова взял курс на подавление оппозиции и установление жесткого контроля над обществом. В связи с этим были ограничены связи с Россией и другими странами СНГ в информационной, образовательной и культурной сферах.

В экономике в первые годы после распада СССР Узбекистан добился самообеспечения продовольствием и энергоресурсами. Власти стремились привлекать иностранных инвесторов из США, Японии, Южной Кореи, Западной Европы. С их участием были созданы предприятия по производству автомобилей, сельскохозяйственной техники, бытовой электроники.

Во внешней политике Узбекистан предпочитал дистанцироваться от интеграционных процессов на постсоветском пространстве и играть роль самостоятельного эпицентра в Центральной Азии. Для этого была предпринята попытка создания организации Центрально-азиатского экономического сотрудничества. Одновременно Узбекистан отказался от участия в ЕврАзЭС. Хотя в 1992 г. Узбекистан подписал Договор о коллективной безопасности, впоследствии эта страна отказалась его продлевать. Внешняя политика И. Каримова долгое время находила поддержку на Западе. Там предпочитали не замечать авторитарного характера политического режима и нарушения прав человека в Узбекистане. Со стороны внутривнутриполитическое положение в Узбекистане представлялось и представляется стабильным. Однако ситуация там не очень простая.

Хотя узбекские власти, в отличие от киргизских, проводили политику жесткого государственного регулирования экономикой, результаты этой политики оказались схожими с итогами киргизской

либерализации. Созданные с привлечением иностранных инвестиций предприятия давали, большей частью, не экономический, а демонстрационный эффект. Спад узбекской экономики был меньше, чем в других бывших советских республиках, но не было сколько-нибудь серьезного экономического роста. А население Узбекистана также росло быстрыми темпами, что привело к увеличению бедности, повышению уровня безработицы, усилению социально-экономического неравенства. Получила широкое развитие коррупция. В условиях авторитарного режима социально-политические противоречия не могли проявляться открыто, но подспудно росло недовольство разных групп населения, усилилось влияние радикальных исламистов.

Все это так или иначе нашло выражение в событиях, происшедших в 2005 г. в городе Андижане. Жесткие меры, которые были предприняты узбекскими властями для подавления возникших беспорядков, вызвали неоднозначную оценку в мире. Евросоюз осудил власти Узбекистана за нарушение прав человека. Реакция тогдашней американской администрации поначалу не была столь же негативной. Но затем официальный Вашингтон присоединился к прозвучавшим на Западе обвинениям, что отразилось на отношениях Узбекистана и США. Узбекские власти потребовали закрыть американские базы. Одновременно Узбекистан сделал шаги навстречу России и другим странам СНГ. В частности, Узбекистан вернулся в состав участников Организации Договора о коллективной безопасности и стал членом ЕврАзЭС. Правда, в 2009 г. членство Узбекистана в ЕврАзЭС было приостановлено.

К перспективам экономической интеграции на постсоветском пространстве руководство Узбекистана традиционно относится настороженно, но проявляет заинтересованность в сотрудничестве с другими постсоветскими республиками по вопросам обеспечения безопасности, особенно в борьбе с терроризмом и экстремизмом. В связи с этим Узбекистан с самого начала принял участие в деятельности Шанхайской организации сотрудничества, куда, наряду с Россией и Китаем, входят и другие постсоветские государства Центральной Азии — Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Еще одна центральноазиатская республика — Туркмения — предпочитает дистанцироваться от каких-либо межгосударственных объединений.

Хотя **Туркмения** была среди государств—учредителей СНГ, в дальнейшем ее участие в деятельности данной структуры становилось все менее и менее активным. Туркмения, так же как и Украина, не ратифицировала Устав СНГ и поэтому формально не считает себя членом этой организации. После распада СССР руководство Туркмении во главе с ее первым президентом С. Ниязовым сделало ставку на увеличение добычи и экспорта главного природного богатства этой постсоветской республики — газа. Получаемые доходы шли на реализацию целого ряда

амбициозных инфраструктурных проектов и на обогащение местной элиты. Населению Туркмении гарантировались минимальные жизненные блага: бесплатная вода и газ, низкие цены на основные продукты питания. Наличие доходов от газа и нефти позволяло обходиться без кредитов, что сделало Туркмению единственной из постсоветских государств, не имевшей серьезного внешнего долга. Более того, ряд других бывших советских республик, например Украина, стали хроническими должниками Туркменистана за поставленный газ.

Осознавая высокую степень своей независимости от внешней помощи как с Востока, так и с Запада и Юга, режим С. Ниязова попытался закрепить свой особый статус в международных делах. Эту цель преследовала акция по приданию Туркмении при помощи ООН статуса постоянно нейтрального государства.

Режим С. Ниязова приобрел ярко выраженный авторитарный характер, но при этом имел специфические, не встречающиеся в других постсоветских государствах черты. Глава государства получил пожизненный титул Туркменбаши (главы всех туркмен). Положения, содержащиеся в написанной Ниязовым книге «Рухнама», приобрели статус государственной идеологии. Оппозиционные режиму силы подверглись преследованиям не только на родине, но были объектами насильственных действий спецслужб за рубежом.

В Туркмении был введен особый календарь, упразднены многие общественные институты, созданные в годы советской власти. Например, был закрыт театр оперы и балета как несоответствующий национальным традициям туркменского народа.

В сложном положении оказалось русскоязычное население республики. Сразу же после распада СССР Туркмения первой из бывших советских республик подписала соглашение о двойном гражданстве с Российской Федерацией. Сделано это было потому, что Туркмения нуждалась тогда во многих специалистах, приехавших из России. Постепенно нужда в них отпала, и соглашение о двойном гражданстве было расторгнуто. Русские, проживающие в Туркмении, были поставлены перед дилеммой: либо выбирать российское гражданство и терять часть прав по месту проживания, либо выбирать туркменское и терять защиту со стороны российских властей. Однако проблема русскоязычного населения не занимала заметного места в отношениях Российской Федерации с Туркменией. Главное внимание российские власти обращали на вопросы сотрудничества в энергетической сфере, а именно на туркменский газ.

До недавнего времени туркменский газ мог поступать зарубежным потребителям только через территорию России. Поэтому вопросы цены на газ и его транзит были важны как для Туркмении, так и для России. После смерти Ниязова президентом Туркмении стал Г. Берды-

мухамедов. Со сменой лидера во внутренней политике Туркмении наметились некоторые перемены. Стала меняться и туркменская внешняя политика, в частности, активизировались российско-туркменские отношения. Участились встречи на высшем уровне. Большое значение имел официальный визит Президента РФ Д. А. Медведева в Туркмению, состоявшийся в 2010 г.

Закавказье или, как его называют теперь, Южный Кавказ — еще один субрегион постсоветского пространства. С каждой из трех закавказских постсоветских республик — Азербайджаном, Арменией и Грузией — у Российской Федерации сложились особые, непохожие отношения.

Наиболее близким партнером России в Закавказье является **Армения**. Хотя эта страна и не участвует во всех интеграционных проектах, но сохраняет прочные связи с Российской Федерацией. Однако на пути к более тесным экономическим отношениям между двумя странами стоят серьезные геоэкономические препятствия в виде перерезанных транспортных коммуникаций. Армения весьма заинтересована в России как гаранте безопасности и поэтому является главным военно-политическим союзником России в Кавказском регионе. Армения — член Организации Договора о коллективной безопасности, на ее территории размещены российские военные базы. Такая ориентация России в сфере безопасности имеет исторические корни. Армянский народ на протяжении столетий подвергался смертельным угрозам со стороны ближайших соседей. Историческим фактом является геноцид армян в Османской империи в годы Первой мировой войны. Именно Россия для армян была гарантом их существования.

После распада СССР традиционная пророссийская ориентация возобладала во внешней политике независимой Республики Армения. Основную угрозу для безопасности страны армянская элита и население видели в Турции. Поэтому на основе ранее дислоцировавшихся в Армении частей Советской армии были созданы российские военные базы. Главной внешнеполитической проблемой Армении, в решении которой принимает участие Россия, стала проблема урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта. Этот конфликт, связанный с вопросами самоопределения армянского населения входившей в состав Азербайджанской ССР Нагорно-Карабахской автономной области, начался еще в годы «перестройки» в Советском Союзе. После распада СССР основными субъектами конфликта выступили самопровозглашенная Нагорно-Карабахская Республика, которую поддерживает Армения, с одной стороны, и Азербайджан — с другой. При посредничестве Российской Федерации, действовавшей как самостоятельно, так и в рамках Минской группы ОБСЕ, вооруженные столкновения удалось остановить. Но сам конфликт, в центре которого находится вопрос

о статусе Карабаха, остается неурегулированным. В последние годы Россия предпринимает активные шаги по поиску путей окончательного выхода из конфликта, что требует поддержания тесных контактов как с руководством Армении, так и с руководством Азербайджана.

В отношениях с **Азербайджаном** у России есть проблемы. Прежде всего это касается всего комплекса вопросов о маршрутах транспортировки каспийской нефти. Существуют также расхождения во мнениях по поводу обеспечения безопасности в регионе. Несмотря на эти проблемы, двусторонние отношения между Россией и Азербайджаном развиваются. Сначала это было возможно благодаря разумным и прагматическим действиям президента Азербайджана Гейдара Алиева, который являлся самым опытным из всех политических деятелей на постсоветском пространстве. После смерти Г. Алиева Азербайджан возглавил его сын Ильхам Алиев. Новый президент продолжает политический курс своего отца.

В отличие от Г. Алиева другой «патриарх» советской политики — Эдуард Шеварднадзе, возглавлявший соседнюю с Азербайджаном **Грузию**, не смог выстроить отношения с Россией на прочной добрососедской основе. Он пытался вести сложную внешнеполитическую игру, используя внешние факторы для решения внутренних проблем Грузии. Часто в действиях грузинского руководства усматривались антироссийские мотивы, что, конечно, негативно влияло на российско-грузинские отношения.

После происшедшей в 2004 г. «революции роз» Э. Шеварднадзе на посту президента Грузии сменил М. Саакашвили. Этот политик придерживается еще более ярко выраженной прозападной, проамериканской ориентации. В начале своего правления М. Саакашвили наряду с мерами, направленными на борьбу с коррупцией и стимулирование экономических реформ внутри страны, пытался создать видимость сближения с Россией, однако вскоре российско-грузинские двусторонние отношения вновь стали ухудшаться. Это обострение в конечном итоге привело к вооруженному конфликту в Южной Осетии в августе 2008 г.

И Абхазия, и Южная Осетия входили в состав Грузинской ССР. Националистическая политика, проводившаяся в Грузии в период распада СССР, привела к возникновению конфликтов в этих бывших автономных образованиях. При активном участии России вооруженное насилие в обеих конфликтных зонах было прекращено, а сами конфликты оказались на длительное время замороженными. Для окончательного их урегулирования при сохранении территориальной целостности Грузии требовался очень взвешенный и сбалансированный подход всех втянутых в конфликт сторон. Россия долгое время стремилась содействовать мирному решению проблем Абхазии и Южной Осетии. Но

руководство Грузии во главе с М. Саакашвили выбрало другой путь. В августе 2008 г. грузинская армия совершила вооруженное вторжение на территорию Южной Осетии. Нападению подверглись российские миротворцы, выполнявшие свою миссию в соответствии с соглашением 1992 г. В ответ на грузинскую агрессию руководство России приняло решение о проведении операции «по принуждению Грузии к миру».

В ходе событий, вошедших в историю под названием «пятидневной войны», российская армия вынудила грузинские войска оставить захваченные районы Южной Осетии и Кодорское ущелье в Абхазии. Вскоре после того как при посредничестве президента Франции Н. Саркози военные действия удалось прекратить, Россия с целью обеспечения гарантий безопасности для мирного населения Абхазии и Южной Осетии объявила о признании полной независимости этих республик. Это непростое решение руководства Российской Федерации привело к дальнейшему обострению российско-грузинских отношений. Дипломатические отношения по инициативе грузинской стороны были прерваны. Тогда же руководство Грузии заявило о выходе этой республики из СНГ.

Нынешнее состояние отношений между Россией и Грузией не соответствует ни историческим и культурным связям между их народами, ни объективным национальным интересам двух государств. Такое положение сложилось по вине нынешнего грузинского руководства. В случае внутривнутриполитических изменений в Грузии нормализация российско-грузинских отношений вполне возможна. Более того, в конечном счете, она неизбежна.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите основные руководящие органы Содружества Независимых Государств.
2. Какие государства участвуют в создании Единого экономического пространства?
3. Какова, на ваш взгляд, оптимальная модель отношений между Россией и Украиной?
4. В чем отличие отношений между Россией и Белоруссией от отношений с другими государствами СНГ?
5. В отношениях с какими государствами Закавказья у России есть серьезные трудности и почему?
6. Какое место постсоветская Центральная Азия занимает во внешней политике современной России?
7. Какое из государств является важнейшим партнером Российской Федерации в центральноазиатском регионе?
8. С какими трудностями встречается Россия в отношениях с бывшими советскими среднеазиатскими республиками?

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

§ 1. Россия и интеграционные процессы в АТР

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) представляет собой самый большой по площади регион современного мира. Об особой роли АТР в мировой экономике и в мировой политике стали говорить в 60-е годы XX в. Географическим ядром АТР является Тихоокеанский бассейн. Огромные просторы Тихого океана в прошлом не столько объединяли, сколько разъединяли живущие по его берегам народы. Но с середины XX в., вследствие активного развития всех видов транспорта, ситуация стала меняться. Появление большегрузных судов резко удешевило перевозки, и выгоду от этого получили страны, имеющие удобные выходы к морским коммуникациям. Особенно это стало заметно в странах Восточной Азии, берега которых омывают воды Тихого океана, входящих в его бассейн морей и других акваторий.

Одна за другой страны Восточной Азии стали демонстрировать так называемые «экономические чудеса»: японское, тайваньское, южнокорейское, сингапурское и т.д. Каждый раз наблюдался похожий эффект — благодаря удобным морским коммуникациям можно было обеспечивать растущие экономики этих стран необходимыми, но недостаточными сырьевыми ресурсами и одновременно обладать выходом на обширные зарубежные рынки. Все это объединяло азиатские страны, лежащие в бассейне Тихого океана, и послужило основанием для выделения АТР в качестве самостоятельного и перспективного региона мира. Впоследствии представления о географических границах АТР расширились, но единого, общепризнанного мнения о конкретных линиях прохождения этих границ так и не сложилось.

Сегодня существуют различные варианты определения границ Азиатско-Тихоокеанского региона.

В узком смысле к АТР относят только страны Восточной Азии: Китай, Японию, Корею и государства Юго-Восточной Азии. При широком толковании в АТР включают, кроме Восточной Азии, также Австралию, Новую Зеландию, США, Канаду, страны Латинской Америки, имеющие выход к берегам Тихого океана.

При таком подходе к определению границ АТР его составной частью является и Российская Федерация. Однако возникает вопрос: какое отношение в АТР имеют, например, Нью-Йорк или Санкт-Петербург, которые удалены на тысячи километров от Азиатского континента и имеют выход не к Тихому, а к Атлантическому океану? Очевидно, что к Азиатско-Тихоокеанскому региону имеет прямое отношение российский Дальний Восток и Восточная Сибирь. Входит в состав АТР западное побережье США и Канады. Но вопрос о том, насколько судьба этих государств, так же как и России в целом, связана с Азиатско-Тихоокеанским регионом, остается открытым.

Многие специалисты давно пришли к выводу, что Восточная Азия и АТР способны стать основным регионом мирового политического и экономического притяжения и центром мирового экономического роста. Для таких утверждений есть основания, так как этот регион занимает выгодное геополитическое положение. В расширенном варианте он включает 43 государства, в которых проживает 60% населения планеты. Территория АТР богата полезными ископаемыми. Этот регион обладает огромными природными богатствами. Многие страны Азиатско-Тихоокеанского региона демонстрируют стабильно высокий экономический рост, а в последнее время здесь весьма активно идут процессы интеграции.

Хотя начало развития интеграционных процессов можно отнести к периоду 60-х годов XX в. Первоначально создаваемые структуры (Совет деловых людей Тихоокеанского бассейна, Экономический Совет Тихоокеанского бассейна, Организация свободного торгового развития Тихоокеанского региона и др.) имели неформальный и, скорее, консультативный характер. В 1980 г. была образована Конференция по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (КТЭС), которая объединила на неправительственном уровне усилия партнеров по развитию сотрудничества в регионе, задачи этой организации заключались в помощи институциональному становлению интеграционных процессов.

Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) стал наиболее влиятельной интеграционной структурой стран АТР. АТЭС был создан в ноябре 1989 г. на первой конференции министров иностранных дел и экономики двенадцати стран Азиатско-Тихоокеанского региона в Канберре по предложению премьер-министров Австралии и Новой Зеландии. В него вошли шесть стран — участниц АСЕАН — Индонезия, Таиланд, Филиппины, Малайзия,

Сингапур и Бруней, а также Австралия, Новая Зеландия, Республика Корея, США, Канада и Япония.

На первой встрече были определены цели и принципы работы АТЭС. Они заключаются в следующем: во-первых, АТЭС должен поддерживать режим свободной открытой торговли и не превращаться в закрытый блок; во-вторых, АТЭС является экономическим форумом, который обсуждает проблемы регионального экономического сотрудничества и связанные с ними вопросы с целью дальнейшей либерализации торговли; в-третьих, региональное экономическое сотрудничество должно развиваться постепенно, путем переговоров на равноправной основе.

В 1991 г. к АТЭС присоединились КНР, Гонконг, Тайвань, Папуа—Новая Гвинея, Мексика и Чили. В 1997 г. в АТЭС были приняты Россия, Вьетнам и Перу. Одновременно с этим был введен десятилетний мораторий на дальнейшее расширение состава членов АТЭС. Сегодня АТЭС включает 21 страну.

Следует отметить, что в АТЭС участвуют не государства, а экономики, поэтому, даже после того как Гонконг перешел под суверенитет Китайской Народной Республики он сохранил статус самостоятельного участника форума. По этой же причине континентальный Китай не возражает против членства в АТЭС Тайваня, который в Пекине считают неотъемлемой частью территории КНР.

За время существования АТЭС в нем сложилась определенная организационная структура. Ее важнейшие элементы: постоянный секретариат, специальные комитеты и ежегодно проходящие саммиты. Участники АТЭС придерживаются консенсусного принципа принятия решений. Ключевой проблемой в деятельности АТЭС стала региональная экономическая интеграция. В частности, поставлена цель создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли. Предполагается, что данная зона будет охватывать товары, услуги и инвестиции. Такая зона будет обеспечивать максимально высокую степень торгово-экономической интеграции в регионе и способствовать преодолению негативных последствий в функционировании многосторонней торговой системы. Идет работа по унификации региональных торговых соглашений.

Приоритетным для устойчивого экономического развития Азиатско-Тихоокеанского региона признано обеспечение его энергетической безопасности. Вследствие роста темпов индустриализации и урбанизации в странах региона будет значительно возрастать спрос на энергоносители. По мнению экспертов, энергетическая безопасность потребует повышения эффективности использования их источников, диверсификации энергетических потоков, привлечения альтернативных ресурсов.

В качестве регулярно обсуждаемых тем на встречах лидеров АТЭС были выделены вопросы экологии и изменения климата.

Все больше внимания в АТЭС уделяется проблемам содействия инвестициям как одному из главных факторов, лежащих в основе экономического роста.

Важной задачей для АТЭС является защита интеллектуальной собственности. Продвижение вперед в этой области может обеспечить развитие научных исследований и привлечение инвестиций в экономики стран-членов АТЭС. Стандартизация процессов получения патентов повысит эффективность мер по защите прав на интеллектуальную собственность.

Участники саммита АТЭС, проходившего в японском городе Иокогама 13—14 ноября 2010 г. приняли «Иокогамскую декларацию о достижениях в реализации “Богорских целей” и задачах на последующий период», в которой наметили шаги по дальнейшей экономической интеграции в регионе. Участники форума также приняли политическое заявление о результатах работы по реализации «Богорских целей»¹, утвердили стратегию АТЭС в сфере развития и документ, посвященный изучению возможных модальностей формирования Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли.

Для Российской Федерации участие в работе АТЭС открывает хорошие перспективы. Россия имеет обширный выход к берегам Тихого океана. Немалую часть территории Российской Федерации занимают Восточная Сибирь и Дальний Восток. С одной стороны, в Восточной Сибири находятся крупнейшие залежи природных ресурсов, с другой — восточные регионы России наименее населены. За годы экономических реформ немногочисленное население Дальневосточного федерального округа сократилось еще более. На фоне экономических успехов зарубежных стран АТР ситуация на российском Дальнем Востоке выглядела еще более удручающей. В восточных регионах наиболее заметно, что за последнее десятилетие сырьевой характер экономики России усилился. В таких условиях включение в интеграционные процессы в АТР, в том числе участие в деятельности АТЭС, может помочь в решении многочисленных проблем дальневосточных территорий Российской Федерации.

Высшее государственное руководство России неоднократно заявляло о важности участия в деятельности АТЭС и необходимости использования преимуществ интеграционных процессов в АТР для развития российского Дальнего Востока и Восточной Сибири. Дополнительный импульс такому участию должен дать очередной форум АТЭС в 2012 г., который состоится на российской земле — во Владивостоке. За время существования и деятельности АТЭС данный международный институт претерпел определенные изменения. Начиная с 2001 г. в центре внимания АТЭС наряду с вопросами экономики появились вопросы политического характера. Прежде всего это вопросы обеспечения региональной безопасности и особенно борьбы с терроризмом, угрожающим многим странам АТР.

Кроме прочего, значение АТЭС заключается в том, что на его ежегодных саммитах происходят встречи лидеров таких влиятельных государств мира, как США, КНР, РФ, Япония, а также быстрорастущих стран Восточной Азии и Южной Америки. В этом смысле форум АТЭС является еще одной дополнительной площадкой, на которой обсуждаются актуальные вопросы мировой политики и мировой экономики.

В то же время ясно, что в таком крупном масштабе, каким является АТЭС, достижение конкретных, зримых результатов экономической интеграции дело не самого ближайшего будущего. Поэтому, с точки зрения перспектив интеграции, для многих стран АТР более предпочтительными представляются менее масштабные интеграционные группировки. Например, АСЕАН и различные варианты подключения к данному формату других государств: АСЕАН+3 (Китай, Корея, Япония). Существуют и более масштабные проекты по использованию в АТР опыта европейской интеграции, в частности, проект Восточно-азиатского сообщества.

Национально-государственные интересы России в АТР требуют постоянного наблюдения за идущими там процессами и участия в них. Не менее важным является развитие всесторонних, взаимовыгодных связей и с отдельными странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

§ 2. Внешняя политика КНР и российско-китайские отношения

Китайская Народная Республика — одно из важнейших государств современного мира. Китай занимает территорию около 9,6 млн квадратных километров и является самой многонаселенной страной мира, в которой в начале XXI в. проживает более 1 млрд 315 млн человек. Еще недавно это было одно из беднейших государств, но начавшиеся в конце 1970-х годов экономические реформы кардинально изменили ситуацию. Темпы роста китайской экономики были и остаются высокими и в среднем составляют 8–9% в год. Благодаря политике открытости, емкому рынку и огромному экспортному потенциалу роль КНР в мировой экономике возрастает. Эта страна является весьма привлекательным объектом для иностранных инвестиций.

Китайская экономика функционирует на рыночных началах, но основы политической системы, в которой монополия на власть принадлежит Коммунистической партии Китая, так и не изменились. Руководство КПК с самого начала реформ подчинило внешнюю политику своей страны задачам экономического роста. Сохраняя полную независимость и самостоятельность во внешних делах, дистанцируясь от союзов и блоков, Китай стремится не брать на себя лишнюю ответственность за какие-либо сложные международные ситуации. Объективно Китай имеет все предпосылки для того, чтобы стать одним из

важнейших центров мировой политики, поскольку, кроме огромного экономического, он обладает немалым политическим и военным потенциалом.

Но, говоря о превращении КНР в великую державу, китайские аналитики одновременно утверждали, что Китай идет по особому пути, отличному от пути традиционных великих держав. По их мнению, Китай является первым восточным государством, которое поднимается на ведущее место в современной мировой системе, где доминирует Запад. Они подчеркивали, что Китай делает упор на «мирное возвышение», которое базируется на внутреннем экономическом росте и традициях, дипломатии консенсуса, и вносит новые элементы в современные международные отношения. «Мирное возвышение» понималось как возвышение через экономическое развитие и мирную дипломатию. Однако термин «мирное возвышение» стал использоваться некоторыми кругами на Западе как подтверждение тезиса о существовании «китайской угрозы». На самом высоком уровне, в частности на XVII съезде КПК, заговорили не столько о «мирном возвышении Китая», сколько о «мирном развитии» и о необходимости формирования «гармонического мира», в котором не будет места гегемонии какой-либо одной державы.

Отношения между Россией и Китаем — крупнейшими государствами современного мира — имеют многовековую историю. В XX в. эти отношения складывались непросто. Хотя и в России и в Китае к власти пришли коммунистические партии, между двумя странами в конце 50-х годов XX в. начался острый конфликт, который привел даже к вооруженным столкновениям на границе.

С началом экономических реформ в КНР и перестройки в Советском Союзе двусторонние отношения стали улучшаться. Крах КПСС и развал СССР вначале вызвали настороженность у руководства Китайской компартии, однако исчезновение идеологического фактора повлияло благотворно на отношения между двумя странами. В 2001 г. между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

В Договоре зафиксирована новая формула двусторонних отношений России и Китая, основу которых составляют добрососедство, дружба, сотрудничество, равноправное доверительное партнерство, стратегическое взаимодействие. В этом документе весьма подробно изложены принципы взаимоотношений между обоими государствами.

Высокий уровень доверия и искренности между Москвой и Пекином отражают статьи, касающиеся взаимной поддержки в вопросах защиты государственного единства и территориальной целостности, а также в вопросе о совместной границе. Принципы территориальной целостности и нерушимости государственных границ усилены очень важным заявлением России и Китая об отсутствии взаимных территориальных претензий.

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой стал основой для достижения договоренности по окончательному урегулированию пограничного вопроса. В ходе официального визита тогдашнего Президента Российской Федерации В. В. Путина в Китайскую Народную Республику 14–16 октября 2004 г. было подписано Дополнительное соглашение по двум остававшимся несогласованными участкам российско-китайской границы: острова у Хабаровска и острова на реке Аргунь в Читинской области. С учетом обоюдных интересов и пожеланий была разрешена острейшая проблема, которая влияла на двусторонние отношения. Между Россией и Китаем была юридически определена совместная граница на всем ее протяжении.

Отношения между РФ и КНР руководством обеих стран характеризуются сегодня как отношения стратегического партнерства. Эти отношения успешно развиваются по тем направлениям, где интересы двух стран совпадают, а таких направлений множество. Современные принципы в отношениях между государствами предполагают необходимость учета собственных интересов, в этом позиции Российской Федерации и Китайской Народной Республики совпадают: главное для них национальный интерес. Анализ динамики и тенденций развития отношений двух стран показывает, что поле совпадения интересов велико и это выражается в том, что позиции России и Китая по большинству вопросов мировой политики в 1990-е годы и в начале XXI в. либо совпадали, либо были близки между собой.

Россия и Китай стремятся к тому, чтобы система международных отношений соответствовала модели «многополярного мира». Это означает не доминирование в мире какой-либо одной силы, а взаимодействие между собой нескольких центров влияния в рамках ООН и других международных институтов на основе норм и принципов действующего международного права. И Россия, и Китай по-прежнему считают высшим авторитетом в мировой политике Совет Безопасности Организации Объединенных Наций, в котором они представлены как постоянные члены. Именно поэтому РФ и КНР выступили против силовых действий США и их союзников в обход решений Совета Безопасности ООН в бывшей Югославии и в Ираке. Для России и Китая в последние десятилетия острой и реальной была угроза со стороны сил сепаратизма. Поэтому КНР поддержала действия России в Чечне, а руководство России, в свою очередь, выражало солидарность с Китаем по вопросам, затрагивающим интересы сохранения его территориальной целостности. Это — тибетский, синьцзянский и тайваньский вопросы. И Россия, и Китай отрицательно относятся к критическим высказываниям по проблемам их внутривнутриполитического устройства, полагая, что такая критика является вмешательством во внутренние дела суверенных государств.

Поскольку и Россия, и Китай столкнулись на своей собственной территории с угрозами религиозного экстремизма и международного терроризма, они проявили солидарность в борьбе с этими угрозами по отношению друг к другу и ко всем государствам с аналогичными проблемами.

И Россия, и Китай заинтересованы в поддержании международной безопасности. Они выступают за сохранение режима нераспространения ядерного оружия, это касается, в частности, ядерных программ Ирана и Северной Кореи. Но подход России и Китая к решению данной проблемы отличается от подходов США и их западных союзников.

Как два соседних государства, имеющих самую протяженную в мире сухопутную границу, Россия и Китай по объективным причинам взаимозависимы между собой. Для России важно развивать связи с соседом, так как растет роль и значение Китая в мировой политике и экономике. КНР — весьма перспективный экономический партнер для всех стран, включая Россию. Сотрудничество с Китаем важно для России и с точки зрения развития ее дальневосточных регионов. Для Китая значение России обусловлено как экономическими, так и политическими причинами. Для успешного проведения экономических реформ китайскому руководству необходимо было нормализовать отношения со всеми соседними государствами. Китай заинтересован в дружественной и стабильной России, что обеспечит ему безопасность с севера. Как экономический партнер КНР Россия уступает США, Японии или Евросоюзу. Но в перспективе ее значение для Китая как источника сырья и энергоносителей, а также товаров, которые невозможно приобретать в иных странах, например отдельных видов вооружения и т.д., будет возрастать.

Развертывание российско-китайского сотрудничества в экономической сфере происходило в условиях реформирования экономик обеих стран и на фоне происходивших в мире процессов глобализации. Российско-китайское экономическое сотрудничество развивалось в различных направлениях. В середине 1990-х годов на высшем государственном уровне РФ и КНР говорилось о необходимости достигнуть объема двустороннего товарооборота в 20 млрд долл. В 2001 г. суммарный товарооборот превысил 10 млрд долл., в 2002 г. он достиг 12 млрд долл. К 2005 г. рубеж в 20 млрд долл. был преодолен. В последующие несколько лет товарооборот рос очень высокими темпами и в 2008 г. достиг отметки в 56 млрд долларов. Однако из-за наступления мирового экономического кризиса в 2009 г. товарооборот между Россией и Китаем упал на 30%, т.е. больше, чем между Китаем и его другими основными партнерами.

Следует отметить, что китайская экономика в меньшей степени, чем экономики других стран мира, пострадала от кризиса. Более того, сохранение экономического роста в КНР способствовало стабилизации мировой экономики в целом. По мере того как Россия преодолевала последствия экономического спада, ее товарооборот с Китаем вновь

стал расти и к концу 2010 г. вышел на докризисный уровень. Однако руководство РФ и КНР считает, что объем торгово-экономических связей пока не соответствует потенциальным возможностям двух стран. Поставлена цель: увеличить в ближайшие годы объемы российско-китайской торговли до 100 млрд долл. в год. Предполагается, что во взаимных расчетах страны постепенно будут переходить от долларов к национальным валютам — рублю и юаню.

В 90-е годы XX в. важнейшим направлением в российско-китайских отношениях было военно-техническое сотрудничество. Сегодня, по мере того как КНР осваивает собственное производство современных образцов вооружений, значение военно-технических связей с РФ падает. Китай уступил первое место в экспорте российского вооружения и военной техники Индии. Одновременно крепнет сотрудничество России и Китая в энергетической сфере.

Китай импортирует нефть из стран Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки, Юго-Западной Азии. Но во всех этих регионах существуют серьезные риски политического характера. Для того чтобы их избежать, Китаю необходимо диверсифицировать источники поступления энергоносителей. Одним из таких перспективных источников является Россия. Для России, в свою очередь, важно иметь альтернативные направления экспорта своих энергоносителей. Таким образом, для обеих стран взаимное сотрудничество является важным фактором обеспечения собственной энергетической безопасности. Российская нефть и нефтепродукты давно поставляются в КНР. Но до недавнего времени эти поставки шли только железнодорожным транспортом, что ограничивало их масштаб. К середине первого десятилетия XXI в. появилась потребность в новых маршрутах транспортировки нефти из России в Китай. Тогда же возник вопрос и о поставках в КНР российского газа. Ранее для удовлетворения нужд промышленности Китаю хватало газа, полученного на своей территории. Но потребление газа в Китае, в том числе и в быту, растет, поэтому сегодня речь идет о строительстве не только нефтепроводов, но газопроводов из России в Китай.

В ходе визита тогдашнего Президента РФ В. В. Путина в КНР в октябре 2005 г. стороны заявили о решении содействовать реализации двусторонних проектов в нефтегазовой сфере, включая проект строительства нефтепровода из России в Китай, скорейшую оценку перспектив Ковыктинского газового проекта, а также проекты по совместному освоению нефтегазовых месторождений на территории двух стран. Важным событием стало подписание в ходе визита соглашения о стратегическом сотрудничестве в нефтегазовой сфере между крупнейшими кампаниями двух стран — российским Газпромом и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (КННК).

Шагом вперед в решении вопросов масштабной транспортировки российской нефти стало одобрение российским правительством 31 де-

кабря 2004 г. проекта нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» с участком, который идет к границе КНР. Строительство данного участка нефтепровода от российского поселка Сковородино до китайского города Дацина полностью завершилось в сентябре 2010 г. С 1 января 2011 г. по нему будет прокачиваться 15 млн тонн нефти ежегодно.

В ходе визита президента Российской Федерации в Китайскую Народную Республику в марте 2006 г. были достигнуты важные соглашения, среди них — Меморандум, подписанный Газпромом и КННК о поставках природного газа из РФ. Этот проект предусматривает строительство двух газопроводов из Восточной и Западной Сибири в Китай, по которым будет поставляться 60–80 млрд м³ газа в год. Технические вопросы, связанные с реализацией данных проектов, решены, но продолжаются переговоры о цене российского газа для китайских потребителей. Правительство Китая стремится расширить потребление газа в целях улучшения экологической обстановки и качества жизни людей.

В числе подписанных документов важное место заняло Соглашение между КННК и компанией «Роснефть» о принципах создания в 2006 г. на территориях России и Китая совместных предприятий в целях углубления сотрудничества в нефтяной отрасли. Компания, создаваемая на территории Китая, будет заниматься нефтепереработкой и розничной продажей нефтепродуктов, другая компания — в России будет заниматься разведкой возможностей добычи углеводородов. КННК планирует при этом приобретать акции российских компаний.

Сотрудничество между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в области энергетики не ограничивается только поставками энергосырья. Оно включает также поставки российского энергетического оборудования, в том числе сверхкритических энергоблоков мощностью более 600 МВт, сотрудничество в сфере атомной энергетики, кооперацию в области электроэнергетики. К 2015 г. Россия намерена поставлять в КНР до 60 млрд кВт/ч электроэнергии ежегодно. Идет работа над проектом переброски избыточной электроэнергии из Иркутской области в Китай. Реализация этого масштабного проекта загрузит энергетические мощности Восточной Сибири и обеспечит граничащие с Россией районы Китая недорогой и экологически чистой электроэнергией.

В рамках сотрудничества в атомной энергетике построены и вышли на расчетную мощность первый и второй энергоблоки Тяньваньской АЭС, сооруженной при помощи российских специалистов. В ходе визита Президента РФ Д. А. Медведева в Китайскую Народную Республику в сентябре 2010 г. среди других документов был подписан контракт на строительство третьего и четвертого энергоблоков Тяньваньской АЭС. Кроме того, между российским «Росатомом» и Китайской государственной корпорацией ядерной промышленности заключено Соглашение о стратегическом взаимодействии в области мирного использования атомной энергии.

Несмотря на то что отношения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в последние два десятилетия развивались весьма динамично, в этих отношениях имеются определенные проблемы. Национально-государственные интересы России и Китая, как и любых двух независимых государств, не всегда и не во всем совпадают, между ними возникают разногласия по вопросам международной политики.

Конкурируют Россия и Китай и в ряде экономических сфер. В России существуют опасения по поводу активной миграции граждан Китая в малонаселенные районы российской Сибири и Дальнего Востока.

В Китайской Народной Республике также существуют предубеждения в отношении Российской Федерации. В китайских средствах массовой информации по-прежнему появляются материалы, негативно освещающие историю отношений между двумя странами. Если для взаимоотношений политического руководства РФ и КНР характерны взаимопонимание и частые контакты, то население двух стран не всегда имеет полную и объективную информацию друг о друге, поэтому может проявляться и взаимное недоверие. Для преодоления подобных негативных моментов в последние годы по инициативе руководства двух стран проводились широкомасштабные мероприятия. В 2006 г. в России проходил Год Китая, а в 2007 г. — в Китае Год России. Эти мероприятия в определенной степени изменили ситуацию. В 1997 г. по результатам опроса китайского населения 27% респондентов заявили о хорошем отношении к России, а 60% вообще не выразили никакого мнения. Через десять лет после проведения Года России уже 35% из числа опрошенных китайцев определили свое отношение к России как «хорошее», а 40% — «очень хорошее».

Для того чтобы облегчить коммуникации между населением РФ и КНР в различных областях, власти обеих стран декларируют намерение способствовать изучению китайского и русского языков. Особенно настойчивы в этом направлении власти КНР. Сегодня во многих высших учебных заведениях России созданы Институты Конфуция, в рамках которых ведется преподавание китайского языка и пропаганда китайской культуры. Для расширения интереса к изучению языка народа соседней страны в 2009 г. был проведен Год русского языка в Китае, а в 2010 г. — Год китайского языка в России. Осуществляется сотрудничество в области образования. Тысячи китайских студентов получают образование в российских учебных заведениях. Российские студенты, в свою очередь, обучаются в китайских университетах.

§ 3. Россия и Япония

Среди соседей Российской Федерации на ее дальневосточных рубежах особое место принадлежит Японии. Эта страна, как и Россия,

относится к числу важнейших государств современного мира. Долгое время Япония демонстрировала впечатляющие успехи в экономическом и технологическом развитии. В последние годы эта страна столкнулась с определенными трудностями и проблемами, хотя и является одним из центров экономической силы.

Политический вес Японии после окончания Второй мировой войны долго оставался низким. О ней часто говорили как об «экономическом гиганте и политическом карлике». После поражения в войне и американской оккупации Япония полностью переориентировала свою внешнюю политику в сторону США. С Соединенными Штатами была связана японская политика в области обороны и безопасности, на японской территории расположены американские военные базы. Сама же Япония в соответствии с «мирными» статьями своей конституции отказалась от армии. Вместо нее были созданы так называемые «силы самообороны». Правда, сегодня они не уступают по своей оснащенности и подготовке армиям многих государств мира. Еще в 1967 г. Япония сформулировала три безъядерных принципа, в соответствии с которыми взяла на себя обязательство не иметь, не производить и не экспортировать ядерное оружие. Долгое время не допускалось направление японских военнослужащих за пределы страны, единственным исключением была отправка сорока пяти человек с миссией наблюдателей от ООН на границу между Сирией и Израилем.

Оставаясь союзником США и других западных стран, Япония предпочитала дистанцироваться от каких-либо совместных силовых действий, ограничиваясь финансовой помощью. Так было, например, в 1991 г. во время проведения операции «Буря в пустыне». Некоторые перемены произошли во внешней политике Японии в начале XXI в. Правительство добилось от парламента принятия решений, которые позволили ей активизировать свою внешнюю политику, в том числе и по линии участия в миротворческой деятельности ООН. Японские воинские контингенты были направлены сначала в Афганистан, а затем и в Ирак. Эти события можно оценить как начало нового этапа во внешней политике Японии.

Российско-японские отношения в последнее десятилетие осложнились проблемой, получившей название проблемы так называемых «северных территорий». Эту проблему следует рассматривать в контексте всего процесса территориального размежевания между Россией и Японией. Начался этот процесс в первой половине XIX в., когда русские и японцы встретились друг с другом в районе Курильских островов. Эти острова представляли интерес как зона промысла морских животных для русских промышленников, двигавшихся с Камчатки. А для японцев, живших на острове Хоккайдо, они были зоной рыболовства. В 1855 г. между Россией и Японией был заключен первый договор о границах. По этому договору северная часть Курил закреплялась за

Россией, а южная — за Японией. Точкой размежевания был выбран остров Итуруп. При этом Сахалин, где к этому времени уже проживали и русские, и японцы, объявлялся неразделенной территорией, на которую имели права оба договаривавшихся государства. Через два десятилетия ситуация изменилась. После продажи в 1867 г. Аляски США прекратила свое существование российско-американская компания, занимавшаяся также и освоением Курильских островов. Вследствие этого практическое значение островов для России резко снизилось, в то время как значение Сахалина увеличилось. Кроме того, возрос интерес к угольным копям, расположенным на Сахалине, поскольку морской флот использовал уже паровые двигатели.

В 1875 г. был заключен новый русско-японский пограничный договор, в соответствии с которым был совершен территориальный обмен: весь Сахалин отошел к России, а северная часть Курильских островов — к Японии. Достигнутый баланс был нарушен через тридцать лет. В ходе Русско-японской войны 1904—1905 гг. Япония вначале оккупировала весь Сахалин, а затем по Портсмутскому мирному договору получила его южную часть. Но и после этого Япония не оставила попыток расширить свою территорию за счет дальневосточных владений России. Поэтому отношения между двумя странами как до революции 1917 г., так и после нее сложились весьма непросто.

В 1941 г. между СССР и Японией был подписан Пакт о нейтралитете. Данный документ позволил избежать втягивания Советского Союза в военные действия на Дальнем Востоке в самый разгар Великой Отечественной войны. Однако обстановка на советско-японской границе весь период войны была сложной. С японской стороны совершались вооруженные провокации, японские военные корабли топили советские торговые суда. Западные союзники СССР — США и Великобритания, боровшиеся против японской агрессии в Тихоокеанском регионе были заинтересованы в участии Советского Союза в войне с Японией. Но Сталин долгое время воздерживался от такого шага. После наступления перелома в войне с гитлеровской Германией позиция советского руководства стала меняться. В ходе переговоров с западными партнерами по антигитлеровской коалиции — Черчиллем, Рузвельтом, а после смерти последнего с Трумэном — Сталин на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях обусловил вступление СССР в войну с Японией рядом требований. Он потребовал возвращения СССР южной части Сахалина и восстановления утраченного после поражения в Русско-японской войне права аренды Ляодунского полуострова с городами Порт-Артуром и Дальним. Кроме того, в качестве компенсации были затребованы Курильские острова и Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), проданная Японии в 1935 г.

На Потсдамской конференции в июне 1945 г. было достигнуто окончательное политическое соглашение, которое обязывало СССР

через три месяца после окончания военных действий в Европе вступить в войну с Японией. Взамен СССР получал все то, что просил Сталин. 5 апреля 1945 г. советское правительство заявило о денонсации Пакта о нейтралитете с Японией. Сделано это было на законных основаниях, поскольку возможность денонсации через четыре года предусматривалась в тексте документа, а причины заключались в недружественной и агрессивной политике Японии по отношению к Советскому Союзу в предшествующие годы. В августе 1945 г. после объявления войны Японии Советская армия разгромила японскую Квантунскую армию в Маньчжурии и на прилегающих к ней территориях. В ходе военных операций, среди прочих территорий, были освобождены Южный Сахалин и Курильские острова. В 1946 г. эти территории были включены в состав Сахалинской области РСФСР. Эти территориальные изменения следовало оформить международно-правовым путем.

Города Порт-Артур, Дальний и КВЖД СССР получил по договору с Китаем, а затем возвратил их последнему после победы китайских коммунистов в гражданской войне.

Вокруг Южного Сахалина и Курильских островов ситуация развивалась сложнее. 2 сентября 1945 г. Япония подписала Пакт о безоговорочной капитуляции. Ее территория была оккупирована американскими войсками, и на определенное время Япония лишилась суверенитета. Предстояло выработать мирный договор, в котором были бы подведены итоги войны, в том числе и зафиксированы территориальные изменения. Между тем, пока шла подготовка к подписанию этого мирного договора, в международных отношениях также происходили перемены. Советский Союз и США, бывшие союзники во Второй мировой войне, быстро превращались в основных соперников на международной арене. Менялась ситуация в Восточной Азии, в том числе и вокруг Японии. В годы войны в Корее (1950—1952) отношения между СССР и США еще более обострились, а Япония фактически стала ближайшим тылом американских войск, действовавших на Корейском полуострове.

В 1951 г., в разгар корейской войны, в Сан-Франциско был подписан мирный договор с Японией, но Советского Союза среди государств, подписавших этот договор, не было. В тексте документа был зафиксирован отказ Японии от Южного Сахалина и Курильских островов, но не указывалось, кому переходят данные территории. Кроме того, отмечалось, что Советский Союз должен урегулировать свои отношения с Японией отдельно. Вскоре после подписания Сан-Францисского договора японская сторона выдвинула территориальные претензии к СССР. Основанием для претензий стало то обстоятельство, что южная часть Курильских островов входила в одну административную единицу с островом Хоккайдо и считалась его северными территориями. Остальная часть Курильских островов представляла собой отдельную

административную единицу. Положения Сан-Францисского договора стали трактоваться как отказ именно от этой части Курильской гряды, а не от «северных территорий». Соединенные Штаты поощряли подобные выпады, оказывая поддержку Японии, которая теперь стала главным союзником США в Восточно-Азиатском регионе.

В отношениях между Советским Союзом и Японией в первой половине 1950-х годов сложилась довольно нелепая ситуация. Между этими соседними государствами не было дипломатических отношений, более того, сохранялось состояние войны. Если до 1951 г. Япония была побежденным и оккупированным государством, а представитель Советского Союза участвовал в работе союзной контрольной комиссии, то после подписания Сан-Францисского договора режим оккупации прекратился, а контрольная комиссия была упразднена. Таким образом, СССР потерял официальные каналы связи с японскими властями, а отсутствие официальных контактов затрудняло развитие отношений. Для Японии, как и для СССР, сложившаяся ситуация была неудобной, ведь на территории Советского Союза еще находилось несколько сотен тысяч японских военнопленных.

После смерти Сталина в советской внешней политике стали происходить изменения, коснулись они и отношений с Японией. В 1956 г. состоялся визит в Москву тогдашнего японского премьера Хатоямы, который вел переговоры с советскими лидерами — Хрущевым и Булганиным. В результате переговоров 19 октября 1956 г. была подписана «Совместная декларация Союза Советских Социалистических Республик и Японии». В этом документе объявлялось о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических и консульских отношений между двумя государствами. Стороны зафиксировали намерение активно развивать экономическое сотрудничество и вести подготовку к подписанию мирного договора. В текст Декларации было включено и положение о том, что СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского народа, готов передать Японии часть южнокурильских островов, а именно остров Шикотан и островную гряду Хабомаи, после того как мирный договор будет подписан. Очевидно, делая такое заявление, советское руководство рассчитывало на сближение с Японией и улучшение двусторонних отношений, что в условиях «холодной войны» имело большое значение.

Однако Япония продолжала оставаться в сфере влияния США и в 1960 г. подписала с последними договор о безопасности, узаконивший дальнейшее пребывание американских военных баз на японской территории. В ответ на это советское руководство в лице Н. Хрущева заявило об отказе от положений Московской декларации 1956 г. Таким образом, несмотря на нормализацию советско-японских отношений, мирный договор между двумя странами так и не был подписан, тем не

менее японская сторона настаивала на возвращении «северных территорий». Хотя обещание советского руководства о возвращении «части северных территорий» было дезавуировано, оно не могло остаться без последствий, поскольку существует международно-правовой принцип выполнения принятых обязательств.

С 1960 г. и до начала 1990-х годов ситуация вокруг мирного договора была заморожена. Советский Союз отрицал наличие территориальных проблем, а в Японии большинство политических сил выступали за возвращение «северных территорий», увязывая этот вопрос со всеми остальными вопросами развития отношений с СССР. В 1990-е годы, уже после распада Советского Союза, российское руководство предпринимало усилия активизировать диалог с Японией, но они так и не дали ощутимого результата.

Новый этап в отношениях с Японией начался после того, как президентом РФ стал В. Путин. Во время визита японского премьер-министра Дз. Коидзуми в Россию, им и В. Путиным был подписан «Российско-японский план действий» с целью придания нового качества двусторонним отношениям, которые должны соответствовать потенциальным возможностям обоих государств. План предусматривает комплекс мер в политической, экономической, культурной областях и, что является новым в отношениях двух стран, в сфере обороны и безопасности. По поводу заключения мирного договора и связанных с этим территориальных проблем стороны в рамках принятого Плана определили для себя следующие задачи: активизировать переговоры в целях скорейшего выхода на решение еще остающихся проблем; продолжать усилия «по разъяснению общественности двух стран важности заключения мирного договора»; прилагать усилия для дальнейшего развития безвизовых обменов между жителями островов и японскими гражданами; продолжить на взаимовыгодной основе сотрудничество в области промысла морских биоресурсов; искать устраивающие обе страны формы совместной хозяйственной деятельности в районе островов в рамках функционирования подкомиссии по совместной хозяйственной деятельности.

Однако быстрого решения спорных вопросов, очевидно, не будет. Серьезным препятствием является бескомпромиссная позиция японских властей, которые увязывают вопрос заключения мирного договора с передачей всех южнокурильских островов (Итуруп, Кунашир, Шикотан, Хабомаи) Японии и не согласны даже обсуждать условия Московской декларации 1956 г.

Между тем Российская Федерация, по словам министра иностранных дел РФ С. Лаврова, не отказывается от положений этой декларации. Однако японская сторона в последние годы, вместо того чтобы искать пути достижения компромисса по спорным вопросам, делает заявления и совершает действия, лишь обостряющие ситуацию. Так, 3 июля

2009 г. японский парламент принял закон о том, что Южные Курилы являются исконной территорией Японии. Осенью 2010 г. японская сторона подняла скандал вокруг поездки Президента РФ Д. А. Медведева на острова южнокурильской гряды. К подобным демаршам следует относиться спокойно и помнить, что у России сегодня позиции в территориальном споре гораздо сильнее, чем у Японии. Российские позиции более обоснованы с точки зрения международного права. Япония зависит от воли России в решении вопроса о получении статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН в случае реформы этой универсальной международной организации. Япония же имеет территориальные споры не только с Россией, но и Китаем и Южной Кореей.

В то же время нужно помнить, что российско-японские отношения не сводятся к одной лишь южнокурильской проблеме. Между Россией и Японией развивается сотрудничество в торгово-экономической и энергетической сферах. За последние годы существенно выросли прямые японские инвестиции в российскую экономику. Есть ряд позиций, где интересы России и Японии совпадают. В российско-японских отношениях существуют не только проблемы, но и потенциал для развития двусторонних отношений.

§ 4. Россия и государства Корейского полуострова

Особое место в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе занимает Корейский полуостров. Такое место определяется тем, что на Корейском полуострове существуют два государства с различным общественным строем, между которыми сохраняется потенциальная угроза открытого вооруженного конфликта. К тому же Северная Корея на протяжении длительного времени реализовывала программу по созданию ядерного оружия и средств его доставки. Для Российской Федерации ситуация на Корейском полуострове и отношения с обоими корейскими государствами имеют первостепенное значение, потому что Северная Корея является ее непосредственной соседкой на Дальнем Востоке.

Раскол Кореи стал, с одной стороны, одним из последствий Второй мировой войны, с другой — он был предопределен характером международных отношений и мировой политики периода «холодной войны». Изначально разделение Корейского полуострова на две части не предполагало его раскола по социально-политическому принципу. На заключительном этапе Второй мировой войны, когда СССР вступил в военные действия против Японии, встал вопрос о разделении сфер ответственности советских вооруженных сил и вооруженных сил западных союзников. Линия разграничения этих сфер прошла, в том числе, и по Корейскому полуострову. Севернее 38-й параллели на территории

Корейского полуострова капитуляцию японских войск должна была принимать Советская армия, а южнее этой параллели — вооруженные силы США. Предполагалось, что впоследствии Корея, бывшая с 1905 г. японской колонией, станет единым независимым государством. Однако события развивались иным образом.

Политический процесс в Корее испытал на себе влияние тенденций, проявившихся во всей мировой политике после 1945 г. Мир раскалывался на два лагеря, во главе которых стояли обретшие статус сверхдержав СССР и США. Обе сверхдержавы стремились упрочить свое положение в приобретенных после окончания Второй мировой войны сферах влияния и, по возможности, их расширить. В Северной Корее советская военная администрация сделала ставку на местных коммунистов, а также на корейских коммунистов-активистов, прибывших из Китая, и советских корейцев. Именно они составили костяк новой правящей элиты. Так же как в Восточной Европе, в Северной Корее после Второй мировой войны формируется режим «народной демократии». Это был несколько иной вариант коммунистического режима, сложившегося в СССР. И все же политическая и экономическая система в провозглашенной в 1948 г. Корейской Народно-Демократической Республике многое копировала и заимствовала из советского опыта.

В Южной Корее американские власти ориентировались на правых националистов, лидером которых был Ли Сын Ман. Он стал первым президентом провозглашенной в том же, 1948 г. Республики Корея. Хотя формально это государство было основано на демократических принципах, на практике здесь был установлен авторитарный антикоммунистический режим.

Оба корейских государства не признали друг друга, считая, что их власть распространяется на территорию всего Корейского полуострова. Политическое противостояние Северной и Южной Кореи летом 1950 г. переросло в войну между ними. Это был самый крупный вооруженный конфликт после окончания Второй мировой войны. В него оказались втянутыми в той или иной степени многие государства мира. Наиболее масштабной была активность США. Воспользовавшись тем, что в тот период представители Советского Союза не участвовали в заседаниях Совета Безопасности ООН, американская делегация провела через этот важнейший орган резолюцию, в которой Северная Корея была объявлена агрессором. Для «пресечения агрессии» сформировали «войска ООН». Именно под этим названием американская армия и воевала в Корее. Советский Союз стремился избежать полномасштабного втягивания в корейский конфликт, хотя оказывал Северной Корее всестороннюю, в том числе и военную, помощь. Непосредственно в военных действиях принимали участие советские военные летчики и наземные силы ПВО.

Опасаясь военного поражения северокорейского режима, Сталин убедил лидера китайских коммунистов Мао Цзэдуна оказать Северной

Корею военную помощь. Руководство Китая, в котором коммунистическая власть еще только-только утвердилась, не желало крупномасштабного столкновения с США. Поэтому вооруженные силы КНР вступили на территорию Корейского полуострова и приняли участие в военных действиях как «китайские народные добровольцы». Война в Корее шла с переменным успехом, в конце концов линия фронта стабилизировалась в районе 38-й параллели. Летом 1953 г. было подписано соглашение о перемирии, которое действует и по сегодняшний день.

И до и после корейской войны политическое и экономическое развитие Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея шло разными путями.

Советское влияние на севере полуострова после окончания войны стало ослабевать, а после вывода с территории КНДР «китайских народных добровольцев» ослабло и китайское влияние. Лидер Северной Кореи Ким Ир Сен сумел с выгодой для себя использовать начавшийся на рубеже 50–60-х годов XX в. советско-китайский конфликт. Балансируя между Советским Союзом и Китаем, КНДР получала от обеих стран значительную экономическую и военно-техническую помощь. По оценке зарубежных специалистов, только прямая экономическая помощь Северной Корее со стороны Советского Союза и Китая в конце 1950-х годов превышала 1 млрд долл. (в тогдашних ценах). Благодаря этой помощи КНДР в 1950–1960-е годы добилась значительных успехов в экономическом развитии. Первоначально Северная Корея превосходила Южную по уровню индустриализации и этот разрыв даже увеличился. Вплоть до 1970-х годов КНДР опережала Южную Корею по основным социально-экономическим показателям. Освободившись от прямого советского и китайского политического и идеологического контроля, Ким Ир Сен стал формировать особую северокорейскую модель социализма на основе так называемых «идей чучхе».

Особенности северокорейской политической системы и ее, не имеющих аналогов в мире, закрытый характер позволили режиму Ким Ир Сена сохраниться на фоне распада СССР и экономических реформ в Китае. Более того, Ким Ир Сэну удалось осуществить беспрецедентную для коммунистических режимов операцию «престолонаследия». После смерти Ким Ир Сена в 1994 г. его место занял сын Ким Чен Ир.

Но в экономическом отношении северокорейская модель оказалась еще менее эффективной, чем советская. Она строилась на принципах экономической автаркии и «опоры на собственные силы». По мнению западных специалистов, экономический рост в КНДР прекратился на рубеже 70–80-х годов XX в. Некоторое время северокорейская экономика держалась «на плаву» благодаря поддержке СССР и КНР, но после прекращения советской и сокращения китайской помощи КНДР оказалась в ситуации глубоко экономического кризиса. Положение

осложнилось из-за целого ряда стихийных бедствий, обрушившихся на Северную Корею в 90-е годы XX в.

Экономические проблемы Северной Кореи стали особенно заметны на фоне южнокорейского «экономического чуда». После окончания корейской войны Южная Корея оставалась бедной, экономически слабо развитой страной, поддерживавшей тесные военные и политические связи с США. На юге Корейского полуострова и по сегодняшний день сохраняется американское военное присутствие.

Политический режим в Южной Корее долгое время имел авторитарный характер. После свержения в 1960 г. Ли Сын Мана к власти пришли военные. В период существования военных режимов Пак Чон Хи и Чон Ду Хвана в Южной Корее развернулись процессы технологической и экономической модернизации. Вслед за экономическими сдвигами последовали и политические. Сначала авторитарный режим вынужден был пойти на уступки оппозиции и провести ограниченную либерализацию политической системы, а затем начался процесс демократизации. К началу 90-х годов XX в. Южная Корея по своему экономическому потенциалу приблизилась к развитым странам мира, а в ее политической системе укоренились демократические институты.

Долгое время СССР поддерживал отношения лишь с Северной Кореей. Несмотря на определенные идеологические расхождения, Советский Союз и КНДР оставались союзниками по Договору 1961 г. СССР на льготных условиях поставлял в КНДР нефтепродукты, запчасти к советской военной технике и другие товары. Превращение Южной Кореи в заметного актора международных отношений в Северо-Восточной Азии и АТР не осталось незамеченным советской дипломатией. По мере роста экономики Южной Кореи, первоначально через посредников, стали завязываться торгово-экономические отношения между СССР и РК. Перестройка в Советском Союзе коснулась и внешней политики, свидетельством чего стало установление в 1988 г. дипломатических отношений с Республикой Корея.

Одной из непростых задач для российской дипломатии после распада СССР стала задача поддержания отношений с двумя корейскими государствами. В первые годы существования Российской Федерации в качестве самостоятельного актора международных отношений наблюдалась тенденция к ослаблению связей с Северной Кореей и, напротив, расширению связей с Южной Кореей. После 2000 г. возникший дисбаланс в отношениях с двумя корейскими государствами был исправлен. Во многом этому способствовал официальный визит в КНДР в 2000 г. только что избранного на первый президентский срок В. В. Путина. Во время этого визита был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР. Этот договор пришел на смену утратившему силу Договору о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи

между СССР и КНДР от 1961 г. Правда, в отличие от договора 1961 г. нынешний договор не содержит военно-политических обязательств.

Российское руководство неоднократно заявляло о важности сохранения мира и стабильности на Корейском полуострове, о необходимости прямого диалога между Северной и Южной Кореей. В отношении с обоими корейскими государствами Российская Федерация стремится заинтересовать партнеров взаимовыгодными экономическими проектами, способными внести вклад в решение и политических проблем Корейского полуострова. Прежде всего, это проект модернизации Транскорейской железной дороги и ее прямое соединение с российской Транссибирской магистралью, которую также необходимо модернизировать. В случае реализации этого проекта появится альтернативный ныне существующим и более экономичный маршрут транспортировки грузов из АТР на Европейский континент. Перспективным могло бы стать трехстороннее сотрудничество РФ, РК и КНДР в энергетической сфере. Однако пока реализации этих проектов мешают трудности как технического и экономического, так и политического характера.

В отношениях между Российской Федерацией и Республикой Корея на первом месте находятся торгово-экономические, научно-технические и инвестиционные аспекты сотрудничества. В отношениях между РФ и КНДР в последние годы на первое место вышли проблемы безопасности.

Как уже отмечалось, Северная Корея весьма активно развивала свою ядерную программу и добилась некоторых успехов. В 2006 и 2009 гг. ею были осуществлены взрывы ядерных устройств. Хотя это еще не настоящие ядерные боеприпасы, но перспектива создания ядерного оружия в Северной Корее является вполне реальной. Задача по созданию собственного ядерного оружия была поставлена руководством КНДР еще в 60-е годы XX в. Она вытекала из курса на самостоятельность и независимость как от СССР, так и от КНР. Но первые шаги по пути решения этой задачи Северная Корея сделала при помощи Советского Союза и Китая. После распада СССР и в условиях экономических реформ в КНР северокорейское руководство стало опасаться за свое будущее. Его не устраивал гипотетический вариант объединения двух корейских государств по образцу Германии, поскольку северокорейскую партийную и государственную номенклатуру ждала бы более горькая участь, чем их собратьев из ГДР. Проигрышным был и вариант с крупномасштабным вооруженным конфликтом между КНДР и РК, за спиной которой стоят США. Хотя КНДР имеет одну из самых больших армий в мире, ее вооружение и техническое оснащение не соответствует современным мировым стандартам и значительно уступает южнокорейским и, тем более, американским вооруженным силам. КНДР не может, как раньше, рассчитывать на военную помощь со стороны

СССР, возможность широкомасштабной помощи со стороны КНР также не является очевидной.

В таких условиях наличие собственного ракетно-ядерного оружия стало для северо-корейского режима реальной гарантией самосохранения. В силу этого с начала 1990-х годов в стране активизировались работы по ядерной программе и по развитию ракетных технологий. КНДР провела ряд испытаний баллистических ракет большой, средней и малой дальности, причем результаты этих испытаний постоянно улучшаются. С середины 90-х годов XX в. вопросы о северокорейской ядерной и ракетной программах оказались одними из важнейших в мировой политике. Вокруг этих программ не раз возникали кризисы в международных отношениях.

Первый такой кризис имел место в 1994 г., когда северокорейские власти заявили о своем намерении отказаться от выполнения условий Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и выйти из МАГАТЭ². Тогда же резко обострились отношения КНДР и США, фактически эти государства были на грани вооруженного конфликта. Возможные последствия такого конфликта были для США неприемлемыми, и администрация Б. Клинтона выступила с инициативами, направленными на мирное решение северокорейской ядерной проблемы. Между США и КНДР 21 октября 1994 г. было заключено Рамочное соглашение, которое предусматривало замораживание ядерных разработок Пхеньяна и консервирование строящихся им АТЭС. На основе Рамочного соглашения в 1995 г. была создана организация по развитию энергетики на Корейском полуострове — КЕДО, задачи которой заключались в строительстве за счет японских и южнокорейских средств при американском содействии атомной электростанции в Северной Корее. Такая электростанция должна была работать на легководородных реакторах, не способных производить оружейный плутоний. До ввода в действие этой электростанции США обязались ежегодно поставлять КНДР по 500 тыс. тонн мазута. Северная Корея, в свою очередь, обязывалась заморозить ядерную программу, вернуться в ДНЯО и конструктивно сотрудничать с МАГАТЭ. Предполагалось, что политические отношения между США и КНДР будут полностью нормализованы вплоть до взаимного признания.

Выполнение принятых решений затянулось. А после избрания в 2000 г. президентом США Дж. Буша-мл. они были преданы забвению. Новый президент публично причислил КНДР к «странам-изгоям» и назвал ее одним из звеньев «оси зла». КНДР, в свою очередь, заявила о выходе из ДНЯО и возобновлении ядерной программы. Вокруг Корейского полуострова вновь возник кризис.

Российская Федерация совместно с Китайской Народной Республикой активно искала пути выхода из кризисной ситуации. В резуль-

тате этих усилий в августе 2003 г. был начат первый раунд шестисторонних переговоров по урегулированию кризиса вокруг северокорейской ядерной программы. Участниками переговоров стали КНДР, РК, РФ, США, КНР и Япония. В ходе переговоров были достигнуты некоторые успехи. 19 сентября 2005 г. во время четвертого раунда состоялось подписание Совместного заявления «шестерки», которое могло бы не только открыть путь к обеспечению безъядерного статуса Корейского полуострова, но и оздоровить и стабилизировать международную ситуацию в Северо-Восточной Азии в целом. Однако пятый раунд переговоров был прерван Северной Кореей, после того как США заморозили зарубежные счета нескольких северокорейских компаний. В октябре 2006 г. КНДР объявила об успешном проведении в стране ядерных испытаний. Далее последовали весьма интенсивные дипломатические усилия по урегулированию ситуации. Однако переговорный процесс постоянно пробуксовывает. После обстрела Северной Кореей южнокорейского острова Енпхендо 23 ноября 2010 г. ситуация опять резко обострилась. Практика показывает, что для КНДР важны не столько сами шестисторонние переговоры, сколько получение надежных гарантий от США для своей безопасности. Ядерная программа, в том числе и ядерные испытания, стала для руководства КНДР своеобразным политическим оружием, которым оно время от времени шантажирует международную общественность.

Для России любой конфликт на Корейском полуострове, а тем более с возможностью применения ядерного оружия, неприемлем, поскольку речь идет о регионе, непосредственно примыкающем к российским границам. Рассматривая сегодня проблемы Корейского полуострова, следует принимать во внимание ряд обстоятельств. Прежде всего нужно иметь в виду, что существование двух корейских государств сохранится еще долго. Быстрое объединение Кореи невозможно по целому ряду причин. Во-первых, северокорейский режим обладает достаточной внутренней прочностью и способностью к выживанию в самых сложных условиях. Во-вторых, в силу сложившегося социально-экономического разрыва между корейскими государствами Южной Кореи пришлось бы затратить на помощь Северной Кореи, для того чтобы подтянуть ее к своим стандартам в различных сферах общественной жизни, более 1 трлн долл. Сегодня такие затраты для Республики Корея неприемлемы.

В интересах Российской Федерации необходимо, чтобы два корейских государства нашли формулу мирного сосуществования, рассчитанную на длительную историческую перспективу. Как показывает опыт, любое излишнее внешнее давление на Северную Корею контрпродуктивно. И наоборот, шаги навстречу северокорейским предложениям, сотрудничество с КНДР могут позитивно влиять на ее внешнюю политику

и способствовать внутренним переменам в этой стране. Когда Южная Корея во времена президентов **Ким Дэ Чжуна** (1998–2003) и **Но Му Хена** (2003–2007) проводила по отношению к Северной Кореи так называемую политику «солнечного тепла», это позитивно сказывалось и на межкорейских отношениях, и на ситуации в регионе. Ужесточение позиции РК в вопросах об отношениях с Севером после прихода к власти в 2007 г. президента Ли Мен Бака привело к обострению ситуации на Корейском полуострове. Россия заинтересована в продолжении межкорейского диалога. Российский вклад в решение проблем Корейского полуострова может заключаться в поддержании сбалансированных отношений как с Северной, так и с Южной Кореей, развитии взаимовыгодного сотрудничества с обоими корейскими государствами, а также в активном взаимодействии со всеми государствами и международными организациями, заинтересованными в решении этих проблем.

§ 5. Отношения России со странами Юго-Восточной Азии

Сегодня большинство государств Юго-Восточной Азии являются членами региональной международной организации АСЕАН³. Созданная когда-то для противодействия коммунистическому влиянию в регионе, в данный период эта международная организация включает страны, в которых власть принадлежит либо коммунистическим партиям (Вьетнам), либо партиям, в недавнем прошлом считавшимся коммунистическими (Камбоджа, Лаос). Если вначале АСЕАН представляла собой организацию преимущественно политического характера, то постепенно главное место в ее деятельности стали занимать вопросы экономики. АСЕАН можно рассматривать как одну из субрегиональных интеграционных группировок в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона. В этом качестве она представляет особый интерес для государств, проводящих активную политическую и экономическую стратегию в АТР. Например, для США, которые с момента образования АСЕАН проявляют к ней повышенное внимание, сначала в политическом, а теперь в экономическом аспекте.

Для государств-членов АСЕАН приоритетом в АТР является развитие отношений с Китаем, Японией и Южной Кореей. Об этом свидетельствует возникновение взаимоотношений в формате АСЕАН+3, который подразумевает особый характер связей этого регионального объединения государств Юго-Восточной Азии с экономически сильнейшими государствами Северо-Восточной Азии. Но на рубеже XX и XXI вв. лидеры стран-членов АСЕАН говорят о важности развития отношений и между этой организацией и Российской Федерацией. Был учрежден Фонд Сотрудничества Россия—АСЕАН, задача которого состоит в координации и финансировании совместных проектов и программ в

области торгово-экономического, научно-технологического, инвестиционного сотрудничества. В 2005 г. подписано Соглашение о сотрудничестве России и АСЕАН в области экономики и развития. Действуют несколько совместных комитетов и рабочих групп, координирующих экономическое и научно-техническое сотрудничество между Россией и странами-членами АСЕАН. При штаб-квартире АСЕАН аккредитован специальный представитель Российской Федерации. В 2007 г. по решению первого саммита Российская Федерация — АСЕАН для финансирования совместных программ был образован Финансовый фонд диалогового партнерства (ФФДП). В 2008 г. в Сингапуре на встрече РФ—АСЕАН на уровне министров иностранных дел была одобрена «дорожная карта» реализации Комплексной программы действий по развитию сотрудничества Россия—АСЕАН до 2015 г. Приоритетными в ней являются энергетическое сотрудничество, сотрудничество в сфере новых технологий, биотехнологий, в области туризма, ликвидации последствий стихийных бедствий. В 2005 г. состоялся первый саммит Россия—АСЕАН в Куала-Лумпуре. 30 октября 2010 г. — второй саммит в Ханое. В Совместном заявлении по итогам второго саммита Российская Федерация—АСЕАН его участники отметили, что будут укреплять партнерские отношения, развивать сотрудничество в сфере политики и безопасности, углублять экономические связи и налаживать взаимодействие в социально-культурном и гуманитарном направлениях.

Развивая связи с АСЕАН, параллельно Россия выстраивает отношения с государствами Юго-Восточной Азии и на традиционной двусторонней основе. До распада СССР его приоритетными партнерами в регионе были страны, относящиеся к «социалистическим». Прежде всего, крупнейшая из них — Вьетнам. Советский Союз оказал Северному Вьетнаму, где после завершения войны с французскими колонизаторами утвердилась власть коммунистов, всестороннюю помощь в создании основ собственной промышленности и подготовке профессиональных кадров. Масштабы помощи увеличились, когда во Вьетнаме началась новая война, теперь уже против США. Советский Союз поставлял оружие и боеприпасы, продовольствие и медикаменты для вооруженных сил Демократической Республики Вьетнам и Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. На севере Вьетнама находились многочисленные советские гражданские и военные специалисты. В разгар американских бомбардировок во Вьетнам были направлены советские ракетные части противовоздушной обороны.

Роль Советского Союза в победном завершении войны и объединении Вьетнама была огромной. Советская помощь продолжалась и после провозглашения Социалистической Республики Вьетнам, в состав которой вошли территория ДРВ и Южного Вьетнама. Вьетнамские коммунисты пытались копировать советский опыт социально-

экономического развития, заимствуя как его положительные, так и отрицательные характерные черты. Экономическая неэффективность сложившейся во Вьетнаме системы компенсировалась за счет помощи со стороны Советского Союза и восточноевропейских социалистических стран. Но в конце 1980-х годов такая помощь начала сокращаться и перед вьетнамским руководством встала задача проведения реформ. Начало реформ фактически совпало со временем распада СССР.

Экономические реформы во Вьетнаме в определенной степени схожи с реформами, проводимыми в Китае. При сохранении прежней политической системы, где компартии принадлежит монополия на власть, в стране стала формироваться рыночная экономика, открытая внешнему миру. Постепенно СРВ вышла в число лидеров по темпам экономического роста в АТР, и об этой стране стали говорить как об одном из новых «драконов» Восточной Азии. Но процесс экономического роста сопровождался, вследствие распада СССР, процессом свертывания прежних тесных связей с нашей страной.

На протяжении 1990-х годов в научных публикациях не раз раздавались призывы активизировать отношения с Вьетнамом, но на уровне принятия внешнеполитических решений эти призывы не вызывали соответствующей реакции. Возможности сотрудничества на экономически взаимовыгодной основе, расширявшиеся по мере роста вьетнамской экономики, сначала не принимались в расчет. Но в 1994 г. был подписан Договор об основах отношений между Социалистической Республикой Вьетнам и Российской Федерацией, который в совокупности с подписанными позже пятьюдесятью двусторонними соглашениями стал правовой основой российско-вьетнамских отношений.

После распада СССР не прекратилось военно-техническое сотрудничество России с Вьетнамом, на вьетнамской территории существовала российская военно-морская база в городе Камрань.

В первом десятилетии нового века российско-вьетнамские отношения активизировались. Об этом свидетельствуют визиты высокопоставленных представителей России во Вьетнам и, соответственно, Вьетнама в Россию. В 2010 г. Российскую Федерацию посетила делегация Социалистической Республики Вьетнам во главе с генеральным секретарем правящей там коммунистической партии Нонг Дык Манном. В 2010 г. Президент РФ Д. А. Медведев нанес официальный визит во Вьетнам, в ходе которого был подписан целый пакет двусторонних соглашений.

Если в середине 1990-х годов товарооборот между РФ и СРВ составил всего немногим более 300 млн долл., то к концу первого десятилетия XXI в. он превысил 1,5 млрд долл. Россия экспортирует в СРВ продукцию черной металлургии, машины и оборудование, комплектующие к ним, горюче-смазочные материалы, удобрения. В структуре импорта из СРВ преобладают рис, плодоовощная продукция, чай,

кофе, перец, специи, масло растительное, изделия легкой промышленности, ежегодно возрастают закупки вьетнамского кофе и морепродуктов. К 2020 г. планируется увеличить товарооборот между двумя странами до 10 млрд долл.

Наиболее ярким примером российско-вьетнамского сотрудничества в современных условиях является деятельность совместного предприятия «Соввьетпетро», которое ведет разведку и добычу нефти на вьетнамском континентальном шельфе. «Соввьетпетро» представляет собой крупнейший инвестиционный и один из наиболее рентабельных российских экономических проектов в зарубежных странах, он приносит немалые доходы в бюджет Российской Федерации. Но и для бюджета СРВ «Соввьетпетро» приносит ежегодную прибыль в 2 млрд долл. Положительный опыт деятельности «Соввьетпетро» способствовал появлению новых совместных проектов в энергетической сфере, например, «Вьетгазпром», «Русвьетпетро». Все эти совместные предприятия предполагают осуществлять свою деятельность не только на территории Вьетнама и России, но и на территории третьих стран.

Существуют перспективы у российско-вьетнамского сотрудничества в области атомной энергетики и в научно-технической сфере. Для этого есть хороший потенциал. Значительная часть вьетнамских ученых и специалистов в свое время получили образование в советских вузах. Эта традиция не прерывается. Сегодня в вузах России обучается более пяти тысяч студентов из Вьетнама.

В целом современные отношения между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам оцениваются как отношения стратегического партнерства, имеющие важное значение как для Юго-Восточной Азии, так и для всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

Крупнейшей по численности населения страной Юго-Восточной Азии является Индонезия. Индонезия — это еще и самое многонаселенное мусульманское государство в мире. Индонезия обрела независимость в 1945 г. и отстаивала ее в вооруженной борьбе против голландских колонизаторов. В те непростые годы Советский Союз оказал политическую и дипломатическую поддержку молодому государству, что благотворно влияло на советско-индонезийские отношения вплоть до 60-х годов XX в. Тогдашний президент Индонезии Сукарно был одним из основателей Движения неприсоединения и проводил на международной арене внешнеполитический курс, который приветствовался руководством СССР.

Между СССР и Индонезией на двусторонней основе осуществлялось сотрудничество как в политической, так и в экономической области. Советский Союз выделял кредиты, направляемые на индустриализацию Индонезии и на развитие ее сельского хозяйства. Поскольку между Индонезией и Нидерландами оставался конфликт по поводу при-

надлежности западной части острова Новая Гвинея (Западного Ириана), кроме того страна сталкивалась с угрозой сепаратизма, СССР оказывал ей также существенную военную и военно-техническую помощь. Советский Союз поставлял Индонезии боевые корабли и военные самолеты. С советским участием были подготовлены индонезийские летчики и военные моряки, способные обслуживать данную технику. В начале 1960-х годов, в момент обострения отношений Индонезии с Голландией, в индонезийском порту Сурабая была создана советская военно-морская база, где были дислоцированы надводные корабли и подводные лодки. Благодаря советской поддержке Индонезия полностью восстановила в 1963 г. свой суверенитет над Западным Ирианом.

С помощью Советского Союза в Индонезии были построены учебные и медицинские учреждения, объекты транспортной инфраструктуры. Здесь постоянно находились советские специалисты в области народного хозяйства, образования, здравоохранения и культуры. Но плодотворное советско-индонезийское сотрудничество было прервано вследствие резких внутривнутриполитических событий в Индонезии.

К середине 1960-х годов обострилось противостояние между руководством местной компартии и командованием сухопутных войск. Это противостояние привело, в конце концов, к падению режима так называемой «направляемой демократии» во главе с президентом Сукарно. 30 октября 1965 г. группа левонастроенных военных, действовавших с ведома руководства компартии и некоторых лиц из ближайшего окружения Сукарно, попыталась осуществить «социалистическую революцию» в Индонезии. Провал этой попытки спровоцировал военный переворот, в результате которого была установлена военная диктатура, а президент Сукарно устранен от власти. Военный режим в Индонезии имел антикоммунистический характер. Сотни тысяч коммунистов и их сторонников были физически уничтожены. Коммунистическая партия Индонезии и все связанные с ней организации попали под запрет. Хотя СССР не нес никакой ответственности за действия руководства индонезийской компартии, ориентировавшегося тогда не на Москву, а на Пекин, после событий 1965—1966 гг. советско-индонезийские отношения были во всех сферах свернуты.

Только со второй половины 1980-х годов стали предприниматься двусторонние попытки улучшить советско-индонезийские отношения. К тому времени Индонезия добилась определенных успехов в экономическом развитии и рассматривалась как перспективный партнер СССР в Юго-Восточной Азии. Политические контакты на высшем уровне начались в конце 1980-х годов и продолжились после распада в 1991 г. Советского Союза.

В апреле 2003 г. президент Индонезии М. Сукарнопутри посетила Россию, в ходе визита главы двух государств подписали Декларацию

об основах дружественных и партнерских отношений между Россией и Индонезией в XXI в. Визит президента В. В. Путина в Джакарту 6 сентября 2007 г. стал первым визитом руководителя России в Индонезию за последние 50 лет. В ходе визита был подписан объемный пакет двусторонних документов, касающихся межгосударственного и межведомственного сотрудничества, в том числе в области контртерроризма, инвестиций, культуры.

Накануне азиатского финансово-экономического кризиса 1997 г. Россия и Индонезия готовились подписать ряд перспективных соглашений в области экономического и военно-технического сотрудничества. Однако кризис, наиболее сильно ударивший именно по Индонезии, сорвал намеченные планы. Одним из последствий кризиса 1997 г. стало падение авторитарного режима и переход этой страны на демократический путь развития. Индонезии приходится сталкиваться с угрозами межэтнических и межконфессиональных конфликтов, терроризма и сепаратизма. Это не только тормозит экономическое развитие, но и наносит ущерб отношениям с другими странами. Российско-индонезийским экономическим отношениям, которые стали активно развиваться во второй половине первого десятилетия нового века, новый удар нанес мировой финансово-экономический кризис.

Тем не менее перспективы у российско-индонезийских отношений имеются, тем более что в политической сфере между руководством двух стран поддерживаются устойчивые рабочие связи. Начинается реализация крупных двусторонних проектов в нефтегазовой сфере, которые осуществляются российскими компаниями «Петрос» и «Синтез-морнефтегаз». На индонезийском рынке активно действует целый ряд российских предприятий. В октябре 2009 г. в Джакарте прошло 6-е заседание совместной Российско-Индонезийской комиссии по торгово-экономическому и техническому сотрудничеству. Сегодня можно говорить о положительной динамике российско-индонезийского сотрудничества в политической, военно-технической, экономической, культурной, гуманитарной сферах.

Примечания

¹ В 1994 г. на встрече в Богоре (Индонезия) лидеры АТЭС провозгласили цель — построение свободной и открытой торгово-инвестиционной системы к 2010 г. развитыми и к 2020 г. развивающимися экономиками-участницами. Эти ориентиры получили известность как «Богорские цели». Особо оговорен принцип добровольности: каждая страна индивидуально определяет темпы своего движения к указанным целям, а также приверженность идеям «открытого регионализма», т.е. устранения барьеров для торговли и инвестиций в отношении не только партнеров по АТЭС, но и всех прочих стран.

² МАГАТЭ — Международное агентство по атомной энергии. Ведущий мировой правительственный форум научно-технического сотрудничества в обла-

сти мирного использования ядерных технологий. Как самостоятельная организация создано ООН в 1957 г. Общее число членов на декабрь 2010 г. — 151.

³ АСЕАН — Ассоциация стран Юго-Восточной Азии. Образована в 1967 г. Включает страны — Индонезию, Малайзию, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Бруней, Вьетнам, Лаос, Мьянму, Камбоджу.

Контрольные вопросы и задания

1. Что такое Азиатско-Тихоокеанский регион и какие государства в него входят?
2. Когда Россия присоединилась к АТЭС и какое значение имеет участие в деятельности этой организации для нашей страны?
3. Какое место занимает КНР в современной мировой политике и экономике и как, на ваш взгляд, это место может измениться в обозримом будущем?
4. В чем причина успешного развития российско-китайских отношений в последнее десятилетие?
5. Что такое «северные территории» и как вопрос об их принадлежности влияет на отношения между Россией и Японией?
6. Охарактеризуйте развитие отношений России с двумя корейскими государствами и ее отношение к путям решения современных проблем Корейского полуострова?
7. Каковы перспективы развития отношений Российской Федерации со странами Юго-Восточной Азии?

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ СО СТРАНАМИ ЮЖНОЙ АЗИИ, БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

§ 1. Россия и перспективы ближневосточного урегулирования

Ближневосточный конфликт является самым длительным из всех неурегулированных конфликтов в мире. Его начало относится к 40-м годам XX в. и связано с проблемой создания в Палестине еврейского и арабского государств. Такое решение было принято Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1947 г. Однако это решение изначально было отвергнуто и соседними арабскими государствами, и арабским населением самой Палестины. Арабы принципиально не признавали идею возвращения евреев в их исторический очаг — Палестину, считая эту территорию своей. К концу XIX в., т.е. к моменту зарождения сионистского движения, в Палестине проживало всего 24 тыс. евреев и 426 тыс. арабов. В результате деятельности сионистов число евреев здесь увеличивалось, но и к 1947 г. их было вдвое меньше, чем арабов.

Провозглашение 15 мая 1948 г. государства Израиль повлекло за собой вторжение на территорию Палестины армий пяти арабских стран. Первая арабо-израильская война завершилась победой Израиля, который к территории, предназначенной ООН для его создания, добавил территории Палестины (Галилею, Негев и большую часть побережья Средиземного моря). Территория Палестины к западу от реки Иордан, не занятая израильскими войсками, оказалась под контролем Трансиордании, которая, присоединив эту территорию к себе в апреле 1950 г., получила свое современное название — Иордания. Город Иерусалим поделили на две части: западная досталась Израилю, а восточная отошла Иордании. В восточной части оказался Старый город с Храмовой горой — святым местом трех мировых религий: христианства, ислама и иудаизма. Сектор Газа на берегу Средиземного моря остался под контролем Египта, а палестинское арабское государство так и не было создано. Ряд арабских государств официально провозгласили свою цель — уничтожение Израиля. Это привело к эскалации конфликта.

Вторая война — тройственная агрессия Великобритании, Франции и Израиля против Египта после национализации Суэцкого канала — не внесла существенных изменений в палестинскую проблему. Третья, «шестидневная» война 1967 г. привела к тому, что под контроль Израиля перешли оставшиеся Палестинские территории: сектор Газа, Западный берег реки Иордан и Восточный Иерусалим. В результате к миллиону палестинских беженцев, покинувших аннексированные Израилем территории, прибавилось еще 300 тыс. человек.

Среди палестинцев, проживавших в самом Израиле, на оккупированных территориях и в соседних государствах, стало набирать силу антиизраильское сопротивление. Если в 1940–1950-е годы палестинцы были плохо организованы и непосредственными участниками конфликта выступали такие арабские страны, как Египет, Сирия и Иордания, то в 1960-е годы ситуация стала меняться. В 1964 г. по инициативе египетского президента Г. А. Насера была создана Организация Освобождения Палестины (ООП). В программном документе ООП, Национальной Хартии, говорилось, что разделение Палестины и создание там еврейского государства незаконно. Ставилась задача полного освобождения территории своей родины, причем палестинцами называли арабов и евреев, постоянно проживавших на территории Палестины, а также их прямых потомков. ООП создавалась как прообраз Палестинского государства, и ее структура включала подразделения, призванные заниматься политическими, экономическими, социальными, культурными, образовательными и военными вопросами.

Арабские государства и Египет с помощью ООП стремились установить контроль над палестинским движением, которое все активнее вставало на путь партизанской вооруженной борьбы. Палестинские партизаны — феодины — стали создавать собственные военно-политические группировки радикального характера. Лидер крупнейшей из них (ФАТХ — «Движение освобождения Палестины»), начавшей с 1965 г. проведение вооруженных акций против Израиля, Ясир Арафат был избран в 1969 г. председателем исполкома ООП, т.е. он занял пост официального палестинского лидера. В 1970–1980-е годы в ООП доминировали организации левого толка: ФАТХ — «Движение освобождения Палестины», НФОП — «Народный фронт освобождения Палестины», ДФОП — «Демократический фронт освобождения Палестины». Долгое время ООП оказывала предпочтение прямой вооруженной борьбе, которая сводилась к партизанским рейдам и отдельным террористическим актам на территории Израиля и оккупированных им территориях. Первоначально вооруженные формирования и организационные структуры ООП базировались в Иордании, но после конфликта с иорданскими властями («черный сентябрь», 1970 г.) вынуждены были переместиться в Ливан. Здесь палестинцы имели большое влияние и принимали участие в гражданской войне на сто-

роне местных мусульман. Вторжение израильской армии в Ливан и поражение палестинских формирований привело к тому, что в 1982 г. штаб-квартира ООП была переведена в Тунис.

Во второй половине 1980-х годов у ООП уже не было возможности использовать прежние методы борьбы и были найдены новые. 9 декабря 1987 г. на палестинских территориях началась знаменитая интифада. Интифада (арабск. — восстание) представляет собой массовые беспорядки, в ходе которых их участники оказывали активное сопротивление израильским властям, но без применения огнестрельного оружия. Большая роль принадлежала детям и подросткам, они забрасывали израильтян камнями, стреляли из рогаток. Сначала интифада началась стихийно, но затем стала использоваться и направляться руководством ООП. Интифада не предусматривала применения со стороны палестинцев вооруженного насилия, но она вызвала ответные действия израильтян и, следовательно, человеческие жертвы.

Пока в мире шла «холодная война», ООП придерживалась просоветской ориентации. Право Израиля на существование полностью отвергалось, официальные связи с США не поддерживались. В свою очередь, Израиль и США рассматривали ООП как террористическую организацию. По мере завершения «холодной войны» ситуация стала меняться, и с конца 1980-х годов открылись возможности мирного урегулирования конфликта. В ноябре 1988 г. в Алжире на Чрезвычайной сессии Национального совета Палестины (высший орган ООП, выполнявший функции палестинского парламента) было заявлено о предстоящем провозглашении Палестинского государства, были пересмотрены положения Национальной Хартии, отказывающие Израилю в праве на существование. Одновременно у Израиля потребовали освобождения всех арабских и палестинских территорий, захваченных после 1967 г., включая восточную часть Иерусалима. Кроме того, палестинцы требовали ликвидации израильских поселений на этих территориях, но о территориях, предназначенных для арабского государства и включенных в состав Израиля после войны 1948–1949 гг., ничего не говорилось. Все это создавало почву для дальнейших переговоров. Такие же возможности открывало сближение позиций США и СССР. В 1991 г. состоялась Мадридская конференция, в которой приняли участие США, СССР, делегации палестинцев и Израиля. На этой конференции был утвержден принцип «земля в обмен на мир». Советский Союз и Соединенные Штаты стали «конспонсорами» мирного процесса, а после распада СССР данная роль перешла к Российской Федерации.

В 1993 г. в Осло при посредничестве России и США было достигнуто соглашение о взаимном признании ООП и Израиля как партнеров по переговорам. Руководство ООП официально объявило о своем отказе от терроризма. В 1994 г. было заключено соглашение о первой фазе установления самоуправления на части палестинских территорий.

В 1995 г. в Осло подписано очередное соглашение о принципах самоуправления в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан и о выводе израильских войск из нескольких палестинских городов.

В 1999 г. были сделаны новые шаги в решении арабо-израильского конфликта. На территории Западного берега реки Иордан и в секторе Газа создается Палестинская национальная автономия, над частью которой палестинцы получили полный контроль. На этой части был сформирован вооруженный корпус палестинской полиции и палестинская администрация. Российская Федерация взяла на себя обязательство подготовить необходимые для этого кадры. Но на пути создания суверенного Палестинского государства и установления между ним, другими арабскими странами и Израилем стабильных добрососедских отношений стоит целый ряд препятствий.

Между палестинцами и израильтянами существуют разногласия по вопросу статуса Иерусалима, проблемам беженцев и еврейских поселений. Обе стороны считают, что Иерусалим должен быть их столицей, и те, и другие претендуют на Храмовую гору и другие священные места города.

Помимо палестинцев, постоянно проживающих на территории Израиля и Палестинской автономии, есть еще беженцы, находящиеся в специальных лагерях. Большинство из этих 3 млн человек — это выходцы с территорий, которые включены в состав Израиля. Палестинцы настаивают на их возвращении, но израильтяне согласны, в лучшем случае, принять на принципах «воссоединения семей» не более 100 тыс. человек.

Наконец, после 1967 г. на территории Западного берега реки Иордан возникло более сотни еврейских поселений, где проживает около 200 тыс. человек. Израиль настаивает на сохранении большинства из них под своей юрисдикцией.

Простых и легких решений для обеих сторон по всем этим проблемам не существует. Кроме этих проблем есть и еще ряд усложняющих мирное урегулирование обстоятельств. В Израиле в последнее десятилетие усилились позиции правых партий, проводящих жесткий и непримиримый курс в отношении арабов. Среди палестинцев резко возросло влияние и активность исламских экстремистских организаций — «ХАМАС», «Исламский джихад» и т.д. Эти организации используют террористические методы и занимают непримиримую позицию по отношению к Израилю. Палестинская автономия сегодня фактически расколота на две части. Если на Западном берегу реки Иордан власть принадлежит движению ФАТХ, то сектор Газа контролируется движением «ХАМАС».

Действия экстремистов с обеих сторон, выразившиеся в террористических акциях на территории Израиля и вводе израильских войск и сил безопасности на территорию Палестинской автономии, осложняют обстановку и затрудняют мирное решение арабо-израильского конфликта. Такое решение остается возможным, но требует полного

отказа от терроризма и насилия и активного участия международных посредников в лице США, России, Европейского Союза и Организации Объединенных Наций.

В отличие от Советского Союза современная Россия имеет большие возможности играть роль посредника в урегулировании Ближневосточного конфликта. С одной стороны, у Российской Федерации сохранились хорошие контакты с представителями различных политических сил внутри Палестинской национальной автономии. Россия всегда выступала за создание самостоятельного Палестинского арабского государства. С другой стороны, у России в последние годы сложились конструктивные отношения с Израилем. Сегодня в Израиле проживает большое количество выходцев из России и других стран СНГ. В отличие от советского времени, они поддерживают тесные связи с исторической родиной. В Израиле действуют политические партии, защищающие интересы русскоязычного населения страны. Представители этих партий входят в состав израильского правительства. Данное обстоятельство помогает вести диалог между Москвой и Тель-Авивом.

В марте 2010 г. в Москве состоялась очередная встреча «квартета» посредников по ближневосточному урегулированию. В ней приняли участие министр иностранных дел РФ С. Лавров, госсекретарь США Х. Клинтон, Генеральный секретарь ООН Пак Ги Мун, спецпосланник США по ближневосточному урегулированию Дж. Митчелл и высокий представитель Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон. Итоговый документ, одобренный на московском заседании «квартета», был подготовлен при ведущей роли российской дипломатии. В этом документе охвачены все основные аспекты ближневосточного урегулирования, дается объективная характеристика положения, сложившегося в регионе, намечены цели, которые необходимо достигнуть на всех этапах переговоров между вовлеченными в конфликт сторонами. Позиции участников «квартета» по вопросу Восточного Иерусалима, сектора Газа и другим острым вопросам значительно сблизились. Особенно важно, что на московском заседании выработан общий взгляд на конкретные сроки провозглашения палестинского государства.

Но если «квартет» посредников придерживается в целом близких позиций в вопросах окончательного урегулирования израильско-палестинского конфликта, то позиции самих конфликтующих сторон — Израиля, руководства Палестинской национальной автономии и контролирующего сектор Газа движения «ХАМАС» — по-прежнему сильно расходятся. Они ориентируются не столько на конструктивное решение накопившихся проблем, сколько на затягивание времени с целью получения в дальнейшем односторонних выгод для себя.

В таких условиях от заинтересованных в окончательном урегулировании Ближневосточного конфликта государств, включая Россию, тре-

буются новые дипломатические усилия. А это, в свою очередь, предполагает активизацию отношений со всеми странами региона, и прежде всего с арабскими странами.

§ 2. Отношения России с арабскими странами

Современные отношения России со странами Арабского Востока в определенной степени базируются на фундаменте, заложенном во времена СССР. Арабский мир не входил в число внешнеполитических приоритетов Российской империи и не занимал заметного места во внешней политике Советского Союза в первые десятилетия его существования. Возрастание активности советской внешней политики на Ближнем Востоке в целом и в арабских странах в частности произошло после окончания Второй мировой войны. Поначалу Советский Союз не находил в арабском мире сил, на которые он мог бы опереться, поэтому советское влияние там уступало влиянию государств Запада. Но с середины 1950-х годов возможности для укрепления позиций СССР на Ближнем Востоке и усиления его влияния в арабских странах стали расширяться. В ряде арабских государств к власти пришли радикальные антизападные режимы, поставившие перед собой цель — преодолеть социально-экономическую отсталость. Во внешней политике эти режимы придерживались антизападного, антиамериканского курса, который был обусловлен ролью Израиля, превратившегося в главного союзника США в регионе. Для реализации своих внутривнутриполитических и внешнеполитических планов радикальные арабские лидеры нуждались во внешней помощи и поддержке. Такую помощь и поддержку они получали от Советского Союза. А внешнеполитическая стратегия СССР основывалась на постулате глобальной борьбы против империализма, важное место в которой отводилось «национально-освободительному движению».

Успехи Советского Союза в послевоенном мире привели к росту популярности идей социализма. И хотя в арабских странах влияние коммунистов никогда, за редким исключением, не было сильным, социалистические концепции получили широкое распространение и там. Но это были концепции «национального», «арабского» социализма, отличавшиеся от коммунистической доктрины. Немарксистские социалистические концепции стали идеологической платформой политических режимов, существовавших в таких арабских странах, как Алжир, Ирак, Ливия, Сирия, Египет во времена Г. А. Насера. Только в Южном Йемене к власти пришли сторонники марксистского «научного социализма». В условиях, когда влияние идеологического фактора на советскую внешнюю политику было чрезвычайно велико, отношения с арабскими странами «социалистической ориентации» для Советского Союза приобрели приоритет. Правда, не одна только идеология определяла место и значение этих стран в советской внешней политике.

Учитывались и геополитические, и военно-стратегические, и экономические факторы. Подход к той или иной стране, тому или иному лидеру определялся не только близостью их идейно-политических позиций, но и сугубо прагматичными соображениями. Поэтому, например, тесному сотрудничеству с президентом Египта Гамаль Абдель Насером не помешало даже то обстоятельство, что он жестоко преследовал египетских коммунистов. Более того, во времена Н. С. Хрущева Г. А. Насер был удостоен высокого звания Героя Советского Союза, что вызывало непонимание и возмущение тогдашнего советского общества.

В 1950—1980-е годы между Советским Союзом и рядом арабских государств сложились тесные связи в экономической сфере. СССР оказывал существенную помощь в реализации нескольких крупных инвестиционных проектов. При советском участии были возведены такие объекты, как Асуанская плотина и Хелуанский металлургический комбинат в Египте, Евфратская ГЭС в Сирии, Эль-Хаджарский металлургический завод и теплоэлектростанция «Жижель» в Алжире. В арабских странах работали тысячи советских специалистов, а тысячи арабских студентов учились в советских вузах.

Особенно масштабным было военное и военно-техническое сотрудничество СССР с арабскими странами. Армии многих арабских стран были вооружены преимущественно советским оружием и боевой техникой. Помогали обслуживать эту технику советские военные специалисты. Кроме того, в армиях многих арабских стран находились советские военные советники. Дело доходило до прямого присутствия советских военнослужащих в зоне вооруженного противостояния Египта и других арабских стран с Израилем.

О масштабах отношений СССР с арабскими государствами свидетельствуют следующие цифры: стоимость возведенных при помощи Советского Союза объектов оценивается в 30 млрд долл. (в ценах 1960—1970-х годов). Ежегодный объем торговли СССР с арабскими странами составлял 10—11 млрд долл. А долг этих стран Советскому Союзу, образовавшийся в основном за счет поставок советских вооружений, достиг к началу 1990-х годов 34 млрд долл.

Но не со всеми арабскими странами Советский Союз поддерживал прочные связи. Между СССР и наиболее богатыми нефтедобывающими государствами (Саудовской Аравией, Кувейтом, Объединенными Арабскими Эмиратами) отношения не достигли сколько-нибудь заметного уровня. Традиционные правящие элиты этих стран боялись расширения советского влияния и присутствия в регионе и стремились его ограничить. В условиях «холодной войны» консервативные арабские монархии предпочитали ориентироваться на США, страны Западной Европы и Японию.

После окончания «холодной войны» и распада СССР отношения Российской Федерации с арабским миром стали выстраиваться на

иной основе, нежели в советские времена. Полностью ушел из сферы международной политики, в том числе и в данном регионе, идеологический фактор, на смену которому пришли прагматизм и экономическая целесообразность. В первые годы после распада СССР во внешней политике Российской Федерации ощущался явный крен в сторону отношений с наиболее развитыми странами Запада, что невольно отодвигало отношения с другими странами и регионами мира на второй план. На практике это привело к снижению уровня отношений России с арабским миром по сравнению с периодом существования СССР.

Некоторые страны, бывшие в свое время партнерами СССР на Ближнем Востоке, например Ирак и Ливия, оказались под действием международных санкций, что автоматически ограничивало возможности развития взаимоотношений с ними. На пути продолжения сотрудничества с другими арабскими странами возникли препятствия, обусловленные неурегулированностью вопроса о долгах этих стран перед СССР, правопреемником которого в данном случае выступает Российская Федерация. Надежды пробиться на рынки богатых нефтедобывающих стран Персидского залива оправдывались не всегда. Правда, Россия, в отличие от Советского Союза, установила более тесные контакты с Организацией стран—экспортеров нефти (ОПЕК). А в составе ОПЕК преобладают арабские нефтедобывающие государства. У России и стран—членов ОПЕК есть сферы, где их интересы совпадают, но между ними существуют и противоречия. Объединяет РФ и страны—члены ОПЕК заинтересованность в поддержании определенного уровня цен на нефтяном рынке, но в вопросе о способах обеспечения приемлемого уровня цен интересы сторон расходятся.

ОПЕК рассчитывает на то, что Россия будет нести такие же обязательства по объемам добычи нефти, как и члены Организации. Раздавались даже призывы о вступлении России в члены ОПЕК. Однако такие призывы не имеют достаточных оснований. Условия нефтедобычи и экспорта нефти в России, где большинство месторождений находится в труднодоступных местах, радикально отличаются от условий добычи и экспорта нефти на Аравийском полуострове и в Персидском заливе. В арабских странах нефтедобыча рентабельна даже при минимальных ценах на нефть на мировом рынке, в России же порог рентабельности значительно выше. Кроме того, по техническим причинам объем добычи нефти на российских месторождениях невозможно регулировать так, как это делается, например, в Саудовской Аравии. Вследствие этого, вступление в члены ОПЕК для России нецелесообразно, что, однако, не отменяет необходимости сотрудничества с этой Организацией.

В последнее время возросла потребность в сотрудничестве с арабскими государствами Ближнего Востока в сфере добычи и экспорта природного газа, что нашло выражение в создании новой структуры — Форума стран—экспортеров газа.

В конце первого десятилетия XXI в. активность внешней политики России в ближневосточном регионе возросла. Это проявилось как в отношениях с теми арабскими странами, которые ранее были близкими партнерами СССР, так и с теми, которые не поддерживали тесных связей с Советским Союзом. Удалось осуществить реструктуризацию долгов Алжира и Сирии, образовавшихся в результате их военнотехнического сотрудничества с СССР. Это помогло возобновить такое сотрудничество уже на экономически новой, соответствующей нормам мирового рынка основе. В этих странах стали реализовываться проекты в энергетической сфере, связанные как с модернизацией построенных в советское время объектов, так и с сооружением новых. В ходе визитов российских делегаций во главе с Д. А. Медведевым и В. В. Путиным были подписаны многомиллионные контракты о строительстве объектов инфраструктуры в Ливии и Саудовской Аравии. Активизация межгосударственных связей расширила возможности российских нефтегазовых компаний, таких как Газпром, Лукойл и других, принимать участие в разведке, добыче и экспорте энергоносителей на территории арабских государств Ближнего Востока и Северной Африки.

Наряду с экономическими вопросами в отношениях с арабскими странами по-прежнему актуальными остаются вопросы политического характера. Интересы Российской Федерации лежат в области сохранения мира и стабильности в ближневосточном регионе. И это касается не только урегулирования арабо-израильского конфликта. Дестабилизирующим фактором является, например, ситуация в Ираке, сложившаяся там после свержения режима Саддама Хусейна. Российская Федерация выступала против американской силовой акции в Ираке, кроме прочего, и потому, что понимала, какие трудно прогнозируемые последствия может иметь такая акция как для самого Ирака, так и для всего региона. Российское руководство, воспользовавшись посредничеством такого опытного политика и дипломата как Е. Примаков, пыталось найти мирный путь выхода из кризиса, сложившегося в начале 2003 г. вокруг Ирака. Однако нежелание С. Хусейна принять российские предложения привело к решению о военном вмешательстве со стороны американо-британской коалиции и стоило, в конце концов, жизни самому иракскому диктатору. К сожалению, опасения российского руководства по поводу возможной дестабилизации ситуации в Ираке вполне оправдались. Сегодня даже ставится вопрос о том, сохранится ли Ирак как единое государство после того, как его покинут иностранные, прежде всего американские, войска¹. Россия заинтересована в том, чтобы в Ираке существовала дееспособная центральная власть, способная контролировать ситуацию в стране. Российско-иракские отношения имеют богатые традиции. У России в Ираке имеются существенные интересы, в том числе и в нефтегазовой сфере.

Отношения с арабскими государствами Ближнего Востока сегодня приобрели еще одно важное для интересов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации направление — а именно сотрудничество в борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом. Террористы, действующие на территории России, получали и получают помощь от исламских организаций, базирующихся в арабских странах. Нередко к террористическим актам, совершавшимся в России, были причастны арабские экстремисты. Долгое время официальные власти некоторых арабских стран не обнаруживали стремления к сотрудничеству с Россией в борьбе с угрозой терроризма. Лишь в последние годы, когда стало понятно, что радикальные исламисты угрожают не только странам Запада и России, но и правящим режимам самих арабских стран, ситуация несколько переменялась. Правда, и сегодня в ряде арабских государств действуют всевозможные исламистские организации и фонды, поддерживающие связи с экстремистскими группировками, которые находятся на территории России. В устранении недоразумений и сложностей в отношениях с арабскими странами могут сыграть свою роль представители российской мусульманской общественности. Примеры такого рода уже были. Так, визиты покойного ныне Президента Чечни А. Кадырова способствовали улучшению отношений России с Саудовской Аравией и некоторыми другими консервативными арабскими государствами.

Укреплению отношений с исламским миром в целом и арабскими странами в частности может послужить и участие Российской Федерации в работе такой международной организации, как Организация исламской конференции (ОИК). РФ приобрела статус наблюдателя в ОИК, поскольку немалая часть населения нашей страны исповедует ислам и имеет давние духовные и культурные связи с ближневосточным регионом.

§ 3. Россия и Турция

Турция по своему геополитическому положению является, так же как и Россия, евразийским государством, поскольку часть ее территории расположена на Европейском, а часть — на Азиатском континенте. Территориальная близость России и Турции предопределила интенсивность двусторонних отношений между ними на протяжении многих столетий. Российско-турецкие отношения начинают формироваться в конце XV в., с момента возникновения предшественницы Турции — Османской империи, когда между ней и Московским государством завязались первые контакты.

Отношения между Османской империей и Московским государством, а затем Российской империей складывались непросто. Территориальные притязания двух государств были причиной конфронтации и вооруженных конфликтов между ними. В результате многочисленных русско-турецких войн территория Российской империи расширилась

за счет земель, ранее входивших в состав Османской империи: Северного Кавказа, западной части Закавказья, Северного Причерноморья, Крыма и Бессарабии. При непосредственном содействии России от турецкого господства освободились народы Балканского полуострова. Россия и Турция более трех столетий — с конца XVII до начала XX в. — оставались главными геополитическими соперниками в Юго-Восточной Европе и Передней Азии.

Однако было бы ошибочно сводить историю российско-турецких отношений лишь к конфликтам и войнам. В отношениях России и Турции были периоды сближения на основе совпадения национально-государственных интересов, между ними шла взаимовыгодная торговля, совершался интенсивный культурный обмен. И Россия, и Турция были полиэтничными империями, населенными родственными народами, что создавало дополнительные предпосылки для конфликтов, с одной стороны, но и становилось стимулом для развития разнообразных контактов — с другой.

Геополитические потрясения начала XX в. радикально изменили политическую карту мира. На месте прежней Российской империи появилась Советская Россия, а затем СССР, на месте Османской империи — Турецкая Республика. Пришедшие к власти в России большевики, а в Турции кемалисты² сделали серьезные шаги навстречу друг другу. Поскольку и Советская Россия, и кемалистская Турция оказались в состоянии конфронтации с западными государствами, между ними стали складываться союзнические отношения, что нашло свое выражение в подписании 16 марта 1921 г. Договора о дружбе и братстве между РСФСР и Турецкой Республикой. Политическая поддержка и военно-техническая помощь, которую Советская Россия оказала Турецкой Республике, помогла последней выстоять в прямом противостоянии с западными государствами. Большевики пошли на серьезные территориальные уступки Турции, согласившись передать ей земли, входившие до 1917 г. в состав Российской империи.

Советский Союз оказал содействие в решении задач технической модернизации Турции, вставших перед ней в 20-е годы XX в.

Однако период советско-турецкого сближения был непродолжительным. В начале 1930-х годов отношения между двумя странами стали прохладными. В годы Второй мировой войны Турция сохраняла нейтралитет, но по отношению к СССР он не всегда носил благожелательный характер. Москва видела в Турции вполне вероятного противника. Накануне войны и сразу после нее Сталин в своей геополитической стратегии стремился реализовать старую цель царской внешней политики — получить контроль над черноморскими проливами. На практике это привело к дальнейшему ухудшению отношений между СССР и Турцией.

В начавшейся «холодной войне» Турция оказалась по другую от Советского Союза сторону баррикад. В 1952 г. она стала членом НАТО,

заявив важное для североатлантического альянса место — на его правом фланге, непосредственно возле южных границ СССР. Военно-политическая конфронтация периода «холодной войны» была сдерживающим фактором для развития советско-турецких отношений и не позволила в полной мере использовать обеим странам преимущества, вытекающие из близкого территориального соседства.

Новая страница в двусторонних отношениях открылась после 1991 г., когда вместо Советского Союза актором мировой политики стала Российская Федерация. 25 мая 1992 г. был подписан Договор о принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой, ставший международно-правовой основой двустороннего сотрудничества. Оно в последующие годы развивалось прежде всего в торгово-экономической сфере. Растущая турецкая экономика получила новый и весьма емкий российский рынок, куда устремились потоки турецких товаров. Кроме того, Турция стала одним из важнейших направлений туризма и отдыха для граждан Российской Федерации. Большую активность на российском строительном рынке проявили турецкие строительные компании, а турецкие строители были одними из первых «гастарбайтеров», приехавших в Россию из дальнего зарубежья.

Для России Турция представляла интерес как крупный потребитель энергоресурсов, а также как транзитное государство по их экспорту в третьи страны. Правда, в вопросах экспорта изначально переплетались элементы сотрудничества и соперничества.

Окончание «холодной войны» поставило перед Турцией вопрос об изменении приоритетов ее внешней политики. Прежняя однозначная ориентация на США и НАТО теряла смысл, а по периметру внешних границ Турции все менялось, и рождались новые реалии.

В самой Турции также происходили серьезные внутривнутриполитические сдвиги — падало влияние военных и одновременно усиливалось влияние политических сил умеренно исламской ориентации. Представляющая эти силы Партия справедливости и развития с ноября 2002 г. является правящей. С ее приходом к власти внешняя политика Турции стала более прагматичной и взвешенной.

Новые турецкие власти по-новому представили внешнеполитические приоритеты Турции. В качестве таких приоритетов правящая партия определила развитие отношений с Европейским Союзом, Российской Федерацией и исламским миром. Развитию отношений с ЕС препятствовали споры по вопросу о членстве Турции в Евросоюзе. На пути сближения с исламскими государствами помехой была прежняя сугубо проамериканская ориентация турецкой внешней политики. А турецко-российские отношения стали развиваться весьма интенсивно.

Цели современной внешней политики Турции связаны с урегулированием конфликтов и укреплением стабильности в прилегающих

к ней регионам. Этим была обусловлена, в частности, позиция, занятая Турцией в период кризиса вокруг Южной Осетии и Абхазии в августе 2008 г. В отличие от большинства своих союзников по НАТО Турция воздержалась от резких оценок действий руководства РФ в период этого кризиса. Премьер-министр Турции Р. Эрдоган в разгар августовских событий нанес визит в Москву. Турция выступила с инициативами по обеспечению мира и стабильности в Кавказском регионе.

Если на первых стадиях конфликта вокруг Нагорного Карабаха Турция однозначно поддерживала Азербайджан и фактически была одной из сторон данного конфликта, то сегодня она стремится занять более взвешенную позицию, открывающую возможность сыграть более активную роль в мирном урегулировании конфликтной ситуации.

На рубеже первого и второго десятилетий XXI в. на фоне растущих экономических связей наметились контуры политического сближения между Россией и Турцией. Однако было бы неверно сказать, что в современных российско-турецких отношениях не осталось никаких проблем. Так, несмотря на происшедшее в последние годы сближение позиций, у России и Турции по-прежнему не совпадают представления об окончательном решении проблемы Нагорного Карабаха. Между этими странами сохраняется соперничество по поводу маршрутов транспортировки энергоносителей.

И Россия, и Турция непосредственно сталкивались с угрозой терроризма, однако существуют заметные проблемы в осуществлении сотрудничества в борьбе против данной угрозы. Террористы, действующие на Северном Кавказе, до сих пор используют турецкую территорию в своих интересах. И хотя это происходит без ведома и участия официальных властей Турции, но и надлежащих мер против антироссийских террористических структур они не предпринимают. В то время как по отношению к курдским экстремистам, действующим в Турции, позиция российских властей была гораздо более жесткой.

В России вызывает определенную озабоченность деятельность некоторых турецких религиозных и пантюркистских организаций на ее территории, а также на территории стран СНГ.

Однако расхождения позиций по отдельным вопросам не мешают развитию отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой в политической, экономической и других сферах, что соответствует коренным национально-государственным интересам двух стран и способствует укреплению их позиций на региональном и глобальном уровнях.

§ 4. Россия и Иран

Российско-иранские отношения, как и российско-турецкие, уходят в глубь веков. Как и Турция, Иран несколько веков был геополити-

ческим соперником Российской империи на Кавказе и в Прикаспии. К концу XIX столетия отставший в своем развитии от стран Запада Иран стал объектом давления и экспансии с их стороны. Наряду с западными государствами стремление к проникновению в Иран и закреплению своих позиций на его территории демонстрировала и царская Россия. На рубеже XIX и XX вв. Ирану был навязан Российской империей ряд неравноправных соглашений, соответствовавших интересам российского торгового и промышленного капитала того времени.

Пришедшие после революции 1917 г. в России к власти большевики проводили двойственную политику в отношении Ирана. С одной стороны, Советская Россия отказалась от навязанных Ирану царскими правительствами соглашений. В соответствии с советско-иранским Договором 1921 г. все российские концессии на территории Ирана были переданы в собственность этой страны. С другой стороны, в рамках курса на мировую революцию, в которой, по убеждению Ленина и Троцкого, активную роль должны были сыграть народы Востока, большевики стремились стимулировать и поддерживать революционные движения, направленные против существовавшего в Иране политического режима и общественного строя. По мере того как советская внешняя политика освобождалась от идей революционного экспансионизма, в отношениях СССР с Ираном стали преобладать практические подходы, обусловленные желанием Советского Союза участвовать в освоении природных, прежде всего нефтегазовых, ресурсов Северного Ирана.

В 1940-е годы геополитическая стратегия И. Сталина стала во многом напоминать геополитическую стратегию дореволюционных российских императоров, в том числе и по отношению к Ирану. В годы Второй мировой войны на территорию Ирана были введены контингенты советских и британских войск, точно так же как и во времена Первой мировой войны, когда в этой стране присутствовали русская и английская армии. За время нахождения частей Красной армии на территории Северного Ирана там произошли серьезные политические изменения. Местное азербайджанское и курдское население сформировало, при советской поддержке, собственные структуры власти, неподконтрольные центральному правительству Ирана. В послевоенные годы вопрос о советском военном присутствии в Северном Иране стал одним из острейших вопросов международных отношений, оказавших влияние на сдвиг всей мировой политики в сторону «холодной войны». После того как Советская армия покинула иранскую территорию, самопровозглашенные республики в иранских Курдистане и Азербайджане были уничтожены, а местное население подверглось репрессиям со стороны шахских властей Ирана.

В условиях «холодной войны» Иран стал военно-политическим союзником западных государств и прежде всего США, чье влияние здесь увеличивалось и постепенно свело на нет прежнее влияние Великобри-

тании. При прямом американском участии шах Ирана Моххамед Реза Пехлеви совершил в 1953 г. военный переворот и установил личную диктатуру, свободную от прежних институциональных ограничений. Укрепившись у власти и получив в свои руки постоянно увеличивающиеся доходы от экспорта нефти, шах Ирана предпринял попытку грандиозной модернизации страны, вошедшей в историю под названием «белой революции шаха и народа». На практике технологическая и экономическая модернизация сопровождалась вестернизацией, охватившей многие сферы жизни иранского общества. Но, несмотря на явный крен политики шаха Моххамеда Реза Пехлеви в сторону Запада, не были забыты ирано-советские отношения, прежде всего в экономической сфере. В 1960–1970-е годы получили реализацию несколько взаимовыгодных советско-иранских экономических проектов, например, в городе Исфахане при содействии СССР осуществлялось строительство крупнейшего металлургического комбината.

Проводившаяся в режиме вестернизации модернизация породила в иранском обществе множество противоречий, которые дали о себе знать в конце 1970-х годов, когда в стране поднялась мощная волна протеста против шахского режима. Результатом протестного движения стала исламская революция 1979 г., свергшая монархию. Иран был провозглашен исламской республикой, во главе которой оказалось шиитское духовенство. В соответствии со взглядами вождя исламской революции аятоллы Хомейни в Иране сформировалась не имеющая аналогов в мировой политической практике структура власти. Фактически в стране утвердилась своеобразная форма теократии.

Реальная власть принадлежит верхушке шиитского духовенства во главе с Высшим руководителем революции (рахбаром). Изначально функции рахбара выполнял аятолла Хомейни, а после его смерти они перешли к его преемнику аятолле Хаменеи. Рахбара избирает Совет экспертов, состоящий из представителей духовенства. Также из представителей духовенства образуется Совет стражей конституции, функции которого заключаются в просеивании и отклонении неугодных кандидатов в президенты, депутаты парламента, претендентов на высшие государственные должности. Существующая параллельно светская ветвь власти является, таким образом, зависимой и подконтрольной по отношению к ее религиозной ветви. В то же время в Исламской республике Иран проводятся выборы президента и парламента, действуют несколько политических партий, а степень свободы средств массовой информации такова, что возможность выражать собственное мнение выше, чем в большинстве мусульманских стран мира.

Существующая в Иране «исламская демократия» по своей сути является вариантом авторитарного режима. Однако бытующие в некоторых кругах на Западе убеждения в тоталитарном характере иранского правящего режима не имеют под собой достаточных оснований. При-

чина подобных убеждений коренится в отношениях Ирана со странами Запада в целом и в частности с Соединенными Штатами, которые со времен исламской революции носят открыто конфронтационный характер. Пришедшее к власти в результате исламской революции шиитское духовенство преследовало цель освободить иранское общество от «тлетворного» западного и особенно американского влияния. Со времен кризиса, связанного с захватом американского посольства в Тегеране радикальными сторонниками имама Хомейни, между двумя странами нет даже дипломатических отношений.

Бросив вызов Западу и США, Хомейни обрушил свой гнев также на СССР и его союзников. Если США в его внешнеполитической концепции отводилась роль «Большого сатаны», то Советский Союз «удостоился» звания «Малого сатаны». Однако в последние годы жизни лидер исламской революции переменял мнение о Советском Союзе и стал выступать за укрепление связей между СССР и Ираном.

После распада СССР российско-иранские отношения долгое время развивались динамично по восходящей линии. У России и Ирана есть много сближающих их общих и сходных интересов как в экономической, так и в политической сфере. В условиях жесткой конфронтации с Соединенными Штатами и их союзниками Иран нуждается в Российской Федерации как в источнике технологий, как в партнере по военно-техническому сотрудничеству. После снятия ограничений, связанных с ирано-иракской войной, Иран превратился в довольно крупного покупателя российского оружия и военной техники.

Россия взяла на себя обязательства по достройке первой иранской атомной электростанции в городе Бушере. Реализация этого проекта с участием Западной Германии началась еще во времена шаха, но после исламской революции строительство было заморожено. Развитие атомной энергетики необходимо для Ирана, поскольку, с точки зрения иранского руководства, она позволит увеличить экспорт углеводородного топлива. В ином случае углеводородное топливо придется использовать при производстве энергии для собственных нужд страны.

Однако российско-иранское сотрудничество в области мирного использования атомной энергии и в других сферах столкнулось с препятствиями, порожденными внешней политикой современного Ирана и его конфронтацией с рядом стран и международных организаций. Отношения Ирана с США и их союзниками, особенно с Израилем, были напряженными все годы после победы исламской революции. Но еще более они обострились после избрания в 2005 г. президентом Исламской Республики Иран Ахмадинежада. В отличие от своего предшественника Хатами, пытавшегося проводить реформы внутри страны и придерживаться относительно умеренного курса в международной политике, Ахмадинежад, пользующийся поддержкой духовного лидера Хаменеи, продемонстрировал стремление вернуться к изначальным

идеалам исламской революции. Во внешней политике это означало усиление конфронтации с США и Израилем.

Ахмадинежад шокировал мировую общественность заявлениями, в которых, с одной стороны, отрицался холокост в годы Второй мировой войны, с другой — содержались угрозы в адрес Израиля. Влияние шиитского Ирана в исламском мире было относительно невелико, поскольку большинство мусульман не шииты, а сунниты. Но в некоторых арабских странах проживают значительные шиитские общины, в частности в Ливане, где на ее основе при иранской поддержке сформировалась военно-политическая организация «Хезболла», известная антиизраильской позицией и антиизраильскими действиями. Но в Израиле и США опасаются не столько «Хезболлы», сколько прямого вмешательства Ирана в Ближневосточный конфликт. Такие опасения руководство и политики этих государств подкрепляют ссылками на военные приготовления Ирана и, особенно, на его ракетную и ядерную программы. По мнению ряда западных экспертов, при продолжении этих программ Иран сможет уже в ближайшем будущем иметь ядерные боеголовки и ракеты, способные доставить их на расстояние до 2–3 тыс. км.

Вопрос об иранских ракетной и ядерной программах стал одним из центральных в мировой политике начала XXI в. Он неоднократно обсуждался в рамках международных организаций и в формате двусторонних отношений многих государств мира. Иранское руководство проводило непоследовательную линию в аспекте сотрудничества с МАГАТЭ и соблюдения режима нераспространения ядерного оружия. Поэтому обсуждение иранского «ядерного досье» встало в повестку дня работы Организации Объединенных Наций и ее Совета Безопасности. Среди постоянных членов СБ ООН по иранскому вопросу долгое время существовали разногласия. Если западные государства — США, Великобритания, Франция — настаивали на принятии жестких санкций против Ирана, то Китай и Россия высказывались против этого.

Российская дипломатия стремилась убедить Тегеран пойти на сотрудничество с международными институтами и выполнить их требования, с тем чтобы не довести дело до серьезного политического кризиса. В конечном итоге Россия дала свое согласие на принятие против Ирана санкций, что неизбежно отразилось на двусторонних отношениях. В частности, было приостановлено выполнение контракта на поставку в Иран зенитно-ракетных комплексов С-300. Российская Федерация не заинтересована в нагнетании напряжения вокруг Ирана и тем более в каких-либо силовых действиях против него. Вооруженный конфликт с участием Ирана затронет обширную территорию, прилегающую к РФ, включая территорию постсоветского пространства. Иран сохраняет свое значение для России как соседнее государство и потенциально важный партнер в самых разных областях. Но, выстраивая линию двусторонних отношений с Ираном, российская дипломатия должна

принимать во внимание не только текущую ситуацию, но и возможные изменения в будущем.

Существующий сегодня в Иране режим способен, как показали события последних лет, контролировать положение в стране. Однако перемены как экономического, так и политического характера в Иране неизбежны. Такие перемены затронут не только иранскую внутреннюю политику, но и внешнюю, а следовательно, найдут отражение в отношениях Ирана с другими странами, включая и Россию.

§ 5. Россия и страны Южной Азии

Южная Азия представляет собой субрегион, включающий такие страны, как Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, Бутан, Сикким, Шри-Ланка, Мальдивские острова. Сегодня это один из самых населенных районов земного шара. Южная Азия — субрегион, для которого характерно широкое распространение бедности и нищеты. В то же время страны этого субрегиона демонстрируют возможности экономического роста. В Южной Азии существуют свои региональные проблемы в области безопасности. Прежде всего, это неурегулированный территориальный конфликт между Индией и Пакистаном по поводу принадлежности штатов Джамму и Кашмира. Есть территориальные споры между другими южноазиатскими государствами. Для большинства стран Южной Азии свойственны серьезные внутривнутриполитические проблемы, связанные с угрозами терроризма и сепаратизма. На фоне неурегулированного территориального конфликта в отношениях между Индией и Пакистаном обе эти страны де-факто обладают ядерным оружием, и это придает проблеме безопасности в Южной Азии глобальное измерение.

В целом Южная Азия имеет важное значение для мировой политики и мировой экономики, что, в свою очередь, определяет место и роль южноазиатского вектора российской внешней политики.

Наиболее значимым для России партнером в Южной Азии, несомненно, является Республика Индия. Сегодня Индия — это не только самое населенное, после Китая, государство мира. Индия, так же как и Китай, демонстрируют одни из самых высоких темпов экономического роста. По объему своей экономики Индия уже вошла в первую десятку стран мира, а в перспективе должна выйти на третье место в мире по этому показателю вслед за Китаем и США.

Хорошие перспективы для экономического роста и технологического прогресса Индии определяются следующими обстоятельствами. Индия представляет собой одну из самых молодых по возрастной структуре населения стран мира. А это означает, что в ближайшем будущем ее ожидает существенный прирост трудовых ресурсов. Кроме того, Индия обладает очень серьезным интеллектуальным потенциалом. Высшие учебные заведения Индии готовят высококвалифицированных

специалистов во многих областях науки и техники. Такие специалисты пользуются спросом во многих странах мира. Сегодня 12% американских ученых имеют индийское происхождение. В отдельных наукоемких производствах США доля выходцев из Индии еще выше: в НАСА — 36%, в Майкрософт — 34%. Все это свидетельствует о больших масштабах «утечки мозгов» из Индии. Однако сегодня этот поток уменьшается, так как внутри страны создаются лучшие условия для трудоустройства. Но и ранее уехавшие специалисты и ученые не обрывают связей со своей исторической родиной, а следовательно, способны внести немалый вклад в укрепление ее научного и технологического потенциала.

Несмотря на сложную ситуацию в социальных, межэтнических и межконфессиональных отношениях внутри страны, Индии на протяжении десятилетий удается сохранять внутривнутриполитическую стабильность. Ее нередко называют самой большой демократией мира, так как здесь действует одна из самых современных конституций, сложился устойчивый баланс между всеми ветвями власти, федеративным центром и отдельными субъектами федерации.

Индия обладает авторитетом и пользуется уважением среди государств мира. В свое время она была в числе основателей и лидеров Движения неприсоединения, игравшего заметную роль в мировой политике эпохи «холодной войны». Сегодня Индия принимает участие в работе «Большой двадцатки» и претендует на место постоянного члена Совет Безопасности ООН в рамках реформирования этой универсальной международной организации. Многие государства мира стремятся установить с Индией тесные отношения, сделать ее своим стратегическим партнером. Например, Соединенные Штаты в начале XXI в. сделали шаги навстречу Индии даже в ущерб отношениям со своими традиционными союзниками и партнерами в регионе. Индия же стремится сохранить особое положение в системе международных отношений, которое исключало бы возможность подчинения ее внешней политики внешнеполитической стратегии какой-либо из великих держав. Приоритетными для Индии остаются отношения с ее традиционными партнерами, в том числе с Российской Федерацией.

Российско-индийские отношения развиваются на фундаменте, заложенном во времена СССР. Советский Союз оказывал Индии политическую и экономическую поддержку с первых лет ее независимости. При помощи Советского Союза были заложены основы индийской тяжелой промышленности. Индия и СССР выработали особую модель торгово-экономических отношений, позволявшую им обходиться без расчетов в свободно конвертируемой валюте и выгодную как для одной, так и для другой страны.

Советский Союз поддерживал Индию в ряде сложных для нее международных ситуаций, например, в случае с признанием независимости Восточного Пакистана (нынешний Бангладеш). В свою очередь,

индийская сторона занимала благоприятную для СССР позицию по некоторым ключевым мировым проблемам.

К моменту распада СССР объем индийско-советской торговли превысил 5 млрд долл. Особенно активно развивалось военно-техническое сотрудничество. К середине 1990-х годов индийские вооруженные силы были на 70% оснащены оружием и военной техникой советского производства, причем в военно-воздушных силах их доля достигала 80%, а в военно-морском флоте — 85%. Распад СССР отразился на сложившихся ранее связях. Так, объем торговли из-за перехода на цены и способы расчета, принятые на мировом рынке, снизился до 1 млрд долл. Возник спорный вопрос о размерах и способах погашения индийского долга, доставшегося России в наследство от СССР.

После того как спорные вопросы были урегулированы, а новая модель торгово-экономических отношений устоялась, наметился рост российско-индийской торговли. За последние двадцать лет объем этой торговли вырос в десять раз.

Военно-техническое сотрудничество с Индией стабильно продолжалось и после распада СССР. На протяжении 90-х годов XX в. и в начале XXI в. Индия занимала второе, после Китая, место в экспорте вооружений из Российской Федерации, а в последнее время вышла на первое место. Прежде всего Индия закупает у России современную авиационную технику, а также корабли для своего военно-морского флота. Самой крупной сделкой между двумя странами стала продажа Индии в 2004 г., после соответствующей модернизации, российского авианесущего крейсера «Адмирал Горшков». Сегодня военно-техническое сотрудничество с Индией переросло те рамки, в которых индийская сторона являлась исключительно покупателем, а российская сторона — продавцом оружия и военной техники. Индия стремится не только перевооружить свои вооруженные силы, но и получить доступ к современным военным технологиям. Промышленный и научно-технический потенциал Индии позволяет ей выступать в качестве полноценного партнера в реализации ряда совместных с Россией проектов по разработке и производству современных видов вооружений. В частности, речь идет о проектировании и выпуске крылатых ракет морского базирования, а также разработке в ближайшем будущем истребителей пятого поколения.

Развивается сотрудничество России и Индии в области исследования космоса. Обе страны подписали соглашение о совместном использовании навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС. Существуют планы по подготовке совместных экипажей российских и индийских космонавтов, по сотрудничеству в исследовании Луны и других планет.

Целям модернизации экономик как России, так и Индии призвана служить комплексная долгосрочная программа научно-технического сотрудничества. В рамках программы предполагается проводить фундаментальные исследования, которые лягут в основу создания новых

материалов и технологий. Намечено осуществление более трехсот совместных проектов в области математики, физики, астрономии, химии, биологии, медицины, сейсмологии и других наук.

Растущая экономика Индии испытывает все увеличивающуюся потребность в энергии. Собственных энергетических ресурсов в стране не хватает, поэтому в энергообеспечении большая роль отведена импорту. Но прямые поставки энергоносителей из Российской Федерации в Индию затруднены в связи с проблемой транспортировки. Поэтому российско-индийское сотрудничество в энергетической сфере направлено на снижение зависимости Индии от импорта. Российские компании участвуют в разведке и разработке нефтегазовых месторождений на территории Индии и ее континентального шельфа. В свою очередь, индийские компании осуществляют инвестиции в нефтегазодобычу на российской территории. В частности, индийская государственная нефтегазовая корпорация участвует в реализации проекта «Сахалин-1», откуда поставки нефти в Индию могут быть вполне рентабельными и конкурентоспособными по сравнению с поставками из других регионов и стран.

С российским участием на территории Индии возведены такие энергетические объекты, как ГЭС «Тери» и «Котешвар», ТЭС «Корба» и «Сипат». Российская компания «Росатом» участвует в подготовке к вводу в эксплуатацию атомной электростанции «Куданкулам» на юге Индии.

Отношения России и Индии, ранее развивавшиеся преимущественно в двустороннем формате, сегодня дополняются их взаимодействием в ряде многосторонних структур: «Большой двадцатки», РИК (Россия, Индия, Китай), БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). В перспективе такое сотрудничество продолжится в рамках ШОС (Шанхайской организации сотрудничества). Сегодня Индия имеет статус наблюдателя в ШОС и претендует на полноправное членство, когда оно станет возможным.

В XXI в., кроме традиционных направлений, в российско-индийском сотрудничестве стали возникать новые, в частности, сотрудничество по вопросам обеспечения безопасности. И Россия, и Индия столкнулись с угрозами, исходящими от международного терроризма, религиозного экстремизма и сепаратизма. Наличие общих интересов в сфере обеспечения безопасности обуславливает необходимость тесного сотрудничества правоохранительных органов и силовых структур. В последние годы на территории России и Индии регулярно проводятся совместные антитеррористические учения с участием военнослужащих двух стран.

Соображения, связанные с необходимостью обеспечения региональной и глобальной безопасности, лежат в основе российских подходов к отношениям с другой крупной страной Южной Азии — Пакистану. В силу традиционного индийско-пакистанского противостояния и в силу того, что в годы «холодной войны» Пакистан относился к числу

геополитических противников СССР, отношения Российской Федерации с этой страной не получили такого же масштабного развития и не имеют таких же традиций, как отношения с Индией. Несмотря на это, основы для взаимовыгодных связей в торгово-экономической, энергетической, инвестиционной сферах между Россией и Пакистаном имеются. Однако в Пакистане сегодня на первом плане стоят вопросы сохранения внутренней стабильности. В последние годы ситуация в Пакистане самым тесным образом взаимосвязана с событиями, разворачивающимися в соседнем Афганистане, где Центральному правительству и коалиционным войскам НАТО противостоит экстремистское исламистское движение «Талибан». Многочисленные сторонники «Талибана» действуют и в приграничных провинциях Пакистана. В Пакистане сильны позиции и собственных исламистских партий и движений. Приход к власти подобных сил, с учетом наличия в этой стране ядерного оружия, мог бы иметь катастрофические последствия. Поскольку без стабилизации ситуации в Афганистане невозможно обеспечить сохранение стабильности и безопасности в Пакистане, Российская Федерация сотрудничает с центральными афганскими властями и идет навстречу государствам—членам НАТО в вопросах, затрагивающих общие для всех интересы.

В перспективе у России есть потенциальные возможности для развития взаимовыгодных отношений не только с Индией и Пакистаном, но и с другими странами Южноазиатского региона.

Примечания

¹ Формально США заявили об окончании военной стадии операции в Ираке и выводе оттуда американских войск. На практике же в стране остались тысячи американских военнослужащих.

² *Кемалисты* — сторонники основателя Турецкой Республики Кемаля Ататюрка, приверженцы идеи национал-реформизма.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем причины Ближневосточного конфликта?
2. Как менялось отношение Советского Союза к проблемам ближневосточного урегулирования?
3. Какую роль может сыграть современная Россия в процессе урегулирования Ближневосточного конфликта?
4. Как изменились отношения России с арабскими странами после распада СССР?
5. Охарактеризуйте современное состояние российско-турецких отношений.
6. Проследите эволюцию отношений Советского Союза и России с Ираном после победы исламской революции в этой стране.
7. Каковы перспективы стратегического партнерства России и Индии?

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ СО СТРАНАМИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И АФРИКИ

§ 1. Россия и Африка

Когда речь идет о месте Африки в мировой политике и экономике, чаще всего имеется в виду не весь Африканский континент, а только та его часть, которая лежит южнее пустыни Сахары. Эту часть Африки принято называть Тропической и Южной Африкой, подчеркивая тем самым ее отличие от Северной Африки, принадлежащей сегодня к Большому Ближнему Востоку. Если североафриканские страны, так же как и ближневосточные, принадлежат к исламской цивилизации, то страны и народы Тропической и Южной Африки образуют самобытную африканскую цивилизацию. Эта цивилизация имеет многотысячелетнюю историю, накопила свой, до сих пор недостаточно изученный европейцами опыт, и создала оригинальные культурные ценности.

История Африки в последние столетия складывалась трагически. Африканский континент стал объектом колониальной экспансии крупнейших европейских держав, в результате чего к началу XX в. большинство африканских народов потеряли свою самостоятельность. Деколониализация, начавшаяся после Второй мировой войны и завершившаяся в 60–70-е годы XX в., открыла новую страницу в истории континента.

Освобождение от колониальной зависимости породило в африканских народах надежды на лучшее будущее. В середине XX в. казалось, что государства Африки в течение нескольких десятилетий смогут преодолеть свою социально-экономическую отсталость, избавиться от массовой бедности и нищеты. Однако действительность оказалась не столь радужной. Часть стран «третьего мира» продемонстрировала способность осуществить быструю модернизацию и приблизиться по социально-экономическим и технико-технологическим показателям к уровню развитых государств. Но все эти страны находятся не в Африке, а в Восточной Азии. Африка же в условиях глобализации оказалась в целом в маргинальном положении. На Африканском континенте находятся 33 из 49 беднейших стран мира с большой внешней задолженно-

стью. Если в других регионах развивающегося мира в последние десятилетия сокращается количество людей, живущих за чертой бедности, то в Африке оно остается неизменно высоким.

Согласно опубликованному в ноябре 2010 г. Докладу Программы развития ООН, из 42 стран, попавших в список стран с низким уровнем Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП)¹, 36 находятся в Африке. Причем отдельные африканские страны имеют ИРЧП ниже 0,300 (Чад, Гвинея-Бисау, Мозамбик, Бурунди, Нигер и др.).

К низким темпам экономического роста во многих африканских странах добавляется высокий темп прироста населения. В результате происходит обострение социальных проблем и дестабилизация политической жизни в этих странах. В последние десятилетия Африка стала ареной внутренних конфликтов, возникающих часто на этнической основе. Эти конфликты отличаются тем, что их участниками становятся широкие слои молодежи и даже детей. Появился совершенно новый феномен «детей-солдат», которых используют в своих интересах противостоящие друг другу этнополитические группировки, нередко преследующие откровенно криминальные цели. Еще одно отличие разворачивающихся на Африканском континенте конфликтов — кризис государственности. Такой кризис выражается, например, в утрате государством монополии на вооруженное насилие, в формировании частных армий, в широком распространении наемничества и незаконной торговли оружием. По данным экспертов ООН, 200 млн африканцев проживают в зонах конфликтов.

В отношении Африканского континента вполне правомерно использование таких терминов, как «несостоявшееся» или «падающее» государство, классическим примером которого является расположенное в районе Африканского Рога Сомали.

Однако было бы неверно рисовать картину современной Тропической Африки лишь черными красками. Наряду с государствами, где имели место внутренние вооруженные конфликты, такими как Заир (ныне ДРК), Либерия, Руанда, Сьерра-Леоне, Сомали, Чад, там существуют и страны, в которых десятилетиями сохраняется внутривнутриполитическая стабильность. К таким странам относятся Бенин, Замбия, Мадагаскар, Танзания и др.

Несмотря на наличие многочисленных внутренних конфликтов, межгосударственных конфликтов в Африке относительно немного. Наиболее крупным был вооруженный конфликт на границе между Эфиопией и ранее входившей в ее состав Эритреей. В целом же международные отношения на Африканском континенте отличаются стабильностью, в чем есть несомненная заслуга Организации африканского единства, преобразованной в 2001 г. в Африканский союз. Входящие в него африканские государства поставили перед собой за-

дачу укрепления всесторонних связей между странами континента, с тем чтобы со временем достичь такой же степени интеграции, которая характерна для ЕС. Пока такая цель выглядит не очень реалистичной, но в будущем ситуация может измениться.

На фоне сохраняющейся общей социально-экономической отсталости Африканского континента отдельные государства демонстрируют способность к экономическому росту и повышению жизненного уровня своего населения. В первую очередь это касается стран, привлекаемых для иностранных инвестиций, имеющих большие запасы востребованных на мировом рынке природных ресурсов. Западная Африка сегодня считается одним из наиболее перспективных в мире районов в сфере добычи и экспорта нефти. Многие специалисты сравнивают потенциал Африканского континента в нефтедобыче и нефтеэкспорте с потенциалом Ближневосточного региона и ряда других богатых нефтью регионов мира. В США планируют поднять долю нефти из африканских стран в своем импорте до 25%.

Африка весьма привлекательна с точки зрения наличия на ее территории таких ценных видов полезных ископаемых, как алмазы, бокситы, золото и другие цветные металлы. Она не утратила своей роли производителя продукции тропического сельского хозяйства. Неудивительно, что многие ведущие страны мира стали проявлять в начале XXI в. повышенный интерес к этому континенту. Они заявляют, что готовы увеличивать масштабы помощи африканским странам. Так, объем японской помощи увеличился вдвое и составил 20 млрд долл. Страны Европейского Союза тратят на помощь африканским государствам 0,31% своего ВВП, что в три раза превосходит аналогичный показатель США. Однако не только США, но и другие крупные экономически развитые государства пока не достигли рекомендованного ООН объема помощи, который должен составлять не менее 0,7% от валового национального дохода стран-доноров. К настоящему времени только пять стран — Норвегия, а также страны-члены ЕС Дания, Люксембург, Нидерланды и Швеция — выполняют рекомендации ООН.

Страны Евросоюза поддержали разработанную в рамках Африканского союза программу «Новое партнерство для развития Африки» (НЕПАД), хотя эффективность этой программы у специалистов сегодня вызывает сомнение. США и страны Евросоюза оказывают содействие своим транснациональным корпорациям в их стремлении проникнуть на африканский континент.

Между США, Западной Европой и Японией существует соперничество в борьбе за усиление своего влияния на Африканском континенте. Но наибольшую активность в Африке в последние два десятилетия демонстрирует Китай. Китайскую Народную Республику привлекают в Африке запасы нефти и других полезных ископаемых, а также сельско-

хозяйственные площади, которые сегодня скупаются китайскими компаниями. На почве столкновения экономических интересов в Африке между Китаем и западными государствами возникают серьезные политические разногласия. В частности, в Суданской провинции Дарфур, где Китайская национальная нефтяная корпорация ведет добычу нефти.

В отличие от стран Западной Европы, США, Японии и Китая Россия после распада СССР долгое время не уделяла в своей внешнеполитической деятельности достаточного внимания Африканскому континенту. Между тем в советский период был заложен серьезный фундамент в отношении со многими африканскими странами. Советский Союз последовательно выступал против колониализма и внес существенный вклад в процесс деколонизации Африки. Это выражалось как в поддержке новых африканских независимых государств в Организации Объединенных Наций, так и в прямой помощи национально-освободительным движениям, ведущим вооруженную борьбу против колонизаторов. Уже после приобретения большинством африканских стран независимости СССР поддерживал национально-освободительную борьбу народов еще существовавших тогда португальских колоний — Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау и Островов Зеленого Мыса. Вплоть до падения режима апартеида в ЮАР Советский Союз помогал борющемуся против этого режима Африканскому Национальному Конгрессу (АНК), а также Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО), ведущей вооруженную борьбу за освобождение от оккупации Намибии Южно-Африканской Республикой.

СССР оказывал содействие молодым африканским государствам в решении задач социально-экономического развития. Помогал строить и налаживать работу промышленных предприятий и объектов инфраструктуры, учреждений здравоохранения и учебных заведений. В африканских странах работали тысячи советских инженеров, строителей, врачей и других специалистов. Большое количество африканских студентов получали образование в советских вузах. Сегодня многие из них занимают высокие государственные посты, играют важную роль в политической и общественной жизни своих стран, входят в политическую элиту.

Приоритет в оказании советской помощи, как в Африке, так и в других регионах «третьего мира», отдавался так называемым государствам «социалистической ориентации». В разное время к их числу в Тропической Африке относились такие страны, как Бенин, Мали, Конго со столицей Браззавиль, Гана, Гвинея, Сомали. Но самые тесные отношения у СССР сложились с теми африканскими государствами, где правящие партии провозгласили марксизм-ленинизм своей идеологией, — Анголой, Мозамбиком и Эфиопией. Именно этим странам досталась львиная доля советской помощи в последние десятилетия су-

ществования СССР. Наряду с содействием экономическому и культурному развитию наша страна оказывала своим африканским союзникам серьезную военно-техническую помощь. В Анголе и Эфиопии советские военные советники и специалисты принимали непосредственное участие в боевых действиях по отражению внешней агрессии, направленной на эти страны.

Сотрудничество СССР с африканскими государствами было обусловлено не только идеологическими, геополитическими и военно-стратегическими факторами. Нередко такое сотрудничество было взаимовыгодным и экономически оправданным. Однако об этом забыли после распада СССР в начале 90-х годов XX в., когда начала формироваться новая внешнеполитическая стратегия России по отношению к Африканскому континенту. Точнее говоря, никакой стратегии не было, а было бессмысленное и бессистемное свертывание отношений с африканскими государствами. В некоторых случаях такому свертыванию отношений способствовали и события, происходившие в самих африканских странах. Одновременно с кризисом и развалом СССР произошло свержение режима Менгисту Хайле Мариама в Эфиопии, оставшегося без прежней мощной советской поддержки и помощи.

В первой половине 1990-х годов в рамках экономии средств и сокращения расходов на внешнеполитическую деятельность было резко сокращено дипломатическое присутствие Российской Федерации в Африке. Во многих странах здесь были закрыты российские посольства, а оставшиеся стали функционировать по «кустовому» принципу, когда один посол представляет интересы России сразу в нескольких соседних африканских государствах.

Внимание к Африке стало возвращаться в российскую внешнюю политику только в начале XXI столетия. За первое десятилетие нового века в отношениях России с африканскими странами проявились новые тенденции, которых ранее не наблюдалось, например, официальные визиты на континент высокопоставленных российских делегаций во главе с президентом или премьер-министром России. Стоит обратить внимание на то, что даже в период высокой активности СССР в Африке высшее советское руководство избегало посещений африканских стран, лежащих южнее пустыни Сахары. Россия стала принимать непосредственное участие в миротворческих операциях, осуществляемых в Африке под эгидой ООН и других международных организаций. С российским участием сегодня реализуются программы гуманитарной помощи жертвам внутренних конфликтов и природных катастроф на Африканском континенте. Российский вклад в миротворческие и гуманитарные операции выражается в предоставлении соответствующих транспортных средств и персонала для их обслуживания и эксплуатации, а также гуманитарных грузов.

В рамках «Большой восьмерки» Россия участвовала в принятии решений, направленных на улучшение положения в наиболее бедных странах мира, к числу которых относятся в первую очередь многие африканские государства.

В отличие от большинства экономически развитых или наиболее быстро развивающихся стран мира Россия обладает собственными большими запасами энергоносителей и минерального сырья. Но это вовсе не означает, что у нашей страны нет никаких экономических интересов на Африканском континенте. Российские эксперты придерживаются мнения, что российским компаниям было бы выгодно принимать участие в разработке африканских нефтегазовых месторождений. Там нефтегазовые месторождения расположены в более благоприятных для их добычи климатических условиях, чем в северных удаленных районах России. К тому же африканские месторождения расположены относительно близко к потенциальным покупателям нефти и газа и имеют удобный выход к морским коммуникациям, по которым осуществляется значительная часть мировой торговли энергоносителями. Поставки африканской нефти и газа позволили бы российским компаниям выполнять свои обязательства перед партнерами в период освоения новых труднодоступных месторождений на Крайнем Севере или даже сохранить их пока в неприкосновенности.

В условиях глобализации во внешней политике России объективно появилась задача поддерживать российские транснациональные компании. Сегодня интересы той части российского бизнеса, который встал на путь транснационализации, связаны с Африканским континентом. Прежде всего это относится к компаниям горно-металлургического комплекса. Например, компания «Русал» приобрела 77,5% акций Нигерийской компании АЛКОН за 250 млн долл. и наладила полный цикл производства алюминия в Западной Африке. «Русалу» принадлежат и предприятия по добыче главного сырья для производства алюминия — бокситов, расположенные в Гвинее. Еще одна российская металлургическая компания «Норильский никель» владеет 20% акций южноафриканской золотодобывающей компании «Голд Филд Лимитед».

Российский бизнес сегодня активно работает в тех странах, которые в прошлом были важнейшими партнерами СССР на Африканском континенте, в частности, в очень богатой минеральными ресурсами Анголе. Здесь российская компания «Алроса» приобрела 32,8% акций горнорудного общества «Катока», занимающегося добычей алмазов. При участии российского бизнеса идет строительство новых электростанций, ведется модернизация промышленных предприятий и объектов инфраструктуры, сооруженных в свое время с помощью Советского Союза.

Конечно, пока не все возможности для торгово-экономического сотрудничества с африканскими странами используются полностью.

Например, Африка вполне могла бы быть емким рынком сбыта продукции российского машиностроения. Ведь эта продукция, в частности транспортные средства, лучше приспособлена к специфическим сложным африканским условиям эксплуатации, чем продукция известных западных фирм. Не в полной мере используются и потенциально имеющиеся возможности установления политического и экономического взаимодействия, связанные с уже упоминавшимся фактом — наличием в составе правящих элит многих африканских стран лиц, получивших образование в Советском Союзе и России и ориентированных на тесное сотрудничество с нашей страной.

Несмотря на географическую удаленность Африки от территории современной России, развитие отношений с африканскими странами должно занять достойное место в российской внешней политике.

§ 2. Россия и Латинская Америка

История отношений России со странами Латинской Америки восходит к тем временам, когда эти страны появились на политической карте мира как независимые государства. Некоторые лидеры зарождающегося национально-освободительного движения на Южноамериканском континенте имели контакты с высокопоставленными государственными деятелями Российской империи еще в XVIII столетии. Так, императрица Екатерина II в феврале 1787 г. встречалась с одним из первых сторонников идеи освобождения народов Южной Америки от испанского господства Ф. Мирандой и удостоила его беседой.

В отличие от многих других европейских стран Российская империя не имела каких-либо экспансионистских планов в Латинской Америке, а стремилась к развитию экономических связей с тогдашними испанскими и португальскими колониями, а затем независимыми латиноамериканскими государствами. Позиция официальных властей России по вопросу признания независимости государств Южной Америки в XIX в. была двойственной. С одной стороны, уже в 1828 г. Российская империя признала в качестве самостоятельного государства Бразилию и установила с ней дипломатические отношения. С другой стороны, во времена Николая I Россия придерживалась принципов легитимизма и отказывалась в официальном признании бывшим испанским колониям в Латинской Америке. Однако в отличие от Европы, где русский царизм, исходя из этих принципов и в соответствии со своими обязательствами по Священному союзу активно участвовал в подавлении революционных движений, в Южной Америке Россия отказалась поддерживать аналогичные действия Испанской империи в ее владениях.

Со времен Александра II и тогдашнего главы российского дипломатического ведомства канцлера А. М. Горчакова связи между Россией

и Латинской Америкой стали более активными. Во второй половине XIX — начале XX в. со всеми государствами Латинской Америки Россия установила дипломатические отношения. Развивалось мореплавание и торговля с южноамериканскими государствами. В конце XIX в. Россия оказала серьезное содействие строительству железнодорожной сети в Аргентине. Она поддерживала страны Латинской Америки и на международной арене. Именно по инициативе российской дипломатии южноамериканские государства получили приглашение принять участие в Гаагской международной конференции 1907 г.

Между Россией и Латинской Америкой в начале XX в. устанавливались связи в области культуры и искусства. В частности, в Латинской Америке гастролировали такие выдающиеся деятели российского искусства, как певец Ф. Шаляпин и балерина А. Павлова.

На рубеже XIX и XX вв. в Латинскую Америку устремилась первая волна русской эмиграции, состоявшая преимущественно из крестьян, которые внесли немалый вклад в развитие сельского хозяйства в таких странах, как Аргентина, Бразилия и Уругвай. Вторая волна русской эмиграции в страны Латинской Америки началась после Октябрьской революции и Гражданской войны в России. Теперь в Латинскую Америку бежали специалисты в самых разных областях науки, промышленности, военного дела, сельского хозяйства. Они оказались востребованными и сыграли существенную роль в жизни некоторых латиноамериканских стран, например Парагвая.

До Второй мировой войны Советский Союз не уделял странам Латинской Америки того внимания, которого они заслуживали по своей значимости в мировой политике. Достаточно сказать, что до начала войны у СССР были установлены дипломатические отношения только с Колумбией, Мексикой и Уругваем. Хотя отсутствие дипломатических отношений не мешало поддерживать торгово-экономические связи с некоторыми другими государствами Латинской Америки, например Аргентиной.

В годы Второй мировой войны большинство латиноамериканских государств объявило войну гитлеровской Германии и ее союзникам, что способствовало сближению между ними и СССР. Но в послевоенные годы на отношения СССР со странами Латинской Америки оказала влияние начавшаяся глобальная конфронтация с США. Поскольку Южная Америка была регионом, где Соединенные Штаты доминировали, это ограничивало возможности Советского Союза развивать связи с латиноамериканскими государствами. В то же время СССР стремился использовать в своих интересах конфликтные ситуации, возникающие в отношениях между латиноамериканскими государствами и США.

Поворотным моментом в политике СССР на латиноамериканском направлении была победа кубинской революции. Советский Союз

встал на сторону Кубы в ее противостоянии США, что явилось причиной Карибского кризиса 1962 г. Довольно быстро Куба превратилась в одно из государств социалистического лагеря и важнейшего партнера и союзника Советского Союза в Западном полушарии. СССР оказал огромную помощь Кубе в экономике, в подготовке профессиональных кадров для ее народного хозяйства и социальной сферы. Во внешнеполитических связях Куба переориентировалась на СССР и его восточноевропейских союзников. Советский Союз поддерживал и другие левые режимы, возникавшие в Латинской Америке, — правительство С. Альенде в Чили, сандинистов в Никарагуа.

Со многими латиноамериканскими странами в 70–80-е годы XX в. СССР стремился, по мере возможности, развивать связи в торгово-экономической, научной и культурной сферах. Из Латинской Америки в СССР импортировались кофе, какао-бобы, бананы, цитрусовые, шерсть, хлопок.

С распадом СССР и выходом на мировую арену Российской Федерации как самостоятельного международного актора ее отношения со странами Латинской Америки претерпели изменения. С одной стороны, были нормализованы отношения с теми государствами, с которыми у Советского Союза в последний период его существования отсутствовали официальные дипломатические контакты. Сегодня РФ поддерживает нормальные дипломатические отношения со всеми 33 странами Латинской Америки. С другой стороны, в рамках деидеологизации внешней политики Россия свернула свою помощь Кубе, заодно ослабив связи с этой страной даже в тех сферах, где они носили экономически взаимовыгодный характер. Куба оказалась в весьма сложном положении, что породило в начале 90-х годов XX в. сомнения в возможности дальнейшего существования на «Острове свободы» прежней политической и экономической системы. Однако коммунистический режим на Кубе сохранился. В условиях отсутствия советской помощи кубинское руководство переориентировало внешнеэкономические связи своей страны на те государства, которые, невзирая на американскую экономическую блокаду, были готовы к сотрудничеству с Кубой. Интерес к торговле с Кубой и к инвестициям в ее экономику проявили бизнесмены Испании, Канады, ряда латиноамериканских государств. Весьма активно развивает отношения с Кубой два последних десятилетия Китайская Народная Республика. Иностраннный капитал осваивает те промышленные и инфраструктурные объекты, которые строились с советским участием, но были заброшены российской стороной в начале 1990-х гг. Хотя свертывание сотрудничества с Кубой оправдывалось соображениями экономической рентабельности, в результате Россия понесла значительные убытки.

Не только между Российской Федерацией и Кубой, но и другими латиноамериканскими странами в 90-е годы XX в. отношения были

ослаблены. Официальные российские власти и дипломатия долгое время не прислушивались к многочисленным призывам отечественных специалистов по Латинской Америке обратить внимание на данный континент. Только в начале XXI в. на латиноамериканском направлении, так же как и на других направлениях российской внешней политики, стали происходить серьезные изменения. В прошлом первые лица российского и советского государства не посещали с официальными визитами латиноамериканские страны. Исключением была поездка на Кубу в 1974 г. Л. Брежнева. В последнее же десятилетие в Бразилии, Венесуэле, Аргентине, Чили и других странах Латинской Америки побывали делегации во главе с президентами В. В. Путиным и Д. А. Медведевым. В. В. Путин приезжал в Латинскую Америку и в качестве главы российского правительства.

Сегодня можно говорить не только об активизации внешней политики России в Латинской Америке, но и о придании отношениям с латиноамериканскими странами нового качества. Новые возможности возникли в связи с событиями, получившими название «левого поворота». Суть этого феномена в политическом процессе латиноамериканского континента состоит в том, что в начале XXI в. здесь наблюдается укрепление позиций левых политических сил и лидеров. Рост влияния левых идей в Латинской Америке можно объяснить разочарованием итогами внедрения неоллиберальных рецептов в экономику многих латиноамериканских стран, которое осуществлялось в 90-е годы XX в. В результате в этих странах усилилась дифференциация между богатыми и бедными, резко сократились расходы на социальные нужды. Глобализация способствовала тому, что Латиноамериканский континент оказался во многом в маргинальном положении по отношению к старым и новым центрам мировой экономики. Латиноамериканские левые обвинили в сложившейся ситуации не только находившиеся у власти правые и правоцентристские правительства, но и Соединенные Штаты Америки, поскольку США всегда оказывали сильное влияние на экономику и политику Южноамериканского континента. Традиционные антиамериканские настроения, недоверие к «гринго» еще более укрепляли позиции левых сил Латинской Америки. Но в отличие от предшествующих десятилетий, когда при повсеместном господстве диктаторских режимов латиноамериканские левые ориентировались на вооруженные формы борьбы и прежде всего на партизанскую войну, в начале XXI в. политические процессы на континенте разворачивались уже в демократических условиях. На президентских и парламентских выборах стали одерживать победы левые политические партии и левоориентированные политические лидеры.

Современное левое движение в Латинской Америке отличается от левых движений 60–80-х годов XX в. Среди латиноамериканских левых

есть радикалы и сторонники умеренных взглядов. Поэтому внутривосточные и внешнеполитические ориентации левых правительств Латинской Америки различаются между собой. В Аргентине, Бразилии, Уругвае и также некоторое время в Чили у власти находились умеренные левые. Типичный пример — Партия трудящихся Бразилии, созданная занимавшим долгое время пост президента страны Лулу да Силва. Эта партия стремится осуществить социальные реформы, не забывая о необходимости технологической и экономической модернизации с учетом реалий современного мира.

Иная стратегия присуща левым радикалам. Среди них выделяется харизматическая фигура президента Венесуэлы Уго Чавеса. Чавес фактически занял место Фиделя Кастро в качестве лидера левого движения в Латинской Америке. Провозгласив своей целью «строительство социализма XXI века», Чавес провел в Венесуэле серьезные экономические и политические изменения. В противоположность господствовавшим в мировой политике и экономике последних десятилетий тенденциям в Венесуэле осуществлена широкая национализация, которая затронула прежде всего экономическую основу страны — нефтяную промышленность. Используя оказавшиеся в распоряжении государства доходы от нефтедобычи и нефтеэкспорта, правительство У. Чавеса стремится улучшить положение наиболее бедных слоев населения. Однако далеко не всегда принимаемые меры являются эффективными. Так, за первые пять лет пребывания У. Чавеса у власти доля людей, живущих за чертой бедности, не снизилась, а даже увеличилась на 10%. Несмотря на это личная популярность У. Чавеса остается высокой, что и позволяет ему и его сторонникам одерживать победы на выборах.

И радикальные, и умеренные левые правительства в Латинской Америке стремятся скорректировать внешнеполитический курс своих государств, чтобы уйти от традиционно высокой зависимости от США. С этой целью они активизируют связи с европейскими государствами, странами Азии и других континентов.

Радикальные левые, прежде всего руководители Венесуэлы, Боливии, Никарагуа, опираются на модель многополярного мира. Об этом не раз публично заявлял У. Чавес. Многополярность понимается им как ослабление роли и влияния США в мировой политике и экономике, при одновременном усилении других, альтернативных Соединенным Штатам, центров. Среди таких центров латиноамериканские левые выделяют, наряду с Китаем, и Россию. На современную Российскую Федерацию нередко смотрят как на прямую преемницу Советского Союза, авторитет которого в латиноамериканских странах был высок.

После прихода к власти радикальных левых правительств в латиноамериканских странах, составляющих так называемую «Боливарианскую альтернативу для Америки»², их связи с Российской Федерацией

резко активизировались. Символично, что первой страной, признавшей вслед за Россией независимость Абхазии и Южной Осетии, стала Никарагуа. Весьма интенсивно развиваются российско-венесуэльские отношения. Президент Венесуэлы У. Чавес неоднократно наносит визиты в Российскую Федерацию. Побывали с визитами в Венесуэле В. В. Путин и Д. А. Медведев. Сотрудничеству с российскими компаниями, наряду с китайскими, отдается предпочтение при освоении нефтегазовых ресурсов Венесуэлы. С российским участием реализуется ряд проектов в сельском хозяйстве, некоторых отраслях промышленности и транспортной инфраструктуре Венесуэлы.

Как и в отношениях со многими другими странами мира в отношениях между Россией и Венесуэлой заметное место занимает военнотехническое сотрудничество. Заключены крупные сделки на поставку в Венесуэлу российской военной техники, налажено производство по российской лицензии автоматов Калашникова. Для России военнотехническое сотрудничество в подобных масштабах, несомненно, экономически выгодно, но некоторые специалисты высказывают сомнения по поводу его выгоды и эффективности для самой Венесуэлы. Так, в середине первого десятилетия XXI в. расходы на строительство жилья и содержание крупнейших университетов Венесуэлы составили 12% от средств, затраченных в тот же период на закупки вооружений. Крупные затраты на оборону У. Чавес оправдывает ссылками на опасность со стороны США. Однако его противники утверждают, что подобные расходы ничем не обоснованы.

Наряду с военнотехническим между Россией и Венесуэлой развивается и сотрудничество в военной области. В сентябре 2008 г. в Венесуэлу совершили полеты самолеты российской стратегической авиации. В декабре того же года в территориальных водах Венесуэлы прошли совместные учения ВМС Венесуэлы и Тихоокеанского флота России, в которых принял участие, среди прочих, крупнейший корабль российского военно-морского флота «Петр Великий». Нынешнее руководство Венесуэлы демонстрирует готовность к развитию взаимодействия с Российской Федерацией по всем направлениям, представляющим взаимный интерес.

Лидеры умеренных латиноамериканских режимов также проявляют готовность к развитию отношений с Россией. Из этой группы стран для России особый интерес представляет Бразилия — крупнейшая страна Южноамериканского континента. Ее нередко называют «Тропической Россией» за некоторое структурное сходство с нашей страной.

Бразилия вместе с Россией, Индией и Китаем входит в состав группы БРИК. Причем именно президент Бразилии Лула да Силва был инициатором процесса, в результате которого случайно сконструированная экономистами аббревиатура БРИК (Бразилия, Россия, Индия,

Китай) стала реальностью мировой политики. Инициатива бразильского президента нашла активную поддержку у руководства России, в то время как лидеры Индии и Китая проявили сдержанность по поводу перспектив сотрудничества в рамках БРИК.

Двусторонние российско-бразильские отношения имеют неплохие перспективы сотрудничества в области энергетики, авиастроения, высоких технологий, а также в сфере космических исследований. Однако объем российско-бразильского товарооборота пока существенно уступает объемам торговли России с двумя другими ее партнерами по БРИК — Индией и Китаем. Сказывается географическая удаленность России и Бразилии и недостаточное знание бизнесменами двух стран условий и возможностей, которые существуют для роста взаимного товарооборота. Но в Латинской Америке Бразилия — крупнейший внешнеторговый партнер России. Накануне мирового финансово-экономического кризиса объем российско-бразильской торговли превысил отметку в 6 млрд долл. и был больше, чем с другими крупными государствами Латинской Америки — Аргентиной, Мексикой и Чили.

Однако уровень и качество отношений Российской Федерации со странами Латинской Америки не отвечают существующему потенциалу, и не только в торгово-экономической области. Это касается, например, Мексики. Современная Мексика — государство, занимающее достойное место в мировой политике и экономике. Ее вместе с такими странами, как Индонезия, Пакистан, Южно-Африканская Республика, относят, вслед за БРИК, ко второй группе так называемых «восходящих государств-гигантов». Россия и Мексика являются сегодня партнерами в рамках таких межгосударственных структур, как «Большая двадцатка» и Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество. На двусторонней основе поддерживаются постоянные контакты между высокопоставленными представителями министерств и ведомств России и Мексики. Постоянно действует Российско-Мексиканская Смешанная комиссия по экономическому, торговому, научно-техническому сотрудничеству и морскому судоходству. В процессе работы этой комиссии был выработан целый ряд соглашений, направленных на активизацию отношений между Россией и Мексикой в самых различных областях: от туризма и охраны окружающей среды до нано- и спутниковых технологий. Однако, для того чтобы такие соглашения успешно реализовывались, необходима не только воля политического руководства двух стран, но и заинтересованность бизнеса, усилия структур гражданского общества и отдельных индивидов по развитию двусторонних контактов. Основой для этого является углубление знаний о России в Мексике и других странах Латинской Америки, с одной стороны, и получение более полной информации о современных реалиях латиноамериканского континента в России — с другой.

Примечания

¹ Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) — интегральный показатель, рассчитываемый ежегодно для измерения и сравнения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия населения стран мира. Выделяют страны с очень высоким (0,900 и более), высоким (0,800—0,899), средним (0,500—0,799) и низким (менее 0,500) уровнем ИРЧП.

² «Боливарианская альтернатива для Америки» (АЛБА) — субрегиональное объединение, созданное в 2004 г. Венесуэлой и Кубой. К нему присоединились Антигуа и Барбуда, Боливия, Доминика, Никарагуа, Эквадор, Сент-Винсент и Гренадины. Цель — содействие торговле и кооперации между участниками альянса.

Контрольные вопросы и задания

1. Расскажите о сотрудничестве африканских стран и СССР.
2. Какова современная политическая и социально-экономическая ситуация в Африке?
3. Охарактеризуйте место и роль Африки в современной мировой политике и экономике.
4. Как складывается сотрудничество России и стран Африки?
5. Какие факторы влияют на политику России в Латинской Америке?
6. Охарактеризуйте место и роль Латинской Америки в современной мировой политике и экономике.
7. Какой интерес представляет опыт Латинской Америки для нашей страны?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Глава 1

- Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А.* Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М., 2002.
- Инновационные направления современных международных отношений / А. В. Бирюков, Е. С. Зиновьева, А. В. Крутских и др. М., 2010.
- Лебедева М. М.* Мировая политика. М., 2007.
- Мировая политика в условиях кризиса / Под ред. С. В. Кортунова. М., 2010.
- Основы общей теории международных отношений / Под ред. А. С. Манькина. М., 2009.
- Российская наука международных отношений: Новые направления / Под ред. А. П. Цыганкова, П. А. Цыганкова. М., 2005.
- Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М., 2010.
- Современные международные отношения и мировая политика / Отв. ред. А. В. Торкунов. М., 2004.
- Цыганков А. П., Цыганков П. А.* Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий. М., 2006.
- Цыганков П. А.* Теория международных отношений. М., 2003.

Глава 2

- Ермошин В. В.* Проблемы войны и мира в политико-правовых учениях Нового времени. М., 1989.
- Ланцов С. А.* Политическая история России. СПб., 2009.
- Новиков Г. Н.* Теории международных отношений. Иркутск, 1996.
- Основы общей теории международных отношений / Под ред. А. С. Манькина. М., 2009.
- Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М., 2002.
- Трактаты о вечном мире / Сост. И. Андреева, А. Гулыга. СПб., 2003.
- Цыганков П. А.* Теория международных отношений. М., 2003.

Глава 3

- Андрианова Т. В.* Геополитические теории XX века. М., 1996.
- Гаджиев К. С.* Введение в геополитику. М., 1998.
- Дугин А.* Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб., 2007.
- Исаев Б. А.* Геополитика. СПб., 2006.
- Колосов В. А., Мироненко Н. С.* Геополитика и политическая география. М., 2001.
- Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М., 2002.
- Цыганков П. А.* Теория международных отношений. М., 2003.
- Цымбурский В. Л.* Геополитика как мировидение и род занятий // Политические исследования. 1999. № 4.

Глава 4

- Лебедева М. М.* Мировая политика: Учебник для вузов. М., 2003.
- Основы общей теории международных отношений / Под ред. А. С. Манькина. М., 2009.
- Петровский В. Ф.* Американская внешнеполитическая мысль. М., 1976.

- Политическая наука: Новые направления / Науч. ред. Е. Б. Шестопал. М., 1999.
- Современные международные отношения и мировая политика / Отв. ред. А. В. Торкунов. М., 2004.
- Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М., 2002.
- Цыганков П. А.* Теория международных отношений. М., 2002.

Глава 5

- Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А.* Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М., 2002.
- Коньшев В. Н.* Американский неореализм о природе войны: Эволюция политической теории. СПб., 2004.
- Лебедева М. М.* Мировая политика: Учебник для вузов. М., 2003.
- Международные отношения: Социологические подходы / Под ред. П. А. Цыганкова. М., 1998.
- Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А. С. Манькина. М., 2009.
- Политическая наука: Новые направления / Науч. ред. Е. Б. Шестопал. М., 1999.
- Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. П. А. Цыганкова. М., 2002.
- Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М., 2002.
- Цыганков А. П., Цыганков П. А.* Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий: Учеб. пособие. М., 2006.
- Цыганков П. А.* Теория международных отношений: Учеб. пособие. М., 2003.

Глава 6

- Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. М., 1998.
- Бжезинский Зб.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2004.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуаций в современном мире. СПб., 2001.
- Валлерстайн И.* Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М., 2008.
- Валлерстайн И.* Мировой системный анализ: Введение. М., 2006.
- Валлерстайн И.* После либерализма. М., 2003.
- Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2004.
- Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2005.

Глава 7

- Баталов Э. Я.* Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М., 2005.
- Брутенц К.* О реструктуризации современных международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 12.
- Давыдов В.* Пробуждающиеся гиганты БРИК: Шансы многополярного мира // Свободная мысль. 2008. № 5.
- Лебедева М. М.* Мировая политика: Учебник для вузов. М., 2003.
- Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М., 2010.
- Современные международные отношения и мировая политика / Отв. ред. А. В. Торкунов. М., 2004.
- Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М., 2002.
- Уткин А. И.* Мировой порядок XXI века. М., 2001.

Цыганков П. А. Теория международных отношений. М., 2003.
Этциони А. От империи к сообществу: Новый подход к международным отношениям. М., 2004.

Глава 8

Агейчев А., Гусева Е. и др. Международные конфликты // Международная жизнь. 2010. № 7.

Барышников Д. П. Конфликты и мировая политика. М., 2008.

Лебедева М. М. Мировая политика. М., 2003.

Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы. Решения. Технологии. М., 1997.

Политическая конфликтология: Учеб. пособие / Под ред. С. Ланцова. СПб., 2008.

Скакунов Э. И. Международный конфликт (юридический конфликт): Сферы и механизмы. М., 1995.

Современные международные отношения и мировая политика / Отв. ред. А. В. Торкунов. М., 2004.

Цыганков А. П., Цыганков П. А. Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий. М., 2006.

Цыганков П. А. Теория международных отношений. М., 2003.

Экономика и политика в современных международных конфликтах / Отв. ред. А. Богатуров. М., 2008.

Глава 9

Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.

Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.

Гидденс Э. Ускользающий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.

Глобалистика: Энциклопедия / Под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М., 2003.

Дипак Лал. Похвала империи: Глобализация и порядок. М., 2010.

Кляйн Н. Заборы и окна: Хроника антиглобализационного движения. М., 2005.

Малахов В. С. Государство в условиях глобализации. М., 2007.

Мартинелли А. Глобальная модернизация: Переосмысляя проект современности. СПб., 2006.

Современные глобальные проблемы / Отв. ред. В. Г. Барановский, А. Д. Богатуров. М., 2010.

Уткин А. Глобализация: Процесс и осмысление. М., 2002.

Глава 10

Гельман В. Трансформация в России: Политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999.

Демократия и демократизация на рубеже веков. М., 2001.

Демократия и модернизация: К дискуссии о вызовах XXI века / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2010.

Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация в России / Под ред. С. В. Патрушева. М., 2006.

Мельвил А. Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. М., 1999.

Мельвил А. Ю., Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю. и др. Как измерить и сравнить уровни демократического развития в разных странах? (По материалам исследовательского проекта «Политический атлас современности».) М., 2008.

Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т. Т. 1: Постсоциалистические трансформации: Теоретические подходы. СПб.: М.; Берлин, 2003.

Шеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999.

Теория и практика демократии: Избранные тексты / Пер. с англ.: Под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М., 2006.

Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003

Глава 11

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

Ачкасов В. А. Этнополитология. СПб., 2005.

Кедури Э. Национализм. СПб., 2010.

Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. М., 2005.

Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010.

Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002 (Серия «Новая наука политики»).

Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М., 2007.

Паин Э. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2004.

Тишков В. А. Этнология и политика. М., 2005.

Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.

Глава 12

Агитон К. Альтернативный глобализм. Новые мировые движения протеста. М., 2004.

Глобализация в России: Проблемы демократического развития. М., 2004.

Глобализация в российском обществе: Сб. науч. трудов / Отв. ред. И. И. Елисеева. СПб., 2008.

Глобализация и постсоветское общество. М., 2001.

Глобализация сопротивления: Борьба в мире / Отв. ред. С. Амин и Ф. Угар. М., 2009.

Глобализация: Контуры XXI века: Реф. сб. / Редколл. вып.: Ю. И. Игрицкий; отв. ред. П. В. Малиновский. М., 2002. Ч. 1. II.

Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М., 2004.

Приватизация мировой политики: Локальные действия — глобальные результаты / Под ред. М. М. Лебедевой. М., 2008.

Стиглиц Дж. Глобализация: Тревожные тенденции. М., 2003.

Туроу Л. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск, 1999.

Глава 13

Авдеева Т. Копенгаген-2009: Провал, успех или момент истины? // Международная жизнь. 2010. № 2.

Байков Н. Нефть и газ в мире. Год 2030 // Международная жизнь. 2010. № 4.

Барбанов О. Н., Голицын В. А., Терещенко В. В. Глобальное управление. М., 2006.

Данилов-Данильян В. И. Дефицит пресной воды и мировой рынок. Водные проблемы. М., 2005.

Дискуссия. «Энергетика и экология» // Международная жизнь. 2010. № 12.

Каныгин П. Экономика возобновляемых источников энергии // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 6.

Костин А. И. Экополитология и глобалистика: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2005.

Луков В. «Двадцатка» и «восьмерка» в поиске решений глобальных проблем экономики и общества // Международная жизнь. 2010. № 8.

Современные глобальные проблемы мировой политики: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. М. М. Лебедевой. М., 2009.

Энергетическая безопасность: Термины и определения / Отв. ред. Н. И. Воропай. М., 2005.

Энергетическое измерение международных отношений и безопасности в Восточной Азии / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2007.

Глава 14

- Арбатов А. Взаимосвязь ядерного разоружения и нераспространения // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 1.
- Евтодьева М. Военно-политическое измерение ОБСЕ: Состояние и тенденции развития // *Международная жизнь*. 2010. № 11.
- Кулагин В. М. *Международная безопасность*. М., 2006.
- Лавров С. Новый Договор о СНВ в матрице глобальной безопасности. Политическое измерение // *Международная жизнь*. 2010. № 7.
- Ланцов С. А. Террор и террористы. Словарь. СПб., 2004.
- Политическая конфликтология / Под ред. С. Ланцова. СПб., 2008.
- Радиков И. В. *Политика и национальная безопасность: Монография*. СПб., 2004.
- Терроризм в современном мире / Науч. ред. Ю. М. Антонян, В. Л. Шульц. М., 2008.
- У ядерного порога: Уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения / Под ред. А. Арбатова. М., 2007.

Глава 15

- Калмакарян Р. А. Господство права (Rule of Law) в международных отношениях. М., 2004.
- Калмакарян Р. А. Кодификация международного права и современный миропорядок. М., 2008.
- Кузьмин Э. Миропорядок и международное право // *Международная жизнь*. 2010. № 9.
- Кузьмин Э. Нравственное измерение дипломатии // *Международная жизнь*. 2009. № 8.
- Ланцов С. А. Политика и право в международных отношениях: Теоретические концепции и внешнеполитическая практика // *Мировая политика: Проблемы теоретической идентификации и современного развития*. Ежегодник-2005. М., 2006.
- Лебедева М. М. *Мировая политика*. М., 2003.
- Манов Б. Г. Современное международное право в условиях глобализации // *Международное публичное и частное право*. 2008. № 1.
- Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2004.
- Цыганков П. А. *Теория международных отношений*. М., 2003.

Глава 16

- Заемский В. Ф. *Новейшая история реформы ООН: Монография*. М., 2008.
- Змеевский А. Венские международные организации: Потенциал модернизации для России и мира // *Международная жизнь*. 2010. № 8.
- Зябкин А. И. Организация Объединенных Наций (ООН) — универсальная международная организация общей компетенции. СПб., 2008.
- Липичев С. Совет ООН по правам человека: Происхождение и эволюция // *Международная жизнь*. 2010. № 11.
- Ломагин Н. А. *Международные организации: Теория и практика деятельности*. СПб., 1999.
- Международные Отношения: Теории, конфликты, организации / Под ред. П. А. Цыганкова. М., 2006.
- Мутагиров Д. З. *Международные политические институты: Актуальные проблемы истории и теории*. М., 2009.
- Орлов А. ООН — всеобщее достояние // *Международная жизнь*. 2010. № 9.

Глава 17

- Дипломатическая служба. М., 2002.
- Дипломатия иностранных государств. М., 2004.
- Зонова Т. В. *Современная модель дипломатии: Истоки становления и перспективы развития*. М., 2003.

Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. *Образ государства и принятие решений в международных отношениях*. СПб., 2004.

Ланко Д. А. *Практика принятия внешнеполитических решений*. СПб., 2010.

Лебедева М. М. *Мировая политика*. М., 2003.

Попов В. И. *Современная дипломатия: Теория и практика*. Дипломатия — наука и искусство: Курс лекций. М., 2004.

Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2004

Глава 18

Внешняя политика и безопасность современной России: В 4 т. М., 2002.

Громыко А. Большая идея российской внешней политики // *Свободная мысль*. 2009. № 7.

Конституционно-правовой механизм внешней политики. М., 2004.

Кортунов С. В. *Современная внешняя политика России: Стратегия избирательной вовлеченности*. М., 2009.

Крамаренко А. Идеология внешней политики современной России // *Международная жизнь*. 2008. № 8—9.

Ланцов С. А. Внешняя политика РФ в условиях формирования новой системы международных отношений: Структурные ограничения и возможности их преодоления // *Вестник аналитики*. 2004. № 2.

Маруев А., Савельев А. Геополитический статус новой России: Внутренние ресурсы и проблемы самоидентификации в глобальной политике // *Свободная мысль*. 2009. № 12.

Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2004.

Цыганков А. П. *Внешняя политика России от Горбачева до Путина: Формирование национального интереса*. М., 2008.

Глава 19

Арбатов А. Г. *Уравнение безопасности*. М., 2010.

Бжезинский Зб. *Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы*. М., 2007.

Ватанабэ К., Лайн Р., Тэлбот С. *Взаимодействие с Россией. Следующая фаза: Доклад для Трехсторонней комиссии*. М., 2007.

Кейган Р. *Конец иллюзиям: История возвращается* // *Pro et Contra*. 2007. Т. 11. № 6 (39).

Киссинджер Г. *Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии XXI века*. М., 2002.

Кортунов С. В. *Становление национальной идентичности: Какая Россия нужна миру?* М., 2009.

Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: Меняющийся мир: Доклад Национального разведывательного совета США. М., 2009.

Российско-американские отношения при администрации Буша: Программа по новым подходам к безопасности России (PONARS). М., 2001.

Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М., 2010.

Современные глобальные проблемы / Отв. ред. В. Г. Барановский, А. Д. Богатуров. М., 2010.

Глава 20

Европейская интеграция / Под ред. О. В. Буториной. М., 2011.

Маркетти А. *Европейская политика соседства — политическая консолидация с препятствиями* // *Актуальные проблемы Европы*. М.: ИНИОН, 2010. № 2: Евросоюз: Политическое измерение интеграции / Ред.-сост. О. А. Жирнов, С. В. Погорельская.

Отношения между Россией и ЕС. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gian.ru/politics/20081202/156289310.html>.

Россия — Европейский Союз: К новому качеству отношений / Под общ. ред. И. Ю. Юргенса. М., 2008.

Россия — Европейский Союз: На пути к четырем общим пространствам / Под ред. Д. А. Данилова: В 2 ч. М., 2008.

Россия—ЕС: Интересы превыше ценностей. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gosbalt.ru/2008/12/03/547071.html>.

Россия vs Европа. Противостояние или союз? / Под ред. С. А. Караганова и И. Ю. Юргенса. М., 2010.

Россия и ЕС: История и перспективы стратегического партнерства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://eulaw.edu.ru/documents/articles/rus_es_perspect.htm.

Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М., 2010.

Шмятенков В. Г. Европейская интеграция. М., 2003.

Глава 21

Арбатов А. Г. Уравнение безопасности. М., 2010.

Кулагин В. М. Международная безопасность. М., 2006.

Лебедева М. М. Мировая политика. М., 2008.

Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: Меняющийся мир: Доклад Национального разведывательного совета США. М., 2009.

Новые границы Европы: Возможности и вызовы / Под ред. И. М. Бусыгиной. М., 2003.

Приватизация мировой политики: Локальные действия — глобальные результаты / Под ред. М. М. Лебедевой. М., 2008.

Россия — Европейский Союз: К новому качеству отношений / Под общ. ред. И. Ю. Юргенса. М., 2008.

Россия vs Европа. Противостояние или союз? / Под ред. С. А. Караганова и И. Ю. Юргенса. М., 2010.

Современные глобальные проблемы / Отв. ред. В. Г. Барановский, А. Д. Богатуров. М., 2010.

Современные международные отношения и мировая политика / А. В. Торкунов, И. Г. Тюлин и др. М., 2007

Глава 22

Актуальные проблемы Европы. М.: ИНИОН, 2010. № 2: Евросоюз: Политическое измерение интеграции / Ред.-сост. О. А. Жирнов, С. В. Погорельская.

Актуальные проблемы Европы: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН, 2007. № 4: Две Европы: Процесс интеграции / Ред. сост. Ю. А. Гусаров.

Восточная Европа в современной геополитике: Сб. обзоров и рефератов. М., 2008.

Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центрально-Восточной Европы. М., 2005.

Ларраби Ф. Угрозы и возможности в Восточной Европе. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation>.

Леонард М. XXI век — век Европы. М., 2006.

Селены И. Строительство капитализма без капиталистов — три пути перехода от социализма к капитализму // Русские чтения. Вып. 3 (январь—июнь 2006 г.) М., 2006.

Системные изменения и общественное сознание в странах Восточной Европы. М., 2008.

Страны Центрально и Восточной Европы на пути в Европейский Союз. М., 2002.

Элиты в странах Восточной Европы (начало XXI века): Сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М., 2009.

Глава 23

Звягельская И. Меняющиеся балансы. Взаимодействие внешних сил в Центральной Азии // Свободная мысль. 2009. № 11.

Косов Ю. В., Торопыгин А. В. Содружество Независимых Государств: Институты, интеграционные процессы, конфликты и парламентская дипломатия. М., 2009.

Кротов М. Взаимовыгодная интеграция — условие модернизации в Содружестве // Свободная мысль. 2010. № 9.

Луну М. Молдова и СНГ: Перспективы развития // Свободная мысль. 2010. № 10.

Молчанов А. СНГ: Потенциал роста // Свободная мысль. 2010. № 9.

Пивовар Е. И. Постсоветское пространство: Альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб., 2008.

Погребинский М., Финько А. Россия—Украина: Что дальше? // Международная жизнь. 2010. № 9.

Пономарева Е., Рудов Г. Среднеазиатский узел противоречий // Свободная мысль. 2010. № 10.

Федулова Н. Конфликтотенные зоны ближнего зарубежья: Угроза интересам России // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 2.

Центральная Азия и Южный Кавказ: Насущные проблемы, 2007 / Под ред. Б. Румера. М., 2007.

Глава 24

Аладын В. К проблеме Курильских островов или «северных территорий» // Международная жизнь. 2009. № 9; АСЕАН в начале XXI века: Актуальные проблемы и перспективы / Л. Е. Васильева и др. М., 2010.

Галузин М. Россия—Индонезия: История переменчивых отношений // Международная жизнь. 2010. № 1.

Иванов А. Азиатско-Тихоокеанский регион и Россия: Новая роль в глобальном развитии // Международная жизнь. 2010. № 8.

Ивашенцов Г. Корейская проблема и безопасность в Северо-Восточной Азии // Международная жизнь. 2010. № 6.

Мазырин В. Россия в Индокитае: Назад в будущее? // Международная жизнь. 2010. № 10.

Михеев В. Россия—Китай: «Доагрузка» отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 6.

Петровский В. Е. Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после холодной войны. М., 1998.

Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2004.

Ткаченко В. П. Корейский полуостров и интересы России. М., 2000.

У ядерного порога: Уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения / Под ред. А. Арбатова. М., 2007.

Шпилов С. Б. Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество. Становление, развитие, перспективы (1989—2007 гг.): Монография. М., 2009.

Глава 25

Богучарский Е. Некоторые вопросы становления дипломатии арабских государств (Вторая половина XX — начало XXI в.) // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 1.

Ивашенцов Г. Наш партнер Индия // Международная жизнь. 2010. № 4.

Как построить мир на Ближнем Востоке. Дискуссия // Международная жизнь. 2009. № 8.

Корнилов А., Сулейманов А. Евразийская дипломатия Анкары // Международная жизнь. 2010. № 4.

- Люкманов А.* Новая политика Турции на Ближнем Востоке // *Международная жизнь*. 2010. № 11.
- Мамедова Н.* Иран сегодня: Внутренняя политика и роль в международной жизни // *Свободная мысль*. 2009. № 1.
- Озеров О.* Россия и Саудовская Аравия: 20 лет новых отношений // *Международная жизнь*. 2010. № 11.
- Ростокин С.* Ближний Восток до и после встреч Д. А. Медведева в Дамаске // *Международная жизнь*. 2010. № 8.
- Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2004.
- У ядерного порога: Уроки ядерных кризисов Северной Кореи и Ирана для режима нераспространения / Под ред. А. Арбатова. М., 2007.
- Шаумян Т.* Индия: К статусу великой державы // *Свободная мысль*. 2009. № 6.

Глава 26

- Абрамова И.* Глобальный экономический кризис и страны Африки // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 9.
- Боливия в зоне риска / Отв. ред. М. Л. Чумакова. М., 2005; Бразилия: Перемены и постоянство / Отв. ред. Б. Ф. Мартынов. М., 2004; Перспективы развития Латинской Америки в глобализирующемся мире (первая четверть XXI века). М., 2003.
- Дабегян Э.* Куда идет Венесуэла? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 11.
- Мартынов Б.* Бразилия — восходящий гигант // *Свободная мысль*. 2008. № 9.
- Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А. В. Торкунова. М., 2004.
- Федотов В., Сидоров Г.* Африка и Россия: Сотрудничество с перспективой // *Международная жизнь*. 2010. № 5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Часть I	
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	
Глава 1. Мировая политика и международные отношения как объект изучения	6
§ 1. Соотношение категорий «международные отношения», «международная политика» и «мировая политика»	6
§ 2. Теория международных отношений в структуре социально-гуманитарных наук	12
§ 3. Методы изучения международных отношений	19
Глава 2. Теоретические концепции международных отношений в истории социально-политической мысли	23
§ 1. Внешнеполитические концепции в политической мысли Древнего мира	23
§ 2. Формирование и развитие «реалистических» представлений о международных отношениях в политической мысли эпохи Возрождения и Нового времени	25
§ 3. Генезис либеральной концепции международной политики	28
§ 4. Марксизм и международные отношения	34
Глава 3. Геополитические концепции международных отношений	37
§ 1. Генезис геополитики	37
§ 2. Германская школа геополитики	39
§ 3. Британская школа геополитики	42
§ 4. Североамериканская школа геополитики	45
§ 5. Геополитические концепции в России	50
§ 6. Геополитика и современность	54
Глава 4. Теоретические исследования международных отношений в политической науке 40–60-х годов XX века	59
§ 1. Политический идеализм в теории и практике международных отношений	59
§ 2. Политический реализм в США	61
§ 3. Политический реализм в Западной Европе	66
§ 4. Модернистские концепции международных отношений	68
Глава 5. Развитие теории международных отношений в 1970–1990-е годы XX века	74
§ 1. Неолиберальные концепции международных отношений	74
§ 2. Становление неореализма	78

§ 3.	Постмодернистские и неомарксистские концепции международных отношений	84
§ 4.	Теоретические концепции международной интеграции	90
§ 5.	Формирование теории международных режимов	95
Глава 6.	Теоретические дискуссии по проблемам международных отношений и мировой политики в конце XX — начале XXI века	98
§ 1.	Концепция «конца истории» Ф. Фукуямы	98
§ 2.	Концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона	99
§ 3.	Геополитические концепции З. Бжезинского	104
§ 4.	Мир-системный анализ И. Валлерстайна	106
Глава 7.	Система и структура международных отношений	113
§ 1.	Виды и уровни международных отношений	113
§ 2.	Теоретические модели международных систем	115
§ 3.	Эволюция системы международных отношений после окончания «холодной войны»	121
Глава 8.	Теоретические основы изучения и урегулирования международных конфликтов	127
§ 1.	Сущность и типология международных конфликтов	127
§ 2.	Структура и процесс развития международных конфликтов	128
§ 3.	Пути мирного урегулирования международных конфликтов	131
§ 4.	Третья сторона в урегулировании международных конфликтов	134

Часть II

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Глава 9.	Глобализация как основная тенденция развития мирового политического процесса	140
§ 1.	Теоретические дискуссии по вопросам глобализации.	140
§ 2.	Мировая экономика и мировая политика в условиях глобализации.	146
Глава 10.	Процессы демократизации в глобальном мире: теоретические концепции и реальные результаты	157
§ 1.	Концепция «третьей волны демократизации»	157
§ 2.	Перспективы и противоречия процессов демократизации в современном мире	161
Глава 11.	Этнополитическое измерение современной мировой политики	173
§ 1.	Национализм и ксенофобия в современном мире.	173
§ 2.	Этнический парадокс современности	181
Глава 12.	Страны и регионы современного мира в условиях глобализации	189
§ 1.	Страны и регионы бывшего «третьего мира» в условиях глобализации.	189
§ 2.	Глобализация и проблемы современной России	198

Глава 13.	Глобальные проблемы современного мира	207
§ 1.	Сущность и типология глобальных проблем	207
§ 2.	Глобальная энергетическая проблема	209
§ 3.	Глобальная экологическая проблема.	212
§ 4.	Глобальная демографическая проблема	213
§ 5.	Глобальная проблема водных ресурсов	215
§ 6.	Глобальная проблема изменения климата	217
§ 7.	Пути решения глобальных проблем современности	218
Глава 14.	Международная безопасность	221
§ 1.	Основные теоретические подходы к обеспечению международной безопасности	221
§ 2.	Военно-политические аспекты международной безопасности	224
§ 3.	Противодействие терроризму в современном мире	232
Глава 15.	Политика и право в международных отношениях	239
§ 1.	Мораль, право и политика как регуляторы международных отношений	239
§ 2.	Международное право как социальный институт	244
§ 3.	Нормы и принципы международного права	247
§ 4.	Международное право в современном мире	251
Глава 16.	Международные организации в современной мировой политике	259
§ 1.	Сущность и типология международных организаций.	259
§ 2.	Возникновение, структура и принципы деятельности ООН	263
§ 3.	Основные направления реформирования ООН	269

Часть III

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Глава 17.	Внешняя политика и дипломатия	276
§ 1.	Теоретические концепции внешней политики.	276
§ 2.	Теория и практика принятия внешнеполитических решений	279
§ 3.	Дипломатия и дипломатическая служба	287
Глава 18.	Внешняя политика Российской Федерации в современных условиях	294
§ 1.	Внешиполитический потенциал и национально-государственные интересы современной России	294
§ 2.	Политическая система и внешняя политика Российской Федерации	296
§ 3.	Основные направления и приоритеты внешнеполитического курса Российской Федерации.	303
Глава 19.	Российско-американские отношения	310
§ 1.	Российско-американские отношения на рубеже веков	310
§ 2.	Российско-американские отношения после 11 сентября 2001 года	312
§ 3.	Итоги и перспективы российско-американских отношений	318

Глава 20. Россия и Европейский Союз в современных международных отношениях.	326
§ 1. Отношения Россия—ЕС в 90-е годы XX века.	326
§ 2. Проблемы в отношениях Россия—ЕС в новом тысячелетии	329
§ 3. Россия — Европейский Союз: перспективы сотрудничества	340
Глава 21. Россия, НАТО и проблемы европейской безопасности	344
§ 1. Проблемы расширения НАТО на Восток	344
§ 2. Проблемы отношений Россия—НАТО в «нулевые годы»	349
§ 3. Россия—НАТО: перспективы формирования европейской системы безопасности	356
Глава 22. Посткоммунистические страны Европы: между «Единой Европой» и Россией.	361
§ 1. Посткоммунистические страны Центральной и Восточной Европы: «возвращение в Европу»	361
§ 2. Интеграция государств Западных Балкан в Европейский Союз	369
§ 3. Последствия вхождения в «Единую Европу».	372
Глава 23. Постсоветское пространство во внешней политике современной России.	379
§ 1. Проблемы и перспективы развития СНГ	379
§ 2. Отношения России с Украиной, Белоруссией и Молдовой	384
§ 3. Россия и постсоветские государства Кавказа и Центральной Азии.	392
Глава 24. Внешняя политика России и международные отношения в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе	402
§ 1. Россия и интеграционные процессы в АТР.	402
§ 2. Внешняя политика КНР и российско-китайские отношения	406
§ 3. Россия и Япония	412
§ 4. Россия и государства Корейского полуострова	418
§ 5. Отношения России со странами Юго-Восточной Азии	425
Глава 25. Внешняя политика России и развитие отношений со странами Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока.	432
§ 1. Россия и перспективы ближневосточного урегулирования	432
§ 2. Отношения России с арабскими странами	437
§ 3. Россия и Турция.	441
§ 4. Россия и Иран.	444
§ 5. Россия и страны Южной Азии	449
Глава 26. Основные направления развития отношений России со странами Латинской Америки и Африки.	454
§ 1. Россия и Африка	454
§ 2. Россия и Латинская Америка	460
Рекомендуемая литература	468